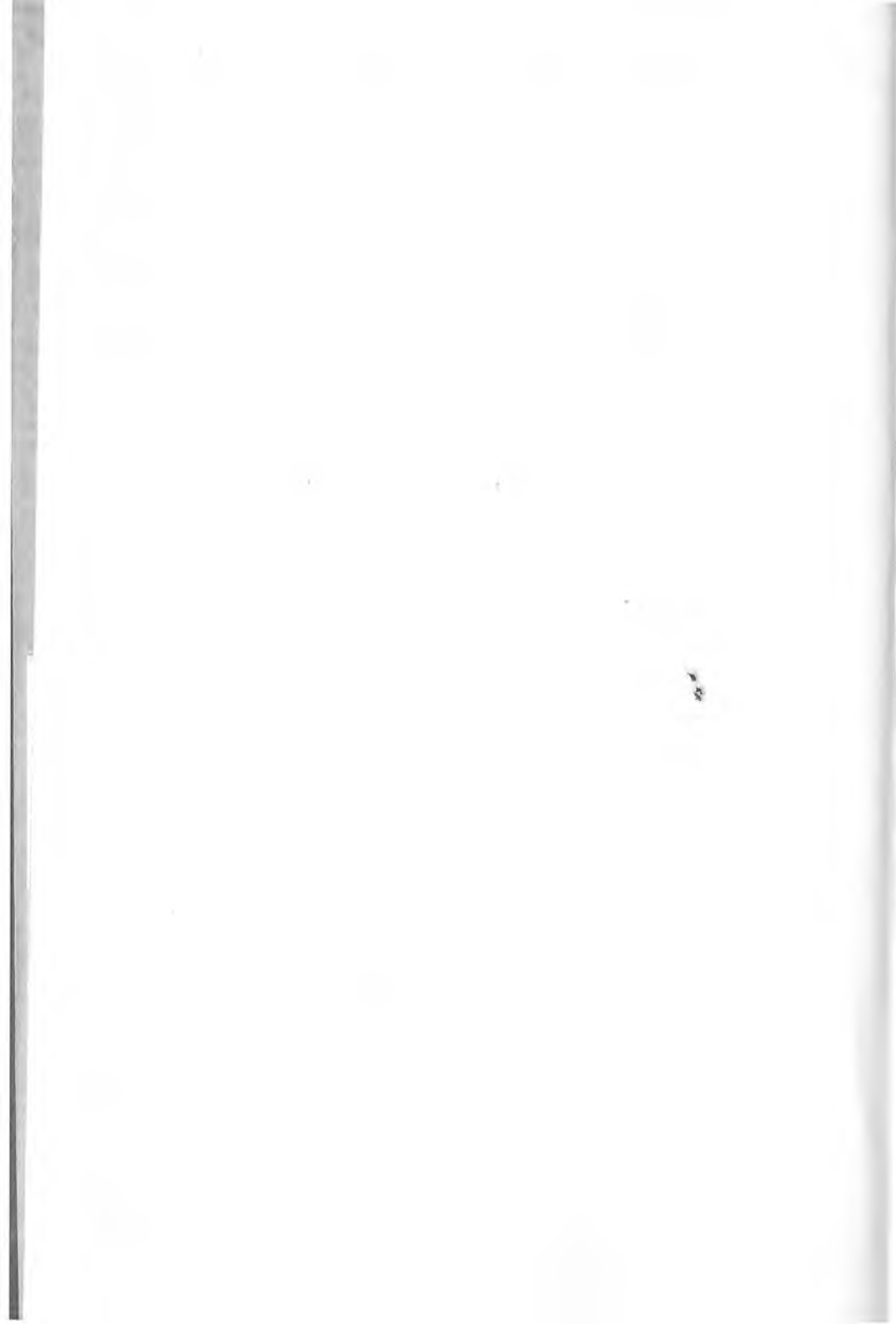

КАНТА
ИБРАГИМОВ

ДОМ ПРОБЛЕМ

РОМАН

ДБК.84.
М.15.

КАНТА ИБРАГИМОВ

ДОМ ПРОБЛЕМ

роман

МОСКВА – ГРОЗНЫЙ
МОЦ-АРТ 2009

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
И 15

Издано в авторской редакции

Ибрагимов К.Х.

И 15 Дом проблем. Роман. – М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ООО «МОЦ-АРТ», 2009. – 592 с.

ISBN 978-5-902925-10-1

www.ikanta.ru
kanta_ibr@mail.ru

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

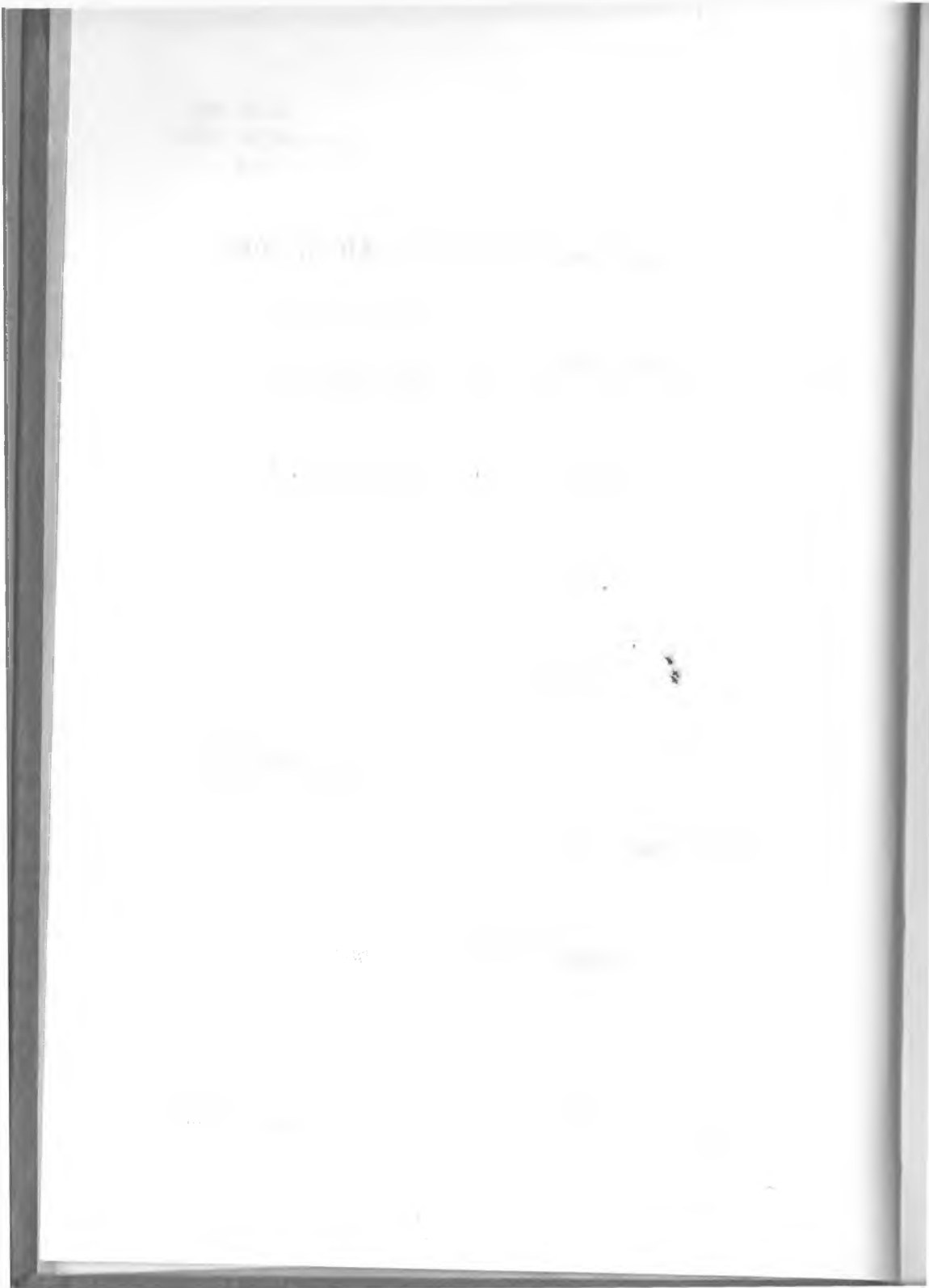
Охраняется законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-902925-10-1

© К.Х. Ибрагимов, 2009

Моей Маме

Часть I

Зима в горах Кавказа сурова, но по-своему прекрасна. И бывают такие ослепительно-яркие, тихо-морозные, сказочные дни, когда под голубым, бездонным небом, где нет и тени облачка, жгуче блестит от низкого солнца свежий колючий снег, крутом белым-бело, только вспыхивают разноцветными искрами блески, что пронизывают своей легкостью и свежестью спадкий, пьянящий воздух. И все так чисто, просто, искренне, как детский смех, все вокруг возвышенно, парит, так и хочется вылететь до самых облаков и окунуться в бесконечно сизую пелену туч, что не могут от ненастья равнин подняться к вершинам. И не надо. Там, в низинах, иной мир: многолюдно, шумно, беготня, хаос и суeta. А в высокогорном селе Макажой, хоть и праздник — свадьба, все степенно, неторопливо. Всем селом собирают невесту, дарят ей подарки, накрывают стол в доме Мастаевых, что на краю села, у самого обрыва, прямо у бурлящего родника, ледяные, пузырящиеся, вкусные воды которого с неукротимой мощью, будто под напором свободы, вырываются из могучих каменных глыб. И за века, что помнят, по преданиям, горцы, этот неистощимый поток пробил в скалах свой отшлифованный жизненный путь — невероятной красоты и силы подопад, который низвергается всегда, как наивная мысль, по прямой вниз, и, лишь дойдя до теснин ущелья, кои являются предвестником обжитых низин, он, как и помыслы равнинных людей, становится извилистым, обтекаемым, менее шумным,

менее страстным, все более мутным и покорным, как и те ручейки, что впадают в него со всех сторон, чтобы вскоре раствориться в бескрайней толще просоленной морской воды, где вкус един. Но это не питье, да иного нет: то жизнь, а может, лишь существование?..

Впрочем, мастаевский родник, хоть и самый мощный в округе, но не единственный: на обширном пологом склоне еще шесть источников, их расположение непонятно, и также вокруг каждого родника, словно оазис, зиждется жизнь — по несколько домов, беспорядочно разбросанных на горе. Это село, в котором и улиц-то нет, лишь пофамильные дома и проторенные к ним дорожки. Так было испокон веков. Об этом говорят полуразрушенные башенные строения из камня, множество пещер-гrotтов, стены и потолки которых выложены камнем, и, что удивительно, без всяких скрепляющих растворов. Эти творения простояли века, несмотря на время, землетрясения и то, что в последнее время эти памятники старины использовали как подсобные, складские помещения; еще хуже — для зимовки овец и скота. Подводя краткий итог летописи края Макажой, скажем, что здесь до сих пор сохранилось языческое кладбище, где есть каменные надгробья в виде волчьей головы, взлетающего орла, разные тотемы, символы, свастика, а более всего — знак солнца с трезубцем. И вообще здесь много исторических достопримечательностей, не тронутых ни археологами, ни «черными» копателями. Но, наверное, самое впечатляющее — это Ков¹, то ли рукотворное, то ли природное грандиозное творение, — живописный проход сквозь огромную скалу. По преданию, когда Каспийское море было гораздо полноводней и Дербентских ворот не было, только этот проход соединял Европу и Азию и именно от этих ворот пошло название края Кавказ — ворота в Азию.

Ныне мало кто верит в эту мифологию: край заброшен, на периферии истории и прогресса, почти глухой. Но какая здесь

---

¹ Ков (чеч.) — ворота, проход.

природа – завораживающая красота! Альпийские просторы, крутые обрывы скал, журчание родников, гул водопада, причудливые гирлянды сосулек, искрящийся снег и гордые вершины прямо перед тобой.

В горах хочется думать о возвышенном, прекрасном, так и хочется быть причастным к этому взметнувшемуся к небу краю, к той древней истории, когда здесь жили и, видно, неплохо жили многие поколения людей. А теперь в Макажое чуть более двух десятков обжитых домов – всего сто жителей, и они не обольщаются прошлым, хотят жить сегодня и по возможности завтра, посему и свадьба.

Здесь друг о друге знают все, поэтому все незатейливо, по-свойски, в традициях гор. Здесь еще господствует древний кавказский закон – адат, здесь же – шариат. Есть и элементы советской действительности. Все это отражается в ритуалах...

В полдень к одному из домов Макажоя подтянулись почти все жители. Тут же расписные сани для невесты – это уже экзотика. Шутки, гвалт, детский визг. Уже потягивается пондур¹. Невеста – немолодая, но еще крепкая женщина, в гIабли². Под дружное благословение в воздух полетели сладости. Холодно. На невесту накинули тулуп из козьей шкуры, усадили в сани. Раздались единичные выстрелы двустволок, процессия двинулась в сторону надела Мастаевых.

Из-за обильного снега на перевалах гостей особо не ожидали, но самые смелые и бесстрашные все же добрались.

В горах праздники – редкость, но когда бывают – гуляют от души. Пондур надывается, барабаны не знают покоя, им в такт звучит лезгинка. Зимний день высокогорья совсем короткий: солнце быстро скрылось. До Макажоя электрификация не дошла. Нарушая гармонию, затарахтел бензиновый генератор. Кто-то притащил магнитофон, включили современную музыку, которая здесь совсем не к месту – не вписывается в естество

¹ Пондур (чеч.) – гармонь.

² ГIабли (чеч.) – разукрашенный женский костюм для торжеств.

натуры. И вновь лезгинка, илли¹, смех, крики... Да все это недолго. Сумерек в горах почти нет, а с темнотой повеяло с вечных ледников привычным морозно-колючим фенем. Ветер стал крепчать. Горцы знают, что шутить в горах нельзя, – засобирались по домам.

Вскоре треск генератора умолк, жалкие керосинки в окнах погасли. Собаки попрятались по конурам, даже гул водопада совсем не слышен. Лишь звезды, словно балуясь, игриво блещут, над горой – ярко выдраенная луна, и ветер все набирает свист, все веселей, с напором, без пощады.

Жители Макажоя приспособились к суровым условиям, их дома небольшие, приземистые, толстостенные – камень и саман. Если днем идет снег (а в горах он всегда обилен), то так, что наметает до маленьких оконцев. Его никто не разгребают, знают, что ночью обязательно засвистит развеселый ветерок, и он, словно никогда снега не было, сметает все с альпийских лугов, и вновь в окрестностях Макажоя не припорошенные горы, разнотравье подсохло, придавлено ветром и осадками. Вот почему здесь так развито животноводство – подножный корм круглый год. Однако в зимнюю ночь все в горах должно где-то надежно укрыться: ветер с вечных ледников напорист, игрив и любопытен, проникает в каждую щель. Вот и сейчас он задорно посвистывает вокруг дома Мастаевых: как-никак невеста в доме, хочется посмотреть. А что там смотреть? Дом Мастаевых – типичный для гор, неказистый, недавно построен на жалкую пенсию старика-жениха. В нем небольшие сени, они же кухня, где главное достояние – печь, она обогревает две комнаты. Вот так и обосновались в доме жильцы: старик – в одной комнате, в другой – внук Ваха, а невеста – в сенях, все возится с посудой после свадьбы да вокруг печи. Вот так и прошла в горах эта долгая зимняя ночь. А на заре внук засобирался в город, там – одинокая мать.

---

¹ Илли (чеч.) – героический эпос.

* * *

Через перевалы путь до Грозного неблизкий, а зимой и вовсе непростой. Учитывая исключительность, дед Нажа даже предпочел свой выдавший виды вездеход. Эта колымага с изношенной резиной могла, наоборот, стать обузой в пути, а в столице – посмешищем, предметом пристального внимания милиционеров.

Все это деду не объяснить, а машина уже нагружена гостинцами. Неожиданно весть – ниже села накануне ночью сошла лавина – машина не проедет. До озера Кезеной-ам, где находится турбаза, а значит, есть транспорт, – более двенадцати километров пешком. Благо, что больше под гору, а то избранные гостинцы – мед в сотах – нелегко нести.

Вахе повезло. На турбазе после полудня отъезд гостей. Водитель автобуса односельчанин. Примостился Мастаев на заднем сиденье, под ним двигатель; хоть и трясет, зато тепло. На затяжном перевале жалобно завыл мотор. Под этот звук усталый Ваха незаметно задремал, кутается в свою прохудившуюся курточку, хочет забыться во сне, прикрывает глаза. А думы ничем не прикрыть, они тревожат, бередают душу, зовут куда-то. А куда?

Как потомок депортированных чеченцев, Ваха Мастаев родился в 1965 году на станции Текели Алма-Атинской области Казахстана. К тому времени уже давно вышел Указ¹. Тем не менее не все депортированные чеченцы получили право вернуться на историческую родину. Старший Мастаев, Нажа, и его сын Гана еще в конце 1956 года были вызваны в милицию, где они должны были дать расписку «о снятии с учета спецпоселения без права возвращения на родину и предъявления претензий на компенсацию потерянного имущества».

Поначалу думалось, что эта расписка была взята с Нажи ввиду того, что он был осужден. Потом выяснилось, что почти

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР (от 09.01.1957 г.) «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области».

со всех жителей горной Чечено-Ингушетии были взяты такие расписки с целью исключения возможности проживания возвращенцев в горах: видимо, горы свободолюбие навевают.

Все тринадцать лет ссылки люди задавали друг другу только один вопрос: «Ну что, не слышно, когда нас домой возвратят?» И каков же был удар узнать, что и после Указа нет дороги домой.

Спецпереселенцы не знали, что Указ был составлен под нажимом ООН и всего международного сообщества, ведь помимо чеченцев и ингушей были депортированы миллионы людей, в том числе и русские. А наивные чеченцы в своих бедах винили только Сталина. И когда вождь народов скончался и все, быть может, искренне скорбели, – чеченцы ликовали. Они думали, что добрый Хрущев их освободил, даже хотели одну из площадей в Грозном назвать его именем, – не прижилось... Самим же Мастаевым казалось, что произошла ошибка и их задержали по недоразумению. Вот если бы сам товарищ Хрущев узнал об этом. И стали они писать письма лично Первому секретарю ЦК КПСС¹. Ну, понятное дело, что такие письма быстро не доходят. Неожиданно осенью, в 1964 году, произошел тайный дворцовый переворот – Хрущева со всех постов сместили. Опять появилась надежда, что новый лидер страны и КПСС товарищ Брежнев будет человечнее и добрее. В его адрес стали писать Мастаевы письма. Годы шли, а ответа не было. И тогда, уже в 1967 году, отец Вахи додумался закинуть письмо-жалобу в консульство США в Алма-Ате. Видимо, это письмо дошло до многих инстанций, говорили, что его, и не раз, зачитали на радио «Свобода». И тогда в маленький барак поселка Текели, где на металлургическом комбинате работали Нажа и Гана Мастаевы, явились люди в штатском. Был обыск с угрозами и грубой бранью. В то время Вахе Мастаеву шел третий год. От страха маленький Ваха закричал и бросился к отцу,

---

¹ ЦК КПСС – Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза.

ница защиты. Не помня себя, Гана кинулся с кулаками на обидчиков, но его тут же скрутили, избили на глазах жены и ребенка и уволокли. Эта страшная ночь оставила тяжелый след: почти до пяти лет мальчик совсем не говорил, а потом еще долгое время заикался. И причина тому была – потерял отца. Года через полтора после ареста пришло уведомление: «гр. Мастаев Г.Н., чеченец, скончался во время следствия».

Овдовевшая мать Вахи – Баппа – уже не могла жить под одной крышей со свекром. К тому же ей самой давно было выдано разрешение вернуться на Кавказ. Да просто так не уедешь: у нее сын, а у деда внук. И это не то чтобы камень преткновения, но это то, что у обоих только и есть. По советским законам – Ваха должен быть с матерью. По чеченским адатам – только с родственниками по отцовской линии, то есть с Нажей. И Баппа этому не перечит, а только плачет тайком по ночам. А каково Мастаеву-старшему, который в ссылке потерял жену и троих детей, остаться одному? В общем, мучился Нажа, да, по его мнению, решил справедливо: до школьных лет внук – с ним, а в школу сын будет ходить в Грозном, куда возвращается Баппа; на летние каникулы Ваха будет приезжать к деду в Казахстан.

У взрослых это – страх одиночества, а страдает мальчишка. Пока дед Нажа целыми днями трудился, Ваха предоставлен самому себе: сызмальства курит, растет как беспризорник – уличный пацан. И когда к школьному возрасту за ним приехала мать, сына она не узнала: грязный, худой, пропахший махоркой. Мальчишка стал диковатым, но не злобным: у Вахи бунтарско-бродяжная закваска поселковой шпаны, которая никогда ничего не имеет и тем не менее никогда не унывает, зная, что жизнь хоть как-то на день одарит, а там – что судьба пошлет.

Так и дожил Ваха Мастаев до подросткового возраста, совершая два раза в год непростые переезды: в мае – с Северного Кавказа в Казахстан, а в конце августа – обратно. В те времена даже в самом центре страны дороги были плохие, а на периферии – ни дорог, ни транспорта, одни лишь направления.

Нажа Мастаев не мог покидать территорию Казахстана, поэтому в начале июня он проделывал путь более чем в две тысячи километров за много суток, меняя не один вид транспорта, порой гужевой, а порой и пешком, доходил до степного поселка Красный Яр, что под Астраханью, отправлял телеграмму, что прибыл. И только тогда из Грозного, тоже на перекладных, отправлялась Баппа с сыном.

Эти переезды были совсем не легкие, но Ваха не жаловался и не скулил. Когда по весне мать спрашивала сына: «Хочешь к деду?», он радостно улыбался и говорил: «Хочу!» И тогда в путь, с ночевками на безымянных переправах, с лихим ветром в кузове грузовика. Бывало, песчаная буря, зной, без воды и пищи – когда и взрослым нелегко. Но Ваха никогда не жалобился, он знал, что за поворотом новая жизнь и судьба в любом случае пошлет кусок хлеба и щедро брошенный окуроч. А если нет, то, значит, будет завтра – все надо стойко переносить, все познавать, всюду бродить... Вот так, особо не засиживаясь на одном месте, кое-как учась в школе, больше тяготее к улице, игре и новизне, рос Мастаев Ваха. И по малости лет он особо и не думал о жизни и своей судьбе. Но однажды, когда он был, как ему казалось, уже взрослым – лет пятнадцати, окончил восьмой класс, ехал с дедом на поезде и, видно, за многие сутки езды по казахстанской пустыне пришла старику в голову какая-то мысль: где-то по пути, как он помнит по переписке, живет его родственник. Более двадцати лет не виделись – соскучился. Буквально на ходу Мастаевы соскочили на какой-то остановке. То ли дед адрес перепутал, то ли родственников, как спецпереселенцев, в другие места усадили – ни одного чеченца в округе не нашли. Тут и станции-то нет – какой-то полустанок, где только один поезд в сутки и тот всего на три минуты останавливается. А билетов нет, и проводники даже двери не открывают. Так прошли сутки, вторые. А на третьи, уже в крайнем отчаянии, обессиленный от голода, потный от жары Нажа бегал вдоль вагонов, кулаками в двери бил, просил хотя бы выслушать его. Но поезд издал тоскливый гудок и уже тронулся, как вдруг одна дверь раскрылась – высокий, седо-

волосый, весьма представительный мужчина буквально приказал проводнику:

– Впустите их, живее, в мое купе... Не беспокойтесь, я за все отвечу.

Еще не веря своему счастью, грязные, уставшие, измученные дед и внук робко вошли в купе, присели в углу, с виноватой благодарностью глядя на неожиданного спасителя.

Сосед по купе сел напротив, дружелюбно посмотрел на попутчиков и спросил:

– Вы, наверное, чеченцы?.. О! Выходит, родня. А меня зовут Тамм, Отто Иосифович Тамм.

Дорога долгая. Почти все друг о друге рассказали. У Мастаевых сказ короткий: Кавказ, чеченцы, депортация. А вот Тамму есть что поведать. В его жилах намешано много кровей, но он считает себя немцем, именно как немца его и депортировали. А сам он уроженец Саратова, из семьи музыкантов, дирижер, возглавлял Ленинградскую консерваторию и был выслан в Казахстан.

Как и чеченцы, за время депортации он пережил немало: за кусок хлеба работал сутками на шахте, но не смог уберечь жизнь двух сыновей. И все же образование, тем более музыкальное, Тамму помогло. Теперь он главный дирижер Казахской госфилармонии.

Что такое «дирижер» – Мастаевы не совсем понимают, а вот о родстве поняли. Оказывается, единственная дочь Тамма Виктория вышла замуж за чеченца – некто Юрий Дибиров. И теперь – двое внуков. «Старшая внучка Мария – слух просто стопроцентный!» – восклицает Тамм. И этого Мастаевы особо понять не могут, зато Ваха, когда с вокзала попал прямо в роскошную квартиру Тамма, понял, что юная Мария действительно красавица и играет она на фортепьяно превосходно. Вот только длилось это недолго: увидев гостей, она исчезла. А Мастаевы у Тамма пообедали и, поблагодарив, распрощались – разные у них далее были пути. И наверняка они знали, что вряд ли еще увидятся. Вот только дед часто Тамма вспоминал и наставлял внука: «Ваха,

учись. Вот видишь, Тамм грамотный. Поэтому даже советская власть не смогла его растоптать, снизошла и вновь на службу призвала... Ты помнишь его квартиру? Понял?»

И квартиру Ваха помнил, и Марию помнил, и ее замечательную игру, и понял – чтобы вновь попасть, нет, не в эту квартиру, а к этой девочке, ему надо учиться. А как учиться? Его мать – малообразованная женщина. Дабы единственный сын учился в центральной городской школе, Баппа специально устроилась уборщицей на улице Ленина. Здесь же, в рабочем общежитии, им дали маленькую служебную комнатенку – туалет во дворе, и обещали когда-нибудь (если Баппа будет добросовестно трудиться) дать отдельную квартиру. Вот и выдраивает она улицу Ленина, на сына времени мало. А Ваха учится так себе. Вот поэтому, хотя он уже вроде и образумился и хочет окончить десятилетку, но нельзя: стране остро нужны рабочие руки. И Мастаева после восьмилетки чуть ли не насильно заставили учиться в ПТУ¹ по специальности «оператор башенного крана».

Ваха еще молод, многого не понимает, и ему эта новизна даже интересна, он и стипендию будет получать. А вот его мать Баппа поняла, что это несправедливо: в классе было много учеников и слабее Вахи, однако ее сын, сын чеченки-уборщицы, не может окончить среднюю школу.

Баппа, как и весь народ, не такое повидала и поэтому, проглотив обиду, трудилась бы дальше – лишь бы сын здоров и свободен был. Но вот дед Нажа, узнав о новости, вызвал невестку на переговоры. «Что? Другие будут палочкой перед оркестром махать, шикарно жить, а мой внук у себя на родине к молотку и лопате прилипнет?» – кричал свекор по телефону.

Мать поняла, что надо как-то действовать, кому-то жаловаться, но она не знала, к кому и куда идти. Всю ночь после переговоров Баппа не спала, а наутро – резкий стук в дверь: перед ней участковый милиционер, которому она каждый день докладывает обстановку, за милиционером – комендант общежития, тол-

---

¹ Профессионально-техническое училище.

стая строгая тетка, которая за право жить в общежитии заставляет ее прибирать в своей комнате. Оба злые, словно готовы Мастасву съесть, да в это время, буквально отстраняя их с пути, появляется сухощавый плешеватый мужчина в белом костюме. Он бесцеремонно заходит в комнату, так же, по-хозяйски, прикрывает за собой дверь, оставляя участкового и коменданта снаружи. Вначале он изучающе осмотрел с ног до головы взволнованных Мастаевых, затем так же пристально – все жилище:

– Ну, ничего, я и похуже жил, в коммуналке, зато вспоминаю с удовольствием, – тут он хотел было сесть, но, проведя пальцем по стулу, передумал. – Так, – он достал платок, вытер палец, вспотевшую лысину, – ну, в общем, государство вам жилье в центре города выделило... а вы, гражданка Мастаева, растлеваете советскую молодежь.

– Кого растлеваю? – ужас в голосе Баппы.

– Вот, – он указал на Ваху, – наше подрастающее поколение, – он сделал шаг к юноше. – Молодой человек, рабочий, тем более пролетарий – звучит гордо.

– Да, «рабочий», – не сдержавшись, передразнила мать, так же пытаясь скартавить, – будет, как и я, сутками горбатиться – сто рублей получить!

– Но-но-но! – строго перебил незнакомец, демонстративно вознеся палец: – Рабочий – это почетно! А вы, гражданка Мастаева, сразу видно, малообразованны и не читали классиков марксизма-ленинизма. А вот что Ленин по этому поводу сказал: «Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности... без расчета на вознаграждение... а труд на общую пользу, труд как потребность здорового организма...» Э-э-э, – он задумался. – Это великая статья вождя называется «От разрушения векового уклада к творчеству нового»... Э-э, если мне не изменяет память, – а я измены не потерплю, – он постучал пальцем по лбу, – это ПСС¹, том 40, страницы 314–316, написано 8 апреля 1920 года.

---

¹ Полное собрание сочинений.

Пришедший осмотрелся, бесцеремонно взял с полки стакан, на свету окна проверил чистоту и неожиданно спросил:

– А чего-нибудь холодненького не найдется?

– За бесплатный труд холодильник не купишь.

– Но-но-но! – вознесся указующий перст: – Вам социалистическое государство дало все: свободный труд, свободно жить, – это жилье, сын бесплатно обучается, медицина – бесплатно. А вы за это давеча в разговоре с тестем позволили обозвать наши святые символы – молот и чуть было и серп!

– Так вы подслушали разговор? – удивилась Баппа.

– Но-но-но, мы ничего не подслушиваем. И как сказал Ленин, «мы несколько не извиняемся за наше поведение, но совершенно точно перечисляем факты, как они есть». ПСС, том 38, страницы 187–205, VIII съезд РКП(б) 18–23 марта 1919 года... Понятно?! Вот так, социализм – это полный контроль и учет, тоже Ленин.

Он взял графин, наполнил стакан водой, сделал глоток, сморщился:

– Вам, гражданочка Мастаева, архинеобходимо посетить мои лекции в ДК¹ завода «Красный молот». Заодно досуг... Вот вам пригласительный билет, – он достал из кармана цветной листок. – Явка добровольно-обязательна, так сказать, – после этого он подошел к Вахе, пощупал бицепсы. – Здоров, молодец. Нам нужна такая смена... Хе-хе, я лично возьму шефство над тобой, – и он уже открыл дверь, как вдруг обернулся: – Да, забыл представиться – Кныш Митрофан Аполлонович, добровольный агитатор-пропагандист.

На следующий день комендант общежития дважды напоминала Мастаевой о предстоящей лекции и сама собиралась пойти. Баппа опоздала. Зал был полон, душно, полумрак, и только трибуна, за которой стоял Кныш, и рядом бюст Ленина, ярко освещены.

– Вот что по этому поводу сказал наш пролетарский вождь. Можете даже записать... «Возьмите положение женщины... Мы

---

¹ Дом культуры.

не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т.п. — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии... Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на освободительные законы, ибо ее давит, душит, огуляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд, работою до дикости непроизводительный, мелочной, огуляющей... Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется... с массовой перестройки». ПСС, том 49, страницы 1–29, 28.06.1919 год.

В зале начались продолжительные аплодисменты. Кто-то крикнул «Ура!» Это подхватили остальные.

– В буфете водку дают!.. Потом танцы! Ура!

– Да здравствует КПСС! Ура!

– Славный труд, славный отдых!

– Пятилетку в три года!.. Свободу горянкам!

В уже сгущающихся сумерках Баппа спешно покидала Дом культуры, как на парадной лестнице словно из-под земли перед ней вырос Кныш.

– Мастаева, вы разве не останетесь на танцы?

– Мне до зари вставать.

– Ну-у, какой труд без отдыха! – Кныш приблизился, и Баппа учуяла резкий запах спиртного.

– Мне сына надо подготовить к училищу, – решительно отказалась она.

– О! Вот это архиважно, архиответственно, – постановил Кныш. – Рабочий – это свято! Рабочих надо растить! А училище – кузница пролетариата. Моему подшефному – привет. Я им займусь.

То ли на счастье, то ли на несчастье, а эта шефская работа в первый год обучения заключалась лишь в том, что Кныш в их училище прочитал три лекции, во время которых Мастаев са-

дился на последние ряды и дремал. Однако это не означало, что Ваха и к основным занятиям относился так же. Он был круглым отличником и помимо крановщика осваивал и другие рабочие профессии: водителя, электрика и сварщика.

За год учебы в ПТУ Ваха значительно повзрослел, действительно, в отличие от средней школы, многое в труде познал и хотел этим порадовать деда. Но как он поедет в Казахстан, если из-за экзаменов и производственной практики у него теперь каникулы не три месяца, а всего один, и половина уйдет на дорогу. А почему одинокий дед, который ныне на пенсии, не может приехать к нему на Кавказ? Ведь не зря он краем уха слушал лекции Кныша. Поэтому он взял да и написал письмо, и не куда-нибудь, а лично Генеральному секретарю ЦК КПСС: «...Вся власть в нашей стране принадлежит рабочим. Мой дед, Мастаев Нажа, – бывший рабочий, ныне пенсионер. Я горд, что тоже буду рабочим, и поэтому на «отлично» учусь в ПТУ. Почему мой дед не может приехать ко мне, чтобы поделиться пролетарским опытом?»

– Сынок, ты что, с ума сошел? – плакала Баппа, даже не зная содержания письма. – Твой отец из-за такой же бумажки пропал.

– Нана, не волнуйся, я пишу правду. К тому же я рабочий, которому, как говорит мой агитатор, нечего терять кроме своих цепей... Я верю в справедливость, тем более в нашей стране.

– Какой ты наивный! Как ты будешь жить? – пуще прежнего тревожится мать.

А письмо ушло, и Ваха о нем забыл. Во время каникул он стал подрабатывать на стройке, а по вечерам – любимый футбол – что еще надо молодому парню? Зато мать со страхом ждала, днем и ночью ждала, и когда в дверь постучали, она чуть было с табуретки не упала – в дверях участковый, за его спиной комендант, да совсем не злая, а, наоборот, приветливая. И тут же появился агитатор-пропагандист. Вошел. Аккуратно прикрыл дверь, с осторожностью достал из папки лист – это почерк Вахи, а на нем столько же резолюций, написанных разноцветными чернилами, сколько и разноцветных печатей.

– Я думал, Мастаев, ты на моих лекциях дрыхнешь, а ты молодцом. Есть в тебе пролетарская смелость и прямота... Правильно, – ведь хорошо составленная бумага – сила, плохо написанная – зло. Твой отец этого не усвоил.

– Вы и это знаете?! – простонала Баппа.

– Социализм – это единство воли! Ленин сказал, – Кныш поднял указательный палец. – А есть ли у нас воля? – он с удовольствием осмотрел себя. – Безволия мы не потерпим. И запомни, Мастаев, – руководить массами может только класс, без колебания идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны – нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата, – и тут же он другим тоном добавил: – ПСС, том 36, страница 208. «Очередные задачи Советской власти»... Ты читал этот шедевр, Мастаев? Очень рекомендую, очень... Я верю в тебя. До свидания.

Через день Мастаевы из Казахстана получили радостную телеграмму, а месяц спустя после двадцати семи лет ссылки Нажа Мастаев вернулся на родной Кавказ. Казалось, справедливость наконец-то восторжествовала, да у старика жилья на равнине нет, а в родное горное село Макажой ему ехать запрещено. И тут юный Ваха почему-то сообразил, что больше писем писать не следует – надо обратиться за помощью к агитатору-пропагандисту Кнышу. Оказалось, что ни участковый, ни комендант, ни даже директор училища не знали, где агитатор работает или живет. У Вахи, как говорится, даже пролетарские руки чуть не опустились, как Кныш вдруг появился сам, и словно он уже знал суть проблемы:

– Да, нам надо развивать высокогорье, нам нужны в горах проверенные рабочие кадры. Как сказал Ленин, «страх создал богов... Мы должны бороться с религией». ПСС, том 17, страница 417.

– Слушайте, он с ума сошел, – на чеченском высказался дед Нажа.

– Но-но-но, полегче. Как сказал вождь, «я принадлежу к миру понятий, а не восприятий», ПСС, том 18, страницы 7–384¹, – Кныш

¹ В.И. Ленин «Марксизм и эмпириокритицизм».

сделал шаг вперед, как-то по-блатному жестикулируя: – Еще что ляпнешь, дед, обратно в Экибастуз на шахты отправлю... Понят? Ну а так, – он вновь выправил осанку и голос, – учитывая просьбу юного пролетария, – он по-свойски ударил Ваху по плечу, – буду ходатайствовать перед исполкомом.

С того дня прошла пара месяцев. Была уже зима, но дни еще стояли погожие, и Ваха в редкий выходной с утра прибежал на стадион в футбол поиграть, а тут неожиданно Кныш, в спортивной форме и с папиросой во рту.

– О, Мастаев, молодец. В здоровом теле – здоровый дух. Нам нужны закаленные бойцы, – он потрепал по плечу Ваху. – Знаешь, я по какому вопросу? «Наши Советы, – когда агитатор начинал цитировать классика, у него голос становился официальный и сухой, – отняли все хорошие здания и в городах, и в деревнях у богачей, передав эти здания рабочим и крестьянам под их союзы и собрания. Вот наша свобода...» ПСС, том 37, страница 63. ...Так вот, у твоего деда ведь нет жилья? А как ты думаешь, может, мы ему ссудой на строительство дома подсобим?

– Э-э-э, – в минуты сильного волнения Ваха от заикания не мог говорить.

– Ну, все понял, – вместо юноши решил Кныш. – Ссуда будет... «Ведь не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры». Гм, – он кашлянул, явно что-то вспоминал. – А-а! ПСС, том 38, страница 365. «Привет венгерским рабочим» и тебе, Мастаев, привет, – махнув рукой, он уже почти удалился, как вдруг неожиданно остановился, крикнул издалека: – А то, что мало говоришь, – большой плюс. Революция не терпит болтунов!

Он на ходу произносил свое «п-с-с». Дальше Ваха уже ничего не слышал... Зато через неделю он увидел в газете статью про Нажу Мастаева, потом по телевизору деда показали, а сам Мастаев-старший не мог нарадоваться. То он всемерно поносил советскую власть, а теперь стал чуть ли не ее глашатаем, ведь ему дали большую ссуду – деньги, о которых Мастаевы и мечтать не могли.

Так, в родовом горном селении Макажой Мастаевы восстали свой дом, приобрели кое-что по хозяйству, обзавелись скотом и пасекой, словом, Нажа очень доволен, даже помолодел в родном краю. А вот Ваха беспокоится: ссуда выделена на имя деда, а гарантом погашения без срока давности записали Мастаева Ваху, которому еще не исполнилось восемнадцать.

Месяца два Ваха только об этом и думал, ожидая, что вот-вот явится участковый и потребует денег, которых у него никогда не было. Время шло, но никто Мастаева не беспокоил. И он постепенно позабыл о ссуде — много иных проблем: совсем нет времени на футбол, в будние дни — учеба, практика, и он живет в городе с матерью, а на выходные или в праздники он едет в горы деда проводить, по хозяйству помочь.

Вот так, в трудах и заботах, Ваха достиг своего совершеннолетия, окончил училище и сразу же получил повестку в военкомат. Он не то чтобы очень хотел пойти в армию, но и отлынивать от службы не собирался, а его забраковали: плоскостопие, дефект речи и, неожиданно для родных, на легких — рубец, видимо, в детстве дед недоглядел, а Ваха по подворотням и на погах перенес серьезное воспаление легких.

В СССР все по плану. И раз выпускника ПТУ в армию не взяли, то стране рабочих рабочие нужны. Как отличник, Ваха при распределении имел право выбора, и он выбрал работу по своей специальности — стал крановщиком — здесь большая нехватка кадров, зарплата повыше, и, как истинный горец, он на высоте, а главное — их комбинат строит жилой дом, и в нем обещают отдельную квартиру, — так почему же не работать!

Неопытному новичку дали поначалу старый кран, который постоянно ломался. Неизвестно, как другие себя бы повели, а Ваха до всего сам докапывался, до всего сам доходил. И хотя кран часто выходил из строя, Ваха план все равно перевыполнял. И ему за первый год работы дали премию, почетную грамоту, даже ставили другим в пример. И вот когда более опытный коллега-крановщик, работавший на импортном кране, в очередной раз после пьянки допустил ЧП, Мастаева тут же

перевели на заморскую технику. Такого он даже не представлял: «Вот это техника!» Все продумано, все для человека, даже лифт и кондиционер есть. На таком кране он не то что план, а три плана за смену мог бы спокойно делать, да смежники не поспевают: у них и техника допотопная, да и энтузиазма особого нет. И Мастаев не политик, политику не любит и не понимает, однако в училище политэкономия, философию и историю КПСС проходил и поэтому вывод сделать сумел – социализм, по крайней мере на данной стадии, проиграл в так называемой «холодной войне» капитализму – это налицо, все это знают, но никто не смеет об этом сказать, тем более Мастаев... Да случилось неожиданное.

Вызывает Ваху сам секретарь парткома комбината:

– Ваха Ганаевич, есть мнение, что вы достойны быть членом коммунистической партии Советского Союза... Есть одна рекомендация от члена КПСС Кныша Митрофана Аполлоновича. Вторую дам лично я.

Мастаеву казалось, что ему выпала огромная честь. Однако, когда стал собирать требуемые документы, выяснилось, что в единственную партию рвутся лишь карьеристы, а рабочие в партию вступать не хотят, притом что квота со времен революции такова – два рабочих, один колхозник, и только после этого выделяют место для чиновника.

Честно говоря, Ваху это несколько огорчило, ибо он думал, что компартия – это что-то особое, ответственное, важное. А его, буквально подталкивая в райкоме партии, совсем побудничному, как-то постно избрали кандидатом в члены КПСС, сказали, что через год, как положено по уставу, примут в члены партии. И что обидно – он-то, как и требовалось, почти наизусть вызубрил Программу и Устав КПСС, но об этом ни слова, лишь спросили – на сколько процентов он перевыполняет на работе план.

– На японском кране могу и двести, – ответил Мастаев.

– Но-но-но, при чем тут японский? – труд-то у нас советский, социалистический, стахановский, – строго одернули его.

– Э-э-э, – заволновался Ваха.

– Ну, он рабочий, что ж мы его донимаем... Следующий. А ты, Мастаев, еще лучше должен работать.

Ваха работал бы еще лучше, однако теперь на его плечи легла большая общественная нагрузка: как передовик производства, молодой рабочий и почти коммунист, он должен выступить и перед ветеранами, и перед подрастающим поколением, и в воинской части, и в доме для престарелых, не говоря уже о партийных и комсомольских собраниях и пионерских сборах.

Все эти мероприятия выматывают, отнимают много времени и сил, но он не сдается, а еще усерднее старается работать.

– А как это у вас получается? – задают Мастаеву вопрос на собраниях, а он прямо отвечает:

– Пить надо меньше, а лучше вовсе не пить.

Однажды на одном из собраний в заднем ряду примостился Кныш и после порекомендовал Мастаеву:

– Ты особо на мораль и нравственность не напирай. Как говорил классик, «питие на Руси – лучшая забава». А ты лучше про политику, про международное положение, так сказать... Вот, выполняя благородный интернациональный долг, Советский Союз ввел войска в Афганистан. Что ты по этому можешь сказать? В помощь тебе я посоветую образцово-обязательную классику, в библиотеке поработай.

В «образцово-обязательную классику» вошли: К. Маркс («Капитал»), Ф. Энгельс («Анти-Дюринг»), В. Ленин («Материализм и эмпириокритицизм») и И. Сталин («О правом уклоне в ВКП(б)»).

У Вахи огромное желание учиться, очень он исполнительен, но не так, чтобы лоб расшибать. И раз цель поставлена, он конечно же все эти работы не прочитал, хоть и перелистал. И раз была поставлена цель – ввод войск в Афганистан, то он, как в инструкции по ремонту кранов, стал искать «поломку» в предметном указателе на слово «Афганистан» и нашел:

«После провала революционного движения в Англии, Пруссии, падения Венгерской Советской республики (август 1919 г.)

на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) выработали новый план мировой революции, который зачитал Л. Троцкий: «Поскольку Красная Армия на европейских весах сейчас не может иметь крупного значения и мы на деле проигрываем Антанте, нужно повернуть маршрут мировой революции на Восток, ибо именно здесь открывается перспектива революционных бурь... Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии... красноармейцы будут мыть сапоги в Индийском океане, и эта дорога будет более проходимой и короткой, чем дорога через Советскую Венгрию»¹. А через месяц В. Ленин принял решение о создании «восточной интернациональной Красной Армии» для «красной интервенции через Индию и Персию на запад».

...Ссылаясь на эти данные, Мастаев написал: «По технико-экономическим показателям в противостоянии «холодной войны» с Западом мы уступили, и поэтому наконец-то, претворяя в жизнь ленинский план контрнаступления, мы создали в Афганистане народно-демократическую партию, основой которой служил научный социализм, подготовили в Советском Союзе кадры, в том числе и военные, и помогли в Республике Афганистан совершить военно-государственный переворот (1978 г.). А когда народно-демократическая партия Афганистана стала уступать власть, чтобы поддержать ее, Советский Союз ввел Ограниченный контингент войск, выполняя свой интернациональный коммунистический долг... Освободив от гнета трудящихся Афганистана, мы с этой революционной миссией движемся дальше на юг. И тогда Запад поймет, что значит военно-трудовой почин коммунистов-интернационалистов... Диктатура пролетариата избавит человечество от ига капитала и от войн. ПСС, том 37, страница 393».

Закончив, как ему казалось, эту серьезную работу (а дело было в субботу), он отдал рукописный текст машинистке и на

---

¹ Протокол № 7 объединенного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) 2 августа 1919 г. Москва. Российский государственный архив социально-политической истории.

рейсовом автобусе поехал к деду в Макажой. Неожиданно на Харачоевском перевале милицейский пост остановил переполненный автобус, его попросили выйти, усадили в коляску трехколесного мотоцикла, и под гору. В Ведено их встречали черная «Волга» и люди в штатском, слова лишнего не говорят. Ваха гадал: его в тюрьму или на Доску почета, а его – прямо к общежитию. Не понимая, что происходит, он зашел в свою маленькую комнатенку, где сидела мать.

Мать удивилась, что он не уехал. Не успела она раскрыть рот, как раздался грубый стук в дверь. В комнату вошли участковый, комендантша и следом ворвался Кныш, с ходу бросая в лицо Вахе рукопись:

– Что это такое? Что это за хреновина с ссылкой на вождя? Когда это Ленин мог говорить о каком-то Афганистане?

– Э-э-э, – замычал Мастаев, – это в ПСС.

– Что?! А ну, пошли, я посмотрю, что ты читаешь.

В пятиэтажном общежитии санузел мог быть на двух этажах – женский и мужской, летом туалет и вовсе на улице. А вот «Красный уголок» должен быть почти на каждом этаже, и там, может, К. Маркс и Ф. Энгельс не везде, но ПСС Ленина – обязательно.

Кныш достал с полки указанный Мастаевым том. Эта книга издана лет пятнадцать назад, да, видно, с выхода из типографии ее никто не открывал, только сверху пыль, которую агитатор-пропагандист осторожно сдул, бережно томик протер.

– Где, где эти слова? Покажи!

Вахе всегда было легче делать, нежели говорить, но он пояснил:

– В-в-в п-примечаниях, – и сразу открыл нужную страницу.

Не раз, вслух, шепотом, Кныш перечитал два абзаца примечаний, печально уставился в потолок и в неподдельном волнении прошептал:

– Прости, прошу, прости.

– Да я прощаю.

— Молчи, болван, я к вождю... Прости, Владимир Ильич, все прочитал, почти все выучил, а вот примечания... Прости.

Кныш бережно поставил книгу на место. Не обращая на Ваху внимания, он торопливо удалился в коридор — нецензурная брань в адрес комендантши, и под конец:

— Пыль на Ленине! Но не в твоей... — и вновь непристойности.

А Мастаев был уверен в своей правоте, и он доказал это. Поэтому, в отличие от матери, он абсолютно не беспокоился. Благодаря представившейся возможности он все выходные гонял футбол, словно судьба дала ему возможность напоследок насладиться свободой и игрой. А наутро, в понедельник, у его дверей — участковый с повесткой в военкомат. На сей раз медкомиссия признала Ваху «годным к строевой», и в тот же вечер его посадили на поезд. А еще через месяц в общежитие матери пришло письмо из Афганистана. В том, что план Ленина-Троцкого был гениальным, — нет сомнения... Однако то ли теоретическая база Мастаева оказалась слабой, то ли Суворова не хватало, то ли Гиндукуш круче Альп, то ли контингент действительно был ограниченным, в общем, воины-интернационалисты не смогли выполнить поставленную партией задачу, и как итог через десять безуспешных лет, в 1989 году, войска были выведены из Афганистана.

В это время Мастаева в Афганистане уже не было. Он прослужил более года, когда их колонна на одном из горных участков попала под обстрел. Сам Мастаев никому об этом не рассказывал, да в центральном органе бюро обкома Чечено-Ингушской АССР, газете «Грозненский рабочий» появилась большая статья о подвиге земляка, командира отделения, старшего сержанта Мастаева, за что он был представлен к медали, а его мать и дед давали отдельное интервью — как славно они воспитывали потомство.

Правда, родственники при этом не знали, что их Ваха не тяжело, да был ранен, и, пытаясь по снежным тропам вывести своих товарищей из окружения, он опять застудил свои слабые легкие и теперь лечится в госпитале Ашхабада.

Когда Ваха демобилизовался, ему дали специальное предписание, по предъявлении которого ему в Грозном полагалась отдельная квартира. Мастаев в это счастье верил и не верил. И когда предъявил документ военному комиссару, то тот согласно кивнул головой и попросил прийти ровно через неделю и постучать с окно № 6. Мастаев точно так и сделал. И как же он был поражен, когда раскрылось окно – Кныш с папиросой во рту:

– Мастаев, ты с заданием не справился, – он показал рукопись. – А что касемо квартиры – государство ее тебе давно выделило, – Кныш показал чек на ссуду деда, – и ты по уши в долгах... Еще вопросы есть?

Ваха отпрянул.

– Понял? Вопросы есть? – окно захлопнулось, и оттуда же в приказном тоне: – Иди на свою стройку, родине рабочие руки нужны.

* * *

Мать Вахи Баппа – тихая, невзрачная, изможденная женщина. Она родилась в 1938 году в Грозном, в интеллигентной и почитаемой семье Кунтаевых. Ее дед был участником русско-турецкой войны, дослужился до офицера и после войны так развернул свое дело, что имел доходные дома в Грозном, во Владикавказе и на многих железнодорожных станциях. Этот Кунтаев наряду с Чермоевым являлся главным финансистом чеченского конного полка, мобилизованного на поля Первой мировой войны.

Отец Баппы учился в Петровской академии в Москве, когда началась Октябрьская революция. В отличие от своего земляка Чермоева, Кунтаевы не бежали из России. И понятно, что они потеряли все свое состояние. Однако они не сломились, как-то попытались вписаться в изменившуюся реальность. Кунтаев-старший, несмотря на возраст, работал в кооперации, а заодно увлекся национальным фольклором и занимался переводами, а отец Баппы работал в национальной газете, писал стихи и даже пьесу.

Баппа этого не могла помнить – ей было всего два месяца, когда ночью в их дом вломились вооруженные люди и арестовали деда и отца, а в последующую ночь увели и старшего пятнадцатилетнего брата Ваху. Всем троим было предъявлено обвинение, что они являются «членами раскрытой в Чечено-Ингушетии троцкистской буржуазно-националистической вредительской контрреволюционной группировки, проводили контрреволюционную работу», то есть статья 58, что означало измена Родине.

В ходе месячного следствия все Кунтаевы категорически отрицали предъявленные обвинения, заявляли, что являются жертвами наговора. Следственное дело по обвинению Кунтаевых было завершено и отправлено на рассмотрение «тройки», которая в тот же день принесла постановление о расстреле старших обвиняемых. Приговор «тройки» был приведен в исполнение 5 марта 1938 года в 5 часов утра. А брат Баппы – юноша Ваха – получил двадцать пять лет лагерей¹.

Через год после смерти Сталина Ваха был досрочно освобожден, а затем реабилитирован. К тому времени Баппа потеряла всех своих близких, в том числе и мать, и жила у дальних родственников на станции Текели. Здесь ее и нашел брат Ваха после полугода поисков.

Ваха Кунтаев оказался способным человеком. За несколько лет жизни на свободе он каким-то образом обзавелся приличным жильем, помог сестре получить начальное школьное образование, главное – дал братское тепло. Но это длилось недолго: привезенный из лагерей туберкулез добил как раз в то время, когда он только что выдал сестру замуж за Мастаева.

...У чеченцев имя ребенку дает старший по отцовской линии. Однако когда дед Нажа Мастаев узнал, что сноха хочет назвать единственного внука в честь брата, – никто возражать не стал, все хотели, чтобы Ваха² Мастаев жил долго.

---

¹ Материалы архивного дела КГБ (Комитет государственной безопасности) при Совете министров ЧИАССР № 4496.

² Ваха (чеч.) – живи, здравствуй.

Баппа честолюбива и по делу, и без дела может сказать, что она Мастаева-Кунтаева. Но не могла даже представить, что улицы, где некогда и до сих пор стоят красивые здания ее деда, она будет подметать. Но судьба коварна и беспощадна.

Она могла жить с сыном на окраине города и найти более достойную работу. Однако она сравнила школу в захолустье и в самом центре Грозного и поняла, что знания ее сын может получить только в городской школе. А в лучшую школу берут, если есть прописка в центре. Вот и вынуждена была Баппа стать уборщицей улицы имени Ленина, чтобы там же в общежитии ей дали комнату и прописали.

Ваха был единственным чеченцем в классе. Он и казахский знал, и родной, а вот русский освоил только к четвертому классу. Наверное, поэтому, а скорее от недогляда старших, он неважно учился. Только, повзрослев, он понял, как нужны в жизни знания. И мать горда была тем, что дала учиться сыну в самой лучшей школе. Вот только одна беда – своего жилья в городе нет. Одна надежда: Ваха скоро на стройке получит. Но его неожиданно призвали в армию, в Афганистан. Как Баппа тревожилась все эти месяцы! Ни одну ночь спокойно не спала, все за сына молилась. Видимо, Бог услышал ее молитвы – вернулся сын достойно: с медалью на раненой груди и документом на квартиру.

Целую неделю мать и сын гадали, в каком районе им квартиру дадут, и надеялись, что за боевые заслуги – в самом престижном.

Однако вместо ожидаемой радости – эта новость – жестокий удар для Баппы. Она горько плакала, а сын не унывает, об особых благах пока не печалится. Он поставил меж тесно стоящих кроватей табурет, а другой мебели и нет, поманил мать и скрупулезно стал считать на листке – через сколько лет они смогут сами купить жилье, если будут еще более на всем экономить. Получилось – лет через двадцать... А может, и через год на стройке бесплатно.

– Вот видишь, мать, стимул для работы и жизни есть! – кажется, он и вправду доволен, по крайней мере вновь с энтузиазмом стал работать на своем подъемном кране, по вечерам – футбол, на выходные – в Макажой, к деду.

И он ни о чем не горюет, по крайней мере, как он считает, правильно живет. Да однажды пришел с работы, а мать сидит неподвижно, бледная, испуганная – их переселяют.

– Куда?

– Вот адрес, ключ, какой-то чуланчик в «Образцовом доме».

– Я знаю «Образцовый дом», – после долгой паузы произнес пораженный сын.

– Все знают «Образцовый дом», – тем же тоном ответила мать.

* * *

В любом случае упрощение – это некий примитив. Вместе с тем, а как без упрощения, идеализации события можно выявить ту или иную закономерность, будь то в физике или обществе. И если еще в школьных задачах оговаривалось «условия идеальные», то есть, к примеру, трения и сопротивления воздуха нет, то, применив тот же метод, а иного нет, скажем, что «Образцовый дом» (разумеется, с солидной натяжкой) по истории, тем паче по масштабам строительства, а главное, по составу жильцов – это некий структурный слепок элиты, точнее номенклатуры советского общества.

Так, проспект Победы города Грозный назвали в честь Победы в Великой Отечественной войне. Прежде это была улица Граничная, что было тоже верно, ибо эта улица была проложена на форштадте¹ крепости Грозная. И между прочим, один из фрагментов крепости Грозная – часть ее стены, либо случайно, либо как символ покорения Кавказа сохранился до сих пор, и

---

¹ Форштадт (нем.) – предместье города, территория за крепостными валами, где селились семейные солдаты и другие жители.

мало кто об этом знает, а если бы даже знал, то не придавал бы значения. Вот такое отношение к собственной, даже недавней истории. И это не нигилизм¹, и тем более не конформизм². Просто в чехарде происходящих событий не до жиру – быть бы живу.

А если вкратце пройти по истории, то крепость Грозная была заложена в 1818 году генералом Ермоловым³ во время покорения Кавказа. Статус города Грозный получил в 1870 году. В 1893 году начался нефтяной бум, который, в принципе, ни городу, ни республике по сей день не только благоденствия, но и ничего путного не дал. Видимо, такова политика.

До Октябрьской революции, или переворота 1917 года, город Грозный был запретным для чеченцев. Как пролетарский и промышленный центр Грозный стал одним из оплотов революционного движения на Кавказе и в Гражданскую войну был значительно разрушен, но выстоял в столдневных боях с белогвардейцами и белоказаками.

23 февраля 1944 года из Грозного, впрочем, как и из всей республики, были насильственно депортированы все чеченцы и ингуши. Уже в послевоенные годы образована так называемая Грозненская область, цель которой – объединить обширные нефтеносные территории – от Нефтекумска и Каспийского моря до Малгобека и Моздока. Именно в это время начинается строительство нового Грозного, и именно в это время строится «Образцовый дом».

Может, это случайность, а скорее нет, да «Образцовый дом» стали строить рядом с фрагментом старой крепостной стены форпоста Грозная. Строили дом пленные немцы, руководил ими

---

¹ Нигилизм (*лат.*) – огульное отрицание всего, неприятие общепринятых норм.

² Конформизм (*лат.*) – приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка.

³ Ермолов А.П. (1777–1861) – главнокомандующий русскими войсками в Грузии и на Кавказской линии, автор «Записок».

молодой немецкий офицер, наверное, по специальности строитель. Перед этим офицером была поставлена задача построить не только элитный, добротный дом, но и за это время основательно изучить русский язык. При исполнении данных условий пленному были обещаны освобождение и почетная служба в ГДР¹. А дабы облегчить задание, да и саму жизнь, к офицеру для obsługi была приставлена молодая девушка. У нее конечно же было имя, однако его никто не помнил, ибо в дальнейшем ее звали просто тетя Мотя. Под этим именем она и осталась в истории двора и «Образцового дома».

Понятно, что между Мотей и немцем возник роман. И если Мотя с содроганием ожидала окончания строительства, то пленный, видимо, только об этом и мечтал, и когда срывался график поставки стройматериалов, да к тому же он не мог одолеть трудный русский язык, то офицер частенько сокрушался: «О дом проблем, русский – проблем». На что Мотя отвечала: «Русский – не проблема, а вот дом – точно проблема, закончишь – выпорхнешь».

Так оно и случилось: пленный, сдав дом, уехал, пообещав за Мотей вернуться. Дабы Мотя не очень сокрушалась, ее определили в помещение obsługi, или, как его назвали, в чуланчик дома, и Мотя стала уборщицей, надсмотрщицей, да и всем остальным при доме, который гордо назвали «Образцовый дом». При этом никаких церемоний, а тихо повесили над центральным подъездом металлическую табличку – «Образцовый дом». И наверняка смотрели вдаль, ибо хоть и положено было везде помещать атрибутику СССР – герб или серп и молот – здесь ничего, только цвет красный, чтобы всем видать.

Казалось бы, раз речь идет об «Образцовом доме», то стоило бы акцентировать внимание на элите, что проживает в нем. Однако в том-то и дело, что эта элита незаметна: так, уходит – приходит, часто меняется, а тетя Мотя всегда и везде. Именно тетя Мотя объявляет, когда хочет, субботники и воскресники. И

---

¹ Германская Демократическая Республика, существовала с 1949 по 1990 год.

попробуй кто не выйди – будет шум, жалоба в обком и далее. И только поэтому при «Образцовом доме» образцовый двор, точнее – чуть ли не райский, тенистый сад, в котором абрикосовые, черешневые и яблоневые деревья, виноград, цветочная клумба у дома и изящные скамейки – просто произведения искусства, на которых по вечерам любит сидеть тетя Мотя. И все жильцы с ней очень вежливо, даже с поклоном заискивающе здороваются. А как же иначе, ведь живем в СССР, в самой свободной прогрессивной социалистической стране, которая вот-вот окончательно и бесповоротно построит коммунизм, где будут все равны. А это гарантировано Конституцией страны, где прописана полная демократия посредством выборов. А выборы всех уровней в СССР почти каждый год. И никто не удивлен – раз и кухарка может возглавить государство, то почему бы тетю Мотю не поставить ответственной за выборы в «Образцовом доме», дабы знать не зазнавалась.

Вот так, с чувством собственного достоинства и ответственностью за судьбу страны, ходит тетя Мотя по всем квартирам, повестки на выборы раздает, а потом не раз напоминает:

– Вы не забыли о выборах? Не ошибитесь! И с утра, с утра, покажем организованность и порядок!.. А после, после, как положено, по-советски погуляем.

Гуляла она действительно с размахом, допоздна, и всем говорила одно и то же, что Грозный для иностранцев закрыт, и ее любимый немец приехать не может, да и она на посту, уснуть не может, «Образцовый дом» без нее зачахнет. Эта «несудьба» звучала и на рассвете на весь сонный двор, когда тетя Мотя, как штык, выходила на службу и под каждый взмах метлы причитала:

– Что за город? Дыра! Что за дом? Тюрьма! Какой, на хрен, «Образцовый дом»? Сукой буду, ведь это «Дом проблем» – ни жениху сюда, ни невесте туда! Жизнь, как эта пыль, ушла!

Бывало, что какой-либо новый жилец, большой начальник, раскрывал окно и командным тоном приказывал:

– Перестаньте шуметь, люди еще спят.

В Стране Советов с моралью было строго. Да, это было, а к середине восьмидесятых все советские ценности стали иллюзорными. Коммунизм, как некая новая религия, без Бога, в корне была ложной и породила только ложь, ложь по телевизору, радио, в газетах. Равенства между людьми изначально не было и не могло быть. Постепенно в СССР зародился новый зажиточный класс – партийно-хозяйственная номенклатура, вход в который или хлебная карточка – партийный билет, и он по благу или за деньги. В общем, не в полной мере, а уже есть признаки товарно-денежных отношений, а мораль одна: «кто больше?», а не какой-то там социализм...

Если бы тетя Мотя прочитала вовремя Библию, а не сектантские «Что делать?» Ленина и «Капитал» Маркса, то она, наверное, ориентировалась бы в обстановке. А так, пребывая под догмами воинствующего атеизма, куда-то смело направилась. Вернулась скоро, даже напиться успела и все орет:

– Ха-ха! Теперь им не нужны мои доносы! Значит, я доносчица?.. Ха-ха! «Образцовый дом»! И в нем живут образцовые люди! Во! Точно, «Дом проблем», а в нем – суки! – и она под табличкой «Образцовый дом» губной помадой дописала «проблем». Так все вспомнили вновь, что этот дом называется «Дом проблем».

Это был бунт. Бунт, который всех насторожил. И, несмотря на лето (а кондиционеров в то время не было), почти все окна и балконы «Образцового дома» позакрывались, а вечером даже свет боялись включить, и мало кто посмел выйти во двор, даже детей гулять не пустили. И вроде этого никто не видел, да говорят, что уже к полуночи Митрофан хотел успокоить скандалистку, попытался затащить в чуланчик. По жизни работающая, крепкая тетя Мотя не поддавалась, отпихнула Кныша так, что тот упал, ушибся и от боли, а может, еще от чего, он ударил Мотю и ушел к себе, точнее в квартиру Архиповой.

...Наутро никто двор не подметал. Была гробовая тишина. На лавочке сидел Митрофан, по-прежнему курил, и конечно же он уже знал – под самое утро тетя Мотя скончалась. Нико-

го не будили, наверное, думали – пусть хотя бы теперь жильцы «Образцового дома» отоспятся, все равно морг еще не работает.

Даже гражданской панихиды не было. Никто не всплакнул, только жильцы при виде чуланчика некоторое время вздыхали и скорее всего не по тете Моте, а по эпохе, которая вместе с тетей Мотей ушла... Надвигалась иная эпоха.

* * *

Грозный – небольшой провинциальный город. Ясно, что улица Ленина и проспект Победы (их соединяет мост через Сунжу) – в самом центре. Ясно и другое – если выселили, тем более выписали (а это уже полное обезличивание человека, за что могут и посадить), то надо быстро сделать все для того, чтобы в паспорте поставили штампик «прописан» – это все равно что быть «привязанным» к некоторому объекту, и там тебя, в случае надобности, будут искать.

Была уже ночь, когда Мастаевы перевезли свой нехитрый скарб в чуланчик «Образцового дома». По сравнению с прежним, это жилье с кухней, ванной, горячей водой, телевизором, радио – просто мечта.

Словно в гостях, примостившись на огромном кожаном диване, затаив дыхание от неведения, мать и сын, тихо поставив звук, смотрели телевизионную передачу, как ровно в полночь звонок – обнаружился еще и телефон. Мать вздрогнула, а Ваха лишь после долгих настойчивых гудков наконец-то осмелился подойти к аппарату, думая, что звонят прежним жильцам.

– Мастаев, Ваха Ганаевич? – голос знакомый, да какой-то сухой, чеканный. – Завтра в девять субботник, а в 13.00 вам надо быть в Доме политпросвещения, улица Красных Фронтовиков, 12... Моя фамилия Кньш.

– Я на работе, – робко возразил Ваха.

– Там в курсе. Дадим справку.

Частые гудки, а Вахе показалось, что говорили не только в

трубку, но и с улицы, сквозь приоткрытую дверь, так что он с неким испугом выглянул, и вновь телефон.

— Ваша территория уборки указана на схеме, — это сварливый женский голос, — инвентарь в подвале подъезда...

Еще звонок — участковый:

— Мастаевы, завтра в восемь — в паспортный стол. Прописка.

Эту ночь они почти не спали. За такое жилье Баппа готова вылизать все. А на рассвете подивилась: территория уборки — с гулькин нос, и там чисто. И непонятно, для чего собирать субботник. А до субботника — паспортный стол с вечными очередями.

Прописка, тем более временная, да еще в служебном помещении, говоря по-ленински, — дело архисложное. А тут у Мастаевых все как по маслу — их ждут. Тем не менее из-за множества заполняемых бумаг они опоздали на субботник во дворе.

Много солидных людей, даже дети. Кныш, подложив газету, стоит на скамейке. В костюме «тройка», палец за жилет, кепка в руках, и он даже пытается картавить как пролетарский вождь.

— Товарищи! Это безобразие. Я понимаю, если какая-то тетя Мотя написала здесь «Дом проблем», а посмотрите, что теперь творится. Каждую ночь какая-то контрреволюционная гадина малюет наш «Образцовый дом».

Мастаевы, как и все, повернули головы — у центрального подъезда черной краской замазано «Образцовый», а под ним приписано «проблем».

— Товарищи, — продолжал оратор, — «как «образцовые», в глазах капиталистов предприятия расхваливаются! А мы не забьемся о наших образцовых домах, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребления, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при образцовой коммунистической работе... Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовые заботливость и добросовестность, образцовые чистота каждого дома и квар-

тала – все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет нашего внимания и заботы»¹. Так сказал великий Ленин. ПСС, том 39, страницы 26–27.

– Какой СС? – молодой голос из толпы.

– Что? – стал оглядываться оратор. – Кто сказал «СС»? А-а, это новые жильцы, Якубовы?.. Все ясно. Мы еще посмотрим, как вы умудрились попасть в «Образцовый дом».

– Дом проблем! – еще один молодой голос.

– А?! – Кныш словно укололи. – Кто это сказал? А-а, Дибиров. Во-во, это тоже из той же когорты... Вот, товарищи, во что хотят превратить наш «Образцовый дом». Непонятно, как сюда влились эти граждане, Дибировы и Якубовы? Ничего, мы разберемся. А теперь все по домам, у кого есть дома инвентарь: грабли, лопаты, вилы, тяпки – все на субботник.

Мастаевы вооружились этим инвентарем, ждут, пока еще кто-нибудь появится, хотя бы руководитель. А никого нет. Но Мастаевы не уходят, может, так и стояли бы по-пролетарски, пока совесть у остальных не проснулась, да появился всем известный шалопай – Асад Якубов, он стал над Мастаевыми хохотать, и только после этого новоселы ушли. И не от выходки соседа, а просто подходило время идти в Дом политпросвещения. А тут иная проблема. Кныш сказал: «Вы» приходите». Если одному Вахе, то вроде большая честь. Решили идти вместе и долго выбирали, что надеть, словно был выбор. В итоге и здесь стали опаздывать. Сломая голову побежали, благо все рядом, даже не поняли, как очутились в каком-то огромном светлом кабинете. Кныш в другом костюме. Даже не привстал, и их от дверей не пригласил, только, медленно закурив папиросу, глянул поверх очков:

– Вы, гражданка Мастаева, неграмотны? – хозяин кабинета стал что-то записывать.

– Э-э, малограмотна, – за мать нашелся Ваха.

– А у вас, Ваха Ганаевич, дефект речи? – грубый вопрос. – Это

---

¹ В.И. Ленин. Великий почин. ПСС. Т. 39 – С. 26–27.

плохо, — бесстрастно продолжает Кныш. — Так, — вновь он поднял взгляд, — вы, гражданка Мастаева, свои функции знаете, можете быть свободны. — Баппа, словно навсегда прощается с сыном, бледная, растерянная, тихо попятилась к выходу. — А с вами, молодой человек, будет долгая беседа, — как будто они впервые видятся. — Вы, в отличие от матери, весьма грамотны... Только ваш опус про Афганистан... В принципе, все верно... верно мыслили вожди. Да что-то надломилось в нашем королевстве... Вы согласны Родине служить?

— Д-д-да, я-я работаю.

— Это похвально. Биография у вас выправляется. Дед осужден, реабилитирован, сейчас достойно живет. У вас были приходы в детскую комнату милиции, а может, и еще что есть?

— Н-нет!

— Не важно... — Кныш закурил очередную папиросу. — Важно, что получили воинскую и, что более важно, трудовую записку, пролетариат до мозга костей, положительная характеристика с работы и по месту жительства, занимаетесь спортом, не пьете... Так что вновь можно рекомендовать в партию. Могу я за вас ручаться?

— Да, — иного Ваха и сказать бы не смог.

— Тогда приступим к делу. Мы возлагаем на вас большие надежды, — он подал руку. — Теперь к тому же вы наш сосед. Надеюсь, мы не посрамим высокое звание «Образцовый дом».

Эта беседа, точнее монолог, в форме внушения продолжалась долго, и если вначале Мастаев думал, что на него наваливается всемирное благоденствие, то потом он понял иное: за все надо платить, и не мало. Так как отныне он обязан поступить в университет и учиться только на «отлично», по вечерам и выходным посещать занятия в Доме политпросвещения — он агитатор и пропагандист, и все это без отрыва от производства, где он должен стать ударником коммунистического труда. Да и это все не главное, главное — с этого дня он председатель самого ответственного показательного избирательного участка. Тут же ему вручили удостоверение, где и фотография уже наклеена. На лацкан

пиджака какой-то значок нацепили, на шею – галстук, в руки – пачку инструкций и положений, которые необходимо изучить. Словом, в «Образцовом доме» может жить только образцовый гражданин. Так что пришел бледный Ваха в свое служебное жилье, подавленный, уставший, повалился на казенный диван, забылся в тревожном сне. Проснулся под вечер, видит – мать среди баулов сидит, вновь куда-то собралась.

– Ты что это, нана? – удивился Ваха.

– Вижу, сын, непосильную ношу хотят на тебя взвалить.

– И что ты предлагаешь? Вернуться в общежитие? Там комната нас еще ждет?

– Нет, – отвела мать взгляд.

– А где будем жить? Выбора нет. Да и не хочу я опять в общежитие. Нам лучше здесь, я справлюсь.

До сих пор при разговоре с матерью Ваха почти никогда не заикался, а теперь стал. Судьба: теперь он должен хоть как-то выбиться в люди, о чем раньше и не помышлял. Как первый шаг, каждую свободную минуту, даже во время перерыва на работе он штудирует «Положение и инструкции о свободных выборах в СССР» и «Устав КПСС». Через неделю он явился в Дом политического просвещения, у него лишь одна проблема – будет заикаться и поэтому попросит отвечать в письменной форме. К его крайнему разочарованию и удивлению, о «Положениях» даже не упомянули, а весь разговор о предстоящих выборах – Мастаеву предоставляется двухнедельный отпуск, он должен обойти все квартиры и лично каждому жильцу «Образцового дома» вручить повестку.

– И еще, – делал наставления Кныш, – все замечай, все осмотри, все и всех запомни, и в конце каждой недели письменный отчет.

– Так это донос? Я стукач? – попытался возмутиться Мастаев.

– Ни в коем разе! – вознес палец Кныш. – У нас самое свободное социалистическое общество! Но враг не дремлет! Посему нам необходимо сохранять бдительность... Разве не так?!

– Так, – после некоторого замешательства залепетал Мастаев.
– Что-то нет энтузиазма в твоих речах!
– Я-я не оратор, я рабочий.
– Правильно, нам болтуны не нужны! А пролетарий не упустит власть из своих рук. Правильно я говорю? – хлопнул по плечу.

– Да, – еле выдавил молодой человек.
– Что-то не слышу, я пролетарской твердости в твоем тоне...
– А может, то есть д-да, я согласен.
– Тогда твердой рабочей рукой распишись здесь, и фамилию.

– Что это такое?
– Это верность коммунизму и рабочему классу. Ты согласен? Наши ряды вопреки всем буржуазным козням ширятся. Мы еще покажем им, где раки зимуют, и, – он вознес кулак, тут телефон, Кныш явно не хотел говорить при Мастаеве.

– Подожди минутку, – сказал он вежливо в трубку, выпроваживая посетителя. – Кстати, о нашей дружбе, службе и рабочей солидарности никому – даже матери – ни слова.

– Э-э, т-так мать-то знает.
– Я сказал – не должна знать... И еще, на время выборов – в горы ни ногой, из города выезд запрещен.

Как и в первый раз, вышел Мастаев из Дома политпросвещения весь мокрый от пота, а в ногах дрожь. Сознание, хоть и туманится, но он понимает, что не хочет идти в свое новое жилище в «Образцовом доме», но больше некуда, да и мать там. В таком подавленном состоянии он брел по освещенной солнцем стороне проспекта Революции мимо магазина «Молоко», там в очереди оказалась его мать.

– Сынок, Ваха, – голос матери вернул его к действительности, – ты домой? Иди, я скоро приду.

Ничего не оставалось, побрел домой. Обеими руками обхватив разболевшуюся голову, он сидел на диване, то бессмысленно глядя в телевизор, то бросая тоскливый взгляд в сторону

протертых футбольных тапочек, заброшенных под кровать, когда вошла мать, положила теплую руку на его плечо и с какой-то усмешкой сказала:

— Кныш только что прошмыгнул в подъезд... Хм, без галстука и без костюма — не узнать, — она отошла к столу. — Ты видишь, как здесь люди живут... А эти все врут, — она выключила телевизор. — Конечно, в общежитии было проще, а здесь лучше. У нас обратного пути нет. А у этих людей слова и дела — по разным дорожкам. Так что и ты особо не мучайся, иди, играй в свой футбол.

* * *

Скорее всего жизнь — это не прямая, не спираль или зигзаг, а просто совокупность эпизодов, которые под старость вспоминаешь. И наверное, в жизни каждого человека есть такие эпизоды или моменты, которые вновь и вновь вспоминаешь, переживаешь, думаешь — а правильно ли поступил и зачем?

Вот так, почти всю жизнь, мучился Нажа Мастаев, вспоминая один из эпизодов своей жизни, который в некой степени сказался на его судьбе и всегда сам себя корил — зачем? почему не как все остальные — не сдержался, пока не прочитал «Архивелаг ГУЛАГ»: «Но была одна нация, которая совсем не поддавалась психологии покорности, — не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это — чечены!»¹

От этих слов знаменитого писателя Мастаев не только успокоился, но даже на какое-то время несколько возгордился (однако это длилось недолго). Позже, когда началась война 1994 года, он подумал иначе: действительно не как все — шальные, оттого и попадаем вечно в переделки.

...А эпизоды? Какие эпизоды могли быть в жизни Нажи Мастаева, если он почти ровесник Октябрьской революции и, можно сказать, этой революции плод, точнее жертва. Родина

---

¹ А.И. Солженицын. Малое собрание сочинений. Т. 7. — М.: Инком, 1991. — С. 367.

Нажи – Макажой – завораживающий своей красотой высокогорный край, и это очень благодатный край. Но даже в таком благословенном краю много опасностей: шаг в сторону – пропасть, летом – шквал грозы, а зимой – буран, и все может снести. И чтобы выжить в таких суровых условиях, не одно поколение горцев потом орошало альпийские просторы, создавая поливные террасы, каменными изгородями огораживало пастбища от сенокосных лугов. Труд и только труд давали здесь возможность хорошо жить... Однако, как не раз с давних пор бывало, с равнин в очередной раз за добычей пришли варвары. И эти варвары, как и все захватчики, хорошо вооружены. И это не только и не столько хорошее оружие, которое и у горцев имеется, это страшное оружие – идеология, или новая религия, отрицающая Бога и превозносящая человека неимущего, и не то чтобы бедноту, а бездельников и голытьбу. И если в прежние времена на борьбу с агрессором прочной стеной вставал народ, то варвары-большевики действовали изощреннее.

Среди каждого народа есть смутьяны, отщепенцы, просто недовольные всем и вся. Вот таких партия большевиков подыскивала, подкармливала, вербовала и засылала как агитаторов, а вернее – шпионов-изменников, в свой же народ. И эти вмиг «обогатившиеся» оружием, конем и некой властью агитаторы обещали всем райскую жизнь, где все равны, все поровну и никакой эксплуатации, даже труда, ведь у зажиточных столько добра: перераспределив все, можно долго безбедно жить.

Этот грабительский подход очень соблазнителен: во все времена и повсюду бедных большинство. И как в таком случае противостоять большевистскому насилию, если в рядах разбойничьей власти оказались свои же земляки?

Наже Мастаеву было лет семь-восемь, но он отчетливо помнит тот ужас, когда вместе с голытьбой большевистские погромы докатились и до Макажоя. Его отец не захотел делиться нажитым не одним поколением горцев. За это был убит вместе с женой и старшим сыном. А маленького Нажу пощадили. С тех пор Нажа жил у дяди. И нельзя сказать, что жил

плохо, хотя время было очень непростое: вроде новая власть, а вроде никакой. В таком обществе не до образования, наоборот, самые нерадивые стали верховодить, но без нахрапа: еще не окрепли, еще давали горцам заниматься традиционным хозяйством. А Макажой для труженика – благодать: очарование и щедрость завораживающе обширных альпийских лугов... Так что, когда в начале тридцатых сюда вновь явились большевики, теперь уже в виде регулярной Красной Армии, они поразились богатству местных кулаков (так с подачи Ленина стали называть всех зажиточных крестьян). Силой согнав все население на митинг, зачитали так называемый «Закон о трех колосках» Сталина, гласивший, что теперь все принадлежит только государству.

Горцы взбунтовались. Это восстание потопили в крови. Начался террор – красный террор. Из тех, кто выжил, наиболее ретивых горцев, дабы впредь не стремились созидать, отправили в далекую Сибирь, где ничего не произрастает.

Дядя Нажи представлял, что в ссылке ничего хорошего не будет, и, рискуя, догадался отпихнуть племянника: не член его семьи, что соответствовало сельскому учету.

С тех пор жизнь в горах буквально переменялась. Все обобществили, создали какие-то колхозы и советы, и какое-то отродье у власти, даже муллы назначены из этой же безродной среды.

С тех пор до своего совершеннолетия, точнее, очень ранней женитьбы, Нажа жил у родственников-односельчан. Жил очень бедно, впрочем, как и все. И он не мог представить, что можно жить еще хуже, пока в их глухом селе не появились беженцы с голодающей Украины – изможденные тени, и среди них молодая девушка, по ее словам, учительница, которая, желая хоть как-то отплатить за миску похлебки, все время виновато повторяла:

- Давайте я вас научу грамоте. Вам знания в жизни помогут.
- А тебе помогли? – грустно улыбались горцы.

Трудно сказать, помогли ли знания Наже, но он считает, что очень даже помогли. И не зря он с такой тягой и даже с удо-

вольствием учился грамоте у украинской девушки, которую приютили в соседнем доме. Односельчане оценили рвение Мастаева, как-то пришли к нему старики и старухи и говорят:

— Вряд ли власти в столице знают об этих бесчинствах в горах. Мало того, что на посев зернышка не оставили, а теперь и последнее отобрали. Как мы до весны доживем? Так даже звери не поступают... Напиши письмо.

Никто подсказать не мог, а Нажа, по молодости дурак, вот так почти слово в слово и написал. Его арестовали, отвезли в грозненскую тюрьму и пытали, чей он шпион — английский или турецкий, а может, вовсе троцкист, кто завербовал?

Нажа ничего не понимал, тупо смотрел на следователей, а они ему злобно орали:

— Что ты, гадина, молчишь? Говори! Или ты думать не можешь?

Что он мог сказать? Он даже таких слов не знает, а думает лишь об одном: дома молоденькая беременная жена и еще грудная дочь, их арестом его пугают. И тут (об этом страшно вспоминать, но это было спасение) его повели в какую-то камеру — украинская девушка! Что же с ней сотворили — высохшая, как скелет, глаза словно у больной собаки, вся в ссадинах и кровоподтеках, в разодранной одежде.

Вроде Нажа русский усвоил, да что выпытывают у девушки — понять не может. А она, скрючившись, на холодном полу, лежит и все одно твердит: «Да». И лишь когда Мастаева стали выводить, она, истерзанная, прошептала:

— Нажа, прости. Не виновата я. Я не хотела.

А он ее и не винил, наоборот, благодарен. Она научила его читать, и его острый, как у всех горцев, глаз успел ухватить главное в «памятке», что лежала на краю стола следователя: «троцкист — расстрел», «иностранный шпион — расстрел», «вредительство и саботаж — 20–25 лет», «хищение соцсобственности — 10–15 лет»... Вот в этом Мастаев признался, даже настаивал и, видимо, по молодости получил пятнадцать лет лагерей.

По сравнению с родными горами Кавказа, Урал — просто холмы, но и их он редко видит, пятнадцать часов в шахте под землей, руду добывает, на ночь выводят, так что и белого света не видать. О том, что началась война с Германией, узнали сразу — еще более увеличили план, еще скуднее стал паек. И тогда помогла грамотность. Это бригадир, земляк, уже зрелый мужчина, Зарма, подсказал:

— Не сегодня-завтра подохнем здесь. А русские, видишь, письма пишут — на фронт просятся. Ты грамотный, тоже за нас чиркни, мол, за родину и Сталина на поле боя костями ляжем, а немец не пройдет.

Буквально так и произошло. В штрафбате им не дали ни нормального питания, ни даже оружия, а одно лишь задание — костями лечь, а высоту у противника голыми руками взять, там и оружие, и пропитание добыть, на то они и напросились.

Если бы кроме него и Зармы никого больше не было, то Нажа подумал бы, что это очередное насилие над чеченцами, а в строю, как и в лагере, — тысячи-тысячи русских, все преступники, искупают вину. Как такое понять? Лучше идти в бой и в схватке погибнуть.

Наверное, только с таким ощущением этот безоружный штрафбат, рыча на весь мир, ринулся в атаку... После многих лет заключения Нажа в атаке почувствовал выстраданное очарование предсмертной свободы. Он был счастлив, что не в шахте сдох и там бы его замуровали, а в чистом поле, под ярким небом. Как мужчина, воин. И что еще ему надо? Вперед! Он яростно бежал навстречу свисту пуль. И только Зарма смог обогнать его, первым бросился в окоп на дуло офицера. Словно попали в него, Нажа отчетливо услышал два хлопка, от которых земляк прямо в воздухе дрогнул, но его бросок уже никто не смог бы остановить, повалив немца, даже не борясь, Зарма, как хищник, вонзил свои изъеденные кариесом редкие зубы в глотку врага.

Нажа думал, что в лагере все повидал и пережил. Но такое?! Увиденное ввергло его в ужас. Его друг и покровитель умирал.

— Забери оружие, — окровавленными губами едва выговорил Зарма. — Среди этих тварей без него нельзя, — и тихо выдохнул: — Прочитай Ясин¹.

Последнее слово — словно шило в бок. «Неужели в аду еще хуже?» — подумал Нажа и, не желая умирать, схватил оружие, и стал убивать.

После гибели земляка он должен за двоих жить, а в бою только атака дает этот шанс. И он рванулся вперед и замер. Навстречу плотной стеной двигались колонна немецких танков и пехота. Половина штрафбата уже полегла, оставшиеся подняли руки. Нет! После большевистского ада попадать в фашистский плен Нажа никак не желал, к тому же дезертир — трус, а на Кавказе дом, где семья за спиной, и он, подгоняемый ревом контратаки врага, побежал обратно, хотя знал, что позади заградительный батальон «Смерш». Оказалось, «смершевыцы» только своих могли пристреливать, а при виде танков сами бежали первыми, но не так резво, как Мастаев, который ушел далеко в тыл и, понимая — иного нет, сам вышел на какие-то резервные войска. Вновь особый отдел, да это не каратели НКВД — это военные, более здравые, они требуют все подробно пересказать.

А зачем пересказывать, можно невольно ошибиться. Мастаеву и тут помогла грамотность — он все описал, врать не было смысла, и в конце приписал — «уже сразился за Родину, Сталина и впредь готов!»

Все же его изолировали, видимо, что-то проверяли, согласовывали. Нажа и сам чувствовал — жизнь на волоске, да Родине и Сталину нужны бойцы. Так он вновь попал на фронт — в пехоту.

Казалось бы, прошлое позади. И, конечно, не за Сталина, а за родину Мастаев не хуже остальных воюет, имеет награды. И окаменелое сердце помогает в бою. Да тело не каменное: был контужен, потом ранен и лежал в госпитале, когда заболело даже окаменелое сердце — от страшной вести, в которую и поверить

---

¹ Ясин (араб.) — заупокойная молитва.

невозможно: все чеченцы и ингуши депортированы в Казахстан и Среднюю Азию, все – преступники и предатели. Конечно, Мастаева недолечили. Как врага под конвоем отправили в Вологодскую область, на лесоповал. Здесь, с одной стороны, стало немного полегче, таких как он, земляков, – десятки тысяч. С другой – как такое пережить: вчерашние воины Красной Армии в таких же условиях, как пленные немцы, – та же норма выработки и скудный (хуже, чем в лагере) паек, от которого не только работать, даже выжить, казалось, было невозможно. Да чеченцы, в отличие от остальных каторжан, выживают, удивляя этим надзирателей. И если бы охранники узнали, до чего додумались горцы: тягловая сила – быки и коровы, и пусть люди мрут от голода – трупы в реку, а вот скотина – под строгим учетом, и если даже помрет, тушу под наблюдением отвозят. А чеченцы умудрились быка на водопой увезти, утопить, привязать на дне к корневищу. Как скотина пропала – никто не знает, может, волки задрали. А в воде мясо не портится, отрезают кусками. Вот только там приходится делиться: через два-три дня рыба лишь скелет оставляет... В общем, выжили чеченцы-бойцы. А лесорубы они не ахти какие, и, видимо, власти посчитали, что выгоднее и этих вслед за родственниками в пустыню отправить.

Уже и война закончилась, когда Нажа Мастаев нашел свою семью – жену и двух уже повзрослевших дочерей – в поселке Айдабул Кокчетавской области. И тут помогла грамотность: Мастаев – бригадир. Совхоз зерноводческий, после уборки, еще много раз людей по жнивью прогоняют, и все равно, где колосок, где зернышки валяются. Но, не дай Бог, кто эти зернышки подберет, – по сталинскому закону – арест, лучше под пашню, а люди от голода пухнут.

Но ведь семью кормить надо. К тому же у Мастаевых уже родился сын. И Нажа пошел на риск: в небольшой мешочек тайком набирал совхозного зерна и якобы покормить коня отъезжал в сторону и бросал мешочек в камыши.

После захода солнца ни один казах, тем более спецпереселенец, не смел выходить из своих жилищ. А вот чеченцы ничего не боялись, всякое по ночам творили, даже вечеринки устраивали. Мастаеву не до вечеринок, за полночь он уходил далеко в степь и выискивал свой клад. До утра зерно надо было истолочь, сварить, съесть, остатки закопать, и чтобы никаких следов или запахов.

Так, как бы попав в колею, жизнь Нажи понемногу налаживалась. Дети росли, пропитание было. Что еще человеку для счастья надо? И вот эпизод, один лишь эпизод, который вновь перечеркнул всю жизнь.

Стояла осень, тихая спокойная осень. Пожалуй, самое благодатное время, когда летний зной спадает, а суровые сибирские ветры еще не задули. И пора подводить итог, а урожай как никогда выдался на славу, совхоз перевыполнил план сдачи зерна государству и впервые рассчитывали на премиальные, а Мастаеву за ратный труд даже медаль обещали. И Нажа уже сожалел, что выкинул на лесоповале свои боевые награды... В таком радужном настроении ехал он как-то на совхозной кобыле по фашистской слободе (так называли новый поселок, где разместились депортированные немцы). Благодаря усердию и исключительному трудолюбию немцев эта слобода отличалась особой аккуратностью, тишиной и порядком. И вдруг какие-то крики, детский плач, стоны и свист. Местные жители даже за забор выглянуть не смеют, припали к щелям. А во дворе управляющий совхоза, здоровенный казах, толстой плетью полосует всю немецкую семью, даже детей, коих окровавленный отец еще пытается прикрыть.

Ни минуты не думая, Нажа соскочил с лошади, перемахнул через забор, сбил с ног казаха и той же плетью хлестал его до тех пор, пока древко не обломилось. А потом еще ногами поддал, плюнул и ушел.

Вечером к Мастаеву пожаловали земляки, советовали уехать либо на время схорониться. А куда Нажа уедет? На кого бросит семью? А тут казах-управляющий сам Мастаева в гости позвал,

там же и та немецкая семья. Это казах в знак замирения зарезал большого барана. Плов, бешбармак... Казалось, на этом инцидент исчерпан. Да ровно через неделю, прямо во время совещания в конторе совхоза, Мастаева арестовали. А казах вслед через окно кричал:

— Шешен, Мастаев, клянусь Аллахом, я слова никому не сказал. Это не я, поверь! Прости!

Учитывая прошлые «заслуги», Мастаеву светило лет пятнадцать. Но он более-менее грамотный, да и совхоз дал положительную характеристику — восемь лет лагерей.

Он вкалывал на шахтах Темиртау уже год и надеялся, что за хороший труд его досрочно освободят, как пришла страшная весть: жена и старшая дочь подбирали на поле после жатвы зернышки — поймали. В карманах восемь килограммов зерна — по восемь лет лагерей. Жена то ли покончила собой, то ли ее убили. А старшую дочь Мастаева отправили далеко на север. Говорили, что кто-то ищет ее на пересылке в Магадане. Словом, и она пропала.

Если бы не младшие дочь и сын, Нажа в зоне зачах бы. Да ради них, своих детей, что ныне в детском доме, он только и пытался жить.

Через шесть лет каторжного труда его перевели на вольное поселение — поселок Текели, что на краю света. Там Мастаев обзавелся маленьким бараком, туда и перевез детей. Дочь вышла замуж, сын женился, уже был внук Ваха, да от этого жизнь не улучшилась. Всех чеченцев реабилитировали, позволили вернуться на Кавказ, а Мастаевы — изгой. И если не раз битый Нажа все это терпел, то его сын стал искать правду в американском консульстве. Такого советская власть позволить не могла — Гана в тюрьме сгинул.

...И все же жизнь продолжалась. Через много-много лет вернулся постаревший Нажа Мастаев в родной Макажой. Был счастлив хоть оттого, что помрет на родной земле. А родная земля в запустении — оказывается, тоже хозяйина ждала. И эта земля, эти горы, родниковая вода и альпийский воздух буквально оживили его... Теперь у него крепкое хозяйство, дом и главная примечательность — пасека. С утра натошак выпьет он большой глоток

пьянящего меда — и к ульям, как и пчелы, весь день возится по хозяйству. Только на выходные небольшое послабление — Ваха из города приедет. Доволен Нажа внуком: скромный, крепкий, работающий. И надо бы женить, но своего угла в городе нет, и невесты вроде нет. А тут как-то Ваха приехал в Макажой весьма озабоченный, угрюмый. Оказывается, им предоставили жилье в некоем «Образцовом доме» и за это на Ваху возложена ответственная общественная работа по выборам в органы власти республики. Что на это может сказать дед внуку? Только одно, как у русских говорится: на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся. Все равно иного не дано, раз советская власть так решила. А следом выяснилось, что эта «служба» весьма ответственна, подконтрольна и Вахе запрещено даже из города выезжать. А как дед один в горах?

По правде, не должен мужчина, тем более старик, одиноким жить, вот и решили на старости лет деда женить. Невеста — односельчанка, уже не молодая, одинокая, рано овдовевшая женщина. Вот так решили Мастаевы вопрос одиночества Нажи, даже свадьбу на потеху и по настоянию односельчан сыграли. А на следующий день Ваха уже ехал в Грозный и от усталости ни о чем не думал. Водитель автобуса, земляк, предложил ему заднее сиденье, где мягко и потеплее, и спросил:

— Правда, что тебе в «Образцовом доме» жилье дали?

Ну что на это Ваха ответить мог? И на работе, и на футболе, а теперь и в селе его об этом спрашивают. И не может он всем объяснить, что он в чуланчике «Образцового дома» живет, что он тот же рабочий Ваха Мастаев, а его мать — так же уборщица. Нет. Все знают — в «Образцовом доме» просто так не живут. Постепенно начинает осознавать это и сам Ваха.

* * *

Каждая более-менее значимая эпоха оставляет после себя какой-либо архитектурный след. В этом отношении почти во всех крупных городах областного или республиканского значе-

ния бывшего СССР можно по виду определить так называемые «сталинские» дома или «хрущевки». А за время правления Брежнева – тоже весьма длительный период, а такого понятия, как «брежневские» дома, не осталось – вывод огульный, да напрашивается: это не только время застоя, как его позже называли, это время заката красной коммунистической звезды, и оно вряд ли могло что-либо значительное после себя оставить.

И если сделать краткий, по всей видимости, поверхностный и однобокий экскурс в историю становления Советского Союза, то изначально можно сказать, что Октябрьский переворот, или, если удобно, революция, это конечно же некоторое влияние из-за рубежа, заинтересованность и поддержка некоторых стран, ведь еще тлела Первая мировая война. Тем не менее корни революции и ее силы зрели внутри царской малопросвещенной, полукрепостнической России, где народ исторически был привержен к унижению и всерьез воспринимает лишь силу и власть.

Печальные итоги последних войн царской России – русско-японской и Первой мировой – показали, насколько ослабла власть. Великая держава не только перестала претендовать на новые территории, но и свои уже не могла удержать. Имперское величие и статус сверхдержавы явно пошатнулись. В этих условиях не столько внешние факторы, сколько внутренние противоречия России стали неустойчивы, как пожар вспыхнул бунт, управлять которым и явилась кучка революционеров-аферистов.

Восставшие бунтари – это огромные людские массы, которые из поколения в поколение пребывали в угнетении. Теперь эти массы получили исторический шанс своего более человеческого существования, своего освобождения и наконец – признания как равных среди равных. Именно такие лозунги выдвигали новоявленные вожди, и эти лозунги манили народ вперед.

Что бы там ни говорили, а революция – это все-таки зрелость масс, это новый этап развития общества. И это подтвердили несколько послереволюционных десятилетий, когда Со-

ветский Союз не только выстоял и победил во Второй мировой войне, но значительно расширил свои границы, расширил сферу своего влияния и совершил прорыв в экономике, науке, культуре.

Другое дело, что все это было достигнуто путем всепоглощающего всеохватного террора, который связывают прежде всего с именами Ленина и Сталина. Оправдать этих кровожадных вождей невозможно, однако дело не в этих личностях, ибо только безжалостный тиран мог стать вождем. Когда многомиллионные массы людей буквально в одночасье вырвались из-под гнета, то, боясь возмездия, и иного, кроме насилия, не ведая, они стали безжалостно уничтожать своих господ, чиновников, более грамотных, мыслящих людей, то есть интеллигенцию, а следом и друг друга. В стране начался массовый, без разбора, террор, когда ни один руководитель не мог чувствовать себя в безопасности – ни глава сталинского НКВД Ежов, ни маршалы и генералы, недавние герои Гражданской войны и революции, которые были казнены, ни министр иностранных дел Молотов, жену которого отправили в лагерь, ни члены Политбюро, кои от одного косого взгляда Сталина дрожали, ни даже сам Сталин, все время опасавшийся заговоров.

Понятно, что такая самоуничтожающая система существовать не могла, о равенстве всех и вся, что вопреки Библии или Корану, провозглашалось в манифестах марксизма-ленинизма, тоже речи не могло быть. Любое развитие порождает неравенство, любое общество обязано возвращать свою элиту, которая поведет вперед. Эта элита нуждается в привилегированных условиях. И даже сам Сталин, кто, как говорится, проходил всю жизнь в одних сапогах, вынужден был для советской элиты создать достойные условия – так в Грозном появилась сталинская архитектура – «Образцовый дом».

Однако строительство в Грозном, как и в прочих городах, велось и до, и после этого. Так в послесталинский период наступила хрущевская оттепель, когда закрыли ГУЛАГ и вернули на родину репрессированные народы, в том числе чеченцев и

нигушей. И это время, действительно, некая оттепель, потому что послабление со стороны власти во всем и даже явные признаки создания социальной справедливости, когда стали в массовом порядке возводить жилые дома, эти малогабаритные хрущевки.

Понятно, что строительство велось и в брежневское время. Однако эта архитектура безликая – серые, блочные, однотипные дома, которые сравнить нельзя с символом строя – «Образцовым домом».

«Образцовый дом». Это пятиэтажное здание проектировалось и строилось немцами, строилось основательно, с соблюдением всех технических норм, учитывая сейсмичность и с запасом прочности. Немецкий стиль и сталинская эпоха наложили отпечаток на облик дома; никаких излишеств, аляповатостей, но со вкусом, со сдержанным изяществом и монументально, словно на века. Даже с улицы видно, что комнаты большие, высокие, светлые. На этаже одна, чаще две квартиры, и все трех- и четырехкомнатные.

В «Образцовом доме» никогда не живет первое лицо, никогда не жили военные, милиция и работники КГБ (по крайней мере официально). Все остальные руководители удостоены чести жить в этом доме. Здесь секретари обкома, председатель президиума и глава правительства, министры, обязательно главный редактор республиканской газеты, директор радио и телевидения, парочка видных ученых и народных артистов. Все.

В этом доме нет национальностей и религий. Все говорят только на русском. Если во власть, как говорится, затерся нацмен, то желательно – супруга русская.

В этом доме пенсионеров нет, потому что действует негласное правило: уходишь с работы по любой причине, предоставляется другое жилье, даже в другом городе. А «Образцовый дом» как приложение к образцовой работе.

Об «Образцовом доме», впрочем, наверное, как и о любом другом, можно говорить много, однако одну особенность надо подчеркнуть. Как ни странно, этот дом никто, повторяем, ник-

то ни тайно, ни явно не охраняет, ни единого милиционера для видимости, и даже консьержки в подъездах нет, и место для нее не предусмотрено. И, как ни странно, в «Образцовый дом» никто без дела не смеет войти, посторонние проходят быстро, молча, а если разговор – вполголоса. Вот какое вымуштрованное общество создал большевистский режим. Казалось, этот строй должен был привести к значительной деградации всего общества. Однако тоталитаризм не способен управлять мыслями. Напротив, в жестких, противоречивых и полных лжи и обмана условиях социалистической действительности советские люди выработали в себе некие иммунитет и способность выживать. Они уже понимали, что Конституция СССР и Устав КПСС – это то же самое, что и лозунги «Слава КПСС» или «Наша цель – коммунизм!», которые вели в никуда и были как насмешка и оскорбление. И как бы ни изошрялась власть, между государством и народом существовало напряжение. И так называемый «секретный доклад» Хрущева в 1956 году на XX съезде КПСС – это попытка спустить пар, после чего наступает значительное послабление режима. Однако всё это не приводит к кардинальным изменениям – народ после голода тридцатых годов и войны все еще нищенствует, и власть имущие тоже не богато живут. Эта ситуация никого не устраивает. В результате заговора Хрущев смещен, и во главе Советского государства становится Брежнев, который понимает, что если не все разом, то хотя бы часть, то есть правящая номенклатура, должна жить хорошо, а сам он, как царь, обязан купаться в роскоши и привилегиях.

Подданные всегда берут пример с правителя. Многие тоже хотят стать богатыми. Это вроде не возбраняется и даже поощряется, да на самом деле почти все под контролем. И в обществе, где не свободный рынок, а государственный план определяет экономику, всего два способа обогатиться – быть у власти, то есть казны, или участвовать в теневом секторе экономики, который, учитывая повальный дефицит, с каждым годом набирает масштаб, а значит, увеличиваются криминальные элементы.

Теоретики марксизма-ленинизма практически отрицали товарно-денежные, а тем более рыночные отношения. Все, считалось, будет справедливо распределено, так сказать, по труду, где как закон были прописаны нормы, расценки, тарифы, затраты времени и сырья. И хотя социалистическое общество провозглашалось как общество без эксплуатации, на самом деле все так называемые узаконенные нормативы просчитывались так, что даже рабочий высшего, шестого разряда получал нищенскую зарплату, потому не был заинтересован в качестве своего труда. В результате повальный брак, приписки, обман и даже молчаливый саботаж. Чтобы как-то облегчить ситуацию, а впрочем, еще раз провести трудовой народ, вводятся какие-то карточки – денежные суррогаты, и тут спекуляция.

В общем, в самой богатой по ресурсам стране стали существовать два параллельных сектора обмена. Это государственный, где цены низкие, повальный дефицит и доступ ограничен, и теневой (в народе «черный»), где есть все, но цены очень высокие.

В этих условиях идеология одна – обман, ложь – потребность, лицемерие – жизненная необходимость, общий дух народа низок, и там, где нивелируется одна мораль – социалистическая, как закономерность начинает проявляться иная, якобы победившего общества – вроде бы западная культура и мораль, а на самом деле худшее, в материальном плане, наидешевейшее ее проявление, как быстроприготовленная, некачественная еда, повседневная одежда – джинсы, музыка – попса, искусство – безыдейный боевик, литература – триллер. В этих условиях как закономерность появляется новый класс – буржуа, которого мало или совсем не интересует гражданский дух, а лишь собственное материальное благополучие, значит, в полной мере заработали товарно-денежные отношения, были б деньги – все можно купить. Так и произошло. К крайнему удивлению всех, в «Образцовом доме» вдруг поселился никому ранее неизвестный – некто Якубов.

Жильцы элитного дома были крайне возмущены. Ту заветную квартиру, их благополучие, к которому они шли, десятилетиями

трудясь в унижении и услужении, совершая мало кому посильный карьерный рост от пионерии, комсомола и партии, – какой-то полуграмотный тип, что им беспардонно теперь «тыкает», едва говорит по-русски, купил за деньги.

Этот невероятный случай обсудили даже на бюро обкома партии, было решение составить парткомиссию, и уже готов итоговый протокол – «выселить Якубова», как из Москвы поступили команда – «цыц» и строгое указание: стране нужны теперь иные кадры, так сказать, с «новым мышлением». Так что со старым покончено. То есть если раньше по должности выделяли квартиру в «Образцовом доме», то теперь, если ты сумел купить квартиру в этом доме, то по рекомендации из Москвы такому жильцу полагается соответствующий пост.

Вновь экстренное заседание бюро обкома. Все возмущены, в кулуарах шушукуются, однако возразить прямо не смеют: все-таки распоряжение Москвы, там, видать, поумнее. Опять нужно звонить в Москву: какой Якубову выделить пост? «Вам виднее», – был обтекаемый ответ. Вновь заседали, нашли вроде бы компромисс, разумеется, не первая величина, не простой инспектор, а, учитывая навыв (Якубов был завскладом), назначили вице-премьером, курирующим легкую и пищевую промышленность. Вот это взлет! С таким, учитывая всеобщий дефицит, не считаться нельзя.

Это событие можно было считать исключительным, даже из ряда вон выходящим, да, видимо, в Москве реально стало преобладать «новое мышление», и дорожка туда-обратно протоптана. А посему и на местах, то есть на окраинах, появились новые веяния, окрашенные в буржуазный и национальный колорит.

Вместе с тем, какой бы строгой ни была тоталитарная иерархия советского строя, на местах всегда проявлялась инерционность. И дабы впредь социалистические принципы даже из Москвы не нарушались, высший орган (бюро обкома КПСС Чечено-Ингушской АССР), как и принято, единогласно принял постановление: жилье в «Образцовом доме» купле-продаже не подлежит.

Однако прецедент уже есть, процесс пошел. И если «купли-продажи» нет, то марксистский «закон стоимости» никто не отменял, а он гласит: все на базе взаимовыгодного обмена. Так и случилось, это некто Дибиров Юша умудрился обменять свою квартиру в Алма-Ате на квартиру в Грозном, и прямо в «Образцовом доме».

Это тоже возмутительно, но терпимо, ибо в отличие от завскладом Якубова, у которого сомнительное высшее образование, у Дибирова три диплома, в том числе и Высшей комсомольской школы Казахстана, и трудовая в порядке: есть стаж партийной работы. Ну и самое главное, интернациональный брак, так что Дибирова можно в «Образцовом доме» прописать, а значит – найти достойную работу.

Вот так, можно сказать, революционным путем стал меняться состав «Образцового дома», и вроде все это ничего, со временем терпимо, ведь поселились в доме люди тоже состоятельные, а вот что стало твориться в чуланчике после тети Моти, так это явный характер времени.

Неизвестно, откуда это исходило, да был слух, что ввиду изменившихся обстоятельств уборщица «Образцового дома» должна знать хотя бы чуть-чуть местный язык. Нашлась дама, не молодая, но видная. Была замужем за чеченцем, ныне вдова.

Создавалось впечатление, что эта дама больше думала не об уборке двора, а о своей роскошной прическе, которую через день «облагораживала» в соседней «образцовой» парикмахерской. Чтобы не испортить прическу, дамочка вынуждена в одной позе спать, не высыпается, а подметать, точнее поднимать пыль, выходила, когда и остальной люд на работу шел.

В общем, учитывая время, и это вынужденно терпелось, да случилось ЧП. Ведь в «Образцовом доме» все по традиции, а может, по инструкции прописано, и тот, кто проживает в чуланчике, это не просто уборщица, а в большей степени надсмотрщик, главная обязанность которого обеспечение свободных и равноправных выборов – главного достижения советского строя... Вот на чем дамочка всех, можно сказать строй, подве-

ла... А все довольно тривиально: в день очередных выборов обходила она квартиры, дабы все совершеннолетние граждане изъявили свободное волеизъявление, и кто-то из новоселов (все знали кто, да помалкивали) пригласил зайти на чай. Чаевничание затянулось допоздна. В результате «итоговый протокол» выборов поступил со значительным опозданием и был написан наскоро, нетвердой, если не сказать, нетрезвой рукой, с ошибками.

В тот же день эта дама, как появилась, так и исчезла навсегда, а в чуланчике «Образцового дома» поселилась новая уборщица – совсем молодая, симпатичная девушка. Она наверняка точно справилась бы со своими обязанностями не хуже тети Моти, да вот дети тех новоселов – студенты Руслан Дибиров и Асад Якубов – уж больно навязчиво и пылко стали за ней ухаживать, частенько катая на своих машинах, так что кто-то наверху подумал – очередные выборы под угрозой – девушка тоже исчезла.

Более двух недель на двери чуланчика висел неведомо кем повешенный допотопный амбарный замок. Впервые чуланчик пустовал, и это почему-то был очень пугающий знак. Среди старожилов «Образцового дома» появилось какое-то тревожное ожидание, которое усиливалось, чуть ли не паника. И дошло до того, что некоторые спешно попытались квартиры продать и уехать в другие регионы. Но это оказалось невозможным, жильцы «Образцового дома» сами урезали себя в правах: по их решению квартиры продавать нельзя, а обмен – дело очень хлопотное, по закону – почти что невозможное, да обходные пути, в виде инструкций и приложений к законам, всегда в Стране Советов есть. А пока суд да дело вокруг жилищных проблем – время идет, жильцы «Образцового дома» успели присмотреться к новым обитателям чуланчика, наконец-то поняли, что хоть и чеченцы, а вроде нормальные, простые люди – так что скоро все успокоились, ведь чистота и порядок вокруг «Образцового дома» вновь воцарились – это Мастаевы.

* * *

В центре Грозного всего один специализированный молочный магазин. Туда молоко привозят раз, под утро, в лучшем случае еще после обеда. Задолго до открытия выстраивается длинная очередь. Пока мать занималась уборкой «Образцового дома» и двора, стараясь не опоздать на работу, пораньше бежал к молочному магазину и Ваха Мастаев.

Здесь, у магазина, он делал любопытные открытия. Так, например, как бы рано он ни вставал, а ближе двадцатого номера не получал, это значит, что творог и сметана вряд ли достанутся. В очереди, в основном, пенсионеры, но никогда нет жильцов «Образцового дома», они то ли молочное не едят, то ли и это им по спецзаказу доставляют, то ли на рынке, где все есть, да втридорога, покупают.

Очередь в продовольственный магазин – это не только показатель плановой экономики, это некий срез общества. Так, Мастаев замечает, что в очереди больше всего русских, значит, чеченцев и ингушей в центре проживает мало. В очереди, в основном, пожилые люди, а молодому человеку здесь и стоять вроде зазорно. А вот Ваха понимает, что помимо него этим заниматься некому, он помогает маме, комплексам не подвержен, а вот пользы он получает очень много. Так, старушки делятся, как вкуснее и экономнее борщ приготовить, варенье сварить, грибочки засолить, какая передача по телевизору была интересной или сегодня будет. О политике, особенно международной, говорят много, а вот предстоящие выборы, кои впервые беспокоят Мастаева, их совсем не волнуют. А вот на афишах летнего кинотеатра «Машиностроитель» объявление – будет концерт фортепьянной музыки, вход бесплатный, солистка – Мария Дибирова. И это живо обсуждается, говорят, что предыдущий концерт был прекрасным, а сама Мария то ли из Москвы, то ли из Европы прямо из Ла Скала приехала.

Фортепьянная музыка Мастаева интересует даже меньше, чем способ приготовления борща. После магазина Ваха торо-

пится домой, на ходу завтракает и, пока жильцы «Образцового дома» еще спят, спешит на работу, он рабочий-крановщик домостроительного комбината, где работа с раннего утра.

Он уже взобрался на свой высотный кран и начал работать, как поступила команда лично ему «майна»¹. Доселе важный секретарь партийной организации очень вежливо, обращаясь на «вы», приглашает в партком:

– Мастаев, – секретарь парткома даже навстречу пошел, – вам оказана огромная честь, – вы председатель избирательной комиссии.

– М-может, другого направите? – взмолился Мастаев. – Меня ведь заменить некому.

– Да вы что! – искренне удивлен секретарь. – Это и комбинату почет! Свободное волеизъявление граждан – главное завоевание социализма. А работа не волк, в лес не убежит. А вам, раз такое доверие партии, мы предоставляем двухнедельный отпуск с сохранением жалованья плюс премию. Путевку в санаторий. Что-нибудь из дефицита, например, норковую шапку или дубленку по госцене. В очередь на жилье... В общем, повезло тебе в жизни, парень!

Дома его встретила удивленная мать: она уже видела, что у каждого подъезда вывесили объявление «ваш председатель избирательной комиссии», на нем же фото Мастаева и домашний телефон, который тут же зазвонил, вызывают в Дом политпросвещения – политзанятия. Первым делом необходимо ознакомиться со списком всех жильцов «Образцового дома», обойти все квартиры и всем вручить приглашение на выборы, под расписку.

Как стучаться в каждую квартиру, как, заикаясь, объяснить, кто он такой. Однако все оказалось гораздо проще: во всех квартирах его уже знают, ждут, положенную процедуру производят, и никаких проблем, пока Мастаев не дошел до новоселов: Якубовы, словно к ним в склад пришли, ведут себя чванливо, а вот

---

¹ Майна (команда при погрузке-разгрузке) – опускай, противоположное: вира – поднимай (от итальянского *ammaina* – убирай паруса).

Дибировы дверь не открывают. Это и понятно: из квартиры доносится такая завораживающая дух мелодия, такая кипучая, неукротимая страсть, что ее и прерывать не хочется, но надо, надо сдать подписные листы в Дом политпросвещения. И Ваха звонит; словно ужас тишины и пустоты – музыка оборвалась, стук шагов, красивый девичий голос: «Кто там?» И пока Ваха пытался что-то вымолвить, дверь распахнулась, будто приглашая его в этот волшебный мир: она, возбужденная игрой и встревоженная звонком, юная, румяная, недовольная, строго смотрела на него. А Ваха, мало того, что сказать ничего не может – скулу свело, еще и взгляд потупил от смущения.

– Что вам нужно? – строго и нетерпеливо спросила она.

Мастаев протянул листок и ручку.

– Что за бестактность, я автографы на дому не раздаю, – дверь захлопнулась, а Мастаева охватило какое-то непонятное, доселе неведомое чувство. Будто по волшебству перед ним раскрылась дверь в чудесный, чарующий мир, где счастье, любовь, музыка и красота, и тут же этот мир исчез, словно навсегда. И ему стало так одиноко, пусто, что он буквально застыл у Дибировской двери. И неизвестно, сколько бы еще простоял, когда его здесь обнаружила возвращавшаяся домой мать Марии. Она сразу все поняла, расписалась за всех членов семьи и заверила, что все, как положено, проголосуют... И все. Не только дочь, но даже мать не узнала Ваху. Да и как узнать – столько лет прошло, тогда он был подростком. А ведь это та семья немца-дирижера Тамма из Алма-Аты. И это та девочка, которая играла на рояле, в которую Ваха с тех пор в своих фантастических грезах влюблен... И он даже не мечтал, а вдруг встретил ее... Стало и приятно, и страшно, и тревожно. Как легко было мечтать, а она, еще более влекущая, чарующая, – наяву. Что делать?

Остаток дня Мастаев провел в Доме политпросвещения.

– Молодец! – хвалил его Кныш. – Чувствуется рабочая хватка и смекалка, быстро справились с заданием... Теперь следующий, не менее ответственный этап. Мастаев, – он его легонько толкнул, – что с вами? Вы сегодня какой-то рассеянный... Так вот, теперь необходимо агитировать за нашего кандидата.

— А что за него агитировать? — всего один кандидат, одна всего партия, — очнулся Мастаев.

— Но-но-но! Вы что, Мастаев?! Никакой расхлябанности. Народу надо указать правильный путь, правильный выбор. Никакой самодеятельности, нельзя пускать дело государственной важности на самотек. Вам все понятно? Повторите!

— Никакого самотека, в кране должен быть напор.

— Образно. Молодец, — еще раз похвалил Кныш. — Ну, ты, я вижу, торопишься с агитацией. Правильный, пролетарский энтузиазм.

О выборах, тем более об агитации, Мастаев в тот день не думал, вечером в летнем кинотеатре концерт Дибировой Марии, вот куда он торопится. На концертах до этого он никогда не бывал, да по телевизору видел, что поклонники дарят исполнителям цветы, вот и подался он на цветочный рынок.

Как и со всем в Стране Советов, выбор цветов небольшой. Это тоже элемент буржуазного излешества. К тому же Мастаев никогда прежде цветы не покупал, не дарил, не разбирается, да и лишних денег у него нет. И тогда он решил поступить здраво. Живые цветы через день-два завянут, и он купил искусственные и только два, как знак: он и она — навечно!

Людей на концерте — негусто, в основном русские, пожилые. В первом ряду мать Марии, а вот брата и отца нет. Ваха пораньше пришел, чем удивил билетера, сел так, чтобы и его было видно. Однако Мария вряд ли его заметила до начала, а во время исполнения он сам про все забыл, он даже не думал, что от музыки, тем более такой вроде скучной, как говорят, классической, он получит такое наслаждение, такую невиданную легкость, нежность, что буквально улетит вместе с девушкой и мелодией на самые облака, и, как заключительный аккорд, он видит, что понесли на сцену цветы. Он тоже рванулся к ней, стал в очередь, и что же такое, она от его подарка вздрогнула, даже побледнела. Не понимая, в чем дело, пораженный Мастаев быстро вернулся на свое место, а соседка шепчет:

— Такие цветы лишь на могилу. А два цветка — траур.

Он бежал. Бежал на до сих пор спасающий футбол, но и там не смог найти успокоения. До полуночи бродил он по городу, боясь войти во двор, думая, что там его поджидают культурные обитатели «Образцового дома». Но во дворе, как обычно, тихо, только мать беспокоилась, что он задержался.

Наутро во дворе тоже ничего революционного, так что он, более-менее успокоившись, двинулся в другой дом, политпросвещения, а тут Кныш:

– Хе-хе, что это ты там учудил на концерте?

– Откуда вы знаете? – Мастаев так удивлен, что даже не заикается.

– Хе-хе, я все знаю, работа такая... А ты в принципе правильно поступил, есть в тебе рабочий инстинкт, сразу же «захоронить» эти буржуазно-заморские веяния. Тоже мне классика: Бах, Шопен да Чайковский. Есть «Интернационал», есть наш Гимн – и баста! – он закурил очередную папиросу. – Весь мир против нас. Выборы на носу, а этим барышням все побренчать придется... Ты, Мастаев, молодец, сорвал это безобразие!

Кныш, обычно говоривший лозунгами, всегда твердил: «Болтун – находка для врага». А тут разошелся, во всех подробностях смакуя, рассказал, как эта пианистка не смогла продолжать концерт, словно голос у нее сорвался, как публика стала возмущаться.

– А вы разве были там? – не сдержался Мастаев.

– Считаю, что был, – доволен Кныш. – Если бы не дождь, был бы прилично-организованный скандал.

– А-а разве вчера был дождь?

– Что? – Кныш словно очнулся. – Вот черт! Действительно, разве вчера был дождь? – он полез в стол и, не доставая, чтобы Мастаев не видел, что-то там листал. – Вот дрянь, опять, видать, пил. Дождь в отчете надумал... Ну, я ему дам на сей раз, – он поднял трубку. – Срочно метеослужбу... Дайте справку о погоде за вчерашний вечер... А ты иди, работай, – это грубо Мастаеву. – И не болтай!

Как таковой работы по выборам не было. Все за годы советской власти отработано, налажено. Тем не менее Мастаев по природе был дотошным, и в учебных заведениях отмечали, что он звезд с неба не хватает, но упертый, настырный, порой прямолинейный, и в жизни, особенно в футболе, идет напролом, борется до конца, даже, казалось бы, в безнадежной ситуации. И если в жизни он еще ничего не достиг, зато в футболе он нападающий, не такой, как многие, увертливый, ловкий, быстрый, и несмотря на свои вроде бы незавидные габариты, он таран, частенько прошибает оборону.

И за выборы Мастаев взялся бы основательно. А тут он хочет забыть свой первый концерт; может, оттого еще с большим рвением взялся за дело, поручение. Даже Кныш удивлен, приезжала комиссия – никаких нареканий, и молодого Мастаева ставят всем в пример.

– Смотри, – за день перед выборами предупреждает Кныш, – у тебя будет голосовать все руководство республики, в том числе и первый! Будь начеку: «Образцовый дом» – образцовые выборы – всем как один голосовать! И «итоговый протокол» готов?!

– А зачем тогда голосовать, зачем выборы?

– Но-но-но, Мастаев! Выборы – это свобода граждан СССР!

День выборов – настоящий праздник. Все нарядные, все прибрано и украшено. Звучит патриотическая и народная музыка, все в цветах и в шариках. В продаже много сладостей, и все дешево. Мастаев очень волновался, но ничего особенного, как его предупредили – к девяти утра придет сам первый секретарь с супругой и дочкой. К этому моменту несколько камер и вся элита у избирательных урн. Никакой охраны, никакой толкучки; все торжественно, спокойно, организовано. До обеда почти все проголосовали за единственно достойного кандидата, то есть первого секретаря обкома и единственную партию – КПСС. И тут проблемы с новоселами. Время, отведенное для голосования, уже подходит к концу, а старших Дибирова и Якубова нет. Сам Мастаев очень волнуется, ведь явка на его участ-

ке должна быть стопроцентной. И это по инструкции вроде не запрещено, но и не желательно в день выборов, однако Мастаев имеет право в исключительных случаях, и он хочет оказать хоть какую-то услугу – позвонил Дибировым. Не узнать мелодичный голос Марии нельзя, да вот он от волнения и слова сказать не может, а она засмеялась, трубку положила. А он по важному делу звонит, поэтому вновь перезвонил, кое-как смог что-то сказать. Тотчас же прибежала мать Марии, она понимала, что может произойти, если партийный функционер не проголосует.

Виктория Оттовна пояснила несколько иначе, да позже Мастаев узнал: оказывается, Юша Дибиров накануне загулял на пригородной даче и сегодня не может прийти в себя:

– Вот его паспорт, – за полчаса до закрытия избирательного участка говорит Виктория Оттовна.

– Голосует не паспорт, а личность, – как можно корректнее пытается отвечать Мастаев.

– Пожалуйста, помогите, – это уже сама Мария прибежала на участок минут за пять до закрытия.

И тогда Ваха неумолим. Ровно в восемь вечера он закрывает участок, а еще через пять минут рвется запыхавшийся Якубов, твердит, что был на похоронах, хочет проголосовать – дверь закрыта.

Быстро Мастаев подвел итоги голосования. Все до смешного просто, в его элитарном списке ровно 100 человек, голосовавших – 98 процентов, из проголосовавших «за» – 100 процентов, «против» – нет.

В полночь Ваха перед сном курил на лестнице перед своим чуланчиком, когда в соседний подъезд прошли Якубов и глава правительства Бааев. В окне Кныша, что прямо над Мастаевым, загорелся свет, и вскоре в чуланчике зазвонил телефон.

– Ваха Ганаевич, – настойчив голос Кныша, – необходимо позволить проголосовать товарищу Якубову.

– Не положено, – сух голос Мастаева, – все опечатано, итог подведен.

– Мастаев! – этот крик слышали даже во дворе. Мастаев положил трубку.

Через пару дней печатный орган Чечено-Ингушского обкома КПСС газета «Грозненский рабочий» опубликовала итоги голосования, где на избирательном участке № 1 значилось: явка – 100 процентов, «за» – 100 процентов, «против» – 0. Правда, была еще одна заметка на первой полосе: состоялось внеочередное заседание бюро обкома по поводу предстоящей уборочной страды; был и вопрос «о разном», где коммунисты Дибиров Ю. и Якубов А. получили по партвызысканию и временно отстранены от занимаемых должностей.

Все это Мастаева уже мало интересовало. Он вновь с утра – в очереди за продуктами, потом весь день над городом – Грозный строит, зато вечером жизнь: он играет в футбол, а потом, когда уже стемнеет, много раз проходит под окнами Дибировых, и, может, не так часто, как раньше, а порою льется музыка: такая страсть, что внутри у Вахи все замирает. И как бы он хотел, чтобы, как и он, и о нем вспоминали... А о нем, и не только в квартире Дибировых, но и у Якубовых частенько вспоминают, будто во всех их бедах виноват Мастаев. Ведь Мастаеву неизвестно, что значит «отстранены от должности», от высокой должности; он ведь просто рабочий, и на его место никто не зарится, наоборот, всюду висят объявления: «требуются рабочие». И что же люди на работу не идут, вроде в республике избыток рабочей силы, безработица. Да Мастаев не экономист, не понимает, что безработица – не оттого, что работы нет, а оттого, что за тяжелую работу платят мало, семью не прокормить.

Конечно, и Мастаев понимает, что получает за свой труд маловато, еле-еле концы с концами сводит. Да все познается в сравнении, ведь они до сих пор с матерью ютились в маленькой комнатухе и пили чай с черным хлебом. А теперь – просто роскошь, и большего в жизни не надо, все вроде будет своим чередом. Вот только одно, ну конечно же не беда, а какое-то новое чувство: он понимает, что влюблен в Марию, она девушка красивая, интересная, и вокруг нее парни обеспеченные увиваются, вот и захотелось Вахе Мастаеву поприличнее одеться,

пошел он на полуподпольный вещевой рынок – чтобы одни джинсы купить, ему надо пару месяцев ударно, по-коммунистически, вкалывать. Зато с обувкой просто повезло. И раньше, бывало, мать найдет в мусорном баке какую-либо поношенную одежонку, выстирает, заштопает, и себе, а бывает, и Вахе перепадет. А переехали в «Образцовый дом», и здесь такого добра навалом, так и заполучил Ваха ношенные, но еще весьма добротные кроссовки. В таких не то что в футбол, даже на работу ходить жалко, только на прогулку. И вот как-то вечером, что в последнее время желанно, он стал под окном Марии, и она выплянула, словно его ждала, и он даже посмел с ней поздоровиться, даже еще что-то сказать. И она ему, может, не так дружелюбно, да что-то отвечала. Однако Ваха не мог расслышать, но пустынному вечером проспекту Победы проехала с визгом машина, стук дверей и сосед Якубов Асад.

– Мария, – чуть ли не во всю глотку гаркнул Якубов, – из-за этого стукача наши паханы пострадали.

– К-к-кто «стукач»? – задрожал Мастаев. – Т-ты ответишь за эти слова!

– Чего?! – презрительно сплюнул Якубов. – Ха-ха-ха, мои кроссовки с помойки подобрал и еще о чем-то базаришь.

– Э-э, – совсем лишился дара речи Мастаев, а Якубов тем же тоном продолжал:

– Ты, своих же, чеченцев, подставил. Выслужился?

– Я действовал честно, – наконец-то прорвало Мастаева.

– Хе-хе, «честно». Тогда скидывай мои коры. Давай, разувайся прямо здесь.

– Якубов! Тебе не стыдно? – вдруг крикнула Мария.

– Стыдиться должен этот ублюдок.

– Я-я у-у... – не смог словом ответить Мастаев, бросился на обидчика.

Особого противостояния не получилось: не раз битый, драчливый воспитанник городских окраин и подворотен, он с ходу подмял Якубова и, наверное, избил бы от души, но услышал, как Мария назвала его имя: «Ваха, перестань!» Он уже уходил,

но остановился, словно очнулся, быстро сбросил кроссовки, швырнул их: «На, подавись». Так и ушел босиком, а кто-то с балкона «Образцового дома» вслед крикнул: «Босяк».

Когда Ваха пришел в чуланчик, мать уже спала, а он долго не мог заснуть, все выходил во двор покурить, о драке он даже не вспоминал, был просто счастлив, что Мария знала его имя, даже обратилась к нему.

С таким же настроением он провел и весь последующий рабочий день, думая, что все утряслось, а, оказывается, было продолжение: мать обо всем узнала. Она пошла к Якубовым и на весь подъезд заявила:

— Мой сын не стукач и тем более не ублюдок. Мы свой трудовой честно добытый кусок хлеба едим и хвалу Богу воздаем, а вы с жиру беситесь, воры! Харам¹ с вами жить.

Якубовы с ней особо не препирались, просто дверь перед носом захлопнули. А на следующее утро, не в почтовый ящик, что на двери, а под дверь просунули конверт: «Граждане Мастаевы. В «Образцовом доме» проживают достойные люди. Ведите себя прилично, выселим».

Только Ваха это прочел, бросился в подъезд к Кнышу. Благо, тот сам открыл дверь. Увидев протянутое письмо и страдающее от заикания лицо, Кныш грубо схватил запястье Мастаева, резко втянул в коридор и шепотом:

— Я ведь запретил без вызова являться, тем более сюда.

— Э-э, — показывал Мастаев письмо.

— Тише, я сам такое же получил. Читай: «Товарищ Кныш! Ваша кадровая политика не соответствует современным требованиям. Срочно примите меры. Выговор с предупреждением».

— А вам от кого?

— Тс-с! — Кныш загадочно поднял указательный палец вверх и еще тише: — понимаешь, мы люди маленькие, а политика — дело темное. Ею управляют всего несколько человек. Их мало кто знает, и лучше не знать. А если хотим жить, надо исполнять. Иди.

---

¹ Харам (араб.) — запрет, грех.

— Постойте, — заупрямился Ваха, вновь глядя в письмо, — вы-то хоть «товарищ», а мы с матерью, судя по письму, «не достойные», «не приличные».

— Мастаев! Ты юн и глуп! Вместо того, чтобы благодарить судьбу, ты о какой-то чести задумался?.. Ну, можешь хоть сейчас переезжать. Куда? Хоть о матери своей несчастной подумай... А ты в пианистку влюбился. Да она ведь цаца, и не чеченка, и не русская. Так, что-то фашистско-жидовское, как и ее музыка. А ты — сын уборщицы! Сам крановщик. Факт! И кто его опровергнет?.. Но мы, рабочие, все равно победим! Иди, я тебя, когда надо, вызову.

По сути, Мастаев — беспризорник, всегда был волен в своих мыслях. А тут Кныш прочитал такую мораль, и мать, будто сговорились, то же самое: «Выкинь из головы эту музыкантшу, мы им не пара». А как он ее может выкинуть, если давно только этим и живет. Наверное, впервые в жизни он стал испытывать муки любви. Спасение лишь одно — футбол. И вот как-то после игры, уже в сумерках, он возвращался домой, как рядом визг резины. Он не только не бежал, но даже с неким вызовом пошел, как в футболе, один в атаку. И вряд ли два брата Якубовых, Дибиров Руслан и Бааев Альберт легко справились бы с ним, да из машины достали кусок арматуры.

Если бы не окрик прохожих, всякое могло случиться. А Ваха до чуланчика смог дойти.

— Давай отсюда уедем. Не наше это место, — плакала Баппа.

— Куда мы уедем? И где «наше» место? — с некой иронией пытался отвечать сын.

А ночью боли стали нестерпимыми, вызвали «скорую». Ваху госпитализировали.

Наутро в больнице появилась Виктория Оттовна Дибирова. Она была смущена, извинялась за сына, даже попыталась под подушку сунуть деньги. Этого Мастаевы не позволили. Завязался небольшой спор, и в это время в палате появился дед Нажа. Видно было, что он торопился, сильно взволнован. Ни с кем не здороваясь, он прямоком двинулся к внуку, по-старчески крепкой рукой схватил здоровую кисть Вахи:

- Кто эти ублюдки?
- Да так, случайность, – Ваха постарался отвести взгляд.
- Говори, – дернул руку больного старик.
- В том числе и мой сын, – неожиданно на русском твердо сказала Виктория Оттовна.

Словно эта женщина только появилась, Нажа уставился на нее цепким режущим взглядом, видно, напряг память, что-то припоминая, и уже более миролюбиво:

- Ты ведь дочь музыканта?
- Да, я дочь Отто Тамма, а вы у нас как-то гостили... Теперь я вспомнила вашего внука. Простите, что так получилось, – она замялась при последних словах.
- А как ваш отец, мой друг? – оживился дед.
- Папы и мамы уже нет.
- Да, хороший был человек, – Нажа выразил соболезнование. Виктория Оттовна поблагодарила, давая знать, что понимает по-чеченски, а дед с удовольствием долго рассказывал, как Тамм им помог, и как бы подводя итог: – Тамм – аристократ, и его внук не может быть недостойным... Гм, он, видать, поддался влиянию остальных... Как тех фамилия? – он уже обращался к Баппе. – Якубовы? Откуда они? Какого тейпа? Ничего, я сам все узнаю.

Через пару дней Нажа Мастаев сидел на скамейке во дворе «Образцового дома», всем своим видом выказывая благодушие, и словно знает всех, приветливо со всеми здоровался, и только то, как нервно постукивал самодельным тяжелым посохом, выдавало его нетерпение.

– О! – будто нет годов, бодро вскочил старик, увидев выходящего из подъезда. – Товарищ Якубов? Похож. Точь-в-точь как описали, и отец, говорят, твой был такой же упитанный, чернявый.

Якубов, важный, отглаженный, не зная, как реагировать на эти странные слова, тупо уставился на незнакомца, а старик почти по-свойски схватил его за локоть и ласково:

- Давай посидим. Как говорят русские, в ногах правды нет.

– Я тороплюсь на службу.

– Все мы служим Отечеству... Присядь, раз старший просит.

Якубов не юнец, он уже понял, что все неспроста. Огляделся по сторонам, следом – с ног до головы, как бы боясь испачкать костюм, он сел на краешек, а старик, опускаясь рядом:

– Не бойся, не запыхнешься, моя невестка убирает на совесть.

– Какая невестка? – Якубов насторожился.

– Баппа Масаева, вон из того, как вы называете, чуланчика, – дед указал тростью. – Ее сына, моего внука, твои сыновья ублюдком обозвали, избили – теперь он в больнице.

– Обращайся в милицию, – вставая, сказал Якубов.

– Знаю я твою милицию, – старик думал силой около себя чиновника удержать, но Якубов, проработавший много лет грузчиком, довольно легко высвободился и уже хотел уйти, как Масаев взорвался: – Твоя милиция тебя не трогала, когда ты тоннами со склада воровал.

– Что ты несешь! – Якубов вернулся. – Что ты хочешь сказать?! – перейдя на шепот, он подошел к Масаеву вплотную.

– А то, – старик ткнул его пальцем, – что не мой внук, а ты, как и твой отец, стукачи.

– Что?!

– Что слышишь. Вы, пришлые нищие ублюдки, счастливые от прихода советской власти. От доносов твоего отца много людей пострадало в тридцатые годы, – торопливо говорил Масаев, так что вставная челюсть чуть не выпадала. – И в депортации твой отец стал заниматься тем же – его свои же прибили.

– Старик, – будучи смуглым, Якубов как-то посерел и сжатые в злобе губы побледнели. – Времена не те, мое положение не то, а то я, – он угрожающе потряс толстым кулаком.

– Хе-хе, – дед пытается сохранить равновесие. – Времена всегда те, вот, смотри, – он приподнял трость, бросил ее, поймал, – не иначе. Это Бог так создал мир. И время неизменно течет – так заложил Бог. И всегда, во все времена есть добро и зло, и каждому Бог воздаст, и каждый получит по заслугам.

– Правильно, – как и старик, Якубов тоже пытается быть хладнокровным, – вот видишь, значит, твой внук получил по заслугам, и ты, если бы не мое благородное происхождение, лег бы на соседнюю кровать.

– Ха-ха, какое у тебя «происхождение»? Если бы у тебя был род и тейп, ты бы первым ко мне пришел, извинился, и конфликту конец, с молодыми бывает... Но раз ты так не поступил, то ты плебей и думаешь, что за внука некому заступиться.

– Ну, и как ты заступишься? Родственник уборщицы. Пошел вон, – Якубов хотел было с силой оттолкнуть в грудь старика.

А Нажа, ослабляя удар, отступил:

– Ах, так, – Мастаев выхватил из бокового кармана большой коробок. – Смотри, – он ловко открыл коробок – прямо в лицо Якубова.

– А-а! – завопил чиновник, рой взбешенных в коробке пчел жгучей маской облепил его шею и лицо. – Помогите, спасите, – Якубов хотел было сесть, потом бежать, споткнулся о бордюр и упал в кусты, еще более дразня насекомых.

А тут еще дед с посохом и кричит:

– Ах, моих пчел жалко, а то бил бы только по башке, только по башке.

Говорили, что, когда приехала «скорая», и без того толстый Якубов совсем опух. А когда прибыла милиция, Мастаев говорил:

– Не шумите, вы спугнете моих пчел. Видите, они к матке собираются, – в маленькой клетке большая пчела, а вокруг роились пчелы.

Подробнее остальных об этом рассказывал Кныш, который тоже навестил Ваху в больнице (надо было подписать какой-то документ), пересказывая комичный эпизод, он хохотал, а в конце добавил:

– Конечно, твой дед – молодец. Поделом. Ха-ха-ха, надо же догадаться – пчелы! А вот насчет времени – он не прав. Времена, действительно, наступили иные – социализм окончательно и бесповоротно победил, – довольный своими словами, он как-

то торжественно глянул в окно и, словно не дождавшись причитающихся аплодисментов, уже грустнее добавил: — А вот в другом дед прав... Действительно, революцию делали неимущие, так сказать, пролетарии до мозга костей, которым нечего было терять, и они верно делу Ленина—Сталина служили. А вот их отпрыски, тот же Якубов, будто до корыта добрались — зажгались, они погубят дело Октября, и им не место в «Образцовом доме». Пока не поздно, всех надо пересажать.

Как бы в ожидании этого, сразу же после Кныша явились в палату прокурор и милиция, почти требовали, чтобы Ваха написал заявление на нападавших. Как сказал дед, Ваха никакого заявления не писал, а давление на пострадавшего усиливалось, хоть из больницы беги. И вновь явился Кныш:

— Пиши заявление... Ты об этом будешь жалеть.

С детства впитавший уличную свободу и какую-то внутреннюю независимость, в больничной палате Мастаев ощутил, что его вгоняют в неестественные рамки бытия, и он становится неким орудием в чьих-то руках. Благая жизнь «Образцового дома» диктует свои правила игры, которые он интуитивно принять не может. И он, хоть и молод, а уже понимает, что дело не в том, что на него напали, избили, а в том, чтобы он, что велят, исполнял.

От этих мыслей его привыкшая к уличным вольностям голова шла кругом, заболела, да много ли надо молодому человеку для счастья — Виктория Оттовна вновь его навестила и принесла фрукты, а с ними торт — Мария приготовила.

Больше Мастаев лежать не мог. Покинув больницу, он самовольно снял гипс с руки и мечтал увидеть Марию. А его вызвали на работу, и там сразу в партком — премия, и немалая.

— Это за труд? — доволен Ваха.

— Нет. Мы к этому отношения не имеем. Вроде, это за выборы. Распишись.

— Не распишусь. И в выборах больше не участвую, — тверд голос Мастаева.

Вдохновленный своим решением, Ваха вечером пришел довольный домой, а там всё тот же конверт, листок расписки и радостная мать.

– Сынок, столько денег, я за тебя расписалась.

– Кто это принес?

– Почтальон.

Все, Мастаев буквально физически почувствовал, как бремя выборов и последующих неурядиц легло на его плечи. Обескураженный будущим, он вышел на лестницу покурить. И тут Мария, она явно не мимо шла, а к нему.

– Ваха, я благодарна тебе, брата спас, – он стоял как вкопанный. – Хочешь, я сегодня сыграю для тебя? Какой теплый и тихий вечер.

Он знал, что ничего не сможет сказать, поэтому даже не пытался рот открыть, и чуть позже, торопясь на базар, он был рад, что деньги домой принесли, он на все готов, даже ради одного – слышать ее исполнение.

Этот вечер! Она долго играла, потом выглянула в настежь раскрытое окно.

– Ой! Столько цветов?! Это мне? ...Не бросай, не долетят.

– Долетят! – уверен Мастаев.

Прямо под окном Марии телефонная будка, на нее он закинул цветы, сам, чуть не опрокинув шаткое строение, залез на ее крышу и оттуда, стоя на цыпочках, протянул ей букет, она склонилась навстречу. Их руки соединяли цветы, взгляды слились, и Вахе показалось, что она тоже взволнована... Все это длилось всего лишь мгновение. Когда Мастаев соскочил на землю и глянул вверх, в оконном проеме был силуэт Руслана. Вниз полетели цветы.

– Очисти улицу от мусора, – приказал брат Марии. – И не забывай свое место.

Эти цветы валялись до самого утра, пока их не подобрала Баппа со словами: «Бедный мой мальчик! Какие деньги».

...Начало осени, как обычно в Грозном, выдалось теплым. Окно Марии почти что всегда по вечерам было открыто, но от-

туда музыка уже не доносилась. А потом начались затяжные дожди. Окна закрыты, и, не выдержав, он стал по вечерам звонить Дибировым. Чаще всего трубку поднимала Мария, и с замирающим сердцем он слушал ее хрустальный голос: «Слушаю вас, говорите». Он долго не решался заговорить, а когда наконец-то решился, то едва произнес выстраданное «З-з-здравствуй», и на ее ответ он смог только что-то промывать, так от волнения скулу свело. А она как-то странно запинаясь и сказала: «Если нечего больше сказать, не звоните, не беспокойте нас попусту».

С неделю он терпел, «не беспокоил», а потом опять стал звонить, молчать, и тогда она спросила: «Ну, что вы хотите сказать?» В трубку он вновь ничего сказать не смог и тогда написал в подъезде: «Мария, я люблю тебя!»

* * *

Истоки чеченской трагедии девяностых годов XX века в некой степени зиждутся на депортации народа в сороковых годах...

В чеченском обществе, впрочем, как, наверное, и во всяком ином, презирают доносчиков. Мастаев Нажа был не первым, кто по жизни попрекнул Кутуза Якубова за деяния и происхождение отца. Сам Кутуз в это не верил, а тех, кто это говорил, — ненавидел, по возможности мстил.

Кутузу Якубову было около пяти лет, когда выселяли. Как и все чеченцы, он в самом детстве получил страшный психологический удар, который был удесятен тем, что в скотском вагоне на шестнадцатый день пути его беременная мать скончалась, еще сутки он свою мать обнимал. А потом с осмотром пришли солдаты, действовали прикладами, как мешок, выкинули в холодной, голой степи труп и тронулись дальше.

В первые годы ссылки в бараках пригорода Джезказгана было очень трудно: голод и нужда. Потом отца Кутуза устроили на хорошую работу, стало полегче. Однако это длилось недолго: отец попал в больницу, говорили, производственная

травма. И много позже Кутуз узнал, что были ссора и поножовщина с родственниками.

Мальчика отдали в детский дом. Года через полтора за ним приехали родственники по материнской линии, чтобы забрать к себе, тогда он узнал, что и матери у него более нет.

Новая семья, новое место жительства — это север Киргизии, Кара-Болта. Здесь и климат иной, живут получше, вроде для жизни все уже есть. Однако Кутуз в свои годы многое повидал, словно завтра всякое может случиться, он все, особенно еду, ворует, прячет про запас, и даже если она портится, он ее не выкидывает, все гниет. Это как-то терпимо, и с этим еще можно бороться, пытаться исправить, а вот характер Кутуза уже вряд ли переделывать: наряду со стяжательством он очень подозрителен, недоверчив, озлоблен. Словом, не смогли с ним ужиться родственники — опять отдали в приют. Видимо, в приюте были толковые педагоги, они поняли, как использовать такие качества, а заодно и обуздать нрав: назначили помощником кладовщика, вот где лишняя спичка не пропадет, никому ничего задарма не перепадет и все в сохранности, будто его собственное.

Прямо из приюта он попал в армию. Чеченцы-земляки над ним смеялись и даже позорили, как можно горцу каптером стать. Кутуза это мало беспокоило: его честь — не быть голодным, не знать даже в армии нужды.

За три года службы многое изменилось: чеченцы получили возможность вернуться на родину. В конце пятидесятых Кутуз вышел из поезда на станции Грозный. Он уже знал, что из родственников мало кто остался, а те, кто есть, далеко в горах, и там не сладко. Поэтому он, особо не отвлекаясь, прямо на вокзале спросил, где железнодорожный склад, и попросился на работу грузчиком, что всегда востребовано. Тут же в вагоне ему определили место для ночлега.

Грузчик на вокзале — работа тяжелая, грязная, для здоровья вредная. Люди не задерживаются. А Кутуз еще молодой, крепкий, упорный. Он работы не гнушается, и малый оклад его не расстраивает: он умеет понемногу подворовывать, или,

как он мыслит, «схоронить про запас». На все это строгое руководство склада с некоторых пор смотрит сквозь пальцы, ибо Кутуз – незаменимый работник, он не как остальные грузчики – норму выполняют и пьют. Нет, Кутуз не пьет, что, может быть, приветствуется, да порою настораживает, но это не главное. В отличие от остальных, Кутуз, если получает товар, словно это его собственность, все до копейки и грамма проверит. Недостача – предъявит претензии и скандал, ну а если товар отпускают со склада, тоже, словно из собственного кармана, отдает: ну, не может он без обчета и экономии. Как такого работника не ценить. Вот и стал Кутуз через полгода кладовщиком, хотя и жил в том же вагоне.

Другие, такие же кладовщики, не говоря уж о грузчиках, едва концы с концами сводили, а Кутуз через год-полтора уже сумел скопить небольшой капитал и не только в ценных бумагах, но и кой-какое золотишко. По детдомовской привычке все это он хранит в матрасе, иногда по выходным, как великий праздник, пересчитывает свое добро, и каков же был удар, когда однажды он ничего не обнаружил – своровали. Кто – неизвестно, и в милицию не заявить.

Кто другой, может быть, сдался бы, отступил, а Кутуз с новым рвением продолжал копить и при этом понял: богатство – то, что не своруют, – это земля, недвижимость. Так он купил небольшой домик, по виду сарай, недалеко от вокзала, вскоре женился. Вроде бы жизнь налаживалась, да новый удар судьбы – освободилось место завскладом хранения угля, место доходное. Якубов давно туда метил, ему обещали, и он кого надо ублажил, уже бумаги оформил. И тут из Ростова, где главк Северо-Кавказской железной дороги, пришел отказ: у Якубова нет образования.

Это тоже был удар. Образование у Кутуза, действительно, нет, и вряд ли он его получит. Но ему для роста и большего накопления нужен диплом – это требование советского строя. И если бы не сверхусилия, он так бы и остался на уровне заурядного кладовщика, корпя над каждой копейкой. Нет! Он боялся обнищать, он

боялся вновь испытать голод и лишения, он должен застраховаться от любых невзгод и считал, что только богатство и достаток обеспечивают достойную жизнь, главное — не лениться. И нелегко после трудового дня ночью вместе с женой и маленькими детьми прийти в свой склад, где хранятся тысячи мешков сахара. И не подряд, а так, чтобы не заметили, выборочно из штабелей выгачить около сотни, а может, и более мешков, аккуратно их распороть, отсыпать ведро сахара, а рядом емкости с водой, которую оставшийся в мешках сахар до утра будет впитывать, разбухать, набирать за счет влажности почти прежний вес. Утром мешки вновь зашиваются, укладываются на место, днем по разнарядке государства товар отпускается — десять-пятнадцать мешков сахара — излишки, то есть навар.

По меркам того, советского времени это внушительные деньги, и даже не каждый министр такие имеет. Но с другой стороны — риск, каждый день проверки, хабар¹; и не дай Бог, вдруг неподкупный ревизор — хана. А сколько сил на это уходит — поясицу ломит. В общем, требуется образование. Якубов понимает лишь то, что ему нужен диплом, хотя бы профтехучилища, лучше — техникума, совсем мечта — вуза, но это явно не по его знаниям, но с его деньгами и желанием.

И если в обществе есть такие кладовщики, такие же контролеры, то почему не быть таким же педагогам? Оказался он вдруг студентом выпускного курса училища. И вроде никакого подвоха: всегда нужны стране каменщики и штукатуры, к тому же Якубов не молод, и когда пришло время диплом защищать, походил он среди молоденьких студентов, учебники полистал, что-то записывал, мало что усвоил, зато понял — это не мешки тягать, не зря люди учатся, а диплом нужен самый надежный — это лучшее на данный момент вложение капитала.

В Грозном всего два вуза. У Якубова очень практичный ум, и если он смог самостоятельно понять химические свойства сахара, то почему бы ему не поэкспериментировать и в иной

---

¹ Хабар — взятка (от араб. — сообщение).

сфере, сфере, которой он отдал не один год жизни. Нет, это не склад, и тем более не сахар, а государственная железная дорога, где он не кладовщик, а по бумагам вновь рабочий погрузочно-разгрузочных работ и направляется в Ростов, в Институт железнодорожного транспорта, по льготе.

Он не поступил, а его практически просто зачислили на заочное отделение самого «легкого» факультета – «сервисного обслуживания», где минимум математики и нет сопромата, физики с начертательной геометрией, и тем более общей химии. Но все равно тяжело было учиться первый год. Ведь не все преподаватели «покупаются». А он в своем деле талант. Вот, допустим, пришел вагон зеленого горошка из Венгрии, и Якубов, еще не распечатав дверь, определяет процент транспортного боя, потери при разгрузке-погрузке, хранении и оформляет акты по списанию, словом, свою часть. А вот таблицу умножения не знает; ну, не может, не может и не хочет он голые цифры считать, только овеществленные предметы, и то не мерой весов, а лучше рублями.

Восемь раз Якубов ездил в Ростов сдавать математику. Так и не принял экзамен зловредный профессор. И Кутуз уже решил, что не видать ему вузовского диплома, хотел сдать, а оказалось, сдался профессор, в санаторий слег. Видать, Якубов достал. А молодой доцент Липатов, что по истории КПСС Якубову «отл.» поставил, срочную телеграмму в Грозный послал, другой математик знания Якубова на «удовл.» оценил.

То ли поднаторел, то ли предметы проще стали, но с третьего, а порой даже со второго раза при небезвозмездном кураторстве Липатова Кутуз окончил три курса, и тут как-то в ресторане доцент предложил, а почему бы Якубову не перевестись в другой вуз, где он тоже преподает историю партии, там и предметы попроще, и статус гораздо выше – ВПШ¹... Правда, есть одно «но» – а член ли партии Якубов и почему до сих пор нет?

---

¹ Высшая партийная школа.

Это не просто идея, это озарение. Завскладом в партию не возьмут, поэтому Кутуз на свое место – «склад сыпучих продуктов» – поставил своего зама, а сам по трудовой вновь стал рабочим станции. Ну как такой пролетарский энтузиазм не заметить и не отметить? Якубов не только кандидат в члены КПСС, у него медаль «За трудовую доблесть», его портрет на Доске почета района, по инерции его избирают депутатом райсовета. Казалось, все по плану. Да как куратор ни старался и как сам Якубов ни выкладывался, а стажа, не рабочего, а партийного, мало: в ВПШ не взяли. Зато с такими заслугами он смог заполучить «золотой» склад – импортной продукции.

Мало кто знает, но лучшей работы в Чечено-Ингушетии нет, по крайней мере так считает Якубов. Ведь никакой пыли и грязи, никаких мешков нет, все чинно и чисто, и лишь звонки и посещения высших чиновников донимают: нельзя ли достать румынскую мебель «Мирона» или японский телевизор «Сони», ну хотя бы французский костюм «Карден» или финскую обувь «Топман», в крайнем случае духи «Шанель» или сорочку «Босс». Чтобы не обижались, он дарит сигареты «Мальборо» или ящик чешского пива «Козел».

И теперь в Ростове, когда он диплом обмывал, его куратор Липатов говорил:

– Я вам так благодарен, Кутуз Сагаевич! Если бы не вы, я не смог бы так скоро защитить докторскую диссертацию.

– Пора профессором стать, – делает наставления Якубов.

– С вашей помощью все по плечу! – благодарит историк, и теперь он шлет телеграмму в Грозный, можно ли ему к Якубову приехать, дело важное есть.

В пригороде Грозного роскошная дача. Молодые люди, видно, родом из Казахстана или Средней Азии, готовят плов, жарят шашлык, баню растапливают. А Якубов с Липатовым в беседе, в прохладной тени поспевающего винограда:

– Кутуз Сагаевич, помогите. Такое место в Москве! Такое раз в сто лет бывает! Свой человек в ЦК!

– А это разнарядка именная? – вдыхает аромат местного коньяка «Илли» Якубов.

– Нет, нас было двое претендентов, все по-честному, бросили жребий. Он хороший парень, мой давний друг.

– А ты хочешь?

– Ну, кто не хотел бы?! Не судьба.

– Поедешь ты.

– Это как? Мы ведь друзья... Да и все знают.

– Пусть все знают – я деньги даю только за тебя, а не за твоего друга... Ты ни в чем не виноват. Место пропадет... Так что прямо из Грозного вылетай в Москву, ты мне там позарез нужен.

Наивно полагаешь, что Липатов в Москве сразу же сделал блестящую карьеру. Нет, все было нудно, буднично, прозаично. И не один, и не два года, а много лет, пока он рядовой сотрудник, и лишь звучит многозначительно – инструктор. Однако ростовчанин оказался не из робкого десятка; зная историю своей партии, он не растворился в коридорах власти, тем более не спился и не поддавался чувству богоизбранности москвичей. И Якубов его не бросил за давностью лет, все вкладывал и вкладывал. И вот эта подпитка, ко всему остальному, дала столь желаемый результат: Липатов – замзав отдела ЦК КПСС, большая рука для Якубова. И в Грозном вряд ли у кого такая есть.

Так почему же Кутуз Сагаевич поменял место работы? Статус? Амбиции? Признание? Словом, диалектика, когда количество должно перерасти в новое качество, либо ты дурак, лентяй, сдался, остановился и сразу же покатился вниз.

Отчасти так. Хотя какие амбиции у кладовщика, кроме как накопление денег. Вот с этим у Якубова в последнее время большие проблемы, и более того, он интуитивно понимает, что проблемы и у советского государства, ибо до сих пор государство – монополист во всем, и он, как хранитель и распределитель собственности и вечного заморского дефицита, – тоже монополист, практически самолично устанавливает таксу, и никто этому перечить не может. А тут что-то произошло, и не то чтобы сказать, но даже подумать страшно, что власть компартии пошатнулась, и уже не только на его складе – святая святых, а повсюду появились пункты продажи вожделенного дефицита. Это не

только явная контрабанда, это и подпольная деятельность так называемых «цеховиков», которые довольно умело подделывали все — от импортных сигарет и водки до джинсов и телевизоров. В этой внезапно возникшей конкуренции вес самого Якубова и его доход явно упали.

Когда к власти пришел Андропов¹, Якубову показалось, что все возвращается на круги своя, да эти репрессии в первую очередь коснулись его — чуть не арестовали. Спасло то, что Андропов недолго правил и вряд ли смог бы что-либо изменить, кризис ощущался во всем. Дошло то того, что Якубов, чтобы иметь доход (притом что со многими приходится делиться), под давлением конкуренции сам вынужден закупать под видом импорта всякую туфту и сбавривать ее мелкой клиентуре.

Это была полная капитуляция советской складской деятельности, а точнее, крах плана перед рынком. Кутуз Сагаевич, несмотря на высшее образование, этой политэкономической терминологии не знал, в процессе купли-продажи был мудр и имел природный нюх. Он понял, чтобы остаться на плаву в изменяющихся условиях, — надо быть в номенклатуре. Но для этого нет никаких предпосылок: он малообразован, груб, неотесан, нет стажа административной работы. И вообще, даже его деньги ничего решить не могут, ведь есть традиции и порядок... Однако посредством связей в Москве, купив квартиру в «Образцовом доме», не только проложил обходной путь, он в первую очередь не доказал, а показал, что порядок нарушен. Но в это никто верить не смел, а сказать — тем более. Правда, подрастающее поколение уже было иным. Его старший сын Асад с самого детства и не только днем, но и ночью в трудах, помогал отцу мешки тягать. Да это все в прошлом, а теперь он весьма обеспеченный молодой человек, для которого его отец, достигший такого благополучия, безусловный авторитет. Однако же и Асад порою видел, как его отец, ну если не пресмыкался, то явно лебезил перед работниками правоохранительных структур, кои во время внезапных проверок взымали солидную дань.

---

¹ Андропов Ю.В. (1914–1984) — генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984).

Вот это была мечта. И Асад, впрочем, как и его отец, к окончанию школы уже знали, что поступать надо только на экономический, дабы денежки уметь считать, потом заочно на юридический, дабы быть над законом, а не под ним, а следом устроиться на работу в те же правоохранительные органы, чтобы они на их предприимчивую жизнь не посягали.

В погоне за накоплением Якубов-старший никогда ничем не гнушался, зато был пытливым и тянулся к кое-каким знаниям. Как мы уже знаем, он умело использовал удельный вес веществ, изменяя влажность и прочее, а еще, будучи грузчиком, он на весах использовал полукилограммовый магнит — в день десятки кило навару. Ну а когда он стал кладовщиком, что такое килограммы? И он о магните забыл, а вот в училище он увидел принцип электромагнита — тут и центнером можно ворошить. Вот и заказал под свою огромную весовую электропритягиватель, сколько хочешь поддай напряжение, столько будет обвес. Чем не рационализаторское предложение? Вот только запатентовать нельзя, а он горд, применил науку.

А вот сын Асад к знаниям тяги не имеет, он вобрал от отца лишь тягу к количественным показателям, правда, на оценках это не отражается, и здесь отец обязан проявлять опыт общения с педагогами. А по окончании вуза строгое государственное распределение на работу, которое прежде всего зависит от успеваемости, да Якубов — исключение: в университет поступает именно по запросу. Оказывается, министерство внутренних дел ЧИАССР нуждается в таком молодом специалисте, как Якубов Асад.

Асад, действительно, незаменимый специалист, ведь он знает всю подноготную складского учета; и, будучи контролером в погонах, он с ходу развил недюжинную деятельность, и, на радость отцу, к двадцати пяти годам он уже, так сказать, на самообеспечении, и не на плохом, вскоре старший лейтенант и, что очень важно, кандидат в члены КПСС. Осталось одно — жениться. Однако Якубову-младшему не до этого, в отличие от отца, который денно и нощно скапливал добро для потомства, Асад все это уже имеет и вроде еще зарабатывает, посему жи-

вет в полном смысле разгульной жизнью. Дабы его обуздать, у родителей одно средство – женить.

Как жених Асад вроде завидная партия. Выбор и есть, и нет, это у родителей. А сын, как может, увертывается, даже на организованные смотрины не едет, мол, и по вечерам у него служба. И вдруг объявил: «Женюсь на Дибировой».

Кутуз Сагаевич считает себя непреклонным авторитетом в семье и полагает, что сын женится на той, которую он одобрит. Мария – девушка видная, даже очень красивая. И он сам, боясь как бы кто не заметил, исподтишка зарится на нее, но это так, по-стариковски, с тоскою о молодости, а не похабства ради. Однако Мария в невесты Якубовым не годится, так считает Кутуз. И у него много доводов против: Мария выросла в другом городе, мать не чеченка, оттого манеры вольные, да и не знает Мария чеченского языка. Да все это не главное. Главное, о чем Якубов-старший вслух не говорит, он не любит всех, кто живет в «Образцовом доме». Почему-то себе подобных не любит. Словом, нет. А Асад Марию любит, и мало того, случилось так, что он за нее даже на спор пошел с соседом Альбертом Бааевым.

* * *

Как известно, среда формирует характер человека.

Председатель правительства Бааев поменял немало мест работы, пока достиг таких высот. И всякий раз ему, как положено в Стране Советов, необходимо было собственноручно писать самую правдивую автобиографию. А он человек по жизни честный и принципиальный. Всякий раз, когда приходилось заполнять анкеты, он мучился, потому что приходилось не то чтобы врать, а умалчивать о работе в молодом возрасте. И это не оттого, что он так хотел, а потому что ему еще на заре трудовой деятельности настоятельно порекомендовали «вот этот период желательно не указывать», начинайте так: окончил Алма-Атинский политехнический институт».

Так это случилось в двадцать шесть лет. А что было до этого? А было то же, что и у всех чеченцев и ингушей – депортация. Но семье Бааевых в каком-то смысле повезло: их везли дольше всех – двадцать суток, зато довели до Кирзигии – Кара-Богта, Чуйская долина, благодатный край и душевные, отзывчивые люди – казахи и киргизы. Да это выяснилось позже, а до того, как их привезли, уже распространился слух: «людоедов везут». Все двери и окна закрывали, улицы становились безлюдными. И Бааев на всю жизнь запомнил, как отец за руку вел его первый раз в школу из далекого поселкового захолустья в центр, как все от них шарахались, разбегались, а в школе – последняя партка, один, и ему твердят – людоед. А он этого слова еще не знает. А когда узнал, пуще прежнего закусил губу, еще лучше стал учиться, после занятий отцу в поле помогал, ночью при свете керосинки высидывал, пока зрение не посадил и все же с золотой медалью школу окончил. А вот в институт поступать не позволили. И он чабан колхоза имени Кирова. Потом армия – три года, а когда вернулся – уже послабление режима. И он так же с отличием окончил вуз. По направлению – бурильщик нефтяных месторождений Туркмении. А когда стали осваивать Западную Сибирь, его отправили на север, и он всегда, как и в учебе, упорный, весь в труде: начальник управления, орденоседец, первопроходчик, коммунист.

Западную Сибирь осваивали все народы необъятной страны. И здесь не было особых различий по национальностям, главное – труд. И Бааев, может быть, сделал бы прекрасную карьеру, да что-то жена после рождения второго ребенка заболела, потянуло на Кавказ. А здесь, вроде бы дома, но в объединении «Грознефтегаз» даже на среднем уровне нет ни одного руководителя из чеченцев. Под нажимом из главка Бааева назначили лишь на должность начальника буровой, и он так же пахал, пока не случилось, по его мнению, вопиющее: молодой специалист, только что прибывший из Оренбурга, получил квартиру, а он ютится в общежитии.

Бааев написал письмо, можно сказать, жалобу, в ЦК КПСС – поступил ответ: «опытного, отмеченного доблестным трудом коммуниста Бааева направить для поддержки народного хозяйства в горные районы ЧИАССР с предоставлением жилья на месте».

Это был приказ. Так Бааев вместе с семьей попал в далекий Ножай-Юртовский район – стал заведующим промышленным отделом. Бездорожье, захолустье, о какой промышленности здесь можно говорить, если электрифицирован лишь райцентр. Другой бы сдался, спился, может, подался бы обратно в Сибирь. А Бааев ничего, он в минус пятьдесят работал, а тут Кавказ – благодать. Взялся он с обычным рвением и за это дело: в районе одна выращивается культура – табак, так зачем его сразу сдавать, если можно без особых затрат организовать хотя бы первичную обработку, хранение, упаковку – вот и рабочие места, прибыль, налоги. Следом – каменный карьер, дороги, кирпичный завод. В общем, через четыре года по показателям социалистического соревнования Ножай-Юртовский район в гору пошел. Следом Бааева направили подтягивать Затеречный равнинный район, но там он уже второй секретарь, и оттуда его вызвали в Грозный – министр местной промышленности, а потом и премьер.

По этой биографии можно подумать, что Бааев только и знает, что трудится. На самом деле ничто человеческое ему не чуждо. Не имея особого пристрастия, порою любит изрядно выпить, как он выражается – хандру сбить. При этом у него постоянный тост за свою жену. Жена у него, действительно, хозяйственная. И если есть поверье, что жена из мужа может сделать и мужчину, и «тряпку», то жена Бааева оказалась на высоте, пройдя путь от солдатки до генерала, она все заботы по дому брала на себя, так что сам Бааев мог думать только о работе – и никаких бытовых или житейских проблем. И это притом что супруга всегда по-доброму подстегивала мужа, заставляя его не только работать, но и расти. Росло, особенно после того, как Бааев стал министром, и благосостояние Бааевых, об истинных размерах которого супруг даже не подозревал.

Конечно, если бы Бааев, который принципиально взятки никогда не брал и не давал, просто сравнил свою зарплату со стоимостью машины сына, то он бы, может, удивился. Но он привык не обременять себя семейными делами, тут верховодит жена, и она ему порою советует: возьми вот такого-то товарища на работу, очень надо, и муж берет, частенько после жалеет – не работник. И он конечно же знал, что его супруге было подношение, и пытался на нее воздействовать, бесполезно – у нее веский аргумент: «Неужели мы не заслужили? Всю страну, добросовестно трудясь, объездили – копейки не нажили. Позволь, как и остальные министры, пожить: дети растут».

Да, дети растут. И сам Бааев словно не заметил, как единственный сын Альберт таким взрослым стал и, как жена говорит, уже жениться надумал – соседка Мария нравится. «Ну, что ж, прекрасно!» – подумал Бааев и, как жена сказала, пошел к Дибировым, так сказать, свататься. Ну, сами подумайте, кто посмеет отказать самому премьеру. Так оно и было на уровне родителей, вот только дети, даже дочери, ныне пошли строптивые.

* * *

Когда Марии Дибировой было лет тринадцать-четырнадцать, отец случайно заметил, как ее провожает до дома парнишка-казах, так, ничего особенного, просто одноклассник. Да в тот же вечер, чтобы слышали все, отец кричал на мать:

– Если моя дочь выйдет замуж не за чеченца, ты вслед за ней в окно вылетишь!

– А как в Алма-Ате чеченцев найти? – за дочь пыталась вступить Виктория Оттовна.

– Роди! – вердикт Юши Нажаевича.

После такой грубости супруга тихо плакала. Виктория Оттовна – поздняя, единственная дочь весьма добропорядочных людей, у которых было лишь одно пристрастие – искусство, музыка. В таких же традициях, в условиях советского аскетизма они старались воспитать и свою дочь, которая тоже, кроме му-

зыки, более ничем не увлекалась. И вот так случилось, что в мире музыки произошел невиданный переворот – господство стиля «Битлз». Эта спровоцированная, ангажированная и кем-то мощно поддерживаемая волна протестной, анархической, модной музыки, как отец Виктории определил, «клоунады», обрушилась на весь мир и даже смогла преодолеть крепостной вал советского строя, завлекла молодежь, в том числе и Викторию Тамм.

Именно в это время, время некоего внутреннего бунта и смятения, когда Виктория считала, что все старое, классическое – это загнившее и консервативное, она случайно встретила симпатичного, по всем канонам раскрепощенного, а точнее развязного, Юру Дибирова, и, несмотря на то, что у нее уже давно, пожалуй, с подросткового возраста, планировалась совместная жизнь с подающим надежды флейтистом из «папиного» оркестра, она в поисках нового мира, очертя голову бросилась в объятия Дибирова.

Родители пытались образумить Викторию, но не очень решительно, ибо они, будучи людьми воспитанными, уважали выбор любого, тем более дочери.

Жалела ли Виктория Оттовна? А какая женщина не жалела, желая лучшего? А потом дети – кто их не любит? Семья. Единственное, что Виктория Оттовна отстояла в супружестве, – это музыка. Она и дома играет, хотя муж не любит, и в филармонии работает, хотя муж твердит: «Не нужны нам эти копейки!» При чем тут «копейки»? Что за убогость, наваждение? Она не может без музыки, и мало того, что сын Руслан внешне ни на кого не похож, а вот характер и мировоззрение – копия отца: музыку, имеется в виду классическую, тоже не любит – не понимает. И осталась бы Виктория одинокой в семье, если бы не дочь.

А Мария, хотя внешне мало похожа на мать, да характер унаследовала от матери. И когда весь мир, кажется, подвержен производной «Битлз» – попсе, Мария, на удивление всем, тем более в Грозном, где иного и нет, признает только классику. Под стать этой музыке и ее характер: никаких вольностей, но свободолюбива; сама сдержанна, да любит бунтарей; романтична,

но иллюзий не питает; не любит ложь, но доверчива и наивна; по-девичьи смелая, но в критический момент может спасовать.

Ее появление в «Образцовом доме» вызвало настоящий фурор среди молодых людей, ревность – у сверстниц; одни восхищались ею, другие считали взбалмошной и строптивой. Последнее подтвердилось, наведя ужас на весь дом и весь центр.

Про это событие говорили по-разному, как обычно в таких случаях привирая и приукрашивая. А было примерно так. Отец Марии пообещал выдать дочь за сына премьера Бааева – Альберта. Альберт увалень, и его ни одна дворовая футбольная команда в состав не берет, разве что не хватает игрока и тогда Альберта – в ворота, благо хоть габаритами площадь займет.

Альберт вальяжен, кичится тремя незыблемостями: своим весом – за центнер, весом и авторитетом отца, который всего добился благодаря деловитости матери. Именно мать среди многочисленных невест выбрала Дибирову Марию. И не потому что очень нравится Альберту, а потому что Мария – это, действительно, самый лучший выбор. Ведь мать Альберта считает, что она сама не чеченка-колхозница, а высокообразованная светская дама, говорящая и признающая только русский язык и современную культуру. Она всегда умела выгодно показывать интернационально-коммунистический имидж мужа, стать его опорой и где-то движущей силой, завела всего двух детей; в доме ничего национального, даже в еде, а раз сын подросток, необходимо заняться и его карьерой. И тут лучше Дибировой не придумать: вроде чеченка, а вроде нет, к тому же красавица. Словом, заслали премьера Бааева со сватовством, понятно, что отказа быть не может и уже не только Бааевы, но и весь «Образцовый дом» готовится к торжеству. И тут такое – сущий бунт! Была милиция, следствие замяли, но версии остались.

По одной, Дибирова пыталась бежать через окно. Спрыгнула на телефонную будку, с нее упала и сломала ногу. По другой – наследил на крыше телефонной будки Якубов Асад, не дозволившись, он пытался постучать в окно Марии. А вот дворничиха Мастаева, мать Вахи, утверждает, что видела, как в такой

мороз Мария в одном платице бежала со двора. В итоге, уже оказавшись на проспекте Победы, она упала, поджидавший ее Якубов Асад с друзьями хотел Марию поднять, она вскрикнула от боли, тут же милицейская сирена. Горе-жених, сам же милиционер, первым бежал.

Позже, уже лежа в больнице, Мария призналась матери, что в принципе ей что Альберт, что Асад – оба не любы, да Якубов, вооруженный изворотливостью советского кладовщика, ее просто «купил»: позвонит и на фоне красивой классической музыки твердит, как он любит Чайковского, Баха, Моцарта, и в этом провинциальном Грозном одинок.

Виктория Оттовна понимает наивность дочери: сама в юности была такой, и ее интеллигентный отец не пошел вопреки воле дочери. Так она стала Дибировой. А вот отец Марии вроде прожил всю жизнь вне Чечни, а деспотичным горцем остался: как только выписалась дочь из больницы, удовлетворил он повторную просьбу премьера, выдал Марию за Альберта Бааева...

* * *

Наверное, Ваха Мастаев не переживал бы так из-за замужества Марии, если бы не предшествующие и последующие затем события.

Видимо, отцу Марии Юше Дибирову как-то стало известно, что Мастаев все время крутится около больницы. Однажды, возвращаясь на рассвете с очередной гулянки, он встретил в подъезде уборщицу.

– Слушай, – не удержался Дибиров, – огороди мою дочь от ухаживаний твоего сына.

Мать Вахи, с виду женщина робкая, тихая, сама она и не одобряет выбора сына, понимает – не пара, да в тот момент этот жилец приволок с пригородных дач шматки грязи на ботинках и не обращает внимания на ее труд, наоборот, с претензиями... Да к тому же о ее сыне!

— Я думаю, — выпрямилась Мастаева, и сама свой голос не утешает, — внимание моего сына — честь для любой девушки... тем более такой.

— Что ты несешь?

— «Несешь» ты — грязь, со всего свету.

— На то ты уборщица!

— Да, уборщица, — чуть ли не подбоченилась Мастаева. — Это мой сын освящен и не ублюдок, как некоторые.

— Что?! — был бы очередной скандал, да тут открылась одна дверь на лестничной клетке, вторая сверху, выскочила на шум Виктория Оттовна, затащила супруга в квартиру.

Вроде бы на этом все улеглось, только сановные обитатели «Образцового дома» возмущались, что все неурядицы от новых жильцов.

Позже, уже весной, был, как всегда в апреле, коммунистический субботник. Вахе поручили почистить фасад дома. И только сейчас, протирая металлический лист, он увидел, что сверху мелкая надпись «Жильцы дома борются за звание» густо закрашена, а ниже крупно позолотой выбито «Образцовый дом» и черной краской приписано — проблем. Это Ваха в очередной раз стер. И тут мать настоятельно сказала:

— Заодно и то, что в подъезде, выскреби.

Оказалось, что стирать гораздо труднее, чем писать. Повиснув на одной руке, другой Ваха уже уничтожил «Мария» и ближнее к себе «люблю», как в подъезде движение. Он повернул голову, и надо же такому случиться — Мария в сопровождении матери и брата возвращаются из больницы, в руках девушки сумка, выпала, звук треснувшей посуды, и тут же Мастаев полетел вниз, прямо на перила.

— Ты не ушибся? — бросилась к Вахе Виктория Оттовна.

Мастаев от боли губу прикусил, преодолевая боль, побрел к выходу.

— Может, врача? — беспокоилась мать Марии.

— Был заика, теперь и вовсе онемел, — усмехнулся Руслан, а след крикнул: — Беги в больницу, как раз в женской палате койка освободилась, не зря ведь ты там околачивался!

Два вечера Ваха держался, на третий дрожащей рукой набрал телефон Дибировых, на его счастье подошла сама Мария. Он и бросить трубку не смог, и сказать ничего не может, а она, видимо, догадалась.

– Ваха, это ты?

– Э-э-э, – он, как обычно, запнулся.

А она с упреком и с какой-то смущенной интонацией:

– Ты стер надпись сам или?..

– Ты можешь выйти? – вдруг прорвало Мастаева.

– Да, завтра в семь вечера у летнего кинотеатра, – она резко бросила трубку, то ли ее оборвали.

А на следующий вечер он до девяти простоял на условленном месте. Придя домой, услышал от матери: кто-то несколько раз звонил, молчал. Ваха бросился к аппарату: телефон Дибировых ни в этот вечер, ни в последующие не работал. Окно Марии наглухо зашторено... Вскоре состоялась свадьба Марии и Альберта. Все было с размахом, в общем, торжество.

Никогда в жизни не унывавший Ваха погрузтел, погрузился в себя, совсем замкнулся. Как ему казалось, его беда усугублялась тем, что даже мать его не пожалела. Он чувствовал себя очень одиноко. Но у него была одна потаенная мечта: хотя бы раз с глазу на глаз увидиться с Марией. Он знал, что это случится: хоть и на разных этажах, да в одном доме живут, о неизбежности этой встречи и мать сына предупреждала:

– Эта Мария наших порядков не признает и особо не чтит, но ты должен знать, что она отныне чужая жена, и не только здороваться, даже посмотреть в ее сторону не смей... Мы слабые, значит, всегда виноваты будем.

Ваха это понимал, да сердцу не прикажешь. И не то чтобы он искал встречи, наоборот, он этой встречи боялся, молнией пробегал по двору. Однако это случилось, и самым неожиданным образом.

Ранним утром во двор приезжает мусоровоз. С тяжелыми мусорными баками матери нелегко, эту работу всегда делает Ваха... Начало лета. Свежо. Прохладно. Обильная роса ув-

лижнила газоны. Над кронами деревьев и верхними этажами сплойка предрассветной дымки. Зачирикали воробьи, ласточки шлепали... И, словно из-за тумана, рядом появилась Мария, исхудавшая, осунувшаяся. Она виновато улыбнулась, словно не умеючи, пакет с мусором осторожно положила в бак, а в другой руке большие диски, она их теперь обеими руками прижимает к себе, смотрит на них и словно выносит приговор:

— В этом «Образцовом доме» образцовую музыку не понимают и не любят!... Впрочем, не только здесь, — она осторожно поставила стопку пластинок у бака и как-то торжественно им сказала: — Отныне тут наше место, — как и пришла, тихо стала уходить.

— Как твои дела? — что пришло на язык, ляпнул Ваха.

Она едва улыбнулась:

— Зря ты стер надпись «Дом проблем», — словно в тумане растворилась Мария, будто навсегда.

Как, действительно, носителей всемирных ценностей отнес Мастаев эти пластинки в свой чуланчик. В «Образцовом доме», как в небольшой деревне, все об этом, может быть, знали, да промолчали бы. Вот только сам Ваха повод дал: у кого-то взял и долг и, значительно переплатив, достал модный проигрыватель, и пару вечеров колонки на ступеньки — классику в массы.

Это был не намек, а вызов, на который сразу отреагировали муж и теперь уже накрепко сдружившийся с ним брат Марии. Зная дворовую сноровку Мастаева, приятели — Альберт Бааев и Руслан Дибиров — на драку не пошли: зорно им руки марасть. А вот заморский проигрыватель основательно пострадал. Был и иной прессинг, вплоть до того, что Вахе и в футбол играть не давали, и во дворе проходу не было.

Все это казалось юношеской забавой по сравнению с тем, что готовила мать Альберта, сама премьерша — госпожа Бааева. В чуланчик Мастаевых наведалься целая комиссия — это и управдом, и инструктор обкома, и прокурор, и милиция. В итоге масса нареканий. Все эти годы не оплачивали квартиру, те-

лефон и радиоточку. В результате – колоссальная задолженность. Но это не главное. А главное то, что, оказывается, у них в паспорте стояла прописка временная – срок уже истек. И им выдано предписание: «В течение трех суток освободить служебное помещение «Образцового дома» по адресу: пр-т Победы...»

Еще усерднее по ночам мать Вахи вылизывала все подъезды и территорию «Образцового дома», днем тщетно обивали пороги инстанций. Сам Ваха понимал ситуацию и действовал более рассудительно: к осени ему обещали комнату в общежитии его стройкомбината, а до этого сосед по двору Яшка Мельников предлагал пожить на его даче. Словом, уже ни на что не надеясь, Мастаевы собирали баулы, а на завтра, встав раньше всех, мать с удивлением обнаружила: по периметру всего «Образцового дома», как и прежде, объявление «Выборы», и тут же крупно: «Председатель избирательной комиссии тов. Мастаев В.Г.».

– А еще, – шепотом добавила мать, – снова написали «Дом проблем».

Ровно в восемь утра к чуланчику «Образцового дома» подошла выселяющая Мастаевых комиссия, стала в недоумении, вновь и вновь перечитывая многочисленные объявления, как можно выселить председателя избиркома? На помощь комиссии подоспела решительная госпожа Бааева:

– Так, что стоим? Выгоняйте их! – повелительно махнула рукой, и только теперь перехватила прикованные к ней взгляды.

Уж кто-кто, а Бааева знала закулисы советского строя, сразу осеклась, отвела взгляд. Возникшую тишину нарушила почтальонша:

– Мастаев! Срочное уведомление. Лично в руки.

И пока Ваха, стоя на лестнице, вскрывал конверт, все потихоньку разошлись, а он читает: «29 сентября (ровно через две недели) в Доме политического просвещения состоится аттестация председателя центральной избирательной комиссии Мастаева В.Г.; изучить основные труды К. Маркса, В. Лени-

пр. И. Сталина и М. Горбачева. Представить подробные конспекты этих трудов. Свои выводы. Некоторые выдающиеся цитаты знать наизусть».

«Да пошли вы все», — подумал Мастаев и хотел конверт скомкать, как увидел внизу карандашную приписку рукой Кныша: «см. на обороте». Он листок перевернул: «Квартплата — копейки. Ты не забыл ссуду? Проценты».

Такое забыть нельзя. И ладно — их выселят. А если выселят деда в Макажое? Как такое пережить?

Побежал Ваха в республиканскую библиотеку имени Чехова, обложился книгами, все выписывал и зубрил. Кучу книг принес домой и всю ночь на кухне то же самое, так что через неделю он уже стал заговариваться, а в редкие часы сна лозунги выдавать и вообще на мир смотреть по-иному, наверное, поленински... Словом, к указанному дню приоделся Ваха как на свадьбу, значок Ленина на лацкане, и заходя он на улице Красных Фронтвиков¹ у Дома политического просвещения. Теперь на это красивое, светлое здание, со всех сторон обсаженное клумбами роскошных цветов он глядел иначе: с трепетом, как на храм силы и власти.

Стоя в сторонке, в тени привезенной сюда с севера березки, он выкурил не одну сигарету. Много трамваев мимо прошло, а по величественной мраморной лестнице парадного входа не поднялся ни один человек. И никакой охраны. Раньше он этого даже не замечал, а теперь к десяти утра солнце так освещает, что под куполом, на котором красный коммунистический флаг СССР, знак пятиконечной звезды, а под ним какой-то орнамент, от которого тень фашистской свастики и одновременно звезда Давида.

Политикой Мастаев никогда не интересовался. И если раньше в здание политпросвещения он входил как в обыденное,

¹ Красные Фронтвики — подпольно-террористическая организация при Коммунистической рабочей партии Германии (КРПГ), Малое бюро Коммунистического интернационала (по личному указанию В.И. Ленина) утвердило ей смету в 350 000 марок в месяц (23.11.1920 г.).

особо ни о чем не задумываясь, то теперь у него какое-то волнение. С трудом он открыл массивную стеклянную дверь. В просторном фойе светло, прохладно, ковры такие, что ноги утопают. И ни души, тишина. Звучит «Интернационал».

Словно в первый раз здесь, Мастаев огляделся. Таблички: «Архив», «Музей Славы», «Библиотека», и отдельно, красным «Общество «Знание». Это первый этаж. На второй ведет изумительная лестница, тоже в коврах, и там надписи: «Актный зал» и вроде «Секция пропаганды и агитации». Однако сквозь огромное окно во всю ширь стены щедро просачиваются солнечные лучи и так вскользь по надписям, что Мастаев прочитал или ему почудилось «Адовый зал», «Секта пропагандистов и агитаторов». Там всегда восседал Кныш. И на сей раз Мастаев поднялся на второй этаж, и почему-то до этого он редко при Кныше заикался, а на сей раз даже поздороваться толком не смог, но когда его прорвало, он ляпнул:

– Что за видения вокруг?

– О-о, Мастаев, похвально! Наконец-то ты прозрел. Вообще-то все это болезненное воображение. А мы твердые и непреклонные атеисты, и всякую мистику, тем более суеверия, должны с пролетарской решительностью отметать... Вот, будешь уходить, посмотри еще раз и поймешь, что это были галлюцинации, а может, фантазия... Впрочем, – он закурил папиросу, – как и наш «Образцовый дом», Дом политпросвещения тоже строили пленные немцы, могли что и учудить... Однако нам не до этого. Садись. Дела не ждут – почти час Кныш разъяснял Вахе современное состояние мировой политики. Под конец спросил:

– Товарищ Мастаев, вы поняли? Повтори!

Мастаев стал заикаться.

– Вот видишь, – Кныш разозлился, встал. – У тебя в голове сумбур! Из-за этой любви к гражданке Дибировой ты потерял всю пролетарскую бдительность. И мало того, что ты совсем не интересуешься политикой, – ты, так сказать, флагман социалистического строительства, вдобавок снизил производительность труда, стал даже в одежде подражать этим сынкам при-

хлостней буржуазных веяний, и мало того, ты стал пропагандировать нехорошую музыку! И где? В «Образцовом доме»!

— А разве классика — плохая музыка? — вырвалось у Мастаева.

— В том-то и дело, что хорошая. Она заставляет задуматься, мечтать, верить. А зачем это в массы? Массам нужны хлеб и попса, — я тебя люблю — ля-ля-ля, ты меня люби — ля-ля-ля. Пошли? В Москве новые веяния — перестройка, гласность, свободные, альтернативные выборы на всех уровнях. Надо узнать, чего понстине хочет народ после стольких лет советской власти?

— А для чего?

— Чтобы выверить курс, — Кныш вновь закурил. — Поэтому, раз свободные, так сказать, демократические выборы, тьфу, ну и слово выдумали... Ну, да ладно, еще подавятся своей «демократией» и будут нашу рабоче-крестьянскую власть вспоминать!.. Так, о чем я? А, да, о выборах. Выборы — свободные, действительно, свободные. Поэтому никакой пропаганды и агитации. Мы покидаем эту секту... тьфу, черт, ты накаркал, — эту секцию и перейдем на первый этаж, «Общество «Знание», — он указующе вознес палец. — Пошли.

Кроме пачки папирос и спичек, Кныш даже бумажки не взял. Они спустились на первый этаж, открыли дверь в «Общество «Знание» и сразу перед глазами огромный лозунг «Знание — Сила!»

— Вот это редкая правда на земле, — постановил Кныш.

И здесь никого не видно, да заварен чай — аромат. И обстановка здесь несколько иная — не то что лучше, а свободнее: глубокие кресла, диван.

— Садись, — Кныш сам плюхнулся. — Здесь можешь курить, свобода!.. А в принципе эти выборы — просто блажь. Раньше нам надо было пахать, агитировать, пропагандировать и представлять голосовать, хотя все заранее известно. А теперь — пусть массы делают что хотят. Наше дело организовать, это мы умеем, проанализировать — этому научимся, и сделать правильные выводы — это нам подскажут.

— А кто подскажет?

— Тот, кто сидит в «Секции пропаганды и агитации».

— Так там сейчас никто не сидит.

— Хе-хе, Мастаев, тебе сегодня все кажется, а свято место пусто не бывает, а то, небось, другие позарятся. Так что, Ваха, дорогой, у нас работа есть, ведь кладезь знаний не исчерпан.

Хотя Кныш предупреждал, что работы будет немного, на самом деле было столько документации и всякой писанины, что сидели не только весь день, но и до ночи. Однако этот труд не был по рабоче-крестьянски изнурительным, наоборот, теперь Кныш все делает спокойно, не спеша, и если раньше он всегда клеймил буржуазию и демократию, то теперь он находит в этом много полезного.

— Видишь, как живут капиталисты, — это они на обед зашли в соседнюю комнату, где на столе столько всего, что Мастаев даже названий таких блюд не знает. — У них принято коньячок, — это во время полдника, и перед уходом, ночь за окном. — Ну а в целом, все-таки буржуи молодцы, их энтузиазм — не почетные грамоты и значки, а то, что существенно, — деньги... Так что Ленина с пиджачка на время убери, а это получи, — он бросил на стол увесистый конверт. От этой фантастической суммы Ваха даже отпрянул. — Бери, бери, — постановил Кныш. — Это аванс... И вот здесь распишись.

— Что это? — испуг в голосе Мастаева.

— Как положено — расходный ордер.

— Но тут написано расстрельный ордер.

— Что?! — Кныш поднес документ к глазам, потом надел очки. — Вот идиоты... Ну, это опечатка. А ты распишись, а завтра я все исправлю.

— Может, я завтра деньги возьму.

— Завтра некогда. Я улетаю в командировку в Москву.

— А может, я замазкой исправлю?

— Мастаев, финансовый документ ляпать нельзя... Да и какая разница: расход — расстрел, на жаргоне — все одно.

— А вы какого звания? — вдруг ляпнул Ваха и сам испугался своего вопроса.

— Товарищ Мастаев, — тут Кныш вновь закурил. — Я солдат

революции. Ха-ха-ха! Распишись... Теперь ты тоже. И запомни первое и единственное правило – молчи.

Они распрощались в «Обществе «Знание», и когда Мастаев пошел в фойе Дома политического просвещения, там был непривычный полумрак, пустота, и почему-то ковров уже нет. По холодному мрамору каждый шаг как колокол звенит, ни одна лампочка не горит, только там, где «Секция пропаганды и агитации», освещено новое название «Братство: перестройка, гласность, демократия».

Ваха хотел было возвратиться в «Общество «Знание», как вдруг его напугал голос сверху:

– Мастаев, ты что забыл? – Кныш уже на втором этаже, облокотившись на мраморные перила, курит.

– Э-э-э, тут, по-моему, ошибка в названии, после «Братство» двоеточие надо убрать, и далее...

– Где? – перебил его Кныш, сделал несколько шагов. – Вот идиоты, только списывать могут... А ты, товарищ Мастаев, молодец! Все-таки в тебе рабоче-крестьянская бдительность. Иди, все исправим.

Улицы Грозного в фонарях, однако весь город так густо засажен деревьями, что как и в фойе, прохладно, сыровато, тишина, лишь где-то у Главпочты на повороте заскрипел приподнявшийся трамвай. Мастаев почему-то глянул вверх, как там символы СССР, а их уже нет. Точнее, не видно. Только на фоне темно-фиолетового неба черный, кажется, колышется флаг, и рядом полумесяц со звездой.

То ли от свежести ночи, то ли вспомнив расстрельный ордер, Мастаев, ежась, вздрогнул. И все же карман приятно утяжелен, мать, наверное, волнуется. Он дворами напрямую побежал домой, и уже у ступенек случайно глянул вверх: на своем балконе стоит Кныш, в майке, курит, как обычно, облокотившись о перила.

Словно видит впервые, Мастаев Кнышу кивнул, как бы здороваясь, а может, прощаясь, чуть ли не бегом заскочил домой. Хотел спросить у матери, когда приехал сосед, а она его опередила:

– Слушай, сынок, только что приехал Кныш. Такой важный, на черной «Волге», с шофером. И со мной такой вежливый, говорит, хорошего я вырастила сына и что ты огромную премию получил. Это правда? За что?

* * *

Эти выборы оказались очень сложными, и Мастаев Ваха почти круглые сутки на избирательном участке. И не может справиться с работой, столько нового, непонятного. А как таковых инструкций и положений о новых выборах нет, старые не подходят. Ведь предыдущие выборы – это одна партия, коммунистическая, один кандидат на одно место. Все ясно и понятно, лишь бы явку обеспечить. Если кто посмеет на выборы не прийти – столько рычагов воздействия на избирателя у советской власти, вплоть до того, что участковый милиционер сам с урной и до больного пенсионера, и до пропойцы дойдет, и проголосовать заставит.

Выборы в СССР в конце восьмидесятых – это совершенно новый этап в жизни страны. Старая система себя просто изжила и не могла больше в таком виде существовать. Шли поиски нового пути, так сказать, через свободное волеизъявление граждан, и оно началось. И пусть партия еще, как и прежде, одна, а уже на одно место начальника, точнее народного избранника, – двадцать четыре кандидатуры. И здесь не только члены КПСС, много беспартийных, много простых людей, есть и рабочий, и инженер, и даже колхозник. И что более всего удивляет, нет никакого шаблона. Оказывается, коммунистическая пропаганда и агитация не смогли управлять мыслями людей. Как выяснилось, советские граждане сохранили способность думать, да еще как думать. И это в программе каждого кандидата, где есть и утопия, но в основном много здравых, конкретных предложений по улучшению ситуации в республике и стране.

По национальному составу кандидатов – полное отражение национального состава населения Чечено-Ингушской АССР.

Больше всего чеченцев, потом русские, ингуши, есть и армянин, еврей, украинец и даже грек. Как ни странно, и женщины выразили готовность участвовать в управлении республикой, даже горянка среди кандидатов есть.

Конкуренция колоссальная, если не партии, то инициативные группы поддержки каждого кандидата оказывают давление на руководителя избиркома Мастаева, требуя для себя тех или иных выгодных условий. У самого Мастаева, кроме как зарегистрировать претендента, пока других прав нет. Кныш, как уехал в Москву, так и не звонил. А помимо него что-либо вразумительное по поводу выборов никто сказать не может. Все ждет указаний из Москвы, а их нет. И когда Мастаев уже отчаялся, не зная, как далее быть, даже напечатать избирательные бюллетени не на что, из Москвы, как спасение, правительственная телеграмма: «Тов. Мастаеву В.Г. срочно вылететь в Москву для повышения квалификации и аккредитации».

Так, первый раз в жизни Мастаев попал в столицу СССР. Все, что увидел Ваха, поразило его. Грязь, давка, очереди у касс, неразбериха, крики, всюду вповалку спят люди. В метро и на улицах нищие, попрошайки и почти безучастная милиция.

На такси он добрался до гостиницы «Россия», где ему забронирован номер. Здесь, в фойе, тоже столпотворение, мест нет. Проголодавшись, он пошел в местный буфет. На витрине есть все, даже черная икра, но цены такие, что один его обед – как жизнь неделю в Грозном.

Вечером Ваха решил прогуляться по центру Москвы, везде мусор, какой-то чувствуется беспорядок, в магазинах – сплошь пустые прилавки, даже хлеба нет, в свободной продаже только соль, уксус и какие-то дешевые рыбные консервы. А люди злые, подозрительные, к нему презрительны. И все же Москва есть Москва, чувствуются мощь, масштаб, историческое величие, культура. Правда, последнее где-то «хромает»; он, выросший на городских улицах, остро ощущает характер бытия, к вечеру какое-то напряжение, улицы резко опустели, у гостиницы машины без номеров, в них подозрительные лица с хищными

- А почему только чеченцев убираем?
- Справедливый вопрос. Отвечу – для равенства... Ну, и не можем же мы всех подряд пропускать. Ведь надо какую-то значимость и видимость твоей работы показать. Подписывай.
- Что это? – насторожился Мастаев.
- Акты о нарушениях в заявочных материалах.
- Такие нарушения почти во всех делах есть.
- Хочешь, всех исключай... Ты хозяин-барин. Только тогда выборов в республике не будет. Так что и ты должен сделать выбор... Поверь, так будет лучше.. С любопытством жду, что из этого выйдет. Пойдут ли люди голосовать? За кого?

Мастаев сам с нетерпением ждал выборов. Но до этого случилось несколько инцидентов. Однажды вечером на него напали неизвестные, милиция оказалась рядом и на чеку. Звонили домой с угрозами. Пытались через мать всучить взятку. А самое неприятное – прямо во дворе его грубо остановили Бааев Альберт и Руслан Дибиров.

– Почему отца из списка вычеркнул? Отвечай, урод, – они просто затолкали Ваху и более ничего. И сам Мастаев об этом даже забыл, а через день мать сообщает: милиция обоих арестовала, отпустили под подписку о невыезде – нападение и оскорбление должностного лица. С мольбой приходила Виктория Оттовна.

Ваха даже не знает, что он может сделать. Вопреки устной инструкции, решил посоветоваться с Кнышем.

– Слушай, Мастаев, этих обьевшихся шнырей надо было, пользуясь моментом, проучить. Но раз ты настаиваешь, подкажу. Звони прокурору.

– Я никого не знаю.

– Зато тебя знают. Звони.

...Таких выборов Мастаев не мог даже представить. Это был не праздник, а праздничный труд, что-то сродни чеченским белхи¹, когда с самого утра народ потянулся к урнам. И никакого

---

¹ Белхи (чеч.) – коллективная взаимопомощь при строительных, сельскохозяйственных работах.

пренебрежения, показухи или обязательства. Зато долг и ответственность. Все сосредоточенны, заранее знают, за кого голосуют, люди стоят в очереди, зная, что этот шанс предоставлен впервые. И в нем все настоящее, прошлое и будущее...

Под наблюдением доверенных лиц кандидатов всю ночь Мастаев подводил итоги голосования. Как было ранее предписано, ровно в 10 утра он явился в Дом политпросвещения, в «Общество «Знание».

— Вот это да! — крайне удивлен Кныш. — Явка 97 процентов. Такого нигде по Союзу нет... М-да, чеченцы консолидированы, очень консолидированы. А знаешь, это сделала депортация. Какое братство, какая сплоченность! Как нигде... Хм, тут не интернационализм, а попахивает национализмом. Это к плохому может привести.

Кныш встал, унося с собой итоговый протокол, скрылся в соседней комнате. По приглушенному разговору Мастаев понял, что он куда-то звонит, видимо, докладывает.

Вернулся он нескоро, вспотевший, взволнованный, недовольный.

— Как будто я виноват, — сунул Кныш в рот сигарету. — Ты еще здесь? Так, Мастаев, ты добросовестно отработал, вот гонорар, — он кинул на стол пачку денег. — Бери, бери, при большевиках дал бы я тебе Почетную грамоту и бутылку водки, а у демократии другой Бог — деньги... А впрочем, какая разница. И лучше расстрел, чем исподволь — в расход.

* * *

По закону «О выборах в СССР» у Мастаева Вахи как председателя избиркома была ровно неделя для составления «итогового протокола».

Ранее «итоговый протокол» бывал готов, так сказать, еще до начала выборов. В целом безальтернативные выборы, этот документ подтверждали, и Мастаеву лишь оставалось все это с небольшими изменениями переписать, подписью и печатью подтвердить, утвердить и отправить в вышестоящую инстанцию.

На сей раз все было гораздо сложнее: никакой шпаргалки и указаний сверху нет, все надо перепроверить, все просчитать и каждый бюллетень своей подписью и печатью подтвердить. Словом, работы, требующей внимания, очень много. А тут мать Ваху словно вора за рукав:

– Откуда эти деньги? Если заработал, почему прячешь? Если за выборы, то почему много? Тебя подкупили?

– Никто меня не подкупал! – оправдывался сын.

– Такие деньги мы и за год не зарабатываем.

– Ну, пора и мне зарабатывать, – слегка пыжится Ваха.

– Смотри, сынок, худо-бедно, а я тебя честно заработанным куском хлеба вскормила. Попытайся и ты мою старость тем же куском прокормить... Мне много не надо.

– Так и будем в нищете жить?!

– Лучше в нищете, чем как «эти», – она ткнула пальцем вверх, как бы обобщая всех жильцов «Образцового дома».

– А что, они плохо живут? – искренне удивился сын.

– Живут без Бога... Оттого столько проблем в нашей жизни.

– Что-то я не вижу проблем у наших жильцов, – усмехнулся Ваха.

– Да, вроде, ты прав, – после долгой паузы согласилась мать. – Однако я почему-то им не завидую... А эти деньги верни.

– Мне их Кныш дал, – как тайну прошептал Ваха.

– Хм, а разве Кныш не живет в «Образцовом доме»? Или ты забыл историю с кроссовками? Попрекнут, вновь подавимся.

Наверное, будучи под впечатлением от этого разговора, Ваха на следующий день, подводя итог выборов, в последней графе «краткое резюме», что было просто для проформы, написал: «Первые свободные выборы, впервые руководитель – чеченец!»

– Хе-хе, – прочитав это, едко усмехнулся Кныш. – Дурак ты, Мастаев. Лучше бы выбрали русского, чем русского зятя... Не понял? – Кныш закурил. – Собирайся с отчетом в Москву.

В отличие от Кныша, на заседании в столице отметили, что итог выборов в Чечено-Ингушетии логичен, закономерен и в целом имеет положительный результат, так как страна решительно движется к западным стандартам жизни и поддерживает независимость всех территорий, в том числе и самой России.

— А что, Россия от кого-то зависит? — реплика из зала.

— Да, необходим сброс лишних территорий, надо временно освободиться от балласта.

— Что вы имеете в виду?

— Все так называемые союзные республики, в том числе, возможно, и некоторые автономии.

В зале начался нешуточный спор. Дело чуть не дошло до драки, одни считали, что великую державу надо сохранить, другие поддерживали высказанное мнение.

— Прекратите, прекратите, — призывал к порядку ведущий. — Давайте лучше выслушаем, что скажет вновь избранный представитель Чечено-Ингушской АССР.

Это предложение оказалось почему-то сверхинтересным, и в зале моментально наступила тишина.

— Товарищи, я благодарю вас за оказанное доверие, — начал руководитель республики.

— Что он несет? — вырвалось у Мастаева, он глянул на рядом сидящего Кныша. — Народ его избрал.

— Не шуми, — локтем ткнул Кныш Ваху, — слушай дальше.

— Товарищи, — продолжал выступающий, — я обещаю честно придерживаться курса, избранного нашей партией, — он еще долго говорил, как было принято на партийных собраниях, отчего Мастаев уже стал зевать, как под конец ударная интонация: — Я вас всех приглашаю в Грозный! Моя дорогая супруга Ольга Николаевна так вкусно готовит русские щи, ну, и коньяк у нас отменный.

— Во! — вновь ткнул Кныш Мастаева под ребро. — Слышишь, что наш зять говорит?.. Хе-хе, пойдем курить, а их треп мне давно известен.

Они вышли на лестничный пролет, где можно было курить: там мусор, плохой запах, сквозит, уныло гудит вентиляция. Курили молча, а под конец Мастаев спросил:

– А-а-а что будет дальше?

– Хреново, – сплюнул Кныш. – Все суки продажные.

– И вы им служите?

– Служу и я, и ты, и все мы! Отныне вот наш кумир, царь, Бог! – он достал из кармана зелененькую бумажку.

– А что это? – удивлен Мастаев.

– А ты еще не знаешь? Ха-ха! Вот идол нынешнего времени. Смотри, пощупай, понюхай. Доллар! Вот хозяин твой и мой, и всех, кто здесь сидит.

От этих слов Ваха скривился, бросил окуроч, хотел вернуться в зал.

– Постой, – остановил его Кныш. – Там еще два часа будут болтать, а вывод один: доллар лучше, чем серп и молот. И это правда, а если хочешь оспорить – вновь в нищете живи... Но у нас ныне «бабки» есть. Так что пошлем всех к чертям. Пошли в ресторан водку пить, икрой заедать... Вот наш выбор! А то жили в труде и в нужде, «Образцовый дом» содержали.

Огромная гостиница была закрыта на спецобслуживание, наверное, поэтому и ресторан был пуст. Ваха пить не любил, как говорится, только пригублял. Зато Кныш налегал за двоих, отчего вскоре у него совсем язык развязался. Говорили о прошедших выборах:

– Конечно, результат для меня неожиданный, – говорил Кныш, – хотя здесь, в Москве, это считают прогнозируемым... А ведь могло быть и хуже. Вдруг народ взял бы и выбрал Якубова. Кладовщик. Ты знаешь, какая дрянь? Да откуда тебе знать... Впрочем, Ваха, сынок его Асад похлеще отца. Вот это ты знаешь.

Мастаев ничего не ответил, только заерзал.

– А хочешь, я тебе кое-что про Марию скажу, – ехидно хихикая, вдруг объявил Кныш, пригвоздил к себе внимание собеседника и тогда продолжил, не торопясь: – Как известно, ты любил на телефонную будку залезать, в окно Дибировой заглядывать.

В-и-всего т-т-три, – вспыхнул Ваха, – и не заглядывать, а шесты за музыку дарил.

– Не важно. В общем, Якубов Асад эту твою проделку хотел использовать. Зная, что Марию выдают за Бааева Альберта, он накануне позвонил ей и сказал, что ты залез на телефонную будку, а это заметил ее брат, Руслан, и теперь идет меж вами драка не на жизнь, а на смерть. Так Асад хотел наивную Марию выманить и умыкнуть. Это у него почти что получилось, – Мария выбежала на улицу в одном халате, но поскользнулась – был мороз, скользко. Остальное тебе, я думаю, известно.

– Откуда вы это знаете? Вы что, прослушиваете все?

– Мастаев, не задавай глупых вопросов. Лучше выпей, трезвым сейчас жить тяжело.

– Я пойду, устал.

Всю ночь Ваха не спал. Кныш растеребил еле заживающую рану.

Утром Мастаев хотел еще кое-что спросить у Кныша, но его не было за завтраком. Дверь заперта, администратор сказал, что Кныш спозаранку куда-то ушел. И тогда Ваха, дабы забыться, решил пройтись по центральным магазинам столицы, что-либо купить себе, матери, благо деньги, что дал ему Кныш на выборы, он не вернул, припрятал.

Обошел ЦУМ и ГУМ, устал, все тело болит, словно он пил накануне. На прилавках почти ничего нет, только барахло. Правда, продавцы да какие-то непонятные личности, видя, что он приезжий, увиваются вокруг, все предлагают. И вот шуба. Какая шуба для матери! Очень дорого, даже всех его денег не хватает, но ему идут навстречу. В какой-то примерочной он внимательно осматривает товар, даже просит какую-то женщину примерить. Упаковывают. Его вежливо провожают чуть не до гостиницы. Как он рад, звонит в Грозный, а матери дома нет. А он хочет еще раз полюбоваться своим подарком, а там – тряпки... Он спешит в магазин. Продавцы пожимают плечами: у них шубами не торгуют, а с примерочной – помогли.

А милиция его самого отвела в отделение. Спрашивали — откуда такие деньги. Что, на Кавказе деньги на деревьях растут? А вечером Кныш добил:

— Наказ матери исполнять надо, сказала она тебе: «Верни деньги», а ты ослушался.

— Вы и это подслушали? — все еще поражается Мастаев.

— Не задавай глупых вопросов, вы на весь двор шумели, — ухмыляется Кныш. — Пошли лучше в ресторан, я угощаю, — и уже в коридоре: — А знаешь, с этими демократами гораздо лучше, нежели с коммунистами. С коммунистами голый энтузиазм, и я вечно в долгах, попрошайничал. А теперь сам угощаю. Знаешь, это тоже кайф... А деньги частично восполню: на своем заводе ты премию за выборы получишь.

Действительно, вернувшись в Грозный, на свой строительный комбинат, Мастаев узнал, что ему выписана приличная премия и полагается зарплата за пару месяцев. Но в кассе денег нет, да и сама стройка приостановлена, а секретарь парткома Самохвалов на Мастаева кричит:

— Это ты со своими «свободными» выборами доводишь страну до развала. Вот тебе свобода — бери! Теперь питайся «свободой»!

Для Мастаева это был нешуточный удар. Ведь он работал не столько за деньги, сколько в надежде получить квартиру в строящемся доме. Каких-то полгода — и объект был бы сдан. И это не только собственное жилье, это избавление от мук, не будет видеть жильцов ненавистного дома, в том числе и Марию, и ее мужа, и брата, и соседа Асада Якубова. И его мать не будет более их подъезды убирать. Все это было очень тяжело, и вместе с тем он как-то поймал себя на мысли, что если бы вновь был выбор, за что бы он теперь проголосовал? Твердо — только за то, что есть: народ должен определять свой путь, пусть иногда и с ошибками. И должна быть борьба для развития, а не «итоговый протокол», что доставит откуда-то Кныш, под который надо подстраивать все бюллетени выборов.

Вот с такой, можно сказать, политически взвешенной позицией подошел Ваха к своему двадцатипятилетию, как раз шел 1990 год, в Стране Советов уже не назревали, а во всю прыть шли перемены. И неизвестно, к чему могли привести политические новшества, а вот экономика пошла вспять, и Мастаев это ощутил на себе. Его строительный комбинат полностью прекратил работы: нет средств. Всем работникам предоставили «отпуск без содержания». А в это время цены на все товары резко побежали вверх, и советские люди узнали, что такое не просто инфляция, а галопирующая инфляция.

Жить на одну зарплату матери-уборщицы почти невозможно. А ведь Мастаев не только крановщик, но и слесарь-газосварщик. Идет на стихийно образовавшуюся в Грозном «биржу труда» (даже терминология стала меняться). Там время от времени попадаете разовая работа, и кое-как Мастаевы сводят концы с концами. Однако экономический кризис набирает оборот, появляется новое страшное слово – безработица.

Казалось бы, кризис должен был породить ностальгию по прежней жизни в СССР, однако Мастаев, уже смутно представляя муки «эпохи перемен», жаждал почему-то всего нового, демократического, свободного. И, уже имея кое-какой политический опыт, сам для себя он сделал небольшой опрос и получилось, что большинство за обновление и перемены. Словно отвечая этому требованию масс, выходит закон «об отмене монополии государства на многие виды производства, в том числе и алкоголя; провозглашается, помимо государственной и колхозно-кооперативной, еще и частная собственность. Это была уже полная капитуляция марксистско-ленинской теории – базис коммунизма рушился. И тогда мало кто осмеливался вслух произнести, что Советскому Союзу – конец, вместе с тем все это было налицо, само государство теряло контроль. И если бы до этого провозглашаемые братство и равенство не кое-как, а с неким успехом соблюдались, то теперь, когда государственный контроль явно затухался и частная собственность разрешена, а значит, деньги и богатство получили легитимность, в обществе произошел резкий раскол. Сразу стало ясно,

кто богатый, а кто бедный. Богатство уже не надо было скрывать, а наоборот, оно приветствовалось, к нему надо было стремиться, можно демонстрировать. И как результат – во дворе «Образцового дома» появились иномарки, на них приходили смотреть со всего города. И тут неординарное событие: впервые вокруг «Образцового дома» поставили шлагбаум, наряд милиции, через двор прохода нет. Это еще не частная собственность, но уже явное расслоение общества. И богатые хотят отгородиться от бедных – только так им теперь удобно жить.

Все это отразилось на быте. Это раньше Баппа Мастаева, хоть и уборщица, а труженик, и отношение к ней было уважительное, даже с неким почтением. Теперь же все изменилось: уборщица – это уборщица, просто обслуга, и отношение к ней и к ее сыну соответствующее.

Ваха этого вынести не мог: произошла уже ставшая привычной перепалка с Асадом Якубовым. Драки не было, но молодые взялись за грудки, и тут же милиция: виноват, конечно, Мастаев. А блюстители порядка не отрицают: государственная зарплата – копейки, и они существуют за счет складчины богатых жильцов, и понятно, кого они обязаны оберегать.

– Я пожалуюсь вашему начальству! – ищет справедливости Мастаев.

– Ха-ха, так мы с начальством делимся. А ты, если хочешь стать человеком, работай, как они, не то и тебя в «Образцовый дом» не пустим.

– Какой «Образцовый»? Дом проблем!

– А, значит, это ты надпись делаешь? Нам об этом намекали.

Мастаева хотели провести в отделение для беседы, но вмешалась мать: быстро стерла всем надоевшую надпись. На следующее утро надпись появилась снова. Милиционер божится, что караулил на совесть и удалялся лишь на пять минут по нужде. Вновь все косо глянули в сторону чуланчика Мастаевых. Сам Ваха поглядывал на второй этаж, не появится ли Кныш, однако Кныш как уехал после выборов в Москву, так и не появлялся.

В новых условиях труд Мастаева не востребован, а жить надо. И он опять решил попробовать себя на предпринимательском поприще. В городе дефицит продовольственных продуктов, на базаре все втридорога. Вот и поехал Ваха в свое высокогорное село Макажой, куда не каждый торговец сунется, не посмеет: далеко, трудно. А в Макажое столько альпийских земель, столько же скота и овец. А сколько припасено масла, сыра, меда и кожсырья.

Мастаев ничего не покупает, он нанял грузовик и берет продукцию на реализацию, в Грозном все оптом продает, не ханпужничает, четверть от прибыли себе, остальное сельчанам. Деньги зарабатывает не ахти какие, да жить безбедно можно. И он уже втянулся в это не столько торговое, сколько посредническое дело, как однажды утром Кныш перед ним:

— Был пролетарием, стал торгашом. Хе-хе, почему мясо вяленое? А мед? Ой, аромат! — он попробовал мед. — Кстати, ты в курсе, что выборы на носу?

— К-к-какие выборы? — неожиданное появление Кныша немного взволновало Мастаева.

— Хм, все только об этом говорят... Впрочем, ты всегда далек от политики, поэтому востребован. Будешь участвовать? Выборы в республиканский Верховный совет.

— А-а-а «протокол» готов?

— Не носи чушь! Выборы свободные, абсолютно демократичные, так сказать, надо народ познать... Так что?

— Я готов!

— Ишь ты, заразился. А вообще-то у тебя и выбора нет. Просто я хотел тебя проверить на стойкость.

Получив в подарок баночку меда, Кныш как явился, так и исчез в толпе, а в это время мать Вахи пришла:

— Не знаю, сынок, что произошло, да только все ко мне уж больно уважительно обращаться стали, а сам Якубов вчера в гости пришел, торт принес, тебя спрашивал... И вот еще, — она протянула конверт со знакомым штемпелем.

Как предписывалось в уведомлении, явился Мастаев к Дому политического просвещения. У него еще было минут пятнадцать, и он, как всегда, курил под березками, вдруг видит секретаря парткома Самохвалов по мраморным ступенькам торопится. Ваха побежал за ним, а в фойе уже никого нет.

Ему следовало пройти в сектор «Гласности. Демократии. Свободы», но он отчего-то определил, что Самохвалов так быстро мог пройти только в близлежащее «Общество «Знание». Пройдя туда, Ваха по густым клубам дыма понял, что Кныш здесь. Он прошел в кабинет. На столе странная газета, почти пустая, и лишь местами статьи с необычными заголовками: «Демократия – Свобода – Богатство»; «Пусть лучше мир прогнется под нас», Группа «Машина времени» вопреки всему выступит в Грозном»; и на последней странице, там, где всегда были материалы о спорте: «Виктор Цой – кумир современной молодежи», «Фильм «Игла» – лучшее творение десятилетия».

Услышав голос Кныша, Мастаев осторожно прошел в небольшую комнату, где прежде не бывал: во всю длину стены окно, за стеклом видны Кныш и Самохвалов, а звук, словно они здесь.

– Ты, кадровый офицер, – кричит Кныш, – пьяница! Я сколько раз за тебя ручаюсь, а ты вновь в бутылку! Вновь опоздал! Дрянь! – и следом несусветный мат, так что и Мастаев испугался, быстренько покинул укромное место, постоял в фойе пару минут и ровно в десять поднялся на второй этаж в сектор «Гласности. Демократии. Свободы», а там уже Кныш за столом сидит, курит, глядит исподлюбя:

– Мастаев, – голос Кныша не узнать, рычит, – еще раз не туда нос сунешь – в расход. Понял? И молчать! – Кныш встал, прошелся по комнате и уже более мягким голосом: – Богатеи будут взятки совать, – он испытующе посмотрел на Мастаева. – Свобода! – развел он руками. – Так что это тоже тебе решать. И последнее: будет много нового, любопытного. Не удивляйся, мы растем, и работы очень много.

Работы у Мастаева оказалось, действительно, много. И все, как предсказывал Кныш, очень любопытно. Прежде всего то, что в депутаты подались почти все жильцы «Образцового дома», в том числе и сам Кныш, и его жена. У каждого кандидата своя предвыборная программа. И когда твердо выяснилось, что Мастаев взятки не берет, кандидаты вынуждены были пойти в народ. И сколько полезных дел они сделали еще до выборов в надежде получить голоса. Так, Дибиров пару месяцев вообще не пил, каждый день встречи с избирателями, сам подтянулся, и обществу польза: для трех школ купил музыкальное оборудование (жена подсказала). Премьер Бааев не так богат, но он воспользовался бюджетом: направил деньги на детские сады и дом престарелых.

Пожалуй, больше всех выложился Якубов: бесплатный концерт; в каждую квартиру продуктовый набор: колбаса, сыр, водка; купил две мусороуборочные машины для города и обещает всеобщее благоденствие после его избрания.

Кныш тоже не остался в стороне: его предвыборный упор на пенсионеров, он клеймит отщепенцев компартии, воспекает «Интернационал», вручает грамоты и другие награды СССР, обещает уничтожить мировой империализм и его главу США.

Это, действительно, были выборы, нешуточная борьба, задействованы все и всё, словно люди знают, что от этих выборов зависит их будущее. На одно место более десятка претендентов, поэтому оживились все слои общества, и это все проявилось в день голосования — с утра очереди к урнам, на участках многолюдно, представители каждого претендента ревностно следят за порядком, и никакая милиция не нужна.

Для подведения итогов голосования дана неделя, но Мастаев к утру уже подготовил предварительный протокол.

— 98 процентов проголосовавших! — читает Кныш протокол. — Удивительная активность масс! Да, сознательность, сплоченность высокие! Люди ждут перемен... А ведь из «Образцового дома» никто не прошел. Не любят нас люди.

— Может, я вам немного цифры подправлю? — не без сарказма предлагает Мастаев.

— Не хами!.. Смеется тот, кто смеется последним. И вообще, ты-то чему радуешься?

— Радуюсь свободе, демократии!

— Получишь хаос, анархию и бардак!

* * *

«В старом капиталистическом обществе дисциплину над трудящимися осуществлял капитал постоянной угрозой голода» (Ленин)¹.

Этот плакат в фойе Дома политпросвещения Мастаев раньше либо не замечал, либо его только что повесили. В любом случае эти лозунги теперь его не интересовали. Потому что он явился сюда на сей раз в несколько ином качестве — по крайней мере выборы более не намечаются, народ вроде определился, да и пригласил его Кныш не специальным уведомлением, а лично позвонил.

— Понимаешь, Мастаев, — почти дружески говорил Кныш. — Ну, понятно, дуру-жену не избрали, не избрали остальных толстосумов и партократов из «Образцового дома». Ну а я, я ведь потомственный пролетарий, военный, взятки не брал и ничем не запятнан. А меня не избрали. Свои же, русские пенсионеры не избрали. Зато теперь пакуют баулы, готовятся бежать.

— А зачем бежать? — удивился Мастаев.

— А затем, что вы, чеченцы, оборзели. Все посты забрали.

— Так выбрал народ. Ни одной подтасовки, вы это знаете.

— Знаю, оттого еще больше злюсь... А понять никто ничего не может. Вот ты, Мастаев, за кого голосовал? Вот видишь, не за меня, друга, шефа, благодетеля, а небось, за какого-то неизвестного, но своего, чеченца. Да? Вот видишь, национализм. Ты еще горько пожалеешь об этом. Иди! Постой. Попроси мать помочь.

---

¹ В.И. Ленин. Очередные задачи Советской власти. ПСС. Т. 36 — С. 145.

— Вы тоже уезжаете?

— Насчет себя еще не знаю, а жена — переезжает точно... Впрочем, какая она жена — мы подали на развод... Выпьешь? — Кныш достал из шкафа бутылку коньяка. — Теперь здесь пить можно... да и нужно. Хоть закури, посиди немного, один пить не могу.

Они сидели около часа. Под конец Кныш предложил:

— А хочешь, иди к Самохвалову в газету. Ты ведь кое-чему научен. Зарплата там не ахти, но если с головой, то теперь везде деньги можно сделать.

— Нет, — категорично отказался Мастаев, после последних выборов в его глазах Кныш как-то резко сдал, стал невзрачным, и Ваха был уверен, что отныне избирательная эпопея для него закончилась. И как бы в подтверждение этого, уже будучи в просторном фойе, он заметил, что уже секции «Гласности. Демократии. Свободы» нет. Уже нигде роскошных ковров нет. Пусто так, что каждый шаг эхом отдаст. Кругом изменения, лишь «Общество «Знание» на месте и там фотография: лидеры СССР и США обнимаются, улыбаются, довольны.

Не менее их доволен и сам Мастаев. Почему-то Вахе кажется, что эти действительно свободные выборы прошли не без промахов и ошибок, однако он, как и все общество, по его мнению, стал гораздо взрослее, самостоятельнее, мудрее. Все это он сравнивал со своей любимой игрой футбол, где его и только его, зная его скорость и мастерство, выдвигают в нападение, дают пас, а дальше все зависит от него, от его смелости, способности и удачи. И если он забивает гол, какова радость его команды и как его не любят соперники... Вот так и произошло: не любят теперь жильцы привилегированного дома Мастаева и его мать. И если ранее все это не скрывалось и доходило не только до оскорблений, но даже и до рукоприкладства, то теперь, именно после этих выборов, многое изменилось. Нет, не стали Мастаевы зажиточнее жить, и при бешеной инфляции их стол все скуднее и скуднее. И жильцы «Образцового дома» не стали хуже жить, имея богатства, а главное информацию, они

уже заранее перевели свой капитал в драгоценности, недвижимость и доллары. И если какой-то год ранее, когда была «холодная война» и СССР во всем противостоял США и один рубль стоил всего полтора доллара, то теперь произошла негласная капитуляция и за один доллар дают более ста рублей, и эта планка все растет. И поэтому состоятельные люди, имея доллар, могут купить все что угодно... Но что за напасть?! Когда была крепкая советская власть, да и сами жильцы «Образцового дома» были у власти, это богатство нельзя было афишировать, все было под запретом, даже дачу построить чуть больше курятника – настоящий вызов, хотя строили. А теперь вроде жильцы «Образцового дома» еще у власти, у исполнительной власти. А вот Верховный совет или законодательная власть – это новая элита, новые люди, которых избрал народ и этот Верховный совет уже открыто говорит об ошибках партии, уже покушается на святая святых – власть в республике, уже обвиняет власть имущих в мздоимстве, кумовстве, беспринципности и некомпетентности.

В такой ситуации почему-то жильцы «Образцового дома» считают, что все эти невзгоды из-за председателя избиркома Мастаева: не помог он соседям в нужный час. Да кто такой Мастаев?! В порошок бы стерли. Да время иное: за ним как символ новое веяние, новый Верховный совет. Жить по-старому не дадут, о грешках напомнят. А не легче ли на новом месте с «чистого» листа начать? И, наверное, поэтому в «Образцовом доме» впервые за все время его существования, а это ни много ни мало – около полувека, началась некая паника, которая выразилась в том, что многие жильцы, и не только русские, армяне и евреи, а даже коренные чеченцы и ингуши, спешно свои квартиры, а значит и посты, стали сдавать и выезжать за пределы республики.

«Образцовый дом» – всегда образец. И по его примеру в Чечено-Ингушетии начался какой-то массовый психоз: все русскоязычное население стало из республики буквально бежать. В воздухе витали всякие слухи, нагнетался какой-то необос-

пованный страх, и это было не в одной Чечено-Ингушетии, а по всей стране, и это подавалось в прессе, по телевизору. Об этом пели ведущие музыкальные группы. Все призывали к переменам, к протесту, к бунту...

Все эти политические катаклизмы Мастаева Ваху не интересовали. Он от всех скрывал, но, после того как Мария вышла замуж, жизнь ему казалась серой, однообразной, бессмысленной. Теперь же, после свободных, демократических выборов, он просто ожил, вдохновился. Вновь по выходным, и как дополнительный праздник, иногда посреди недели, он с удовольствием играет в футбол. Вернулся на свою предпринимательскую стезю, опять поставляет в Грозный из Макажоя и окрестных сел продовольствие. Его прибыль понемногу возрастает. И тут проблема, которую он понять не может... Чечено-Ингушетия – нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая республика. Все это – монополия государства, а нефтепродуктов почему-то резко не стало. И если бы это случилось только в Чечено-Ингушетии, то можно было бы сказать – местный саботаж. Но эта ситуация по всей стране, словно кто-то в центре краник перекрыл, да ходит слух, что некие силы, пользуясь неразберихой, то есть гласностью, перестройкой и демократией, всю нефть продают за валюту на запад.

...Предпринимательство Мастаева зиждется на скоропортящейся продукции, и если хоть немного бензин в республике есть, то он должен его приобретать, не то его товар сгниет. Однако бензин – дефицит, значит, согласно новой рыночной экономике, на него большой спрос, цена топлива резко подскочила. На такой же уровень поднять цены на питание невозможно – покупательская способность большинства населения очень низкая. В экономике это называется диспаритет цен, и ни в какой, ни в плановой, ни тем более в рыночной экономике это невозможно. Однако это сложившийся факт. И Верховный совет заявляет, что этот кризис сознательно спровоцирован некими могущественными силами в Москве и на местах.

Вахе не до политики. Надеюсь, что вот-вот ситуация выправится, на что есть власть, тем более свободная власть, — он все еще продолжает заниматься своим предпринимательством, а цена на топливо просто скачет. И он получил первый убыток, второй, потом влез в долги, крах, стал все распродавать, все, что покупал, лишь одно оставил: пластинки классической музыки и проигрыватель. Это и футбол — единственное утешение на фоне предпринимательского банкротства Мастаева.

Теперь у него масса времени для футбола... Вечерело, была осень, прохладно. Ваха шел со стадиона «Динамо» мимо типографских зданий, как кто-то его окликнул: в окне улыбающийся бывший секретарь парткома Самохвалов, видать, навеселе. Кивком он пригласил Мастаева. Выпивку, тем более пиво, Ваха никогда не любил, а тут жажда мучила, да и поговорить хотелось. Так и устроился Мастаев работать в издательско-типографский комплекс «Грозненский рабочий», где Самохвалов был уже около года директором.

* * *

В результате свободных выборов впервые избран руководителем республики чеченец. И конечно же везде твердят, что отныне главное не преданность коммунистической партии, а личный профессионализм. Однако ленинский принцип, точнее лозунг, еще над Грозным висит, и посему на бюро обкома решили дружбу не отменять и поэтому первое и второе лицо чеченцами быть не могут. Бааев, к тому же он в Верховный совет не избран, должен свой пост покинуть, да у него за плечами опыт и рвение трудиться, так что понизили — инструктор. Чтобы это как-то компенсировать, для его сына Альберта нашлась должность в аппарате правительства, понятно, не министром, зато начальником вновь созданного отдела «Поддержки предпринимательской деятельности и новых форм собственности».

Бааев-старший — честный, уважаемый человек, про которого тогда говорили — настоящий коммунист. С годами он конечно же попал под влияние своей жены. Однако это было только влияние, которое не могло поколебать его жизненной позиции — все

трудом и все по труду. Другое дело сын, вот про кого говорят «маменькин сынок». И Альберт все время слышит от матери:

– Твой отец – трудяга, столько для народа сделал. И что? Этот народ его даже не избрал. Вот их «спасибо». Так что ты, сынок, в первую очередь только о своем, точнее о нашем благополучии думай, и тогда все будут тебя уважать и ценить.

Только так Альберт Бааев и думал, да что за отдел ему достался? Ни кабинета, ни одного работника в подчинении, и он не знает, что должен делать? Правда, последнего никто не знает, ибо отдел только что создали по разнарядке из Москвы, определили штат, фонд зарплаты и никакой инструкции или положения. Так что Альберт приходит с утра на работу (потеснили другого начальника отдела, для Бааева поставили стол) и сидит до обеда, кроссворды разгадывает, газетки читает. После обеда он на собственной машине едет к друзьям, там и спиртное, и подружки, так что можно до полуночи, а можно и еще день погулять, на работе о нем не вспомнят, и он особо о ней не тоскует, даже зарплату идет получать, когда позовут: в ней нет нужды и его оклад – 250 рублей, всего на пару дней, а далее мама поддерживает... Нет, такая работа прежде всего маму Альберта не устраивает, уже ведет разговор, что их обманули, мерзавцы, и прочее. И уже подыскивает иную работу, как из Москвы поступило распоряжение – начальнику отдела Бааеву срочно вылетать – совещание.

У Бааева-младшего опыта работы нет, как и нет нужды, а от этой суммы – выделено более сотни миллионов рублей на развитие крестьянско-фермерского хозяйства горной и степной зоны Чечено-Ингушетии – ему стало несколько не по себе: теперь он должен мотаться по горам и степям в поисках этих фермеров и крестьян. Сколько работы! Однако руководство его успокоило – ничего искать не надо, все рядом, а вот работы много, поэтому Бааеву срочно выделили кабинет, приемную с секретарем, отдел из шести человек, персональную машину с шофером, и тут же прилагается список этих самых фермеров и крестьян – фамилии уж больно знакомые, каждому по 100 тыс. руб., оставили десять пунктов пустых: пусть будут не только Бааевы, а кто еще – начальник отдела решает. Задача Альберта – обеспечить выдачу беспро-

центных ссуд с неофициальным удержанием 30 процентов и последнюю сумму наличными, лучше в валюте, в Москву отвезти.

Понятно, что Бааев-младший в Москве не впервой, да одно дело на мамины подачки и жалкие командировочные в столице жить, а другое на свои, так сказать, кровно заработанные кушать. И пусть эти москвичи, эти русские знают, как умеют кавказцы-чеченцы гулять, какие они щедрые и широкие, а если надо и в морду дадут. Словом, после этой крестьянско-фермерской операции поиздержался Бааев Альберт, Москва — не Грозный: соблазнов много и все очень дорого. Да что ему о каких-то деньгах горевать, ведь он еще молодой, всего полгода в Совмине, а уже какие деньги, точнее деньжищи, сумел сделать; такие его «бедный» отец за всю трудовую жизнь даже не видел. А вот он такой, и недаром мать им гордится, говорит, что только смелым покоряются вершины. Так оно и есть, потому что вслед за крестьянско-фермерским хозяйством руководство страны решило подтянуть малый бизнес — то есть зародить предпринимательство, и на это еще больше денег направить в Чечено-Ингушетию. Все это научно обоснованно: на совещании так и отмечали, что из-за депортации 1944–1957 годов в Чечено-Ингушетии самый низкий в СССР и РСФСР уровень образования населения, самая большая безработица, самая высокая смертность, в том числе детская; республике надо помочь. Список предпринимателей на беспроцентную ссуду без срока погашения уже готов, к тому же обитатели «Образцового дома» заранее скинулись, забашляли мзду в столицу. Как таким образцовым предпринимателям, кооператорам и фермерам не помочь!

Казалось бы, бюджет страны не резиновый, да и сколько надо денег иметь? Да вот аппетит, как говорится, приходит во время еды, да и Бог любит троицу, да и сама природа мать благоволит — в Чечено-Ингушетии из-за сильных дождей в горах оползни, в степях — наводнение, ну они ведь и в депортацию пострадали, как не помочь, тем более волокиты со «списком» не будет, поэтому еще один транш... За что-то щедро проплатили. А иначе...

Часть II

Орденю Ленина, Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени коллектив коммунистического труда – типография Грозненский рабочий располагалась в двух шагах от «Образцового дома», а за ней Главпочта и стадион «Динамо», где Мастаев Ваха любит играть в футбол, так что о такой работе «под носом» можно только мечтать. Однако оказалось, что типография – не стройка, и здесь прямо у входа красный транспарант: «...мы не намерены сделать наш орган складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления! (Ленин)»¹; наверное, поэтому даже резолюция директора Самохвалова ничего не решала, для приема на работу в отделе кадров потребовали справку – направление из КГБ².

В центральное здание КГБ, что на проспекте имени Орджоникидзе³, Мастаева даже на порог не пустили. Тогда, по подсказке начальницы отдела кадров, он позвонил в это заведение, да словно разговаривал с Марией, даже свою фамилию еле произнес, и на другом конце посоветовали более не беспокоить.

---

¹ В.И. Ленин. Заявление редакции «Искры». ПСС. Т. 4. – М., 1971. – С. 358.

² КГБ – Комитет государственной безопасности СССР.

³ Орджоникидзе Г.К. (Серго) (1886–1937) – член партии с 1903 г. В 1922–1926 гг. – первый секретарь Кавказского крайкома партии. С 1930 г. – член Политбюро ЦК ВКП(б). В обстановке массовых репрессий покончил жизнь самоубийством.

Так бы и не устроился Ваха в типографию, уже подыскивал другую работу, когда позвонил сам Самохвалов и сказал пойти снова в КГБ – его ждут. Без проволочек провели в какой-то кабинет, где сидел мужчина в штатском, курил, чем-то напоминал Кныша.

Мастаев думал, что его будут о чем-то расспрашивать. Нет, ни единого вопроса. При нем хозяин кабинета не спеша просматривал какие-то бумаги в папке, и Ваха невольно заметил от руки написанный листок – точно почерк Кныша.

– Вы согласны заполнить и подписать эту анкету? – неожиданный вопрос.

Мастаев считал себя человеком независимым, и, ожидая вербовки либо какого еще подвоха, он дрожащей рукой взял листок, даже вспотел от волнения. Пытаясь сосредоточиться, не раз перечитал небольшую анкету, и если бы хоть что-то, по его мнению, плохого, а тут: «не разглашать государственную тайну», «соблюдать трудовую дисциплину» и «подчиняться законам СССР». Ничего зазорного, так он и старается жить, поэтому подписал и устроился на работу в типографию.

В его кабинете плакат – «Болтун – находка для шпиона!», так что он особо не болтает, вместе с тем некоторые выводы делает. В типографии почти нет чеченцев: он да еще одна пожилая женщина, и та по-чеченски почти не говорит, зато национальный отдел редактирует.

Вообще-то эта национальная тема пахнет политикой, а политика его не интересует, только спорт, поэтому второй вывод: он – инженер отдела автоматизации производства – получает меньше, чем рабочий-крановщик. Правда, это, как и на стройке, компенсируется очередью на жилье – в год пять-шесть квартир выделяют, и учитывая, что коллектив небольшой и у всех квартиры есть, а стоят в очереди, в основном, на улучшение, у него через год-два есть вероятность получения собственной квартиры. К тому же в отделе кадров ему рекомендуют жениться, ибо женатым больше льгот и жилье поболее, так что вывод – жениться следует.

Следующий и последний вывод, в редакции, а тем более в типографии, никто особо не занят процессом творчества, то есть писательством. Как он вскоре понял, все материалы откуда-то поступают, а здесь без особой суеты все идет в набор так, чтобы в два часа дня курьер доставил сигнальный экземпляр куда следует. До трех в типографии некое волнение, вдруг что «срочно», тогда сверхурочные, за которые не платят. Однако такого со времен смерти престарелых генеральных секретарей ЦК КПСС не случилось, в три – звонок: «номер принят». До пяти делать нечего, но выходить из здания запрещено, зато ровно в пять вечера, как и остальные, Ваха вылетает из типографии, наскоро дома перекусывает, а потом на стадион – футбол!

Ну, чем не жизнь! И если бы Мария была рядом – счастье! Однако ее рядом нет и не будет. И он уже не просто про нее забыл, а смирился с этой разлукой и уже не мучается, отгоняя мысли о ней, он теперь любит только футбол. А тут что-то случилось, прекрасный, теплый вечер, а на стадионе – ни души.

– Да ты что, ничего не знаешь? Газет не читаешь? – удивлен сторож стадиона. – Партийный указ, денежная реформа. Ликвидируют 100 и 50-рублевые купюры... У меня-то их нет, я и не мучаюсь... Да, видать, у тебя тоже с деньжатами негусто.

Вернулся Ваха засветло в свой чуланчик и сразу понял, что в «Образцовом доме» переполох. В Советском Союзе много денег в банках хранить боялись: вдруг спросят – откуда, конфискуют, посадят, так что хранили дома. А тут чуть не мешками выносят, уже багажники битком. Говорят, в Госбанке всего два дня будет обмен на новые купюры, и сумма обмена ограничена. Вот почему появился в чуланчике Якубов Асад, заискивающее:

– Ваха, брат, выручай. У тебя ведь все равно денег нет. Пропадут, а обменяешь, как свои, – долю получишь.

Мастаев еще думал, точнее – не совсем соображал, но мать высказалась:

– Нечего к грязным деньгам прикасаться.

– Вы-то что теряете? – изумился Якубов.

– Свое доброе имя, – говорит мать.

– Какое у вас имя? – он еще что-то хотел сказать, но Баппа его опередила:

– Вон!

– Нищенка! Уборщица! Так и загнетесь в нищете!

– На все Божья воля.

Эти мешки денег потрясли Ваху. Его зарплата – всего две бумажки, кои никогда не отягощают его карман, а у соседей такие деньжищи! Есть над чем задуматься, чему подивиться. Да он особо не завидует, уже давно свыкся с мыслью, что он полусирота, дворовый мальчуган и ему много не надо. Как говорит мать: что предписано – хвала Богу, а его предназначение – честно трудиться, спокойно, как прежде, жить. Однако как он ни старался не менять свое мироощущение, а эти пресловутые «мешки» не выходили из головы. И вот, когда поступило очередное письмо «явиться в Дом политпросвещения, мол, какой-то всесоюзный референдум, он тайком от матери письмо разорвал, выкинул. В нем закипал бунт. Но это умело погасили: следом поступило другое письмо: «Тов. Мастаев В.Г. не исполняет взятых на себя обязательств... в соответствии с Конституцией СССР просим в течение суток освободить служебное помещение, используемое вами под жилье».

– Сынок, делай, как они велют, – взмолилась мать.

– Кто «они»? – вскипел Ваха.

– Не знаю. Но они – власть. Миром правят.

– Да скажи прямо. Кого ты боишься – Кныша?

– Боже! Сынок, да о чем ты говоришь?! Кныш – солдафон, двух слов связать не может.

– А что «они» ко мне пристали?

– Ну, всем нужны честные, порядочные люди.

– Ой-ой-ой! – в дверь неожиданно просунулась голова Кныша. – Какова оценка родного дитя! – От испуга Баппа повалилась на старый диван, пружины заскрипели. Ваха и без этого плохо говорит, вовсе застыл, а Кныш улыбается, то ли делает вид. – Только я не солдафон, я матрос, прошу не путать – разли-

на большая, – дверь захлопнулась, и Мастаевы еще какое-то время пребывали в молчаливом недоумении, как стук в дверь вновь их встревожил – почтальон; телеграмма, красным выделено: «Правительственная», затем «Повторно» и не как прежде – «просим», а строго – «явиться!»

– Иди, сынок, иди, – взмолилась Баппа.

Казалось бы, в Грозном все рядом и на виду, а вот у Дома политического просвещения Ваха давно не был, и тут явное изменение. Вместо алого флага СССР какой-то новый стяг, а внутри вместо строгого интерьера – показная роскошь: ковры, постеры и новый лозунг: «Замечательно рельефно выразил истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, – есть искусство» (Ленин)¹.

Там, где ранее была «Секция пропаганды и агитации», – новая секция «Независимая Россия». Мастаев двинулся было туда, да в это время открылась дверь «Общества «Знание»; Кныш, не то что серьезный, а очень злой, махнул рукой.

Не очень речистый Мастаев в этом здании совсем немел, а тут не сдержался:

– А-а-а, что за флаг?

– В том-то и дело – РСФСР... Хотят развалить державу – СССР! Поэтому и референдум, как решит народ.

– А-а-а протоколы готовы?

– Молодец, Мастаев, взрослеешь, – он прикрыл рот, мол, молчи, поманил за собой. Они спустились в какой-то светлый, сыроватый подвал, где было чисто, рабочая обстановка, даже телевизор и телефон, и тут Кныш сел, закурил, и не как прежде по-командирски чеканя, а полусшепотом с хрипотцой:

– В том-то и дело, что протокол готов... Но мы должны, мы обязаны противостоять им; они нас хотят за гроши купить, подчинить себе.

– А-а-а кто «они»?

---

¹ В.И. Ленин. Советы постороннего. ПСС. Т. 34 – С. 383.

— Гм, — будто зубы заболели, скривилось лицо Кныша. — Твоя мать дала ответ. А более и я не знаю... К сожалению, я действительно «солдафон» — исполняю приказ. Но мы обязаны за свою родину бороться... На референдум выставлен некорректный вопрос: вы за сохранение Союза ССР — «да» или «нет». Пусть народ выскажется, нам нужен честный ответ. Так сказать, полная демократия... У матросов есть вопросы?

— Есть. А что записано в «итоговом» протоколе?

— Чеченцы — за развал страны, — Кныш в упор глянул на Мастаева, вновь закурил и после долгой паузы: — Я думаю, что, по логике, после депортации об ином и гадать не надо. Но в то же время вас, чеченцев, понять нелегко, в Афгане я вашего брата повидал — молодцы!.. Хе-хе, но и «логике» — вы не поддаётесь, так что давай вольный эксперимент, посмотрим как есть, по правде. Рискнем демократией.

— Еще вопрос, — осмелел Мастаев. — Почему именно я?

— Ну, твоя мать сказала «честный», «порядочный»... Ха-ха-ха, ну, не обижайся. Просто тебе как истинному пролетарию нечего терять, кроме своих цепей.

— Так я уже не рабочий — инженер.

— А это пожизненный диагноз.

Мастаев от этого приговора огорчился, уже уходил, но в дверях замялся:

— Еще вопрос... 3-3-значит, я по жизни буду бедным? Всегда?

— Из искры возгорится пламя! — выдал Кныш ленинский лозунг.

Через месяц в «Общество «Знание» Мастаев Ваха принес «итоговый протокол» голосования на референдуме; жители Чечено-Ингушетии почти единогласно проголосовали «за сохранение СССР».

— Вот это да! Вот это чеченцы! Я ведь говорил, что вы вне логики, и Афган это подтвердил — ни одного предательства, даже намек на трусость и измену... Публикуй, срочно в газету. Мы победили, мы отстаивали страну! А ты, Мастаев, получишь коммунистическое поощрение.

Это поощрение выразилось в том, что Ваху наградили Почетной грамотой и повысили на работе. Начальник его отдела, который по старинке не только противостоял всякой автоматизации производства, но и просто видеть не мог компьютеры, вышел на пенсию, и теперь Мастаеву предстояло компьютеризировать все производство. Однако из Москвы прибыла часть оборудования, а комплектующие так и не поступают; вместо этого какие-то непонятные телеграммы: «пока не определится статус республики, финансирование и поддержка из центра приостановлены». О каком «статусе» твердят из столицы, Мастаев понять не может, он даже не обратил внимания, что республиканская газета опубликовала «Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики».

Вахе не до «суверенитета», зарплата его и матери – сущие копейки, а цены на все, прежде всего на продовольствие, с каждым днем растут. Он уже подумывал все бросить и вновь уехать к деду, в родной Макажой, там хоть подсобное хозяйство выручит. И уже, вопреки просьбе Самохвалова, написал заявление на увольнение (ведь он должен на что-то жить), как в типографии поступило распоряжение: «журналиста республиканской газеты «Грозненский рабочий» Мастаева В.Г. командировать в г. Москву на курсы повышения квалификации. Все расходы под гарантией государства».

– Я-я-я не журналист, – удивился Мастаев.

– Значит, станешь, – доволен Самохвалов.

– У меня и денег на билет нет.

– О, гарантия государства... Правда, какого государства – непонятно, какая-то идет буза. Но ты не расстраивайся, твое дело под контролем.

Так оно и было. Дома ждало извещение явиться в Дом политпросвещения. В «Обществе «Знание», где еще красовалась советско-ленинская символика, угрюмый, весьма не похожий на себя молчаливый Кныш вручил ему проездной билет в плацкартный вагон и немного командировочных.

– Теперь пошли туда, – они перешли через просторное фойе в новую секцию «Независимая Россия», здесь новая мебель, кондиционер, доселе незнакомый флаг – триколор.

– О, символ французской революции! – решил показать свои знания Мастаев.

– Все перевернуто – флаг царской России. На, – Кныш протянул еще какие-то бумаги.

– А это что? – удивился Мастаев.

– Тоже твоё обучение проплачивают другие, так сказать, пророссийские спонсоры... Хм, богатенькие дяди: авиабилет – бизнес-класс, ну и куча денег.

– А-а это куда? – в другой руке Мастаева працкарта с верхним боковым местом.

– Выбирай! – сух голос Кныша. – А я солдат, присягал СССР и чту Устав СССР. И не понимаю, что значит «Независимая Россия»? От кого она зависит?! Мое место определено навсегда! – он стал спускаться по ковровой дорожке лестницы.

С документами в обеих руках Мастаев плелся вслед и, попав в «Общество «Знание», он лишь теперь ощутил, какой здесь спертый, «бумажный» воздух, поблекшие, запыленные портреты вождей коммунизма, обшарпанный паркет и затхлая атмосфера.

– А-а как мне быть? – Мастаев с недоумением смотрит то на одну, то на другую руку.

– По совести – как рабочий; тогда – поездом, двое суток парься. По уму – как журналист – два часа комфорта. Выбирай, – Кныш закурил и очень печально: – Кстати, я тоже туда же вызван.

– А вы на чем?

– Срочно вызывают, – Кныш тяжело вздохнул. – Полечу.

* * *

С первой же минуты, как Мастаев приземлился в Москве, он понял, что сделал правильный выбор. Во-первых, совесть чиста и ум есть, потому что над аэропортом по-прежнему портреты

вожеников марксизма-ленинизма и лозунг «Слава КПСС». А вот в-вторых, от аэропорта Внуково до Академии общественных наук при ЦК КПСС всего десять минут езды и прямо в холле видно, что это за заведение – огромный плакат: «В немногих словах мысли Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и на место мечтаний поставили науку» (Ленин)¹.

С первого дня Мастаеву, впрочем, как и всем остальным, а их более сотни слушателей со всех концов страны, предоставлены великолепные условия в общежитии и не очень напряженный график занятий.

С первого занятия Мастаев приятно удивлен: от Чечено-Нигуштии больше всего слушателей. Кроме него, сам руководитель республики, еще какой-то генерал и даже сам Кныш. Правда, познакомиться, тем более поговорить с уважаемыми земляками, Вахе никак не удастся: эти важные люди появляются лишь на некоторых занятиях и их места где-то на галерке в самом конце, и появляются они позже всех, раньше всех занятия покидают, и после – их даже в коридоре не видно, словно по потайным путям они приходят и уходят.

Места слушателей строго определены. У Мастаева – первый ряд, и он считает, что ему повезло: рядом с ним всегда жизнерадостная комсомолка Галина Деревяко из Липецкой области.

Деревяко на вид обыкновенная провинциальная девушка с веснушчатым лицом, вздернутым носиком и крупными губами. Как за партой рядом, так и в общежитии они живут по соседству с Мастаевым, и по вечерам Галина заходит к Вахе, рассказывает, что всю жизнь (а она у нее не долгая, даже короче, чем у Вахи) мечтала из своей глухой деревни перебраться в райцентр, потом в областной, а теперь сверхмечта – в столице! – ЦК КПСС! Как ей повезло, простой секретарше: заболел шеф и она напросилась, все, что надо было, исполнила, и обратно в «эту дыру» – ни за что! Это ее шанс, мечта всей жизни!

¹ В.И. Ленин. Фридрих Энгельс. ПСС. Т. 2. – М., 1971. – С. 6.

Ваха думал, что с его ПТУ и незаконченным заочным образованием он будет самым отстающим: ведь курсы при ЦК КПСС. А, оказывается, приехавшие из Средней Азии и по-русски плохо говорят, а Деревяко заливается как соловей – просто оратор. И не зря она была секретарем комсомольской организации колхоза, следом рост – секретарь у председателя профкома металлургического комбината. И как сама Галина рассказывает, этот профсоюзный работник, ее односельчанин, приехал к старикам в деревню порыбачить, яголки и грибочки пособирать. Да откуда ему помнить грибные поляны да рыбные заводы – это Галина с комсомольским задором все ему показала, помогла и такой она оказалась полезной, что односельчанин ее в город забрал. И у нее кроме средней сельской школы никакого образования нет, а вот сразу на курсы в Москву, да еще при ЦК КПСС. И все, даже взрослые дяди, даже кандидаты наук здесь тушуются, комплексуют, а Деревяко хоть бы хны: на любой вопрос она тянет вверх руку и несет такую ахинею, что вначале все от нее были в шоке, а потом поняли – компанейская дивчина, никогда не унывает, в танцах первая, частушки знает, если надо выпьет, тем более на брудершафт, и поэтому опытные педагоги, чтобы изредка дать разрядку во время лекции, спросят что-либо у Деревяко, и она такой комсомольско-колхозный откровенный ответ даст, что порой от хохота стекла в зале звенят.

Однако это – редкие моменты, а в основном, обучение очень интенсивное, ведь здесь преподают по-ленински архиважные предметы, такие как «История КПСС», «Марксистско-ленинская философия», «Политическая экономия» и далее по специальностям. Мастаев дополнительно изучает «Советскую журналистику», и по этой дисциплине нужно конспектировать труды вождя и заучивать наизусть его великие слова: «Буржуазия понимала под свободой печати свободу издания газет богатыми, захват прессы капиталистами, на деле приводивший повсюду во всех странах, не исключая и наиболее свободных, к продажности прессы»¹.

---

¹ В.И. Ленин. Проект резолюции о свободе печати. ПСС. Т. 35. – М., 1971. – С. 51.

– Деревяко, – почему-то именно к ней игриво обращается инпозантный преподаватель, – ответьте нам, что значит буржуазная журналистика.

– Судя по Ленину, вторая из древнейших профессий, – в аудитории смешки.

– А какая первая? – донимает преподаватель.

– «Первая», по-видимому, выгоднее.

– Что значит «выгода»? Слушатель Деревяко, мы это проходили на лекции по полполитэкономии.

– Это значит «всеобщее повышение благосостояния трудящихся».

– Правильно, слушатель Деревяко, а то вот товарищ Мастаев на контрольной ответил: выгода – это прибыль.... Двоечку получил Мастаев.

А вот фрагмент лекции по научному атеизму. Преподаватель говорит:

– Я, как коммунист, поражаюсь догматической пещерности некоторых советских граждан в эпоху развитого социализма в конце XX века... К примеру, слушатель Мастаев в своей самостоятельной работе пишет: «Жена – оплот семьи. Ее предназначение – верность родному очагу, мужу, семье и традициям гор...» Дальше еще хуже. А вот вы, товарищ Деревяко, что скажете по этому поводу?

– Жена в советском обществе – самая свободная и независимая женщина в мире!

– Правильно, слушатель Деревяко. По этому поводу еще классики сказали: «Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда»...¹ Я думаю, что вам, товарищ Мастаев, архиважно позаниматься с гражданкой Деревяко. Так сказать, дабы повысить свой идейно-политический уровень. Деревяко, вы не возражаете? Тогда возьмите на кафедре необходимые материалы, наглядное пособие и на досуге позанимаетесь с Мастаевым. Вы ведь в общежитии рядом живете?

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. – М.: Изд-во «Политическая литература», 1974. – С. 44.

Мастаев понимает, что он, как говорится, теоретически не подкован, но он не настолько туп, чтобы его обучала какая-то девчонка. А трудолюбия и настойчивости ему не занимать, по-сему после занятий он до упору, пока не закрыли библиотеку, работал над заданием. Только после этого понял, как проголодался, а столовая закрыта, в продуктовых вечером – шаром покати. Поздно очень голодный он пришел в свою комнату, и тут задорный стук в дверь; с огромным пакетом Деревяко игриво вошла, выложила на стол шампанское, водку, хлеб, кильку и шоколад:

– Вот наглядная агитация! – позируя, она стала перед Мастаевым, в каком-то полупрозрачном облегающем ее по-девичьи стройное тело платье. – А я – ненаглядная пропаганда! Будешь изучать? Наливай, ха-ха-ха!

Наутро сквозь больную голову Ваха отчего-то с угрызением совести вспомнил Марию.

В тот день он впервые опоздал на занятия. Хотел сесть в сторонке, а его попросили на свое место, в первый ряд, и тут же Деревяко. Ваха думал, что вся аудитория и всеобщезитие знают о ночном приключении и теперь смотрят только на них. Ему стыдно, он готов голову сунуть под парту. А каково ей? Он не раз подолгу глядел на Деревяко. Она даже не взглянула: невозмутимая, свежая, с присущим только ей задором, она живо участвует в диспуте. И почему-то Ваха вспомнил, как она всю ночь твердила: «Как ты прекрасен! Я с первого взгляда в тебя влюбилась! Ты такой...»

Оказывается, он не такой, он больной, слабый, хочет спать и не может записывать лекцию, да его отрезвил голос преподавателя.

– Товарищ Деревяко, – спрашивает лектор, – скажите, пожалуйста, что является наивысшим благом для советского трудящегося.

– Высшим благом, – уверенно отвечает она, – является свободный от эксплуатации труд на благо общества, страны и партии!

— Браво, Деревяко! Отлично!.. А вот слушатель Мастаев в контрольной написал: «Благо для советского трудящегося — зарплата, премия и собственное жилье», — смешок в зале. — Вот посмотрите, что за мещанское, даже мелкобуржуазное мнение. Подтянитесь, Мастаев, подтянитесь. А пока опять двоечка.

Из-за дефекта речи Ваха всегда старался мало говорить, а тут вытерпеть не мог, руку поднял, но в это время звонок, большая перемена. Он пошел на улицу курить и на свою большую голову подумал, что это им лектор читает всякие утопии, навязывает мистику и брехню. «Надо ему хотя бы один на один правду сказать, что он сам дурак или лжец». С этим твердо-правдивым мнением Ваха пошел в преподавательскую. В первой комнате никого нет, какой-то шум во второй. Он слегка приоткрыл дверь, просто обмер — преподаватель и Деревяко...

— Надо хотя бы стучаться! — донеслось вслед.

Более Ваха учиться не мог. Как ему преподавали — высшим благом для него было улететь в Грозный. Чтобы купить билет, он поехал в центр Москвы. Дабы убить время, весь день гулял по городу и удивлялся, как можно так много врать и так грандиозно строить? Видимо, благодаря свободному от эксплуатации труду.

Рано утром у него был рейс, и только очень поздно Мастаев пришел в общежитие. И чтобы никто не заметил, он шел почти на цыпочках и уже был у своей комнаты, как неожиданно раскрылась дверь Деревяко и перед ним — Кныш, слегка смутился:

— Ой, Мастаев, ждал-ждал тебя, не дождался, — разит от него перегаром. — Вот, хорошо, соседка у тебя гостеприимная, — он хотел было уйти, но что-то вспомнил. — Мастаев, больше занятия не пропускай. Это как дезертирство. И вообще, как сказал Ленин, дело молодежи — учиться, учиться и учиться! ПСС, том... — что-то еще бормоча, слегка покачиваясь, Кныш исчез во мраке коридора.

Ваха уже открывал свою дверь, как заметил — Кныш не прикрыл за собой дверь в комнату Деревяко. Можно было просто закрыть, да забота — вдруг что не так — заставила Ваху войти.

Пустые бутылки, много окурков и она – густым волнистым веером на подушке ее темно-русые волосы, рука запрокинута за голову, спит. На мгновение он подумал, что за эту красоту можно было бы все ей простить. Да тут такой смрад, бардак. Сплюнув, он с облегчением пошел к себе спать.

Утром Ваха уже протянул паспорт с билетом на регистрацию, как милиционер отдал ему честь. Очень вежливо, чуть ли не с эскортом, его доставили обратно в академию, прямо в лекторскую.

Ваха никогда в суде не был, а тут показалось, что именно суд: много важных персон и Кныш здесь.

– Да, так оно и есть, это – суд, – вдруг выдал лектор.

– Да, мы за вас думаем, трудимся, воюем, а вы!

– Это саботаж, вредительство, дезертирство, – чуть ли не хором.

– Так он не учится, – его преподаватель. – Задание – законспектировать и выучить «Очередные задачи Советской власти» вождя. Так он все наоборот понимает либо вовсе не учит.

– А там Лениным сказано: «Роль суда: и устрашение, и воспитание».

– ПСС, том 36, страница 549, – это Кныш.

– Митрофан Аполлонович, – вновь лектор, – не надо страницы зубрить, надо смену воспитывать... И что на той же 549-й странице – «убеждать, завоевывать, управлять!»

– Да, все сделаем, – оправдывается Кныш. – Ссуду – дали, жильё в лучшем «Образцовом доме» – дали, работу – дали.

– Бесплатное образование, – кто-то подсказал.

– И сам вроде бы пролетарий, наш.

– И в Афгане – молодцом.

– И красавица Деревяко – под боком.

– Ну, что еще надо, Мастаев? Вы будете учиться?

– А ведь времена грядут сложные, без знаний, как сказал Ленин, мы не победим.

– Вы оправдаете наше доверие или вновь убежите с поля сражения?

– Д-да.

– Что «да»? Оправдаете или убежите?

– И деду ссудой помогли, – напомнил Кныш.

– О-о-оправдаю.

– Пусть учит классиков... Ведь неплохой парень. Вот только не пьет.

– Но-но-но! Вот этому не учите. Хотя один должен быть трезвым, нам с мусульманским миром надо дружить.

В тот же вечер в дверь Вахи постучала Деревяко. Он, явно стесняясь, попытался преградить ей вход, а она виновато-манинцем, хрустальным голосом говорила:

– Какой ты ревнивый. Ведь нас учат удовлетворять потребности трудящихся, тем более сослуживцев и учителей.

Даже Кныш не знает, проявил ли Мастаев пролетарскую твердость, зрелость и бдительность, но при защите диплома ему досталась трудная тема: «Борьба Ленина – Сталина с голодом в первые годы Советской власти». Вот сжатый конспект:

24.10.1917 г. «Изо всех сил убеждаю товарищей, – теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые решаются не совещаниями, не съездами, а исключительно народами, массами, борьбой вооруженных масс... Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство... Правительство колеблется. Надо добить его. Промедление смерти подобно»¹.

25.10.1917 г. «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»²

30.10.1917 г. «Предъявитель сего, тов. Косиор³, является представителем Военно-революционного комитета и пользуется

¹ В.И. Ленин. Письмо членам ЦК. ПСС. Т. 34. 1971. – С. 435–436.

² В.И. Ленин. К гражданам России. ПСС. Т. 35 – С. 1.

³ Косиор С.В. (1889–1939) – член РСДРП с 1907 г., с 1924 г. – член ЦК РКП(б), с 1930 г. – член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1928–1938 гг. – генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. С января 1938 г. – зам. председателя СНК СССР и председатель КСК. Репрессирован, расстрелян, не реабилитирован.

правом реквизиции всех предметов, необходимых для нужд армии и Ревкомитета.

Председатель Военно-револ. комитета
Владимир Ульянов (В. Ленин)»¹.

19.11.1917 г. «Вся власть у Советов. Подтверждения не нужны. Ваше отрешение одного и назначение другого – есть закон. Ленин»².

19.11.1917 г. «Немедленно выпустить из тюрьмы всех арестованных по политическим делам. Ленин»³.

08.11.1917 г. «Благодарову и Бонч-Бруевичу⁴. Аресты имеют исключительно большую важность, должны быть произведены с большой энергией. Ленин»⁵.

29.12.1917 г. «Харьков, штаб Антонова, Антонову⁶! От всей души приветствую вашу энергичную деятельность и *беспощадную борьбу* с калединцами. Вполне одобряю неуступчивость к местным соглашателям, сбившим, кажется, с толку часть большевиков. Особенно одобряю и приветствую арест миллионеров-са-

---

¹ В.И. Ленин. Мандат Косиору. ПСС. Т. 50, док. № 3. – С. 1.

² В.И. Ленин. Телеграмма московскому Совету рабочих и солдатских депутатов. ПСС. Т. 50 – С. 8.

³ В.И. Ленин. ПСС. Т. 50, док. № 15. – С. 1.

⁴ Благодаров Г.И. (1895–1937), после Октябрьской революции – комиссар Петропавловской крепости (22 года. – *Прим. автора*). В 1918-м – член ВЧК, ГПУ, ОГПУ, затем зам. наркома путей сообщения. Репрессирован, расстрелян, не реабилитирован.

Бонч-Бруевич В.Д. (1873–1955) – член РСДРП с 1895 г. Активный участник Октябрьского восстания в Петрограде. Первый комендант Смольного. В 1917–1920 гг. – управляющий делами Совнаркома. После этого ушел с партийной в научную среду.

⁵ В.И. Ленин. ПСС. Т. 50, док. № 30. – С. 18.

⁶ Антонов-Овсеенко В.А. (1883–1938) – член партии с мая 1917 г. С 1917 г. – командующий Украинским фронтом. С 1924 г. – на дипломатической работе. В 1934–1936 гг. – прокурор РСФСР. С 1936 г. – генеральный консул РСФСР в Барселоне. С 1937 г. – нарком юстиции РСФСР. Репрессирован, расстрелян, не реабилитирован.

ботажников в вагоне 1-го и 2-го класса. Советую отправить их на попогода на принудительные работы в рудники¹. Еще раз приветствую вас за решительность и осуждаю колеблющихся. Ленин»².

15.01.1918 г. «*Ради бога*, примите самые энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе центр может околеть. Извещать ежедневно. *Ради бога!* Ленин»³.

17 и 18.01.1918 г. «Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правят. «Правда». № 12 и 13. И. Сталин»⁴.

01.05.1918 г. «Ругаю вас ругательно! Почему не начаты работы: 1) по хорошему закрытию царских памятников? 2) по снятию царских орлов? 3) по подготовке сотен надписей (революционных и социалистических) на всех общественных зданиях? 4) по постановке бюстов великих революционеров. Ленин»⁵.

10.06.1918 г. «Нужны аэропланы, бронетехника, орудия... Хлеба и мяса на юге очень много... Для пользы дела мне нужны военные полномочия... В таком случае я буду сам без формальностей свергать тех командиров и комиссаров, которые губят дела. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит... Будьте уверены, у меня не дрогнет рука. Ваш Сталин»⁶.

26.06.1918 г. «Тов. Зиновьев⁷! Слышал, что в Питере *рабочие* хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

¹ Антонов-Овсенко вызвал в свой поезд 15 крупнейших миллионеров-капиталистов и потребовал миллион наличными на нужды Красной Армии. Под угрозой расправы условия были выполнены.

² В.И. Ленин. ПСС. Т. 50, док. № 36. – С. 21–22.

³ В.И. Ленин. Телеграмма Антонову и Орджоникидзе. ПСС. Т. 50 – С. 30.

⁴ И.В. Сталин. Сочинения. Т. 4. – М., 1951. – С. 120–122.

⁵ В.И. Ленин. Малиновскому. ПСС. Т. 50 – С. 68–69.

⁶ И.В. Сталин. Сочинения. Т. 4. – М., 1951. – С. 37.

⁷ Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. (1883–1936) – член РСДРП с 1907 г. В 1817–1926 гг. – председатель Петроградского совета, председатель Коминтерна. С 1928 г. – ректор Казанского университета. В 1932–1933 гг. находился в ссылке в Кустанае. С 1937 г. – член правления Центросоюза. Репрессирован, расстрелян, реабилитирован.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это *не-воз-мож-но!*

Террористы будут считать нас тряпками. Время архиважное. Надо поощрять энергию и массовитость террора. Привет! Ленин. P.S. Отряды и отряды. Если питерцы двинут тысяч десять-двадцать в Тамбов и на Урал и т.п., и себя спасут и всю революцию, *вполне и наверное*. Урожай гигантский, дотянуть только несколько недель»¹.

31.08.1918 г. «Наши дела на фронте идут хорошо. Не сомневаясь, что пойдут еще лучше (казачество разлагается окончательно). Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу. Ваш Сталин»².

02.09.1918 г. «Хлеб есть, порядок образцовый, власть бедноты! Урожай невиданный. Есть и старый хлеб; можно сломать кулаков, не нехватка организаторов и отрядов. Ленин»³.

09.09.1918 г. «Федорову Г.Ф.⁴ В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, *расстрелять и вывезти сотни* проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров.

09.09.1918 г. «Т. Кураеву⁵ провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов, белогвардейцев; сомнительных запереть в *концентрационный лагерь* вне города. Телеграфировать об исполнении. Предсовнаркома Ленин»⁶.

---

¹ В.И. Ленин. Г.Е. Зиновьеву. ПСС. Т. 50 – С. 106.

² И.В. Сталин. Сочинения. М., 1951. Т. 4 – С. 127.

³ В.И. Ленин. ПСС. Т. 50, док. № 198. – С. 107.

⁴ Фёдоров Г.Ф. (1891–1936) – член РСДРП с 1907 г. В 1917–1928 гг. – на руководящих должностях партии и армии. В 1928 г. на XV ВКП(б) исключен из партии как троцкист, в 1929 г. восстановлен. Репрессирован. Расстрелян.

⁵ Кураев В.В. (1892–1938) – член партии с 1914 г., председатель Пензенского губсовета с 1917 г. (25 лет. – *Прим. автора*). С 1918 г. – член Коллегии Народного комиссариата земледелия. Репрессирован.

⁶ В.И. Ленин. ПСС. Т. 50, док. № 259. – С. 144.

14.09.1918 г. «Получил на Вас две жалобы... Вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Это великое преступление против революции. Вы сократили агитацию, уменьшили тираж листовок, жалуетесь на недостаток денег. Мы не пожалеем сотни тысяч на агитацию. Недостатка денег не будет. Предсовнаркома Ленин»¹.

15.06.1919 г. «Пароход ВсеЦИКа «Красная Звезда». Ульяновой. Дорогая Надюша!.. Надо строже соблюдать правила и слушаться врача. На фронтах – блестяще, будет еще лучше... Вчера и 3-го дня были в Горках с Митей и Аней. Липы цветут. Отдохнули хорошо. Крепко обнимаю и целую. Прошу больше отдыхать, меньше работать. Твой В. Ульянов»².

05.12.1920 г. «Тов. М.Н.»³ Очень поздравляю. Чрезвычайно понравилась Ваша книга «Русская история в самом сжатом виде». Оригинальное строение и изложение. Чтобы она стала учебником (а она им должна стать), надо дополнить: 1) столбец хронологии; 2) столбец буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской!.. Чтобы знали факты, не было вероглядства, чтобы учились сравнивать старую и новую науку. С комприветом Ваш Ленин»⁴.

07.08.1921. «Из новых книг я получил от Госиздата Сем. Маслов: «Крестьянское хозяйство». 1921. 5-е изд.! Из просмотра видно – насквозь буржуазная пакостная книжонка, олурманивающая мужичка показной буржуазной «ученой» ложью. Почти 400 стр. и ничего о советском строе и его политике – о наших законах и мерах перехода к социализму, и т.д... Либо дурак, либо злостный саботажник мог только пропустить эту книгу. Прошу расследовать и назвать мне всех ответственных за редактирование и выпуск этой книги лиц. Предсовнаркома В. Ульянов (Ленин)»⁵.

¹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 50, док. № 270. – С. 149

² В.И. Ленин. Н.К. Крупской. ПСС. Т. 55 – С. 377.

³ Покровский М.Н. (1868–1932) – член партии с 1905 г. Зам. наркома просвещения с 1918 г. Академик АН СССР (1929 г.).

⁴ В.И. Ленин. Покровскому. ПСС. Т. 52, док. № 41. – С. 24.

⁵ В.И. Ленин. В Наркозем и в Госиздат. ПСС. Т. 53, док. № 173. – С. 104.

5-7.10.1921 г. «Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги, в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам капиталистическое общество»¹.

20.08.1921 г. «Все театры советую положить в гроб. Ленин»².

11.10.1921 г. Это не ученые и не наука... Всех пересажать. Ленин»³.

25.04.1921 г. «Ганецкому Я.С.!⁴ В Ригу к Вам едут две мои секретарши... Работа у них каторжная. Измаялись. Прошу Вас дать им вперед жалованье (и побольше). Пусть отдохнут, подкормятся. Привет! Ваш Ленин»⁵.

Отчет И.В. Сталина: а) полная мобилизация всего населения (любое отклонение — жестоко карается); б) необходимо, прежде всего, строго делить мобилизованных на имущих (ненадежные) и малоимущих (единственно пригодные для красноармейской службы); в) необходимо мобилизованных в одном месте отправлять для формирования в другое место, причем отправка на фронт должна происходить по правилу: «чем дальше от родной губернии, тем лучше» (отказ от территориального принципа); г) отказаться от больших, громоздких единиц; д) строжайший контроль; е) резервы! (P.S. слово «комиссар» превратилось в ругательское). Ваш Сталин»⁶.

---

¹ В.И. Ленин. Задачи Союзов молодежи. 1971. ПСС. Т. 41 — С. 104.

² В.И. Ленин. Луначарскому. ПСС. Т. 53, док. № 230. — С. 142.

³ В.И. Ленин. И.С. Уншлихту. ПСС. Т. 53 — С. 372. (Примеч.: Уншлихт И.С. (1879–1938) — член партии с 1900 г. С 1921 г. — зам. председателя ВЧК–ГПУ, член РВСР (Революционный военный совет республики). В 1930–1932 гг. — зам. пред. Госплана СССР. С 1933–1935 гг. — начальник ГУГВФ. Репрессирован.

⁴ Ганецкий Я.С. (наст. фамилия Фюрстенберг Я.) (1879–1937) — член РСДРП с 1907 г. В 1917 г. — член загранбюро ЦК РСДРП. С 1935 г. — директор Музея Революции. Репрессирован. Расстрелян.

⁵ В.И. Ленин. Ганецкому Я.С. ПСС. Т. 52, док. № 290. — С. 169.

⁶ И.В. Сталин. Сочинения. М., 1951. — Т. 4 — С. 197–230.

08-16.03.1921 г. X съезд РКП(б). Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) (доклад В.И. Ленина). «Мне говорят «это способ запугивания, вы нас терроризируете». Смешно, с моей стороны, терроризировать старых революционеров, видевших всякие испытания... Оппозиция твердит, что появился синдикалистский и полуанархический уклон: партия быстро и решительно стала бы все это исправлять... Говорят, что нет выборов, демократии и проч. Есть выбор окончательный и бесповоротный – это диктатура пролетариата! (Бурные аплодисменты.) Товарищи, не надо теперь оппозиции! Либо – тут, либо – там, с винтовкой, а не с оппозицией. Это вытекает из объективного положения, не пеняйте... Вывод, для оппозиции – теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций! (Аплодисменты.)¹.

«Мы не учитываем прошлое, а настоящее, учитываем изменение взглядов и поведения отдельных лиц, отдельных вождей. Ленин»².

06.12.1921 г. «А.М. Горькому»³. Дорогой А.М.! Очень извиняюсь, что пишу наскоро. Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться. Меня просят написать Вам: не напишете ли Бернару Шоу⁴, чтобы он съездил в Америку, и Уэллсу⁵, которые-де

¹ В.И. Ленин. X съезд РКП(б). ПСС. Т. 43 – С. 1–127.

² В.И. Ленин. ПСС. Т. 41 – С. 269.

³ Горький Максим (Алексей Максимович Пешков, 1868–1936) – русский писатель и публицист. В публицистической книге «Несвоевременные мысли» (1918 г.) резко критиковал взятый В.И. Лениным курс на революцию, утверждал ее преждевременность, разрушительные последствия. За границей провел десять лет (1921–1931 гг.). Один из основоположников теории социалистического реализма в советской литературе.

⁴ Шоу Бернارد (1856–1950) – английский писатель. Будучи сторонником социализма, приветствовал Октябрьскую революцию, достижения СССР, которые связывал с деятельностью Сталина. Лауреат Нобелевской премии (1935).

⁵ Уэллс Герберт (1866–1946) – английский писатель. Классик научно-фантастической литературы. В 1914, 1920 и 1932 гг. посещал Россию (написал книгу «Россия во мгле»). Занимал активную антифашистскую позицию.

теперь в Америке, чтобы они оба взялись для нас помогать сборам в помощь голодающим! Хорошо, если бы Вы им написали. Голодным попадет тогда побольше. А голод сильный. Отдыхайте и лечитесь лучше. Привет! Ленин»¹.

22.12.1921 г. «Из протокола № 56 заседания Политбюро ВКП(б). Слушали: Интернационал... 4) О бюджете Коминтерна на 1922 г. 16) Постановили: На помощь международному рабочему движению установить бюджет на I квартал – 1,5 миллиона золотых рублей»².

26.01.1922 г. «И.Т. Смигле³, копия Горбунову⁴... По соображениям не только экономическим, но и политическим нам абсолютно необходима концессия с немцами в Грозном... Если вы будете саботировать, сочту это прямо за преступление. Ленин»⁵.

28.12.1922 г. Возвращаю, прочитав, работу. Я ждал большего... 2) предложение – чуточку размашистее напасть на французский капитализм и сказать французским рабочим и крестьянам, вы могли бы стать в 3-5 лет втрое богаче и работать не более 6 часов в сутки (примерно), если бы во Франции была Советская власть, проводящая электрификацию!.. Привет! Ваш Ленин»⁶.

---

¹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54, док. № 120. – С. 62–65.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РКАСПИ). Ф.17. Д. 236.

³ Смигле И.Т. (1892–1938) – член партии с 1907 г. (15 лет! – *Примеч. автора*). Занимал ответственные посты в Советской республике. В 1927 г. – исключен из партии, в 1938 г. – репрессирован.

⁴ Горбунов П.Н. (1892–1938) – член партии с 1915 г. С 1920 г. – управ. делами Совнаркома РСФСР. В 1935–1937 гг. – секретарь АН СССР. Репрессирован.

⁵ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54, док. № 232. – С. 139–140.

⁶ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54, док. № 240. – С. 145–146.

12.03.1922 г. «Срочно!!! Т. Молотову! Немедленно пошлите от имени ЦК зашифрованную телеграмму всем губкомам о том, чтобы делегаты на партийный съезд привезли с собой возможно более подробные данные и материалы об имеющихся в церквях и монастырях (всех) ценностях и о ходе работ по изъятию их, Ленин»¹.

19.03.1922 г. «Т. Степанов! Сейчас кончил просмотр 160 стр. Нашей книги...² Вот это дело! Вот это – образец того, как надо русского дикаря учить с азов, но учить не «полунауке», а всей науке. Напишите еще по истории религии и против всякой религии, и по связи церкви с буржуазией. Ваш Ленин»³.

19.05.1922 г. «Т. Ф.Э. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей, профессоров и всякой интеллигенции... Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу». Ленин»⁴.

03.07.1922 г. Письмо А.М. Горького Анатолию Франсу⁵. «...В России идет массовое убийство людей, искренне служивших освобождению русского народа... Может быть, Ваше бескорыстное слово сохранит жизни людей... В советской России 40 миллионов голодающих, от голода погибло 2,5 миллиона детей»⁶.

¹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54, док. № 325. – С. 206.

² Речь идет о рукописи книги Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», написанной по поручению Ленина, и следом просьба написать «томик» против всякой религии (Прим. автора).

³ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54, док. № 332. – С. 209–210.

⁴ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54, док. № 421. – С. 265–266.

⁵ Франс Анатоль (1844–1924) – французский писатель. Выступал в защиту Советской республики. Лауреат Нобелевской премии (1921).

⁶ М. Горький «Письмо Анатолию Франсу». Социалистический вестник, 20.07.1922 г.

07.09.1922 г. Т. Бухарин!¹ Я читал поганое письмо Горького... Достаньте и пришлите мне оригинал этого письма. Ваш Ленин»².

05.03.1923 г. «Строго секретно. Лично. Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделано против жены и считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин»³.

18.11.1923 г. «Из протокола Особого заседания Политбюро ЦК РКП(б).

Слушали: 1) «Интернационал»... 16) Вопрос комиссии Политбюро по международным делам (Письмо Г. Брандера⁴ и др.)... Постановили: а) Указать нашему торговому представительству в Берлине, что им было проявлено недостаточно внимания и энергии в важнейшем деле снабжения хлебом революционно-настроенных трудящихся Германии... з) ... отправить в кратчайший срок, т.е. не позже 1.12 (не менее 10 миллионов пудов хлеба). 18) Ассигновать в помощь зарубежным компартиям 4 200 000 золотых рублей»⁵.

15.10.1925 г. «Из протокола Особого заседания Политбюро ЦК РКП(б).

---

¹ Бухарин Н.И. (1888–1938) – член партии с 1904 г. В 1922–1929 гг. – член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1934–1937 гг. – отв. редактор газеты «Известия ЦИК СССР». Репрессирован.

² В.И. Ленин. ПСС. Т. 54, док. № 443–444. – С. 279–280.

³ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54, док. № 519. – С. 329–330.

⁴ Брандер Генрих (1881–1967), в 1921–1922 гг. – один из руководителей ЦК компартии Германии, член ВКП(б). В 1933 г. эмигрировал во Францию. В 1948 г. вернулся в Западную Германию.

⁵ РГАСПИ. Фонд 71. Опись 162. Дело 1–2.

Слушали: «Интернационал». 2) О Китае, помощи китайским коммунистам. Постановили: а) Одобрить в основном предложение киткомиссии... 3) обсудить возможность использования части оружия, изъятого в Чечне, Ингушетии и Осетии, для передачи Китаю»¹.

15.12.1923 г. Существует два рода демократизма: демократизм партийных масс, рвущихся к самостоятельности и к активному участию в деле партийного руководства, и «демократизм» недовольных партийных вельмож, видящих существо демократизма в смене одних лиц другими. Партия будет стоять за демократизм первого рода, и она проведет его железной рукой. Но партия отбросит прочь «демократизм» недовольных партийных вельмож, ничего общего не имеющий с действительной внутрипартийной рабочей демократией. И. Сталин»².

16.01.1931 г. Тов. Сталин!.. Положение без преувеличения — катастрофическое. Так хозяйствовать нельзя! М. Шолохов...»³

... Это только часть тезисов из первоисточников, на которые выпускник курсов Академии общественных наук Мастаев Наха сделал ссылки в основной части своей дипломной работы. А вот что он написал в части «выводов и предложений»: а) почти три четверти века спустя после Октябрьской революции невозможно точно сказать, оторвалась ли компартия Советского Союза от масс, зато точно можно сказать, что массы оторвались от партии. Пример тому наглядный. В общежитии АОН при ЦК КПСС «Красный уголок» круглосуточно открыт, и там в свободном доступе почти вся литература марксизма-ленинизма. И дело не в том, что сегодня в этом «Красном уголке» днем ничего не бывает, а по ночам — свет не включить — занято, —

¹ РГАСПИ. Фонд 17. Опись 162. Дело 2.

² И.В. Сталин. Сочинения. Т. 5 — М., 1952. — С. 382.

³ Шолохов М.А. (1905–1984) — русский, советский писатель, академик АН СССР (1939), Герой Социалистического Труда (1967, 1980), лауреат Государственной (1941), Ленинской (1960) и Нобелевской (1965) премий.

думал, времена ныне иные. Так дело в ином: сочинения И. Сталина, изданные с 1946 по 1953 г., видимо, когда-то читали, поизношены, хотя сколько уже прошло лет, а пыль последние лет десять даже не убирала. А вот сочинения Ленина, за исключением нескольких томов, и полностью сочинения Маркса и Энгельса вряд ли кто когда-либо открывал, а с издания минимум тридцать лет прошло. (Какой напрашивается вывод?); б) что касается основной темы работы «Борьба Ленина-Сталина с голодом в первые годы Советской власти». Судя по документам, особой борьбы с голодом не было, зато была борьба за власть, за господство над людьми не только в России, но и во всем мире. Ибо «большевизм-коммунизм» – это некая новая форма религии, религии без Бога, хотя, следуя тем же документам первоисточников, сам Ленин в особо тяжкие моменты все же обращался с мольбами к Богу, да и Сталин, окончивший духовную семинарию, видимо, в Бога верил. По крайней мере, несмотря на все зверства тирана, земля его приняла: в отличие от вождя, Сталина все же похоронили по-человечески; в) сам голод в некой степени был спровоцирован гением Ленина, ибо он так и пишет: «...только тот, кто ничего не имеет и кому нечего терять, – наша опора, поддержка и тот базис, с помощью которого мы перевернем мир». Вождю вторит и Сталин: «Имущие – не надежные, малоимущие (единственно пригодные для красноармейской службы); г) в историческом плане Ленин велик, и он, безусловно, должен быть зачислен в плеяду фараонов, Дария, Македонского, Чингисхана, Тимура, Наполеона, Гитлера; д) и, наконец, голод. Спустя семьдесят три года после Великого Октября, как такового голода, может быть, и нет, но продовольственные и непродовольственные магазины пусты, дефицит во всем, то есть много характерных для большевизма признаков революционной ситуации: «Призрак бродит по Союзу – призрак коммунизма!!!»¹.

---

¹ Цитата перефразирована из «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

* * *

Если не считать Галины Деревяко, то Мастаев значительно моложе всех однокурсников по Академии. Есть и еще один, официально не озвучиваемый, да явно немаловажный фактор – статус. По этому показателю Мастаев тоже одинок – единственный рабочий, а остальные – даже по виду важные дяди, и, наперное, поэтому, а еще потому, что эти люди всегда обеспеченные, – словом, никто из них, как Мастаев, уверен, дипломную не писал. За определенную мзду методисты и преподаватели им выдавали им прошлогодние работы, где надо было лишь дату и фамилию обновить. Однокурсники Мастаеву намекали, что нечего зря трудиться – все очень просто. Но Ваха никогда изыток не давал, он не мог себе этого позволить – в общем, над дипломом он хорошо потрудился, так что о нем уже анекдоты в общежитии ходили. О последнем он не знает, как у учащегося – совесть у него чиста, видя, что все, не дожидаясь официальных отметок, уже пакует чемоданы, и он купил билет домой, как вечером на его кровати записка, почерк Кныша: «Ругаю тебя ругательски. Ты не тупой, но дурак. Зато я в тебе не ошибся. Ты сам себе приговор написал. С комприветом! P.S. Помочь ничем не могу. Прости».

Озадаченный, слегка испугавшись, вновь перечитывая записку, Ваха только успел присесть на кровать, как без стука в комнату вошли трое:

— Гражданин Мастаев? Ваши документы, – отобрали паспорт. – И удостоверение слушателя... А где авиабилет? – они так, для видимости, глянули в его чемодан, шифоньер, ванную. – Вам до особого распоряжения запрещено покидать комнату.

Лишь когда ночь основательно сгустилась и только ядовитый свет неоновых фонарей с улицы подавал жизнь, и даже в общежитии все замерло, Мастаев наконец-то посмел подойти к входной двери. Дернул – прочно заперта снаружи. А следом, в своем ужасу, он обнаружил – его комната обесточена, вода отключена, и даже радио молчит. Бросился к окну, холодный

ветер, снежинки прохладой освежали лицо, да это девятый этаж, и он эту свободу сам закрыл. Ему кажется, что и отопления в его комнате нет... Только сон, глубокий сон человека с чистой совестью дал ему некий покой, как вдруг включился свет и во всю мощь динамика зазвучал Гимн СССР. Он вскочил, спросонья не сразу сообразил – где радио. А когда нашел, то оказалось, звук не уменьшается. Он так и простоял по стойке смирно, а потом вновь тишина, он повалился на кровать, заснул. А когда проснулся – за окном уже довольно высоко блеклое, зимнее солнце и в комнате светло. В тревожном ожидании он кое-как осилил этот день. А вот вечером стало немого: хочется есть, жажда мучит, даже снег с подоконника собирал.

Правда, к ночи стало полегче, в соседней комнате слышался раскатистый густой бас, почти все слышно, там пьют, едят, тосты говорят, а о нем ни слова, будто его и нет. И тогда Ваха не выдержал, постучал в стенку:

– Ребята, мужики, это Мастаев, Ваха, помогите!

Наступила тишина, чуть погода скрип паркета и потом groboвая тишина.

С другой стороны жила Деревяко, и Ваха слышал, что она у себя, но он не хотел ее беспокоить. Свернувшись калачиком, он пытался забыться во сне, да тревожные мысли и голод не давали уснуть. Он все думал и не понимал, в чем его вина и что от него хотят, как ровно в полночь вновь вспыхнул свет и во всю мощь «Интернационал». Он вновь встал по стойке «смирно»... И лучше бы музыка еще звучала, а то опять тьма, голодно, холодно, он не может заснуть. Далеко за полночь, со стороны Деревяко едва слышимый стук:

– Мастаев! Ваха! Слышишь меня? Открой окно.

На улице холодный ветер, вновь крупными хлопьями идет снег, словно весь мир в белизне. И на этом фоне, как змея, поползла тень – на конце швабры увесистый пакет, в нем еда, вода, сигареты и даже полбутылки водки, так что на гимн не встал, полез под подушку, а когда было совсем светло, его разбудили.

Один верзила стоял в дверях. Второй, импозантный, в очках, уже разложил бумаги на столе и что-то писал:

— Так, гражданин Мастаев, — он глянул поверх очков, — если бы вы были в партии, то исключили бы, и конец... А вы были кандидатом в члены КПСС, и тогда идеологическое вредительство, не приняли... А сейчас...

— А-а-а, что я сделал? — подал голос Мастаев.

— Гм, понимаете, эти дипломные никто не читает. Мы читали Ленина и Маркса. Но вы ведь не член КПСС и пошли не как все, а против течения, вот и стало интересно, что может самостоятельно слушатель Академии сочинить... Вот, так сказать, и досочинялись на свою голову. А нам, как вы написали, «оппозиция ни к чему».

— Это не я — это Ленин.

— Вот именно — Ленин. А то мы этого не знали, если бы Мастаев не напомнил, — он стал что-то записывать, а Ваха не выдержал:

— И что со мной будет?

— Ну, — не глядя на него и продолжая писать, — не знаю, на счастье или на горе, но ныне не 37-й год, а вот подлечить вас надо основательно.

— Что это значит?

— Это значит — вам во благо... Так сказать, «психушка». Слышали?

— Что?! — вспыхнул Мастаев. Видимо, мгновение он еще соображал, а потом резко вскочил, смял листок, на котором писал мужчина. Здоровяк от двери бросился было к нему, но Ваха как-то ловко вывернулся и уже выскочил в коридор, а там еще двое с дубинками.

— Вот видите, вам лечение просто необходимо, — продолжал очкарик, после того как связанному Вахе сделали укол. — Пригласите понятых, — это были его соседи, и уже уходя: — А вот ванна соседка, — он указал в сторону комнаты Деревяко, — оказала вам медвежьё услугу. Вы ведь явно исправлялись: на гимн и «Интернационал» по стойке смирно, как положено всем советским людям, стояли, а она своими объедками... Видите, нет у нее партстажа, и классиков, видать, не читала, так что за пособничество тоже будет наказана.

— Э-э-э, — лишь промычать смог Мастаев.

— Не-не, к тебе в психушку не положим, — улыбается мужчина. — Тебе жирно будет... Мы ей найдем занятие по душе и... по телу, так сказать, — он слащаво ухмыльнулся и еще что-то говорил, однако более Ваха уже не слышал, все поплыло, и мрак.

Сквозь болезненный, как кошмар, тяжелый сон Мастаев чувствовал, как зажегся свет и звучал «Интернационал», то же самое он ощутил на рассвете, когда, как ему показалось, уже ревел Гимн СССР. Он думал, что уже в психушке, а оказывается, еще в своей комнате, и вроде тот же мужчина в очках, да не тот, нет в его движениях уверенности, лицо посерело в какой-то злобе. Он всех, прежде всего Мастаева, словно бы торопил, посматривал на часы, но команды никакой не давал. И тут вдруг прямо среди дня включился свет, по радио приятная, легкая музыка, и из кранов в ванной с напором побежала вода. И в это время по радио: «Внимание! Экстренное сообщение ТАСС». Мужчина в очках сдернул со стены приемник, раскрыл окно, с отвращением бросил на улицу и только окно прикрыл, как из-за стены донесся тот же голос: «Указ Президента РСФСР: 1. Академию общественных наук при ЦК КПСС упразднить и на ее базе создать Академию Государственной службы при Президенте России. 2. Политзадержанных освободить... Немедленно».

В комнате наступила тягостная пауза. Неожиданно Мастаев захохотал и странным голосом выдал:

— Умру — все вы погибнете, империалисты вас задушат!

— Во, смотри, — встрепенулся очкарик, — он действительно больной — что он несет?

— Так это не я, — все так же задорен Ваха, — это слова Сталина, которого процитировал Хрущев на осеннем Пленуме ЦК 1962 года... Ха-ха, вы-то не читаете классиков.

— Не читаю, — злобно подтвердил очкарик, — и без того ясно, — державу разваливают, суки-и! — он кулаком ударил по столу и, ткнув пальцем в Мастаева: — Но тебя за «карканье» я в психушку засадить успею, вставай, — он хотел схватить Мастаева, а за стеной шум, шаги и голос Деревяко.

— Мастаев, ура! Тебе за диплом отлично поставили. А Президент России — премию и медаль!

— Гражданка Деревяко! — заорал очкарик. — Хотел вас пощадить. А надо по-ленински, всех, быстро в дурдом... Заберите и ее.

Охранники и выйти из комнаты не успели, как вошло несколько преподавателей и с ними Кныш.

— Слушатель Мастаев, — торжественно объявляет один лектор. — У вас превосходная дипломная.

— Я думаю, надо чуть доработать и это кандидатская диссертация, — другой.

— Его надо оставить у нас преподавать, — третий.

— Нет-нет, — запротестовал Кныш, — он в Грозном нужнее.

— Коммунисты! Что вы несете?! — наконец, словно очнулся очкарик.

В наступившей паузе все с удивлением глянули на него, а первый лектор спросил:

— Вы не в курсе событий?

— Долгожданных событий!

— Россия восстает из небытия!

— Вы о чем, товарищи?! — не может понять очкарик.

— Ну, видать, не в курсе... Так вот. Отныне наше учреждение — «Академия госслужбы при Президенте России». А дипломная Мастаева — первая и лучшая за всю историю академии, и Президент России это отметил. Господин Мастаев, вас ждут в ректорате, — первый лектор уважительно пожал Вахе руку. — Поздравляю.

Даже по прошествии нескольких дней Ваха не мог понять, были пережитые потрясения сном или явью, как следом торжественное вручение дипломов, его хвалят более всех. Тут же в шале мило беседуют руководитель его республики и генерал-земляк. К таким важным людям в Грозном ему не подойти, он и здесь не смел к ним приблизиться. И вот момент: он подошел, поздоровался по-чеченски. Ну как его не знать — лучший выпускник курса, которого сам Президент России уже отметил. И в это время объявление:

— Строимся, строимся все для коллективного фото.

Канта Ибраг

ветер, снеж
и он эту с
его комнат
совестью
всю мощь
нья не с
лось, зв
но, а по
да прос
солнце
лил эт
да му
П
ся р
тост
выг

бс

с

Мастаев вежливо взял под руку руководителя и ге
подвел их к группе, сам стал почти в центре. Перед Вах
дит Кныш, сзади на стул взобралась Деревяко. Фотогра
сколько раз щелкал.

На следующий день Мастаев улетал, получив накануне
шанную фотографию курса... Смотрит – глазам не верит
на фото есть: и он, и Деревяко, а вот Кныша, руководителя
публики и генерала-земляка, что стояли рядом, на фото
словно их никогда и не было.

– Да, я действительно должен лечиться, – с ужасом подум
Мастаев, и в это время ему кто-то вручил письмо.

15.12.1990 г. «Мастаеву В.Г., тов. Мастаев! К Вам в Грозный
кстати, вместе с Вами, в «Образцовый дом» едет наш выпускник
Деревяко Г. Учеба у нее была каторжная, измаялась. Прошу Ва
уделить ей всяческое внимание (и побольше). Пусть отдохне
подлечится, подкормится. С комприветом! Ваши товарищи.

P.S. Если возникнут вопросы или проблемы, см. диплом
ную Мастаева, с. 164, док. № 39».

«...Это шутка, либо сон», – мучился Ваха. В аэропорту ни
какой Деревяко нет, и в автобусе, что подвез их к трапу, тоже. С
огромным облегчением Ваха плюхнулся на свое место, пристег
нувшись, закрыл глаза, над ухом знакомый голосок:

– А ты что, уже меня не узнаешь? Мастаев, проснись.

* * *

Зная, что Деревяко не в меру болтлива, Мастаев ожидал на
весь путь речей, оказалось, она, действительно, устала, сразу же
заснула. А вот Вахе уже не спалось – дома скажут – невесту из
Москвы привез. Конечно, никто ему не прикажет на Деревяко
жениться, хотя после пережитого в Академии он ничему не уди
вится. Да это все впереди, а Деревяко – гость, и надобно все на
уровне, а у него не то что на такси, даже на автобус с трудом
наскреб. Он так мечтал оказаться в родном аэропорту, а это вы
лилось в страдание; и Мастаев уже звал Галину к остановке, да
она сама поманила его – прямо у входа стоит черная «Волга».

Но садись, — приказывает Деревяко, — нам ведь по пути. Счастливо, водитель оказался разговорчивым, и Грозный — Бакин, быстро доехали до «Образцового дома» и остановились прямо напрогив чуланчика — мать уже ждет. А он с какой-то улыбкой, с ее чемоданом в руках; пока мать первая не возмутилась, хотел представить гостью, да Деревяко его опередила:

Мне, вроде, на последний этаж.

Да, — подтвердил водитель и забрал у Мастаева чемоданчик, а вместе с этим и заботы о ней.

Только сейчас Мастаевы узнали, что в «Образцовом доме» квартира-гостиница обкома КПСС для особых персон, а мать еще поняла, что сыну пора жениться, пока и вправду невесты не привез. То же высказал и дед Нажа, который был специально Бакиной вызван в город, и он не прямо внуку (это у чеченцев положено), а снохе сказал: «В доме нужна молодая невеста. Это был приказ, и после этого со стороны родственников всякие предложения, да и Ваха после Москвы сам уже решил жениться, но у него своя тайна, и он в этом никому не признается — его идеал — Мария! И пусть не такая красивая, — у каждого свой вкус, да эта девушка, как и Мария, любит музыку, хорошо играет, иногда приходит заниматься к матери Марии; вот ее, точнее, ее музыкальное дарование обнаружил Ваха.

К удовлетворению Мастаева, девушка оказалась общительной, что называется современной. Они около месяца встречались, и малоразговорчивый Ваха вдруг выдал: «Выходи за меня». Она сразу согласилась.

Все как бы в спешке, и не свадьба, а положенный национальный ритуал прошел весьма и весьма скромно, зато невеста оказалась совсем не скромной:

Разве в «Образцовом доме» может быть такое тесное жилище? Вслух не то возмущается, не то удивляется она.

Тем не менее жить надо. И молодые как-то уже обустроившись, по крайней мере, как приданое, а без этого она не может, единственной комнате чуланчика что-то задвинули и буквально втиснули красивое фортепьяно. Так что теперь Ваха может

не по записи, а «вживую» слушать музыку. Правда, Баппа считает, что это не музыка, а стук по клавишам и ее голове. В общем, у женщин с самого начала как-то не заладилось, и главная проблема их общежития – это то, что Баппе приходится очень рано вставать и каждый раз проходить через единственную комнату, где спят молодожены.

Недовольство все росло, и эта проблема уже обсуждалась на уровне родителей супруги. Их, конечно, беспокоит музыкальная карьера дочери. Словом, они предложили молодым снять на время другое жилье. А когда Ваха отказался, у него и денег таких нет, то посоветовали хотя бы Баппе поменять работу, дабы не беспокоила в «медовый» месяц, тем более что эта работа не красит их сватовство.

Такая откровенность Ваху расстроила и даже разозлила. Он вспомнил ленинское определение – «вшивая русская интеллигенция» и добавил – «чеченская – еще хуже». И только теперь он осознал, что он действительно пролетарий, которому нечего терять!.. И как так можно – стыдиться честной, общественно полезной работы?! И если сваты вслух гнушаются трудом матери, то меж собой они наверняка недовольны и им, по крайней мере жена ему уже делала пару раз упреки:

– Неужели ты не можешь чем иным, как другие, заняться? А вроде образован, в таком доме живешь, здесь столько можно завести нужных знакомств.

«Знакомства» с «образцовыми» жильцами у него есть, именно поэтому он их избегает. А вот насчет занятия – в семье появился еще один «рот», да не простой – музыкально-изысканный. И дабы его прокормить, Ваха из кожи вон лезет. Весь день в типографии, а вечером и по выходным, в те счастливые часы, когда он наслаждался футболом, теперь он в частном секторе подрабатывает сварщиком; работает, как он привык, до упора, так что надышится этой гарью, что курить не может, а по ночам от сварки искры в глазах, с зарей помощь матери и вновь типография.

Думая, что такой и должна быть семейная жизнь, он стал взрослым и кормильцем, он уже почти похоронил мечту – футбол! И лишь одно осталось, хоть по телевизору ночью посмотреть интересный матч. Но и это нельзя, жена днем не успела – слушателей нет, так хоть вечером Ваха вновь оценит ее талант.

– Нет, лучше футбол, – с пролетарской искренностью выдал Мастаев.

– Что значит «лучше футбол»? – возмутилась жена. – Тебе перестала нравиться хорошая музыка?

– Если хорошая, то такая, – Ваха поставил одну из пластинок Марии.

– Ах, вот в чем дело?! Мне рассказывали. Значит, ты еще «сохнешь» по Дибировой? – была противная сцена ревности, после которой супруга ушла к родителям.

Переживал ли Ваха? Конечно, переживал. И если бы он мог нормально, без пролетарской предвзятости общаться со сватами, то он пошел бы к ним. Вместо него на этот шаг пошла Баппа. Мать вернулась со снохой и с предложением к сыну.

– Может, вы на время где угол снимете?

– Мы тебе мешаем?

– Мне?.. Нет.

– Ну и слава Богу. А остальное – мелкобуржуазный каприз.

– Что? – удивилась Баппа.

Неожиданно зазвонил телефон.

– Ваха! – как всегда задорный голос Деревяко. – А я опять здесь... Над тобой. Что? У вас тут здорово – революционная ситуация: верхи править не могут; низы по-прежнему жить не хотят. А я как раз пишу кандидатскую об этом... К тому же меня кое-кто настойчиво пригласил... А ты поднимись, приглашаю, у меня день рождения.

Это был субботний день, Ваха прибежал домой пообедать и уже торопился к своей сварке, как опять звонок:

– Мастаев, – давненько он не видел и не слышал Кныша. – Ты, давай, поднимись в спецномер, гости у нас... и дело есть.

По столу, а главное, по лицам было видно, что Кныш и ревяко уже давно отмечают:

— Мастаев! — от хмеля Кныш говорит громко. — Ругать надо ругательски! Что творится кругом — грядет революция? Нет чтобы быть в первых рядах пролетариата — бедноты-то за одной музыкантшей увивался, ладно, она-то хоть и сивая была.

— Кто? Мария? — встряла в разговор Деревяко.

— Ты молчи, когда старый член партии говорит! — урезонив ее Кныш и вновь указуяще Мастаеву: — А теперь женился, прости, ни мордой, ни телом, а бренчать начнет — жить не придется... Кстати, слышал, она ушла, твоя мать вернула.

Мастаев молчал.

— Ну, тебе, как говорится, виднее, — Кныш, слегка покачиваясь, обнял Ваху. — Люблю я тебя, дурака, люблю... Давай выпьем за нас, за грядущие дела... Мы восстановим пролетарский порядок и советскую власть! — он еще что-то хотел сказать, как вдруг появился Руслан Дибиров с огромным букетом.

— О, мой милый Русланчик, как я соскучилась, — Галина Деревяко бросилась на шею смущенному Дибирову, поцеловала его в щечку.

После этого разговор явно не клеился. Кныш сказал, что пойдет помыть руки; как выяснилось, он тихо, по-английски, удалился. Позже, правда, попрощавшись, ушел и Ваха. А в чуланчике, подбоченясь, с перекошенным от злобы лицом жена:

— Вот так ты соскучился!? Я только вернулась, а он к этой шлюхе, видать, не впервой.

— Там и Руслан Дибиров был, — пытался оправдаться Ваха, эта фамилия — словно масло в огонь, долгий монолог жены и как итог — ультиматум: — Либо мы сейчас же переезжаем, моя мама подыскала нам жилье, либо... я ухожу совсем.

Из кухни появилась Баппа. Не особо ретиво, да она хотела как-то утихомирить молодых, но Ваха решительно распахнул дверь:

— Л-л-либо забудешь навсегда этот тон, либо проваливай, но обратной дороги не будет!

Словно только этого ждала, молодая жена, пуще прежнего толкая, выскочила из чуланчика. Ваха захлопнул дверь и еще стоя у выхода, пытаясь прийти в себя, как тихо постучали... Нет, он не может ее не впустить – все-таки жена. А это почтальон. Письмо.

21.08.1991. «Мастаеву В.Г. Ругаю Вас ругательно. Вы напрочь потеряли всю пролетарскую бдительность. В Москве была попытка путча – ГКЧП – она провалилась. В Грозном митинги протеста власти, провозглашают независимость Чечни, а вы не исполняете свои обязанности журналиста: вместо этого погружены в музыкально-бытовых проблемах. Всю эту чушью советую положить в гроб... Срочно явиться в Дом политпросвещения – «Общество «Знание». С комприветом Кныш.

Р.З. Наконец-то ты совершил единственно верный поступок. И хвост и гриву гони от себя всех этих музыкантш и прочих шипящих интеллигентов».

Уже по привычке, как всегда идя в Дом политпросвещения, Мастаев тщательным образом навел туалет, подбирал парадную одежду, как опять стук, почтальон. Письмо.

21.08.1991. «Срочно. Мастаеву! На нашем доме вновь появилась вредительская надпись – «Образцовый дом» провалено... Все налаживается, на носу выборы. Посему «проблем» срочно стереть (поручи матери). И архиважно узнать и наказать того, кто этим художничает. Председатель М.А. Кныш».

Ваха уже хотел выйти, как вновь в чуланчик постучали – Вада Нажа в дверях:

– Великое событие грядет, – словно на митинге закричал старик, – Весь народ на площади, все за независимость, свободу! А ты сидишь дома.

– Не сижу. Прости, тороплюсь, – Ваха уже приучен, что поручения надо беспрекословно исполнять быстро.

Торопясь, он вскоре дошел до Дома политического просвещения, где он не был очень давно. Территорию вокруг не узнав: всегда цветущие розы завяли, клумбы заросли, мусор, и

даже маленький фонтанчик не журчит. А в самом здании и раньше никого не было видно, зато теперь повсюду пыль, грязные окна и даже транспарант «Слава КПСС» перекошен.

Об этом с ходу спросил Мастаев.

– А что, – развел руками Кныш, – Москва прекратила финансирование, денег на агитацию и пропаганду нет, и вообще страна обеднела. Разве ты это не видишь? Революционная ситуация налицо. А ты?

– А-а что я?

– Ты ведь журналист. Должен быть в гуще событий.

– Я не журналист, я – по приказу – инженер, начальник отдела, а на самом деле – рабочий-грузчик, бумагу разгружаю, газеты отгружаю.

– Но-но-но! – Кныш встал. – В том-то и дело, что мы пролетарии и все должны уметь... С этой минуты ты главный редактор газеты «Свобода», а заодно спецкор агентства «Рейтер», вот твое удостоверение, – словно это дорогая вещь, Кныш важно протянул какую-то карточку.

– А газеты «Свобода» ведь нет, – как бы очнулся Ваха.

– Мастаев, ты ведь изучал Ленина: «сделать из невозможного возможное – цель пролетариата». ПСС, том... э-э-э... – задумался Кныш.

– ПСС, том 36, страница 349, – спасая шефа, выдал Ваха наугад.

– Умница, – засияло лицо Кныша. – А теперь дела, время не ждет. Быстро в правительство и на митинг – надо подготовить в газету передовую статью... кстати, а первый номер «Свободы» уже готов, если есть желание, можешь посмотреть.

Мастаев взял газету в руки, и, словно опытный журналист, первым делом посмотрел на выходные данные: «Барт, Низам, Нийсо!¹ Свобода. Орган ОКЧН.

– А что такое ОКЧН?

---

¹ Барт, Низам, Нийсо (чеч.) – единство, законность, справедливость.

— Не знаю, — вновь закуривая, Кныш беззаботно плюхнулся в кресло.

— О, а этот генерал ведь со мной учился, — на первой полосе за весь рост портрет военного.

— А это и есть лидер мятежа... Кстати, там его речь.

— Съезд чеченского народа, — стал вслух читать Мастаев выступление, — протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой партократами-коммунистами против нашей партии, именно, будто мы сепаратисты и уголовники. Мы считаем всех партократов и всех жильцов «Образцового дома» такими же разбойниками, как чиновники из Москвы, а президента СССР таким же коронованным разбойником, как президент РСФСР и первый секретарь обкома ЧИАССР и все прочие партократы... Митрофан Аполлонович, — недоумение в голосе Мастаева, — так это переделанный один из «апрельских тезисов» Ленина.

Кныш сделал вид, что не слышит; потушив сигарету, он стал внимательно рассматривать свои ногти.

— «Коммунистический натиск партократов, безволие и удаление от судьбы народа Верховного Совета республики показывает, — продолжал читать Ваха, — что ждать нельзя. Надо во что бы то ни стало срочно арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) милицию и т.д. Нельзя ждать!! Можно потерять все!! Цена взятия власти: защита чеченского народа от взяточников и казнокрадов-партократов... Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов и тем более народа, а для них... Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало! Промедление в выступлении смерти подобно... Тоже Ленин, — тихо произнес Мастаев. — «Письмо членам ЦК».

— Молодец, Мастаев, — вскочил Кныш. — ПСС, том 34, страницы 435–436.

— Так это плагиат!

— Какой «плагиат»? Это извечная установка вождя на жизнь!.. И, как ты писал, — никто классиков не читает. Другие в Академии все за Деревяко шастали.

Мастаев повинно опустил голову и, как бы оправдываясь:

– Да, Деревяко молодец, – постановил Кныш. – А ты про нее новость знаешь?

– Говорят, – тут глаза Вахи загораются, – баллотируется в Верховный Совет России.

– Куда она «баллотируется»? – ухмыльнулся Кныш. – Это мы ее «баллотируем». Ведь не сажать же рядом с собой всяких мыр и уродин.

– А вы тоже баллотируетесь?

– Есть вариант, – Митрофан Аполлонович подошел к окну и, как бы про себя, вполголоса: – Здесь скоро жизни не будет.

– Что вы сказали? – чуть не поперхнулся Ваха.

– Я?.. Да так... А ты новость про Галину знаешь? – Кныш внимательно посмотрел на Ваху. – Ну и журналист! Вроде в «Образцовом доме» живешь. – Руслан Дибиров хочет на Деревяко жениться... Хе-хе, слезно умоляет.

– Не может быть, – прошептал Ваха.

– Мастаев, как сказал Ленин, невозможное – возможно. А ты иди на митинг, готовь следующий номер, возьми у кого-нибудь интервью.

– А следующий номер разве не готов?

– Ты ведь главный редактор.

– Так я в Грозном, а эту газету напечатали в Москве... Вот посмотрите внизу: «Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва».

– Ты что несешь?! – выхватил Кныш газету, как ни отодвигал, ничего не разглядел, бросился к столу, достал лупу. – Вот идиот, сволочь! Что стоишь? Беги, звони!

Мастаев бросился к аппарату, поднял трубку:

– К-к-какой номер?

В это время трубка зашипела и в одно ухо хорошо поставленный голос:

– Москва, Кремль. Что случилось, Грозный?

– Положь трубку! – в другое ухо заорал Кныш.

После этого непонятная тишина, оцепенение, которое нарушил хозяин:

Нечего к аппарату притрагиваться.

Вы ведь сказали «звони».

Не отвечая, Кныш потянулся к сигаретам, а Мастаев любопытен.

А кого вы сволочью обозвали?

Его, – над огромным зеркалом такой огромный портрет Ленина.

Вы ведь его боготворили?

Было, – вскочил Кныш. – Но раз его последователи сплошь болваны.

К чему вы это?

Ну, если образно, – яблоко от яблони. А если в обратной последовательности – гнилое яблоко от гнилой яблони... Так?

Э-э-э, вроде так.

Что?! – взревел Кныш. – Вот видишь! Видишь! Даже ты вроде истинный пролетарий, а чуть что, уже готов вождя предать, продать! Вот в чем наша беда! За Ленина, за державу обидно!.. Что стоишь? Иди, иди на митинг, в правительство, собери материал, ты ведь главный редактор... О, вождь! – Кныш упал на колени, – не хотят, не хотят сволочи быть коммунистами – все предатели, шпионы, шкурники. Обленились, жирком отпылили... Ух! Сталина бы сюда!

При последних словах Мастаев уже вышел из кабинета и только прикрыл дверь, как раздался неслыханный в этих стенах мат.

Мастаев понял: он как-то туда случайно попал – за зеркалом подсматривающая комната, и там кто-то есть, кого Кныш поносит. А Ваха покинул «Общество «Знание» и уже был в огромном фойе. Когда-то с волнением, даже с неким благоговением, как в истинный храм, входил он в это здание и, получив очередное задание, старался быстрее уйти. Не только люди – сами стены здесь давили. Однако на сей раз, хотя внешне вроде ничего не изменилось, он ощутил здесь некое сиротство, беззащитность, опустошенность.

Почему-то именно сейчас он вспомнил древние гроты-пещеры родного Макажоя. Да, эти пещеры – история, где-то гор-

дость и позабытое прошлое. И в тех пещерах, как говорят легенды, жили его предки. И их надо бы беречь, изучать, познавать, завещать свою историю потомкам. Но ничего этого не хочется, не хочется даже к ним подходить, не хочется к пещерной жизни, даже к этому образу возвращаться...

А в центре Грозного страсти кипят. Перекрыв движение на проспекте Победы перед Советом министров, многочисленный митинг, хорошо организованный: плакаты, призывающие к свободе и независимости, какие-то знамена. Популярный артист, известный спортсмен – ведущие, есть микрофон и мощные динамики; и как ни странно, электропитание для этой аппаратуры подается из здания правительства, которое митингующие тут же клеймят.

Удивительно, но горожан на митинге очень мало, и те просто из любопытства в сторонке стоят, а в основном, даже по одежде видно, – жители дальних сел, и, что самое поразительное, – больше всего пожилых людей, стариков; они рвутся к трибуне, несут всякую ахинею, и только в одном едины: дружно прославляют лидера оппозиции – генерала, требуют ему передать власть.

Несмотря на то, что день очень теплый, солнечный, только середина сентября, а от этого митинга, этих речей Ваха Мастаев буквально съежился, словно его знобит, и кажется, что не просто его зовут, призывают, тащат в древнюю пещеру-грот, а что он уже в этой пещере: страшно, мрачно, сыро, холодно, и вот-вот на голову летучая мышь нагадит, а то, гляди, и в лицо когтями.

– Ваха, и ты здесь? – неожиданно дед Нажа стал перед Мастаевым.

За то недолгое время, что они расстались, дед явно изменился: потухли глаза, и он совсем ссутулился, как-то сразу постарел.

– Дада, ты устал, пошли домой.

– В ваш «Образцовый дом проблем»?

– Ну почему сразу «дом проблем»?

– Да твоя мать говорит – устала эту «проблему» каждый день стирать, словно это что меняет, – дед горько усмехнулся. – Я домой, в горы, родные горы, поеду.

– А как же свобода, независимость?

– Ты знаешь, – еще более погрузился дед, – свобода и независимость нужны, не то снова будут нас репрессировать, депортировать, убивать... Но здесь что-то не то – дерьмом попахивает... И еще одно, внучок, скажу: я многих этих стариков знаю – стукачи, и они нас на добрый путь не выведут.

– Ну, не все, наверное, так грустно, – попытался успокоить деда Ваха. – Просто ты устал, а наш чуланчик – не «Образцовый дом», переночуешь и завтра утром в Макажой.

– Нет, не хочу на старости вновь под крышей казенного дома спать. Поеду... Сам знаешь, один погожий день всю зиму в горах кормит. Дел и забот хватает.

Ваха пошел на автостанцию деда провожать, обещал на выходные обязательно приехать. На обратном пути он не хотел более видеть этот митинг, и без политики он не любит любые массовые мероприятия, пожалуй, кроме футбола, куда он сегодня решил наконец-то пойти. А тут, как назло, перед ним вырос милиционер – сосед Асад Якубов, и словно меж ними никогда драк и вражды не было:

– Ваха, я всюду ищу тебя. Приказано тебе срочно интервью взять у первого секретаря обкома КПСС.

– Кто приказал? – и без этого Мастаев недружелюбно с Якубовым, а тут с футболом вновь пролет.

– Как кто? – странно услужлив милиционер. – Наш сосед Кныш.

– А ты какое имеешь отношение к Кнышу?

– Ну, я ведь на службе, – Якубов, словно видит впервые, с ног до головы стал оглядывать Мастаева, а последний вспомнил историю с кроссовками – кровь в голову; да он себя сдержал, понимает, что волей-неволей тоже на службе и уже какая-то карточка в кармане, при виде которой его без всяких проволочек впустили в святая святых – обком КПСС.

Мастаев ожидал, что раз покушаются на эту власть, она должна как-то защищаться, бороться. Ан нет, вокруг обкома безлюдно – митинг подальше, а в самом обкоме совсем тихо, ковры приглушают шаг. Строгий на вид пожилой русский, дежурный, по осанке и голосу явно военный, провел Ваху на второй этаж.

Почему-то Ваха никогда даже не мечтал в это всеильное здание войти, вроде даже не замечал. А теперь, попав сюда, решив, что он и вправду журналист и все должен заметить, смотрел по сторонам – сдержанно, строго, добротнo, но при этом все старо, местами истерто, даже ветхостью отдает.

– О, так это мой «однокашник»! – руководитель республики, крепкий, румяный мужчина зрелых лет, и Мастаев, сравнивая, понимает, что это не прямолинейный солдафон Кныш, а закаленный в интригах и подковерных баталиях, выдержавший все, скрытный, умный и непростой человек, который ему сейчас мило улыбается, а в сощуренных глазах – анализ и прагматизм. И у такого человека, явного лидера, Мастаев впервые в жизни должен взять интервью, и, не зная с чего начать, он начал с главного – ситуации в республике.

– Ситуация хорошая, я бы сказал стабильная, – медленно и уверенно говорит первый секретарь, он долго перечисляет успехи во всех отраслях и под конец, – у нас в этом году будет невиданный урожай сахарной свеклы.

– А что вы скажете насчет митинга?

Перед руководителем партии и республики лежала стопка бумаг, он порылся в них и стал читать:

– Товарищи! Давно не было в партии, в обществе дискуссии столь широкой, страстной и плодотворной, с живой мыслью, большим количеством предложений, острым подчас столкновением мнений. В центре ее есть, по существу, главные вопросы перестройки, демократизации общественной и внутрипартийной жизни... Все предложения должны быть рождены коллективной мыслью партии и всего народа. Наши цели – больше демократии, больше социализма, лучшая жизнь трудящегося человека, величие и благо республики и страны¹...

¹ М.С. Горбачев. Материалы XX Всесоюзной конференции. – М.: Политиздат, 1990. – С. 154–155.

— Так ведь это речь Генерального секретаря на последней партконференции, — не сдержавшись, перебил главу Мастаев.

— Хм, правильно... А разве лучше генсека скажешь?.. А впрочем, что нам время терять, в приемной секретарь вам передаст готовое интервью.

— А если мне что-то захочется изменить? — это просто вырвалось у Мастаева, и тут он увидел истинное лицо — сколько в нем было высокомерия, презрения, и такой же барский тон, что он не раз слышал от своих соседей по «Образцовому дому». — Иди, твое интервью уже пошло в набор в нашей типографии «Правда».

С Мастаевым даже не попрощались, зато и он показал свой нрав: папку с готовым интервью не взял. И когда шел по пустому, мрачному коридору, на каждом углу стоял милиционер, он понимал, что здесь еще хуже, чем в Доме политпросвещения, этой «пещере» грозит обвал, и не природный, а искусственный, и он хочет это проклятое людьми место быстро покинуть, ему кажется, что то же самое чувство уже испытывают все обитатели этого важного здания — время компартии кануло?..

* * *

Как положено в СССР, перед обкомом коммунистической партии — площадь Ленина, на ней величавый памятник вождю. И здесь благодущие, аромат, розы на клумбах цветут. Осеннее солнце еще высоко, тепло, ласточки стайками носятся, кричат, готовятся к отлету. А Ваха даже доволен, что интервью готово — он успеет еще в футбол сыграть. С этой приятной мыслью он торопливо пересекал площадь, как перед ним возник милиционер.

— Что-то скоро тебя из обкома выставили — пулей летишь, — видимо, Асад Якубов за ним бежал, запыхался. — Теперь велено на митинге постоять, а как стемнеет, взять интервью у генерала оппозиции.

— А зачем на митинг идти? — разозлился Мастаев.

— Ну, корреспондент «Рейтер», главный редактор газеты «Свобода», — наверное, должен в гуще событий быть, — здраво рассуждает Якубов. — Да и массовость надо обеспечить.

К вечеру на митинге людей значительно поубавилось. Какой-то старик, видно по всему, явно себя в жизни не утруждавший, несет какую-то белиберду, ссылаясь на свое почти что божественное предназначение. От этой болтовни Якубов стал слегка позевывать, а после и во всю ширь рот разинул.

— Ты сейчас этого проповедника проглотишь, нас осиротишь, — посмеялся Мастаев.

Милиционер выправил осанку, осмотрел форму и, чуть придя в себя, по-свойски толкнул Мастаева:

— А ты слышал последнюю хохму? — и он не по имени Руслан, а так продолжил: — Брат-то Марии Дибировой, говорят, на этой русской из Москвы, как ее, Деревяко, женится. Хе-хе, точно так и отец его поступил, ведь эта баба вроде влиятельная, чуть ли не депутат России.

Мастаев молчал и теперь вынужден был сделать вид, что слушает оратора, а Асад продолжал:

— Говорят, и ты к ней в очередь стоял. Как она? — он вновь локтем подтолкнул Ваху; который окончательно поддался проповеди, а милиционер совсем разговорился: — Слушай, а от тебя эта дура, музыкантша, вроде ушла. Вот тебе повезло, братан.

Если бы не мощь динамиков, то Якубов услышал бы скрежет зубов Вахи, но он видит, и не без удовольствия, как нервно задвигались желваки. Вот здесь, в этой раскаленной митингом обстановке, началась бы, если не драка, то что-то вроде этого, свойственное горячим кавказским парням. Да один из них немало читал Ленина — он сделал «шаг назад»:

— Братан, ты прав, — тем же тоном отвечает Ваха, — чем тут торчать, лучше пройдемся по набережной, там все же тише, поговорим.

— Конечно, пойдем, — доволен милиционер. — Нам из Москвы приказ — ни во что не вмешиваться, а так, со стороны глядеть... Надоело.

— За мной подглядывать?

— Ну, революция, говорят, сам понимаешь.

Им пришлось пройти сквозь жиденькую толпу митингующих. У Сунжи прохладно, безлюдно и вроде сумерки быстрее спустились, только в реке голубое небо еще купается среди густой радуги нефтяных разводов местных буровых; об этих богатствах много на митинге говорят, а у Вахи иной разговор:

– Асад, ты случайно не читал последнее письмо Ленина Сталину?

– Что?! Ха-ха-ха! Ты точно с ума сошел. Ха-ха, во анекдот!

– Ну ладно, – от жесткого тона Мастаева Якубов вмиг успокоился, а тот так же продолжал: – Я-то беспартийный и могу не читать, а ты коммунист, а Ленина не чтишь. А зря.

– Ты что, мстить собрался?

– Молчи и усваивай. Так, Ленин за оскорбление его жены даже Сталина извиниться заставил.

– Хе-хе, а недаром тебя в психушку упрятать хотели... Убери руки! Ты что, забыл кто я? К тому же я на службе и при оружии.

– Я тоже на службе, – более Мастаев не болтал, в ход, да ненадолго, пошли конечности, пока не прозвучало: – Прости! – следом: – Это табельный пистолет, – он уже в реке и Мастаев кричит: – Революция должна быть бескровной... А где твой генерал из оппозиции?

– В горкоме партии, – сплунув кровью, ответил милиционер.

...Всю жизнь Ваха Мастаев прожил в Грозном, а вот, где горком партии, – не знал. Впрочем, никто из прохожих и митингующих этого тоже не ведал. Тогда он догадался спросить, где штаб революции, и ему указали – рядом.

Здесь по-прежнему вывеска – «Коммунистическая партия Советского Союза. Грозненский горком КПСС». Вход охраняют милиция и какие-то обросшие молодые люди, видно, вооружены.

Впервые он предъявил свое удостоверение и даже не ожидал такого внимания.

– Иностраннный корреспондент, агентство «Рейтер», – передали по коридору.

– Пропустите к председателю.

— Мне не к председателю, мне к генералу, — попытался объяснить Ваха.

— Теперь он председатель, — объяснили ему.

После учебы в Москве Ваха мало чему может удивиться, да очень странно, что для восставших людей, точнее, как их называют, «Объединенного Конгресса чеченского народа» выделили целый этаж, к тому же второй, со всеми коммуникациями, якобы для того, чтобы были под контролем, ну и демократия с перестройкой в стране — равенство масс!

По сравнению с обкомом — здесь явное столпотворение, грязь, курят, и все кучкуются вокруг кабинета председателя, куда свободно входят и выходят.

— Ба! Так это лучший выпускник Академии, — так приветствует председатель Мастаева, он в генеральской форме советского офицера. — Как зовут?.. Оставьте нас одних — важное интервью зарубежной прессе.

По-чеченски генерал говорит плохо и по-русски, видно, не Ленина, а более Устав армии читал. Но внушает доверие и силу: прямолинеен, лаконичен, физически очень крепок, выправка, и главное, чего не было в обкоме, — блеск в глазах.

Хотя и пришел сюда Мастаев по вызову, а вот общаясь с генералом, то есть председателем, он все больше и больше попадал под его обаяние, никакой заготовки нет, и речь правильная, нужны свободные, равноправные отношения со всеми, нужно новое общество, где нет образцовых и не образцовых, где действительно будет превалировать ленинский принцип — всем по труду, и генерал на это делает акцент, подтверждая, что он член КПСС, измены и для себя не потерпит.

От этих искренних, пламенных речей сам Мастаев уже заразился независимостью, и в нем мысль, как искры, он тоже завтра должен выступить на митинге в поддержку генерала... Вот только одно плохо — здесь равноправие понимают в прямом смысле, и погоны генерала, и его приказы не помогают — все равны, посему какое-то необузданное панибратство, так что любой, в любое время в этот кабинет может войти. Беседа, точ-

нее важное интервью, постоянно прерывается, мысль пропадает. Пришлось скрыться в соседней комнате и запереться на ключ.

Вот здесь, в спокойной обстановке, за чаем, Мастаев был полностью покорен по-ленински выверенными идеями переустройства чеченского общества, когда под конец раздался звонок – Ваха уже знает – это не простой аппарат:

– Здравия желаю, товарищ командующий... Есть! Есть!

Разговор был короткий, а по окончании Мастаев со своей непосредственностью спросил:

– А кто у вас командующий?

Что-то сразу же поменялось в облике председателя, он явно стал не просто генералом, а словно летчиком-истребителем, так изменилось его лицо; и какой был вопрос – такой же прямой ответ:

– Главнокомандующий у нас один! – он больше не сел, и Ваха понял – прием окончен.

Когда Ваха вышел из горкома, было уже темно. О митинге «непокорных» напоминали лишь костры на набережной Сунжи, и оттуда веяло некой романтикой. А город жил прежней жизнью. У ресторана «Кавказ» много машин, гремит бесшабашная музыка, слышны возбужденные голоса, пьяные выкрики.

К ночи стало более чем прохладно – все же осень на дворе. И Мастаев, поживаясь, заторопился домой. И хотя конец беседы с генералом оставил неприятный осадок, все же он остался доволен, думая, что горком – это что-то новое, может быть, развитие, по сравнению с Домом политпросвещения и тем более с обкомом КПСС. И что характерно, в горкоме он не почувствовал отживаемости, а наоборот, авантюра, движение вперед.

Находясь под этим впечатлением, он почти до полуночи писал и вновь и вновь переделывал интервью с генералом. Самое трудное – концовка, он должен правду сказать, вот только телефонный разговор он хочет показать как позитив, все-таки к генералу позвонил сам главнокомандующий, ведь это патриотизм, а не национализм, тем более религиозный.

Довольный собою, он только поставил точку в первом в жизни интервью, как в этот поздний час услышал шаги за стеной в подъезде, потом перед чуланчиком. Осторожно открыв входную дверь, он выглянул во двор. Перед центральным подъездом, где вывеска «Образцовый дом», свет не горит, какая-то тень оттуда пересекала двор. «Наверное, Кныш», — подумал Мастаев и отчего-то не удержался, побежал за ним, а когда вышел на соседний проспект Революции, кто был — узнать невозможно. Даже в этот поздний час в городе много прохожих, особенно праздной молодежи. Весь город в огнях и звуках музыкальных клаксонов машин.

За истекшие насыщенные событиями сутки Мастаев здорово устал и надо было возвратиться домой, да любопытство толкнуло: если это Кныш, то он пошел в свою обитель — Дом политпросвещения, туда и двинулся он, и не светлыми улицами, а дворами, и у самой цели он увидел, не эту тень, здесь очень темно, а сигареты огонек, и он повел его не к парадному входу, а к воротам со двора. Все закрыто, ничего не видно, зато слышно — что-то загружают.

Ваха стал искать хотя бы щель в заборе, чтобы заглянуть, и тут кто-то до ужаса его напугал, ткнул под ребра.

— Хм, раз пришел, может, поможешь? — только знакомый голос Кныша дал ему спокойно вздохнуть.

— А-а-а вы что, эвакуируетесь? — что на языке, выдал Ваха.

— Мастаев! — вот теперь, наверное, впервые Ваха услышал военно-командные нотки в голосе Кныша. — Я думал, ты наивный простак, а ты действительно псих и дурак. Возомнил из себя! Салага!

— А что я сделал?

— В обкоме, в горкоме — генералам хамишь. На офицера руку поднял. А табельное оружие — в реку! Хм, хренов революционер. Свободу почувствовал... Засадим в тюрьму. А пока прочь!

Обескураженный Мастаев двинулся, оказывается, не в ту сторону.

— Ты куда? — остановил его Кныш.

– Домой.

– Нет у тебя дома, есть служебный чуланчик, беги туда и чтоб в девять утра был здесь.

Не бегом, да, как было велено, торопясь, Ваха дошел до чуланчика, а здесь, то ли он не прикрыл, в общем, дверь приоткрыта, темно. Первым делом он бросился на кухню – мать спокойно спит. Вернулся в комнату – все на месте, только его интервью с генералом со стола исчезло. «Да пошли вы все к черту», – в сердцах сказал Ваха. Он устал, лег спать и, как казалось, только заснул, как его грубо разбудила милиция. Было уже утро, жители «Образцового дома» шли на работу, а на Ваху под слезы и причитания матери надели наручники, отвезли.

У следственного изолятора в вызывающей позе встречал Асад Якубов.

– Ты-то говорил, что вам приказано из Москвы ни во что не вмешиваться, – успел сказать Ваха.

– Вот и займемся тобой, козел, пока мы свободны, – торжествует милиционер.

Как показалось Мастаеву, милиция действительно свободна – плотно взялись за него, следователь уже ознакомил с судебно-медицинской экспертизой побоев Якубова – непонятно, как он выжил. Свидетели есть. И тут не хулиганство, а организованное нападение на сотрудника, насилие, грабеж и прочее – минимум на двадцать лет. А для начала его отвели в отдельную камеру и на ходу кто-то сердобольно подсказал – сейчас будут бить, терпи.

Побоев не было, напротив, перед ним даже извинялись, и вскоре на том же узике только без наручников вывозили из изолятора, а у ворот небольшой митинг:

– Свободу газете «Свобода»! Свободу главному редактору газеты «Свобода»! Отпустить Мастаева! – тут же плакаты и даже свой портрет узника – борца за независимость – увидел Ваха.

Его почему-то высадили в самом центре Грозного, прямо у непрекращающегося митинга со словами «ты еще получишь свое, козел». И он не успел даже осмотреться, как из-под земли

— А я только здесь узнал, что тебя милиция забрала, — говорит дед, — а приехал — заставили, — он показал письмо, — документ Агропромбанка, требуют в трехдневный срок возвратить ссуду плюс колоссальные проценты; в противном случае дом в Макажое будет конфискован в пользу государства.

— Поезжай домой, я все улажу, — устало молвил Ваха, через полчаса он был в Доме политпросвещения.

— Ты должен был выступить на митинге — прямой эфир на весь мир, — кричит на него Кныш, — а ты устроил избиение милиционеров, хотел спровоцировать органы власти на противодействие... Бегом на митинг, камеры ждут.

— А это? — Мастаев показал документ Агропромбанка.

— А ты и твой дед все хотите бесплатно, на халяву... Вот выступи на митинге, как тебе велят, и я обещаю: не то что такое письмо, а такого банка вовсе не будет, все будет снесено, как и вся Советская власть.

На митинге Мастаева, оказывается, уже давно ждали.

— Свободу прессе! Свободу печати!

Здесь же иностранные журналисты и очень много камер. А заика Мастаев никогда перед микрофоном не выступал и от волнения не может не только слова подобрать, а даже что-то произнести, как вдруг видит прямо перед собой какое-то до странности, даже до смеха знакомое лицо — то ли Кныш, то ли нет, какие-то густые, черные усы, очки в несуразной оправе. И этот мужчина всячески пытается его взбодрить, жестикулирует и даже показал, что Ваха дурак, а следом что-то вроде решетки. Вот тогда в Мастаеве пробудился бунтарский дух и как понес он речь, мол, все у власти и те кто рвется к ней — негодяи, не дают ему не только жить, но даже в футбол играть.

От этих наивных, но искренних слов толпа одобрительно загудела и многие стали смеяться, а вот усатый очкарик совсем поник, опустил голову, так что лица совсем не видно. И тут Ваха понял, что вроде бы без вида этого странного лица он более и говорить не может, — как бы не о чем. Он замолчал, не зная, что еще сказать. Наступила довольно долгая неловкая

шуза, от которой, наверное, усатый очкарик вновь поднял свое лицо, и это, как вдохновение, обнаружило ораторские способности выступающего – он стал цитировать Ленина:

– Т-т-товарищи! Положение донельзя критическое. Яснее немого, что теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно!

– О-о-о! – одобрительно загудел митинг. А Ваха заметил, как просияло лицо усатого очкарика, и Мастаев еще громче заорал:

– Изю всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, что не совещаниями решаются, не съездами и митингами, а исключительно народом, массой, борьбой вооруженных масс. Так сказал Ленин накануне революции. – Какой том? – вдруг Мастаев ткнул пальцем в сторону усатого очкарика.

– ПСС, том 34, страница 435, «Письмо членам ЦК», – последовал немедленный ответ.

– Совершенно верно, товарищ! – еще раз Мастаев указал пальцем всем на усатого очкарика, а сам в том же революционно-пролетарском духе, уже заведясь, продолжил: – Дорогие товарищи! Работающие на окраинах империи великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации и не знавшие национального гнета, нередко приуменьшая значение национальных особенностей в партийной работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной национальности, вульгаризируя таким образом и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма! Так говорил Ленин...

– К чему вы это?! – вдруг криком перебил очкарик с усами. – К тому же это не Ленин, а Сталин, избранные сочинения, том 5, страница 27, «Национальный вопрос в партии...»

– Товарищи, – в свою очередь так же перебил Мастаев. – Этот товарищ, на таком жизненно важном этапе становления

этой искренности открытой борьбы и так увлекся игрой, что неудачно упал, с синяком под глазом поздно пришел домой, а там знакомый конверт: срочно в Дом политпросвещения.

Была уже ночь. В этой части города вроде та же жизнь, однако Ваха, идя по знакомым улицам, уже чувствует напряжение перемен. И почему-то они не навешают на него чего-то хорошего, а наоборот, тревогу и беспокойство большевистской революции и последующей Гражданской войны. И, как доказательство, вокруг Дома политпросвещения освещения почти нет... Как обычно, под березками у парадной лестницы он стал курить, а тут Кныш из окна кричит:

– Мастаев, беги, быстрее, тебя на всю страну показывают!

Себя Ваха так и не увидел – не успел, а вот увидев Кныша, рассмеялся, и тот не сдержался, тоже стал смеяться – у обоих синяки под глазом.

– Это тебя спасло, – сквозь смех говорит Кныш. – Мы в расчете. А впредь не рой яму другому.

В это время по телевизору показывали спор между руководителями Союза ССР и РСФСР.

– Сговор. Продажные суки, – Кныш выключил телевизор, сел на диван, приглашая Ваху. – И твой Бааев такая же сволочь, только масштаб поменьше.

– А почему он мой?

– Ну не мой же. Ведь сказал, что Кныш убежит, вы останетесь.

– У вас и там все прослушивается?

– Не будь наивным, Мастаев, прослушать все невозможно... Просто есть отчеты: «Беседа с главным редактором газеты «Свобода».

– Бааев тоже ваш? – крайне изумлен Ваха.

– Не мой, а обитатель «Образцового дома», на высоком государственном посту, со всеми вытекающими последствиями.

– Да, – Мастаев при Кныше, как перед старшим, до этого не курил, а теперь, как вызов, а может, как признание сдачи позиций, затянулся. – Завтра Асад Якубов станет министром МВД, митинг разгонит, меня посадит.

Ха-ха, тебя посадить еще успеют... А завтра, наоборот, контингующие захватят всю власть.

Это так? – не перестает удивляться Мастаев.

Твоя газета поможет, – с этими словами Кныш передал Вахе свежую газету «Свобода».

Что это такое? – Мастаев не верит своим глазам. На передовой странице список «пострадавших от оползней и наводнения», вторым из федерального бюджета выделены колоссальные суммы. Далее такой же список крестьянских и фермерских хозяйств. Фамилии одни и те же, сплошь жилыцы «Образцового дома».

Хе-хе, посмотри, – указывает Кныш, – сколько деньжищ у народа своровала эта власть.

Не может быть. Это неправда! – поражен Ваха.

Если не веришь, то вот копии документов.

Ваха взял документы.

А тут и ваша жена есть.

Бывшая, бывшая, – сказал Кныш, – мы в разводе. К тому же ее уволили, и она уже уехала.

С тонущего корабля, – далее Ваха не продолжил, а усмехнулся. – А вот в документах вас вроде бы нет, а в газете – есть. Кныш...

Что?! – выхватил номер Митрофан Аполлонович. – Господи! Какая дрянь!

Нельзя на Бога так говорить, – шепотом возмутился Мастаев.

Да пошел ты. Сволочь! Сволочи! Меня подставили. Где телефон?.. Мастаев, беги в «Образцовый дом», в каждом почтовом ящике должна быть эта газета, все изыми, все сюда. Меня предали.

Когда Ваха Мастаев покинул здание Дома политпросвещения, в Грозном уже царилась ночь, такая же ночь воцарилась и в его сознании. Он не мог понять, как его соседи могли присвоить такие деньжищи? Столько денег?! Зачем? За что? Ведь как говорил его дед, просто так ничего не бывает. Значит, за что-то проплачено. Ясно одно – это грязные деньги, харам, и какое счастье, что он к ним не причастен.

С таким более-менее просветленным чувством Ваха подошел к «Образцовому дому» и, даже не думая залезать в чужие почтовые ящики, хотел было зайти в чуланчик, как увидел просунутую в дверную ручку «свою» газету «Свобода».

Не взять газету невозможно, а ощутив ее в руках, он почувствовал какое-то омерзение, так что не хотелось попадаться на глаза матери, словно и он участвовал в этом грабеже, словно и у него в карманах эти громадные чужие суммы... И что с ними делать? Оказывается, с огромным богатством, тем более таким, нелегко жить.

Под бременем таких мыслей он как-то машинально опустился на скамейку перед центральным подъездом, там, где и была табличка «Образцовый дом». Подъехала черная служебная «Волга», и тут же грузные шаги из подъезда. Огромным телом все более и более заслоняя свет лампы, двигалась фигура Альберта Бааева, в руке «Свобода» и прямо к нему:

– Что ты натворил, подонок? – Бааев презрительно хлопнул Мастаева по подбородку газетой.

Злость дня воспламенила Ваху. Будучи почти на голову ниже и гораздо легче Бааева, Мастаев в резком порыве ухватив за грудки вице-премьера, довольно шустро двинулся в атаку, да так, что с силой пригвоздил Альберта к стене, как раз под освещенной, красочной вывеской «Образцовый дом», и последовали бы удары, да женский голос сверху:

– Мастаев, перестань! – голос Марии сразу отрезвил его. Виновато он удалился в торец «Образцового дома». Закурив, выплядывая во двор, пока Бааев уехал, Ваха думал, вот так любят женщины богатых, даже с балкона провожают взглядом, как из того же подъезда выскочил Асад Якубов в милицейской форме, завел машину и спешно уехал.

«Их вызвал Кныш», – почему-то подумал Мастаев и, чтобы подтвердить свою догадку, пошел вновь к Дому политпросвещения. Здесь непривычный полумрак, многие фонари не горят, а никаких машин вокруг не видно. Зато за высоким забором со двора опять движение, а с фасада окна в «Обществе «Знание»

светятся, да высоко, ничего не видно. Любопытство подхлестнуло Мастаева, взобравшись на березку, он стал подсматривать: Кныш, Бааев и Якубов о чем-то оживленно говорили, вероятно, спорили. Вдруг свет в окне погас, погас всюду – мрак. Тако-го в Грозном еще не было, и он даже с дерева не слезал, ожидая, что вот-вот электричество подадут, а вместо этого спокой-ный голос Кныша снизу:

– Вот не думал, что эволюция Дарвина вспять пойдет... Ты что это по деревьям лазаешь, Мастаев? А ну, слезай.

Только Ваха коснулся земли, словно от этого, всюду огни.

– Красота! – выдал Кныш. – Наслаждайся напоследок.

– Что вы говорите? – тревога в голосе Вахи.

– Революция! Переворотом пахнет, – какое-то упоение в тоне Митрофана Аполлоновича.

– Вы верите, что сверхбогатые жильцы «Образцового дома» уступят власть этой митинговой голытьбе? Да если надо, они всех и все купят.

– Хе-хе, дорогой Ваха, эти, как ты выразился «сверхбога-тые жильцы «Образцового дома», уже все и вся продали и про-дались. И, поверь мне, сами ждут не перемен, а сплошного ре-волюционного переворота. Дабы все свои грешки списать. Ибо только в мутной воде можно концы спрятать.

– Это невозможно.

– Мастаев, ты слаб в науках, тем более в истории, в частно-сти, истории Октябрьской революции.

– Я был лучший слушатель, – перебил Мастаев.

– Ой, ой, брось! За три дня историю не учат, – Кныш закурил и после паузы. – А все вкратце, было так... Царь Николай II, как выразился Ленин, – гнусный развратник.

– ПСС, том 36, страница 176, – решил показать свои знания Ваха.

– Не-не-не, – категорично возразил Митрофан Аполлоно-вич. – Я имею в виду ПСС, том 31, страница 12, «Письма изда-лека». Хотя, признаюсь, ты тоже прав, ибо вождь частенько Романовых поносил, особенно в 36-м томе... э-э, может быть, и

на странице 176. И вождь прав, и поделом. Ибо царь Николай II проиграл подряд две войны. Где это видано?! В общем, когда царь отрекся от престола, его родня ликовала, — какая мерзость! Да что от них ждать — «шайка разбойников с чудовищным Распутиным во главе».

— Это тоже Ленин, там же, — только сейчас Мастаев заметил, что от Кныша, как всегда, разит спиртным.

— Ныне ты абсолютно прав, — Митрофан Аполлонович с удовольствием глубоко затянулся. — Так вот. Недееспособный царь вынужден был отречься от престола. Казалось бы, свято место пусто не бывает. Ан нет, никто из родни на прогнивший изнутри трон не позарился. А власть в огромной империи захватили — кто? Разумеется, авантюристы-аферисты во главе со шпионом-масоном Керенским, которые заботились лишь об одном — как бы поболее ограбить царскую казну?! А власть? А власти не было, не было штурма Зимнего, не было никакого залпа «Авроры», просто большевики эту власть с земли подняли, а Керенский чуть-чуть, для виду, попыжился и со своим богатством на Запад бежал, где прожил долго и беззаботно.

— А к чему вы это? — удивлен Мастаев.

— Разве непонятно? История повторяется, и ничего нового нет... В Чечне испокон веков наместник русский назначается Кремлем. В последнее время и в Москве все подгнило, и институт наместников зажрался, словом, началась перестройка, та же революционная ситуация, в результате которой и здесь к власти пришли те же казнокрады Керенские, которые завтра убегут в «свою» Москву, где уже обзавелись жильем, а власть захватят, так сказать, революционеры.

— Такого не может быть, — вяло возражает Мастаев.

— Может. Многое расписано. Деньги правят миром. — Кныш вновь присосался к сигарете и, выдыхая густой клуб: — Разница, ну если не учитывать масштаб, лишь в одном: октябрьский переворот — под знаком пролетарского интернационализма, а здесь, наоборот, — мелкобуржуазно-религиозного национализма... Конечно, будет страшный бардак, а в итоге, может быть, развитие. Диалектика! — он развел руками.

«Страшный бардак», «диалектика». Твари! – тихо выдохнул Ваха; ему стало невыносимо, как он подумал, прежде всего от перегара собеседника, и он, не прощаясь, по ночному, уже затихшему городу пошел домой, и когда проходил мимо летнего кинотеатра «Машиностроитель», он вспомнил, как здесь когда-то играла Мария, как он впервые в жизни подарил ей неживые цветы, как оказалось, к исходу его первой и пока еще последней любви... И тут вновь во всем городе, словно репетиция, свет пбгас. Вскоре напряжение, как прежде, пошло, однако теперь уже Ваха всерьез напрягся, он отчего-то вспомнил свою дипломную «Борьба Ленина с голодом» и, уже приближаясь к «Образцовому дому», подумывал, что необходимо заранее запастись мукой, сахаром, спичками. А где деньги взять? И в этот момент, уже во дворе, его окликнул Альберт Бааев:

– Тебя жду, – молодой вице-премьер весьма пьян, даже шатается. Как бы в знак примирения, он протянул мясистую влажную руку. – Ваха, я знаю, что ты никто.

– Почему это я «никто»? – напрягся Мастаев.

– Да нет, я не так выразился, – в свете ночного освещения палится его лицо. – В общем, я знаю, в своей газете «Свобода» ты никто. Ик, – он, не прикрывая рот, икнул. – Так вот... И все же ты что-то можешь, ты должен.

– Я никому не должен, – Мастаев хотел уйти, но Бааев почти силой его пытался удержать, и, видя, что это у него не получается, он удержал иным:

– Ты должен знать правду... Деньги колоссальные... но из Москвы поступила всего половина, а из тех, что поступили, – треть мы вновь «откатали» в Москву.

– Чего ты хочешь? – грубо оборвал Ваха.

– Вот деньги, – Бааев не без труда достал из кармана большую пачку. – Ты таких не видел, – он попытался всучить их соседу. – Завтра ты должен...

– Я ничего не должен, – отпихнул руку с деньгами Ваха.

– Хм, ты ведь не знаешь, сколько тут. Бери, пожалеешь.

– Пошел ты, – Мастаев уже уходил, как услышал:

– Я-то пойду, хе-хе, к Марии пойду, а вот ты особо не дрых-ни, утром двор надо убирать.

Мастаев остановился, мгновение он не знал, что делать, изнутри весь кипел:

– Не мужчина ты, – процедил он, уже уходил, как Бааев в полный, пьяный бас на весь двор:

– Сам ты не мужчина, нищий уборщик Кныша.

И без того бурлящая кровь просто осязаемо хлынула в голову Вахи, так что он почувствовал, как воспламенилось его лицо. Словно собираясь бить решающий пенальти, он, выверяя шаг, направился к Бааеву, думая, что теперь никто и ничто его на остановит, как вновь голос Марии с балкона:

– Ваха, оставь его, он пьян, не знает, что говорит.

Как пригвожденный, Мастаев стал, и в это время Альберт наотмашь ударил. Вроде Ваха увернулся, да не совсем, и пьяный Бааев, падая, подмял его.

Первым при помощи Баппы вскочил Мастаев. А возле Альберта тоже его мать.

– Распоясались, голодранцы! – кричит Бааева. – Ничего, завтра с митингом покончим, а потом в тюрьму ублюдка. А то ненароком в «Образцовом доме» пожил – с кулаками и доносами – «Свободы» захотел!

– Это твой сын ублюдок! – в ответ кричит Баппа. – И все вы «образцовые» воры, на народном хребте разжирели.

Этот скандал, может быть, так быстро бы не закончился, да появилась милиция: все разошлись. А Баппа в чуланчике уже на сына ворчала:

– Чужая жена им командует, ее муж чуть не задавил, – а чуть погодя, уже немного поостыв: – А вообще-то спасибо Марии – наломал бы ты дров, тогда точно посадили бы... Сынок, уехал бы ты к деду в Макажой, пока здесь все не перебесятся.

Уехать в горы в данный момент Мастаев не мог; именно в эту ночь он представил, а может, это было сновидение, что он и только он, как честный, здоровый молодой человек, настоящий

пролетарий, должен, просто обязан подумать о будущем своем и, главное, своего народа. Всю ночь он грезил, что с утра пойдет на митинг и станет самым активным участником строительства нового миропорядка в городе и республике. Однако этот порыв благородства или просто сновидение, исполненные смысла ночью, при свете дня стали казаться пустыми, более того, он побоялся оказаться просто в роли посмешища и дурака.

А началось все с того, что его разбудила мать: она не может сама справиться с уборкой — какой-то кошмар. Такого Мастаев и представить не мог: по всему двору валяются свежие газеты «Свобода» с его портретом на первой полосе. И пока он читал свою биографию, в общем, все как есть, даже как на второй этаж к девушкам лазил и как девушки из окна его в Москве кормили, словом, это было, да тут так все это преподнесли, с таким издевательством — позор, по которому, будто обходя лужи, наступая на его чуть искаженный, даже придурковатый портрет, ныне поутру идут на работу все жильцы «Образцового дома». И надо же было такому случиться, ведь Ваха этого более всего боялся: из подъезда вышла Мария, большая сумка в руках, может, в магазин собралась. Так, она единственная обескураженная остановилась и, бросив сумку, стала аккуратно эти газеты собирать, когда вслед за ней из подъезда появился ее никный муж. С перекошенным от негодования лицом Бааев грубо потащил ее обратно в подъезд, и оттуда брань и стон ушли Мастаев.

Все это более Ваха терпеть не мог, только теперь он понял, что должен бороться. Бороться не за себя, а за новую жизнь. Он понял, что его место не здесь, среди богатеев «Образцового дома», а на митинге, где призывают к борьбе, к свободе.

Как он бежал, как он торопился к центральной площади, всей плотью ощущая, что не в «Образцовом доме», а здесь в толпе жаждающих перемен его собратья, его единовверцы по духу. И, казалось бы, какое счастье, что все рядом, всего пять минут, и он среди подобных себе. Да что-то не так, митинг на сей раз его сразу же не принял: вначале насмешки, от него с презрени-

ем отворачиваются, а кто, наоборот, пальцем показывает, даже угрожает. Непонимание, что происходит. Он растерянно смотрел по сторонам и только сейчас заметил: всюду тот же его портрет, только это не газета, а листовка, и текст другой: оказывается, сам Мастаев не тот, за кого себя выдает, на самом деле он предатель, подготовленный в Москве провокатор. Да и что много говорить, «ведь Мастаев сам живет в «Образцовом доме», там прописан».

Более Ваха ничего не мог, даже думать не мог. Его загнали в ловушку. Единственное спасение – бежать в Макажой, там политики нет.

* * *

Осенью, да и не только осенью, в Макажое работы непочатый край: пасека, скотина, овцы, конь. Так что Ваха даже удивлен, как это дед без него справлялся. По молодости ему казалось, что в горах жизнь скучная, однообразная, даже убогая, а оказалось, здесь так просто, искренне, красиво, и он твердо решил обосноваться здесь, что так рьяно поддерживает Нажа. Вот только одно здесь плохо – времени свободного тоже очень мало. А он горец, местный, а вот родных гор почти не знает, ведь он здесь мало жил. И вот вместо городского футбола у него появилось новое, почти такое же в прямом и переносном смысле головокружительное увлечение, даже мания – он заразился горами, уже покорил все окрестные высоты, а восходя на трехтысячник Кашкерлам, точнее уже спускаясь, он, видимо, расслабился, оступился, понесло его кубарем в ущелье, очень долго летел, пока в ледяную речку не свалился. Чудом жив остался, главное, голову не разбил. А вот руку вывихнул, и все тело болит. Полдня не мог даже с места двинуться, просто свободно вздохнуть не мог, идти не мог. И все же были в нем какая-то природная сила, упрямство, твердость и закалка: он двинулся. К ночи в горы приполз осенний туман. К ужасу, Ваха понял, что заблудился, – это жуткое ощущение не ориентироваться в пространстве, не знать

куда идти, а наугад идти и сил нет; но он шел, за что-то цеплялся, падал, стонал от боли в руке и все же шел, и буквально на ощупь осознал, что вышел на какую-то то ли звериную, то ли шероно-человеческую тропу, она вывела к какому-то обильному роднику, от которого при виде его шарахнулись в сторону четвероногие тени. Тут у родника стал осязаться рассвет, и вскоре он обнаружил четкую колею, выведшую его наподобие дороги, и, к счастью, все под гору. Вот и крик петухов – горный хутор Тарсенаул, о котором Ваха только слышал: всего пять-шесть домов, но не вымирающих, очень много детей. Его, конечно, не знали, зато деда Нажу знали и уважали. Здесь его с горским гостеприимством встретили, правда, местный знахарь так дернул вывихнутую руку Вахи, что он заорал.

К вечеру на старенькой «Ниве» его доставили в Макажой, а дед Нажа недовольно молвил:

– Надо тебе обратно в город, мать одна, да и слухи оттуда тревожные. Что-то творится неладное, – при этом дед печально склонился над листком, на котором делал какие-то расчеты.

– Что ты считаешь? – поинтересовался Ваха.

– Вот, – Нажа показал банковское уведомление, – в трехдневный срок требуют погасить ссуду за дом, – он тяжело вздохнул. – Если я продам всю живность, то погашу лишь четверть. А остальное?.. Всю жизнь на советскую власть ишачил, а пенсия – двадцать рублей! Чтобы рассчитаться, придется еще лет пятьдесят жить, при этом ни есть, ни пить – вот тебе пожизненное ярмо!

– Никто нас из дома не выселит! – с раздражением буркнул Ваха, – а этот банк, впрочем, как и Советская власть, скоро накроется.

– Э-э, внучок, – печально усмехнулся дед. – Может, название поменяют, а власть будет всегда, и будет она нас обирать по-прежнему, а дабы эти деньги хранить, – будут и банки существовать.

– Здесь банков нет и власти нет.

– Хе-хе, – усмехнулся дед. – Как «власти нет»? Пока здесь есть юрт-да¹, участковый, мулла, то власть всегда есть.

Как бы в подтверждение этого, официальный стук в дверь, что в горах не принято, и, действительно, милиционер в форме протянул Вахе до боли знакомый конверт, сразу ушел. Недолго думая, Ваха бросил конверт в топку печи и, словно очищая руки, довольно потирал их, как неожиданно появилась мать и даже поздороваться толком не успела, как такой же конверт перед сыном. Ваха со злостью тоже отправил в печь.

– Будешь письмами дом топить? – непонятно, шутит или сердится дед. – Топи, топи, в Москве писарей и бумаги много.

– А при чем тут Москва?! – удивился внук.

– Ну, ведь там все начальство сидит, а в Грозном так, их наместники иль представители... По крайней мере так было всегда и, видимо, будет.

– Не будет! – вызов в голосе Вахи. – Что нового в Грозном? – спрашивает он у матери, все-таки город его тоже манит.

– У Дибировых много горя, – приковала она внимание сына. – Помнишь утро, как ты уехал. Так вот, Альберт Бааев бил свою жену Марию, прямо в подъезде. А тут на работу шел отец Марии Юша. Он в свою очередь на зятя с кулаками... В общем, то ли подрались, то ли чуть не подрались, в итоге Мария ушла, вроде навсегда, домой. А там ее брат Руслан стал донимать, стал на сторону своего друга Альберта. Видимо, Юша сына отругал. А Руслан, он ведь какой-то тщедушный, словно не Дибиров. Словом, он, как бы только этого и ждал, демонстративно, с вещами ушел жить в гостиницу «Образцового дома», а там как раз общедоступный депутат России – Деревяко.

– Галина опять приехала? – удивлен Ваха.

– Приехала, все на митинге и в телевизоре выступает. А Руслан у нее живет. Юша хотел сына образумить, а, оказалось, они уже зарегистрировали брак.

---

¹ Юрт-да (чеч.) – дословно: отец села, председатель сельсовета.

— Кто? — воскликнул Ваха.

— Руслан и Деревяко, и уехали, как супруги, в Москву... Видно, Юша этого не вынес — сердце, умер. Так Руслан даже не присекал, и Бааевы на похоронах не появились. Мария подала на развод. Я это узнала, потому что и тебе это предстоит. Уже тянулись в суд... Кстати, — Баппа уже обращается к деду, — ты, по-моему, станешь прадедом.

— Что? — словно не расслышал дед, а немного погодя: — А может, они сойдутся?

Новости явно встревожили Ваху. Он стал обуваться, намереваясь выйти, как мать сказала:

— По-моему, выборы в Грозном намечаются.

— С чего ты взяла? — оглянулся сын.

— А на нашем доме вновь написано «Дом проблем»... Раньше, говорят, перед выборами это тетя Мотя сама писала, а теперь, мне кажется, это Кныш вытворяет.

— А зачем ему это? — вслух подумал Ваха.

— Чтобы объевшихся богатеев «Образцового дома» немного встряхнуть и дать понять, что не все у них гладко перед выборами и выбор у народа вроде есть.

— Вот это по-сталински, — вмешался Нажа. — Вот это похоже на Советскую власть.

— А ты, кажется, опять председатель избиркома, — добавляет мать.

— Нет уж, хватит, — возразил Ваха. Он устал, казалось, что после тяжеленного горного похода будет крепко, как и прежде, в Макажое спать, а городские новости растеребили нутро — он не мог представить себя отцом, потом думал о Марии, теперь еще выборы. Нет, только не это. Он не может и не хочет более быть рядом с политиками и политикой, среди этих больших грязных денег и таких же людей. Лучше тихо жить в горах, покоряя их... Как его манят вершины! Как тяжело взбираться! Да сколько блаженства на высоте: чистый, прозрачный, легкий воздух, облака можно погладить рукой и вроде можно даже очистить небо, чтобы было светлее, а внизу — необъятная, прекрас-

ная даль, и такая гармония природы: горы, леса, реки, ледники, будто проник в волшебство сказки и в ушах поет ветерок, как ласковая свирель, даже не хочется спускаться в тот злобный, уродливый мир, где столько фальши и лжи, и не только люди, даже дома поделены на «Образцовые» и не очень, в целом, общество – это «Дом проблем».

Пытаясь убежать от этого общества, Ваха до зари, пока мать и дед не проснулись, бежал в горы, оставив записку «иду на Хиндойлам», чтобы не волновались.

Хиндойлам – это не гора, а горный хребет, расположенный не как остальные Кавказские горы – с востока на запад, а перпендикулярно им, то есть с севера на юг. Это уникальное природное творение высотой более трех тысяч метров над уровнем моря, с восточной стороны которого Макажойское нагорье и альпийские луга, и вдруг, резко, словно ножом провели, вот такой тектонический сдвиг пластов – двадцатикилометровая почти строго вертикальная отвесная стена высотой до километра, по которой смельчаки (есть тропа) иногда поднимаются, а вот спуститься по ней невозможно. А уникальность хребта в том (она и в названии), что этот хребет служит водоразделом. С запада на Макажойском нагорье речки маленькие и текут они на юг. А вот за отвесной стеной Хиндойлам, там иной, почти вечнозеленый мир густых лесных массивов. И там по просторным ущельям течет полноводная черная река Шаро-Аргун, и в нее впадает светлая, почти белая река Келойахк. С высоты Хиндойлам видно, как белая ленточка вливается в черный клокочущий поток, и еще долго, пока не скроется за скалой, эта ленточка светлою полоской держится, как безгрешные, наивные годы детства, а потом, как взрослая жизнь, вся во лжи, лицемерии или приспособлении, весь поток мутный – это могучий, дерзкий, целебный Аргун.

А Хиндойлам – это не только водораздел, этот хребет оказал влияние и на местный социум. Так, между Макажоем и Нохчи-Келоем, что разделены хребтом, по прямой всего километров десять–пятнадцать, но в горах прямых дорог нет, и доступ непростой, и, наверное, поэтому – села вроде соседние, а диа-

автомобиль равно чувствуется. Да и о каком соседстве можно говорить, если не только на машине, но даже на тракторе-вездеходе из села в село не проехать, — только через Грозный, более трехсот километров (тоже вертикальные связи, как в России, — все через Москву), зато пешком можно. И, удивительное дело, чужой наверняка не поймет, а вот местные даже по виду узнают, кто с восточной стороны, то есть Макажойского нагорья, кто с западной — Аргунского ущелья. Макажойцы — люди с альпийских гор; здесь развито только животноводство, и пища, как у кочевников, — мясо, молоко, да и географически они издавна имеют связь с востоком, и есть в них что-то восточное, кочевое, племистарное. А вот аргунцы имеют не очень большие, но достаточные плодородно-равнинные земли. Их села до выселения 1944 года были многочисленны, так, в Нохчи-Келое проживало около десяти тысяч человек. У аргунцев сильно развито земледелие, сбор меда, они охотники, сильно привязаны друг к другу и к своей земле. Они естественным путем изолированы от внешнего мира. Здесь до сих пор и в архитектуре, и на кладбищах, и в ритуалах сохранены элементы язычества, христианства, а теперь и ислама. И внешне аргунцы более европейцы — в основном, очень светлые, даже рыжие, голубоглазые. И про себя нохчи-келоевцы говорят, что они смелее, чем макажойцы. И пример тому, случалось, что аргунцы за полдня прибывали на помощь в Макажой. А макажойцы день, а то и два думают, пока придут. И не посвященный не знает, что иного нет, на хребте Хиндойлам можно только взобраться, спуститься — невозможно, вот и приходится макажойцам хребет обходить... Вот такую задачу поставил перед собой Ваха Мастаев. В первый день обойти с севера хребет, дойти до Нохчи-Келоя, переночевать у друзей, а на второй день — покорить тропу, взойти на Хиндойлам и вершину хребта — Басхой-лам, что более трех тысяч метров, а затем вернуться в Макажой. Это он считает не только проверкой сил, соприкосновением и ознакомлением с родными местами, но главное, подзарядкой духа, ведь горы, тем более тропа Басхой-лам, покоряются не всем, а только смелым и отчаянным.

Все благоприятствовало его плану. Стояли безветренные, солнечные осенние дни, когда природа напоследок просто замирает перед осенне-зимней непогодией. Воздух такой прозрачный, вкусный, легкий, что ледники Главного Кавказского хребта видно прямо как на ладони. И ему было так хорошо, что он, казалось, мог не то что на Басхой-лам, а и на пятитысячник Казбек взобраться.

Чем дальше он уходил от Макажоя, а значит и Грозного, это его приподнятое настроение становилось почти праздничным, ведь он поистине свободен. Как вдруг он услышал приближающийся рев мотора; сомнений не было – это вертолет. И он еще не увидел борт, а настроение его явно омрачилось, он еще мыслил побегать в ложину, там вдоль небольшого ручейка красно-желтый густой кустарник, да было поздно, на вершине горы цепью вооруженные десантники, перед ними офицер с пистолетом в руке, он небрежно махнул рукой.

Ваха хотел было думать, что это не к нему, даже оглянулся – кругом ни души.

– Товарищ Мастаев! Я вам, вам приказываю, – командирским голосом крикнул офицер. – Ко мне! – теперь он поманил его пальцем.

Такого Мастаев не только представить, даже понять не мог: в родных горах, где вроде и нога человека, тем более чужого, редко ступала, его настигли. Это кошмар! Они отвезут его в этот «Образцовый дом проблем», где политика и политика, где смысл жизни – не гармония с природой, а как заполучить власть, чтобы деньги иметь. Нет! Он должен бежать, родные горы помогут. Но в это время звук еще одного двигателя в воздухе, правда, этот борт Мастаев не видит, да уже и бежать не может, он явно сдался, сник, а его уже окружили, и офицер сказал:

– Выполняю приказ. Учения, приближенные к боевым. Вы, товарищ Мастаев, служили, наверняка, знаете, что во время учений три процента потерь, в том числе среди мирного населения, допустимы...

Нажно вложив пистолет в кобуру, военный из планшета достал конверт – как он знаком Мастаеву:

Так, – говорит майор, – это третье уведомление. Уверен, это послание-приказ вы уже не сожжете.

Откуда вы знаете? – воскликнул Ваха.

Наша задача – все знать... Распишитесь в получении. Теперь прочитайте.

20.10.1991 г. «Мне говорят» это способ запугивания, вы нас терроризируете». Смешно, с моей стороны, терроризировать старых революционеров (точнее председателей избиркома. – Прим. М.А.К.), видевших всякие испытания (в том числе и покорения горных вершин. – Прим. М.А.К.)... Оппозиция твердит, что произошла национал-религиозный (Прим. М.А.К.) и полуанархический уклон (т.е. режим): партия быстро и решительно стала бы все это исправлять... Говорят, что нет выборов, демократии и прочее. Есть, выбор окончательный и бесповоротный – это диктатура пролетариата. (Бурные аплодисменты!) Товарищи! (Или сопледа! – Прим. М.А.К.) Не надо теперь оппозиций! Либо тут, либо там, с винтовкой (либо на штыке. – Прим. М.А.К.), а не с оппозицией. Это вытекает из объективного положения, не паникуйте (зазря. – Прим. М.А.К.). Вывод: для оппозиции – теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций! (Аплодисменты...) Мы не учитываем прошлое, а настоящее, учитываем изменение взглядов и поведение отдельных лиц, отдельных вождей. (Из доклада генерала-председателя чеченского народа.)

P.S. Тов. Мастаев! Ругаю ругательно. Срочно явиться в Дом политического просвещения в «Общество «Знание», ул. Красных Фронтовиков. Руководитель наблюдательного Совета М.А. Кишин».

Мастаев бегло ознакомился с содержанием и попросил:

– Можно я еще раз перечитаю письмо?

– Да хоть десять раз. Хоть съешь. Ха-ха, только на борту, – двое солдат схватили Ваху за руки.

– Мне надо деда предупредить! – попытался воспротивиться Ваха.

– А дед уже в курсе, – все так же доволен офицер. – А если хочешь, с борта помашу рукой.

Вскоре они действительно закружились над Макажом. Сквозь открытую дверь бешеный вихрь, а военный орет:

– Помашу рукой, вон твой дед.

Деда Ваха не видел, правда, он особо и не высовывался, боялся, что сдует, а еще более, что столкнут, а офицер доволен:

– На, кинь яблочко старику... Ну, давай, я сам кину... Ха-ха, вот это да, прямо в лоб... Ну все, закрывай. Скажи пилоту, пусть ровнее курс держит, – приказывает командир. – А то стаканы упадут.

На маленьком столе разложили еду, приборы; острый, приятный запах из фляжки.

– После успешной операции, как после бани, надо выпить.

– Нет-нет, я не пью, – отпрянул Мақтаев. – Мне нельзя...

– Всем нельзя, да нужно... Пей!

Очнулся Ваха в чуланчике, на вонючем, с потрескавшейся кожей старом диване. От малейшего движения болели голова и все тело. Он не мог понять, как здесь очутился и как давно, прямо в одежде, лежит. Ему было стыдно перед матерью, да она выручила:

– Иди быстрее в Дом политпроса, тебя уже спрашивали.

В ванной его вырвало, стало полегче. И уже через полчаса, как всегда, надев самое лучшее из своего скудного гардероба, он вышел на проспект Победы.

После безлюдья гор, многолюдный шумный город угнетал. И почему-то ему показалось, что это уже не прежний зеленый, спокойный, мирный Грозный. Много чужих лиц, и даже облик этих людей иной; это не просто приезжие, которые ведут себя тихо, озираются, стараются не привлекать к себе внимания, то есть ведут себя сдержанно и строго, даже робко... Нет, этого нет. В Грозном чувствуется новое, доселе неведомое веяние, его привнесли новые люди, и они не хотят быть приезжими, гостями, они хотят быть хозяевами, видимо, они хотят жить здесь, а не в горах и не в степях. Им выпал шанс, и они не могут его упустить.

Первым делом Ваха пошел к дому Правительства; здесь митинги уже нет, зато остались грязь, вдоль Сунжи на набережной еще палатки стоят, в котлах колхозное мясо варится, а вокруг какие-то обросшие люди спуют. Много не местных, словно в чужой город попал, и Ваха направился к Дому политического просвещения.

Ваха был потрясен: столько людей, все они не городские и почти все по одежде религиозные деятели. Благо, что розы уже отцвели, — это осень во всех отношениях — клумбы затоптаны, небольшой фонтанчик превращен в большую урну, даже вода в нем пожелтела. А более всего жаль березки — одна уже как-то перекошена, и листья на ней как были зелеными, так и застыли их цвет.

«Отсюда надо бежать», — подумал Ваха, как его почти что схватили:

— Мастаев, герой революции, Мастаев! — закричали кругом. Его чуть не на руках повели к мраморным ступеням, и только теперь он заметил, что на крыше уже не алый флаг СССР, а какой-то темно-зеленый, а там, где «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», слово «пролетарии» грубо замалевано и поверху — «мусульмане». Стеклопанные двери разбиты, и там, где некогда Мастаев ни видел ни души — вход, теперь вооруженная охрана. Правда, в фойе немногочисленно, но уже нет Маркса, Энгельса, Ленина, зато появился портрет нового лидера Чечни — председателя-генерала. А вот «Общество «Знание» этому обществу, видать, тоже не нужно, трафарет валяется на полу, уже разбит. А там, где было написано «Знание — сила», вместо «Знание» нарисован автомат. Зато сохранен «Отдел агитации и пропаганды», но и тут новшество — переписали «Ислама». Именно в этот отдел препроводили Ваху; оказалось, не зря — там находился Кныш в окружении по-религиозному одетых людей, пьет чай:

— О! Кого я вижу! — Митрофан Аполлонович бодро поднялся. — Вот наш страдалец за свободу и революцию!

— Сколько здесь людей? — первое, что пришло, брякнул Ваха.

— Да-да, — обнял Кныш гостя. — Дом политпросвещения всегда был в трудах, мы готовили эту поросль.

– Здесь готовили духовенство? – недоумевает Ваха. – Мусульманское?

Все покосились в его сторону.

– Мастаев?! – лишь от этого возгласа Ваха понял, что Кныш чуточку подшофе. – Дом политпросвещения давал, дает и будет давать знания всем, вне зависимости от вероисповедания, так как Бог един! Правильно я говорю? – с некой издевкой Кныш обратился к рядом стоящему мужчине, по форме и бородке вроде муллы.

– Истину глаголите, – больно чисто на русском ответил мужчина.

– Вот так! – вознес палец Кныш. – «Когда кругом со странным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неопикуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы». Кто так метко сказал?

– Э-э, наверное, Ленин, – стушевался бородатый мужчина.

– Правильно. Вождь! ПСС, том 36, страница 78, – и тут Митрофан Аполлонович запел. – Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная – матушка-Русь!.. А это откуда? – пронзительным взглядом он обвел мужчину и Мастаева – оба молчали. – Неучи! Это Ленин, там же, а статья называется актуально – «Главная задача наших дней». И не думайте, что Ленин будет предан забвению, он будет в ряду пророков! А вы, недоумки, в это не верите... Кстати, Мастаев познакомься, – Кныш невнятно назвал фамилию человека с бородкой, – ректор исламского университета.

– Как?! Вы ведь обещали муфтия, – чуть возмущенно выдал мужчина.

– Слабо учился. На муфтия знаний маловато. Даже основные труды не знаешь.

– Так я ведь более на Коран налегал.

– На что ты налегал я знаю. И за это скажи спасибо... Пошли, Мастаев, лучше, чем «Общество «Знание», в мире нет.

Когда они спускались по лестнице и потом по большому фойе, Кныш шел по-хозяйски, даже вальяжно, и все перед ним расступались.

– Вот, смотри, – он ткнул ногой трафарет «Общество «Знание», – только на сутки в Москву слетал – все разнесли, варвары. Им знания не нужны, а ведь общество без знаний – гибель!

– Вы их так воспитали... – ляпнул Мастаев.

– Но-но! Воспитывает семья и школа, а мы, по мере надобности, направляем. Заходи.

В «Обществе «Знание» чемоданное настроение – все упаковано; какие-то многочисленные коробки, даже сундуки, аккуратно сложенные картины, бюсты классиков марксизма-ленинизма, перевязанные тома собраний сочинений и столько всего, и тут же газета «Свобода» – Мастаев взял, – его портрет и крупно: «Партократы-коммунисты хотели опорочить честное имя патриота-демократа-мусульманина-редактора «Свободы» снова и дела Мастаева В.Г.!»

– Хе-хе, – ухмыльнулся Кныш. – Ты реабилитирован. Хе-хе, к счастью твоему, не посмертно. – Он подошел к шкафу, достал початую бутылку коньяка и две рюмки. – Пить будешь?

– Не-не, – чуть ли не к выходу попятился Мастаев.

– Бери, здесь трезвым быть нельзя, крыша поедет, да и они не поймут.

– А что здесь происходит?

– А что?! Революция... Правительство, лишь бы их масштабное воровство списали, бездействует. Верховный совет попытался рыпаться.

– Верховный совет был избран честно! – перебил Мастаев. – Это цвет нации.

– Да, там, действительно, в целом избраны наиболее добросовестные и достойные. Но кому это нынче нужно?! Их выгнали из своего здания, заманили сюда.

– Вы для них зал готовили.

– Ну, ты все знаешь, – он еще налил себе коньяку, выпил, закурил. – Фу, так вот, эти добропорядочные депутаты, нет, что-

бы понять ситуацию, стали и здесь нести всякую чушь о «независимости, суверенитете и прочем», в общем, сами себе под писали приговор, и эта толпа, – Кныш небрежно кивнул в сторону окна, – этих интеллигентов пинками и отсюда выкинула.

– А вы всему этому способствовали?

– Мастаев, чушь не городи и не будь наивен... Даже твою мать знает, что я солдафон, исполняю приказ.

– А теперь восвояси? – Ваха небрежно пнул один ящик.

– Ну, Ленин теперь никому не нужен... А зря, еще будут на него молиться! – Кныш бережно погладил перевязанные тома. – Полное собрание сочинений! ПСС! Пятьдесят пять томов! Тираж – миллион экземпляров! А сколько еще! Это вровень с Библией и Кораном! Во – сила! Она просто так не исчезнет, не умрет... Говорю, Ленин пророк! Наравне с Иисусом и Мухаммедом.

– Вы это им скажите, – Мастаев вновь кивнул в сторону окна. – Они вас разорвут.

– Они? Ха-ха-ха! Во-первых, они ничего не поймут, придурки. А во-вторых, я прикажу, гм-гм, – он вдруг неестественно кашлянул, – что-то в горло попало. Разболтался я с тобой... Кныш, пить надо меньше! Это приказ! – при этом еще налил. – А ты что не пьешь? – Митрофан Аполлонович опрокинул рюмку, тяжелым взглядом уставился на Мастаева. – Знаешь что, – металлическая жесткость появилась в его тоне. – А насчет «восвояси» – ты мне это брось! Или тоже самостийности захотел?... Так знай, – он ударил кулаком по столу. – Это Россия! Кругом Россия! И ни пяди земли – ни врагу, ни другу! Понял?

– Да, – вяло ответил Мастаев.

– Вижу, плохо понял. А теперь скажу, если бы не Ленин, которого ты только что пнул, у чеченцев не было бы ни республики, ни автономии, ни письменности – ничего!..

– А Сталин? – перебил Ваха.

– О Сталине другая речь. К тому же он почти ваш – кавказец... А впрочем, что я с тобой болтаю, неуч. Вот проведение выборы президента Чечни, и учеба.

– Снова выборы? Зачем выборы? И так захватили власть.

– Но-но, все должно быть демократично и законно. Понял?

- Понял... А почему опять я?
- Коней на переправе не меняют.
- А ослов?
- Что? Ты это о ком?.. А, о себе. Тут ты на редкость прав. Поэтому и доверяем тебе.
- А когда выборы?
- Выборы через неделю, – настроение Кныша явно улучшилось. – Потом отпуск.
- Как я за неделю справлюсь?!
- А ты не печалься, «итоговый протокол» готов. Все нормально.
- Это у вас все «нормально», а я проведу честные выборы.
- Ты проводи, проводи. Поэтому мы тебя и держим, и цепим, чтобы знать действительную картину... Но ты знай, «итоговый протокол» готов... Да, кстати, забери его, – Кныш полез в сейф, – а то тут бардак, еще затеряю.
- А если я затеряю? – протест в голосе Мастаева.
- Не страшно, в Москве оригинал есть... А ты поторопись, времени в обрез, а к выборам придут как бы иностранные наблюдатели, в их числе и я... Кстати, вот деньги на избирательную кампанию – конечно, негусто. Казна страны опустела – разорвали Бааевы.
- Бедная страна, разваливается, – горестно вздыхает Мастаев. – Впрочем, кажется, вы тоже к этому развалу причастны.
- Но-но-но, когда «кажется», надо креститься, – оборвал его Кныш. – А я, к твоему сведению, был внедрен, дабы изнутри познать эту схему казнокрадства, так сказать, для... – он задумался и выдал: – Изучения!
- И обогащения, – подсказал Мастаев.
- Что?! Ты что-то распоясался!
- Что вы, Митрофан Аполлонович. Я хотел сказать, что ваше «изучение» ради интеллектуального обогащения.
- Ну да, – Кныш закурил, хмельным взглядом подозрительно искоса глянул на Ваху. – Что-то мне не нравится твоя болтовня. Занимайся выборами, а позже, позже я собью твою высокогорную спесь.

В избирательном деле Мастаев уже поднаторел, и хотя души его к этим выборам не лежит, он все делает ответственно: первым делом решил проверить избирательные бюллетени. И что он видит? Вначале подумал, что над ним издеваются, а потом захохотал: на пост первого президента Чеченской Республики баллотируются два претендента – уже известный генерал-председатель некто Кныш Мухтар-Эмин-Вахаб Абдул-Вадуд-Абасович.

Мастаев с бюллетенем побежал к Кнышу в Дом политпросвещения, но, увидев на улице лозунги: «Будущее Чечни – будет с Кнышем!» или «Голосуй за чеченца – патриота, ученого! Кныш наш Президент!», или «Ты – за свободную Чечню? Тогда – за Кныша», встал как вкопанный.

У Дома политпросвещения людей нет, потому что Кныш разогнал всех прочь, зато стояли две медицинские машины, и не какие-нибудь, а из военного госпиталя.

В «Обществе «Знание» Кныш лежит на диване, в одной руке капельница, в другую делают укол; оказывается, выводят из запоя, вечером необходимо кандидату выступать на телевидении, прямой эфир на весь Союз.

– Это кошмар! – увидев Ваху, простонал Кныш. – Я не виноват! Это они, идиоты... Мастаев, спасай.

– А как так получилось? – председатель избиркома тоже потрясен. И вот что он узнал из обрывочного рассказа кандидата.

...О выборах даже не думали и не планировали. Ну, захватил генерал-председатель по-большевистски власть, ну и все, как Кныш знает, Ленин тоже никак выборов не проводил, сам себя назначил председателем Совнаркома и все; вроде никто не возражал, а кто возражал, тот пожалел.

Однако из Москвы пришла депеша, мол, времена иные, мир не поймет, словом, для легитимности необходимо провести выборы и как можно быстрее, – дату обозначили впритык, видать, что-то подсчитали.

Ну, Кныш, как солдат, всегда готов, тем более что все вроде заранее известно. И тут вновь указания из Москвы: на дворе – перестройка, гласность, демократия – генералу надо подобрать конкурента, мол, альтернатива и прочее Кандидат в президен-

ты?! Абы кого с бухты-барахты не предложишь. Конкуренцию генералу тоже создавать нельзя – все для видимости. Так, были у Кныша кое-какие кандидатуры, да все же для верности надо в столице проконсультироваться. Вот и полетел он на сутки в Москву, и надо же такому случиться, в самолете рядом оказался давний, ну, так скажем, коллега, Кашаев.

Кашаев, некогда подающий надежды ученый, кандидатскую защитил, доцент, очень активный агитатор-пропагандист-атеист. Правда, в последнее время, к тому же не без благословения главного агитатора и пропагандиста Кныша, Кашаев стал поборником веры, независимости и сделал ряд сенсационных «открытий» по древней истории чеченского народа, что народу очень понравилось, появился к Кашаеву интерес...

Словом, Кныш и Кашаев начали эту историческую тему в самолете под коньячок, продолжили в московской гостинице и, когда наутро с больной головой Кныш явился в учреждение, то другой кандидатуры он и не мог вспомнить – так от руки (не совсем твердой) по-ленински просто написал: «Предлагаю – Кашаев М.А. (ведь «восьмизэтажное» имя и отчество не запомнить) – активный агитатор-пропагандист-атеист-утопист». А когда попросили фото для агитации, Кныш приписал: «P.S. Фото имеется в личном деле. С комприветом Кныш М.А.».

В стране СССР образца 1991 года идут, если не революционные, то какие-то масштабные преобразования. Все это отражается не только на Кныше. Видимо, поэтому работники из московского учреждения особо не стали себя утруждать изучением почерка Кныша и прочитали Кашаев как Кныш, в чем по сути разницы нет, разве что в графе – «национальность».

В итоге Кныш стал официальным кандидатом в президенты Чеченской Республики и, между прочим, с такой пламенной речью выступил по радио и телевидению, прямо в духе Ленина, что в Москве забеспокоились – так он генерала-председателя может обойти. А сам Кныш заразился игрой и говорит Мастаеву:

– А чем я хуже?! Настоящий подполковник. И не будь всяких либералов-предателей, что разваливают державу, давно бы генералом был, – любуясь собой он смотрит в зеркало. – Мастаев, как ты думаешь, выиграю я или нет?

– Ха-ха, как вы выиграете, если «итоговый протокол» уже готов.

– Да, – озадачен Кныш, – это безобразие! Без демократии не будет развития.

– Вы противоречите себе и даже Ленину, – посмеивается председатель избиркома.

– Но-но-но, – воскликнул Кныш. – Святое не трожь!.. А честный протокол мне все-таки подготовь, может пригодиться.

По существующему на тот день Закону «О выборах» – кругом нарушения. И выборов, как таковых, в целом не было, хотя на некоторых участках была порою и очередь к урнам. Но это исключение – явка избирателей ниже тридцати процентов. Так, например, из «Образцового дома» голосовало всего два человека – это Мастаевы и их голоса разделились. А Кныш, рассматривая подготовленный Мастаевым итоговый протокол, грустно сказал:

– Хорошо, что хотя бы ты меня поддержал.

– Я за демократию и альтернативу, – лозунгами стал говорить Ваха. – Да и вообще, пора и вам до полковника и даже генерала дорасти.

– Но-но-но! Еще не вечер... А что там в итоговом протоколе сочинили?

– Его уже опубликовали... Явка – 72 процента, за генерала – более 90 процентов, а вас упомянули в ином, – Мастаев протянул свежую газету «Свобода», где на передовице «Акт», составленный независимыми международными наблюдателями, и там, помимо прочего: «Несмотря на блокирование отдельных избирательных участков, а также другие случаи нарушения избирательных прав граждан со стороны советских коммунистических органов, самоотверженная, даже героическая работа членов избиркомов всех уровней позволила успешно провести выборы! Эксперт Организации непредставленных народов – Кныш М.А.»

– Вот идиоты! – процедил Митрофан Аполлонович. – Даже это исправить им лень! – он устало плюхнулся на диван, печально продолжил: – А скорее, это какая-то гнусная игра, презрение... Хм, даже надо мной издеваются.

Наступило какое-то гнетущее, долгое молчание. Наверное, оба почувствовали, что они отыграли свою роль и более никому не нужны. По крайней мере, Кныш это высказал вслух, а потом встал, еще пытаясь как-то выправить свою воинскую осанку, он глянул на часы и сказал:

— Вроде все, по предписанию отбываю, — осмотрел потолок. — Эпоха кончилась, более Дома политического просвещения нет, «Общества «Знание» тоже нет. Отныне здесь будет «Исламский университет», — он подал Мастаеву руку. — Ну, не поминай меня лихом. Иди, вручай удостоверение президента генералу.

Так должно было быть по закону — председатель Центризбиркома зачитывает итоговый протокол голосования и вручает мандат. Мастаев просто боялся этого церемониала, а его даже не пригласили, и он лежал на диване в чуланчике, смотрел прямую трансляцию принятия присяги первым законно избранным президентом Чеченской Республики, как что-то грохнуло в кладовке.

Изначально эта кладовка закрыта старым амбарным замком. Как только Мастаевы в чуланчике поселились, приходили какие-то люди, открыли кладовку, что-то проверили, заперли, посоветовали в нее не заглядывать. Ваха не стерпел, простым гвоздем замок открыл, заглянул: старые плакаты, портреты, где не только Ленин, но и Сталин, бюст Сталина и еще какое-то коммунистическое барахло, все в пыли. Более в эту кладовку никто не заглядывал... А тут грохот. Ваха подошел к кладовке, прислушался — ничего. И в это время город стал содрогаться от оружейных выстрелов. Ваха выскочил на улицу — грохот, он даже немного заволновался — куда же ушла мать? Вошел обратно, выключил телевизор и только сейчас услышал:

— Мастаев, помоги, помоги мне, — откуда-то глухой голос Кныша.

Ваха подошел к кладовке — крик оттуда, стон истошный. Гвоздь Ваха не нашел, просто сбил старый замок с петли, открыл кладовку, тот же нетронутый вид, только пыли еще больше и слышно еще лучше: «Спаси, быстрее, задыхаюсь!»

— Да где вы? — не может понять Мастаев.

– Дверь, незаметная дверь должна быть, – подсказывает откуда-то Кныш.

Ваха раскидал коммунистическую атрибутику и тогда бы ничего не заметил, если бы Кныш не навел – очень аккуратная, незаметная щель прямо на стыке. Лишь при помощи ножа Мастаев смог открыть проход на две части – это потайная лестница, на которую, будучи пьяным, Кныш свалился, где-то ниже первого этажа застрял, и что самое ужасное, – головой вниз, так что Ваха изрядно вспотел, пока спасал пропагандиста-агитатора.

– Вот откуда вы нас подслушивали.

– Да пошел ты, – еле приходит в себя Кныш. – Второй раз полез, лестница проржавела, обломилась.

– А зачем полезли?

– Ой, хотел бюст и портреты классиков забрать.

– Я бы вам их так принес.

– «Так» было неинтересно... А теперь неси, только осторожнее и быстрее.

Когда с классиками управились, все, как раньше, замуровали, повесили вновь амбарный замок, Кныш сказал:

– Об этом ни слова. Лучше такого не знать... На вокзал проводишь?

Кныш выкупил целое купе, у него приличный багаж, кажется, что он из Грозного вывозит все, что связано с марксизмом-ленинизмом.

В вагоне Кныш выпил еще «на посошок», даже всплакнул, обнимая на прощание Ваху. Был последний гудок, и, увозя бронзовые бюсты Ленина и Сталина, труды и портреты классиков марксизма-ленинизма, этот поезд на Москву, казалось, уносил с собой целую эпоху – эпоху коммунизма.

Расставание всегда печально. С весьма грустным настроением Ваха вышел на привокзальную площадь, а тут веселье, танцы, крики, новые знамена, лозунги и портреты новых революционеров.

Идя пешком от вокзала, на площади Орджоникидзе у него когда неприступных, даже людьми обходимых зданий, республиканского КГБ и МВД, он увидел толпы людей, есть и вооруженные, и тут клич – штурмом брать оба здания. А в этих зда-

ниях, уже в сумерках ни одна лампочка не горит, ни одного со-трудника не видно. А Ваха почему-то вспомнил любимую игру футбол, так ведут себя игроки, когда игру явно сдают либо с детьми играют, точнее заигрывают.

А потом Мастаев дошел до центра, тут уже не политический митинг, не религиозный зикр¹, а та же толпа обросших людей с пренебрежением ко всем перегородила движение, хотя рядом пустующая площадь, устроила лезгинку под дикий крик, свист, выстрелы.

– «Тоже осень, ноябрь, революция», – подумал Ваха, – «дальше еще хуже должно стать. Неужели?»

Он свернул на проспект Победы и словно попал в иной, ласковый мир. Центральная аллея города – сплошь платановый клен; пышные, полувековые деревья, под ними ровные, постриженные ряды вечнозеленого кустарника вероники черной и всюду опавшие, красивые, пожелтевшие листья. На них будто сели стрекозы и двукрылки плодов клена. Со времен митинга улицы не поднимают, листья лежат плотным ковром, так ласково, заманчиво шуршат под ногами. А вот один листочек полетел, в свете только зажженных фонарей свершил в воздухе какие-то замысловатые пируэты и буквально упал в руки Вахи, заставив его улыбнуться, напомнив, что есть иной мир, где царят любовь, гармония, искренность и поддержка родных... И что он видит! Прямо перед ним, тоже в сторону «Образцового дома» идет высокая стройная девушка – это ее давнишнее сиреневое пальто – Мария! Вмиг он догнал ее и, даже не понимая, что делает, вручил ей пойманный кленовый лист. Бледная, похудевшая, стала в явном оцепенении, в ее темно-синих большущих глазах замешательство, а он, как всегда, с ходу ляпнул бы что на уме, да икота спасла:

– Я-я-я, – он замылся и произнес наконец, что должен был. – Я не смог быть, прими мои соболезнования по поводу отца.

Она его удивила, поблагодарив по-чеченски. Медленно, как и прежде, тронулась, он рядом, не зная, что сказать. А она вдруг вновь остановилась, и теперь слабо улыбнувшись:

– Я тебя поздравляю.

– С чем поздравляешь?

¹ Зикр (араб.) – понимание.

– Не с чем, а с кем. С рождением сына, – на ее лице проявилось былое изящество. – А ты, небось, и не знаешь. Сама только что услышала. Ведь я с твоей женой вместе училась.

– М-мы развелись, – выпалил Ваха.

– И в этом мы поравнялись, – сказав это, она смутилась. Ой, что я говорю, прости.

Молча они дошли до перекрестка с улицей Мира. Став на красный свет, они словно видят впервые, уставились на проходящий трамвай, и тут под скрежет колес Мария выпалила:

– Ты ведь эту Деревяко сюда привез, – и следом, пытаясь от него уйти, она среди потока машин ушла. Однако у самого входа во двор остановилась, поджидая его, прямо глядя в лицо, сказала: Прости. Я никого, тем более тебя, не обвиняю. Просто у меня, кроме Руслана и мамы, никого нет! – она торопливо пошла.

– Стой! – требовательно, но умоляюще крикнул Ваха, она оглянулась. – Ты еще играешь? – ее сильно удивил вопрос. После небольшой паузы она в задумчивости произнесла:

– Вернулась в филармонию... но не могу, – быстро пошла, и он вслед:

– Ты играй, сыграй, как прежде, Мария.

В чуланчике Баппа со скрытой радостью сообщила Вахе, что она стала бабушкой. Ваха не мог себя представить отцом, он все еще думал о Марии. Внезапно зазвучала музыка, страстная, густая, тяжелая – Бах!

Баппа выскочила во двор, через минуту вернулась:

– Мария, с ума сошла. Сразу видно, что мать русская: не успела отца похоронить – окно настезь – музицирует.

Словно услышав это, музыка прекратилась. Тишина, которую с повинной в голосе нарушила мать:

– А хорошая была музыка... Даже у меня что-то здесь схватило, – она сжала платье на груди, села на диван. – Сынок, твои выборы кончились? Пойди, приведи в порядок вывеску, а то новая власть ругаться будет.

Была уже ночь, когда Ваха стер слово «проблем» и очистил «образцовый», восстановив название «Образцовый дом». А наутро в подъезде все увидели прежнее: «Мария, я люблю тебя!»

Часть III

Еще в древности говорили – не дай Бог жить в эпоху перемен.

Осенью 1991 года в Советском Союзе, и тем более в Чечне, перемены во всем, к тому же радикальные. Так, президент Чечни – советский генерал, каждый вечер выступает перед телезрителями, на чеченском говорит очень плохо, а перейдя на русский, видимо, не ведая об ином, словно на плацу, – вся риторика военная: он призывает к какой-то войне, к газавату, объявляет всеобщую мобилизацию.

Из республики начался не то что отъезд, а массовое бегство людей. Бегут в первую очередь самые богатые, те, кто были при «делах», и понятно, что это началось с жителей «Образцового дома», с так называемой элиты общества.

Как известно, свято место пусто не бывает. И если одни из грозного бегут, то другие, мечтающие о переменах и более счастливой городской жизни, потянулись из дальних горных и степных сел в город. Облик столицы Чеченской Республики, и прежде всего в лицах, стал кардинально меняться. Ваха Мустаев это впервые определил на стадионе: появились новые ребята. И они не то что играть не умеют, они вовсе правил не признают, зато бегают как угорелые, всех и все с пути сшибают, а извиниться не то что не умеют – для них это позор: на поле стычки, споры, крик. Игра из удовольствия превратилась в мучение. И Ваха хотел идти против всеобщего течения, то есть мечтал убраться

в родные горы Макажоя, непокоренные вершины даже во сне манили его. Однако уехать пока не мог: должен был состояться суд. Бракоразводный процесс состоялся очень скоро. Ему предстояло платить алименты за сына, которого он еще не видел. С этим обвинением он тоже, как многие жильцы «Образцового дома», бежал, только совсем в ином направлении.

Поздняя осень в альпийских лугах. Сытость и достаток во всем, даже не вспоминаешь о дешевеющих с каждым днем деньгах. А природа! Ее не только ощущаешь каждым вздохом, каждой клеткой – она почти реально заставляет видеть, что ты паришь в чистоте небес. Ведь на равнине, в Грозном, пасмурно, дождь, грязь, слякоть, пронизывающий до костей сырой ветер. Однако этот ветер и принесенные им массовые, свинцовые тучи, что сделали мир мрачным и тоскливым, не могут одолеть не только скалистый хребет, но даже не очень высокие черные горы. И поэтому в альпийских горах осадки – редкость, небо чистое, бездонное, по ночам каждая звездочка хоть рукой хватай, блестит, манит к себе, и мороз, крепкий, сухой, колючий. Зато днем яркое, щедрое солнце озаряет Макажойское нагорье так, что травы полыни, типчака и молочая, что за ночь приуныли, прижались к земле, вновь ожили, воспряли будто по весне, придавая ландшафту вид сухой степи. А рядом, совсем впритык, снежные вершины, на сверкающем фоне которых парит грациозный гордый орел. Вот так и Ваха хотел бы взметнуться ввысь, но ему даже пару дней не дали провести в Макажое.

Нет, не вертолет и не целый взвод прибыл за ним – всего два чеченца, слегка обросшие, на побитом уазике. Одного Ваха знает: служили вместе в Афганистане, остался на сверхсрочную службу, по слухам, недавно прибыл из Анголы, родом из соседнего села. Мастаев хотел было этих ходоков послать подальше, да дед Нажа посоветовал: «Лучше с властью, тем более новой и такой, не спорить: эти церемониться не будут, у них закона и конституции нет, есть приказ – они его тупо исполняют».

Пришлось и Вахе все исполнять. Опять в чуланчик пришло письмо, опять вызывают по тому же адресу, только ныне это не Дом политпросвещения, а Исламский университет, правда, на конверте те же силуэты Маркса и Ленина, тот же знак коммунизма «Серп и молот», рядом приютился еще один знак – тотем, как подсказали, «одинокий волк воет на Луну» – новый символ независимой Чечни.

Там, где было «Общество «Знание», теперь написано «Общество независимых», а рядом, наверное, губной помадой написано «анархистов».

В кресле, где ранее сиживал Кныш, теперь восседает президент-генерал. На сей раз он в гражданском. При виде Мастаева поднялся:

– Почему ты не исполнил свои обязанности? Почему в Москву не отправил «итоговый протокол» выборов?

– Зачем? – удивился Ваха. – Ведь вы президент независимой Чечни, и уже присяга была.

– Что ты несешь? – громко, по-военному, закричал генерал. – В Москве бюрократы, им бумажка нужна... Молчи! Срочно отправляй протокол.

– Какой? – тих голос председателя избиркома.

– Как какой? – усы генерала вздернулись. – А что, их несколько?

– Да. Один из Москвы, другой – настоящий.

– Покажи, – генерал, словно прицеливаясь, шурясь на один глаз, бегло пробежался по обоим листкам. – Вот этот документ явно подготовлен специалистами, все четко, ясно, честно... А вот этот состряпал какой-то болван.

– Я написал как есть, – обиженно произнес Мастаев.

– Как есть – решает командир, к тому же генерал... Адьютант! – крикнул президент. – Срочно эту бумагу в Москву, самолет ждет.

Мастаев думал, что адъютант какой-нибудь молодой человек, а из соседнего кабинета появился мужчина довольно зрелого возраста, сосед по «Образцовому дому», инструктор об-

кома КПСС, фотография которого как лучшего агитатора-пропагандиста по вопросам атеизма висела здесь.

— Товарищ президент, — сказал бывший агитатор, — у нас положение не военное, а просто «ЧП» — чрезвычайное, поэтому надо бы ко всем обращаться по-граждански, — я помощник, а не адъютант. Привыкайте.

— Нечего мне привыкать. Лучше введите военное положение. Издайте указ.

— Это решает Москва, Кремль, — в услужливой позе стоит агитатор.

— Пусть решают! Какая народу разница — чрезвычайное или военное положение?

— Разница большая. При военном положении все решается по-военному.

— Так и надо, — перебил генерал. — Исполняйте, — он небрежно махнул помощнику и тут же более вежливо обратился к Вахе. — А у вас, молодой человек, неплохие рекомендации, — он жестом пригласил Мастаева сесть, сел сам. — И опыт работы в печатных органах... Вы вновь должны возглавить газету «Свобода».

— А —а, — стал отчего заикаться Ваха, — номера готовые будут поступать из Москвы?

— Что?! — вскочил взбешенный генерал. — Никакой Москвы. Никаких русских! Мы полностью свободны и независимы, — и, увидев искажившееся лицо Мастаева, он как-то неумело подмигнул и, неестественно гримасничая: — Пока что мы слабы... Сам знаешь, СССР — Империя! Но мы их, — он вознес указательный палец, — пользуясь нынешним бардаком в Москве, не перехитрим. Ведь русские — болваны. А у нас все есть — нефть, газ; все есть — смелые джигиты. Но пока нам надо прикинуться смиренными, послушными овечками, выманить у них побольше оружия: танки, самолеты, корабли...

— А зачем корабли? — изумился Ваха. — У нас ведь морей нет. Генерал замер. Свысока, презрительно осмотрел Мастаева и недовольно отвернулся; чуть погодя, искоса глянул и выдал:

– Никогда не станешь генералом... А Чечня, великая Чечня, будет от Черного до Каспийского моря, через весь Кавказ! Попал, рядовой Мастаев?

– Так точно! – вскочил Ваха, стал по стойке смирно. – И, более того, как говорил Троцкий: чеченцы будут сапоги мыть даже в Индийском океане.

– Вот это браво! – рявкнул генерал. Потом скривил лицо, не шая, шутит молодой человек или нет, так и не поняв, добавил: – Вот только на Троцкого сослаться не надо: он оппортунист, шпион... Лучше на Ленина, Сталина.

– Сталин наш враг: выселял.

– Это так, но врагов, тем более достойных, надо уважать, – он гораздо теплее посмотрел на Мастаева. – А ты, солдат, соображаешь.

– Я гвардии сержант запаса, – почти перебивает генерала Мастаев.

– О! Даже так... Я думаю, что за идею с Индийским океаном, за этот масштаб тебе следует с ходу капитана дать.

Может быть, так бы и случилось, да вновь появился помощник-адъютант.

– Товарищ генерал, о, простите, президент.

– Лучше президент-генерал, – поправил летчик-генерал.

– О да! Товарищ президент-генерал, звонили из Москвы, требуют и оригинал прислать, что написал Мастаев.

– Да, – президент-генерал замешкался. Потом, заглянув под стол, туда же вытянул ногу. – Я занимаюсь карате, – сообщил он, но не без труда, зато, пользуясь лишь ногой, скомканный листок придвинул. Правда, руками положил на стол, пытаясь разглядить, выдал еще одну идею: – Они в Москве хотят завести на меня компромат. Не выйдет. Капитан, – он смотрит в упор на Ваху, – ты должен переписать свой «итоговый протокол».

– Нет, – твердо ответил Ваха. – К тому же, кое у кого в Москве копия есть.

– Хм, салага, – президент разорвал скомканный листок. – Рожденный ползать – летать не может. Вон! – указал на дверь.

Погода была отвратительной. Мелкий непрекращающийся дождь, резкий, порывистый, пронизывающий ветер нагоняли тоску. Быстро наступил вечер. В чуланчике Ваха лежал на диване, смотрел телевизор. Центральное телевидение передавало недобрые вести из Москвы. Президент Советского Союза Горбачев и президент России Ельцин обвиняли друг друга в измене Ленину и коммунизму. На местном канале показывали почти то же самое. Оказывается, несмотря на то, что летчик-генерал вроде бы выиграл выборы, даже присягу принял, и несмотря на то, что вокруг него есть вооруженные люди, тем не менее он не может войти в здание обкома КПСС, там вроде бы назначенный из Кремля глава администрации. Словом, как в Москве двоевластие, так и в Чечне. И вот, как развязка, показывают, что только что (уже темно) из столицы страны прибыл самолет, прямо у трапа правительственная делегация, ее возглавляет депутат Верховного Совета России Галина Деревяко, и она очень серьезно заявляет:

— В стране должна и будет торжествовать демократия и либерализм, только при этом условии страна получит поддержку Запада, международного валютного фонда и Всемирного банка. Только при демократии, либерализме и гуманизме обедневшая страна получит деньги от международных организаций. Поэтому не назначенный Горбачевым глава администрации Чечни, а избранный народом, то есть полностью легитимный лидер — летчик-генерал может быть президентом республики, его поддерживают Верховный Совет России и лично Ельцин.

После этого показывают и.о. вице-премьера Бааева — он твердит, что Галина Деревяко — честная, благородная женщина и главное ее достоинство — чеченская невеста, и она достойна ею быть, помогла в тяжелую годину.

Следом выступает и.о. министра внутренних дел Якубов Асад, он тоже восхваляет Деревяко, даже добавил, что она вот или уже стала правоверной мусульманкой.

После этого показывают, как Деревяко и президент-генерал в дружественной обстановке пьют чай, прямой эфир:

— Я горда и для меня великая честь быть замужем за чеченцем, — говорит Деревяко.

— Я испытываю те же чувства по отношению к русскому народу, — любезен генерал.

— Так выпьем же за вечную дружбу между Россией и Чечней...

— Стоп, стоп, что вы несете! — закадровый полусшепот, — СССР еще не распался, — вот теперь этот голос напоминает голос Кныша.

А слышавшему это в чуланчике по телевизору Вахе стало страшно, даже не по себе: как это «СССР еще не распался?» Что они говорят? Такое не только говорить, слушать, даже думать не смей — посадят, сгноят, расстреляют или, как принято в СССР, репрессируют... Да и как такая держава, империя, что от океана до океана, распадется?!

От этих мыслей Мастаеву стало не только страшно, даже холодно, словно он уже в тюрьме. Он вскочил, выключил телевизор. Мрак. Тишина. Только дождь на улице, мирный храп матери на кухне, пульс в его ушах и такой же ход часов дают знать, что он еще на свободе. И может, его мать об этом не знает, а он прилично классиков марксизма-ленинизма перечитал и помнит, что дед Нажа говорил: «Время или времена не меняются, законы общества и природы не меняются — они как Бог их нам послал, а меняются только люди». И неужели эти коммунисты вдруг стали либералами, демократами, верующими? Нет!.. Это проделки Кныша. Именно на его призывник послали эту передачу, и они, как всегда, уже знают, что он эту антигосударственную речь слушал, поздно телевизор выключил. Вот-вот за ним придут, в дверь постучат. От страха он вспомнил о потном ходе Кныша в кладовке, даже заглянул туда: еще гуще мрак, спертая, пыльно-крысиная вонь. И если бы не стыд бросить мать, он туда бы полез, а так полез под одеяло с головой, ожидая, — вот-вот за ним придут, а вскочил от телефонного звонка:

— Мастасв? Срочно в Дом политпроса.

— Утром буду.

— Объявлено военное положение. Не подчинишься, знаешь, что будет, гвардии сержант?

– Знаю... Репрессия.

– Бегом! Засаекаем, пять минут.

Ваха вновь попал в «Общество независимых» («анархистов»). Тут людей поменьше, и их президент-генерал попросил спешно убраться, а Мастаев сразу же определил: здесь был Кныш. Генерал курящих не любит, да, видимо, Кнышу запретить не может: только Кныш так усердно сминает в пепельнице окурки, а потом окурком же эту пепельницу с краев очищает, образуя в центре бугорок.

– За всю историю Чечни впервые из Москвы добрые вести, – сообщил генерал Мастаеву.

– Нам дали независимость! – ляпнул Ваха.

– Гм, – кашлянул генерал, – этого мы добились в день, когда я народу присягал, – он продемонстрировал свою офицерскую осанку, мельком глянув на себя в зеркало.

– А новость в чем? – вернул генерала в реальность Мастаев.

– А... Нам обещают оружие. Много оружия.

– Даже подлодки и корабли?

– Но-но-но! – как Кныш сказал генерал. – Это военная тайна, – заложив руки за спину, он прошелся по кабинету, о чем-то размышляя, и вдруг победно воскликнул: – Я такой залп устрою – весь мир содрогнется, будет обо мне говорить.

– Да, в день вашей присяги столько стреляли.

– Хм, это цветочки.

– А нельзя без «цветочков», то есть залпа?

– Что? Где ты видел, чтобы свободу без борьбы и войны добывали? Салага! На, – он небрежно кинул какую-то папку перед Мастаевым. – Мои первые указы, чтобы утром все «твою» газету «Свобода» читали.

– Она уже готова? Напечатана в Москве?

– Да, – важно сказал президент-генерал и вновь мечтательно уставился в потолок, говоря: – Я ныне властвую не только в Грозном, но вскоре буду и в Москве.

Мастаев развернул добротню изданную газету «Свобода». На первой полосе огромный красочный портрет генерала-президента в форме летчика. И тут же первые указы.

Указ

Президента Чеченской Республики

«О государственном суверенитете Чеченской Республики»

ноябрь 1991 г.

№ 1

г. Грозный

Руководствуясь декларацией о государственном суверенитете и волеизъявлении граждан ЧР, объявить о государственном суверенитете Чеченской Республики с 01.11.1991 г.

Президент-генерал.

– Дэла¹, – произнес Мастаев. – Что это за указ? У нас ведь не было никакого волеизъявления граждан, никакого референдума, чтобы провозглашать суверенитет.

– Но-но-но! – погрозил пальцем генерал. – Разве ты против? И кто из чеченцев против?

– Надо спросить, – удивлен Ваха. – Да и не одни ведь чеченцы в республике живут?

– Товарищ сержант! – это генеральский тон. – Если командир будет каждый вопрос обсуждать с боевым составом, то что получится?

– Но мы ведь не состав, тем более боевой. Мы общество.

– Какое общество?! – генерал потрогал свои усы. – Чеченцы – воины. И положение у нас военное. Читай мой второй указ.

Указ

Президента Чеченской Республики

«О государственном суверенитете Чеченской Республики»

ноябрь 1991 г.

№ 2

г. Грозный

В связи с объявлением Москвой ЧП, что является политической провокацией и государственным терроризмом в отношении суверенной Республики НОХЧИЧОЪ:

¹ Дэла (чеч.) – Бог.

– Ввести в структуру государственной власти:

Военное министерство.

Всем воинским формированиям, независимо от порядка подчиненности, перейти в безоговорочное и полное мое подчинение.

– На всей территории республики отменить ЧП и объявить военное положение.

– Незаконно назначенному Москвой главе администрации и его заместителю добровольно сложить свои полномочия до 12 часов следующего дня.

– Возобновить всеобщую мобилизацию.

– Обращаюсь ко всем мусульманам, проживающим в Москве, превратить Москву в зону «БЕДСТВИЯ» во имя нашей общей свободы от куфра¹.

Президент-генерал.

– Теперь, сержант, ты ознакомлен с указом: время военное, а шуток на фронте нет. Сам знаешь, слушание – что?

– Расстрел?

– Ну, зачем так грубо, просто некая репрессия.

– Э-э, – стал заикаться Мастаев. – А-а можно спросить?

– Можно тетку за титьку. А в армии – разрешите спросить... Что?

– Я, конечно, не юрист, – тихо начал Мастаев. – Однако даже по логике в преамбуле вашего указа явная неточность: нет в конституции и нигде в документах Республики Нохичоь.

– Ну и что?

– Значит нет и государственного терроризма и провокации.

– Но-но-но, ты мне мозги не пудри, сержант. Указ во имя нашей свободы, и нечего к словечкам придирааться.

– Да, насчет «словечек»: а что такое «куфра»?

– Что? – генерал бесцеремонно выхватил у сержанта «Свободу». – Куфра. А что это значит? Болваны... А в целом твоя газета ничего, – генерал с удовольствием смотрел на свой портрет.

---

¹ Куфр (араб.) – в исламе неверие, отсутствие нравственного стержня.

– Я к этому отношения не имею.

– Как не имеешь? Посмотри.

Мастаев раскрыл газету и обомлел: это и есть конспект его дипломной работы, написанной в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Только кто-то этот конспект адаптировал под местные условия: «Указы – Письма – Распоряжения».

1) «Изо всех сил убеждаю товарищей горцев, – теперь все висит на волоске, что теперь стоят вопросы, которые не советами, не съездами, а исключительно борьбой вооруженных чеченцев... Надо во что бы то ни стало сегодня ночью арестовать все правительство партократов... Надо добить его. Промедление смерти подобно».

2) «Дело, за которое веками боролся чеченский народ, свершилось! Немедленное объявление независимости и суверенитета, отмена госсобственности на землю, национальный (рабочий) контроль над производством, создание чеченского правительства – это дело обеспечено.

Да здравствует революция горцев Кавказа!»

3) Предъявитель сего, тов. Мастаев В.Г., является представителем Военно-революционного комитета и пользуется правом реквизиции всех предметов, необходимых для нужд армии и газеты «Свобода». Президент-генерал.

4) Есть ли бумажка от меня, чтобы спирт, коньяк и вино не выпивать и не выливать (мы создаем исламское государство), а тотчас продать в Россию. Спойм русских! Президент-генерал.

5) Вся власть у нас. Подтверждения и выборы не нужны. Нише отрешение одного и назначение другого есть Закон. Президент генерал.

6) В целях стабилизации общественно-политической обстановки в республике немедленно выпустить из тюрьмы всех арестованных.

7) Аресты имеют исключительно большую важность, должны быть произведены с большей энергией.

8) Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правят (гл. редактор Мастаев В.Г.).

— Это не мои слова, — вымученно вымолвил Ваха. — Это цитаты Ленина и Сталина.

— Хм, еще бы, — согласился генерал. — Будут тебя цитировать.

— И еще, если позволите, товарищ президент, — генерал лишь кивнул, — у Ленина написано «выпустить из тюрьмы арестованных по политическим делам», а не всех подряд.

— Правильно, — дернулись усы генерала. — Мы всех выпустим, а политических посадим. Хе-хе-хе! — он посмотрел на часы. — О, как поздно. И я устал. Завтра столько дел. Пойду покемарю в соседней комнате, а ты, сержант, за дежурного. Приказ понял?

— Да.

— Не «да», а так точно.

— Дик ду¹, — перейдя на чеченский, несколько огорошил генерала Мастаев и, пользуясь моментом, что было на уме, спросил по-русски: — Простите, а вы коммунист?

Наступила долгая, долгая пауза. Генерал даже сделал шаг назад, ткнул пальцем в стол, как бы подтверждая.

— Глупый вопрос. Не коммунист не может быть генералом. Понял? А ты, я знаю, в партию не был принят. Оттого вечно будешь сержантом. Хе-хе-хе, — его лицо как-то расплылось. — Ничего, будешь верно служить, до капитана и без партстажа я тебя возведу.

— Спасибо, вы так щедры. Сразу видно, что вы свой, земляк, а они, — Ваха указал пальцем в потолок, — русские, ни в партию, ни выше сержанта меня не пустили бы.

— Кх, — недовольно кашлянул генерал, — что «они» в тебе нашли? — генерал шагнул в сторону соседней комнаты и уже в дверях обернулся: — Я до конца жизни буду верен Уставу КПСС и воинской присяге, — он с силой захлопнул дверь.

Оставшись в одиночестве, Мастаев понял, что он тоже очень устал. Были в кабинете стулья, но его почему-то потянуло сесть в кресло, где всегда сживал Кныш. Здесь, как ему показалось,

---

¹ Дик ду (чеч.) — хорошо.

еще сохранился запах главного агитатора-пропагандиста Дома политпросвещения, напомнивший Вахе почему-то парадный мирш духового оркестра и привкус пороха при стрельбе. Окапавшись, на полке рядом осталась пепельница, даже стекло которой пропиталось смогом никотина и духом марксизма-ленинизма, который то ли не вписывался, то ли, наоборот, очень даже подходил новому предназначению этого здания – Исламский университет... Какая-то тоска овладела им, и, наверное, сожалея об ушедшем, а может, как некий протест некурящему генералу, Мастаев выкурил подряд две сигареты, пытаясь, как и Кинин, пепел и окурки в центре бугорком собрать. От курева он почувствовал себя еще более усталым и разбитым. Скрестив руки на столе, Ваха положил на них разболевшуюся голову. И ранее никогда он такого не видел, даже позабыл, а тут какой-то кошмар: он воюет в горах, то ли Афганистан, то ли родной Кавказ, и просто воочию пороховая вонь вперемешку с кровью и смертью... Резко пробудился. Свет, тишина. И только в голове бешеный, неравный бой, словно вправду он только что воевал.

Обхватив голову руками, Ваха довольно долго сидел. А эта вонь либо в сознании, либо прямо под носом наяву не отступает, и он просто машинально взял бумажку со стола, перевернул – набранный текст. Как он знаком: классика – революционная вечность.

05.11.1991 г. Грозный. Сов. секретно. Лично в руки генералу. Ругаю вас ругательски! Почему не начаты работы: 1) по хорошему закрытию советских памятников; 2) по снятию большевистских звезд; 3) по подготовке сотен (националистических и мусульманских) надписей на всех общественных зданиях; 4) по установке бюстов великих мюридов газавата. С комприветом!

06.11.1991 г. Москва. Кремль. Срочно! Нужны аэропланы, бронетехника, орудия и пр... Хлеба и мяса на юге (зачеркнуто, переписано), нефти и газа, впрочем, как и хлеба и мяса, на юге очень много... Для пользы дела мне нужны военные полномочия... В таком случае я буду без формальностей свергать тех командиров и комиссаров, которые губят дела. Так мне подска-

Сын что-то промышчал в ответ, наскоро перекусил и побежал на биржу труда. Он готов был на любую работу, как многие спозаранку собравшиеся здесь.

– Работа есть? – спросил Ваха у одного.

– Какая работа? – угрюмый мужчина смачно сплюнул. – Смотри, что этот подлец Мастаев в своей газете пишет: «К вопросу о высылке за границу писателей, профессоров и всякой интеллигенции... Все это явные контрреволюционеры, пособники России, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически, и высылать за границу». Тьфу!.. И еще издевается над нами: «С комприветом Ленин». Всех богатых, грамотных, умных просто выживают, гонят. Откуда работа? Что они творят? Голод? Гражданскую войну? Тридцать седьмой год и депортацию? Тьфу, будь он проклят, этот Мастаев, вместе с его генералом... Увидеть бы, в морду плюнуть... Как кормить детей?

Ошеломленный Ваха тихо отошел в сторону. Он этого не писал, зато переписывал. Значит, виноват? Как ему тяжело. «Неимущий – этим управляем... Как кормить детей?» – только сейчас он стал осознавать: он тоже отец. Как он устал. Хочется домой, спать. А разве это его дом? Служебный чуланчик. Даже в Макажое своего дома нет... он не в состоянии думать, ему мучительно стыдно, он устал. Еле дошел до «Образцового дома» и на диван. Спасение – спать!

* * *

Недаром дед Нажа говорил, что время и времена неизменны, а меняется лишь человек, его поведение и нрав.

Это в эпоху зрелого социализма учтивый почтальон стучал в дверь чуланчика, вежливо вручал красивый конверт, где четко и ясно было все прописано, – как Мастаеву далее жить. Зато теперь, во время всеобщей перестройки, гласности, демократии и суверенитета, если не время, то нрав конечно же поме-

какой-то обросший, смуглый верзила не то что посту-
паться, а ногой чуть ли не вышибая дверь, вломился к вечеру в
чуланчик, грубо схватил за ворот только что проснувшегося
Ваха и на ухо зарычал:

— Ты почему с дежурства бежал, вшивый интеллигент?

Не скажи последнего, может быть, как-то иначе было бы
делнейшее. Но Мастаев вспомнил: «неимуций — этим управ-
ляем», да к тому же «драчун». Пусть будет так, но в своем углу,
пусть даже в чуланчике, даже в конуре, тем более на глазах
матери, он с собой так обращаться не позволит. Через несколь-
ко секунд этот верзила кубарем летел со ступенек чуланчика.
Оказалось, был еще один сопровождающий, тот только сказал:

— Мастаев, вы ведь ответственны за прессу и выборы.

— Я снял с себя всякую ответственность, — захлопнув дверь,
он опять повалился на диван.

Тишина. Мать молча ушла на кухню, и на улице ни дождя,
ни ветра, и телевизор не хочется включать: вновь эти морды
будут наставлять, как они жили при Советах плохо, как надо
нам жить и какие тогда наступят райские времена, что верб-
ное молоко будет из кранов течь.

У-у, — мучительно простонал Ваха. Его сердце после этой
борьбы так бьется, так колошматит с болью в виски, что, ему
кажется, весь мир слышит: он «неимуций — этим управляем».
И выхода у него нет, никакой работы нет. Он должен бежать в
горы. А как же мать? Как оставить ее одну в этом беспокойном
городе, когда любой может вломиться?.. А у них денег нет, есть
почти нечего. От этих тяжелых мыслей он хотел как-то скрыть-
ся, хотя бы под одеяло залезть. И тут из-за стен, наверное, по вен-
тиляционным каналам, донеслась приятная, нежная фортепьян-
ная музыка. Мария! Во время замужества ее игра не звучала.
Может, Ваха не слышал: из квартиры родителей, что рядом,
изредка доносилась мелодия, но это была не прежняя игра —
девичья гордость, мечтательность, зажигательная искренность
и полет. Теперь игра нервная, неровная, тяжелая, внезапно
обрывающаяся в самый разгар звучания, как прерванная жизнь.

После смерти отца Мария к инструменту почти не подходила. И вот теперь, когда Вахе было так тяжело, он услышал ее переливчатую, ласково-трогательную, успокаивающую игру, так что даже Баппа из кухни медленно пришла и, как бы боясь спугнуть, тихо прошептала:

— Мария ожила... Как играет!

Внезапно совсем рядом автоматная очередь. Вновь тишина. И музыки нет, даже страшно, и разом свет отключился. С улицы тяжелые шаги. В дверь грубо постучались.

— Я открою, — первая пошла к выходу Баппа.

— Это я, — подал голос дед Нажа, чем еще более встревожил Мастаевых. — Город не узнать, — констатировал он, когда свет вскоре включился. — Весь сброд здесь собрался, даже идти страшно, уже средь города стреляют.

— Всех из тюрьмы выпустили, — вздыхает Баппа. — Сюда только что ворвались. Этот с ними драться.

— Тебя и в Макажое искали, — уныло сообщил дед. — Ваха, с властью, тем более такой оголтело-голодной, шутить нельзя. Делай, что они говорят, как-никак наши, чеченцы, хоть и пляшут под русскую дуду.

— С чего ты это взял, дед? — удивился Ваха.

— А ты разве не видишь их речи, их лозунги и решения? Сплошь большевизм, раскулачивание, обобществление. Кто был никем, тот станет всем. В общем, революция продолжается, — он еще что-то хотел сказать, да вновь стук в дверь, вроде не грубый, да привычно-требовательный:

— Почтальон. Срочная телеграмма.

«8.11.1991 г. Грозный, пр. Победы, «Образцовый дом». Мастаеву. «А снять с себя ответственность» — манера капризных барышень и глупеньких русских (и чеченских) интеллигентов... Подавление кулаков (партократов) — кровопийца будет образцово-показательным... А вас проучат тюрьмой. Посадить всех на неделю. (Классика вспомнил?) С комприветом Кныш. P.S. А еще вспомни другого классика литературы: «На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». На днях буду в Грозном».

И тут же зазвонил телефон, сухой женский голос:

— Мастаев? Приемная президента-генерала. Срочно явитесь на службу. В президентский дворец. Пропуск заказан.

Президентский дворец. Вот так с ходу окрестили самое высокое, современное огромное здание в центре Грозного. Это здание, как все в СССР, строилось около десятка лет и предназначалось для обкома КПСС. Однако новый первый секретарь обкома постановил, что нескромно первому коммунисту быть в таком роскошном помещении. Обком остался на прежнем месте, а с этой высотой поступили вроде бы гуманно: отдали под диагностический центр — медицина важнее всего! На самом деле Кныш как-то Мастаеву по этому поводу сказал: «Обком КПСС — элита, их очень мало, даже если весь «Образцовый дом» сюда переселить». И не может первый секретарь обкома с каким-то инструктором под одной крышей, словно в одном шатре или юрте сидеть. Первый — на то и первый, чтобы в изоляции и недоступным быть... А вот президент-генерал этих подковерных хитростей не знает, он ныне первый, должен быть выше всех; медицину выгнали, и как заявил генерал, чеченцы — здоровая нация, нечего болеть. А он — президент, безусловный и законный лидер нации, и должен быть выше всех. Правда, вот электричество с началом революции стали отключать, лифт где-то застрял. Молодые революционеры ни с лифтом, ни тем более с тем, что он без тока не идет, не знакомы, восприняли внезапную остановку как происки оппозиции и Москвы, стали стрелять, словом, с первого дня всю шахту лифта изрешетили. Пришлось и Мастаеву в общем потоке по лестнице в очереди к трону взбираться. Где-то на шестом этаже пробка, давка, кто-то кричит, кто-то ворчит, неприятные запахи, пот. И среди этого кто-то вспомнил, что настало время молитвы.

— Кто это сказал? Кто? — закричала вооруженная охрана. — Вот истинно верующий — пропустить первым к президенту-генералу.

— Нет, это я сказал, — возник спор на лестнице.

— А подсказал я.

– А я только об этом и думал, но здесь не до омовения, тем более – молитвы. Пустите меня к президенту, у меня столько предложений. Мы перевернем мир!

– Молчи, мы его уже перевернули и нечего обратно ползти.

И в это время сверху развязно-командный бас:

– Асаев? Есть Асаев? Велено в шею гнать. Пока мы это не сделали, сам уходи, – и чуть погодя: – Мастаев! Есть Мастаев?

– Я, – мечтая уйти, закричал Ваха.

– Срочно сюда! Пропустите его! Разойтись, – автоматная очередь призвала к некому порядку.

В приемной Мастаеву сразу же вручили бумагу для ознакомления, где постановление и Указ составлены задним числом, а может, так оно было, выяснить не у кого.

Постановление

30.10.1991 г.

№ 1

г. Грозный

В целях более широкого и достоверного информирования населения республики, а также общественности других республик и других государств о деятельности Президента-генерала Чеченской Республики постановляю:

1. Создать пресс-службу при Президенте ЧР.

2. Руководителем пресс-службы назначить редактора газеты «Свобода» Мастаева В.Г.

3. Финансирование пресс-службы и газеты «Свобода» производить за счет бюджета Совета министров Чеченской Республики.

Президент-генерал.

Указ

30.10.1991 г.

№ 1

г. Грозный

Совет министров и Верховный совет Чеченской Республики упразднить как носителей советского, антинародного режима.

Президент-генерал.

Не успел Ваха эти решения прочитать, как его позвали в кабинет. Вот это апартаменты! Уже есть герб, флаг, двое охранников за спиной, тут же секретарь смотрит в рот генералу, а он постановляет.

— Сержант, ты самовольно накануне покинул пост, потом избил моего охранника-посланника. Вторым ты показал мне, что мои бывшие охранники-салаги, я их уволил и за первую провинность простил. Но в следующий раз наказание будет суровое... Ты ознакомился с документом?

— Да, только у меня вопрос, — в руках Ваха держит документ, — Вашим постановлением пресс-центр финансируется за счет бюджета Совета министров. А следующий Указ — Совет министров упразднить.

— Ну, и что?

— А где средства взять?

— Ты чеченец, ты воин, ты хищник. А богатств кругом! Вон какая Россия, огромный Союз... Я тебе дал мандат, хе-хе, поминишь, как у Ленина: «податель сего Косиор — может делать что хочет». Так это было?

— Где-то так, — жалок голос Мастаева.

— Вот и действуй. Чтобы завтра был свежий номер. Типография и прочее — все наше. Иди!

Ваха рад был уйти, да не удержался:

— А вот, у вас уже был указ № 1, а тут тоже стоит № 1.

— А ну, дай сюда, — генерал бегло осмотрел. — Ну да! Все черно, все мои указы должны исполняться в первую очередь.

— Понятно.

— Не «понятно», а так точно.

— Дик ду, — перешел на спасительный чеченский Ваха и тут же: — А каков мой оклад?

— Что?! — генерал аж подскочил, встал. — Ну, ты балбес! Ты видел очередь ко мне? Дай я им такой документ, они Бога не помнят. А ты? Да при чем тут ты. Это Москва, это русские надеваются надо мной, сочинив эту бумажку: «Мастаев — пресс-служба». Вон! И чтоб «Свобода» к утру была.

Когда Ваха оказался на улице, какие-то бравые молодчики меняли вывеску «Диагностический центр» на «Президентский дворец». И он напоследок поставил неутешительные диагнозы: «Сам балбес, я из-за этого суверенитета стал не свободным... Ну, свобода требует жертв», – пытался он успокоить себя, пока по дождливому, грустному Грозному в густых сумерках торопился в типографию, думая, где же он найдет теперь директора Самохвалова, надеясь, что сторож подскажет. Оказалось, типографский дом весь в огнях, в ударном ритме, и тот же сторож, будто его ждал, сказал: «Самохвалов где-то в цеху, а вот редактора «Свободы» в кабинете ждут».

Кого угодно Ваха мог представить, а тут знакомый табачный смог. Неужели Кныш?

– Заходи, заходи, – Митрофана Аполлоновича прямо не узнать. – Да, в Америке был. Живут же люди. И что интересно, Маркса-Ленина не любят, да их идеи используют. А мы все наоборот... Ну, как дела? – он по-родному обнял Ваху, оглядел с ног до головы. – А я на пару дней... Да успокойся ты, твоя «Свобода» готова. Но учти – последний номер, как «Искру», из-за границы привез, далее сам будешь делать... Садись, чайку попьем, поговорим. Как дед и мать? Знаешь, если бы не твоя родня, у меня бы другое впечатление сложилось о чеченцах.

– Как о жителях «Образцового дома»?

– Ха-ха, да ныне «Образцовый дом» крен дал.

– А вы были там?

– Да, так, бегом, – он все еще разглядывал Ваху. – Баппу видел. По-моему, у вас дела неважные. Зарплаты нет. И тебя поставили на самофинансирование, самодобывание средств?

– И это вы знаете? – не особо удивляется Ваха.

– Всюду так. Социализма более нет, дикий рынок наступает... На, бери, – Кныш положил перед Мастаевым пачку денег. – Бери. На днях отработаешь.

– Как? – встрепенулся редактор «Свободы».

– Не сегодня-завтра президент поручит тебе написать под своим именем книгу. Там всякие документы, интервью, речи.

– Как я ее напишу?

– ПСС Ленина откроешь и шпарь. Умнее о революции не будет... Хе-хе, да ты не волнуйся, книга уже готова – «Тернистый путь свободы». Твое дело поболее денег у генерала урвать.

– Это как?

– Тебе он предложит копейки. А ты скажи – такую книгу босвого генерала-революционера лучше напишут московские евреи, а печатать, для надежности, надо вообще за границей, не то русские все вырежут. В итоге – запроси вот столько, – Кныш вывел на листке внушительную для сознания сумму.

– Откуда такие у него деньги? – беспокоится за родного президента Мастаев.

– «Откуда» говоришь? – Кныш раскрыл газету «Свобода». – Читай этот указ.

Указ¹

Президента Чеченской Республики

1. Все банки, действующие на территории Чеченской Республики, в своей деятельности подчиняются непосредственно Президенту Республики.

2. Настоящий Указ ввести в действие с момента его подписания.

– Вот, – комментирует Кныш, – ты думаешь, что Ленин и большевики вначале захватили Зимний, потом почту, телеграф? К черту! Сразу же захватили все банки. Деньги! Капитал! А остальное – производное от этого.

– Россия – огромная, богатая страна. И сама печатает деньги. А у нас что? – возразил Ваха.

– Тогда почитай этот Указ.

¹ Указ № 20 от 16.12.1991 г.

Указ ¹

Президента Чеченской Республики

В целях стабилизации и упорядочения деятельности предприятий постановляю:

1. Установить, что:

– предприятия и организации, специализирующиеся на добыче, переработке, производстве и реализации стратегических для Чеченской Республики товаров, сырья и продукции в своей деятельности подчиняются непосредственно Президенту Чеченской Республики;

– экспорт продукции и бартерные сделки стратегическими для республики товарами, сырьем и продукцией осуществляются лишь после письменного согласования с Президентом Республики.

2. Предприятия, организации, непосредственно подчиняющиеся в своей деятельности Президенту Республики, а также перечень стратегических для Республики товаров, сырья и продукции опубликовать в Приложении к настоящему Указу.

3. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.

– Рассказать, о чем этот Указ? – таинственно улыбается Кныш. – Ну, возьмем только нефть. Республика добывает пять миллионов тонн в год. Еще восемнадцать миллионов тонн российской нефти перерабатывает на своих четырех заводах. Если ты чуть-чуть смыслишь в арифметике, то получится в день доход минимум три миллиона долларов.

– А сколько это в рублях? – озадачился Мастаев.

– В рублях? У-у, лучше не считать, ужас! С ума сойти можно.

– И все это ему достанется?

– Ну, конечно, нет. Еще со времен Ленина за концессию с Германией за Россией должок, и поэтому вот это прочитай:

---

¹ Указ № 23 от 16.12.1991 г.

Распоряжение¹

В целях учета зарубежного опыта назначить господина Герта И.Г., гражданина ФРГ, советником Президента Чеченской Республики по нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и химической промышленности.

А почему за старый «должок» России Чечня должна сегодня расплачиваться? – возмутился Мастаев.

О-о! Патриот! – сарказм в голосе Кныша. – Дань-то надо платить. Да и воруют, как сказал классик, в России всегда.

– Но Чечня-то ныне вроде не в России.

– «Вроде», «вроде», дорогой... А теперь бери свою долю и иди отдыхать, тебе дел предстоит очень много.

От типографии до «Образцового дома» пять минут. Мастаев просто летел, ощущая в кармане плотный пресс. Однако в чуланчике, пересчитав с матерью деньги и прикинув, что предстоит к зиме купить, они поняли, что это очень и очень мало, даже на алименты ничего не остается. Тем не менее жизнь стала обнадеживающей: за работу платят. Возбужденный этим, несмотря на усталость, он долго не мог заснуть, а когда наконец-то сон пришел, он так провалился, что даже звонка не услышал, мать его еле растормошила.

– Мастаев, срочно к президенту. Что? Сейчас же, – тот же неприятный женский голос.

Было далеко за полночь, и дворец был пуст, когда Ваху через кабинет провели в комнату отдыха президента. Генерал как всегда бодр, подтянут. И вроде все убрано, однако Вахе показалось, что здесь только что был Кныш: сигаретный дым и аромат коньяка еще витали.

– Э-э, как тебя, Мастаев, мне необходимо выпустить книгу «Путь к свободе».

– Э-э, – тоже стал заикаться Ваха. – Может, «Тернистый путь к свободе»?

¹ Распоряжение № 5 от 29.01.1992 г.

— Что? Да, что это? То ли вы сговорились? Зачем мне эти тернии? Летчик-истребитель только прямо к цели летит. Должно быть по-воински коротко и ясно — «Путь к свободе». Так, задумался президент. — А ныне, так сказать, в рыночной экономике, все и свобода за деньги... Помощник! — крикнул генерал. Появился заспанный, незнакомый Мастаеву пожилой мужчина. — У тебя есть бабки? Наличность. Что мотаешь башкой? Ты сегодня не одну бочку нефти налево пустил. Давай что-нибудь.

Помощник исчез, вскоре вернулся: всего несколько банкнот положил перед Мастаевым.

— Спасибо, не надо, мне уже заплатили, — неожиданно даже для себя выдал Мастаев.

— Кто тебе заплатил? — насторожился генерал.

— Э-э-э, вы ведь дали мандат, — нашелся Ваха и тут же выпалил подсказку Кныша: — Я ведь книги никогда не писал. А ваша книга, если не Библия и Коран, то должна быть хотя бы на уровне Ленина.

— Умница!

— Может, попросить написать московских евреев, а издать и вовсе за рубежом, чтобы русские не урезали... Э-э, там и качество полиграфии лучше.

— Молодец! Вот это мысль! Я, оказывается, в тебе ошибался... А ну, подай листок, — генерал размашистым почерком что-то стал писать, потом обратился к пресс-службе: — Тебе бензин, мазут или сырую нефть?

— Зачем?

— Ты, действительно, дурак... Вот тебе бумажка: три цистерны бензина — твои. Утром, перед дворцом, ее продашь — мешок денег получишь на книгу. Хе-хе, ну а если сумеешь «бочки» за кордон вывезти, — три мешка.

Лифт не работал, а считать приходилось. И пока с вершины дворца спускался, Ваха успел подсчитать — сколько стоит бумажка. От этой суммы голова кругом. А на улице позднеосенняя, глухая ночь, плотный туман, и свет от неоновых фонарей рисовал такие страшные мрачные сгустки теней, которые, ка-

шло, хотели обвить Ваху, хотели отобрать столь дорогую расписку президента. Он, наверное, не бежал, да торопливо двинулся по центральной аллее проспекта Победы, и такая в городе тревожная тишина, что каждый шаг предательски эхом звучит, сопровождает его, пока он не свернул во двор «Образцового дома». И он уже спокойно вздохнул, всего пара ступенек, и он в чуланчике, как прямо под ногами искрами рассыпался окуроч. Он поднял голову, сверху донесся только приглушенный голос Кныша:

— Поднимись, — и, как приказ или маяк, вспыхнула зажигалка.

Оказывается, Кныш остановился не в квартире бывшей жены, а служебной обкома КПСС. На столе очень дорогой кофяк, две рюмки, изысканная закуска, чувствовалось присутствие женщины.

— Что скажешь? — хозяин стоит в вызывающей позе.

Мастаев достал расписку, с облегчением отдал.

— Да, ты всегда такой, — с какой-то завистью сказал Кныш. — Выпьешь? Тогда вот сигнальный экземпляр книги, остальные — в пути.

— Но генерал настаивал, чтоб назвали просто «Путь к свободе», — попытался возразить Ваха.

— А ты скажи: «простого пути-то нет», будет «тернистый путь», только не знаю — к какой «свободе», — Кныш, стоя, опрокинул полную рюмку, с наслаждением почавкал. Потом ушел в спальню, вернулся с деньгами. — На, это, если честно, — твоя доля...

Ваху обнял, одновременно выпроваживая. И только сейчас Мастаев заметил: на стуле висит кобура. Кныш этот взгляд перехватил, развел руками:

— Как говорит твой дед: время, как Божья данность, может, и не меняется, зато люди и нравы — не те...

* * *

— Порядочные люди по ночам спят, а днем работают, — ворчала Баппа.

Сам Ваха это тоже понимал, однако он, действительно, управляет и возглавляет пресс-службу. Посему среди ночи вновь торопится в президентский дворец, предчувствуя, что дело касается выпущенной книги.

– Все-таки назвали, как хотели – «тернистый путь», – пытаюсь скрыть досаду, говорит генерал.

– Бумага очень хорошая, – подает голос Мастаев.

– Будут строить козни.

– Ваши фотографии выразительны.

– Что же они замышляют?

– Шрифт прекрасный, читается легко, – в услужливой позе стоит руководитель пресс-службы. – Вот только вопрос, если разрешите, товарищ президент-генерал; как известно, в феврале 1944 года всех чеченцев и ингушей выслали в Казахстан. А вот в вашей биографии написано, что вы родились 15 мая 1944 года в городе Грозном.

– Что? – как ужаленный вскочил президент. – Где это?.. Вот мерзавцы! Это жида. Это сделал Кныш. А ты их агент, стукач, – он бросил книгу в Мастаева. – Ты чекист, кагэбэшник. Ты думаешь, я не знаю, как ты с этим Кнышем якшаешься, все докладываешь. Вон, вон, ублюдок недоношенный!

– Ч-ч-что? Ч-что ты¹ себе позволяешь, – перейдя на чеченский, сжав кулаки, потеряв всякое самообладание, на генерала пошел Мастаев. Тут его сзади схватили несколько охранников. – Сам ты ублюдок, – уже падая, Ваха все же нанес удар ногой – не достал.

Его выволакивали в приемную, когда генерал дал команду:

– Отставить! Все вон.

Даже без объяснения все почему-то поняли, что Мастаев должен остаться.

– Извиняться генералу перед сержантом не пристало, – он долго молча ходил по кабинету, – но не удивлен, даже рад и горд за тебя. Теперь понял, что в тебе нашел этот Кныш-мышь и те, кто за ним стоят. Однако пресс-службу ты возглавлять не будешь.

---

¹ В чеченском языке обращения на «вы» нет, все равны и на «ты».

- И от газеты меня избавьте.
- Ты против «Свободы»? Газету надо выпускать.
- Тогда дайте денег.
- Хе-хе, социализма более нет, есть демократия, рыночная экономика и свобода слова... Так что все на самоокупаемости.
- Ваши мудрые указы никто не покупает.
- Но-но-но! Сам ведь говорил, что не хуже Ленина. Так что выкручивайся, как знаешь. Но чтобы газета была. И знай: еще один контакт с Кнышом – и его, и тебя – он сделал непристойный жест. – Иди.

Сутками Мастаев и Самохвалов не выходили из типографии. Экономя бумагу, они напечатали всего двадцать тысяч номеров «Свободы», но и это не продали. И тогда Мастаев проявил некую журналистско-революционную сообразительность: стал кое-какие указы президента комментировать, разъяснять народу.

Распоряжение¹

Президента Чеченской Республики

Всем министерствам, руководителям крупных предприятий и учреждений категорически запрещаю убывать в командировки без согласования со мной.

По прибытии из командировки представлять мне отчет.

Ежедневно по телефону лично докладывать моему помощнику с 9 до 11 часов об итогах прошедшего и планах работы на предстоящий день. Звонить по тел. 22-65-43.

Комментарий редактора: теперь понятно, почему наш президент работает день и ночь: в республике более тридцати министерств и ведомств, около семидесяти крупных предприятий всесоюзного масштаба. Вот только помощник президента никуда не годится: его телефон никогда не отвечает.

¹ Распоряжение № 7 от 23.12.1991 г.

Указ¹

Президента Чеченской Республики

В соответствии с законом «О президентской деятельности» и в целях дальнейшего совершенствования оргструктуры и оперативного управления вооруженными силами Чеченской Республики постановляю:

1. Все вооруженные формирования на территории Чеченской Республики подчинить Президенту Чеченской Республики.
2. Создать штаб вооруженных сил при Президенте Чеченской Республики.
3. В порядке реализации Указа Президента ЧР «О национальной гвардии» от 23.11.1991 г. разработать проект Устава, структуры и штатного расписания национальной гвардии.
4. Установить для национальной гвардии гербовую печать с текстом по окружности «Национальная гвардия Чеченской Республики» с латинским шрифтом на чеченском языке.
5. Министерству промышленности товаров народного потребления и услуг разработать и приготовить форму, одежды для гвардейцев в зимнем и летнем исполнении, парадную и повседневную в количестве 50 (пятьдесят) тысяч штук в срок до 15.01.1992 г.

Комментарий редактора: пятьдесят тысяч форм. Получается, что каждый пятый мужчина призывного возраста должен стать национальным гвардейцем. Куда мы идем и к чему мы идем под шрифтом латиницы? Да радуется пока иное: много одежды (хотя и не модной) будет... может быть, и бесплатно.

Указ²

Президента Чеченской Республики

В целях развития предпринимательства и создания благоприятных условий для увеличения производства товаров и продукции в Республике постановляю:

---

¹ Указ № 16 от 09.12.1991 г.

² Указ № 27 от 16.12.1991 г.

Упразднить Государственный комитет по антимонопольной деятельности и поддержанию новых экономических структур.

Комментарий редактора: антимонопольная деятельность — основа для развития конкурентной рыночной экономики. Ну а поддерживать «новые экономические структуры» в свободной Чечне тоже не собираются.

Указ¹

Президента Чеченской Республики

Пренебрежение и презрение к правам человека в течение всей истории коммунистического режима способствовало совершению самых тяжких преступлений со стороны государства, как против целых народов, так и против многих его граждан... Руководствуясь ст. 13 Декларации ООН от 10.12.1948 г., признающей право каждого гражданина свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах государства (Чечни), постановляю:

1. Отменить на территории Чеченской Республики паспортную прописку.
2. Отменить действие паспортов внутри республики.

Комментарий редактора: указ антисталинский и сталинский одновременно, ибо вождь народов ввел систему прописки, и в то же время отобрал удостоверение личности у крестьян, чтобы не бежали из разоренных советской властью деревень.

Указ²

Президента Чеченской Республики

В связи с необъявленной экономической блокадой Чеченской Республики со стороны России в республике наблюдается

¹ Указ № 17 от 17.12.1991 г.

² Указ № 43 от 31.12.1991 г. (новогодний подарок).

острый дефицит предметов первой необходимости, в том числе продуктов питания.

Ввозимые с большими трудностями продукты питания и товары народного потребления часто попадают в руки перекупщиков, спекулянтов, вывозятся за пределы республики.

С целью упорядочения реализации продуктов питания и для стабилизации потребительского рынка постановляю:

1. Впредь, до особых распоряжений, реализацию продуктов питания и товаров народного потребления производить лишь при предъявлении паспорта с отметкой о наличии гражданства Чеченской Республики.

2. Предложить жителям Чеченской Республики в трехдневный срок сделать отметку в паспорте о принятии гражданства Чеченской Республики.

3. Лицам, временно находящимся на территории Чеченской Республики, по предъявлению командировочного удостоверения реализуются только продукты питания, необходимые для личного потребления на время пребывания.

Комментарий редактора: явное противоречие с предыдущим указом. Все-таки отметку (считай регистрацию) снова в паспорте ставят. Ну а если добропорядочный гражданин (коих еще немало) исполнил предыдущий указ, выкинул согласно Резолюции ООН 1946 г. свой паспорт, то он будет лишен возможности отовариться без документа и гражданства.

P.S. Писать в газете «Свобода» о таких несвободах – рискованно. Но согласно Указу № 1 президента у нас для людей все-таки суверенитет. Свобода, гласность, демократия. А президенту совет: почитать Ленина или хотя бы реферат редактора «Борьба Ленина с голодом».

Распоряжение¹

Президента Чеченской Республики

В республике сложилось напряженное положение со снаб-

---

¹ Распоряжение № 9 от 30.01.1992 г. (новогодний подарок).

во всем населения продуктами питания. В целях улучшения продовольственного обеспечения и реализации продуктов питания по ценам ниже рыночных:

1. Создать фирменный магазин для сотрудников госаппарата.

Комментарий редактора: вот это по-большевистски. Далее, по ленинской теории и практике – голод (неимущие – легко управляемы) и гражданская война.

Из-за нехватки бумаги эту газету выпустили небольшим тиражом. Был настоящий бум: люди приходили в типографию, спрашивая номер. Самохвалов, предчувствуя неприятности, раньше вышел на больничный. А знал ли Мастаев, что делал? Конечно, знал. Но это не была месть или какая-то обида, тем более злоба. Понятно, – он не генерал, всего лишь сержант, и многого не понимает, однако кое-что, благодаря трудам Ленина, он, пусть и не очень глубоко, да усвоил. Итог любой революции: колоссальный провал, о котором многие и не догадываются, а жаждают лишь перемен в своей беспросветной жизни, не ведая, что может быть гораздо хуже. А еще Ваха надеялся, что генерал, действительно, патриот, о чем он каждый вечер по телевизору твердит, и поймет позицию Мастаева.

Видимо, поняли. Была ночь, когда он, воодушевленный таким успехом своего творчества, уже готовил очередной номер, надеясь, что свобода, и прежде всего свобода слова, выше личных амбиций, – его арестовали, и не кто-нибудь, а сам и.о. министра внутренних дел сосед Якубов Асад. И с каким удовольствием он отвез Мастаева в Ленинский РОВД и буквально бросил в пустую, холодную, мрачную камеру.

Его не били, даже вопрос задать не успели, потому что появился запыхавшийся помощник президента.

– Мастаев здесь?.. Срочно освободить! Срочно!

Мать даже не знала, что его арестовывали. Когда он поздно явился и чуланчик, она показала «срочную» телеграмму из Москвы:

«Правительственная. Президенту ЧР. Центризбирком. Для переподготовки и повышения квалификации срочно направить тов. Мастаева В.Г. в Москву на курсы Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Все расходы оплатить. Москва. Кремль. 20.11.91 г.»

Ровно в полночь раздался звонок. Мастаева вызвали в президентский дворец. Он до двух ночи просидел в приемной, и так получилось, прямо на стуле заснул. Его толкнул помощник:

— Президент занят, вас принять не может. Вот билет, деньги и командировочное удостоверение.

Утром Мастаев вылетел в Москву.

* * *

Показалось, что много лет прошло с тех пор, как Мастаев был в Москве. За это время произошли значительные события, которые, впрочем, мало изменили его жизнь. А вот Москва разительно изменилась. Наверное, этому впечатлению способствовала метель, которая разгулялась над столицей. Всюду заносы, снег не убирают.

В отличие от Академии общественных наук, построенной в годы брежневского застоя по какому-то незамысловатому типовому проекту на окраине Москвы, Высшая партийная школа при ЦК КПСС почти что в самом центре, на Ленинградском проспекте, и это здание мощное, добротное, своеобразной сталинской архитектуры, где все монументально — на века. Правда, внутри здания хаос и запущенность.

Упадничество, даже какое-то пораженческое настроение царило кругом. А Мастаев значительно опоздал на эти курсы переквалификации, однако, где проходят занятия, никто толком объяснить не мог, а когда он наконец-то нашел, то, оказалось, в зале всего пять-шесть человек. Потом объяснили, что с утра, по понедельникам, когда выдают талоны на питание, в столовой людей бывает много. И что говорить о слушателях, если сами преподаватели на занятия не приходят, а если приходят,

то один профессор с пеной у рта доказывает: Ленин и социализм – это благо для человечества, для Союза и тем более России, а следующий с таким же рвением все это опровергает, клеймит, очерняет.

Как бы там ни было, а через пару дней Ваха определился и на курсах, и в общежитии, и помогло ему то, что и здесь занятия вели почти те же преподаватели, что и в Академии общественных наук, и дисциплины те же. Именно эти преподаватели подсказали ему, что главное на этих курсах – подготовить к итогу реферат, и так как остальные темы были уже разобраны, Мистаеву досталась очень трудная тема – «Ленин, демократия и перманентная революция».

Методист курсов – пышная, румяная женщина, уже в расцвете лет – сжалась над опоздавшим и за небольшой магазин предложила уже готовую работу. Так Ваха и поступил, и, имея реферат у него уже есть, он, а более и делать нечего, регулярно ходил на занятия и поразился переменам не только внешней среды – переменам в сознании. Те преподаватели, которые раньше по-разному относятся к марксизму-ленинизму, раньше были едины в одном: «Наш враг, – утверждали они, – мировой империализм, США, Европа и весь Запад». А теперь они едины в другом: «Уже ставшая демократической Россия должна консолидироваться с Западом, а враг один – борющаяся за суверенитет Чечня и весь чеченский народ».

На этих курсах от Чеченской Республики Ваха один, и он, так сказать, по-ленински, с революционной откровенностью, пролетарской прямоотой и в меру своего образования попытался отстоять свой народ, прямо указав, что все это – «наговор, провокация и шовинизм».

Была острая дискуссия, перешедшая в политический скандал, который вроде бы закончился тем, что Мистаев перестал ходить на лекции некоторых преподавателей. Однако, дабы время зря не терять, Ваха решил хотя бы посмотреть предложенную методистом «болванку», где нужно лишь поменять титульный лист.

Работа должна быть хорошей, ибо автор не кто иной, а как выяснилось, в прошлом крупный партийный босс, ныне, правда, уже занял либеральную позицию, восседает в Верховном Совете РСФСР. Два профессора дали на работу превосходные рецензии, назвали одинаково – «Образцово-показательное, глубокое исследование, знание первоисточников, масса конструктивных предложений (чуть ли не Ленина исправляет). В итоге «отлично». И лишь одно пожелание – не сворачивать с выбранного (наверное, коммунистического) пути.

С любопытством Ваха стал читать работу. Какое разочарование! Все просто списано из учебника «История КПСС», изданного в 1972 году. Более того, работа, видимо, не раз и не два уже использовалась, ибо фигурируют то 23-й, то 24, 25 и 26-й съезды КПСС. И даже таблицы не удосужились изменить: они датированы еще 1972 годом. В целом – пустословие, ложь, лицемерие, а значит, вредительство... Нет, об этом Ваха говорить, тем более писать, не будет, ибо он помнит, чем закончились занятия на курсах в Академии общественных наук. Однако и такую работу он подписывать своим именем не хочет и поэтому в меру своих сил стал самостоятельно над темой «Ленин, демократия и перманентная революция» работать, и для этого в первую очередь обратился к первоисточникам, то есть к ПСС Ленина. Вот кое-какие цитаты «Осень 1895 г. «Оба они (К. Маркс и Ф. Энгельс) сделали социалистами из демократов, и демократическое чувство ненависти к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно»¹.

20.12.1895 г. «...смертельно боятся наши министры соединения знания с рабочим людом!.. Без знания – беззащитны, со знанием они – сила!»²

06.07.1905 г. «Революции – локомотивы истории», – говорил Маркс. Революция – праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда массы народа, не способны выступить таким ак-

¹ В.И. Ленин. Наша программа. ПСС. Т. 4 – С. 182–183.

² В.И. Ленин. Наша программа. ПСС. Т. 4 – С. 198.

тиным творцом новых общественных порядков, как во время революции...» «Вот каков смысл лозунга — диктатура... Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первыми к насилью, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык»¹.

07.08.1915 г. «В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства и бедствия, неизбежно связанные с войной, были прогрессивны, то есть приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую)... Нынешняя война (Первая мировая) — есть война между крупнейшими рабовладельцами за сохранение и укрепление рабства...

...В России преобладает военный и феодальный империализм. Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны как в России: великороссы составляют только 43 процента населения, то есть менее половины, а все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 миллионов населения России около ста миллионов угнетены и бесправны... Теперь на двух великороссов в России приходится от двух до трех бесправных «инородцев»: посредством войны царизм стремится увеличить количество угнетенных Россией наций, упрочить их угнетенное положение и тем подорвать борьбу за свободу и самих великороссов. Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является полуфеодальная эксплуатация «инородцев». Таким образом, со стороны России война отличается сугубо реакционностью и противоречивым характером... ибо «не может быть свободным народ, угнетающий чужие народы (Маркс и Энгельс)»².

¹ В.И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. ПСС. Т. 8 — С. 103, 123.

² В.И. Ленин. Социализм и война. ПСС. Т. 26 — С. 307–350.

08.1916 г. «Капитализм превращает демократию в иллюзию... Свергнуть капитализм нельзя никакими самыми «идеальными» демократическими преобразованиями, а только экономическим переворотом. Нельзя победить капитализм, не взяв банков, не отменив частной собственности на средства производства»¹.

7.05.1917 г. «Мы тщательно избегаем слов «революционная демократия» и демократия вообще... Контроль без власти есть пустейшая фраза... Для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть...»²

1.09.1917 г. «Мирное развитие революции – вещь чрезвычайно редкая и трудная, а для нас вредная»³.

29.10.1917 г. «Мы взяли власть почти без кровопролития. Если были жертвы, то только с нашей стороны. Весь народ именно той политики и желал, которой ведает новое правительство. Оно взяло ее не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городах»⁴.

4.01.1918 г. «Социалисты» со всех крыш кричат о недопустимости гражданской войны и большевистского террора... Врагов социализма можно на время лишить не только неприкосновенности личности, не только свободы печати, но и всеобщего избирательного права. Плохой парламент надо стараться «разогнать» в две недели. Польза революции, польза рабочего класса – вот высший закон... и нечего теперь кричать о «большевистском терроре»⁵.

15.09.1991 г. «А.М. Горькому. Дорогой Алексей Максимович!.. Когда я читаю Ваше откровенное мнение по этому поводу, я вспоминаю особенно мне запавшую в голову при наших разговорах (в Лондоне, на Капри и после) Вашу фразу:

---

¹ В.И. Ленин. Вопросы о мире. ПСС. Т. 30 – С. 301–306.

² В.И. Ленин. Апрельская конференция. 1917. ПСС. Т. 31 – С. 342–400.

³ В.И. Ленин. Из дневника публициста. ПСС. Т. 34 – С. 129–130.

⁴ В.И. Ленин. Доклад о текущем моменте. ПСС. Т. 35 – С. 37.

⁵ В.И. Ленин. Плеханов о терроре. ПСС. Т. 35 – С. 184–186.

«Мы художники, неменяемые люди». ...Интеллектуальные силы рабочих и крестьян крепнут и растут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно.

Вполне понимаю, что так можно дописаться не только до того, что-де «красные такие же враги народа, как и белые», но и до веры в боженьку и в царя-батюшку.

Тратить себя на хныканье сгнивших интеллигентов и не писать — для художника разве на гибель, разве не срам?»¹

2.04.1920 г. «Сов. секретно. Шифром. РВС Кавкфронта, Орджоникидзе. Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Чечню и Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономии, независимости и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще. Ленин»².

25.01.1921 г. Еще остались сторонники «демократии» до бесчувствия. В массе развился дух неприязни к нам, по вине ошибок, по вине бюрократизма, который наверху допущен, в том числе и много, потому что я назначал Главполитпуть... Однако мы не отрекаемся ни от назначенства, ни от диктатуры... И не надо забывать — государство, это — область принуждения»³.

15.08.1922 г. «Заседание ЦК необходимо перенести... Бухарин на лечении в Германии... Троцкий по делам и отпуск в Швейцарии... Каменев и Зиновьев в Кисловодске (очень довольны)... Меня врачи не отпускают в Москву, лечусь»⁴.

12.03.1922 г. (Запись Л.А. Фотиевой)⁵:

¹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 51, док. № 80. — С. 47–49.

² В.И. Ленин. ПСС. Т. 51, док. № 309. — С. 175.

³ В.И. Ленин. Кризис партии. Еще раз о профсоюзах. ПСС. Т. 42 — С. 234–304.

⁴ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54, док. № 267–312, 324.

⁵ Фотиева Л.А. (1881–1971) — член партии с 1904 г., личный секретарь Ленина.

«Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы... По-видимому, кроме того, у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указание Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам...»¹

Это некоторые тезисы первоисточников, которые Мастаев Ваха использовал при написании выпускного реферата в ВШШ на тему «Ленин – демократия – перманентная революция».

А вот краткие выводы, сделанные слушателем в конце работы «Владимир Ильич Ульянов (Ленин) (1870–1924).

Те люди, которые знакомы с творчеством и с деятельностью Ленина, безусловно, скажут одно – гений. При этом большинство, как и автор этой работы, наверное, подчеркнет «злой».

В Большой Советской энциклопедии (БСЭ) написано: Ленин – выдающийся политический деятель, вдохновитель и организатор Великой Октябрьской социалистической революции, основатель первого в мире социалистического государства и пр.

В Британской энциклопедии все более сдержанно и лаконично: Ленин – российский политический деятель начала XX века, это – почти все... Тут же отметим, что о каком-нибудь английском мореплавателе, который совершил пару пиратских, то бишь бандитских, экспедиций, эта энциклопедия сообщает чуть ли не на двух страницах, начиная с родословной и прочее. Ну, как говорится, – кто платит.

Вместе с тем многие авторы, по нашему мнению, не совсем точны. Ибо, повторюсь, по нашему мнению, Ленин – это прежде всего полководец, завоеватель и только потом политик, дипломат, ученый, писатель, а кто-то еще добавит революционер-социалист, шпион, масон, диктатор, созидатель, интриган, разрушитель и прочее, хотя все последнее просто производное полководца-правителя-политика, кем на самом деле Ленин и был.

¹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 54, док. № 267–312, 324.

В своей «незаконченной автобиографии», опубликованной в ПСС, В. Ленин даже не пишет, где и когда он родился, какого происхождения и так далее, как было принято, а сразу же со второго предложения обозначает: «Мой старший брат Александр был казнен. А я был исключен из Казанского университета, а потом дважды был в ссылке, в том числе в Сибири, в селе Шушенском Енисейской губернии».

Александр Ульянов был одним из руководителей и организаторов террористической организации, призывавшей к насильственному свержению существующего строя, что во все времена противозаконно. И вроде бы после казни брата Владимир Ульянов сказал: «Мы пойдем иным путем».

«Иной путь» был гораздо продуманнее – ясно, что, покончив с одной персоной царя, ничего не добиться, ибо наследников на престол очень много. Необходимо что-то кардинальное, радикальное, мощное, современное. И это было, ибо «призрак, призрак коммунизма, – как определили Маркс и Энгельс, – уже летал над Европой». А молодой Володя Ульянов познакомился с Плехановым Г.В., руководителем организации, название которой говорит само за себя, – «Черный передел», которая появилась после распада «Земли и воли», куда входил старший Ульянов.

Вместе с Плехановым (1856–1918), уже зрелым человеком, В. Ульянов (тогда более был известен как Ильин, а не Ленин) уезжает в Европу, и если там многие романтики пытались этот «призрак коммунизма» как-то притянуть либо приманить, то В. Ленин этот «призрак» сумел буквально обуздать. И все только потому, что Ленин был не просто одаренным человеком, он был необыкновенно целеустремленным, одержимым, крайне работоспособным, упорным, и он, в отличие от остальных последователей мессии, ни разу не усомнился в теории Маркса, ни разу не пытался ее ревизионировать, совершенствовать, тем более критиковать.

Он просто трактовал эту теорию, как ему было выгодно, не раз утверждая, что Маркс и Энгельс «из демократов стали социалистами». Тем самым Ленин изначально поставил под сомнение главный тезис марксизма – «демократический централизм».

оретическая база для нового восстания готова, да тут выясняется, что в деле революции у него появился конкурент, а быть может, Запад взращивал дублера – это Троцкий, ровесник Ленина, анархист-социалист, от которого даже отказался отец. По отличие от Ленина Троцкий менее усидчив, графоманисей не страдал, зато был весьма красноречив. Искусный и самовлюбленный оратор, он на каждом собрании РСДРП выступал яростным оппонентом Ленина. Ленин и Троцкий друг друга ненавидели. Это видно по публикациям, особенно в частной переписке. Однако в этой, скажем так, внутривластной борьбе у Ленина всегда было преимущество, потому что однопартийцы, и прежде всего патриарх русской социал-демократии Плеханов, недолюбливали Троцкого за его барские замашки вызывающе шикарной жизни, притом что Троцкий ничем, кроме как революционной деятельностью, не занимался.

В то же время в более-менее благополучной Европе и Северной Америке наряду с социал-демократическими движениями широкую популярность получили всякие анархические движения, отвергающие религию, государственную власть и проповедующие свободный образ жизни, в том числе и сексуальной.

В какой-то мере и с этим движением Ленин наладил контакт, а один из лидеров этого движения Инесса Арманд¹ стала ближайшим соратником, а может, наложницей.

Между тем ситуация в Европе обострялась. Все говорили о надвигающейся войне. Маркс по этому поводу сказал бы, наверное, так: возникли крайние противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Ну а Ленин, образно говоря, пошел еще дальше. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана и политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими социальными фразами, заявля-

---

¹ И. Арманд (урожд. Елизавета Федоровна Стеффен, 1874–1920) – с 1904 г. член РСДРП, в ближайшем окружении Ленина. После октября 1917 г. – на высших постах государства в России.

ниями, обещаниями отыскивать интересы тех или иных классов. Сторонники реформ и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно не казалось, держится силами тех или иных господствующих классов»¹.

И далее: «Европа, государства, именующие себя «цивилизованными», ведут теперь бешеную скачку с препятствиями из вооружений. На тысячи ладов, в тысячах газет, с тысяч кафедр кричат и вопят о патриотизме, о культуре, о родине, о мире, о прогрессе — и все это ради оправдания новых затрат десятков и сотен миллионов рублей на всяческие орудия истребления, на пушки, на «дредноуты» (броненосцы новейшего типа) и так далее. «Господа, публика! — хочется сказать по поводу всех этих фраз «патриотов». — Не верьте фразам, посмотрите лучше, кому это выгодно».

Выгодно богатым. Вот кому выгодно раздувание шовинизма, болтовня о патриотизме (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее!»²

В 1914 году началась война между двумя коалициями держав: Центральными державами (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) и Антантой (Россия, Франция, Великобритания, Сербия, позднее Япония, Италия, Румыния, США и другие).

Так получилось, а может так было спланировано, но В.И. Ленин оказался территориально в лагере Центральных держав, фактически он был если не против России, то точно против царского самодержавия, и не секрет, что его финансировало военное ведомство Германии.

Троцкий, наоборот, демонстративно перешел на сторону Антанты, однако это не значит, что он отстаивал интересы России. Отнюдь. Он уехал из беспокойной Европы в США и жил там беззаботно, в свое удовольствие.

---

¹ В.И. Ленин. Три источника и три составные части марксизма. ПСС. Т. 23 — С. 47.

² В.И. Ленин. Кому выгодно. ПСС. Т. 23 — С. 61–62.

Война была поистине мировая, долгая, более четырех лет, в ней участвовало 34 государства, погибло более 10 миллионов человек, 20 миллионов раненых. Если говорить о государствах, то все понесли значительный урон (кроме США), и ни одна страна не победила. Зато победитель – есть! Это полководческий гений Ленина. Он, сидя в благодатной Швейцарии, руководил всем процессом, и не только внешне, но и изнутри посадил Россию, и как сам выразился, «почти без единого выстрела, без жертв» захватил в обескровленной после войны России власть. Разве это не полководческий дар?!

Правда, кто-то посмеет спросить: а за кого и против кого воевал Ленин и было ли у него понятие Родина? На это он сам дал ответ. «Когда у меня была рабочая английская делегация (Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать), и я говорил с ней, что всякий порядочный английский рабочий должен желать поражения английского правительства, то они меня совершенно не поняли. Они построили такие лица, которые, я думаю, не может схватить даже самая лучшая фотография. В их головы совершенно не вмещалась та истина, что в интересах международной революции английские рабочие должны желать поражения своего правительства»¹.

Какой бескорыстный пролетарский интернационализм!

Однако, после того как Ленин в октябре 1917 года захватил власть, он сразу же объявил: «никакого сближения с иными партиями и никаких выборов или демократии – власть на то и власть, чтобы за нее сражаться, ни с кем не делиться, тем более уступать».

Вместе с тем делиться властью пришлось. Это амбициозный Троцкий требовал свою долю в революционной борьбе, и в России он всегда выступал оппонентом Ленина.

По официальной версии «Истории КПСС», Троцкий принимал самое активное участие в октябрьском перевороте и был

---

¹ В.И. Ленин. Политический отчет ЦК РКП(б) на IX конференции. Росгосархив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 44. Опись 1. Дело 5.

первым председателем Петроградского совета, позже был назначен министром иностранных дел России.

По другим источникам, в том числе и Солженицына, Троцкий из Америки прибыл, когда революция уже свершилась, и после непростых переговоров вроде под давлением рекомендательного письма Ленин уступил ему пост министра иностранных дел. А вот диалог, который опубликовал Троцкий в очерке после смерти Ленина:

— А что, — спросил однажды меня Владимир Ильич вскоре после 25 октября, — если нас с вами убьют, то смогут ли справиться с делом Свердлов и Бухарин?

— Авось, не убьют, — ответил я, смеясь.

— А черт их знает, — сказал Ленин и сам рассмеялся¹.

Было ли им до смеху? А почему бы нет? Их величайшая авантюра удалась. В их руках оказалась власть над огромной империей. Правда, впереди была еще Гражданская война. И в ней они взяли верх. И можно много писать о геройстве, стойкости и мудрости вождя мирового пролетариата в этой нелегкой борьбе, да лучше самого Троцкого не скажешь: «Мы ограбили всю Россию, чтобы победить белых».

И что же стало после этой доблестной победы? Всеобщее равенство, процветание, социализм?!

Образ Ленина на этот вопрос четкого ответа не даст, потому что он идеологизирован, мифологизирован и, вообще, очень мало прожил после победы Октября. Зато есть его дублер Лев Троцкий (Бронштейн), вот кто является создателем Красной Армии, лично руководил ее действиями на многих фронтах Гражданской войны, широко использовал репрессии для поддержания «революционного порядка» в войсках, и не только. Он так преуспел в терроре, что даже Ленин и Дзержинский не раз сдерживали этот пролетарско-революционный энтузиазм Троцкого, на совести которого, помимо прочего, десятки тысяч расстрелянных офицеров русской армии и флота. «Нельзя стро-

¹ Л.Б. Троцкий. Моя жизнь. Берлин. — 1932. Т. 2 — С. 60.

ить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. Надо ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади»¹. (Этот опыт Троцкого Сталин применит во время Второй мировой войны.)

При этом сам Троцкий и в голодающей России жил бароном, в роскоши и сверхдостатке. Усадьбы, конюшня, охота. Свой бронепоезд, и не один. У него в помощниках более трех десятков холеных молодых людей, так называемые «кожанки», столько же девушек-секретарш, которые отчего-то постоянно менялись... Кстати, на похороны Ленина он так и не соизволил приехать с юга, где отдыхал, лишь телеграмму-соболезнование прислал.

Соратников по партийной элите – Сталина, Каменева и Зиновьева – Троцкий считал «серенькими личностями». Однако эти «серенькие личности», и в первую очередь Сталин, не позволили Троцкому стать во главе государства, о чем конечно же после смерти Ленина он мечтал и имел на это все основания. Более того, в 1927 году Троцкого исключили из партии, а в 1929 году выслали за границу (официальная биография).

Был ли ближайший соратник Ленина – Лев Троцкий – шпионом? Историческая наука дала на это утвердительный ответ. Сталин это тоже утверждал, и, несмотря на то, что к 1929 году он (Сталин) стал полновластным хозяином страны, диктатором, он не посмел расправиться с Троцким, потому что последний имел могущественных покровителей за рубежом, от которых, видимо, и сам Сталин в какой-то степени зависел (ведь это политика). И Троцкий не то что был выслан, он словно исполнил свою миссию, с неким почетом был отправлен в благодатное зарубежье. Из СССР он выехал в Румынию и, не говоря о прочем, вывез с собой (из голодающей страны) четыре вагона личного имущества. Вагоны опечатаны и не досматривались, а по документам запись: «личная библиотека». И это в СССР! Где в

---

¹ Л.Б. Троцкий. Моя жизнь. Берлин., 1932. Т. 2 – С. 141.

Конституции гарантирована демократия, ни слова о Боге, зато право на труд... Вместо демократии создали почти что крепостническую бюрократию. Отказавшись от Бога на небе, создали идолопоклонничество на земле. Ну а труд – пожалуйста, почти бесплатный – гений Ленина выдумал «коммунистические субботники». И по этому поводу он пишет: «Мы не утописты и знаем истинную цену буржуазных «аргументов», знаем также, что следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе, и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное. Все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового («коммунистические субботники» – во благо всех трудящихся, бесплатный труд в свободном обществе – разве не об этом мечтали столетиями рабочие и крестьяне!), внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками... Нельзя ругаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них»¹.

Сколько упорства у гения Ленина! И какой кругозор! Вождь даже знает методику фармацевтики венерических заболеваний; последнее – явно о наболевшем.

...В итоге тоже о «наболевшем»... В.И. Ленин в 1917 году прибыл из Женевы в раздираемую противоречиями Россию,

¹ В.И. Ленин. Великий почин. ПСС. Т. 39 – С. 30–31.

захватил власть, при этом написал 55 томов, прочитав которые всякий только обогатится, и худо-бедно, а с помощью ПСС были создана великая держава – СССР! И вот, неполных семь десятилетий спустя, очередной генсек СССР М. Горбачев с какой-то брошюрой «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» приехал в ту же Женеву и капитулировал перед Западом – «в одностороннем порядке прекратил все ядерные испытания. Односторонний мораторий на испытания противоспутникового оружия, внесли радикальные предложения о сокращении ядерных арсеналов и пр.».

И у генсека Горбачева есть ярый противник Ельцин, который с пеной у рта с генсеком спорит, а если прислушаться – суть-то та же, тоже подпевает. Неужто дублер? Вот вагоны «личных библиотек» попрут на Запад.

Это так, к слову.

А подводя итог реферата, отметим, что «Ленин и демократия» – изначально несовместимые понятия в непросвещенной России образца 1917 года.

Что касаясь классов, то, наверное, сегодня в СССР классов нет, зато есть имущие (их явное меньшинство) и неимущие. И если кто-то думает, что «неимущие – легко управляемы», то он явно не читал классиков марксизма-ленинизма. Хотя почти все имущие – члены КПСС и, наверное, имеют дипломы ВПШ или Академии общественных наук, что в принципе одно и то же.

А возвращаясь к «неимущим», отметим, что еще пытливым ум Ленина определил, как правители Германии, ознакомившись с трудами Маркса, нашли противоядие против революционного подъема «неимущих» – спровоцировали в Германии голод, а следом рыскал сыск. Вот так просуществовала и страна СССР. Но не надо все умалывать. Основное население Советского государства училось не в ВПШ и АОН, а в простых и хороших школах и вузах, которые давали настоящее образование. И как есть имущие и неимущие, так же есть безнравственные и совестливые, к счастью, последних гораздо больше. Однако мир поменялся, и если ранее было «Пролетарии всех стран, соединяй-

тесью», то теперь, наоборот, боясь перманентной революции и зная, что призрак коммунизма витает не только над Европой, а над всем миром, стали объединяться имущие – глобализация! Опять хотят вспять направить сознание «неимущих» людей. И как тут не вспомнить последние слова патриарха русских социал-демократов Плеханова, адресованные Ленину:

– В новизне твоей мне старина слышится!

– Почему?

– Время плебейской революции еще не пришло¹.

...Неужели это время теперь наступает?

Слушатель курсов повышения квалификации ВПШ при ЦК КПСС

В.Г. Мастаев».

* * *

Страшная головная боль привела его в реальность. Ваха открыл глаза, в ушах гул. В первое мгновение он подумал, что в пещере, в горах – до того холодно. А тут увидел слабый свет над дверью, напротив полумрак окна – толстые, частые решетки, и он сразу вспомнил: перед защитой в коридоре ВПШ много слушателей в ожидании, когда вызовут. И тут Мастаев как бы нюхом почувствовал что-то неладное: со стороны лестницы грозно идет усатый очкарик, тот, что издевался над ним ровно год назад в Академии общественных наук.

– Пройдемте за мной, – жесткая команда, и просто кивок головой.

– Никуда я не пойду, – решительно воспротивился Мастаев, – у меня сейчас защита.

– Хм, хочешь публично святое омарать? Не выйдет, – очкарик хотел было скрутить руку Вахи, но тут же сам полетел к стене. Как всегда, рядом оказались еще двое молодчиков – они

¹ А. Луначарский. Революционные силуэты. – М., 1967. – С. 42.

умело обхватили Ваху сзади, а подоспевший очкарик успокаивал пораженных сокурсников:

— Это чеченский шпион. Я майор КГБ. Соблюдайте спокойствие, бдительность и порядок.

Больше Вахе руки не крутили, только крепко держа за локоти, повели по длинному коридору, лифт отвез на нулевой этаж: темный, сырой коридор, снова лестница вниз, тяжелая дверь, и совсем светло, просторный кабинет, да отчего-то ощущение камеры пыток, и на стене портреты Ленина, Сталина, Державинского и Горбачева.

— Вы хотите независимости, свободы?! — заорал майор. Хотите развалить Советский Союз?! Не выйдет! — грозный палец у носа Мастаева. — В тот раз тебя чудо спасло. А ты опять за свое? И на кого осмелился посягнуть?! О «наболевшем»? Ленин и сифилис! Кто тебя надоумил?

— Э-э-это в ПСС, — неуверенно защищался Ваха.

— Что значит «ПСС»?

— Полное собрание сочинений Ленина, том 39, страницы 30–31... Вон, у вас Ленин в шкафу, темно-синий, с позолотой.

— У-у, — что-то тоскливое, в виде отрывки выдал майор. — Не может быть! Какой том? Какая страница?

Это собрание явно никто никогда не открывал, страницы аж склеились. Майор долго искал нужные строки:

— «Великий почин», — повторил он название статьи, и вот наконец-то нашел плохое слово. — Как они могли такое пропустить? Кто автор?

— Ленин, — подсказал Мастаев.

— Молчи, болван. Кто в редколлегии? Кто подготовил? майор посмотрел на последнюю страницу: — У-у, тираж сто тысяч экземпляров... Вот где бомбу заложили.

— Да, издано в 1973 году, все редакторы, небось, на заслуженной пенсии в санаториях почивают, — говорит Мастаев.

— Хе-хе, — ехидно усмехнулся офицер. — А ты наконец-то в психушке будешь отдыхать.

— За что? — попятился слушатель ВППШ.

— За разглашение государственной тайны.
— Какой «тайны»?! Все опубликовано в ПСС!
— Так ты на строй покушался. К какой-то «плебейской революции» призываешь.

— Т-так это тоже классика!

— Да, «Великий почин», — майор вновь мельком пробежал статью Ленина. — Вождь прав. Нужен «почин». Всех надо попочинить! А тебя, гражданин Мастаев, как взбунтовавшегося чечена, надо починить в первую очередь.

— Я подам на вас в суд!

— В суд? Ха-ха-ха! Так суд — это я! Ты ведь невменяемый. Прошлогодний урок так и не воспринял, трактуешь Ленина как хочешь.

— Я-я имею право мыслить! — Мастаев поднял было руку, да тут же те же молодцы его скрутили, повалили на диван. А майор в это время уже шарил под столом.

Давно я эту кнопку не нажимал, — с явным удовольствием сказал он. — «Мыслить» они будут. Ишь, чего захотели, плебейскую революцию свершить... А, вот она.

Майор так упорно давил на кнопку, что массивный стол чуть было с места не сдвинулся. Зато шкафы, в которых покоились ПСС классиков, вдруг, как в кино, странно зашевелились, заскрипели, развернулись, и из-за них появились два верзилы, один, что в белом халате, хриплым голосом сказал:

— Давненько вы нас не беспокоили, товарищ капитан.

— Я уже два года майор. А не беспокою из-за этой гласности и перестройки... Вот вам пациент, лечите; не то плебейская революция на носу.

...Последнее, что Ваха помнил, — это огромный шприц, так что он стал голову прикрывать тоненьким одеялом, и только теперь догадался, почему голова не только болит, но и мерзнет, — выбрали.

Гимн СССР разбудил Ваху, он скинул одеяло. В комнате яркий свет. Он первым делом бросился к окну: очень красивый парк, заснеженные ели, ухоженные прикрытые на зиму клум-

бы, не работающий, и все же красивый, большой фонтан, и прямо над всем этим ярко-красный транспарант:

«Укрепление здоровья и повышение благосостояния советских трудящихся — главная забота социалистического государства».

Мастаев отпрянул от окна, осмотрел палату. Оказывается, кроме крепко запертой входной, еще одна дверь — санузел, и там, под потолком, маленькая форточка. Не без усилий и не без помощи подручных средств Ваха добрался до отверстия, а там ярко:

«Медицина в СССР — бесплатна».

Жалкая опора под Мастаевым — деревянная крышка унитаза обломилась; он полетел и вновь лысой башкой о стенку. Стоя на от еще большей головной боли, он еле ковылял до кровати, как после гимна заиграла музыка и бодрый голос по радио:

— Доброе утро, товарищи! Приступаем к утренней гимнастике. Ноги на ширине плеч, вдох-выдох, вдох-выдох, а теперь ходьба на месте, веселее, с улыбкой.

И тут другой голос непонятно откуда.

— Пациент Мастаев, встаньте, делайте гимнастику, — Ваха от неожиданности вскочил и начал было все исполнять. А потом стал оглядываться — откуда подсматривают?

— Не отвлекайтесь, Мастаев... Бодрее, еще бодрей... Вышли ногу.

— Да пошел ты! — Ваха демонстративно лег на кровать.

— Вы лишаетесь завтрака, — сухой, противный голос словно из-под пола, а Мастаев отвернулся к стене. — Вы лишаетесь обеда, — следующий вердикт, и чуть погодя: — Ужина не будет.

— Да пошли вы! — Ваха вскочил, дернул радио со стены и о пол — вдребезги. — Гимнастическая музыка не умолкла, но стала тише, слышно из-за стен и коридора, а тот же противный голос продолжает:

— За порчу социалистического имущества — трое суток правдиво-исправительной комнаты.

— Какой-какой? — удивился Мастаев и, не услышав ответа, засмеялся.

Он подумал, что все это какой-то кошмарный сон либо шутка, потому что прошло немало времени. Однако, после того как в коридоре радио объявило девять утра, началось какое-то оживление, дверь его палаты распахнулась, заглянули какие-то ужасные, то ли испытые, то ли точно больные морды, а перед ними грозное оружие — шприц.

Ваха в армии из-за драки и самоволки пару раз сидел в камере и помнил прошлогоднее заточение в общежитии АОН, но такого и представить не мог — он в одном белье, очнулся от холода — под ногами лед; он бился в дверь, пока не окоченел, и думал, что помрет, даже о шприце мечтал, чтобы избавиться от этих мук, как включили свет и из мощных труб пар, такой приятный, теплый, а потом обжигающий, так что он распластался на ледяном полу... Свет выключили — пара нет. Как-то резко стало холодно, он стал коченеть и думал — конец, адская боль в пояснице, будто камни в почках, и дышать тяжело, как вновь свет, пар...

Ваха не понимает, сколько времени он был в этом кошмаре, ему уютно, тепло. Вновь шприц, теперь совсем маленький, и он в крепких, да все же в женских руках. Возле кровати крупная, по-мужски плечистая женщина, с огромной прической, в очках, накрахмаленный белоснежный халат:

— Надо поесть, — ее голос неожиданно мягкий, приятный. — Поеньте, и сон.

Еды было много, видимо, рацион всего дня, так что он даже не смог все съесть, теперь морил сон, и, уже засыпая, он понял, что врач принесла еще одно одеяло, бережно накрыла его.

Гимн СССР и яркий свет, как напоминание о нравственно-исправительной комнате, заставили Мастаева вскочить. Он встал посередине палаты, и тут тот же сухой голос:

— Смирно, еще смирнее. Выше подбородок! Еще выше, — а потом гимнастика, и его уже никто не понукал, потому что он все делал с усердием, а в коридоре, как ему показалось, движение, даже безудержный смех.

А теперь водные процедуры, и какай, можно какать и нужно пукать. Побольше и быстрее! — взмокший от пота Мастаев побежал в туалет.

А потом все было спокойно. В восемь утра появилась эта крепкая женщина с завтраком:

— Я ваш лечащий врач, Зинаида Анатольевна... Диагноз не поставлен, и лечение вам еще не назначили.

— А кто назначает? — не удержался Мастаев и, увидев ее потупленный взгляд: — Как сказал Ленин, «не врачи дают указания ЦК, а ЦК дает инструкции врачам». ПСС, том 45, страница 485.

— Неужели он так сказал? — удивилась врач. — Все то же... Только вы будьте благоразумны, — она искоса глянула в сторону двери.

— А тут камеры есть? — прошептал Ваха.

— Какие камеры, — так же тихо ответила она. — Просто Бог и замочную скважину подглядывает.

— Зинаида Анатольевна, к телефону, — на зов доктор ушла, а Ваха подумал, вроде на вид такая благовоспитанная женщина, и пусть в Бога не верит, но зачем так кошунствовать, «замочную скважину».

Более Ваха Зинаиду Анатольевну в этот день не видел. Зато дважды приходила пожилая сестра-хозяйка, которая приносила обед и ужин, а вместе с этим какие-то таблетки и вроде витамины — все это он выбрасывал в унитаз, а сестру-хозяйку разговаривал:

— Я хочу курить, — взмолился он.

— Курят только в курительной комнате, на первом этаже, и только с восьми до девяти вечера.

— Я могу туда пойти?

— Курить вредно... Ходить не советую, — она даже не смотрит в его сторону. — Но если уж очень хочется, то, пожалуйста, у вас вольный режим, даже лечение до сих пор не назначено. Порядки, — сердито ворчала. — И куда мы придем? — она глубоко вздохнула. — Сталина не хватает, — она искоса глянула на Мастаева.

Из этого монолога Ваха понял: он может курить, более того, он, хотя бы в пределах этого здания, оказывается, свободен.

Был девятый час, когда он облачился в грубый, еще пахнувший хлоркой и стиркой халат, выглянул боязливо из палаты. Огром-

ный, мрачный коридор, никого не видно. В конце, слышно, работает телевизор. Туда он чуть ли не на цыпочках направился и, пока до фойе дошел, не раз вздрогнул: из-за всех дверей слышались то стоны, то плач, то дикий смех или крик и громкий разговор.

А перед телевизором толпа, все повернулись в его сторону.

Боже, что это? И самое ужасное – не выражение лиц, а их цвет: они землисто-зеленые, как кисель, который ему трижды в день дают.

Ваха хотел было вернуться в палату, но его уже обступили. Это, действительно, больные люди... Нет, он не такой, он не может и не должен таким стать.

– Ты хочешь курить? – эти люди, видно, отгадали его недавнее желание. – Мы обещали проводить тебя.

Неприятно, словно медузы, облепили Ваху, подталкивая, они буквально заставили его идти вниз по лестнице, – первый этаж выглядит совсем иначе: здесь, видимо, процедурные, общая столовая, всюду решетки, в конце, под настольной лампой, здоровенный мужик в халате читает, не обращая на него внимания.

Наконец Ваха ощутил запах табака, и так он теперь стал неприятен. Хотел было возвратиться, но ему не позволили, втолкнули в какой-то проем, а там зал, напоминающий большую баню, все в кафеле, тусклый, унылый свет, с шумом работает принудительная вентиляция и много этих схожих по родам, манерам и одежде, на всех, как у него, халаты.

С десятков сидят прямо на полу, курят; на них и смотреть противно: слюнявые, сопливые, оборванные и перепачканные кашей и щами. А далее что-то вроде ярусов, как в парной. На первом ярусе тоже много сидят. На втором курящих поменьше, и они выглядят приличнее. На предпоследней полке всего двое, можно сказать, приличные лица, в очках, и, наконец, на самом верху, как бы на вершине этой своеобразной пирамиды, грузный мужчина, который не только габаритами и одеждой отличается, но главное, свежим цветом лица. До боли знакомым голосом этот человек спросил:

– Ты как сюда попал?

Пребывая в некой растерянности, Ваха не сразу нашелся что сказать, а потом неуверенно проговорил:

– Видно, по божьей воле.

– Я здесь бог и царь, – рявкнул здоровяк. Остальные одобрительно дружно закивали, все с подобострастием глянули вверх, а с вершины тот же тон: – Как мы этого новичка кликать будем? – все молчат, а он продолжает: – Хе-хе, я его по команде какать и пукать приучил.

– Ха-ха-ха! – громкий, нездоровый смех.

– Может, так и назовем – чечен-какашкин?

– Меня зовут Ваха Мастаев, – все же дрожит голос новичка.

– Ты без спросу хайло не разевай, – только здоровяк говорит. – Понял, чечен-какашка?

– Сам ты говно, харя свинячья!

Наступило свинцовое молчание. Даже вентилятор, кажется, взмолился от неожиданности. А Мастаев, с негодованием подумал: «С ума сошел», отчего он в этот момент вспомнил Ленина: «...Все висит на волоске... на очереди стоят вопросы, которые решаются не совещаниями, не съездами, а исключительно борьбой вооруженных масс... Правительство колеблется. Надо добить его. Промедление смерти подобно», – с этой мыслью он сжал кулаки и почему-то вслух выдал: – ПСС, том 34, по твоей башке.

– Что ты сказал? – рев сверху.

– Что слышал, – ожидая удара со всех сторон, забежали глаза за Мастаева, и он сразу уловил, как изменились лица окружающих, даже взгляды у многих стали осмысленными.

– Э-э-а! – раздался сверху вопль. Перешагивая, расталкивая всех, здоровяк бросился вниз, прямо на новичка. Ваха резко отскочил и машинально, как в любимом футболе, нанес всего лишь один удар ногой прямо в пах.

– У-у, – взыв от боли, здоровяк скрючился на полу.

Все вскочили. Ваха думал, что его сейчас будут бить, а они, толкаясь, все бросились к выходу. Возникла давка, толчея. И уже оттуда в поверженного полетели окурки, раздался хохот, и кто-то вернулся, пнул и даже плюнул.

Одним из последних курилку покинул Ваха, и он, еще толком не соображая, двинулся по длинному, мрачному, воняющему лекарствами, хлоркой и кровью коридору в сторону света настольной лампы, чувствуя, что там выход на улицу, как его кто-то дернул за халат:

– Туда нельзя. Переступишь вон ту линию – ледяная баня.

Ваха оглянулся – перед ним высокий, уже очень пожилой человек, за огромными очками которого изможденное лицо. Он подал руку, крепко пожал:

– Одним махом нашего бога и царя свергли... Вы просто Ленин! – и пока Мастаев все еще недоуменно моргал. – Вы, товарищ, лучше возвращайтесь в свою палату.

Тут Ваха понял, что ему далеко до гения Ленина: он даже в дурдоме не смог захватить власть. И вариантов нет: надо действительно торопиться в свою палату. И он, чуть ли не убегая туда, думал, чем бы закрыть дверь, а к его удивлению, с внутренней стороны в двери торчит большой ключ.

Он запер дверь и, ожидая чего угодно, и не дай Бог вновь шприца, высидал до отбоя. Был Гимн СССР, основной свет отключили, лишь хилая дежурная лампочка над дверью, и неоновый, успокаивающий зимний свет из окна так его поманил ко сну. Даже не зная почему, он встал, отпер дверь и после этого, положившись на судьбу, вроде крепко заснул. Однако оказался начеку и слышал, как снаружи вставили ключ, возились. Потом дверь потихоньку открылась. Огромная, зловещая тень. Луч фонарика – из одной в другую руку, что-то массивное. Ваха, словно под командой света, встал. Они прилично стояли друг против друга, и лишь их учащенное дыхание выдавало напряжение противостояния.

– Ты почему дверь не запер? – совсем неожиданный вопрос, на который Ваха даже не мог ответить, а тот продолжил: – Новость знаешь?.. Гады, всех бы передушить, всех бы в ледяную баню, – и он, громко ударившись тяжестью тела о дверь, ушел. И только тогда Мастаев ощутил резкий перегар, а из коридора крик. – Ленин, дверь запри. Отбой... Это конец! Гады! Все продали, крысы.

Утром почему-то Гимна СССР не было: сразу свет и гимнастика. А потом, как некий праздник, появилась загадочно улыбающаяся Зинаида Анатольевна:

– Ну, ты революцию свершил... Лениным обозвали... А это здесь очень даже почетно. Я не встречала.

– Помогите спастись! – выпалил Ваха.

Доктора словно током прошибло, она вся подтянулась, даже как-то выше ростом стала. Но это было всего лишь мгновение. Она тяжело вздохнула, подошла к окну, и, видимо, неожиданно даже для самой себя закурила и, глядя в окно:

– Странно, никто меня об этом здесь никогда не просил, даже мой отец.

– Ваш отец? Здесь?

– Да... По злой иронии судьбы, по распределению после военно-медицинской академии я попала сюда. Правда, фамилия и биография у меня были уже другие – по линии матери.

– И вы не смогли отцу помочь?

– Нет... Мы даже боялись общаться. А он боялся выдать меня, – тут ее голос задрожал. – Он покончил с собой, – она удалилась в санузел, долго там текла вода.

Вернулась она спокойная, только воспалены глаза. А Ваха, как обычно, о том, что думал, для нее больном:

– А за что его сюда?

Зинаида Анатольевна вновь подошла к окну:

– Честный был, принципиальный. Любил родину, верил в коммунизм. Был писателем... Все книги изъяли. Даже в библиотеках нет, – она высморкалась в платок и другим, надменным тоном прочитала транспарант – «укрепление здоровья, повышение благосостояния»... тьфу, какое лицемерие, издевательство, фальшь?! Неужели это конец? Ты знаешь новость? – обернулась она к «больному». – А страны-то, СССР, уже нет.

– Как нет? – чуть не подскочил Мастаев.

– Вот так. Все тихо и просто... Вчера ночью в Беловежской пуще три богатыря капитулировали перед Западом. Расписались.

— То-то утром гимн не звучал, — вслух свою мысль высказал Ваха. — Кто бы мог в это поверить, сказать?!

— Да, — подтвердила Зинаида Анатольевна, повернулась к «больному», а Мастаев, пытаясь сквозь линзы заглянуть в ее покрасневшие глаза, тихо спросил:

— А надо мной суд будет?

— Какой суд?! — возмутилась Зинаида Анатольевна, чуть подумав: — Хотя страна и власть большевиков вроде уже не существуют... А тебе есть кому помочь? Кто повлиятельнее?

Мастаев опустил взгляд. После паузы доктор торопливо ушла. Вернулась после завтрака.

— Слушайте меня, — негромко говорила она, перейдя официально на «вы», — вы побывали в нравственно-исправительной комнате, в ледяной бане. Там все туберкулезной палочкой кишит. Мы даем вам таблетки и витамины, а вы их в унитаз.

— Как вы узнали?

— Только что там была, видела, — она украдкой посмотрела в сторону двери и почти шепотом, — после обеда для осмотра я повелу тебя в рентген-кабинет. Отлучусь на пять минут. В смежной комнате телефон, звони, куда хочешь... А это адрес и название нашего учреждения. Запомни и записку уничтожь... Все, что могу.

В поисках спасения лихорадочно заработала мысль. Первым Ваха вспомнил тех, кто его спас в прошлый раз: с Кнышем связь всегда была односторонней. Деревяко Галина. Теперь депутат Верховного Совета России, да еще вроде замужем за Русланом Дибировым. Еще подумал о президенте-генерале. Да все это бесполезные мысли, потому что он помнит многое из Лешина, а вот номера телефонов — всего три: более и дел не было.

Первым делом он позвонил матери. Она сразу по голосу поняла, что с ним что-то неладное, а Ваха врал:

— Я был простужен, еще горло побаливает, поэтому голос такой. А так, все нормально, не волнуйся, скоро приеду домой, — и Ваха сам положил трубку.

Следом он набрал родное издательство «Грозненский рабочий»: Самохвалов мог найти Кныша, либо Деревяко и прези-

денту позвонить. Но там никто не отвечал. Из отведенных пяти минут, как представлял Ваха, оставалось совсем мало, и единственный номер он помнил всегда – Мария!

На его счастье, она подняла трубку, а он, как всегда с ней, заика, даже поздороваться не может, но она догадалась:

– Ваха, что с тобой? Говори!

– 3-3-запиши адрес... Скажи Руслану и Гале Деревяко. Я... связь прервалась.

Тут же появилась Зинаида Анатольевна, натянуто-встрепоженная, бледная, с красными пятнами на шее.

– Иди в палату, – прошептала она, а он даже спасибо не сказал.

Остаток дня Ваха не находил себе покоя. Конечно, он был рад даже минутному общению. А что Мария сможет сделать? Да главное в ином. Кто-то уже знает, где он. И если это то государство, в котором он жил до сих пор, то, согласно большевистской теории, и что существеннее – практики, все под бдительным контролем, – обязательно последуют репрессии, и ладно, что с ним, Зинаиду Анатольевну из-за него накажут гораздо жестче.

К вечеру он ждал шприц и нравственно-исправительную комнату, а появилась злая, всегда хмурая сестра-хозяйка. Она то все и прояснила:

– Крутом предатели. И Горбачев, и Ельцин – все предатели, как бы про себя, говорила, исполняя свою работу. – Надо же, мало им было продать страну. Они это специально сделали на наш праздник.

– А какой праздник? – не удержался Мастаев.

– День чекиста... Все от горя напились, бдительности и контроля нет, а вы уже почувствовали свободу.

– Какая же у меня свобода? – возмутился было Мастаев.

– Тебя, дурака, бесплатно лечат, кормят, в тепле содержат. Я после тебя говно убираю, а ты, а вы все... У-у, неблагодарные скоты!! И надо же именем Ленина тебя назвать, – она презрительно ткнула веником в его сторону.

— У меня есть свое имя, — только это посмел сказать Ваха, а она еще громче:

— Молчи! Знаем мы ваши жидовские имена... Не выйдет! Паниа плебейская революция не пройдет. Мы еще поборемся, мы еще отстоим завоевания Ленина и Октября! — с этими словами она с грохотом хлопнула дверь и повернула ключ.

Не было ужина и вечерних лекарств, и Мастаев уже дрожал, понимая, что вечером начнется «нравственное лечение», как он подумал «красный террор», а оказалось, что эпицентр страстей с распадом СССР переместился, расширился, и не он один в центре внимания: совсем другой масштаб — шум перед зданием.

Оказывается, какие-то молодые и не очень люди пришли к этому учреждению и первым делом попытались сорвать красный флаг СССР и транспарант с «Основным законом» социализма. Так как мужская половина сотрудников еще пребывала по хмелю, то на защиту ленинско-большевистских ценностей вышли женщины во главе со старшей сестрой-хозяйкой, вооруженной шваброй и киркой с пожарной доски.

Противостояние было недолгим. Женский аргумент, подкрепленный матом, взял вверх, символы сорвать не удалось, да молодежь, революционно настроенная, пустила в ход какую-то горючую смесь. Шваброй и киркой «Основной закон» социализма пытались отстоять — многое сгорело, осталось только два слова: «повышение благосостояния». С этим все вроде согласились и разошлись. Вот только теперь в учреждении под руководством старшей сестры-хозяйки бунт: если утром и вечером, как и ранее, в учреждении не будет звучать Гимн СССР, то уборки не будет, больных, то есть дураков, кормить не будут, к тому же и зарплату сотрудникам уже три месяца не платят.

Реакция властей была молниеносной: это всесоюзное нервно-психиатрическое лечебное учреждение переименовали во всероссийскую «здравницу — повышения благосостояния», назначили молодого, энергичного директора, который с назначением привез не только всю задолженность по зарплате, но и премию к Новому году. Новый начальник выступил с докладом

перед всеми, в том числе и больными, объяснив это демократией, гласностью, перестройкой. А главный тезис его выступления, как понял Мастаев, был таков:

— Ура, товарищи! Ура, дамы и господа! Ура, коллеги! Советская империя рухнула! Наконец-то мы избавились от лишних территорий. Нам незачем более кормить Прибалтику, Украину с Белоруссией, всю Азию и Кавказ. Россия свободна, независима, демократична! Россия теперь принадлежит нам — либералам, патриотам, демократам!

— Товарищи! Не верьте ему! — вдруг истошно завопила старшая сестра-хозяйка. — Это предательство, обман, это провокация! Чечены и жиды хотят присвоить имя Ленина, захватить власть в стране. Нет — плебейской революции. Да — социализму, да — коммунизму! Пролетарии всех стран, соединяйтесь против воров, плембеев, эксплуататоров!

— Заткнись! — стоя возле нового руководителя, громко подав свой голос больной по кличке Бог: — Посмотрите на нее, разжирела на наших харчах, в дверь не пролазит, боится корыто потерять, вот и вопит...

— Ах, это ты на меня?! — подбоченилась сестра-хозяйка. — Свиныя ты подсадная, стукач! Что, уже проданся жидам? Чечен тебе морду набил — ты Ленина, Сталина и Дзержинского сдал.

Таких речей в этом заведении испокон века не велось. Это был бунт. Да, статус учреждения никто не менял. Поэтому для порядка появился заместитель главного врача с огромным шприцем в руках. Он угрожающе поднял свой инструмент и выпустил слегка струю в воздух — все пациенты, в том числе и Мастаев, в страхе разбежались по палатам.

— Распорядок режима не нарушать, — объявили по радио. Однако новшества пробили брешь. Впервые в истории учреждения к «больному» допустили посетителя — это помощник депутата Верховного Совета РСФСР Руслан Дибиров пришел к Мастаеву. Говорили всего две минуты, по телефону, видя друг друга через толстое стекло, и даже передачу — не брать. Зато Ваха окрылен: о нем кто-то думает, заботится, и он еще не знал, что вокруг его имени его свободы разгорается целый политический скандал.

На следующий день Зинаида Анатольевна сообщила, что ночью, свободная независимая пресса только о нем и пишет. В тот же день перед учреждением, точнее «здравницей», – политический пикет. На транспарантах: «Свободу свободной Чечне!», «Свободу журналисту Мастаеву, свободу слова, свободу прессе!», «Свободу Луису Корвалану, Чили – мы с тобой! Пиночет = Гитлер!»

...От круговорота этих событий в голове Ваха полное смятение. И тут к вечеру его с сумасшедшим криком стали звать в фойе. Он прибежал, а на экране президент-генерал Чечни пальцем всей России грозит:

– Вы незаконно задержали моего личного пресс-атташе в Москве, свободного журналиста независимой Чечни Мастаева... Мы разорвем с Москвой все дипломатические отношения. Мы арестуем всех россиян в Чечне. Мы ответим террором на террор. Мы объявим всей России войну, и вы узнаете силу и мощь чеченцев... Обращаюсь ко всем мусульманам, проживающим в Москве, превратить Москву в зону «бедствия» во имя нашей общей свободы от куфра!

– А это что такое? – обратились пациенты к Мастаеву.

– Наша здравница, – ляпнул Ваха.

– Вот молодец! Вот это президент! Нам бы такого.

Под впечатлением этого эфира, под удивленно-восторженно-завистливыми взглядами пациентов-сокамерников Ваха вернулся в палату, там ужин ждет. И он до сих пор этот ядовито-зеленый висель не пил, а тут то ли расслабился, то ли жажда, словом, сразу же за стакан. От двух-трех глотков боль в животе... Телефон упорно звонит, разрывается. Ваха с трудом открыл глаза, еще не понимая, где он, поднял трубку:

– Слушатель Мастаев? Сегодня последний день защиты. Вы, как всегда, опаздываете. Мы вас ждем.

Только теперь он понял, что это его комната в общежитии III при ЦК КПСС. Он бросился к окну. Решеток нет. За стеклом слякоть, гул Ленинградского проспекта.

Его одежда выглажена, аккуратно висит. Реферат на столе, и тут же листок, где и когда защита. И странно – чайник теплый.

«Приснился сон. Какой кошмар!» – подумал он, уже выбегая из общаги.

В киоске купил газеты, бегло просмотрел. Все правда и буднично – СССР более нет. А Мастаев – последний политзаключенный большевизма.

Толком не соображая, он вскоре дошел до главного корпуса. Погода не зимняя, грязь под ногами, но все равно всюду новогоднее настроение: елки, смех, поздравления. «Туда ли я попал?» – еще раз огляделся Ваха. Вместо ВПШ при ЦК КПСС новая вывеска – «Финансовая академия при Правительстве России», вместо красного знамени СССР незнакомый триколор и американский флаг. И тут же плакат – рубль с портретом Ленина на Земле, а доллар с Рузвельтом торжествует.

– Мастаев, Мастаев! – окликнула его секретарь-методист. Все вас ждут. Новый год на носу.

Ему было стыдно, и он, не поднимая головы, шел за ней. Она чуть ли не за руку провела его в аудиторию и посадила, а он все не смел оглянуться, а стал говорить рядом сидящий председатель:

– Ну наконец-то, наш последний слушатель явился... Я думаю, что не будем зря время терять, мы и так хорошо изучили его работу. Труд объективный, актуальный, в контексте происходящих событий. Давайте лучше слово предоставим официальным оппонентам. Пожалуйста, кто первый?

– Я знаю Мастаева по совместной работе много лет, – только сейчас, услышав знакомый голос, Ваха поднял голову – Кныш, – это последовательный демократ, либерал, ярый сторонник перестройки, гласности и свободы. Его за это даже в компартию не приняли. А сейчас он помогает президенту Чечни и впредь будет отстаивать наши интересы...

– Пожалуйста, второй оппонент, врач-профессор Божков, – объявил председатель, а Мастаев совсем обалдел – это пациент, по кличке Бог, только в цивильном костюме, в галстуке.

– Чечня – это плацдарм наших завоеваний в России и в мире. Нам в Чечне такие стойкие, грамотные и верные люди, как Мастаев, нужны.

Потом были прения, принимали почему-то итоговую резолюцию, и тут возникли небольшие разногласия.

— Господа, коллеги, — не сдавался один ученый. — Нечего нам хотя бы сейчас этих неимущих бояться. Поэтому я настаиваю, что надо вместо слов «повышение благосостояния граждан России» прямо написать «повышение нашего благосостояния». И пусть каждый понимает как хочет. Я думаю, это верно, это по-ленински. Мы, как и Ленин, без единого выстрела захватили власть. Отстоять завоевание — тоже не легкая задача.

— Чечня нам поможет, — выкрикнул кто-то.

— Да, чеченцы — маленький, но очень гордый народ!

— А как оценим Мастаева?

— Ну, конечно, отлично! Отлично!.. Первый выпускник философской академии, ура!

Все стали Ваху поздравлять. И тут Галина Деревяко с цветами:

— Ты останешься на Новый год в Москве?

— Помоги улететь, — попросил Ваха.

* * *

То, что Ваха вернулся в Грозный живой и здоровый, конечно же не могло не радовать родных. Вместе с тем все были как-то встревожены, а дед Нажа говорил:

— В этой стране все может быть, и от нас мало что зависит. Да, как ни странно, был бы выбор — лучше суд, хотя бы советский, срок, после которого ты вроде бы реабилитирован, так сказать, за «заслуженное» отсидел. А вот психушка — это пожизненный приговор, словно диагноз. Теперь докажи, что все это не так, — он печально, с каким-то старческим свистом вздохнул и, как бы успокаивая внука, постарался улыбнуться. — А вообще-то в стране дураков иногда и выгодно дурачком прикинуться.

Ваха молчал. Ему казалось, что и родным теперь и вправду иногда будет доказывать, что, действительно, не дурак. И в обще-

стве, однозначно, будут кривотолки. Его на достойную работу более не возьмут. А мать сказала:

– На доме вновь написано – «Дом проблем». По-моему, по походке, в темноте тень Кныша за угол прошмыгнула.

– Небось, опять выборы, – уже и дед знает местную закономерность.

– Слава богу, хотя бы сейчас они оставят меня в покое, пытаюсь выразить удовлетворение, сказал Ваха, и тут звонок.

– Мастаев? – все тот же приказывающий голос. – Срочно в президентский дворец – выборы.

– Какие выборы? Новый год.

– Какой «Новый год»? Это у христиан. А мы живем в мусульманской стране, и наш «Новый год» еще впереди.

– Я более в ваших выборах не участвую, – не может скрыть раздражения Мастаев.

– Как это не участвуете? А для чего вас вытащили из пещеры?

Если бы не родные рядом, Ваха стал бы материться, а так, догадался трубку положить.

– Ваха, делай, что они велют, – посоветовал дед.

– Да-да, не перечь им, – взмолилась мать. И в это время вновь звонок, на сей раз она подошла к аппарату и через мгновение, прикрывая трубку, прошептала: – Это Кныш... Тебя.

...Москва – вроде бы столица только что развалившейся империи СССР, а готовились там праздновать Новый год как ни в чем не бывало, с размахом. А вот Чечня, казалось бы, получила наконец-то независимость – никакого праздничного ажиотажа: в новогоднюю ночь в Грозном тихо; последний трамвай с разбитыми стеклами торопится в парк; на некоторых улицах уже нет освещения, совсем мало машин; в подворотне пьяные возгласы. И все же перед президентским дворцом елку поставили. А она то горит, то надолго меркнет. И тогда вид какой-то безобразной несуразицы в центре площади, несколько неугомонных теней, детский плач и вспышка фотоаппарата, словно вот-вот разразится гроза.

В огромном Президентском дворце холодно, пыль, грязь, сквозняк, хмурые, обросшие вооруженные люди. Лифты не работают, но Мастаева провели по каким-то мрачным коридорам, где оказалась еще одна потайная шахта, и этот лифт доставил прямо в приемную президента. Вот где светло, чисто, тепло и праздничная обстановка и атмосфера: маленькая елка сверкает, всюду игрушки, аромат. А про него словно забыли. Уже наступил Новый год, за стеной восторженные крики, заразительный женский смех, перекрывающий праздничную телетрансляцию из Москвы.

Еще прошло немало времени, и Мастаев уже задремал на диване, как его толкнули в плечо. Он вскочил и сквозь закрывающуюся дверь успел заметить обильно накрытый, большой стол и двух советских, раскрасневшихся генералов за ним. А перед ним, тоже в форме, президент-генерал свободной Чечни и Кныш со значком «Россия» на лацкане, в руках — полная рюмка коньяку.

— Выпьешь? — предложил Митрофан Аполлонович и, увидя решительный отказ, сказав «С Новым годом!», сам залпом выпил. Только после этого он подал руку и, чуть погодя, по-свойски притянул Ваху, целуя в щеку, обдавая запахами спиртного и табака: — Нравишься ты мне — настоящий джигит, — представил он Ваху президенту.

Генерал весьма сухо протянул руку. На такое приветствие и поздравление Мастаева ответил лишь кивком.

— У нас выборы, — перешел сразу к делу Кныш. — В Верховный совет...

— В парламент, — перебил президент.

— Да-да, в парламент, — согласился Кныш. — Ты, как обычно, председатель центризбиркома.

— Почему я? — Ваха не возмущен, а, наверное, впервые даже рад — его еще признают.

— Я тебе на это уже не раз отвечал — коней на переправе не меняют. А дело торопит — свободной Чечне нужен демократический, законно избранный парламент.

– А «протокол» готов? – о главном спросил председатель избиркома.

– Об этом поговорим позже, – ответил Кныш. – А сейчас, вот эти новые положения изучи и выполни все предписания. Все срочно, – выпроваживали Мастаева, потому что из соседней комнаты пьяно-приказной бас на русском звал к столу президента-генерала.

Лишь проснувшись на следующее утро, Ваха ознакомился с «новыми» положениями выборов в Чечне – оказалось, это «Закон о выборах в СССР» 1936 года издания под редакцией Сталина. А предписание одно – срочно явиться в Исламский университет (так и написано – бывшее здание Дома политпросвещения) в религиозно-революционную комиссию по назначению кадров.

Дом политпросвещения просто не узнать: все захламлено, отопления нет или из-за выбитых стекол холодно. В фойе много плакатов арабской вязью, смысла которой многие, как и Мастаев, не понимают. А вот барельеф Ленина сохранился, правда, рядом вместо портрета генсека ЦК КПСС повесили нового президента-генерала в советской форме.

Религиозно-революционная комиссия располагалась там, где ранее было «Общество «Знание». Видимо, поэтому трое обросших, очень смуглых, даже не похожих на чеченцев, важно сидящих за столом молодых людей сразу начали экзаменовать Мастаева:

– Молишься ли? Сколько раз? Как? Прочитай вслух молитву и все покажи.

– Молятся не перед вами, а перед Богом, – резок тон Вахи.

– Мы уполномочены Им и нашим президентом-генералом.

– Не много ли на себя взвалили? Не надорваться бы вам.

– Он, действительно, дурак, – переглянулись члены комиссии.

– Зато нам повезло с уполномоченными, – усмехнулся Мастаев и уже уходил, как вслед услышал:

– Ты не аттестован! Вот болван!

— Да пошли вы, — еще пытался Ваха сохранить хладнокровие, да вот члены комиссии такого отношения вынести не смогли. Тот, кто первым попытался его за локоть одернуть, ощутил всю мощь правой ноги Мастаева. Правда, более драки не было: на шум бежалось много народу, разнимали, огорошенного Ваху оттесняли к выходу, а главный устаз¹ университета успокаивал:

— У него справка дурдома в кармане. К таким и Бог милостив, и нам велел терпеть.

— Не аттестован! Он не будет в республике работать, даже жить! — вынесли вердикт члены комиссии.

В это время Ваха уже стоял под любимой березкой, с неким вызовом курил, думая, что его избиркомовской эпопее наконец-то пришел конец. Он решил, что прямо сейчас вместе с дедом уедет в любимые горы, мечтал о восхождениях, об уединении, жаждал скорее увидеть непокорные снежные вершины. Он уже попрощался с матерью, когда смуглый, небритый, вооруженный юнец не то что без стука, а по-хозяйски вломился и грубо сунул ему пакет: «Председателю Центризбиркома Мастаеву В.Г. Тов. Мастаев! Срочно явитесь в Президентский дворец. Религ-револ. комиссия Вас аттестовала. Президент-генерал Вас утердил. Выборы на носу. С комприветом Кныш».

Мастаев считает, что одна из причин развала СССР — очень низкая трудовая дисциплина. А вот в свободной Чечне — почти анархия: президент-генерал на совещании, транслируемом по телевизору, назвал всех милиционеров «кьотамаш»², и только двое (это не показали) открыто выразили протест. Теперь все сотрудники правопорядка республики почти что никто, на улицах хаос, так что даже на красный свет светофора мало кто обращает внимание. Однако Ваха, как всегда пунктуален. К вечеру он в президентском дворце. Тут же Кныш, разводит руками.

— Президент обещал к шести быть на службе.

¹ Устаз (араб.) — учитель.

² Кьотамаш (чеч.) — курицы.

— Разболталось все, — как обычно, что на уме ляпнул Мастаев.

— Да, рыба гниет с головы, — горестно вздохнул Кныш и куда-то удалился. А Ваха не один час, а целых шесть провел в приемной, отдавая честь вызову президента, и только в полночь состоялась встреча. Речь шла о главном — об «итоговом протоколе» выборов в парламент.

— Это все чекисты-стукачи. Все их «личные дела» у меня после захвата КГБ, — говорил президент-генерал, небрежно бросая на стол протокол.

— Ну и хорошо, — защищал список Кныш. — Ведь они все под контролем, будут вашу волю исполнять.

— Не надо! Ваши люди мою волю не исполнят!

— Их надо трудоустроить, содержать, на поводке держать.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся генерал. — А за что их содержать?

— За службу... Кто вас к власти привел?

— Тогда всех в тюрьму, — там и трудоустроим, и будем содержать, и будут на поводке.

— Не-не, — возразил Кныш. — Это не демократия. Нас мир не поймет. Лучше в парламент, и гавкать не будут.

— Слушайте, Митрофан Аполлонович, — президент сел в свое кресло, как на трон. — Вы человек военный, а что вы так о чекистах печетесь?

— Я на госслужбе, впрочем, как и вы, — лицо президента не кривилось, а Кныш искоса глянул на Мастаева и после большой паузы виновато к президенту: — Позвольте я закурю?

— Травись и нас трави, — выдал хмуро президент, — и так кругом отрава.

— Ну, не скажите, вы живете как король, — Кныш осмотрелся. — Вот чего у вас нет — спичек и пепельницы.

— Принеси, — приказал хозяин одному из охранников, которые всегда при нем.

— Кури, — Кныш предложил сигарету Мастаеву. Ваха при президенте, точнее старшем, курить отказался. А эта пауза, как трубка мира, нашла компромисс. «Итоговый протокол» выборов в парламент Чечни был до утра составлен: половина доку-

титов от Кныша, то есть по предложению Москвы или Кремля; половину внес сам президент-генерал.

Как и ранее, а сейчас по прямому указанию Кныша, председатель Центризбиркома подготовил два варианта. Первый был уже известен, после так называемых выборов – утвержден. А второй, реальный, где Мастаев отметил кроме прочего, что в выборах участвовало всего лишь двенадцать процентов населения; выборы, безальтернативные, не демократичные, с нарушением многих и многих процедур. Словом, не действительны. Этот протокол был в двух экземплярах. Кныш свой сразу же спрятал в портфель. А президент небрежно скомкал, выбросил в урну, на что Кныш прошептал Вахе:

– С таким отношением к документам государства не построить... Да он и не хочет, другие цель и задача.

– Какие? – заинтересовался Ваха.

– Не знаю, – ушел Кныш от ответа.

Вечером у него был рейс на Москву, и он опять простался с Мастаевым, будто навсегда. А Мастаев о своем:

– Кто мне за работу заплатит?

– Как «кто»? Выборы состоялись в независимой Чечне, у вас есть президент, парламент, свой бюджет. Обратись к президенту.

Так Ваха и хотел поступить, но его даже в президентский дворец не пустили. Тогда он пошел в издательство «Грозненский рабочий». Самохвалов на работу брал, даже свое место директора ему уступал, а вот зарплаты уже много месяцев нет. Оказывается, пресса независимой Чечне не нужна. Правда, газета «Свобода» еще есть, но там другой главный редактор, и в этой газете только официальная хроника и лишь бравая жизнь президента-генерала и его жены, прекрасной художницы-портретисты, матери, кулинару: она не чеченка, а прекрасно готовит национальные блюда.

В газете «Свобода» и зарплату платят, и гонорары есть. И Ваху за прошлые заслуги и как известную личность хотели пригласить, но ему такая религиозно-прокоммунистическая пресса, которая оболванивает народ, не нужна. Зато

деньги – вечная его проблема, очень нужны: дело в том, что сын Вахи, Макаж, болен, врачей в республике почти не осталось, надо ребенка везти в Москву.

Вот когда Ваха вновь поспешил на «биржу» труда. Три дня он без толку простоял на морозе, теперь узнал, что такое безработица. Безработных – тьма, работы – тоже немало. Однако за этот труд государство или ЖКХ платят копейки, так что ни на что, даже на хлеб – не заработаешь. Вот и простоял Ваха у костра, в толпе, на митинге три дня – достойной по плате работы нет. Не только от холода, а более от тяжелых дум ночами не спится – сын больной. Ему стало плохо: температура, озноб, аппетит пропал. И надо же, в это самое время к нему с «биржи» пришли. В Грозном, кажется, ничего грандиозного не строят, а тут потребовался опытный крановщик – вспомнили о Мастаеве.

Обещанная оплата – под стать объекту – грандиозна. Кто хозяин стройки – тщательно скрывают, да появилась первая леди. Все стало ясно. А супруга президента во всем талант, она даже Мастаеву подсказывает, как тяжести правильно поднимать, словом, командует.

«Ну и черт с вами, – думает Ваха, – каждому, как говорится, свое». А он своей работой доволен: кран современный, мощный; в кабине чисто, тепло, даже хворь от любимого пролетарского дела куда-то исчезла. А тут, прямо во время обеда, приехал хозяин.

Ваха от президента все лицо свое прятал, боялся, вдруг узнает – стыд. А генерал по-простецки подошел к столу и, глядя на стройку, неожиданно заявил:

– Зря, зря строите.

– Вы мне за газету не заплатили, – резко вскочил Ваха. – Вы мне за выборы не заплатили, и сейчас хотите, чтобы я бесплатно работал?

– Мастаев?! – удивился генерал. – Ты как бес – вездесущ, более не проронив ни слова, хозяин в сопровождении многочисленной охраны двинулся к машине. Кортёж резко укатил. После обеда прораб попросил Ваху покинуть объект.

Он даже матери не сказал, что и эту работу потерял. Был на грани отчаяния. Они с матерью впроголодь проживут – не впервой. И они никогда не страдали, что денег нет, за бесплатно почти всю жизнь работают и тем не менее ущербными себя не ощущают либо не хотят ощущать. Да тут иная ситуация: больной сын, маленький, его родной человек, которого он почти не видел, но знает, что есть, любит, скучает.

– Неужели я не в состоянии помочь своему ребенку? Какой я после этого мужчина? – мучаясь бессонницей, он все ворочился на своем продавленном диване, как посреди ночи зазвонил телефон. Отчего-то Ваха с надеждой схватил трубку – Кныш:

– Что, и со стройки тебя поперли? – кажется, навеселе. – Ну ничего, Мастаев, мы тебя не бросим...

– У меня сын болен, помогите, – выпалил, перебивая, Ваха. В трубке долгая пауза, только слышно, как Кныш шумно дышит, может, курит, а потом совсем иной тон:

– Да, дети – это святое... Об этом завтра, а сейчас... Ты не против стать спецкором в Чечне?

– Тоже бесплатно?

– Нет, завтра будет звонок, – тут связь оборвалась, телефон замолчал.

Весь следующий день Ваха не выходил из дома, каждые десять минут поднимал трубку – тишина. Мастаевы уже ложиться спать, когда раздался грубый стук в дверь.

– Мастаев? Срочно явиться к президенту, – это посыльный, как и прежние, низкий, бородатый, сказал и исчез в темноте.

Вновь к полночи Ваха попал в Президентский дворец. На сей раз его ожидали. Спецлифт, приемная, и его сразу же повели в кабинет.

На всем этаже никто курить не смеет, а краснощекий русский генерал, развалившись на диване, дымит сигарой. Перед ним красивая бутылка, аромат коньяка.

– Ты Мастаев? – гость тяжело встал. – Просили лично в руки, – он передал Вахе довольно увесистый конверт.

— Свободен! — указал президент-генерал замешкавшемуся Мастаеву и, когда уже выходил, на плохом чеченском: — Промедлил русским.

Ваха застыл, повернул голову и, чуть ли не шипя на чеченском:

— В-в-в т-твоем кабинете продавец, то ли твой командир.

Ваха думал, что до чуланчика не дойдет, — добежал. Только запер дверь, сразу распечатал послание. То, что в свертке были деньги, и, судя по объему, не малые, Ваха понял сразу. Однако он первым делом стал читать письмо:

«18.02.1992 г. Спецкору Мастаеву В.Г. Тов. Мастаев, за прошлые труды Вам причитается. Плюс аванс. Как корреспондент, подготовьте, пожалуйста, статью о ситуации в Чеченской Республике. Материал передайте через Самохвалова.

Насчет ребенка. Договорился в Центре матери и ребенка в Москве. Связь через Галину Деревяко и ее мужа Руслана Дибирова. Приезжайте... Письмо уничтожьте. С комприветом Кныш».

Письмо Ваха сжег во дворе. Только после этого он пересчитал деньги: бумажек очень много, да, учитывая инфляцию, его прошлый труд оценили весьма скромно. И нельзя сказать, что ныне он не «неимуший». Тем не менее он очень благодарен Кнышу — это спасение! Посему он на следующий день приступает к статье «О ситуации в ЧР» и делает это весьма своеобразно. Вот отрывки его материалов:

Указ

Президента Чеченской Республики

2.01.1992 г.

№ 1

г. Грозный

Правительство России, воспользовавшись развалом СССР, односторонне присвоило себе монопольное право распоряжаться несметными богатствами, созданными трудом многих поколений народов бывшего Союза, в том числе чеченского народа.

Эгоистические цели российского руководства видны всюду: в его отношении к активам Внешэкономбанка СССР, Гос-

банка СССР, в стремлении прибрать к рукам денежную систему и таким образом установить экономический диктат над суверенными республиками.

Еще одним проявлением антинародной сущности экономической программы российского руководства является намеренная им либерализация цен, осуществляемая произвольно, без полного учета особенностей и интересов разных республик и даже без согласования с ними.

В связи с нецелесообразностью на данном этапе проводить рассогласованную ценовую политику постановляю:

Ответственность за социально-экономические последствия либерализации цен в Чеченской Республике возложить полностью на правительство России.

Указ

Президента Чеченской Республики

8.01.1992 г.

№ 5

г. Грозный

В связи с имеющимися фактами незаконного захвата административных зданий и помещений, принадлежащих или занимаемых государственными или общественными органами и организациями республики, постановляю:

Признать незаконным захват зданий и помещений, произведенный после 27.10.1991 г. без согласования с Президентом ЧР.
(Если согласовано — законно).

Указ

Президента Чеченской Республики

8.01.1992 г.

№ 6

г. Грозный

В последнее время участились случаи попыток вмешательства отдельных лиц и представителей общественных и религиозных формирований в деятельность народных судов и органов внутренних дел, имеют место многочисленные факты уклонения граждан и должностных лиц от явки по вызовам в судебные органы, оказания сопротивления и создания препятствий при исполнении судебных решений и приговоров.

Впредь до изменения законодательных актов, регулирующих деятельность судов и органов внутренних дел Чеченской Республики, постановляю:

Признать незаконными любые попытки вмешательства в деятельность судов и органов МВД.

Распоряжение

Президента Чеченской Республики

21.01.1992 г.

№ 7

г. Грозный

Выделить фирме «Искусство Кавказа» при Союзе художников ЧР 150 тысяч рублей для закупки картин у художников за счет превышения доходов над расходами, образовавшегося по республиканскому бюджету ЧР на 1.01.1992 г.

Указ

Президента Чеченской Республики

9.02.1992 г.

№ 24

г. Грозный

В соответствии с Постановлением Парламента Чеченской Республики «О наделении Президента ЧР чрезвычайными полномочиями» постановляю:

1. Все воинские формирования, находящиеся на территории ЧР, независимо от подчиненности, привести в состояние повышенной боевой готовности.

2. Военному комиссару республики призвать на службу военнослужащих запаса (участников войны в Афганистане, пограничников, десантников, спецназовцев).

3. С 11.02.1992 г. с 22.00 до 06.00 по местному времени на территории г. Грозного ввести комендантский час.

Указ

Президента Чеченской Республики

7.04.1992 г.

№ 65

г. Грозный

«О наложении вето на Постановление Парламента Чеченской Республики от 31.03.1992 г. «О создании министерства безопасности ЧР и преобразовании МВД в службу внутренних дел ЧР».

Указ

Президента Чеченской Республики

8.04.1992 г.

№ 66

г. Грозный

О наложении вето на Постановление Парламента Чеченской Республики «об отмене Указа Президента ЧР» от 10.02.1992 г., «О создании службы национальной безопасности при Президенте Чеченской Республики».

* * *

Мастаев понимал, что этот материал никак не тянет на добротную журналистику. Да он и не журналист, журналистику не изучал. Зато, как он считал, во главе угла всегда должны быть первоисточники, а субъективные выводы пусть каждый делает сам. Словом, после того как он отдал эти две-три странички Самохвалову, Ваха решил, что полученный гонорар отработал. С этими деньгами он поспешил в больницу, где лежал его сын, и по пути впервые в жизни стал испытывать новое, странное чувство – он добытчик, он кормилец, он отец. Сам безотцовщина, только теперь он понял, сколько в жизни недополучил – «неимущий», и это не деньгами измеряется... Зато его сын получит все, все! Он так был в этом уверен, видимо, так горели его глаза, и он почти летел орлом, что его сразу пропустили прямо в палату. А там он явно сник: его бывшая теща ухаживает за бледным, спящим под капельницей сыном. И она говорит только то, что есть:

– Кругом развал... Все за деньги. А наша зарплата – гроши... Айна в филармонии, к концерту готовится. Ведь надо как-то жить. Почему-то не смог он бывшей теще деньги отдать, пошел в филармонию, благо рядом.

В огромном темном фойе маленький островок жизни. Под абажуром тусклой лампы, словно всю жизнь здесь сидит, русская бабулька в изношенной кроличьей шубе, в варежках, на спицах вяжет.

– Вам Айна нужна? – по всему видно, очень деликатная дежурная. – Пройдите, пожалуйста, в зал, они репетируют.

В зале тоже холодно, темно, лишь сцена двумя лучами ос-

вещена: Мария за роялем, рядом его бывшая жена Айна со скрипкой, обе в пальто, что-то незнакомое исполняют:

– Стоп! Стоп! – оказывается, тут же, в первом ряду, сидит мама Марии. – Айна, ты опять запаздываешь.

– Руки замерзли.

– Давайте, еще раз, с третьей строки, – хлопнула в ладоши концертмейстер, а исполнительницы будто примерзли, устали в зал, туда же оглянулась Виктория Оттовна. Мастаев, как вкопанный, в проходе стоит. – Десять минут перерыв, – вновь хлопнула Виктория Оттовна.

Айна демонстративно ушла за кулисы. Как-то низко склонив голову, словно не желая видеть мир, тихо что-то грустное стала наигрывать Мария. А Ваха все стоит, не зная, идти ему за Айной или нет. Его выручила вышедшая навстречу старшая Дибирова.

– Я провожу тебя к Айне. Идем.

– Не надо, – вырвалось у Мастаева. – Вот, передайте ей деньги на лечение сына.

– Да, слышала, ты в Москву пробил направление сыну. Молодец. Как раз на дорогу средств не было. Я пойду к ней, взяв сверток, отбивая в пустом зале четкий, звонкий шаг, Виктория Оттовна тоже пошла за кулисы, а Ваха, вместо того чтобы уйти, бросился на сцену, уперся в рояль. Мария явно испугалась, вскочила. А он то ли просяще, то ли приказно:

– Сыграй что-нибудь, настоящее.

Мария неуверенно, очень медленно и как-то осторожно села за рояль, ее тонкие, посиневшие, почти прозрачные пальчики дрожали, словно боясь соприкоснуться с клавишами:

– Что сыграть? – только сейчас она прямо посмотрела на него, а он выпалил:

– Мария, я люблю тебя!

– Ты сумасшедший, – опрокинув стул, Мария убежала. И тут ее мать:

– Ваха, позволь я тебя провожу, – спасла она Мастаева. И только у выхода заговорила: – Айна и Мария – подруги, коллеги. И я считаю, что Мария должна возвратиться к мужу. Баасны этого тоже хотят.

– Все в разводе, – пытался возразить Ваха.

– У вас с Айной сын, – твердо сказала Дибирова. – К тому же большой сын. Заботься о семье. Про Марию забудь. До свидания.

В весьма удрученном состоянии вернулся Ваха в чуланчик. Ночью он почувствовал себя очень плохо: опять температура, кашель, противный кашель. Баппа даже вызвала «скорую»:

– Простыл, вирус гриппа гуляет, – поставил диагноз подвыпивший доктор, выписывая кучу лекарств. – А главное, в какое время живем? Безработица, инфляция, революция – стрессы. А ведь все болезни от нервов, вам надо отдохнуть.

– Да, – поддержала это решение мать. Как полегчает, Ваха собирался уехать в горы, а на следующее утро появился Самохвалов:

– Вот, знакомый врач из военного госпиталя просил тебе передать. Бандероль от Кныша.

Мастаевых поразило внимание, оказанное маленькому Маджугу – именное направление в московскую клинику, и даже дата рождения указана точно. Более того, тут же деньги на поездку. И еще деньги – зарплата Мастаева и какие-то командировочные журналиста, и совсем короткое письмо:

«Мастаев В.Г. Ваш материал, как всегда, интересен. Но где же Ваши знаменитые комментарии (к примеру, в реферате, подготовленном в ВПШ, вы дали совсем неожиданное заключение, что В.И. Ленин – великий полководец). Хотелось бы, и на сей раз получить от вас хотя бы лаконичные выводы, замечания, прогноз. С комприветом Кныш».

Прочитав письмо, Ваха первым делом вспомнил, что после своих так называемых «выводов и предложений», или «комментариев», он подвергается репрессиям. А потом вспомнил о сыне, что он сим, действительно, неимуций, значит, легко управляем. И почему бы свое мнение не высказать: Советского Союза нет, КГБ нет, ЦК КПСС нет, лишь компривет Кныша остался. К тому же он теперь среди своих соплеменников, и они, чеченцы, не сегодня взялись бороться за свободу – они и раньше были свободны, никого не прижимали, и в чеченском обществе вроде никогда не было ни князей, ни рабов – все равны. И правду, то есть мужское слово сказать обязаны, посему короткий комментарий о ситуации в Чечне:

1. У моей матери, рабочей, – уборщицы «Образцового дома», зарплата – гроши. И ее уже пять месяцев (с начала революции не платят). А если и выдадут, то это раз на базар пойти, а прилавки так называемых «государственных» магазинов пусты. Между тем президент-генерал мудро поступил: в своем Указе (№ 31 от 2.01.1992 г.) всю «ответственность за социально-экономические последствия либерализации цен в ЧР возложил полностью на Правительство России».

2. Чеченская Республика находится на грани анархии и беспредела. Все, кто с оружием, посильнее и понаглее, захватывают любые административные здания и сооружения. Как отмечает президент-генерал в своем указе (№ 5 от 8.01.1992 г.), это самоуправство должно регулироваться не законодательными актами, а «согласованием» с ним.

3. Сегодня в Чеченской Республике царит правовой нигилизм. Это отмечено даже в Указе президента-генерала (№ 6 от 8.01.1992 г.), что, мол, есть «случаи вмешательства отдельных лиц и даже религиозных формирований в деятельность судов и органов МВД».

По этому Указу возникает минимум два вопроса. Эти «случаи» президент-генерал «признает незаконными», однако он не призывает эти действия пресекать и виновных наказывать по закону (просто журит). И второе, более существенное. Что значит «религиозное формирование». Формирование – это воинское подразделение, а «религиозное формирование» – не попадает ли «крестовыми походами»?

4. Все-таки в республике есть и положительные моменты. Оказывается, доходы республиканского бюджета больше, чем расходы (это следует из Указа № 7 от 21.01.1992 г.). И этот доход идет не на какую-то нищенскую зарплату уборщицы, а на очень высокое – фирма «Искусство Кавказа» при Союзе художников ЧР. 150 тысяч!.. А почему покупают картины не у художников, а через фирму. И вообще, что это за художники, если их картины покупают по Указу, за счет бюджета? А с другой стороны, нашему обществу не до искусства, а искусству помогать надо. Вот только еще один вопрос: куда денет столько картин фирма – и

национальный музей, в школы и сады или перепродаст?.. Тем не менее очень хороший Указ! Побольше бы таких.

5. Увы! Президенту не до искусства. Отечество в опасности! Парламент ЧР наделяет президента-генерала «чрезвычайными полномочиями», — по Указу (№ 24 от 9.02.1992 г.) в Грозном комендантский час, повышенная боеготовность, всеобщий призыв (призыв к войне?! Злостное зло!).

6. Нет, нет! Не все так плохо в нашем королевстве. Речь идет не о «религиозных формированиях», а о подлинной вере. Чего стоит Указ № 53 от 12.03.1992 г. «О передаче зданий католического собора и синагоги верующим». Вот только вопрос — никто не знает, где находится или находился католический собор в Грозном. А были ли католики в Грозном хотя бы в период СССР? Сейчас их точно нет, разве что пара-тройка иностранных журналистов, в поисках экзотики приезжающих в Чечню. А что касается синагоги, то это историческое полуразрушенное здание на улице Московской огорожено и есть некая видимость реставрационных работ. Вот только грозненские евреи почти все выехали, выезжают. Может, бегут с «тонущего корабля»?

Тут возникает еще один вопрос: а почему не идет речь о восстановлении и строительстве православных и мусульманских храмов и мечетей? А есть ли вообще какое-либо строительство в Грозном? Мне посчастливилось недавно обозреть город с высоты башенного крана при строительстве одного частного дома. Других башенных кранов над Грозным я не увидел. Это страшный признак, плохой знак или приговор. И так получилось, что к единственному крану, на котором я работал, может, по случайности подъехал президент-генерал, и он единственное, что сказал: «Зря строите, зря». В тот же день меня со стройки уволили. И этот кран стал.

И все же не все так печально! Богата наша республика хорошими людьми и недрами (открыто фонтанирует нефть), что подтверждается следующим:

Указ

Президента Чеченской Республики

10.03.1992 г.

№ 40

г. Грозный

«О поощрении работников, особо отличившихся при лик-

видации открытого газонефтяного фонтана на скважине № 1 «Петропавловская».

Видимо, это так называемое общенародное богатство справедливо поделить не могут, поэтому между президентом и полупрезидентским парламентом возникли острые противоречия. Президент-генерал своими Указами накладывает «вето» на Постановление парламента. В открытую о дележе богатств недр не говорит, но идет упорная борьба за влияние на силовые структуры. Если победит президент-генерал, то есть вероятность диктатуры военно-религиозных формирований. И самое интересное, что в этом противостоянии роль арбитра (или надсмотрщика) играет Москва (или Кремль) и ночные визитеры-военные, которые общаются только с коллегой-президентом, а не с парламентом. Словом, экономика и социальная сфера чахнут, зато политика вскипает.

* * *

Президент-генерал Чеченской Республики – военный, только этому обучен, наверное, поэтому в его указах господствует не социальная, а военная риторика. И все же чеченцам повезло, что президент не танкист, тем более не пехотинец, а летчик. Вот какая сфера получила в республике развитие – появились свой авиапарк и какие-то привлекательные для челноков рейсы: в Турцию, Эмираты, Пакистан. А вот в Москву из-за блокады со стороны России гражданские рейсы отменены, зато военные аэродромы функционируют в прежнем режиме (сам президент постоянно куда-то летает). А Мастаев понимает, что только военным бортом из Москвы так быстро могло прийти сообщение: «Сов. секретно! Лично в руки Мастаеву В.Г. Ваш «почерк» не изменился. Ваше видение ситуации – оригинально, во многом достоверно. Однако это даже в сегодняшней либерально-демократической Москве опубликовать небезопасно. Так что будь осторожен. Благодарю! Гонорар ты заработал. С комприветом Кныш».

Ваха только перечитал письмо и пересчитывал «гонорар», как испугал телефон – вдруг заработал:

Мастаев?! – уже знакомый противно-командный женский голос из приемной президента. – Срочно явись! Немедленно!

То, что вызвали в полночь, не было необычным. Странно, что телефон на один звонок заработал, а потом вновь отключился. И ночной Грозный совсем пустынный, не жилой, не живой, даже редкая машина не проедет. И все равно весна, уже чувствуется аромат цветения, и звезды ближе, ярче, словно тоже зацвели. И ветерок теплый, ближе к Сунже сырой, так что запахло тиной. И почему-то Никита хотел, пройдя мимо президентского дворца, дойти до набережной, посмотреть на половодье. Но его окликнули, видно, ждали, исподтишка чем-то тяжелым оглушили. Когда выкручивали руки, он вроде пришел в себя, да было поздно – вновь удар.

Теорию марксистско-ленинской диалектики Мастаев изучил вроде бы неплохо, а теперь и практику предстояло познавать, потому на сей раз изолировали его в подвальное помещение.

– Выпустите меня из тюрьмы, – требует он, – это не восемнадцатый и не тридцать седьмой год, и СССР уже нет, и коммунистов уже нет.

– Как это нет? – негодует исполняющий обязанности министра внутренних дел Асад Якубов, который ведет допрос. – Я, как и наш президент, коммунист и партбилет из кармана не выкладывал, горжусь им, а тебя, шпиона, – уничтожим. Говори все! Предатель, стукач!

– Я не предатель и не стукач, – огрызается Мастаев.

Его не пытали, не били, только вот наказали: посадили в камеру, где алкоголики, бомжи и наркоманы, и так тесно, что не только лечь, даже сесть места нет. Это продолжалось трое суток, а потом Ваху перевели в отдельную, чистую камеру. Никаких допросов, передачи от матери принимают не ограничено, а по вечерам он даже вместе с охраной телевизор смотрит, словом, вольный-невольный. Но с каждым днем он чувствует себя все хуже и хуже, и его перевели в местный лазарет, где опытный врач лекарствами сбил температуру и, вновь и вновь осматривая глазницы, рот, печально выдал:

– Что-то не то. Надо бы анализы сделать, но у меня нет ре-

активов, даже лаборантки нет, зарплаты нет. Вот выйдешь на свободу и сразу в тубдиспансер.

Последнее Ваха пропустил мимо ушей, потому что до этого уже кличут свободу. Так это и случилось. В тот же день Мастаева повели на верхние, наземные, светлые этажи и прямо в кабинет министра:

– Фу, как ты провонялся, – кривит лицо Якубов. – Впрочем, голодранцам этот запах присущ.

– Сам ты говно, – как свет в окне, чисто сказал Ваха.

– Что?! – сузились губы и глаза Якубова, видно, как дрожат его кулаки. С трудом переборов себя, он грузно сел в начальственное кресло, нервно закурил и исподлобья, сквозь дым, процедил: – Да, дорвались плебеи до власти.

– Это ты о себе?

Разъяренный Якубов подскочил к соседу и, водя окурком у носа, злобно заговорил:

– Президент тебя почему-то оберегает, приказал пальцем не трогать, – он сбил пепел ему на голову. В это время зазвонил телефон, видимо, большой начальник: министр чуть не бегом вернулся к столу. – Есть, есть, есть! – на все готов Якубов. Трубку положил, снова буквально упал в свое кресло, как-то тупо уставившись на Мастаева: – Что они в тебе нашли? Законченный дурак – председатель избиркома.

– Опять выборы?

– Президент разогнал парламент. Теперь из Москвы приказ: избирай новый парламент. Наш президент против, – министр вновь уперся взглядом в Мастаева. – Слушай, Ваха, – его голос явно стал мягче. – Ты как-никак вращаешься в этих высоких кругах. И хоть числишься дураком, а все знаешь. Вот скажи мне, как это получается: днем президент клеймит Россию, а ночью у него из Москвы генералы и твой Кныш, и твоя Деревяко – депутат – у него в почетных гостях.

– Не знаю, – пожал плечами Ваха.

– А я знаю... Деньгами, большими деньгами там пахнет. Но ты, Мастаев, на меня зла не держи. Вот по этой бумажке я тебя арестовал. – Ваха читает по-ленински выверенный текст.

«Аресты имеют исключительно большую важность, должны быть произведены с большей энергией. Мастаева задержать. Президент-генерал». – А вот по этой выпускаю, – Якубов показал следующую записку: «Немедленно выпустить из тюрьмы всех арестованных по политическим делам. P.S. Одного лишь Мастаева. Президент-генерал». – Ты свободен.

Вышел Ваха из здания МВД – обалдел: тут толпа людей, в том числе и иностранных корреспондентов, у них плакаты: «Свободу Мастаеву!», «Мы за свободную, демократическую Чечню», «Свободу слова».

Еще долго Ваха вынужден был бы давать интервью, да надвигались пасмурные, хмурые, еще ранние сумерки. Где-то рядом застрочил автомат, все стали расходиться, а Ваха не через центр, а по закоулкам и дворам, по непохожему на прежний грязному городу направился к «Образцовому дому». Вот где, благодаря стараниям его матери, еще держится чистота. Он первым делом подошел к центральному подъезду. Так и есть, написано – «Дом проблем». В чуланчике, тайком утирая слезы, Баппа, как бы не желая говорить о наболевшем, тихо сказала:

– Вновь, видать, будут выборы.

– А ты Кныша видела? – спросил сын.

– Видела. И Деревяко, такая важная. Здесь, над нами, в гостинице, – Баппа наливала чай сыну и только теперь сказала то, чего он очень ждал. – Наш внучок, Макаж, вылечился в Москве, на днях выписывают... А родители Айны продали здесь все, переезжают в Москву.

– А Макаж?

– Не знаю, говорят, что Айну приглашают работать в московскую консерваторию.

– Видать, осиротела музыкальная Москва! Вот, Мария, – тут Ваха замолчал, мать продолжила:

– Мария вчера во дворе встретилась с Деревяко. Ох, скандал был, чуть не подрались.

Сидя в изоляторе, Ваха думал, что, выйдя на свободу, он более ничего не будет делать, а займется личной жизнью: все внимание сыну и наконец-то он должен поговорить с Марией.

Он не может и не хочет жить без нее. С этими мыслями Ваха очень долго мылся, тщательно пытаясь избавиться от грязи и вони изолятора, но мать постучала:

– Ваха, телефон вдруг заработал, по-моему, Кныш.

– Меня нет, скажи, уехал в горы.

Так он и хотел поступить, и после ванны еще не просохли волосы, как очередной посыльный буквально закинул в их чуланчик зеленоватого цвета конверт: «Мастаевы! Вы занимаете служебное, государственное помещение».

Ваха это послание еще держал в руках, еще думал, вопреки всему уехать в Макажой, а тут сам дед Нажа появился.

– Счастье, счастье, что тебя освободили, – увлажнились его старческие глаза. Позже, когда уже пили чай, дед полез за пазуху, достал точь-в-точь такой же конверт: «Мастаев Н.! Требуем погасить задолженность по ссуде. (Это уже миллионы рублей. Сумма скорректирована с учетом инфляции и прогрессирующей процентной ставкой.) Администрация Веденского района, P.S. В противном случае дом будет снесен».

Перечитывая документ, Ваха понимает, что не только в администрации Веденского района, но даже в администрации президента такой терминологией вряд ли кто владеет. Это проделки Кныша, и тут еще послание: «Тов. Мастаев! Ругаю вас ругательски. Вы позабыли великое учение вождя: «Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы арестовываем... Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку и том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается» (ППС, том 35, стр. 63)... Ваха Ганаевич! Вы не раз давали подписку, получали жалованье и прочие ссуды и привилегии от советской власти, в том числе и жилищные, и тем не менее вновь склонны к саботажу, к самонадеянности, как и весь чеченский народ. Не будьте наивны! Ситуация обострилась и грозит выйти из-под контроля. Силы оппозиции пытаются сместить законно избранного народом президента-генерала. Мы в первую очередь должны отстоять дело революции, демократии, независимости чеченского народа. Срочно явитесь в Исламский университет (бывшее здание Дома политпросвещения), в отдел «Межрегиональных и высокодуховных связей». С комприветом Кныш».

Не только Баппа, даже дед Нажа ничего не говорил. По-стариковски сопя, он опустил свою плешистую, с редкой сединой по краям голову. Ваха должен был идти.

Грозный за это короткое время резко изменился. Несмотря на весну, чувствуется какая-то напряженность, серость, угнетенность даже в цветущих деревьях, словно под порывами резкого, пального ветра неминуемо приближается страшная гроза.

Над центральной площадью, где некогда стоял памятник Ленину, теперь только его слова-лозунги, подогнанные к сегодняшнему дню:

«Дело, за которое в веках боролся чеченский народ: немедленное предложение демократического мира, отмена госсобственности на землю, революционный контроль над производством, социализм национального правительства, это дело обеспечено!

Да здравствует революция горских рабочих, солдат и крестьян!»

Полдень. А в городе почти не видно прохожих, мало машин. Трамваи ходят с большими перебоями. И даже у Исламского университета почти пустынно, как в советские времена. Привда, в самом здании, где ранее и вахтера не было, вооруженная охрана: религию стерегут. И это не милиция либо иная конституционная правоохранительная структура, — это одобренные президентом революционно-религиозные формирования, под присмотром которых Ваха дошел до двери, где ранее был Отдел «агитации и пропаганды», а теперь «Отдел межрелигиозных и высокодуховных связей». Там, где Кныш, всегда дым. Обстановка новая, но не ахти какая. Только под Кнышем кожаное кресло, сидит он по-хозяйски, во главе огромного стола, на голове (и, главное, идет ему) то ли мусульманская феска, то ли иудейская кипа — как-то небрежно сдвинутая на бок.

— О-о! Мастаев! — вскочил Кныш. — Отечество в опасности! А ты в изоляторе отсиживаешься.

— Не без вашей милости.

— Ну-у! Зачем так грубо! Невинного обижать? Вот она — неблагодарность. Нет, чтобы спасибо сказать. Ведь сам знаешь, кто тебя в очередной раз вытащил.

Мастаев на сей раз промолчал, только желваки волнами ходили по скулам. А Кныш, обдавая пришедшего застоялым запахом спиртного, обнимая по-родственному, продолжал:

– Я сам, чтоб ты знал, не раз попадал тоже в места не столь отдаленные. И всегда незаслуженно, как я считаю... Впрочем, это по-своему закаляет дух, делает стойким. Даже Ленин и Сталин не раз бывали в ссылке, – тут Кныш подошел к столу, как то уж больно демонстративно придвинул листки. – А дела неважные: президент разогнал избранный парламент.

– За что?

– Ну, чересчур свободолобивый, скажем, революционный.

– Это по-ленински, – ерничает Мастаев.

– Не-не. Это не демократично, нас Запад не поймет.

– А разогнать парламент – демократично?

– Ты забыл свой реферат – классиков марксизма-ленинизма: «Существует два рода демократизма: демократизм масс, рвущихся к независимости и к активному участию в вере в Бога, и «демократизм» партийных вельмож, видящих существо демократизма в смене одних лиц другими... Мы за демократизм первого рода и проведем его железной рукой. Сталин. ПСС, том 5, страница 382».

– Вы исказили цитату, – недоволен Мастаев.

– Время иное, – невозмутим Кныш. – Распущенный парламент встал в оппозицию к президенту. Ситуация накаляется. Ты просмотри бумаги, я сейчас, – он вышел, а перед Мастаевым две небезызвестные цитаты Ленина и Сталина:

– «Изо всех сил убеждаем земляков-чеченцев! – теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые решаются не митингами, а борьбой вооруженных масс... Надо то что бы то ни стало арестовать президента и его правительство... Президент колеблется. Надо добить его. Промедление смерти подобно. Комитет объединенной оппозиции».

А вот другая листовка:

«Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правят. Президент-генерал».

И еще одна:

«Председателю Службы национальной безопасности! К вопросу о высылке за границу Чечни писателей, депутатов, профессоров и всякой гнилой чеченской интеллигенции... Все это контрреволюционеры, пособники России, организация ее слуг и шпионов и растлителей чеченской молодежи. Надо дело поставить так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически заставляя выезжать за кордон. Президент-генерал».

— Ну как? Вот что мне принесли, — вновь появился Кныш.

— Это вам не «принесли», — отчего-то дерзок Мастаев. — Это вы сами написали... Стравливаете народ, кость бросаете?

— Ну-у! Мастаев, ты даешь! — развел руками Кныш. — Теперь и я в сомнении, а не зря ли я тебя из психушки вызволил?

Не желваки, а зубы Мастаева так заскрежетали, что Кныш аж отпрянул:

— Ладно, ладно, Ваха, с тобой и пошутить нельзя, — сел он в свое кресло. — Я, как видишь, в отделе религий, то есть вне политики...

— Сколько раз вы уезжали, прощались, словно навсегда, — перебил Мастаев. — И вновь здесь? Теперь якобы в религии?

— А ты что, не рад? — вновь встал Кныш, поднялся, закурил и, странно улыбаясь: — Кури.

— Я рад, — Ваха отказался курить, — если бы вы с добром.

— Что значит «с добром», — жестким стал голос Кныша. — Я на службе. Служу Отечеству. Там, куда направят... А здесь и моя родина. Разве не так? Или ты против? — он снизу попытлся заглянуть в глаза Мастаева. — Сдается, парень, ты слегка крен не в ту сторону берешь.

— О-о-оставьте меня в покое, — хоть и заикается, а жестко попытался тоже ответить Мастаев.

— А служба родине?

— Я никому и ничему не служу. В армии отслужил. А сейчас...

— Замолчи! — процедил Кныш, за лацкан пиджака притянул к себе Ваху и на ухо шепотом: — Поменьше болтай. Я сам здесь не за былые заслуги и не на курорт приехал.

— А-а я за что?

— Мы виноваты в том, что кому-то захотелось много кушать.

— Ну и на здоровье! А почему вновь я?

— Хе-хе, ну, ранее я говорил, что коней, в том числе и ослов, на переправе не меняют. А теперь добавлю, по протоптанной колее идти легче.

— Здесь будет война? — вдруг выдал Ваха.

— Боже, боже, Мастаев... Разве можно в таком храме, в духовном учреждении и такое? — Кныш подошел к шкафу, достал початую бутылку коньяка и две рюмки, разлил: — Пей.

— «Разве можно в таком храме»? — съязвил, цитируя Ваха.

— Не богохульствуй, — Кныш залпом выпил, тут же перекрестился. Видя, что Мастаев не пьет, он и его рюмку опустошил. Знаешь, тут надо либо пьяным быть, либо как ты — дурачком. Хе-хе! Не обижайся, — обнял он Ваху. — Сам знаешь, в этих стенах столько мерзости — доносов, вранья, предательства — было, что никакие молитвы не спасут... А вообще-то, — он закурил вновь, стал серьезным. — В стране, где мы родились и выросли, в СССР, Бога, может, и не было, но мораль какая-то была. А сейчас, — он махнул рукой. — В мире иной Бог, одна мораль, — он опять полез в шкаф, кинул перед Вахой пресс¹ на стол. — Деньги — нынче все! Твои.

— За что?

— Вот это резонный вопрос. Отныне ты независимый корреспондент агентства «Рейтер». Вот твое удостоверение.

— И фотографию наклеили?

— Все законно. Теперь тебя никто пальцем не тронет: журналист-международник... А вот твое первое выполненное задание. Распишись.

— Можно я хоть прочитаю?

«В Чечне формируются нелегитимные органы власти, устанавливается режим, при котором республика начинает использоваться российскими и иностранными преступными группировками, а также коррумпированными чиновниками в качестве «свободной криминальной зоны». Через территорию Чечни осуществляется контрабанда нефти, оружия и боеприпасов, цветных металлов, проводятся масштабные финансово-банковские аферы. Расширяется

---

¹ Пресс (жарг.) — пачка денег.

практика похищения заложников с целью получения выкупа, торговли людьми. По экспертным оценкам, криминальные доходы от операций в Чечне составили за последние два года более пятидесяти миллиардов долларов. Российские органы правопорядка не контролируют территорию Чечни, решения российских судов и правоохранительных органов не выполняются».

– Н-неужели это правда? – Мастаев буквально сражен.

– Хм, это еще не все, – усмехнулся Кныш. – Всю правду не опишешь.

– Я-я не верю.

– Наивный, разве ты не читал Маркса–Ленина? Все в мире взаимосвязано, всякому действию есть противодействие. И если идет обвальное обнищание многих, что ты видишь кругом, то, значит, где-то концентрируется и больше богатства. В буржуазной экономике это себе присвоили, назвав «законом Парето». А на самом деле все это разжевано и доказано в «Капитале» Маркса... Распишись.

– Нет, – твердо выдал Мастаев. – Это неправда.

– Вот тебе крест, – еще раз перекрестился Кныш. И, видя, что глаза Вахи наливаются гневом, он переменял тон: – Ну а вот сейчас мне поверишь. – Оказывается, за плотным, изящно инкрустированным бордово-массивным занавесом, за которым Ваха представлял окно, естественно-неоновая подсветка, в форме свечи, и как икона блестящее изображение апостола – Лептин! – О великий вождь, – с хрустом в коленях, с искренним ударом о паркет пал Митрофан Аполлонович, – не верят, не верят тебе некоторые бездарные ученики.

– Идиот! – тихо процедил Мастаев, с пренебрежением кинул справку на стол, прикрывая ею пачку купюр, и уже посреди кабинета услышал вслед:

– Ты о казенном жилье, в коем живете, помнишь?

– Мои предки жили в пещерах-гrotах, в горах, и я проживу, – он уже с силой толкнул дверь, как последняя фраза добила его:

– А больной сын в Москве? – словно шило больно кольнуло в груди, и словно острие поворачивая: – Деньги возьми, ты ведь пенмущий – пролетариат колхозный, или мнишь, что интеллигент... вшивый!

Раньше, когда здесь был Дом политпросвещения, Ваха всегда курил в волнении под березкой. Буквально выскочив из Исламского университета, он, как к спасению, бросился к родной березке. Ныне эта березка его успокаивала, она будто нашептывала ему – мир людей не обуздан в своих желаниях, стремлениях, склонен к переменам, к революциям, к авантюрам, ко лжи и обману, оправдывая себя всякими верованиями и заповедями... А вот есть другой мир – в твоих горах, в горах Кавказа, где мало людей, зато много гармонии, естества, красоты, искренности мира!

– В горы! – в очередной раз с явным облегчением подумал Ваха.

Однако, по мере того, как он шел к «Образцовому дому», навстречу все более озабоченные, хмурые люди, и его настроение стало портиться, потому что он не может просто так бежать в горы – он кормилец, за ним сын, мать, дед. А он, действительно, неимущий.

Он не мог пойти в чуланчик, и, чтобы хоть как-то забыться, он вспомнил еще одно свое спасение – футбол.

Стадион «Динамо» в еще более унылом и заброшенном состоянии, чем сам город. Видно, что никто здесь давно не играет в футбол, не занимается физкультурой – не до спорта. Правда, встретил он здесь приятеля – тоже по старой привычке стадион приманил. Так, он рассказал многое о футболистах: уехали из республики. Так это не самая большая беда, беда в другом: одного прямо дома застрелили, другого похитили – требуют выкуп.

По пути от стадиона до «Образцового дома» типография:

– Ночью ко мне кто-то ломился, – Самохвалов бледен, подавлен. – Ты ведь знаешь, у меня хорошая квартира. Все уезжают, жильё продают, цены – мизер. А что я куплю за эти деньги в России?

– Чечня уже не Россия? – печален тон Вахи.

– Ну, сам знаешь... Надо бежать. А могилки родителей здесь. И куда мне на старости лет бежать? Да что я тебе говорю? У тебя, слышал, дела не лучше... Всюду бардак!

В плохом настроении Ваха пришел в чуланчик, а там радостная мать, деньги на столе, уже разложены по стопочкам:

– Какой-то парень твою зарплату на дом принес... Вот это отправим внучонку в Москву, это – на муку и сахар. Ну а это

прищрачем, — тут она изменилась в лице. — Боже! Не дай бог, кто узнает, — она прикрыла деньги скатертью. — Ты ведь, небось, не знаешь: люди в масках прямо во дворе похитили Бааева, хотя и охранник был рядом.

— Какого Бааева? — удивился сын.

— Альберта. Мужа Марии.

— Они ведь в разводе.

— В разводе. Да мать Альберта все к Дибировым захаживала. Виктория Оттовна — за, а вот Мария — нет, да ее вроде уговорили, и тут такое. Ужас. Говорят, выкуп — миллион долларов просят... Сынок, запри дверь. Без денег нынче тяжело.

— Да, — Ваха устало плюхнулся на диван. — Всю жизнь мы были без денег, да знали, что есть Ленин, компартия, труд и гарантированная зарплата, и все почти поровну. А теперь? Хм, миллион долларов?! Ты знаешь, сколько у тебя сейчас, если на доллары перевести? И полсотни долларов не будет... Ха-ха, жизнь параспашку!

— Ты с ума сошел, — сказала Баппа. Эту фразу даже от матери Ваха воспринимал теперь болезненно. А она продолжала: — Ну ладно, какое время? Сейчас и за червонец убить могут.

— Время всегда одно, — постулат деда повторил Ваха. — А вот люди, да — изменились. Переворот в сознании, революция в жизни. «Все от отсутствия знаний. ПСС, том 24, страница 86», — цитировал Ленина Мастаев и, пока мать озадаченно на него смотрела, заключил: — Деньги просто так не даются.

— О, забыла. Еще тебе письмо.

Мастаев с досадой подумал: опять в Исламский университет, а все гораздо серьезнее — президентский дворец. Срочно!

— Ночь на дворе. Не ходи, сынок. Видишь, что творится? Даже с охраной людей воруют, — забеспокоилась мать.

— Не волнуйся, я неимуший, — ухмыльнулся Ваха.

— Что значит «неимуший»?! — возмутилась Баппа. — Иль ты забыл, какого ты тейпа? Мы всегда были богаты. И не этими фантиками, — она бросила на стол деньги. — У нас самые богатые и красивые горы во владении, весь Макажой! У кого столько богатств? И у кого столько денег, чтобы это купить?!

Этот горский пафос еще продолжался бы, да стук в дверь. Бааева, мать Альберта, сильно изменилась: под глазами темно-фиолетовые круги, мясистые щеки и двойной подбородок упрямо обвисли, но сережки по-прежнему сверкают алмазами, духами от нее разит.

— Ваха, — низким грудным голосом говорит она, — ты как никак в ладах с этой властью, помоги нам. Альберт твой сосед, друг, в футбол вместе играли.

— В каких же я ладах, если самого только что из тюрьмы выпустили.

— Это меж вами разборки. А мой сын чист перед Богом и людьми, образован, интеллигентен, вице-премьером был, как и отец. Вот только нынешним дуракам такой не нужен.

Как от зубной боли скривилось лицо Вахи, и, наверное, прежде него что-либо выдала бы Баппа, да вновь стук. Вопли Дибирова-старшая и удивленно:

— А вы даже дверь не запираете.

— А что им запирать, — за Мастаевых командно ответила Бааева. — Их власть на дворе, — и тут же допрос: — А вы как пожаловали сюда, Виктория Оттовна?

— Ну, — замешкалась мать Марии, — как-никак с зятем такое...

— Нечего — как-никак! — повысила голос Бааева. — За Альберта есть кому постоять. Хм, еще не хватало, чтобы теща, и ты под вопросом, за моего сына хлопотала... Мы еще покажем всем! — с этими словами разгневанная Бааева удалилась.

Виктория Оттовна все еще стояла, сжимая от неловкости руки, явно не понимая, как ей далее быть.

— Я сейчас к президенту, — тут нашелся Ваха, — об Альберте замолвлю слово.

— Да-да, спасибо, — попятилась к выходу Дибирова.

Не час и не два просидел Мастаев в приемной президента генерала. Пару раз порывался уйти, но ему помощник погрозил пальцем, мол, сиди, а потом добавил:

— Тут люди месяцами приема ждут, а тебя пригласили, имей совесть и соображай... Небось, если президент был бы русским,

то уже говорится вроде не самому Мастаеву, а верзиле-охраннику, — то по стойке смирно сутками стояли б. И стояли.

Вам виднее, — ляпнул Ваха, — вы ведь при всех режимах в помощниках. Недаром в «Образцовом доме» живете.

Помощник, сосед Мастаева, мужчина в летах, побагровел, и, наверное, была бы ответная реакция, да в это время протяжный требовательный звонок, — он бросился в кабинет президента, сквозь раскрытую дверь просочился чесночный аромат национального блюда вперемешку с табаком.

«Если у президента курят — очень важные люди», — подумал Мастаев и, наивно мечтая, что его тем же и так же будут потчевать, в предвкушении заерзал на стуле; видимо, примосаженный основательно, так что его толчком разбудили — перед ним генерал, смотрит насмешливо:

— Этот и на посту заснет.

А Ваха спросонья не соображает, выдал, что на духу:

— За что вы меня посадили?

Небрежным жестом генерал остановил своих охранников, молча, гордо удалился в свой кабинет. А в приемной шепот:

— Да, видать, серьезно.

Справка «дурака» в кармане. С ним надо поосторожнее.

Мастаев, проходи... Время позднее, президент устал, никаких лишних вопросов.

Не по стойке смирно, но почтительно Мастаев стоит; президент очень утомлен, полулежа в кресле, подперев голову рукой, он устало говорит:

— Этот твой шеф, Кныш, — большой еврей, агент всех спецслужб... Хм, пока я вынужден его терпеть, хе-хе, — тут президент вроде стряхнул сон, выправил осанку. — Так этот Кныш с иголочки твердит, что ты, Мастаев, — суть, дух и отражение чеченского народа.

— Да, я чеченец, — чуть ли не перебил Ваха, — а Кныш никакой мне не шеф.

— А у кого ты получаешь зарплату, — президент взял кружку, отпил глоток. — А удостоверение «Рейтер»?

– Удостоверение я не взял, – совсем тих и повинен стал голос Мастаева.

– Возьми, пригодится, чтобы впредь не сажали... Чеченец в международном агентстве – хорошо... А справку подпиши, – он лишь подбородком повел, выпроваживая Мастаева, и «независимый» журналист уже уходил, как у двери словно очнувшись, быстро возвратился, склонился над огромным столом и полусшепотом, чтобы их не подслушали:

– Господин президент, вы хоть знаете, что в этой справке написано?

– Знаю, вот она, – пальцами он покати́л листок по лакированной поверхности, и, пока Ваха, поражаясь, сличал текст, следующий комментарий: – Это политика, большая игра.

– Неужели это правда?

– Хе-хе, уважают только сильных и богатых. Исполняй, приказной жест, а Мастаев стоит: он вспомнил о Бааеве, и не только ради Дибировых, а по-человечески. – Товарищ генерал, у нас соседа ради выкупа выкрали – Бааева Альберта, его отец премьером был, и сам он заслуженный человек.

– Знаю я этих заслуженных людей! – президент встал. – А ты знаешь, сколько они у тебя, у простого народа своровали?

– Так вы в курсе?

– Главнокомандующий обязан все знать! Кха-кха, – кашлянул президент. – Правда об этом я не знаю. Разберусь... Кстати, в «Образцовом доме», как прежде, будут жить мои министры. А партократов-оппозиционеров – всех выселим.

– Я с матерью там живу.

– Дворники всегда нужны.

– М-м-мы не дворники, – как-то вбок свело скулу Мастаева.

– Что?! – рявкнул генерал. – Когда русские и евреи были у власти – за ними убирали, а свой...

– Прием окончен, – около Мастаева очутился охранник, и Ваха уже выходил, как генеральский окрик вслед: – Погоди! Как тебя там, «независимый корреспондент», передай своему Кнышу, чтобы на референдум поболее денег отвалили.

В эту ночь Ваха не спал, его снова знобило, а следом пот — вся простыня мокрая. Матери он ничего не сказал, хотел утром пойти в больницу. Однако его вызывает срочно Кныш. И, не доходя до Дома политпросвещения, точнее Исламского университета, он издалека увидел, как из служебного входа появились Дервяко и мать Марии.

Удивленный Мастаев покурил под своей березкой, сам вошел через парадный вход, — жестом Митрофан Аполлонович пригласил его сесть, а сам с кем-то разговаривал по телефону, и, хотя фамилия не называлась, Мастаев понял — речь идет об Альберте Бааеве.

— Я очень обещал уважаемой даме... Это ее зять, помогите, пожалуйста... Что? Мастаев просил? Ха-ха, Мастаев — глас народа, ему отказать нельзя. Спасибо, сочтемся.

Митрофан Аполлонович положил трубку, закурил, несколько перебивая витавший здесь запах духов; уставился на Мастаева, он смотрел словно сквозь него, вдаль, мечтательно вздохнул:

— Какая женщина!

— Да, кто мог подумать: Дервяко — депутат России!

— Какая Дервяко? — с неким отвращением Кныш почему-то погасил сигарету, а Мастаев удивленно.

— Так вы о Виктории Отговне?

— Мастаев! — Кныш встал. — Нехорошо подглядывать и подслушивать, — он подошел к большому зеркалу, как будто здесь никого нет, вначале любовался собой, поднимаясь на цыпочках, как на каблуках, видимо, сожалея, что он ниже статной Дибировой, а потом вплотную уставился в зеркало и, на мясистой носу выдавливая угри, он вдруг сказал: — Ваш президент назвал меня евреем — хе-хе, скорее наоборот.

— У вас и в президентском кабинете есть прослушка? — не перестает изумляться Мастаев.

— Ваха, политика — дело серьезное, чтобы ее просто так волонным доверять.

— Вы ведь тоже военный?

— По политчасти... И то был. А ныне мир, религия, любовь... Какая женщина! Так, Мастаев, — Кныш вернулся к столу, — поднимай справку.

– Я-то подпишу, – Ваха взял ручку, – но скажите, почему именно я?

– Ты, Мастаев, как и весь чеченский народ, – уже раскручен... Бабки получил, отрабатывать надо. Да и нравишься ты мне, дурачок! – он хлопнул Ваху по плечу. – Теперь иди – нам предстоит много дел, а вид у тебя что-то неважный.

Ваха чувствовал огромную усталость, и сам он поскорее хотел уйти, да вспомнил наказ:

– Президент требовал передать – поболее денег на какой-то референдум.

– Что?! – чуть не вскричал Кныш, – вот идиот, вот болтун! Он полез в тумбочку стола, изучил какую-то бумагу. Не различив, стал искать очки, а Ваха не сдержался:

– У вас и соглядатай при президенте.

– Мастаев! – рывкнул Кныш. – Не суй свой нос куда не надо. Политика – грязное, очень мерзкое дело. Болото!

– И вы меня в него?

– Я сам в нем. Революция! Жернова истории не остановить. А чеченцы, вот ты – пример, все любят делать вопреки.

– Я делаю «не вопреки», а как считаю правильным.

– Что правильно для тебя – неправильно для других. Ибо интересы у всех разные... Иди, я тебя вызову... Постой, пусть слух, что ты Бааева Альберта вызволил.

– Это зачем?

– Имидж, твой имидж – рубахи парня – поднимаем.

– Как и всего чеченского народа? – выдал Ваха.

– Во дурак.

– Я не дурак, – обиделся Ваха.

А Кныш с ног до головы, словно видит его впервые, оглядел, мрачновато сказал:

– Референдум и покажет – дураки вы или нет.

– А «итоговый протокол» – готов?

Кныш более слова не проронил, повелительным жестом приказал уйти.

Часть IV

Референдум – всенародный опрос, голосование для решения особо важного государственного вопроса.

В Конституции СССР, последующей Российской Федерации и прежде бы независимой Чеченской Республики – референдум или свободное волеизъявление граждан прописан. Более того, совсем немного лет назад, еще в бытность СССР, Всесоюзный референдум был, и народ высказался абсолютным большинством за сохранение Союза ССР. Но вопреки гласу народа Советский Союз по воле партийных лидеров распался... И вот референдум в небольшой Чеченской Республике. Это, конечно, испытание, экзамен на зрелость, и, понятно, это цивилизационный и национальный рост, диалектика... А готово ли чеченское общество к таким демократическим процедурам? Конечно, готово, потому что есть историческая память. И если в СССР никакой свободы, кроме как на бумаге, не было, то даже во времена царской колониальной политики на Кавказе, в Чечне, и только в Чечне, разумеется, не без давления и интриг русской администрации, да все же периодически, по традиции свободного общества, происходили и опросы, и выборы старейшин сел, и ежегодной жеребьевкой делили пахоту, сенокосы, пастбища.

...1993 год. Между президентом и парламентом в Чеченской Республике крайне обостряются отношения. Все это при том, что в данном парламенте заседают те сторонники президента, которые, по их мнению, способствовали приходу к власти генерала. Теперь пути вчерашних революционеров диамет-

рально разошлись. Парламент считает, что «президент-генерал узурпировал власть, имеет диктаторские замашки, ведет агрессивную-провокационную дипломатию с Россией, при этом состоит в тесном общении с военными той же России».

Президент раз за разом накладывает «вето» на решения парламента самопровозглашенной Чеченской Республики, в конце концов он этот парламент с помощью своей гвардии распускает, точнее, разгоняет. А в телеэфире народу объясняет: «Этот парламент нелегитимен. При его избрании участвовало всего десять-двенадцать процентов населения. Выборы проходили всего в шести из четырнадцати районов республики».

Все знают, что выборы этого парламента происходили одновременно с президентскими. Однако это озвучить не могут, в эфир не пускают. Вместе с тем противостояние обостряется. На стороне парламента массы людей. В Грозном снова митинги, как из «окрестил» президент, – митинги пророссийской оппозиции.

А президент-генерал в прямом эфире зачитывает текст:

– Мне говорят – это способ запугивания, вы нас терроризируете. Смешно с моей стороны терроризировать старых революционеров, видевших всякие испытания... Оппозиция твердит: «Появился какой-то (неразборчиво) уклон: президент-генерал быстро и решительно стал бы все это исправлять... Говорят, что нет выборов, демократии, прочее. Есть выбор окончательный и бесповоротный – это диктатура чеченского народа во всей России и в мире! (Бурные аплодисменты за кадром.) Товарищи, не надо теперь оппозиции! Либо тут, либо там, с винтовкой, а не с оппозицией. Это вытекает из объективного положения, не пеняйте... Вывод, для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиции!» (За кадром аплодисменты.) А президент продолжает: «ПСС, том 43, страница 127...»

– Это не надо читать, – тоже голос за кадром, и мало кто узнает этот голос, а Мустаев, смотрящий эту передачу, еще более прислушался, прибавил звук, а генерал продолжает:

– Мы не учитываем прошлое, а настоящее, учитываем изменения взглядов и поведение отдельных лиц, отдельных вождей

дей. Ленин... При чем тут Ленин?.. Ну ладно, великий полководец, революционер. Заканчиваю. ПСС, том 41...

— Это не читайте, — теперь Мастаев узнал закадровый голос Книппа, стал хохотать. В это время он услышал возгласы во дворе, голос своей матери.

Ваха только вышел. Темно, лишь одна лампа — освещение таблички «Образцовый дом» — горит, а перед ним Баппа и мать Альберта Бааева. Увидев Ваху, последняя, что-то ворча, ушла в сторону своего подъезда. Баппа вслед за сыном зашла в чуланчик и на вопросительный взгляд сына сказала:

— На весь двор орет, что из-за твоих каких-то шашней Марии Дибирова не соизволит возвращаться к мужу.

— Какой «муж»? — не сдержался Ваха. — Разве они уже давно не в разводе? — Баппа молча развела руками, а сын взволнован. — И если на то пошло, пусть ее сын со мной поговорит... А что она от тебя хочет?

— Хочет, чтобы ты стер надпись в подъезде Марии.

— Пусть мне это скажут.

— А как тебе сказать? — мать усмехнулась. — Вон, вновь написано «Дом проблем». Видать, вновь какие-то выборы будут, ну и ты, как обычно, председатель избиркома — гарантия демократии — лицо народа.

— Что ты несешь, мать?

— Эта кем-то пущенная молва о тебе давно ходит, а теперь и плакатами развешана.

Пораженный Ваха прямо в тапочках выбежал во двор: действительно, вновь приписано «Образцовый дом проблем», а рядом плакат «Все на референдум», несколько искаженный — его профиль «председатель избиркома — гарантия демократии — лицо народа». И тут же приписано «дурное».

Мастаев попытался было «дурное» стереть, как сзади стук клубуков:

— Надо быть последовательным, — Виктория Отговна сзади смотрит на него, как на провинившегося ученика. — Тогда и то в подъезде сотрете.

Ваха давно про это забыл, не видел, теперь заглянул, словно вчера написал – ярко: «Мария, я люблю тебя!» под самым потолком, даже трудно теперь представить, как он это написал.

– Кому мешает, пусть и стирает, – резче, чем хотел, огрызнулся Мастаев, хотел уйти.

– Постой, пожалуйста, – Дибирова слегка притронулась к его руке, словно приглаживая: – Пойми, у тебя сын, семья. И я хочу, чтобы Мария жила спокойно, в семье.

– Д-да? – Ваха понимает, что он взведен и не должен так с Викторией Оттовной говорить, да и иначе он сейчас не смог. Да, как здесь написано, быть может, и я дурачок, зато я и «гарант демократии». Так что, хотя Мария и ваша дочь, а уже взрослая, и пусть самостоятельно принимает решение. А я ее давно не видел, тем более не общался, – выдав это, он хотел уйти, но Дибирова его удержала:

– Пожалуйста, эту надпись в подъезде сотри.

– Она вам мешает?

– Скажу так – смущает.

– Я сделаю так, как скажет Мария.

Хотя в одном дворе живут, а Ваха давно не видел Марию, и правильный способ поговорить – телефон – давно не работает. Тем не менее, придя домой, он первым делом поднял трубку – грохотавшая тишина. Повалившись на диван, особо не вникая, он тупо смотрел, как опять по телевизору президент-генерал обвинял во всех чеченских проблемах руководство России, как вдруг, вспугнув его, зазвонил телефон:

– Мастаев? Совещание, срочно в президентский дворец.

Ваха быстро нажал на рычаг и, пока не отключили, набрал Дибировых.

– Ваха, ты всемогущ, когда захочешь, даже телефон работать начинает, – это вновь Виктория Оттовна, а он не смеет Марию позвать, мать сама подсказала.

– Алло! – как ему дорог этот голос.

– М-м-мария! – только это еле-еле он смог сказать. Потом: – Здравствуй, как дела? – и после долгой-долгой паузы, словно они об этом много говорили: – Это стереть?

Она тоже долго молчала, и очень тихо:

— Если не правда, — и тут резко связь оборвалась.

На совещание в президентский дворец Мастаев опоздал. Его провели в конференц-зал, указали на место в стороне, да тут Кныш, что сидел на самом почетном месте между спорящими сторонами, пальчиком его настоятельно поманил, и только когда Ваха сел, заметил — «международный независимый наблюдатель — Кныш М.А.», а рядом еще одна табличка — «председатель независимого референдума — Мастаев В.Г.».

С правой от Вахи стороны сидит один президент, он в гражданской форме. Тут же шляпа на столе. Он очень спокоен, даже улыбается. А напротив него пять оппозиционеров, кои, перебивая друг друга, пытаются президента в чем-то убедить:

— Вы кличете войну, вы ввергаете республику и народ в катастрофу, — на чеченском говорят все.

— А вы трусы, — отвечает президент. — Вы боитесь Россию, прислуживаете ей.

— Это неправда! — вскочил один бывший депутат разогнанного парламента.

Страсти накалялись, Ваха всецело поглощен этой откровенной дискуссией, как его под бок ткнул Кныш:

— Пойдем, покурим.

— Вы, наверное, не понимаете, — на ухо прошептал Ваха соседу.

— Все я понимаю. Пойдем, все равно здесь «итоговый протокол» уже составлен. Пусть поболтают по-свойски, без международных и посторонних наблюдателей.

Когда они выходили, почему-то острая дискуссия резко оборвалась, а рядом, видать, комната отдыха президента. Уютно, теплый самовар, и тыквенный пирог-хингалш просто дышит ароматом и свежестью.

— Обожаю я это блюда, — Кныш, еще не сев, отхватил жирный кусок. — Налей мне чаю... Ешь.

Не торопясь, вдоволь наевшись, Митрофан Аполлонович тщательно протер руки салфеткой, с удовольствием закуривая, предложил Вахе. Последний в кабинете президента курить не посмел. Кныш это одобрил и далее продолжал:

– Все же молодец ты, Мастаев. И зря мы тебя в свое время в партию не приняли. Надо же, в подъезде «Образцового дома», под потолком, чтоб не стерли, всем назло. Да теперь, красным, крупно «Правда» написал, да еще три восклицательных знака поставил. Вот патриот ленинской газеты!

– Вы как узнали? – потрясен Мастаев.

– Вон, все руки и рубаха в краске, как в крови.

Ваха осмотрел себя, потом в упор на Кныша, и словно допро-

– Но я ведь только оттуда, только что написал... Как вы узнали?

– Хе-хе, Мастаев, не мучайся. Простая логика. Мария спросила: «Не правда». А у тебя лишь один способ объясняться в любви – писать «Правда!!!».

– Какая мерзкая участь! – вскочил Ваха, даже сделал шаг в сторону: – Все подслушивать, подсматривать!

– Но-но-но! – вознес указующий перст Кныш. – «Власть и сыск должны быть в России». ПСС, том 54, страница 219.

– То-то у вас руки черные, как от гари войны. Вы ведь тоже упражняетесь в стенописании: все неймется вам, не хотите, чтобы здесь порядок был, вот и пишете на «Образцовом доме» «Дом проблем», все в «итоговых протоколах» своих «выборов» упражняетесь, экспериментируете, словно мы подопытные кролики. Нет! Мастаев топнул ногой, да так, что сам испугался, замолчал.

Пауза была приличной, нарушить которую мог только Кныш.

– Вот это да! Не ожидал. Какая прыть! – он вплотную подошел к Вахе, тыльной стороной пальчиков погладил лацкан поношенного пиджака. – А бацилла «независимости» в тебе уже сидела. Ты, Мастаев, действительно болен. Я даже не знаю, как тебя в таком состоянии в Москву направить: опять учудишь, опять выручать?

– А-а-а, в Москву надо? – встревожен Ваха. Теперь он Москвы очень боится, да жизнь всегда противоречива: там, в столице России, лечат его сына. Как он по нему соскучился! Что делать? Ехать – не ехать? Притом что Кныш для него ныне уже не указ. В это время, по-генеральски чеканя шаг, в комнате появился президент. Митрофан Аполлонович быстренько по-

сил сигарету и даже рукой попытался разогнать клубы дыма. А Ваха замер: перед ним президент Чеченской Республики и его приказ на русском:

— Лети в Москву, он подскажет, — небрежный жест в сторону Кныша и, склонившись над пирогом, как бы между прочим, тихо на чеченском: — Будь там поосторожнее, им веры нет.

Кныш и Мастаев вместе покинули президентский дворец, всю дорогу молчали, и, лишь когда вошли в «Отдел межрелигиозных связей» Исламского университета, начальник сказал:

— Хм, а ваш генерал, видать, зажрался, нюх потерял. Ты смотри, как запел: «Им веры нет!», последнее — на чеченском.

— А вы знаете по-нашему? — не перестает удивляться Мастаев.

— По глазам и губам читаю, — шельмовато отвечает Кныш, достает наставления по поездке, выдает командировочные, на что Ваха съязвил:

— За наш счет — ваш расчет, — на что Митрофан Аполлонович ответил:

— Разболтались вы все, — как приговор либо диагноз. — Как мыслить стали: референдум им подавай. Тоже мне, государство!

* * *

Из Грозного можно было вылететь в Турцию, Эмираты, Азербайджан и даже в Пакистан и Иран, а вот в Россию рейсов нет. Пять дней Мастаев на перекладных добирался до Минвод. Ему казалось, что вся милиция в сопредельных республиках разыскивает только его: каждый раз, как останавливают транспорт, его, как чеченца, пальчиком призывают и по полчаса в отделении милиции делают куда-то запрос: в розыске ли такой-то чеченец. Только после мзда, как воздаяние за проезд, дает отрицательный ответ.

То же самое в аэропорту и за билет. Только поздно ночью прибудет Ваха в Москву. Он уже планирует, что до рассвета перекантуется во «Внуково», как на подлете к нему подошла стюардесса:

— Вы Мастаев?.. Вас у трапа поджидает машина.

На черной «Волге» его доставили в самый центр Москвы. Он успел разглядеть: «Центральная избирательная комиссия Российской Федерации», вооруженная охрана, словно от него ждут нападения, а внутри здание напоминает чем-то обком КПСС, где то Дом политпросвещения в Грозном. Только новое знамя «триколор», а вот бюст Ленина – навечно, и тут же, видимо, откуда-то принесли, рядом бюст Дзержинского. И обстановка по-коммунистически знакомая. И как же Мастаев был удивлен, когда в огромном кабинете ему навстречу вышел Кныш:

– Митрофан Аполлонович, вы ведь вчера были в Грозном!

– Хе-хе, вчера и ты был в Грозном.

Кныша не узнать: если в Грозном он всегда в сером, то здесь – яркий пиджак, даже глаза блестят.

– Познакомьтесь, Мастаев, типичный представитель, можно сказать, олицетворение чеченского народа.

– Вы тоже, – лыбится в ответ Мастаев, – как Россия – всюду.

– Что ты несешь? – посуровело лицо Кныша, и на ухо, вполголоса: – Не в Грозном, мог бы костюм попримечнее надеть.

Иного не было. И Ваха знает, что в некотором месте штаны не раз перештопаны. Неужели видно? От этого он вовсе смутился и уже не мог отстаивать позицию президента по референдуму «Доверяете ли вы Парламенту Чеченской Республики?», и в итоговый бюллетень для голосования внесли еще один вопрос – «Доверяете ли вы Президенту ЧР?», чего требовала оппозиция.

В целом вся центральная избирательная комиссия России, в том числе и представитель республики Мастаев, посчитала такую постановку вопросов демократичной, расписались, и неожиданно для Мастаева еще один вопрос – финансирование референдума. Вот тут Ваха не знал, как ему торговаться, ведь президент назвал ему ориентировочную сумму, а оказалось, выделяют в четыре раза больше, в чем он тоже расписался. А тут выясняется, что перечисление в Грозный невозможно и банковская система Чечни в изоляции, так что везти придется наличными. Это почти три мешка.

– Не волнуйся, – успокаивает его Кныш. – Во-первых, везешь только один... Ну, сам знаешь, и тут хотят есть, и бюлле-

тени, и агитацию здесь будут печатать. А, во-вторых, с оговоренной с президентом суммой мы тебя в Грозный доставим.

— А-а за те деньги я буду отвечать?

— Мы — выделяем, мы — проверяем, мы — списываем. Хе-хе, в том числе и твои грехи... Скоро борт. Улетишь как министр!

— Одна просьба, — о родном думает Ваха. — Сына хотел бы проведать.

— Да, — задумался Кныш. — Дети — святое! По пути, я надеюсь, успеем.

— Вот адрес, — Ваха достал помятый листок.

— Нет-нет, — смотрит записку Кныш. — Они на днях переехали на другую квартиру, снимают, — и видя искажившееся лицо Вахи: — Ну что ты вечно удивляешься?! Мы про вас все должны знать... Хе-хе, видишь, пригодилось, а то зазря мотался бы по Москве и сына бы не повидал.

Ехали долго; в пригороде столицы, как выразился Кныш, — что «ближе к Грозному, чем к Москве», однокомнатная, тесноватая квартира, одним словом, «хрущевка». Сын Макаж вырос, на отца смотрит, как на незнакомого дядю. А Ваха, после цен в Москве, тем более тех сумм, о которых доселе говорили, понимает: сыну он многого дать не может. Пробкой выскочил из подъезда, а Кныш, словно и мысли его читает:

— Мечтаешь сыну купить квартиру в Москве?.. Гм, вот поведешь себя правильно во время референдума, две квартиры даже в центре Москвы купишь.

— Это как? — не перестает удивляться Мастаев.

— Хе-хе, понаглее, по-чеченски, — искоса глянул на него Кныш, и тяжело вздохнув: — Все-таки дурачок ты.

— Да, малограмотный, малознающий, неимущий, — печально согласился Мастаев.

В сумерках над Москвой разразился ливень как из ведра. Снего, наверное, образовались пробки. На военный аэродром, что был под Москвою, прилично опоздали. Подкатили прямо к трапу, а подняться не разрешили, наоборот, с борта сошли два весьма упитанных генерала и с ходу на Кныша:

– Ты где был, козел? – и как стали материть, будто сержанты новобранца. – Теперь коридор не дают, – генералы, не обращая внимания на морсящий дождь, оставляя запах спиртного, парнидно двинулись в дежурную часть. «Волга» уехала, а Кныш и Мастаев попытались укрыться от непогоды под крылом, которое громко дрожало в амплитуде работающего на холостом ходу мотора.

– Побежали туда, покурим, – криком предложил Кныш. Ежась от сырой ветреной погоды, они примостились под полуразвалившимся пожарным щитом, где для тушения пожара уже ничего не осталось:

– Всюду бардак, все грабят, – прикуривая, сказал Кныш, и Мастаев, как всегда, ляпнул, что на уме:

– В Чечне вы бог и царь, вы всюду и везде, а здесь? – еще более сутулясь, присосавшись к сигарете, Кныш, словно признавая это, долго молчал, а потом выдал:

– Я не лечу с вами.

– А-а как референдум без вас?

– У-у! – словно от боли, коротко простонал Кныш, и исподлобья глянув на Мастаева: – Я козел, ты дурак. Оба мы – нищие, хренов пролетариат! А о свободе даже не мечтай. И референдума не будет. Я подал рапорт в запас, и тебе советую лучше податься в горы на время.

– А референдума почему не будет?

– Мастаев, – раздражен голос Кныша. – Я и так много выболтал... Ты молчи, а то нам обоим плохо будет.

В это время двигатели самолета стали набирать мощь. Генералы появились из дежурки, а Кныш дернул к себе Мастаева:

– Может, более не увидимся... Ты там береги себя, – он как всегда при расставании крепко обнял Ваху, – не поминай лихом. И еще, вот письмо, – он очень бережно достал красочный конверт, – мог бы передать Виктории Дибировой на восьмое марта.

Когда они подошли к трапу, генералы уже поднялись, дождь почти перестал, от двигателей моторов – ветер. Прощаясь, подали руки, и тут Мастаева угораздило с усмешкой крикнуть на ухо провожающему:

– Вы очень странный человек. Никогда – ни адреса, ни телефона, расставаясь.

От этих слов Кныш, удивляя Ваху, до боли сжал кисть, в свете прожекторов попытался заглянуть в глаза южанина, а потом тоже на ухо крикнул:

– Во-первых, по службе не мог... А вообще, – нет у меня ни адреса, ни телефона. Лишь дряхлая мать в деревне и взбалмошная в угаре сестра. Я тоже неимущий, понял? – еще крепче он сжал кисть Вахи. – Однако врагу не сдается наш гордый «Варяг»! Мы вооружены марксистско-ленинской теорией, и скоро грянет буря!» «Объективное положение в мировой политике революционно, из него реформами не выйдешь... Спасти от гибели в состоянии только революционный пролетариат». ПСС, том 32, страница 386 – как Отче наш с удовольствием процитировал любимого вождя Кныш, а Мастаев в тон ему сказал:

– Значит, время плебейской революции в России настало?

– Хоть и дурак, а кое-что соображаешь. И в одном ты абсолютно прав: Ленин – не только лидер вооруженного восстания, Ленин, прежде всего, – гениальный полководец, повторивший путь Чингисхана в обратном направлении.

– Вперед к средневековью! – крикнул Ваха.

Эта дискуссия, наверно, продолжилась бы, да в это время от КПП свет фар, иномарка со свистом подкатила к трапу. Это не генералы, а тоже два вальяжных, по манерам надменных чеченца, которые даже не поздоровались, а как к себе, прямо вошли в самолет. По требованию пилота и Мастаев поднялся.

Четырехмоторный военно-транспортный самолет тяжело пошел на взлет, а Ваха конечно же многого не знает, да в Афгане служил, к тому же, крановщик, и на лету вес определяет: борт перегружен. Кабина для пассажиров куца. Мастаев в самом конце, в углу. А генералы и чеченцы, как только борт набрал высоту, видно, что не впервой, умело разместили посередине какой-то ящик, на него выложили коньяк и всякую снедь. Они не только и не столько пили и ели, сколько что-то упорно подсчитывали, порой спорили, торговались. Наконец, наверное, и итоге сошлись, и тогда сытый, раскатистый смех.

— Ты будешь пить? — тогда вспомнили о попутчике. Мастаев сделал вид, что уснул. По правде уже на взлете ему отчего-то стало плохо, а потом вновь уже было позабытый озноб, тошнота, которую он списал на голод.

От грубого приземления Мастаев проснулся, прильнул к иллюминатору: к борту подъехало несколько машин. Никто с Мастаевым не попрощался: генералы уехали отдельно, два чеченца — отдельно, а у Мастаева, к его удовлетворению, сразу же отобрали мешок, проверили; очевидно, не впервой, опечатали или нет, и двое вооруженных молчаливых гвардейцев довели его до «Образцового дома».

Уже светало. Где-то истошно лаяла собака, закаркали вороны. На углу дома лозунг: «Все на референдум — определим будущее!» Вокруг «Образцового дома», там, где убирается Баппа, еще порядок, а вот далее — явный контраст — мусор, грязь.

Обдумывая свое скоротечное турне, Ваха напоследок зашел покурить. Какая-то горечь во рту, он бросил сигарету, сплюнул. Собрал слюну, сплюнул еще раз — кровь, много крови.

Выспавшись, он думал пойти в поликлинику, однако и поспать не дали: заработал телефон, срочно вызвали в президентский дворец. Ваха думал, что будут ругать за малость денег, а о деньгах ни слова: идет политическая борьба. На послеобеденное время назначена конференция по вопросам референдума. Все в зале оппозиция сплочена и готова дать президенту-генералу, как нарождающемуся диктатору, решительный отпор. Да президент опаздывает. Ждут час, два, три. Только через семь часов после того, как и без того нестройные ряды оппозиции значительно поредели, а те, кто остались, поостыли, появился улыбающийся, спокойный, горделивый президент. А Ваха чуть не ахнул — Кныш идет за ним и, как только генерал сел, положил перед ним бумаги. Президент начал речь, а Митрофан Аполлонович игриво помахал рукой Мастаеву и открыто — рядам оппозиции. А президент начинает:

— Товарищи! Вместо того чтобы предоставлять лицемерным краснобаям обманывать народ фразами и постулатами насчет возможности демократического мира, чеченцы должны разьяс-

нить русским невозможность сколько-нибудь демократического мира без ряда революций и без революционной борьбы в России со своим правительством. Вместо того чтобы позволять политическим обманывать народы фразами о свободе наций, чеченцы должны разъяснять массам безнадежность их освобождения, если они будут помогать угнетению других наций, если не будут принимать и отстаивать права этих наций на самоопределение, то есть свободное отделение... Надо выбирать: за независимость и революционную борьбу или за лакейство перед Россией. И величайший вред приносят чеченцам лицемерные сочинители из Кремля. ПСС, том 26, страница 71.

— Что он несет, болван? — в это время Кныш сел рядом с Мистаевым, — я ведь это вычеркнул карандашом.

— Вы вновь здесь? — осуждение и удивление в тоне Вахи.

— Ты ведь тоже здесь, — почти злобно ответил Кныш, и чуть погодя: — Не думай, что мне ваша «независимость» доставляет удовольствие.

— А-а мы «о вашем удовольствии» и не думаем. Вы не слушаете доклад.

Товарищи! — в это время продолжает президент-генерал. — Мы тщательно избегаем слов «революционная демократия» и «демократия» вообще. Контроль без власти есть пустейшая фраза. Для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть... Переход государственной власти в России от Горбачева к Ельцину, к правительству неолибералов и капиталистов, не изменил и не мог изменить национально-религиозного характера и значения войны со стороны России... Конференция протестует против античной клеветы, распространенной капиталистами против нашего народа, именно, будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Америкой. Мы считаем американских капиталистов такими же разбойниками, как и капиталистов русских, английских и прочих, а президента Клинтона — таким же коронованным разбойником, как Ельцина и монархов английского и всех прочих... Власть во всех воюющих странах должна перейти в руки революционного шариата.

— Как тебе редакция? — пнул Кныш коленом Мастаева под столом.

— Это провокация, — прошептал Ваха, а президент продолжал

— Демократия для большинства народа и подавление силой, то есть исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа — вот какого видоизменения демократии при переходе от коммунизма к свободе... Только в независимом обществе, когда сопротивление коммунистов уже окончательно сломлено, когда нет русских — только тогда можно говорить о свободе Чечни... Мирное развитие революции — вещь чрезвычайно редкая и трудная, а для нас вредная. И вообще, партократы — ставленники Москвы — со всех крыш кричат о недопустимости гражданской войны и религиозно-большевистского террора. Врагов независимости можно на время лишить не только неприкосновенности личности, но только свободы печати, но и всеобщего избирательного права. Плохой парламент надо стараться «разогнать» в две недели. Польза революции, польза чеченского народа — вот высший закон, и нечего теперь кричать о националистическом терроре.

— Разрешите вопрос, вопрос! — криком перебил президента какой-то корреспондент, видимо, ему это позволено, как представителю независимых СМИ из зарубежья. — Скажите, пожалуйста, вы упомянули в выступлении «религиозно-большевистский террор» — что это такое?

— Кха-кха, — кашлянул президент, наверное, мгновение он был озадачен, а потом быстро нашелся. — Большеизм — тоже своеобразная религия без Бога. А террор... Я, как человек военный, против террора.

— Регламент, — вдруг сказал Кныш на весь зал. — Слово предоставляется оппозиции.

— Товарищи! — начинает член разогнанного парламента. Наша тактика — полное недоверие, никакой поддержки новому правительству, президент-генерал особенно подозревается, вооружение оппозиции — единственная гарантия, немедленные выборы в парламент, немедленный референдум, никакого сближения с другими силами.

— Вы подстрекаете к вражде, — вдруг зло сказал Мастаев соседа.

— При чем тут я? — шельмоватая игривость на лице Кныша. — Впрочем, ничего нового для нас. Пошли, лучше покурим.

Они вышли на замусоренный лестничный пролет, где сильно сквозило. Закурили. И не сразу, а просто не стерпев, Мастаев выдал:

— Это издевательство... Ваши шпаргалки! Геноцид!

— Отнюдь, — пытается быть озадаченным Митрофан Аполлонович. — Ты не поверишь, но они все просят помощи и консультации... И это не Ленин, а твой реферат, написанный в ВПШ.

— Я цитировал Ленина.

— Ну, правильно, ты цитировал Ленина, Ленин цитировал Маркса, Гегеля и других. Преимущество. Видишь, как ты велик!

— Подлость, — в сердцах выдал Ваха, сплюнул, бросил окурок и побежал по лестнице вниз. В этот момент он просто ненавидел Кныша, думал, что этот московский «консультант» — исчадие зла. Однако, когда он вырвался на улицу, свежий воздух, ночной прохладный ветерок с набережной Сунжи несколько остудили его пыл, и он подумал, а кто и что заставляет этих чеченских политиков читать шпаргалки Кныша? — Надо подальше держаться от политики и политиков, — твердо решил Мастаев. К тому же каждую ночь у него стабильно стала повышаться температура. Почти не спит, чувствует себя скверно. В поликлинике, куда почти на руку его привела мать, тоже какая-то послереволюционная запущенность, покинутость, словно само это заведение болеет.

В очереди в регистратуру перед ними две бабульки — русская и чеченка. Видать, давно знакомы, о чем-то невеселом говорят. Но слух Вахи часть из беседы выхватил:

— Будто осознанно в пропасть летим и ничего поделать не можем.

— Да, одна надежда на этот референдум.

— Терапевта сегодня нет, — это уже Мастаевым говорят в регистратуре. — Почти все врачи уехали, — и как бы извиняясь: — Зарплата — копейки, и даже ее уже полгода нет. Ничего нет! — а у

Мастаева в голове эта фраза: «Одна надежда на референдум...» Да, это так, и он не может, он не должен отстраняться от политики и политиков – он гражданин!

С этой мыслью Мастаев рьяно взялся за возложенную на него судьбой миссию. Администрация президента вроде ему не мешает, но и не помогает, только поддакивает. Зато многочисленные члены так называемой оппозиции постоянно вокруг него, да среди них нет явного лидера, нет консолидации. Наоборот, они как-то почти по тейповым признакам разделены. Но вот из Москвы прибыли бюллетени для голосования. Прекрасная бумага, все верно написано. Однако Ваха и считать не стал, и так видно: количество бюллетеней в три раза меньше, чем необходимо. Мастаев сразу же побежал в президентский дворец. Там его не приняли. А вот Кныш сам вызвал, улыбается:

– В стране бумаги дефицит... Ну и зачем зазря добро переводить, все равно никто голосовать не придет. Народ устал от политики.

– Народ не устал, народ болен от вашей политики.

– Вот это да. Ты Мастаев, точно болен, плохо выглядишь. Брось свой референдум и вообще из города уезжай. Как другу советую... Кстати, я тоже на днях убираюсь. Надеюсь, с концами.

– Никогда вы отсюда не уберетесь.

– Ах, вот как! – лицо Митрофана Аполлоновича стало строгим, даже суровым. – И в тебе проснулся волк, – он почему-то подошел к окну, отодвинув толстый занавес, долго выглядывал в окно и как бы про себя сказал: – А за тобой нужен глаз да глаз.

– Куда же более, – усмехнулся Мастаев, на что хозяин, более не разговаривая, сухо подал руку и буквально выпроводил его. А в чуланчике ждет конверт.

«Тов. Мастаев! В связи с политической целесообразностью рекомендуем переехать в мэрию города Грозного».

Ваха думал было воспротивиться. Но явились brave гвардейцы президента и, словно только этим они всю жизнь и занимались, все имущество избиркома и самого Мастаева перевезли в здание мэрии Грозного. Осматривая новый кабинет, Ваха выглянул в окно: ночь на дворе, уличного освещения давно нет, толь-

во мог уголек сигареты прямо напротив от затяжки заблестел. Он шипел – это окно кабинета «межрелигиозных связей», и это не Исламский университет, а по-прежнему Дом политпросвещения.

До референдума оставалось несколько дней. Мастаев с возрастающим нетерпением ждал его, и не только потому, что его интересовал результат, он его предвидел: народ выскажет недоверие нынешней власти, а иного «итогового протокола» вроде нет! Просто Ваха уже понимает, что очень болен, серьезно болен, из последних сил держится на ногах. Ему необходимо провести этот судьбоносный референдум. Для этого почти все сделано, и даже недостающие бюллетени на средства, собранные оппозицией, смогли отпечатать. Но Ваха накануне референдума получил послание:

«В.Г. Мастаеву. Ваха Ганаевич! Переслал ваше письмо-пожелание президенту-генералу. Я устал от вас так, что ничегошеньки не могу. А у вас кровохарканье, и вы не едете. Это ей-ей и бессовестно, и нерационально. В Европе (т.е. России) в хорошем санатории будете лечиться и втрое больше дела делать. Ей-ей. А у нас ни лечения, ни дела – одна суета. Зряшная суета. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу вас. (P.S. Либо оставайтесь в «Образцовом доме»). С комприветом».

Что-то не совсем дружественное заподозрил Ваха в этом некогда цитируемом им послании. Таким же письмом Ленин просил уехать М. Горького из страны накануне массового большевистского террора в 1918 году. Теперь 1993 год и Советского Союза, а тем более большевиков, нет. Тем не менее обеспокоенный Ваха среди ночи заторопился в избирком. И он уже был возле мэрии, как почти случайно бросил взгляд в сторону Дома политпросвещения (не мог он поверить, что это теперь Исламский университет), сквозь темноту заметил в проеме окна «Отдела межрелигиозных связей» какой-то непонятный, совсем мрачный силуэт. Мастаев подошел, оторопел. Вначале подумал – пулемет и, лишь приглядевшись, догадался – камера.

На полусогнутых ногах он ходил, ощупывая в темноте – кругом грунт. Вдруг из окна приглушенно-удивленный голос Князя:

– Мастаев, ты что там потерял?

– Булыжник, – в тон ему ответил Ваха.

– Камера государственная, дорогая, ты отвечать будешь, всерьез обеспокоен Кныш, – да и нет тут булыжников.

– Там, где революция, всегда есть булыжники, – что-то увесистое, вроде осколка кирпича, попало в руки председателя избиркома.

– Но-но-но! Мастаев, не дури.

– Пролетариату нечего терять, – замахнулся Ваха. – Зачем камера?

– Отчет в Москву должен сделать... Впрочем, ты тоже.

– Я перед Москвой не отчитываюсь, – горд Мастаев.

– Как же? Три мешка денег кто получил?

– Ах ты гад! – кирпич полетел в окно, и Ваха склонился, чтобы еще что поувесистее найти, в это время его обе руки скрутили, ткнули лицом в грунт, и даже в темноте он краем глаза заметил у виска огромный сапог, даже запах свежего армейского обувного крема.

– Отпусти, отпустите его, – слышен командный голос Кныша.

– Он нарушает революционный правопорядок, – густой бас на русском без акцента.

– У него справка дурака в кармане, так что вон! Долой со всех глаз! – постановляет голос Кныша.

Почувствовав свободу, Ваха встал, словно никого вокруг и не было. Тишина. Только сигаретный окурок выдает зловещный силуэт Кныша в мрачном оконном проеме.

– Вот видишь, Мастаев, – по-прежнему приглушен голос Кныша, – я с тобой по старой дружбе с добром, а ты – с кирпичом. А ведь древняя мудрость гласит: «кто в прошлое камешком, тот от будущего – пушкой».

– Знаю, у вас «итоговый протокол» всегда заранее готов. На что вы теперь намекаете?

– Хе-хе, это не намек. Но ты ведь не поймешь, – тут Кныш даже склонился, и еще тише: – Только тебе говорю: подбери поздорову возвращайся в «Образцовый дом».

– Так вы ведь окрестили его «Дом проблем», – недобро усмехнулся Мастаев. – Небось, знали, что долго жить в нем не будете, что устроите здесь революционный бардак.

– Убирайся! – со злобой повысил тон Кныш.

– Сами убирайтесь! – как пьяный, закричал Ваха. – А мне убираться некуда. Это не Россия, а маленькая Чечня.

– Дурак ты, Мастаев, – окурок пролетел мимо Вахи, туда же и плевков. Камера исчезла, окно с шумом закрылось, и, как показалось Вахе, даже шторы задернулись.

– Вот так будет лучше, – про себя выдал он и, думая, что проблем более нет, пришел в мэрию. А там ажиотаж, очень много людей, все обеспокоены: кто-то принес весть – под утро мэрию будут штурмовать, бюллетени сожгут, референдума не будет.

– Успокойтесь, успокойтесь, – командовал председатель избиркома. – Это все слухи. Русских военных здесь практически нет, а чеченец на чеченца, брат на брата – не пойдет... Расходитесь по домам. Все будет нормально, – так говорил Ваха, и чувствовал – совсем плохо. И он сам, хоть это почти рядом, в «Образцовый дом» не пошел. Он-то знал, что Кныш слов на ветер не бросает, и все же он не верит, что «пушки» в Грозном будут когда-либо впредь стрелять.

– Ты очень бледен, ты не здоров, иди домой, – говорили Мастаеву.

Он чувствовал, как его вновь, что случилось каждую ночь, стало знобить, потом жар, тошнота. Он выпил какие-то таблетки. Оказывается, прямо за столом заснул.

– Вставай, Ваха, вставай! – кто-то растормошил Мастаева.

Спросонья, еще не понимая, что творится, Ваха вслед за всеми побежал к выходу. Уже светало, город гремел, бронетехника окружила мэрию. Началась паника. Кто-то закричал.

– Тихо, спокойно! – пытался командовать Мастаев. Но его голос был предательски слаб и вызвал только сухой, долгий кашель с кровью.

– Внимание! Внимание! – в это время на русском и чеченском заговорил откуда-то рупор. – Приказываем немедленно всем покинуть здание мэрии, – в воздух застрочил крупнокалиберный пулемет. – Даем пять минут!

– Уходите, все уходите! – как мог, закричал Мастаев, понимая, что это не пустые угрозы.

– А ты? – односельчанин Ваха, совсем молоденький милиционер по имени Башлам с автоматом в руках пытался заглянуть в его глаза.

– Я председатель. Я на службе, не могу. А ты вон за теми уходи, – толкнул Ваха милиционера.

– Я тоже на службе, – упрямство на молодом лице. И тут он как-то по-детски улыбнулся. – А случись что с тобой, как я и Макажое покажусь?

– У-у-ух!!! – до боли в ушах, сотрясая все, вдруг раздался оружейный выстрел. Молоденький односельчанин просто упал. Ваха пригнулся. Боль физическая, а более психологическая пушка! Все-таки пальнула.

– Уходи, уходи, – крикнул Ваха Башламу.

Ряд покидающих мэрию стал гуще, заторопился.

– Уходите, уходите все, – кричал Ваха.

– Стойте, не будьте трусами. Разве вы не чеченцы?! – перебивали Мастаева другие голоса.

– Осталась минута, – объявил рупор. Однако ее не дали, прозвучал такой залп, что все затряслось, треск стекла, пыль, гарь. Ваха увидел, как от страха перекошилось юное лицо Башлама. Схватив его руку, Ваха устремился в здание. Вспомнив о брошенном автомате, он вернулся.

– Все в подвал, – кто-то закричал. А Мастаев и тут о своем

– Спасайте бюллетени. Бюллетени референдума в подвал.

Наверное, думая, что это панацея от беды, несколько человек стали помогать Вахе среди этого кошмара перетаскивать пачки бюллетеней в подвал. Когда Мастаев в очередной раз поднимался по лестнице, взрывной волной его сшибло с ног. Тем не менее он вновь бросился наверх. Зал не узнать. Огонь. Бюллетени, как испуганные и подстреленные птицы, все еще опадают. Огромная стена вся в крови и в какой-то нечеловеческой слизи. Тут же Башлам, скрючился, бледный, его рвет, слезы из глаз.

– Ты живой? – тряхнул милиционера Мастаев. – Беги в подвал.

И только тогда, увидев, как потрясенный, надломленный молодой односельчанин, словно отвратительную ненужность, волочит за ремень автомат, Ваха вырвал у него оружие и, ощутив в руках этот смертоносный вес, он иными глазами, как в Афганистане, посмотрел вокруг. В этом грохоте попытался прислушаться, оценить обстановку. Оказывается, хоть и не равный, а идет бой, из мэрии тоже ригдаются автоматные очереди: брат на брата пошел! А Мастаев, будто на стадионе спринт, побежал по длинному коридору в переизданию. Сквозь разбитое окно, прямо перед собой он увидел свою цель — камеру, склоненная над ней тень... Нет, он не смог! Два предупредительных выстрела сделал поверх окна «Отдела межрепшпозных связей». Тень исчезла. И тогда, вспомнив, что там ранее находилась «Отдел агитации и пропаганды» идей марксизма-ленинизма, Мастаев всем рожком вдребезги разнес черный аппарат, будто и этой камере сосредоточилась квинтэссенция всего зла. А в ответ сокрушительный удар. Гранатомет в него. Повезло, перелетело. Но осколки. Так, пыль, едкая, густая, вонючая, забила глаза, дышать не дает. Да он слышит: все, боя нет, сопротивления нет. И у него патронов нет, зато гул атаки приближается. «Убираться, надо убираться», — как Кныш велел, подумал Мастаев. И был бы кто рядом, тот же парнишка Башлам. И дабы не осрамиться в чужих глаза, он, быть может, сдержался бы. А сейчас он один, от страха дрожит, от врыпнов дрожит. Бросил автомат, побежал по задымленному коридору. Вспышка. Он куда-то забежал, стукнулся, от удара упал. Боль, страшная боль. Он пытается встать, ползет, не зная, куда и зачем, снова молния в глазах, словно гирей по башке...

* * *

Очнулся Мастаев в республиканской больнице. Это в двух шагах от мэрии и Дома политпросвещения. Рядом дед Нажа и мать, сквозь слезы все же улыбается. А врач говорит:

Вам повезло, контужен. К вечеру придет в себя.

К вечеру, наоборот, стало гораздо хуже. Приходили разные врачи. Почему-то Ваху перевели в отдельную палату. Повтор-

но стали брать анализы, а рано утром отвезли на край города противотуберкулезный диспансер. И тогда Мастаев вспомнил подмосковную психлечебницу, ледяную баню и лечащего врача – «в тебе теперь туберкулезные палочки, пей таблетки, лечись». А он никому не верил, таблетки в унитаз.

А теперь без таблеток и лекарств ему очень плохо, а их в диспансере нет, и от соседей-пациентов Ваха знает, что этих сверхдорогих лекарств и в аптеках нет, только из-под полы, втридорога, по благу.

Родственников к нему не допускают – заразен, да Ваха видит из окна мать и деда, которые каждый день его навещают. И они с вымученными улыбками машут ему рукой, мол, все будет в порядке и у них все хорошо. Но он понимает, как им сейчас не легко, через неделю первая партия лекарств закончилась, и его пару дней просто не лечили – нечем. И он сразу понял, что только за счет таблеток держится, а так, болезнь прогрессирует, температура не спадает, слабость. И он все теряет и теряет вес, почти скелет. И тут вновь появились лекарства, много еды. И Вахе чуть полегчало, и он способен думать, что же дед и мать на сей раз продали? Наверное, пару бычков или с десятка баранов, которые ныне не в цене, а может, уже коня и всю пасеку?

Помимо болезни, эти сугубо житейские проблемы терзают Мастаева, и он об ином, о политике, о чем круглые сутки говорят многочисленные пациенты огромной палаты, пытается даже не вспоминать. Однако его роль в недавних событиях уже и здесь общеизвестна, и все шушукаются, что гвардия президента разыскивает всех оппозиционеров, по-всякому расправляется с ними и хуже всех тем, за кем нет мощного тейпа – кланов или денег – откупиться. К последним относится и Мастаев, да друзья по недугу его успокаивают:

– Мы тебя в обиду не дадим, пусть только сунутся, мы их бациллой.

В этом все солидарны. А вот когда почти каждый день, и по раз за день, заходит речь о политической ситуации в республике, то одни с пеной у рта поддерживают президента-генерала, другие с таким же рвением выступают против. Вместе с тем все едины

подушны в одном: штурм мэрии и слух о массе убитых — страшное событие. И тут Мастаева вновь и вновь просят рассказать, как это было. Об этом Ваха молчит, твердит, что ничего не помнит. А вот о нем вспомнили и, видимо, уже знали, что его состояние стало стабильным.

Как-то в понедельник, с утра, завотделением позвал за собой Мастаева. Оказывается, на первом этаже, в тупике, отдельный кабинет. По всем признакам — затхлый воздух, пыль, еще портрет Ленина, правда, не висит, а валяется в углу — здесь давненько никто не бывал, а сейчас сидит за столом пожилой чеченец, явно в прошлом партиец-коммунист, быть может, даже агитатор-пропагандист Дома политпросвещения, но сейчас он замалчивает грехи, по крайней мере четки в руках. Без души, но как положено у чеченцев, он справился о здоровье и, чувствуется, заразиться боится, не приближается. Кинул перед Вахой на стол конверт. Понятно, что почерк Кныша.

«Сов. секретно! Лично в руки! Тов. Мастаеву!

Дорогой Ваха Ганаевич! Вы ослушались моих рекомендаций, чуть не загубили себя и все дело революционной демократии. Я вам искренне, по-ленински сочувствую, многое прощаю. Однако из-за вашей пальбы сорваны документально-телевизионные отчеты. Понимая ваше теперешнее невменяемо-болезненное состояние, я вместо вас подготовил все отчеты. Вам осталось только их подписать. Выздоровливайте, ибо дело революции только-только зарождается. Нас ждут великие дела! С товарищеским приветом! Крепко жму руку».

Далее два документа: (Лист № 1).

«Отчет

председателя Центризбиркома по Чеченской Республике

Строго соблюдая конституционные права граждан Указом Президента Чеченской Республики был назначен референдум. Однако некие оппозиционные пророссийские силы вооруженным путем сорвали намеченную демократическую процедуру. Для наведения правопорядка в республике введено чрезвычай-

ное положение, при столкновении с оппозицией с обеих сторон погибло 4 человека, ранено 8.

В республике введено прямое президентское правление (одобренное населением), деятельность парламента прекращена и считается незаконной.

Председатель – Мастаев В.Г.

(Лист № 2.)

«Заявление

независимого журналиста агентства «Рейтер» с места событий

После того, как президент-генерал Чеченской Республики незаконно разогнал парламент (кстати, так называемые выборы парламента ЧР происходили одновременно с президентскими), под давлением оппозиционных сил в республике был назначен референдум с вопросом «О доверии Президенту и Парламенту». Однако в ночь перед референдумом гвардия президента атаковала центризбирком референдума, применив бронетехнику и тяжелую артиллерию. В результате погибло 54 человека, 36 – ранено и контужено, 24 человека арестованы (без суда и следствия).

В Чеченской Республике введено прямое президентское правление, иначе – военно-авторитарная хунта.

Независимый журналист – Мастаев В.Г.

– Я это не подпишу, – бросил Мастаев корреспонденцию. Это очередная провокация Москвы. А вам не стыдно такое приносить?

– Я чужие письма не читаю, – бесстрастен голос посыльного. Только прошу вас, для порядка, напишите письменный ответ.

– С вами, контуженными, «порядку» не было и не будет, чуть ли не кричит Мастаев, а ему спокойный ответ:

– Не скажите... При нас, коммунистах, в этом диспансере были бесплатно лекарства, лучшие врачи, чистота. А теперь?

Посмотрите вокруг, на себя. И вообще, нечего валить с больной головы на здоровую. Это вы, комсомольцы да молодежь, затеяли эту демократию, гласность, перестройку! Словом, не досуг, и так за бесплатно работаю. К тому же, во вредных условиях, так что либо подпиши, либо два слова черкни. И мне нужно отчитаться, и тебе.

— Отчитаюсь, — процедил Ваха.

Он взял ручку: «Тов. Кнышу! Уважаемый Митрофан Аполлонович! Как вы выразились, с нашей стороны была пальба, — «отчет» пострадал. А вот с вашей стороны был конкретный залп. И не буду вас утомлять, тоже отвечу искренне, по-ленински: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов (групп, банд, партий). Сторонники реформ и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. Ленин В.И. ПСС, том 23, страница 47, «Три источника и три составные части марксизма»... Три «источника» вами были обозначены — это нефть, оружие и, страшно подумать, да вы это пишете, — наркотики. А составные части марксизма и ленинизма — это конечно же не социальная справедливость для трудящихся, а захват власти, культуры! С приветом Мустаев!

P.S. По слухам, оппозиционеров преследуют, многих пересажали, многие из республики бегут... Примерно такая же ситуация в этом тубдиспансере. Питание очень скверное, медикаментов нет, только за счет больных. Опытные медработники покинули республику. Те, что остались, много месяцев не получают зарплату. Свет от генераторов, и то с перебоями, топлива не хватает — это в нефтеперерабатывающей республике, потому что за рубежом цена нефти гораздо выше. От электричества зависят подача воды, санитария... Кстати, портрет Ленина здесь еще присутствует, правда, ныне и он не в почете. Привет».

В тот же день Мастаева еще раз повели на первый этаж, в первый кабинет, как кто-то выразился: «Потрясающая оперативность спецслужб».

«В.Г. Мастаеву. Дорогой Ваха Ганаевич!.. Еще до вашего письма мы решили в ЦК (точнее в Кремле) назначить комиссию для проверки ареста буржуазных интеллигентов промосковского типа и для освобождения кого можно. Ибо для нас ясно, что и тут были ошибки (ПСС. Т. 51, док. № 80. – С. 47–49).

... Чем больше я вчитываюсь в ваше письмо, тем более прихожу к убеждению, что и письмо это, и выводы ваши, и все ваши впечатления совсем больные... Нервы у вас явно не выдерживают, сумма больных впечатлений доводит вас до больших выводов.

Начинаете вы с туберкулеза и дизентерии. И сразу какое-то большое озлобление: «братство, равенство, перестройка». Бессознательно, а выходит нечто вроде того, что коммунизм виноват – в нужде, нищете и болезнях осажденного города!!!

Не хочу навязываться с советами, а не могу не сказать: радикально измените обстановку и среду, и местожительство, и занятие, иначе опротиветь может жизнь окончательно. Крепко жму руку. Ваш... (Ленин В.И. Письмо М.А. Горькому. ПСС. Т. 51, док. № 39. – С. 23–27).

Р.С. Мастаев, вы конечно же больны. Психлечебница, а следом тубдиспансер – тому подтверждение. Тем не менее прогресс и некие признаки ленинской диалектики налицо: наконец-то вы заговорили об интересах, в ваших строчках зазвучали политэкономические термины. Это соответствует перестройке, нынешней буржуазно-рыночной действительности. Появился некий торг и даже компромисс. Но ты (извини за фамильярность) не торгош, ты боец! Похвально! И все же поставь точку в нашей истории. Подпишись. Закроем эту тему навсегда – расчет, тем более что плата достойная. С комприветом Кныш».

Только Мастаев дочитал, как посыльный доложил:

– К тебе посетители – дед и мать.

— Разве я не заразен? — не перестает удивляться Мастаев.

— Главное, чтобы в мыслях не было оппортунистической прищипы.

— Может, оппозиционной?

— Какая разница, молодой человек: власть может называться по-разному, да суть ее от этого не меняется, она у тех же и та же. Понял?.. Кстати, чуть не забыл, вот еще одна записка, по секрету, — последнее он прошептал, доставая из нагрудного кармана небольшой листок:

«Мастаев! Не забывай Ленина. Даже «у Владимира Ильича сложилось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам!»
Дневник дежурных секретарей. ПСС. том 45, страница 485.

P.S. Это опубликовано во времена расцвета СССР. А что осталось вне публикаций?»

Эту записку посыльный разорвал, тут же в пепельнице сжег, и все же, как от чумного сторонясь, препроводил в приемное отделение — там родственники. Вот кто не боится от него заразиться. Мать обнимает, в слезах:

— Сегодня меня вызвали в ЖЭК. Наш чуланчик теперь принадлежит нам, сказали, что можем даже приватизировать.

— А я, вот, получил письмо от Центробанка России, — так же рад дед Нажа. — Данная мне ссуда на строительство дома полностью аннулирована, погашена.

— А еще, — давно не видел Ваха такую счастливую мать, — вот эти деньги тебе. Это есть доллары! Пачка! — она боится их даже показать. — Вот только в двух местах ты вроде должен расписаться.

Тут же, словно отрепетировали, посыльный выложил из папки листы № 1 и № 2. Ваха, не глядя, расписался. Он надеялся, что посыльный уйдет, и он вдоволь пообщается с родными. Не тут-то было. Появились врачи:

— Кто позволил контакт с больным? Вы хотите разнести заразу?! Мастаев — в палату! Ты так год будешь лечиться и никогда не вылечишься.

Революция не щадит слабых, тем более больных туберкулезом. Без постоянного рентгенообследования современное лечение почти невозможно, а в тубдиспансере слух: главврач, покидая Грозный навсегда, вывез с собой и дорогостоящий рентген-аппарат. А другие говорят, что этот аппарат сломался, мастеров нет.

Как бы там ни было, да, как говорится, спасение утопающего... Словом, более полутысячи пациентов подписали президенту с нижайшей просьбой письмо. Никакого ответа. Может, письмо и не дошло «на деревню, к бабушке». Только вот президент, выступая по телевизору, уже не обещает «в краниках верблюжье молоко», он твердит, что чеченцы – «воины, самая сильная и смелая нация в мире», а если есть дохляки – «это не чеченцы».

В общем, как и во время лечения, скинулись туберкулезники, наняли автобусы. Благо, что большинство врачей – гуманисты. В соседнем Ставрополе им бесплатно обещают сделать рентгенообследование. Однако на границе стоит грозный ОМОН:

– Мало того, что от вас террор, беспорядки и воровство прет, теперь вы и заразу вздумали к нам завести... Назад! Кому сказал, назад! И нечего мне бумажки показывать. Стрелять буду!

Вновь скинулись туберкулезники. Гуманизм возобладал... А вот в краевой больнице Ставрополя их встретили с большим вниманием: питание, медикаменты и вся аппаратура.

– Да, молодой человек, – пожилой доктор внимательно осматривал рентгено снимок Мустаева, – ваша ситуация, как и ваша Чечня, – оба легких поражены, почти полное затемнение...

В Грозном лечащий врач сравнил этот снимок с предыдущим и тоже сделал весьма неутешительный вывод. Нужны лекарства, много лекарств. А тут выяснилось: аптеки, которые как-то еще в Чечне функционировали, теперь – даже названия не осталось. На базаре, как картошку продают только дешевые, совсем примитивные лекарства – кои с инфекцией не справятся. И запущенная болезнь Мустаева явно прогрессировала, да народные средства дали палочкам Коха бой. Это родственники Мустаева пошли на охоту в лес, и теперь дед Нажа доставляет на все отде-

еще не только мед, маточное молочко и цветочную пыльцу, но и барсучий жир, медвежатину. Скрытно и собакой Ваху подкармливают. А вот курдюк он уже видеть не может, да пересиливает себя. И, конечно, это усиленное питание поддерживает его. Состояние его стабильное, температуры давно нет, и он даже стал немного набирать вес. Однако говорить о выздоровлении не приходится: нужны лекарства. Их можно достать только в Москве. У Мастаева в Москве особых знакомств нет, кроме как Кныш, Деревяко и ее муж — Дибиров Руслан, да бывшая жена, к которой он ни при каких условиях не обратится.

Была бы связь, он постарался бы с кем-либо связаться в Москве, но телефон в Грозном ныне — роскошь, а всеми позабытый и почти заброшенный тубдиспансер существует лишь за счет энтузиазма и патриотизма некоторых врачей, за жалкий счет больных. И здесь давно связи нет. И вот у Вахи появился шанс выйти на Москву, к нему вдруг какой-то посетитель:

— Башлам! — как обрадовался Мастаев. — Я знал, что ты живой. Так рад, — хлопая односельчанина по здоровенным обвислым плечам, Ваха, сторонясь, просто любовался ростом, мощью розовощекого крепыша. — Ты так возмужал. Воин!

— Где-то полгода назад я был здесь, не пустили, — Башлам виновато-стеснительно улыбается. — А потом учения. Я служу на полигоне в Шали. Но я справлялся у деда Нажи... А сейчас отказали, к тебе допускают. Вот и решил перед отправкой в Москву тебя навестить.

— А зачем в Москву? — насторожился Мастаев.

— Не знаю. В полной экипировке, ночью будет борт.

— Приказ или деньги сулят?

— И то, а более второе, — на последнем стал тише голос Башлама, а больной закричал:

— Не смей! Жизнью не торгуют, — Ваха схватил мощную руку Башлама и как бы для внушения тряхнул: — Ты что, думаешь в Москве и в России, под пятой которой чуть ли не полмира, восвать некому кроме тебя?

— Вот и я пришел совета спросить... Это фрукты, — Башлам кивком указал на массивный кулек в углу. — Если я нужен буду, спроси

у любого гвардейца – у нас своя связь, – и, уже уходя, он на ухо Вахетихо сказал: – Говорят, в Москве будет какая-то заварушка.

Электричество в тубдиспансере от стационарного генератора, строго по часам, днем, а вечером слушают только радио, и что сообщают: в Москве конфликт между президентом России и Верховным Советом. В город введены танки, войска. А представитель Верховного Совета России – чеченец, на его поддержку прибыли спецназовцы из Чечни. По зданию Верховного Совета в упор стреляют танки. Идет штурм.

– Да, – вслух подумал Мастаев, – здесь, в Грозном, отрепетировали, в Москве – гала-концерт... После тоже свернут демократические процедуры, завуалированно введут прямое президентское правление. А по итогам штурма составят два протокола: для прессы, а как есть – в архив, дабы, когда надо, кого надо, шантажировать, в узде держать.

– Это ты про кого? – спросили больные по палате.

– Про нас, – грустно выдал Мастаев.

– Неужто в Москве будет война?

– Тогда и нам не поздоровится.

– Не дай бог, – подумал Ваха, ведь, помимо прочего, теперь там, в Москве, живет и его любимый сын.

От переживаний за ребенка Ваха всю ночь не спал, а утром по радио новости – сдержанная радость. Конфликт ликвидирован. Вице-президент России и председатель Верховного Совета арестованы, посажены в тюрьму. Белый дом (здание Верховного Совета) от артиллерийского обстрела разрушен, пожар ликвидирован, погибло более 20 человек. «Последнюю цифру надо увеличить как минимум на порядок, – по-своему опыту делает вывод Мастаев, – и все равно хорошо, что все завершилось».

Его настроение от этой новости немного улучшилось, да тут пришла мать, очень печальная, видно, тоже ночь не спала:

– Сынок, я не хотела тебя до сих пор тревожить. Да вести и у нас тревожные: почти все прежние жители «Образцового дома» выехали, кто квартиры продал, кто обменял. Одни Якубовы остались: их сын и сейчас при власти, то был в милиции,

ныне банкир. А Бааевых все допекали, опять чуть было Альберта не выкрали. Они бежали.

А Мария где? – не выдержал Ваха. – Она с мужем сошлась?

Нет... Но дела у Дибировых не лучше. Викторину Оттовну и Марию просто выкинули из квартиры. Мол, Руслан в Москве, квартира служебная. А Руслан с Деревяко развелся.

Как развелся?

Говорят, но это слух, что Руслан в Москве совсем опустился, спился. В общем, Деревяко выкинула его из квартиры. Где-то шастает по Москве, даже адреса нет.

А где Мария и мать? – не может Ваха сдержать волнение. Пока у нас.

Уходи, – почти что прогнал Ваха мать, а сам тотчас поспешил к лечащему врачу. – Я заразен?

Нет, Мастаев, ты давно не заразен, но очень болен.

В последнем Ваха еще раз убедился, когда впервые за много месяцев покинул тубдиспансер. Он представлял свои легкие такими же помятыми, запыленными и просыревшие-вонючими, как и его заброшенная было под кровать одежда. Оказывается, он даже не может идти. Денег ни копейки. Общественный транспорт – о таком в Грозном позабыли. Да Ваха руку поднял, заглянув, он хотел было объяснить водителю легковушки, что денег нет, да тот и слушать не стал, буквально затянул в машину:

– Куда надо – отвезу, вижу, что из больницы.

Подвезли не просто до дома, а прямо во двор, к центральному подъезду. Хоть и выметено вокруг (Баппа старается), да все равно вид у здания обшарпанный, явно запущенный, лишь вывеска «Образцовый дом» по-прежнему блестит, а вот надпись «Дом проблем» словно никогда и не было. Выбор сделан, более «выборов» не будет.

В подъезде, под потолком, красным «Мария, я люблю тебя!» От этого Вахе теперь почему-то стало стыдно, что-то детское, наивное, зато чистое и честное в этих словах. И не хочется, чтобы они ныне были в этом грязном, вонючем подъезде. А,

поднимаясь на второй этаж, Мастаев вспомнил ленинские слова: «Наши дома – загажены подло».

Став перед дверью квартиры Дибировых, он долго не мог прийти в себя, до того сильная одышка и учащенное сердцебиение в ушах. А когда несколько отдышался, одумался: какой же он действительно дурак. Что он сделает? Кого он напугает? Разве что его измученный вид и страх заразиться. Так его слушать не будут. Наверняка оружие, а может, и охрана у нового жильца есть.

Тут отчего-то Мастаев вспомнил Кныша. Да, Кныш ныне далече. Вот, если бы обратиться к президенту. К нему не допустят. Еще он вспомнил Башлама – военную силу. Нет! Подставлять юнца тоже нельзя.

И пока Мастаев мучительно соображал, сверху шаги, какой-то напыщенный от самостийности жилец – сразу видно, важный чиновник, а манеры и весь облик еще крестьянские.

– Накъост¹, – обратился Мастаев, – в этой квартире ныне кто проживает?

– Министр жилищно-коммунального хозяйства.

– О-у! – сам Мастаев удивился своей находчивости. Он властно и очень уверенно стал стучать в дверь, и как только она открылась, пытаясь подражать в манере недавнему собеседнику, грубо и нагло подтолкнул дверь, и уже будучи в квартире, вспомнив свой ущербный вид, он и из этого решил извлечь выгоду:

– Пока подлинные революционеры страдают, – с некой претензией, кривя свое и без того изможденное лицо, Мастаев демонстративно осмотрел свой наряд, – в это самое тяжелое для народа время в наших министерствах бездна безобразий, Мастаев ткнул пальцем в сторону оторопевшего хозяина. И пока тот попытался раскрыть рот, резво продолжил: – Наш президент-генерал вслед за Лениным говорит: «Худшие безобразники, бездельники и шалопаи – это наши министры, кои дают себя водить за нос всяким оппозиционерам, ставленникам Москвы».

– Я-я, – стал, как ранее Мастаев, заикаться министр, – я даже в Москве никогда не был.

¹ Накъост (чеч.) – товарищ.

– А ты и Грозный лишь недавно увидел, – резво продолжил Мастаев. – А президент-генерал только что заявил, что минюст и реинтрибунал отвечают в первую голову за свирепую расправу с этими министрами-шалопаями и с белогвардейцами-русскими, кои ими играют.

– Я-то и русский плохо знаю.

– Не перебивать, когда самого Ленина цитируют уста президента, а я передаю. Гм, – поправил голос Мастаев. – Подписав решение о выделении двух миллиардов на чистку Грозного и прочитав Положение о ЖКХ, о неделе оздоровления жилищ, я пришел к выводу, что мои подозрения (насчет полной негодности постановки этого дела) усиливаются. Миллиарды возьмут, распродают и расхитят, а дела не сделают.

– Это на бумаге два миллиарда, а я получил всего один, – стал жалобиться министр, а Мастаев как будто не слышит:

– В Грозном надо добиться образцовой чистоты (или хоть сносной для начала), ибо большего безобразия, чем «чеченская грязь» в первом «Образцовом доме» и представить нельзя. Что же не в «Образцовых домах»?.. Кто отвечает за эту работу? Только ли «чиновники» с пышным чеченским титулом, ни черта не понимающие, не знающие дела? Бездельники!

– Я не бездельник. Работаю... А может, я вам хороший костюм куплю?

– Что?! Во-во, взяточники, казнокрады! Предатели революции. Ведь верно наш президент по-ленински сказал: «Наши дома – запущены подло». Закон ни к дьяволу не годен. Надо в десять раз точнее и полнее указать ответственных лиц и сажать в тюрьму бесновладно». ПСС, том 53, страница 106.

– Что значит «том»? – растерян министр.

– Из вашего уголовного дела.

– Пятьдесят три тома?!

– ПСС – всего пятьдесят пять.

– Я понял... К вечеру я вам дам пятьдесят пять миллионов.

– Что?! Но-но-но! Вот министр! Вы думаете, что мы будем покупать или продавать честное дело нашей революции?

— Нет-нет. Вы не так поняли. Я тоже честный коммунист, до сих пор храню партбилет.

— А совесть? — перебил Мастаев. — Мало того, что вы «загнали подло» весь город. Сами погрязли во взятках. Вы позарились на святое, на чужую квартиру, где искусство, культура, музыка. Посмотрите, посмотрите, вам не совестно, на такой музыкальный инструмент, на фортепьяно вы поставили гору посуды, грязной посуды, словно это сервант, — Мастаев уже в зале Дибировых. Он взял рюмку с инструмента, понюхал, осмотрел. — Фу, пьянствовали! Чеченец-министр! Нет, чтобы молиться.

— Я молюсь, клянусь, молюсь.

— Так вы верующий или коммунист?

— Ну, понимаете, — замялся министр, — современный верующий.

— Понимаю, коммунист, молящийся деньгам... Будет должено президенту.

— Не губите! Только-только на ноги встал. За должность столько отдал, весь в долгах. Сколько хочешь? Скажи.

— Молчи! Революцию не купишь! Из-за таких, как ты, свободы и государства нам не видать.

— Я за свободу!

— Хоть чужую квартиру освободи... Немедленно!

Только на улице Ваха понял, как он вспотел. К своему удивлению, этот разговор теперь не казался ему фарсом, тем более авантюрой. Такова реальность, и еще неизвестно, как все обернется.

Раздумывая над этим, он даже не заметил, как машинально очутился в чуланчике. И, словно очнувшись, он оторопел: на его диване сидит Мария с книгой в руках. Сколько он об этом мечтал, а случилось как. Он слова, как и прежде, вымолвить не может. А она встала, красивая, высокая, стройная, в самой девичьей зрелости. И Ваха чувствует, что она крепче его, здоровее его и даже, кажется, стала выше его. И она это подтвердила своим печально-тревожным вопросом:

— Ваха, как ты исхудал!

— 3-з-дравствуй, — только это сказал он. В это время, видимо на голоса, появились из кухни Баппа и Виктория Отто-

на. — У меня процедуры, — нашелся Ваха. Как появился, так же неожиданно ушел.

Далеко Ваха не мог уйти. Долго стоял у «Дома моды», поджидая маршрутку. Он хотел думать о прекрасном, о любви, о Мирии. Однако этот некогда красивый, цветущий, многолюдный перекресток, самый центр, рядом базар, теперь обезлюдел. Всюду грязь, мусор. А редкие прохожие очень угрюмы, подозрительны. И он вырос в этом месте. Ни одного знакомого лица, и вдруг кто-то крикнул.

— Мастаев! Ваха! Это ты?! — он тоже вряд ли узнал бы Самохвалова — так директор типографии изменился, будто подступил городу поизносился. И надо было сказать что-либо иное, да Мастаев, как обычно, ляпнул что на уме:

— Вы еще не уехали?

Вместо радостного блеска в глазах вмиг лицо Самохвалова исказилось страданием:

Я здесь родился, вырос. Мои родители здесь похоронены, — на последнем слове его голос задрожал. — И ты о том же, — он в сердцах махнул рукой, не прощаясь, тронулся, как показалось Вахе, сгорбившись более прежнего. А Вахе хотелось Самохвалова догнать, извиниться, да не было сил... Были бы силы, он бы точно из этого осеревшего города хоть куда уехал бы, до того здесь чувствуется больная атмосфера. А он с трудом добрался до больницы, буквально свалился на кровать, а над ним доктор:

— Мастаев, в диспансере ныне многого нет, зато есть покой, который тебе крайне необходим. А там, — он указал в сторону окна, — очень много проблем. С твоим здоровьем с ними не справиться. Выбирай.

Выбирать не пришлось. Ночью резко поднялась температура, он стал бредить. Так получилось, что в эту ночь дежурного врача не было (в отличие от туберкулезников, врачи убывали, условий для работы нет) и тогда кто-то из пациентов поделился своими лекарствами.

Под утро Мастаеву стало легче. Когда он очнулся, вспоминал, что вроде бы видел во сне Митрофана Аполлоновича. Он подошел к окну. Тубдиспансер на возвышенности, днем почти весь

город видать, а теперь какой-то мрак и лишь редкие-редкие огоньки, такие жалкие и слабые, что даже звезды на небе ярче горят.

«Кныш здесь», — отчего-то подумал Ваха. Что-то извечное, порой доброе, порой враждебное и противоречивое, крепко, как казалось ему, связывало его с Митрофаном Аполлоновичем. И Ваха уверен, что, знай Кныш, где он сейчас он, обязательно навестил бы его. И если не отвез бы на лечение в Москву, то лекарства для него точно достал бы.

С этими мыслями до зари Ваха уснул. Был уже утренний обход, когда его разбудили:

— Ваха, к тебе посетитель. Какая-то почтенная дама, кажется, русская. Но по-чеченски вроде бы понимает.

Мастаев сразу догадался — Дибирова Виктория Оттовна Боже! Что же он натворил? Аж сердце чаще заколотилось.

— Ваха, огромное спасибо!.. Я, мы так тебе благодарны. Даже Кныш вроде к президенту ходил — без толку. А ты!

— Митрофан Аполлонович в Грозном?

— Да, — Виктория Оттовна как-то смутилась. Разговор у них не клеился, и это понятно. Они еще много раз друг друга поблагодарили, все время прощаясь.

Обычно после таких посещений Ваха шел в свою палату к окну, где-то завидуя, взглядом провожал своих уходящих родственников. А что он видит сейчас? Правда, далеко, лишь очертания, да общий контур: у самых ворот Дибирову поджидают две роскошные черные иномарки. Из первой вышел мужчина с пышным букетом цветов. Он ниже Виктории Оттовны — похоже, Кныш, хотя точно утверждать невозможно. Из второй машины вышла вооруженная охрана. Таким важным Кныша Мастаев и представить не мог. А мужчина, вроде Кныш, вручил Дибировой цветы и, открыв дверь машины, настоятельно просил ее сесть. Ваха не стал досматривать эту сцену. Он ничком бросился на кровать, пытаясь спрятать больную голову в слезалой, вонючей, куцей больничной подушке, а в ушах прокуренный голос Кныша: «Теория Маркса и Ленина научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетений учений

«массовую борьбу – борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих». ПСС, том 2, страница 80».

– Сволочь, замолчи! – вдруг на всю палату заорал Мастаев. – Ты предатель, предатель! – кинул он подушку в окно. Словно того ждали, совсем рядом в ответ тяжелая пулеметная очередь... Пока в небо. Может быть, свадьба.

* * *

Снег на голову – вот так вроде как неожиданно, но в календарные сроки – в Грозный пришла настоящая, на редкость суровая зима. Центрального отопления в городе уже который год нет. В тубдиспансере пытались с помощью электронагревателей поддержать тепло, однако генератор не выдержал – сгорел.

Одетые в пальто медработники ходили по палатам, разводя в бессилии руками. Нет, они никого не выгоняли. Да пошто: туберкулезнику нужны тепло, уют, покой. И что Мастаеву? Его кризисный период уже вроде бы миновал, а что делать вновь и вновь поступающим, ведь туберкулез – болезнь неимущих. Сколько их нынче в Чечне?

В приватизированном чуланчике, который теперь можно было назвать родным домом, Вахе было ненамного лучше: отопления тоже нет. Изредка подается напряжение, да такое, что спираль электронагревателя даже не краснеет: экономика республики доведена до ручки. В этих условиях Ваха не вытянул бы. Хорошо, есть дед Нажа, есть родовое село Макажой, там много дров в лесу. И там, в горах, никогда не уповали на политиков, президентов и их экономические интересы. Там, в горах, все просто: как ни горбатся – все бедно, зато свободно. И если руки-ноги работающие – лучше жить там, чем суетиться в больших городах. Ну а в тяжелую годину сам Бог велел держаться родных мест.

Макажой! Альпийские луга, бесконечные, величественные горы. Кристально чистый, несколько разреженный воздух, сухой климат, родниковая вода. Натуральное питание. И солнце, солнце почти круглый год, потому что налитые влагой и свин-

цовой гарью выбросов тяжелые тучи так высоко не оторвутся от грешной земли. А над альпийскими лугами все прозрачно, лишь белоснежные, легкие перистые облака стройными стадами, как праздничные гирлянды, украшают бездонное высокогорное небо. «Вот здесь надо бы построить противотуберкулезную лечебницу, — о своем думает Мастаев, а потом добавляет: — Я обязательно это сделаю».

Эти яркие мысли приходят обычно по утрам, когда много света, солнца, жизни. Да яркий, зимний день очень короткий, за ближайшей вершиной солнце быстро садится. И тогда скорые сумерки. Понятно, как нелегко жить в горах: температура резко падает, вой водопада не слышен — оледенел. И ветерок с вечных ледников начинает игриво напирать в окно, а потом как запоет, как засвистит в трубе, так что дым обратно в дом задувает и рыжий огонь керосинки уныло начинает мерцать, потоп, кажется, и он под напором горной стихии померкнет.

Дым в печи, керосиновый запах — на эти напасти дед Нажа до сих пор даже внимания не обращал. Однако теперь в доме внука больными легкими лежит. Ему не только днем, а ^{даже} более ночью нужен чистый воздух. Посему вместо керосинки древняя лучина на козьем жиру — запаха не меньше, зато натуральный и чем-то полезный. А вот дымоход удлинил, изогнул, два дня трудился — чего не сделал бы для себя, для внука от души старался.

Да это все присказка. Главное лечение деда в ином. В первую же ночь он затащил в дом улей. Снял крышу — по центру сгруппировался пчелиный клубок. Если бы не слабый методичный шум, словно работает легкий мотор, можно было подумать, что пчелы на зиму заснули.

— Садись, — приказал Вахе дед. — Ниже, ниже голову, — он накрыл внука сверху одеялом. — Дыши. Вдыхай аромат улья, в нем все ферменты, все прелести и ядовитость гор.

— Ой! — внезапно вскочил Ваха. На носу и на щеке жала торчат.

— Ой-ой-ой! — заволновался дед, тотчас улей крышкой накрыл, а внука успокаивает: — В тепле пчелы стали поживес... А вот твое дыхание им противно, мерзость инфекции выходит из тебя,

они тебя и атаквали. Ничего, их ужаливание очень полезно. Ах-хе, посмотри, как быстро поправился – лечение налицо.

Так оно и есть. На следующее утро глянул Ваха в зеркало: словно харю отъел – не узнать.

Я забыл маску дать... Давай, давай, садись.

А на следующую ночь Ваха над другим ульем сел. Вновь через пять-семь минут пчелы его атаквали, да защитная маска спасла. И все же Вахе не нравится эта процедура, более десяти минут он высидеть не может, а потом до утра в груди боль, будто скипидаром изнутри по легким прошлись.

– Так и должно быть, – строг дед. – В тебе хворь, яд, бактерии, которые просто так не хотят из тебя уходить. Они хотят тебя съесть. Ты должен их истребить... Вот так, жизнь – борьба! И эти бактерии так въелись в тебя, как чиновники-казнокрады – в нашу республику, что они уже диктуют твоему сознанию: лучше нас и ближе нас нет, живи с нами, породнись с нами, смиришься с нами, не борись с нами, и тем более – не трави нас. Но аромат улья, который ты сейчас не можешь ощущать, потому что в тебе много гидов, как пчелиное жало обжигает этих тварей, а они кусают тебя, мол, не трави, давай по-прежнему существовать. А ты должен жить! Здоровым жить! Дыши.

Через две-три недели он высиживал до получаса, так что поты от пота взокали, словно из бани. А потом вдруг пчелы перестали его атаковать, и тогда дед сказал:

– Все, перебороли. С твоим дыханием вони и яда нет, пчелы спокойны.

– А почему ты изначально так не лечил? – удивился внук.

– Изначально не получилось бы. Бактерии, как и вся природа под воздействием человека, приспособляются, мутируют, ризируются, изменяются. И ныне – сколько лекарств, столько же появляется хворей. Жизнь людей отражается на жизни природы. Развита цивилизация не избавляет человечество от болезней, а наоборот, и больных больше, и лекарств больше, и прачей больше – не хватает. Каков образ жизни людей, таков образ их мыслей. Таковы и болезни. И их лечить только так и

Оказывается, в Грозном еще пульсирует жизнь. С роскошным букетом живых цветов Мастаев стучался к Дибировым, — его молитвы услышаны: открыла сама Мария. Увидев его, не смогла скрыть улыбки, он обычно лепил все подряд. И сейчас готовился с ходу это сказать, да, увидев любимую, голос потерял:

— А-а меня играть не научишь?

Она еще ярче засмеялась:

— Попробуем, — жестом пригласила в квартиру, и прямо, глядя на него: — А ты, как и прежде, даже свежее, — тут она спохватилась, смутилась. — Заходи.

В зале сидело четверо разновозрастных детей.

— У нас еще один ученик, — представила пораженным детям Мастаева, и, указав ему на кресло, она, став уже совсем строгой, более чем приличествует педагогу, как-то торжественно села за фортепьяно. Вначале, явно нервничая, наигрывала непонятно что, а потом, после паузы, она сыграла «Чеченский вальс» Шахбулатова, «Родник» Димаева, а когда зазвучала «Мелодия любви» Хачатуряна, Ваха как-то отключился. Он представил, что птицей парит над горами Кавказа, и рядом с ним — любимая.

— Мария! — даже сидящий у входа Мастаев не заметил, как очутилась в дверях Виктория Оттовна с пакетами в руках. — Ты что вытворяешь? — мужчину в дом.

— Я ученик, — вскочил сосед.

— Ваха, — взгляд Дибировой очень строг. — Ты хороший парень, но я тебе в тысячный раз объясняю: Мария и твоя жена — подруги...

— Бывшая, — перебил Мастаев.

— Это не важно. У вас сын растет, восстановите семью. А мы с Марией на днях уезжаем в Москву, ее там Альберт Бааев ждет.

— А вас — Кныш, — вдруг ляпнул Ваха.

— Вон! — процедила Дибирова-старшая.

О сказанном Ваха сильно переживал. Заболев, он бросил курить и в горах даже не вспоминал, а тут потянуло к табаку так, что не спалось. Посреди ночи, как раньше, он вышел из чуланчика, как сквозь гробовую тишину из соседнего двора

– Помогите, спасите!

Как был в тапках, бросился Мастаев через двор. Он не смог разглядеть номер отъезжающей с визгом машины, зато по движению на одном из балконов понял, что это в квартире Самохвалова. Ваха стучал в металлическую дверь, называл свою фамилию, но даже ему не открыли. А поутру у чуланчика появился сам Самохвалов, бледный, как-то резко постаревший.

– Ваха, помоги... Даже вещи вывезти не дают. Квартиру за копейки продаю.

Вот тут пригодился Башлам. Его гвардейцы все погрузили в грузовик, до самой границы сопровождали. Ну а Ваха вынужден был сопровождать Самохвалова до места назначения.

Как только выехали из Чечни, словно в иной мир попали: дороги без ухабин, ухожены, везде чисто, поля засеяны. А Самохвалов сказал:

– Наш, – он через мгновение исправился, – точнее, теперь наш президент-генерал не по-хозяйски, не как глава мыслит, а все военными категориями. Полководцем себя мнит, о войне грезит... Ой, плохо, очень плохо.

Оказалось, в станице Гиагинской Краснодарского края у Самохвалова родня, загодя куплен дом с большим участком. Здесь просторно, красиво, спокойно, благодать. И Мастаев даже подумывал: если бы не горы, то он сюда, хотя бы на время переехал жить, хотя местные казаки русских Самохваловых прямо в лицо обзывают – «понаехали, чеченцы», а вот к Вахе, чеченцу, первый день относились с настороженным любопытством, а потом стали в гости звать, за дружбу пить. И как-то, припозднившись, шел Ваха от соседей и слышит в раскрытое окно, как Самохвалов кричит:

– Митрофан Аполлонович, Митрофан Аполлонович, послушайте, ну не могу я, не могу, это память об отце, а икона – совсем древность, от прабабушки. Ну как вы не поймете. При чем тут цена?

В это время с улицы зашел Ваха. Хозяин жестом показал «не шуми». Явно стушевавшись, он скомкал разговор, пригласил Ваху сесть. Только сейчас Мастаев заметил початую бутылку, стакан и легкую закуску на столе.

Самохвалов налил себе, залпом выпил, и в упор глядя на Ваху:

— Кныш, Кныш звонил, — он посмотрел на стенку, там какая-то уж очень блеклая картина и рядом икона в углу. Эти вещи Мастаева совсем не тронули, а Самохвалов с обидой: — Ты не знаешь, что это такое. Им цены нет... По-моему, из-за них этот сыр-бор.

— Какой сыр-бор? — насторожился Ваха.

— Ай! — отводя взгляд, махнул рукой Самохвалов. Он налил себе еще раз, также залпом выпил. — Хе-хе, — как-то странно и туповато улыбнулся. — Хочешь, лучше сказку расскажу? Приехал в Грозный проштрафившийся солдат в одной рваной теленяшке, словно матрос. А уехал... У-у-у, столько добра! Все, что нужно и не нужно, весь музей. Ныне полковник, а может, и генерал, коллекционер. Сила!

— Вы о Кныше?

— Теперь он Кнышев, — Самохвалов встал, как бы спохватился. — Спать! Пора спать, а то болтаю.

...Погостил Мастаев, как положено на Кавказе, три дня, погулял вдоволь, поехал довольный домой, а на станции Минеральные Воды при пересадке его милиция задержала. Шесть часов, до глубокой ночи, его держали в отделении, якобы выясняя его личность. К этому эпизоду можно было отнестись спокойнее, тем более что, кроме нескольких нелицеприятных вопросов и экспроприации большей части наличности, более ничего с ним не было. А было иное: все стены увешаны снимками — «этих преступников разыскивает милиция». И там сплошь одни лишь чеченцы, все известные люди — вплоть до президента Чечни. От этой досады Мастаев расстроился, и случилось плохое — он закурил. А что еще хуже: доехав до Грозного, он сигареты так и не выкинул. И в кабинете Самохвалова, где он теперь пообещал работать, он поставил перед собой пепельницу. «Все, табак вернулся», — с ужасом думал он, как в тот же день встретил товарища по тубдиспансеру — худой, скрюченный, курит. Как сказал бы дед Нажа, этот до конца жизни хочет сосуществовать с гадами внутри себя — инвалид. Ваха так жить не хочет, его искалеченным легким грязный городской воздух, тем более с табаком — нет. Он уехал в горы.

Дед Нажа уже старый, но, как и все горцы, он постоянно в трудах, хотя многое уже не под силу. А Ваха более-менее здоров, теперь он взвалил на себя заботу о большом хозяйстве. Богатств здесь не наживешь, зато спокойно, все размеренно, чисто. И пусть скучает он по-прежнему по сыну и Марии, кои оба в Москве, что-то его держит здесь: первое – это его здоровье, и второе – ждет он какой-то развязки, ибо то состояние, которое искусственно нагнетается вокруг Чечни, и не без помощи некоторых чеченцев, долго продолжаться не может.

Время не смутное, – свое твердит дед Нажа. – Люди, так сказать, стали смутными. Надо переждать, пока переберется.

Вот и ждет Ваха все в крестьянских трудах, да есть у него праздники – два дня в неделю выходные: он уходит в горы на охоту, все дальше и дальше, все больше и больше проделывает путь, все ближе и ближе для него становятся родные края. Он уже знает, где водятся волки и кабаны, как охотится горная рысь за турами и косулями, где и как медведица воспитывает двух медвежат и как у пчел ворует мед, где и как выискивает дичь орел, в каком ручье много форели и на каком склоне почти круглое лето самая вкусная, крупная земляника. Да это все прелюдия к главному. Его вид постоянно устремлен к ближайшей вершине Басхой-лам. И вот осенью, в сентябре, когда мир за лето насытился, наигрался, размножился и в преддверии суровой горной зимы немного усмирится, Ваха сказал деду иносказательно:

– Я на два дня, переночую в Нохчи-Келой.

– Хорошо. Только смотри, в первый раз на Басхой-лам без проводника не иди.

Если была бы дорога напрямую, даже через перевалы, то от Макажоя до Нохчи-Келой полдня пути. Из-за рельефа приходится обходить хребет Хиндойдук. Только к ночи Ваха прибыл в Нохчи-Келой. Это поселение в своеобразной горной низине. Здесь климат иной, мягкий, природа иная: густые леса, людей проживает поболее, и дома расположены погуще. И занимаются здесь не только животноводством, а более растениеводством, и, как ранее отмечали, люди здесь на вид несколько иные, и диалект немного иной.

Остановился Мастаев у знакомых. По горским обычаям, тем более что гость холостой, хотели нохчи-келойцы устроить вечеринку, но Ваха еле убедил: завтра должен покорить Басхой-лям.

— Каждый уважающий себя местный мужчина должен, поддержали гостя, — а то тропа зарастет. И этот единственный путь с запада на восток, с Аргунского ущелья на Кезеной-Ам, Макажой и Харахой навсегда исчезнет.

До зари они тронулись в путь. Проводник — на пару лет моложе Вахи, даже в темноте ориентировался на местности прекрасно, рассказывая на ходу гостю о старинных достопримечательностях. У одного уж очень мрачного в темноте строения он остановился — оказывается, это древний склеп. И здесь очень занимательная история. Однако сейчас Мастаеву это неинтересно. Он поглощен предстоящим нелегким испытанием, которое, как все отмечают, связано с большим риском. И здесь нельзя уповать только на силу и выносливость, нужен дух, дух горца, покорителя вершин. И проводник вновь и вновь, словно внушает:

— Тропа отвесная, главное, слиться с горой. И если она тебя примет — одолеешь. И помни — через первые пять-десять метров ты должен это понять. И еще есть шанс возвратиться. Далее — путь только вперед, вверх, либо мешком в пропасть.

Чуть светало. Небо уже было светлым, будто за занавесью включили свет в огромном окне. У самой стены на вид небольшая стремительная речушка Келой, вода в которой белая-белая, как разбавленное молоко. Облизывает она каменную твердь горы, да эти камни даже вода не точит.

Ваха уже знает силу и коварство этих на вид небольших горных речек: ледяные, стремительное течение которых с остроконечным каменным дном не даст просто так перейти вброд. Поэтому он указывает путь к единственной тропе, давно-давно здесь сложили своеобразный мост — два бревна, которые от брызг всегда мокры и скользкие. И это словно своеобразный тест — если на таком мосту не выдержишь равновесие, то далее тебе делать точно нечего.

Он справился. У самого подножия, под рев реки, последний инструктаж, и вместе с рассветом, как и было рассчитано, они начали восхождение.

Через пять-десять движений проводник, идущий впереди, нырнул вниз.

Как ты? — орет он.

Мастаев только кивнул. Пару минут спустя, это повторилось, и все, местный не оборачивался, а все Вахе кричал:

— Не смотри вниз, не смотри вниз, только вверх!

Весь подъем — восемьсот метров — самой природой своеобразными террасами, словно для отдыха, поделен на четыре пролета. Все абсолютно разные: самый тяжелый, сплошь каменные сланцы, руки от утренней росы скользят, кровоточат — это первый этап, после которого на узкой террасе — всего метр — Ваха как родную обхватил тоненькую березку, которая неизвестно как здесь взошла, и ничего более не хочет. А его напарник сидит на самом краю, ноги свесил, из рюкзака чурек достал, протягивает. А Ваха в березку вцепился. И хорошо, что не рев, по речку уже и не видно, да еще слышно, а то звук стука его зубов по горам эхом бы прошелся.

Пошли, — не дает особо проводник отдохнуть.

Второй этап полегче. Уклон более пологий. Здесь есть грунт, растут кустарники, низкие ели. И идти полегче, даже есть порою что-то вроде ступенек. Но тут не отдохнешь, разве что в полусогнутом состоянии. А переход самый долгий, после которого вновь терраса — каменный выступ — полметра, на котором лежишь и думаешь, то ли ветром снесет, то ли скала обломится. Словом, это для Вахи не отдых. А проводник вновь ноги свесил, чай из бурдюка пьет.

— Поешь, поешь, — уговаривает он Мастаева. — Теперь самое трудное... Одно благо — недолго. Нож приготовь.

Третий этап оказался самым коварным. Вновь скала, и не сланцы, как вначале, на которых есть выступы, а сплошь почти монолит, почти вертикально. Вот когда Ваха искренне, до удивления глаз пожалел о затее. Он прилип к скале, он хочет ее обнять, а она буквально отторгает его. И мало всего остального, он даже губами облизывает ее, хочет и ртом присосаться. Его единственное спасение — нож, которым он ищет щель, туда вонзает лезвие, и это не совсем надежная, да опора, и с ужасом

смотрит вверх. Там ботинки над ним. Они удаляются, оставляя над бездной, и оттуда сорняки в глаза, и он замирает. Все. Он не может даже шелохнуться, боится глубоко дышать. Чуть сильнее ветер, и его снесет. Это конец! Какой глупый финал! Как ему страшно и как он беспомощен... Вертолет – сюда! Канат – сюда! Весь мир – сюда! Помогите!

– Не стой! Иди! – крик сверху.

И вот проводник уже не в первый раз соскользнул, сам замер.

– Он меня снесет, он тоже не может. Не дай бог камешек от ботинка, – страх колотит Мастаева.

После долгого-долгого оцепенения он вдруг глянул вниз – конец!.. Он еще долго стоял, уже ноги от напряжения стали неметь. Он поднял голову: ботинка над головой нет, лишь голубое, бездонное, чистое небо, оно поманило к себе.

Последний этап несложный – покатый, с помятой травой склон и сильный, холодный ветер. На вершине напарник сидит, курит:

– Напугал ты меня... А так, ничего. Три с минусом ставлю.

В тот день еле-еле, чуть ли не полз Мастаев до дома. Три дня все тело ныло, а на четвертый он поутру вышел и вновь устоялся на Басхой-лам. На выходные с тем же проводником он вновь покорил гору.

– А ты молодец. На полчаса быстрее, – подводили итог. А Ваха этого не слышит – свист ветра в ушах и под ним весь мир. Такая красота! И он уже решил: в третий раз пойдет один.

Ему где-то не повезло. Середина осени, погода в горах резко переменчивая, и он без усталости уже проходил третий, самый тяжелый участок, как почувствовал – ветер, сырой, холодный ветер крепчает, дождем навевает. Рукам очень холодно, потеряли тепло и гибкость, да и он заторопился – нож выпал. Без этого помощника Ваха бессилен: он даже шаг вверх сделать не может, былой, железной опоры нет. И тут полил дождь, холодный, сбоку разящий крупный дождь, какой бывает только в горах. Ваха просто прилип к скале, к этой мокрой, скользкой скале. Он уже не лизал эту гору, не целовал. Она и так природой щедро облизана. Он думал только о том, сколько он выстоит в

таком положении... Жалко деда и мать. Как они воспримут эту новость? Эту глупость. А у него ведь совсем маленький сын. Неужто как он, сирота?

Под стать этим мыслям, совсем темная, тяжелая туча откудова-то приползла, и он оказался в густой пелене, как вате. И этот туман до того обманчив, что хотелось расслабиться, просто провалиться в него. Но он еще стоял. Уже и в ногах дрожь, следом будет онемение. И он понимает – надо попытаться, хотя бы попытаться карабкаться вверх. Да он боится: нет опоры, все скользко. Он сделал попытку. Нога соскользнула. Он в еще большем страхе, уже всем предательски дрожащим телом пытался прижаться к столь холодной скале, как ощутил некую яркость, словно стремительно светает. Под порывами ветра тучу быстро куда-то унесло. И солнце! Теплое, доброе, по-осеннему низкое, уже предвечернее солнце не сверху, а как-то сбоку, словно хочет заглянуть в глаза, разогрело его спину, щеку. И он, пытаясь скрыть слезу, отвернулся от светила и как будто впервые увидел перед собой залитое позолотой листвы глубокое ущелье, темную, искривленную нить Шароаргуна с бахромой притоков – родников, а над всем Чеберлоевским краем огромную, сочную радугу – мост, словно манит его по воздуху пройтись. От всей этой природной, родной красоты ему стало так спокойно, легко, что он понял – все одолеет! И гора притянула его...

Лишь в наступающих сумерках он добрался до вершины. В ущельях и низинах уже клубится языкастый туман. А пики снежных гор еще от солнца горят. И внутри Вахи такой кипит огонь, такая страсть. Он так счастлив. И почему-то в нем столько сил, так здоров, что прямо сейчас, если бы не ночь, двинулся бы покорять следующую высоту – Дайхох. Этой идиллии наступил конец.

– В Грозном чеченцы совсем с ума сошли, – печально сообщает новости дед Нажа только что пришедшему Вахе. – Воюют, какая-то оппозиция с президентом.

– Власть и деньги поделить не могут, – как-то умно рассуждает Ваха. – Лучше подольше держаться от политики и политиков.

— Когда беда приходит в край, сторониться — удел труса, постановляет дед. — А тут давеча Башлам был, тебя вызывает президент.

На слове «президент» дед сделал такое внушительно-унижающее ударение, что Ваха понял: придется в Грозный ехать. А следом он почему-то вспомнил Кныша, и его романтическое настроение покорителя вершин сразу поблекло.

Якобы проведать сноху, а по правде, волнуясь за внука, и воюющий Грозный поехал и дед Нажа.

Центр города перекрыт, издалека видна разбитая и еще доражающая бронетехника. Людей, по крайней мере гражданских, вообще не видно. «Войной пахнет», — с горечью напоминает Вахе Чечня Афганистан.

Словно к их приезду, в Грозном подали электричество, заработал телевизор, и там президент-генерал:

— Эти оппозиционеры продались русским, продались России, на их стороне воюют русские офицеры. Мы их убили и взяли в плен...

Не желая это слушать, Ваха ушел на кухню, он давно не видел мать. Вскоре речь по телевизору закончилась. Тут же отключили свет. Дед Нажа тоже пришел на маленькую кухню и недовольно машет руками.

— Вот дает власть! За эти три года столько нефти вытекло из наших недр, а они ни одной дороги, школы, больницы не построили. Все России угрожали. Все о войнушке думали... А теперь «не повезло им с народом», говняный оказался народ». Хе-хе, а как иначе? Если они у власти сверху сидели, все какали, какали на народ, а теперь хотят, чтобы их испражнения благоговениями обернулись.

— Мне не идти к президенту? — с надеждой спросил Ваха.

— Иди, — приказал дед. — Надо консолидироваться вокруг лидера. Если надо — помочь, надо — подсказать. Нам необходимо единение, а не эти позиции-оппозиции, что разделяют народ.

Мастаева ожидали в президентском дворце. Шло совещание, и как раз о том же единении говорил и президент-генерал. Здесь все вооружены, и настроение у всех боевое: они только что одер-

жали победу. И на их небритых лицах неухоженность, да торжество. Зато сам генерал по-воински подтянут, чисто выбрит, свежий, как всегда, несколько отстранен от всех, даже более прежнего, сметка надменен. Однако, когда Ваху пригласили в отдельную комнату отдыха и туда после совещания явился президент, Мастаев понял, как он устал, каков груз навалившихся проблем:

– С другом связь есть? – вдруг спросил президент.

– С Кнышом? – догадался Ваха.

– Какой Кныш?! – взгляд генерала в никуда, в мыслях он вроде бы очень далеко. – Пока ты по горам шляешься, отдыхаешь, мир стал иной... Не Кныш, а Кнышев, и теперь он очень большая птица – советник президента России по Кавказу... в общем, главный координатор по Чечне, – президент встал, подошел к сейфу. Только сейчас Мастаев заметил: нет ни одного охранника, а перед ним положили конверт. – Надо доставить это письмо, лично в руки Кнышева. Лично. И срочно! Очень срочно.

– А адрес, телефон?

– Ты разве не знаешь? – возмутился президент.

Наступила оторопелая пауза. Видно, генерал мучительно думает:

– Найди, – то ли приказ, то ли просьба. – Отдай лично в руки, – президент вновь пошел к сейфу, после чего перед Мастаевым выложил пачку долларов. – Командировочные, – он крепко пожал руку, и не дрожь, а какое-то напряженное волнение передалось Мастаеву. И это волнение сродни тому, что предшествовало покорению вершины, когда знаешь, что надо заснуть, отдохнуть, набраться сил. Нет, не спится, сердцу не спится, оно колотится, так сказать, прогревается, настраиваясь на рабочий ритм и мысль. Мозг заранее пытается все просчитать, все, вплоть до мелочей, которых в горах не бывает. И конечно же, как ни думать, а все не просчитать, не предусмотреть. Должны быть опыт, интуиция и нюх, нюх охотника, ловца, хищника, а порою, может, даже чаще, нюх преследуемого, загнанного, добываемого, когда даже шелест падающего листочка слышишь, когда всего боишься. А жить хочется... И надо.

К этому заданию Мастаев отнесся, как к охоте — к охоте на Кныша, точнее Кнышева. Правда, он не мог понять, кто для него Кнышев? Вроде совсем чужой человек, вроде свой. Они не раз по-разному расставались, казалось, всегда — навсегда. И вновь, и вновь судьба их сводила. Это Кнышев постоянно возвращался в Грозный, здесь у него всегда был какой-то вроде пролетарско-открытый государственный, в то же время буржуазно-затуманенный, сугубо личный, где-то противоречивый интерес.

Словом, Ваха так и не смог дать четкого определения, кто такой Кныш, тем более он затруднялся ответить, кто такой Кнышев. Понял только одно — теперь он должен искать встречи. И в одном Кнышев загодя ему помог: в шкафу нашел завалявшееся удостоверение — «специальный корреспондент — агентство «Рейтер». Бесспорно. На фотографии лысый, видимо, в психбольнице сделали.

Как искать Кнышева, советника президента? Следуя своей интуиции, Мастаев понял, что в Грозном Кнышева нет. Вахе нужны связь, оперативность. Он срочно выехал в Минводы. На границе с Чечней строгий контроль. Он, почему-то не волнуясь, а даже с вызовом — на него возложена государственная миссия, продемонстрировал свое удостоверение, и ему даже отдали честь. А дальше, словно знали, что он корреспондент, и он важно ходит, никто более к нему не пристаёт.

Из самой дорогой гостиницы он звонил весь вечер в Москву. Его бывшая жена Айна, только одно слово сказала о сыне — «нормально», телефон Дибировых она ему дала, при этом с сарказмом:

— Знаю я, что ты Марию любишь. Вышла бы за тебя, узнала бы, какой ты дурень и дикарь.

— У нее есть муж Альберт, — как и Виктория Оттовна, говорит Ваха.

— Да, Бааев отличный парень. Здесь так раскрутился, квартира в центре Москвы. А Мария дура, как и ты.

Как и хотел Ваха, на сей раз трубку взяла Дибирова-мать:

– Виктория Оттовна, – с ходу выдал Мастаев. – Вы не знаете случайно телефон Кныша.

– Мастаев! Что ты себе позволяешь?!

– Дело государственной важности, – сух и строг голос Вахи. – У нас война.

– Он пару раз звонил, – после долгой паузы ответила Дибирона, – Его телефона не знаю... Как Баппа? Что в Грозном?

– Простите, а телефон Деревяко Галины? – о своем говорит Ваха.

– Руслан с ней не живет... Старые телефоны продиктую.

– О, Мастаев! – лишь поздно ночью ответил домашний телефон Деревяко, навеселе, то ли так довольна, услышав его. – Кнышев никогда координаты не оставлял. А сейчас, наверное, ушел, – советник!.. Ты где? Приезжай.

У Мастаева остался последний шанс, на который он почему-то более всего рассчитывал, и, буквально, как охотник, чтобы не испугнуть, он без звонка поехал к Самохвалову.

– Ну-у, слава богу, живой, – Самохвалов уже принял местный казацко-крестьянский вид, наверное, от этого несколько постарел. – Как там у нас? Телевизор врет, а слухи страшные – что, война? Ужас!

Несмотря на осень, вечер на Кубани был теплый, тихий. Ужинали на улице, в беседке. Оказывается, здесь жило много грозненцев. Узнав о госте, пришли земляки – русские, армяне и даже чеченцы. Обо всем расспрашивали.

Только поздно ночью зашли в дом спать. Ваха первым делом заметил – картины нет, угол без иконки. Самохвалов, тяжело издохнув, устало сел, пряча от Вахи взгляд. И лишь тогда Мастаев сказал:

– Мне нужен Кныш... Дело важное, очень важное, – он достал из папки конверт. – Лично в руки. От президента... Война.

– А что, президент-генерал сам не может выйти на Кныша?

– Видимо, не может.

– Да, два вояки, вроде друзьяки. Зажрались! – Самохвалов встал, подошел к шкафу. Там бутылка, рюмка. Он выпил залпом. – Да, Митрофан-Митрофанушка! Давно ли за бутылкой и пачкой папирос ко мне в типографию бегал? А теперь... – он сел, вытер слезу. –

нейшее развитие военного конфликта, пока это возможно, а отдадим это на откуп тем, кто завязал российско-чеченский узел и пытается разрубить его мечом. Иначе процесс может приобрести неуправляемый характер.

Искренне Ваш,
Президент Чеченской Республики Ичкерия
Грозный, 03.10.1994 г.»¹.

— Ну что? — поняв, что Ваха прочитал, спрашивает Кнышев. — Ваш генерал все ерепенился, ерепенился, а, как порохов запахло, — «искренне Ваш!» Не надо. Поздно. Теперь нас с панталыку не собьешь.

— Вы начинаете войну?

У них возник спор. Видать, Митрофан Аполлонович оказывал на Мастаева какое-то воздействие, потому что с ним Ваха стал коньяк хлестать, а потом закурил, охмелел. И тогда они говорили о красивом Грозном, о знакомых и почему-то о Дибировых — матери и дочери.

Где-то за полночь позвонили. Кнышев очень долго по телефону говорил. После этого Ваха засобирался в гостиницу.

— Куда? Здесь столько места. Раз пришел, то оставайся, — они еще долго сидели. И Митрофан Аполлонович твердил: — Люблю, люблю я тебя, дурака. За то и люблю, что наивный дурак. Давай еще по одной. Ты — спать, а мне еще поработать надо.

С зарею Ваха на ощупь пробрался на кухню, включив свет, он искал воду, внутри жгло. И тут он увидел письмо президента Чечни и сверху, как резолюция, знакомый почерк Кнышева.

«09.10.1994 г. По-моему, не стоит этого брать всерьез и отвечать. Лучше подождем и посмеемся. Сегодня дадим в печать для смеху с директивой редакторам: всячески высмеять и паки и паки ругнуть наших интеллигентов, чеченов и правозащитников-либералов-подлецов. Приеду — поговорим еще. С комплиментом Кнышев (ПСС, том 51, страница 29)».

---

¹ В некотором сокращении.

— Мразь, — процедил Мастаев и подумал: «Не будь он в гостях, я бы бил Кнышева». Не желая более оставаться в этих хоромах, он второпях оделся и безуспешно пытался отворить входную дверь — столько секретных замков, как просто спиной ощутил опасность. Развернулся, перед ним Митрофан Аполлонович в роскошном золотом шитом халате, а в руках, с некой нарочитостью, блестящий, маленький пистолет, то ли зажигалка.

— Что? Надоело мое гостеприимство?.. Даже не прощаясь. Хе-хе. Как-то не до-горски ты себя ведешь.

— Зато вы по-ленински.

— Да, все, что создано, — хозяин развел руками, — это благодаря теории и практике Ленина, — непонятно, имеет ли он в виду свою квартиру или все вообще. — И я, в отличие от некоторых безграмотных придурков, верен идеалам коммунизма.

От волнения заикаясь, Мастаев хотел было возразить, да получилось что-то невразумительное, к тому же дверь за ним быстро захлопнулась.

До гостиницы «Россия», благо все в центре Москвы, можно было дойти и пешком. Однако погода испортилась, почти пошумному шел колючий, мелкий снег, подгоняемый таким же негостеприимным северным ветром. Поэтому Ваха стал одним из первых пассажиров метро и, разглядывая схему, обнаружил чуждые названия: «Ленинский проспект», «Площадь революции», «Октябрьская», «Марксистская», «Пролетарская» и другие. А его станция вроде переименована — «Китай-город», а вот памятник революционеру Ногину¹ также на почетном месте.

В киоске метро Ваха купил свежие газеты, а там по-ленински, «паки-паки», ругают чеченцев — сплошь бандиты, воры, праги «демократической России». То же самое в телевизоре.

¹ Ногин В.П. (псевдоним Макар, 1878–1924) — член РСДРП с 1898 г., член ЦК с 1907 г. Принимал активное участие в революциях 1905 и 1917 гг. Член делегации по переговорам с Англией. С 1922 г. — председатель текстильного синдиката России.

По данным царской жандармерии, Ногин В.П. — уголовник, совершивший множество преступлений. Из мест заключения бежал за границу. Получал именную стипендию правительства Англии.

Оказывается, все беды России из-за чеченцев. Вдобавок в его номер, наверное, он дверь не запер, без стука вошли милиционеры. Его удостоверение несколько сбило их пыл. Его самого не обыскивали, а вот в ванной, в сумке и почему-то под подушкой что-то искали. Напоследок как-то обиженно заявили — их труд надо бы вознаградить: внеурочно, рано подняли, а у них выходной, на что Мастаев предложил назвать происходящее коммунистическим субботником. Его обозвали дурачком.

Все это было бы совсем печально, да в жизни всегда есть просвет: после обеда он видел сына. Вот где Ленина не чтят: по одежке встретили. Ну а когда он щедро раскошелился, бывшая жена и ее родители вовсе стали по-иному на него смотреть, не только позволили, но даже настояли, чтобы Ваха погулял с сыном. Вот когда Мастаев был счастлив! И если бы вечером он смог бы так же погулять еще и с Марией... Да вот Виктория Оттовна подошла к телефону, вновь долго расспрашивала о Грозном, об их «Образцовом доме», о Баппе, а вот дочь не позвала — занята.

— Ее муж, Альберт Бааев, должен позвонить.

— Да пошла ты вместе с Бааевым, — бросил Мастаев трубку.

Поздно вечером он добрался до гостиницы. То, что где-то на юге России разгорается конфликт, — будто не в этой стране: первый этаж огромной гостиницы, что носит название государства, — сплошь рестораны, и везде музыка, дорогие машины, даже поужинать места нет. И что самое обидное, даже парадоксальное — тут же встречаются молодые, развязные чеченцы — им хоть бы хны, даже навеселе.

— Вас просили позвонить, — дежурная на этаже передала Мастаеву записку.

— Он знал, что это может быть только Кнышев. Однако звонить не стал, усталый лег спать, и звонок, приятный, красивый женский голос:

— С вами будет говорить советник президента России, — долгая, очень долгая пауза, и вновь тот же женский голос: — Митрофан Аполлонович не может подойти к аппарату, занят. Просили передать — завтра в шесть утра вас будет ждать машина у гостиницы. Вместе с Кнышевым вы вылетаете в Моздок.

После этого Мастаев просто не мог заснуть. Он пытался думать — может ли он позвонить Кнышеву? И как он ни думал, как он ни мучился, а почему-то при всех противоречиях, даже некоей враждебности к Кнышеву, все же Митрофан Аполлонович — где-то свой, и иного, по крайней мере не только у Мастаева, но даже у президента Чечни нет.

Так и не определившись в этих терзаниях, Ваха все же заснул и проспал бы все, да дежурная по этажу в пять утра позвонила, а потом и стучала в дверь, вежливо напоминая, — ждет.

Ваха помнит этот военный подмосковный аэродром. И если ранее здесь царили уныние, забвение и какая-то замаскированная, опасная контрабандой тишина, то теперь оживление, масса молодых летчиков, напоминающих Вахе бесшабашных чеченцев вокруг гостиницы «Россия».

Лишь после взлета Кнышев спросил:

— Удостоверение журналиста с собой?.. Всегда держи при себе.

— Как амулет? — нескрываемый сарказм в тоне чеченца.

— Дурак ты, — искося, будто видит впервые, оглядел Кнышев соседа, скривив губы, как-то жалостливо ухмыльнулся, затем, отвернувшись, заснул.

У трапа их встречают генералы и полковники. Кнышеву делают честь. Мастаеву без особых церемоний предлагают сесть в машину, стоящую в стороне. Однако Кнышев приказывает пересадить его к нему — бронированная «Волга». Кортёж машин уже выезжал за ворота части, когда Кнышев, как бы очнувшись, приказал развернуться и ехать к складу.

От этой картины удивленный Мастаев резко выскочил из машины. У огромного металлического ангара два ряда машин в очереди, все — чеченцы. В одной — бойцы президентской гвардии, в другой — вроде их противники, так называемая оппозиция. Из склада они выносят тяжеленные ящики со стрелковым оружием. И тут же из-за нарушения очередности между чеченцами возник спор.

— Не шумите, не спорьте, — кричит начальник склада. — Оружия всем хватит. Полный ангар.

От этой сумасбродной картины Ваха совсем опешил, потом бросился назад, к машине, у которой с безразличием курил Кньшнев.

– В-в-вы, вы, – Мастаев не только стал заикаться, он просто не мог найти слов. Как вы смеете?! Это издевательство! Зачем вы их вооружаете? Вы грезите войной! Вы провоцируете бойню! Вы большевик, фашист, безбожник!

– Мастаев! – Митрофан Аполлонович бросил окурок, решительно подошел к Мастаеву, жестко схватив локоть, тряхнул и на ухо, шипя: – Что ты несешь, болван? Кто их насильно заставляет это оружие брать? Просят... Вот, пойд и разубеди этих дураков. Иди же, спасай отечество!

К словам не придаться – так и есть. Но в интонации Кньшева столько снисхождения, что Ваха готов был его задушить... А за что? За то, что и вправду его земляки – наивные бестолочи.

– Накъости!¹ – бросился он к складу. – Зачем, зачем вы берете оружие? – стал кричать он на чеченском. – Вы хотите друг друга перестрелять?!

Погрузка прекратилась. Наверное, с минуту царило всеобщее оцепенение, после чего, как положено, слово взял на вид самый старший, по крайней мере с убеленной сединой бородач:

– Оружие никогда не помешает. Тем более, что бесплатно дают.

– Бесплатно только сыр в мышеловке, – крикнул Мастаев. – Они нас хотят стравить.

– А мы только с ними будем воевать.

– Как ты с русскими собираешься воевать?! Посмотри, только здесь сколько у них авиации?

– Дело не в оружии, а в силе нашего духа!

– О каком «духе» ты говоришь? Ты что, с ума сошел?

– Сам ты дурак, – придвинулся бородач. – И к тому же трус и предатель, с русским приехал.

– Что ты сказал? – Ваха тоже пошел навстречу. Тут между ними стали земляки.

– Почему заминка? – в это время крикнул начальник оружейного склада. – Нужда есть? Пошевеливайтесь, скоро обед.

---

¹ Накъости (чеч.) – товарищи.

Поехали, — Кнышев вновь взял Мастаева за руку.

Ваха чувствовал себя очень скверно. Всю дорогу до чеченского райцентра Надтеречный, где находился штаб оппозиции, он молчал. По пути было много постов, да перед ними все открыто, честь отдают. И, уже подъезжая к цели, Кнышев сказал:

— В Грозном не оставайся. Баппу тоже в горы заberi... Кстати, твой дед колоритный мужик...

Вахе казалось, что Митрофан Аполлонович чуть ли не сказал «быди», осекся. А Мастаев об этом справиться не посмел: ему стало отчего-то совсем не по себе. Впервые в жизни внутренний голос что-то очень тревожное ему подсказывал. Он даже не попрощался с Кнышевым. Пока последний здоровался с руководителями чеченской оппозиции, кои чуть ли не с хлебом и солью встречали советника президента России, Мастаев уже бежал к автостанции.

Оказывается, Грозный уже заблокирован. Лишь один шабашник осмелился ехать. На Терском хребте во весь охват глаз — российские войска, множество палаток, танки окопали, стволы направлены в сторону города. Тут же первый пост, удостоверение помогло. А вот далее уже не просто пост, а блокпост, и здесь не военные, а какие-то подвыпившие вооруженные лица, без знаков воинского различия.

— Приказ — никого не пущать. Восстановлен конституционный порядок России... Засунь эту ксиву в одно свое место.

Если бы не вмешался водитель, то Мастаев чуть было драть-ся не полез.

— Рубли не надо. Доллары, сто давай, — командуют на блокпосту.

Только после этого шлагбаум поднялся. Ваха злой, молчит. А водитель комментирует:

— Ты думаешь, для чего они сюда явились.

Мастаев не может поддержать этот разговор, он так поглощен своей печалью, что даже не обращает внимания, как в нескольких местах над Грозным клубится черный дым. А въехав в столицу, понятно — это прифронтовой город, людей почти не видно, а те, что есть, вооружены.

Чуланчик заперт. Из прежних жителей в «Образцовом доме» почти никто не остался. Новых жильцов, новых правителей, нагнетающих войну, тоже не видно. Не у кого что-либо спросить – город замер после ночного авианалета. С тем же водителем Ваха поехал в Макажой.

До Ведено доехали только к ночи. Тут уже лежал приличный первый снег. Далее, на Харачойский перевал, тем более до Макажой этот «жигуленок» не добрался бы. Да тут вездеход, односельчане у обочины стоят:

– Мы надеялись, что ты сегодня приедешь, – Ваха еще не хотел верить и тут услышал: – Все в руках Всевышнего, да благословит деда Нажу Бог.

Словно хребет жизни у Вахи переломился. Ведь Нажа был для него не только дед, но и вместо отца, старшего брата и даже единственного друга...

В это утро вместе с первым снегом дед Нажа вышел проводить, тщательно ли он на зиму закрыл пчелиные улья. Все осмотрел, потрогал, погладил. В этот момент он понял – все, призывают. Он сел между ульями прямо на снег и, подумав только о внуке, прошептал:

– Дай Бог Вахе и его потомкам есть с миром наш мед...

* * *

В чеченском обществе, как и в любом кавказском обществе, множество ритуалов. Любым из них можно по некоторым причинам пренебречь, но только не похоронами.

Дед Нажа был уважаемым человеком, и даже в столь тяжелое время не только из окрестностей, но и издалека прибывали незнакомые люди с соболезнованиями. И Вахе казалось, что были почти все, кроме руководства республики. Это он мог понять: тяжелые времена (хотя дед Нажа время считал неизменным), да и он совсем неизвестный человек, дабы ехать какому-то чиновнику на край земли. Так бы это и было, если бы не поразивший Мастаева факт: местный почтальон, который много лет зарплаты не видит, и почта вроде уже не функционирует,

варуг вынужден был исполнить свой долг – письмо, заказное, из Москвы... Ваха узнал и конверт, и почерк – Кнышева:

«Товарищу Мастаеву В.Г.

Ваха Ганаевич! Я хочу выразить чувство глубокой горести по поводу смерти Нажи Мастаева.

В лице Н. Мастаева соединились две эпохи: та эпоха, когда весь советский народ строил светлое будущее вашего поколения, и та эпоха, когда под гнетом предательства в классовой борьбе некоторые руководители проявили буржуазную алчность и податливость!»

Нам, русским социал-демократам, испытывающим весь гнет империализма, видно теперь, как быстро близится время торжества того дела, отстаиванию которого дед Нажа посвятил свою жизнь... В мире все больше множатся признаки, что близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазных националистов и окончательно установит во всем мире коммунистический строй.

С комприветом Кнышев.

P.S. Ваха, еще раз прими мои искренние соболезнования».

К этому, как всегда у Кнышева, к пропитанному ленинским духом, мыслью просто цитатами письму можно было отнестись по-всякому, даже со смехом. Однако Мастаеву не до этого, он в некотором шоке, и что ни думай, а Кнышев в тяжелую минуту проявил внимание. И еще, как ни странно, в эти горы пришла короткая телеграмма от Дибировых, подписалась Виктория Оттошна. А вот от бывшей жены и ее родителей – ни слова...

На фоне общей беды казалось, что собственное горе Вахи как-то нивелируется. Ведь он понимал: когда-то всему приходит конец, расставание, как неминуемый в жизни крах, неизбежно. Ах нет. Траурные дни вместе с первоначальным шоком прошли. И только после этого стало совсем тяжело, невыносимо тяжело.

Пытаясь от этого избавиться, Ваха пошел в спасительные горы и поразился, испугался. Эти высоты, крутые подъемы и скользкие спуски, эта бесконечная обманчивость мира, когда кажется, что, покоря вершину, все должно вроде быть под тобой, наоборот, еще выше, как недоступная стена, новый пик, а за ним еще и еще, в ледяных панцирях, на которые действительно не ступала нога человека. Еще более усиливается чувство одиночества, бессилия, и самое тягостное – нет прежней опоры в жизни. Ведь Ваха всегда был смелым в горах, потому что знал, что есть дома дед Нажа, который всегда в трудную минуту придет на помощь. Теперь этого не было, надо полагаться только на самого себя, и посему, без некой страховки, очень тяжело. И даже по тем местам, где он по ночам чисто на ощупь мог спокойно пройти, теперь даже в ясный день идти стало трудно. И он, словно равнинный человек, впервые попавший в горы, выискивает тропу. А откуда в безлюдных горах тропы – это звери, особенно медведи, любят прокладывать себе дорожки, которыми пользуется горная дичь. Вот такая горно-серпантинная тропинка вела-вела Ваху по склону и ущелью, и он знал, что она выведет к его к зимней лежке, к берлогу, что как небольшая пещера на дне каменистой расщелины.

У медведя очень острое обоняние, за километр все чувствует. Не плохой слух. А вот зрение никудышное. Не с подветренной стороны вышел Ваха к этому медвежьему логову, глянул сверху на узкое каменистое ущелье – красота! Листва с деревьев и кустарников почти опала, а та, что осталась, желтая, вялая, редкая. По самому дну, сквозь огромные острые валуны, кои он по весне бесшабашно ворочал, теперь ласковой, блестящей змейкой, нежно облизывая каждый уголок, ползет прозрачный, едва слышный ручеек. Вдоль него от обилия плодов склонилась мушмула, а вот колючий терн всегда непреклонен – ядовито-фиолетовой сочной ягодой всех птичек к себе манит. А от дикой перезревшие-скисшей груши такой аромат – пьянит. И скорее всего так бы и не увидел Ваха зверей, так слились по цвету бурый зверь и щедрый урожай молодого боярышника, что впервые пло-

доносил прямо над расщелиной, если бы не грозное рычание хищника.

Осторожно, очень тихо Ваха немного спустился по склону горы, и ему природа представила потрясающую картину.

Берлога к зиме готова. Медведица заранее притащила много сучьев, не сухих, а обломленных, с листвой, которая до весны уже не опадет и будет оберегать тепло и уют лежки. Медведица уже внутри, лишь морда и передние лапы наружу. Она отгоняет от входа своего медвежонка двух-трехлетку, по-охотничьи «пестуна». Медвежонок, как и прежде, хочет перезимовать в берлоге вместе с матерью, а медведица гонит его. Пестун не уходит, он боится и не хочет, и не может быть без матери — лезет упрямо в берлогу. Огромная медведица его не пускает, с ревом его отталкивает. И вот, наконец, видя, что молодой по-доброму не понимает, она делает молниеносный выпад. Удар был настолько жестоко-мощным, что довольно крупный медвежонок кубарем покатился на приличное расстояние. Покачиваясь, тяжело встал, отряхнулся, как бы сбрасывая детскость, в последний раз глянул обиженно на берлогу матери, где он родился и провел не одну зиму под теплым боком, и грустно, а потом более грозно, по-хищному рыча, медленно удалился по ущелью вниз, на другую территорию, в иную жизнь... А медведица скрылась в логове, и там, внутри, началось какое-то урчание, уходящее в иною ипостась действие, когда наружу полетели сучья, камни, мох и земля. Медведица словно закапывала себя, уходила все глубже и глубже в расщелину небытия... Зная, что с весною, с теплом и с новым солнцем она встретится вновь со своим медвежонком, да она будет не одна, а с новым потомством...

После этого Ваха поднялся на высокую гору, огляделся вокруг и словно впервые увидел, как со всех сторон небо соприкасается с землей, а внутри этого, вроде бы замкнутого пространства живут люди, звери, леса. Он понял, что ни дед Нажа, ни он не являются целым, а являются маленькими частицами этого огромного мира. А это видение, эта дикая по сути и действию жизнь природы, есть символ и важнейший ключ понимания жизни — где два мира в действительности есть одно. Что каж-

дый здесь – гость, созерцающий вселенную в миниатюре, когда начинаешь осознавать свое скрытое родство с бессмертным. И само бытие превращается в сознательное выражение вечности, а сам этот горный ландшафт – в святилище. И только теперь Ваха стал понимать часто произносимые слова деда Нажи: «И куда бы вы ни обратились, там лик Аллаха»¹. Аминь.

* * *

С севера, с равнин, вместе с суровыми зимними ветрами приходили в горы не менее суровые вести. Россия и Чечня готовились к войне. Не русский и чеченский народы хотели воевать, а, как обычно бывает, власти, что в Москве и Грозном недопонимают друг друга: не слышат и не хотят слушать друг друга; с презрением и некой надменностью относятся друг к другу. И если с природы пример брать – так рассуждает Мастаев, то борющаяся за независимость Чечня считает себя уже взрослым «медвежонком», хочет самостоятельно жить. А Россия – «медведица» – по-своему родное дитяtko любит, вроде отпустила восвоюси, потом передумала и теперь хочет побить, не для того, чтобы прогнать, а, наоборот, притянуть к себе, мол, навести «конституционный порядок». И такой благодушный Указ президента России уже есть.

По природе, «медвежонок» не прав. Ведь он еще немогущ и очень слаб. И вопреки инстинкту жаждет взрослости, риску, быть может, даже гибели, нежели уюта в теплой берлоге. А «медведица» – в корне не права, ибо что ни говори – из двух спорящих виноват сильнейший. И не понимают медведица и медвежонок, что кризис, как зима, пройдет, и вновь они должны жить бок о бок в одном природном ареале, по одним медвежьим законам, уважая и любя друг друга, ибо иначе иные хищники, в том числе и вооруженные алчным азартом оружия охотники их межродовой борьбой воспользуются – истребят... Как не раз в истории живой природы было. Однако как же вновь и вновь.

---

¹ Коран, 2: 109 (115).

учить тому, что уже верно преподавалось и, наверно, было усвоено тысячи раз на протяжении тысячелетий благоразумной глупости человечества?

Вот так, порою вслух, размышлял Ваха Мастаев над сложившейся вокруг Чечни, то есть на юге России, ситуацией. И теперь не то что Кнышев или президент-генерал Чеченской Республики, но даже некоторые односельчане и впрямь считают его дурачком, и не зря он в дурдоме сидел.

Конечно, Вахæ обидно. И не может и не должен в доме сидеть, раз беда на родину надвигается. А с другой стороны, что он должен делать? Взять автомат и идти против танка, тем более самолета? А может, взять плакат «Я за мир во всем мире!» и стать в центре Грозного? Тогда его точно дураком назовут. Что делать?

В Грозном Мастаев пару раз был. Жителей почти не видно. А вот молодежь, обросшая, в новой одежде и с новым оружием — автоматами, что выдали в Моздоке, как перед праздником, бравирует. Дело в том, точнее страшная провокация в том, что накануне в Грозный вошла колонна российских танков. И по свидетельству одних, все эти танки были как спичечные коробки подорваны гвардейцами президента, то есть, как их теперь модно стало называть, — чеченскими боевиками. А есть свидетельства, и это очевидно — танки, где-то там же, в Моздоке, были изнутри заминированы и, когда надо, взорваны, так что башни многих на десятки метров взлетали... Теперь перед этой разбитой техникой чеченская молодежь — победители, снимки на память делают.

«Вот это спектакль, — думает Мастаев. — Современный Троцкий конь?... Сумасшедший дом!»

Он не может и не хочет жить в Грозном, уезжает в Макажой, благо теперь с ним здесь мать. А тут в преддверии Нового, 1995 года даже над горами закружили самолеты. В горах не бомбили, но говорят, что равнинные села подверглись авиационным атакам, а в Грозном целые кварталы горят. В такой ситуации Ваха не мог отсиживаться вдалеке, и даже мать его поддержала — единственный сын, да и родина одна. И Ваха с усмешкой думал — брать ли ему старое охотничье ружье, как появился Башлам — президент срочно вызывает.

Только к вечеру Мастаев попал в президентский дворец. Огромное девятиэтажное здание просто кишит вооруженными людьми. В кабинете президента такое же оживление. Сам генерал внешне спокоен, как всегда, чисто выбрит, элегантно одет. Как и прежде, он несколько отстранен, вроде надменен, недоступен. Только бледность осунувшегося лица и покрасневшие глаза выдают его внутреннее напряжение.

Увидев Мастаева, президент-генерал приказным жестом пригласил за собой в небольшую комнату отдыха. Устало сев на диван, он молчаливым жестом указал Вахе на стул. Пока секретарь наливала из термоса уже остывший чай, генерал потирал лоб, как бы от боли, и, едва девушка вышла, он устался на Ваху, словно гипнотизирует, и вдруг выдал:

– Может, я тебя назначу президентом?

Мастаев опешил. Он долго не понимал – шутка это или всерьез, а потом ответил:

– Президента не назначают, а выбирает народ. (Позже Ваха узнал, что такой же вопрос задавался не только ему.)

– Гм, – кашлянул президент. – Тогда вот поручение – просьба, срочно, лично в руки Кнышева... Без ответа, конкретного ответа президента России не возвращайся. Приказ понял?..

Он тут же при Вахе на документе от руки приписал дату от 29.12.1994 г., и время – 17 час. 35 мин., а внизу факс 206-07-17 (прямой московский) и размашисто, почти на поллиста, расписался.

Это бланк независимой Чеченской Республики. Герб – одинокий волк, и все – по-своему, по-новому, то есть на латинице. А вот сам текст – кириллица. И вроде официально, да уступки налицо:

«Москва. Кремль.

Президенту Б. Ельцину.

Еще раз заявляю и подтверждаю готовность лично возглавить переговоры с российской стороной на уровне Черномырдина¹. Для ведения переговоров на любом другом уровне под-

---

¹ Председатель Правительства России.

готовлены правительственные делегации. Готовы приступить к переговорам.

Президент ЧРИ».

Запечатывая конверт, Мастаев уже мысленно выбирал маршрут, предполагая, как это будет нелегко. А президент вновь его огорошил: внизу ждет машина с российскими правозащитниками, их довезут до Моздока, а там самолет.

Эта поездка без проволочек, на рассвете – Ваха в Москве. И более того, прямо на военном аэродроме его встречает известный депутат России, выясняется, друг президента Чечни, и отвозит в центр Москвы, прямо во двор Кнышева. Оказываясь, и он здесь живет.

В Москве предновогоднее праздничное настроение, ничего не напоминает о войне. Вот только в подъезде Кнышева вместо бабульки-консьержки вооруженная охрана. Позвонили.

– Мастаев? – Ваха слышит голос Митрофана Аполлоновича. – Пусть подождет, я выйду.

Более часа на морозе прождал Ваха, пока не появился Кнышев. В столь короткий срок очень внешне изменившийся – пополнил, холеный стал. А одет! И рядом охранник, иномарка со спецсигналом.

– Ты что спозаранку? – советник даже не поздоровался. – Вновь письмо?.. Ладно, устраивайся в гостиницу, вечером поговорим. Спешу.

Ни в одну гостиницу, даже по волшебному удостоверению журналиста, Ваху не поселили. Оказывается, есть негласное распоряжение – чеченцев не размещать.

Убивая время, Ваха весь день прослонялся в центральных магистральных столичных. Ажиотаж, сметаю все подряд. А вот ему на сей раз командировочные не дали, понятное дело – война, – приходится экономить, только не на связи, и он с самых сумерек к Кнышеву звонит – не берет. К полуночи он поехал на вокзал переночевать, напоследок еще раз вошел в телефонную будку, и повезло, слышно – Митрофан Аполлонович уже пьян, празднует:

– Я тебя по всем гостиницам обыскался. Ты где? Ко мне!

Обрадованный Ваха на такси помчался в центр. Охранник снизу звонил — никто не отвечал. Не пустили. Метро уже не работало. Ночью мороз окрепчал, а Ваха не по-московски одет. Ему было даже приятно, что его засадили в теплый милицкий уазик, отвезли в отделение. Удостоверение не помогло: все чеченцы — бандиты. Особо не домогались, до утра «выясняли личность», как штраф, не вернули половину наличности. Зато позволили прямо из отделения бесплатно позвонить.

— Ты где? — злой голос Кнышева. — Жди там.

Поразительно быстро примчалась в отделение черная «Волга». Испуганные милиционеры извинялись, стряхивали пыль с одежды задержанного, правда, деньги не вернули.

Несколько «помят» Мастаев, не лучше выглядит и сам Кнышев, видать, накануне отмечал.

— Вы показали письмо Ельцину? — с ходу о своем выдал Ваха.

— Ага, ты думаешь, президент России так и ждет меня, тебя и твоего президента... Кстати, твое письмо, полное снобизма, сепаратизма, с этой расхлябанно-размашистой подписью я даже не показал бы. Не так должен писать вассал. Вот новое письмо, более уважительное. Читай.

Текст не на бланке, и никаких атрибутов самостоятельности в виде герба и латиницы нет. Все скромно, в том числе и подпись, скромно, не размашисто на полстраницы.

«Президенту
Российской Федерации
Господину Б. Ельцину»

Уважаемый Борис Николаевич!

В связи с наступающим Новым годом и в целях недопущения с обеих сторон бессмысленного кровопролития, сохранения жизни мирных граждан предлагаю остановить с 20 часов 31 декабря 1994 года все виды боевых действий на территории Чеченской Республики Ичкерия и начать отвод войск.

Убежден, что принятие Вами этого предложения откроет конструктивные возможности для урегулирования самых сложных вопросов во взаимоотношениях между Российской Феде-

рапия и Чеченской Республикой Ичкерия, основанных на неприменении военной силы, и позволит нашим гражданам вступить в 1995 год с надеждой мира и безопасности.

Президент ЧРИ

30.12.1994 г.»

Прочитав письмо, Мастаев с надеждой посмотрел на хозяина, тот повел плечами.

– Поздно... Все отдано на откуп военным.

– Что это значит? – словно не знает, спрашивает Мастаев.

– Это значит, что на днях, как все знают, встречались ваш президент-генерал и министр обороны России... хм, так сказать, сослуживцы по Афганистану.

– И что? – нетерпение в тоне Вахи.

– Не знаю. Правда, шампанское при всех они выпили, – в последний день года Кнышев явно куда-то праздновать собирався, все перед зеркалом подбирал галстук. – Может, этот лучший? – обратился он к гостю.

– Вам пойдет, – как-то невежливо посоветовал тот.

– Ладно, – тем не менее хозяин взял другой галстук. – Я опаздываю... Поехали.

Оказывается, в самом центре Москвы, у Кремля, на территории зданий администрации президента России есть специальная служебная гостиница, всего несколько номеров: никаких излишеств, строго и в то же время все есть.

Там и разместил Кнышев гостя. Мастаев так устал, что проспал новогоднюю ночь. Наутро встал, понял, что в гостинице никого, кроме него и дежурного прапорщика, нет.

Ваха думал, что его не выпустят из этой гостиницы. Нет, просто попросили ключ сдать.

Ходил Ваха по центру первоянварской Москвы – пусто, ничего не работает. После обеда он решил, что уже можно беспокоить Кнышева, позвонил, много раз звонил – не отвечают. А у него что-то очень тревожное на душе, и тогда он набрал прямой номер в президентском дворце в Грозном. К удивлению Мастаева трубку взял помощник:

ми дошел до Грозного и даже к Сунже вышел, напротив дымился весь разбитый президентский дворец.

Здесь молодые парнишки-бойцы, которые эту войну восприняли как войну освободительную, почти что голыми руками держали оборону. Они-то и подсказали Вахе, что президент-генерал уже покинул город и по слухам где-то в пригороде.

Ночуя то там, то здесь, более пяти суток Мастаев, не рискуя жизнью, мотался по республике, думая, что вот-вот он выйдет на президента. И более того, узнав, что он разыскивает его позовут. Поиски были напрасны. Он уже обессилел, как вновь подсказали – иностранные и даже российские корреспонденты, в том числе и некоторые правозащитники по каким-то своим связям спокойно находят президента Чечни и регулярно берут у него интервью.

Вот тут Мастаев немного схитрил, ведь и у него в кармане удостоверение независимого журналиста. И как ни странно, на российском блокпосту ему помогли – посадили в машину с правозащитниками, и через полчаса он был в Шали. Вот где гвардия президента – вооружена, многочисленна и не боится авианалета: то ли такая смелая, то ли знают, что их бомбить не будут.

Вместе с группой, видимо, как было уже договорено, Ваха попал на прием. Генерал и теперь свеж, выбрит, белизной сорочка сияет, он спокоен. Обвиняет Россию во всех грехах, в варварстве. А вот Мастаева даже не выслушал, словно видит впервые или не хочет видеть.

Правозащитники уехали, кортеж президента куда-то к ночи умчался, а Ваху пригласили переночевать сельчане. Какой сон?! Начался артобстрел, потом авианалет. Всю ночь провели в подвале, а хозяин удивлялся:

– На днях президент прямо в центре села, у мечети, митинг проводит. Над селом самолеты, а он даже не шелохнется, отважный, и выдал: «Шалинцы, не бойтесь, пока я здесь – бомбить не будут. Все за оружие! В бой!.. И вправду, как и сегодня, только он уехал, бомбить стали, стрелять, зачем, мол, зачем вы егопустили?.. Вот цирк! А у меня дети, старики: ни дров, ни денег, и мука на исходе.

Мастаев считал, что где-то и он виноват в случившемся, по крайней мере он не смог исполнить свое задание. С таким нехорошим настроением он прибыл в родной Макажой. И почему-то ему казалось, что хотя бы здесь не будет войны, так высоко она не заползет. Да какие преграды для современной авиации: и здесь все время в небе шум самолетов, вертолетов, а вместе с ними с низин очень тревожные вести. И хотя Баппа шикала и отговаривала его, но он не смог на сей раз отсиживаться в горах, не воспринимал теперь отрешенность, он хотел чувствовать себя частицей социума, он не ничто, а личность!

В самое страшное время, в начале февраля, когда российские войска только-только овладели Грозным, он тоже был там. Он не носил, к оружию не прикасался и даже фотоаппарат отказался брать, так как не хотел это варварство на пленке запечатлеть.

То ли удостоверение спасало, то ли ему везло, но его беда всегда обходила. Как ему казалось, он многое смог. Оказывается, под «Образцовым домом» было мощное бомбоубежище. Там скрывалось много людей, в основном русские старики. Им Мастаев доставил пищу, воду. И он первый этих людей вывел наверх. А сколько в подвалах от болезней, голода, ракет и гранат погибло?..

Как ни странно, весь центр разрушен, а вот «Образцовый дом» почти не пострадал. Ни одна ракета и снаряд в него не угодили, лишь редкие следы от пуль. Здесь особых боев не было, и даже стекла многие целы. Правда, помародерничали вдоволь. Так, Мастаевы и без того жили бедно, но и у них почти все более-менее ценное унесли, в том числе холодильник и телевизор, а вот с его старыми дисками, еще от Марии, поступили пошварски — зачем-то истоптали. Их выдавший виды древний кожаный диван ножом исполосовали, думали, что там, может, припрятано что.

С верхних этажей мало что унесли нелегко, да почему-то все вещи прострелили. А вот фортепьяно из квартиры Дибировых, о котором Мария просила позаботиться, в подъезд вытащили, бросили, зато тоже прострелили.

Так Ваха этого оставить не мог. В столь тяжелое и опасное время он нанял грузовик, поставил литр солдатам — помогли

загрузить – и отвез, для сохранности, фортепьяно аж в Макажой, где до этого такого чуда никогда не было.

Баппа не комментировала, лишь удивленно качала головой, а вот односельчане хором постановили: «И вправду дурак! Пусть теперь играет».

* * *

Если бы слухи, блуждающие в Грозном, были бы просто сплетнями и домыслами, то вряд ли бы они с такой вероятностью претворялись в жизнь. А вот в Грозном, точнее во дворе «Образцового дома», слух, что здесь появлялся Кныш, точнее теперь очень известная персона – советник президента России Кнышев Митрофан Аполлонович.

Накануне войны из новых жильцов «Образцового дома» вряд ли кто узнал бы, кто такой Кнышев. Так дело в том, что эти жильцы – члены правительства независимой Чечни-Ичкерии, вместе с мистической линией фронта куда-то удалились, а в «Образцовый дом», в свои квартиры вместе с российскими войсками вернулись прежние жильцы – такие как Бааев, Якубов, Дибиров Руслан (но не Мария и ее мать). Эти товарищи, как и до «самостийных» времен, вновь у власти. Так, Бааен Альберт – вновь вице-премьер, и остальные при деле. И вот они-то помнят и знают Кнышева, точнее Кныша, который, по слухам, в «Образцовом доме» остановился, и, что расценивается, как коварство, пару ночей подряд к нему навещался сам президент-генерал Чечни, который, как преступник-террорист, в розыске всех спецслужб России.

Ваха Мастаев знает Кнышева лучше всех, и поэтому он не считает это «слухом», а уверен – там, где Кнышев, к тому же советник президента России, самое невероятное – вероятно. Однако эта темная кровавая политика его не интересует: в Грозном идет регистрация жилья. По российским законам, это, как обычно, очень мутное, связанное с бюрократизмом дело. И, пока он бегал по инстанциям, новый слух – в Чечне будут выбирать парламент.

Услышав это, Ваха поторопился посмотреть на вывеску: ничего нового – просто «Образцовый дом». А ночью в Грозном комендантский час, всюду блокпосты, и любое передвижение чревато угрозой, и, несмотря на темень, освещения в городе еще нет, прямо под окнами чуланчика Ваха услышал шаги. Он вышел на ступеньки (с началом войны вновь закурил) и вновь пошел к центральному подъезду, зажигалкой чиркнул, как прежде: «Образцовый дом проблем».

Дабы не участвовать в этих так называемых свободных, демократических выборах, притом что идет война, он уехал в Макажой, благо, что Баппа теперь там и ей в горах очень нравится. Когда мать вручила ему конверт со знакомым почерком, Ваха даже читать не стал, бросил письмо в топку, лег на нары, а мать с беспокойством:

– Что, опять выборы?.. Все равно они тебя, как и Чечню, не оставят.

– Замолчи, – нагрубил сын, отвернулся к стене, словно от всего мира, а тут появились чеченские боевики, им перечить было опасно.

До Грозного более десятка российских блокпостов. Там очереди, вроде бы проверяют транспорт и документы – нет ли боевиков. А вот машину с Мастаевым, где открыто едут вооруженные боевики, не только не останавливают, а без очереди пропускают.

– Как это так? – удивляется Мастаев.

– Да русские козлы боятся нас, – смеются боевики.

– А, может, командир у вас один, – говорит Ваха, – приказ пропустить.

Боевики молчат, а потом вспыхнули:

– Ты поменьше болтай... То-то к русским везем. Прислужник.

Высадили в центре Грозного, даже не попрощались. Здание Дома политпросвещения, или Исламского университета, пострадало немало. Зато березка все также стоит, расцвела по весне. Под ней Ваха постоял, как и прежде покурил, вспоминая прошлую мирную жизнь города, и, немного успокоившись, он, уже зная, куда, стал подниматься по крутым мраморным ступенькам.

В фойе от взрывов новая лепка отпала, и вновь обнажился прежний лозунг – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и рядом – «Мир во всем мире!» Тут же знакомая вывеска – «Общество «Знание», в ту сторону – некоторый порядок, протоптанная тропа, и новая, очень красивая дверь.

Как и прежде, там, где Кнышев, вечно накурено и пряный дубовый запах коньяка.

– О, мой друг, сколько лет, сколько зим, – по инициативе хозяйина, они по-русски три раза поцеловались, по-чеченски обнялись. – Ну, как говорится, кто старое помянет... Садись, давай выпьем. Кури.

– Что, выборы?

– Да. И не задавай глупых вопросов: «итоговый протокол», понятное дело, готов. Из-за тяжелой ситуации предвыборный период сокращен.

– Кто в списке?

– Понятное дело. В рыночной экономике – кто заплатит и кто лоялен. Вот твоя доля, – перед Мастаевым пачка денег.

– Доля не нужна, – Ваха отодвинул деньги. – Если будет зарплата – возьму.

– Хм, зарплата?! Как проклинали евреи в СССР – «дай бог ему жить на одну зарплату».

– А вы платите достойно, ведь СССР нет.

– Суть не поменялась. Тариф тот же, чтобы граждане себя господами не почувствовали и больно нос не задирали... Долю возьмешь? Ну и дурак. Впрочем, я это давно знаю.

– А вы знаете, сколько здесь погибло и погибает каждый день?

– История человечества – история войн... Кстати, для этого мы и выбираем парламент, чтобы демократичным путем решить этот кризис.

– Какие «выборы», какой «парламент»? – ваши марионетки, и «протокол» готов.

– Но-но-но! Иного пути развития нет.

– Вы еще Ленина процитируйте.

– Ты, Мастаев, это брось. Не дури. Любые выборы – лучше бомбежки.

— С этим согласен.

— Тогда вперед! И зарплату получишь.

Более Ваха Кнышева не видел. Правда, советник каждый день из Москвы в Центризбирком звонил, так сказать, регулировал процесс выборов.

Вопреки ожиданиям Мастаева, явка избирателей была потрясающей. Действительно, люди понимали, что «любые выборы — лучше бомбежки». И это самое поразительное, даже российские военнослужащие явились голосовать. И они желали мира в Чечне.

Согласно Конституции Российской Федерации, выборы в парламент Чеченской Республики были на альтернативной основе. Итоговый протокол Мастаева и «заготовка» Кнышева значительно разнятся. Ваха подписал свой, настоящий протокол, отдал в печать. Его срочно вызвали в Москву. И там он узнал, что в Грозном уже опубликовали «итоговый протокол» Кнышева, а его пригласили на пресс-конференцию «по итогам свободных выборов в Чечне».

— Только не будь дураком, — предупредил Кнышев. — Прямой эфир на весь мир, масса иностранных корреспондентов.

— На моей родине, в Чечне, война, — сразу же начал Мастаев. — Каждый день гибнут мирные люди, без вести пропало много тысяч, разрушены города и села. Все разрушено, кроме нефтекомплекса — нефть оттуда забирают российские военные...

В пресс-центре резко отключили свет. Началась небольшая паника.

— Внимание, — выступила какая-то миловидная женщина. — По техническим причинам пресс-конференция переносится на некоторое время. Будьте спокойны, дамы и господа.

Наверное, самым спокойным был в этот момент Мастаев. С чувством некоего достоинства и исполненного долга он вышел из пресс-центра. Уже и в Москве весна набирала силу, чувствовалась какая-то свойственная только апрелю сила новизны, чистоты, силы. Весь вечер беззаботный Ваха ходил по магазинам, покупая игрушки и детскую одежду — завтра он пойдет к сыну.

Усталый да довольный он вечером пришел в гостиницу, тут телефон:

— Я знал, что ты конченный дурак, но что до такой степени болван, даже не представлял, — чуть ли не шепотом шипит Кышев. — Мчись домой, — и звонок резко оборвался.

— Да пошел ты, — подумал Мастаев. — Будет меня пугать — я уже не раз пуганый-стреляный. Вот завтра с сыном день погуляю, потом, может, и Марию посчастливится увидеть. После этого конечно же он поедет домой, к маме — вдруг вспомнил он Баппу... И то же чувство, какие-то прощальные флюиды, что обожгли его солнечное сплетение, когда умер его дед Нажа, вновь разгорелись в груди. Он бросил все, даже не рассчитав за гостиницу и помчался посреди ночи в аэропорт.

Ему в дороге везло. В полночь самолет на Минводы. Потом, меняя такси, он с рассветом доехал до Чечни, и далее, на блокпостах, проблем не было. Так, до самого озера Кезеной-Ам. Ему оставалось еще проехать с десяток километров — после авианалета в горах обвал, проезда нет. Он в гору побежал.

Никто ему в пути не повстречался; он по чутью охотник, все знал, рыдал... Крышу и стены буквально сдуло, и лишь черное, лакированное фортепяно, как не здешняя жизнь, на солнце блестит. И пасека вся разбита, вошины кругом, рой пчел в ужасе людей не понимает. Она не уползла и не убежала, ее швырнуло туда сверхмощной волной. И не зря у нее имя было — Баппа¹, ее лицо спокойно. Казалось, что она обняла землю и любит ее весенне-нежным желтым одуванчиком-цветком.

— Нана!

---

¹ Баппа (чеч.) — одуванчик.

Часть V

Мать убили. На Родину напали. Столицу и родовое село разбомбили. Ну что еще надо сделать, чтобы чеченец-горец пошел поевать?! Тут вроде выбора нет, да Ваха Мастаев, по воле судьбы пожизненный председатель избиркома, и он, как никто иной, давно знает, что «выборы» — как ширма для обывателя, и никакой демократии, либо свободы слова и при коммунистах не было, и при либералах нет. Из Москвы, а может, и из более далека доставляется «итоговый протокол» голосования, типа некоего алгоритма дальнейшей жизни: за тебя думают, решают, заботятся. А что еще надо простому чеченцу (русскому, татарину и прочему)? — живи, кайфуй, в общем, делай, как все, и не выпендривайся.

Так бы Ваха и сделал — пошел бы в бой. Вот только зря он по жизни Ленина начитался; видать, посему ненужные вопросы задает, дурачком по жизни слывет. А ведь Ленин говорил: «Война! — зри в корень, у кого в этом интерес? У буржуа, у богатеев». А еще Ленин, конечно, об этом прямо не писал, да сквозь строчки явствует, и Ленина в этом обвиняли: весь мир, в первую очередь, соседи, желали, чтобы в России вспыхнула гражданская война. А Германия и Антанта, на которую так надеялись «белые», вооружала и тех, и этих, а в итоге отступили после того, как «красные» в России победили окончательно. Итог этого — слова Троцкого: «Мы разграбили всю Россию, чтобы победить белых»... В революции 90-х конца XX века в Рос-

сии ничего нового нет и не может быть, ведь история повторяется. Просто, как некий реванш, по подсказке и при поддержке того же Запада – «грабят всю Россию, чтобы победить «красных». Ну, устраивать бойню на всю Россию опасно – ядерного оружия много, да и смысла нет: локальная война, что нарыв на пальце – жизнь всему организму отравит... А кому выгодно? Смотри ПСС «вечно живого» Ленина; уже канонизирован?!

После таких размышлений надо быть самоубийцей, чтобы пойти воевать почти что голыми руками против современной военной техники. Однако Ваха, похоронив рядом с дедом и мать, уже твердо решил: он будет сражаться за Родину, за свободу. И тут, неизвестно как, ему подбросили письмо. Почерк до боли знаком: «Тов. Мастаеву В.Г. Уважаемый Ваха Ганасвич! Примите мои искренние соболезнования. Баппа – прекрасная женщина, труженик, истинный пролетариат, Человек с большой буквы. Достояна светлой памяти и памятника. P.S. Ваха, не дури, води себя смирно... Как говорится, лес рубят...»

– Мерзавец! – Мастаев, скомкав, выбросил послание.

Еще один день он провел в родном селе, пытаюсь выяснить, кто доставил письмо, – тщетно. Как говорил дед Нажа, если в селе есть участковый, председатель сельсовета и мулла, то всем все будет известно. Ныне ничего неизвестно, зато процесс регулируется. И поэтому Ваха вооружился старенькой дедовской берданкой, пять патронов картечью – весь арсенал, и пошел в лес искать таких же, как он, – не боевиков, а ополченцев.

Жить, а тем более воевать в горном лесу – нелегко. Только какая-то великая сверхидея может заставить современного человека находиться постоянно в лесу, рискуя даже зажечь огонь, зная, что моментально появится авиация. Эта идея была. И это конечно же не Ленин, про которого Мастаев ни разу в лесу не вспомнил. Зато производная идей Ленина и коммунизма была, ибо он почему-то частенько вспоминал уроки литературы в школе, когда их не раз заставляли писать сочинение, так сказать, на свободную тему: есть ли место подвигу в вашей жизни?

Вот была идеология советского строя! И они писали сочинения про Павликов Корчагина и Морозова, про Асламбека Шери-

нова и Ханпашу Нурадилова, про «Молодую гвардию» и строителей БАМа, и целину. А кто же герой этой чеченской войны? Может быть, он, Ваха Мастаев, и весь их отряд в тридцать человек?

Какие же они герои? Так, несколько раз нападали на колонны и блокпосты. Постреляли и сами понесли большие потери. Бежали. Только вот теперь он таскает не дедовскую берданку — развалилась, а трофей — ручной пулемет, и никакой гордости от этого тяжеленного груза, что приходится таскать по горам, он не испытывает. Наоборот, все хмуро, серо, голодно, холодно. А красивые родные горы и леса? Да, они родные, до того родные, что ты, как загнанный хищниками, собаками и охотниками олень, все бегаешь по кругу, только по периметру своей территории, а ты нее боишься ступить, ибо там неведомый мир, не твоя территория. Хотя ты и в облике человека, а законы леса приходится чтить, понимая, что ты не хищник, тем более не герой, а всего лишь дичь, жалкая, хилая, изголодавшаяся, на подножном корму дичь, в которую целятся из всех видов оружия.

Тем не менее Мастаев и его отряд как бы огрызаются, изредка совершают довольно рискованные и дерзкие вылазки. Однако это, по мнению Мастаева, совсем не подвиг и героизм, ибо они не доставляют могучему противнику сколько-либо ощутимого урона, а лишь могут немного пополнить свой боевой и пищевой запас. Словом, это некая партизанщина, но без романтизма и подвига в нем... Зато герои есть. По крайней мере, таковыми себя некоторые ощущают. Это то ли случайно, то ли нет, а в период очередной вылазки на краю леса Ваха неожиданно увидел своего родственника-односельчанина — Башлама¹. Вот кто под стать имени окреп, возмужал, вырос — полевой командир, бригадный генерал. Чем не герой?! И его отряд по лесам не прячется. У них транспорт — открыто перемещаются. У них форма, деньги и еда, вроде натовские. А вот оружие — российское, печенье и шоколад в сухпайке — адрес изготовителя: г. Мытищи, Московская обл.

---

¹ Башлам (чеч.) — грандиозная вершина, гора.

– Ваха, – по-родственному беспокоится Башлам, – войди в мой отряд, у нас регулярная армия, снабжение... А лучше, уходи домой, больше толку будет.

– Нет у меня дома, – злится Мастаев, – сам знаешь, разбомбили.

– А чуланчик в городе?.. Посмотри на себя, на своих ребят, – отощали, обросли. Ни еды, ни патронов.

– Ты подсоби.

– Чуть помогу. Но ты пойми, у нас, как в армии, все строго на довольствии.

– На чем довольствии?

– Ваха, не задавай ненужных вопросов. Я солдат и выполняю приказ.

– А я чеченец и защищаю Родину.

– Дурак ты, – был ответ не младшего родственника, а старшего военного. – Вот, чем могу, – он дал Вахе паек, боезапас и зачем-то карту и приложение к ней.

Вот где масштаб! Оказывается, на небольшой территории Чеченской Республики разворачиваются грандиозные военные действия. У чеченской армии есть несколько фронтов – от юго-восточного до северо-западного, и столько же штабов, командиров, генералов... Ну, это миф, мечты, можно сказать, «болезнь роста»... А вот российские войска. Неужто забыли историю? Как покоряли всю Европу, весь мир. Или, не покорив горы Гиндукуша в Афгане, они уже не могут одолеть и Кавказский хребет? Тоже создали Центральный фронт, Восточный, Юго-Западный, словно Отечественная война (1941–1945), и, благо не описались, – 2-й Белорусский фронт, либо 1-й Украинский...

И все же это война, а для Вахи Мастаева – настоящая бойня. Их отряд попал в засаду – кто-то погиб, попали в плен. И почти в ту же ночь, прямо в лесу, во время сна, прямое попадание ракетой, словно навели. От десяти соратников ничего не осталось. Сам Ваха тоже ранен, но не очень тяжело, и он еще держится и пытается товарищей поддержать. И тут удар. Это не ракета, это похлеще, по психологии, прямо в душу. И это не навели, а привели: среди густого, непролазного леса у его изголовья, как проснулся поутру, еще не успело промокнуть от мелкого, непрекра-

нящегося позднеосеннего дождя знакомое послание: «Мастаеву В.Г. Ругаю тебя ругательски, ты ведешь себя по-ребячески. Наш «Образцовый дом – дом проблем» под угрозой существования. Спасай себя и наш «Образцовый дом», иначе будут еще более сложные проблемы. С комприветом» (без подписи).

Это был удар, коварный удар. Ибо Мастаев знал, что Кнышев, точнее, Кнышевы, контролируют почти все. Но ведь не в этом лесу, не в таком малочисленном отряде, где все преданны друг другу.

Ваха не знал, кого заподозрить, кого обвинить в предательстве. И пока он это выяснял, уже наступила зима. Днем, во время затяжных переходов, или, охотясь для пропитания, он обо всем забывал, а вот ночью, от бессилия, от отчаяния, он самым близким уже не верит. И ему стало плохо. По симптомам, он сразу понял – в физически, а главное, морально ослабленном организме бактерии стали брать верх. Как он знал, спасение лишь в одном: еще выше уйти в горы, в родной Макажой, а там пасеки, у кого-то должны быть пчелы и мед.

Не только пасеки, даже людей в Макажое нет. Кто, как Баппа, погиб, кто бежал, кто без вести пропал. Лишь один древний-древний старик еще живет в селе, оставили доживать свой век. А Ваха пошел к себе. Дома, как такового, нет, просто большая комната, где стояло фортепьяно Марии, как-то было приспособлено под некое жилье. Здесь он попытался кое-как заделывать большие щели, под вечер разжег печь. Чувствуя, как подбегается знакомый для туберкулезников озноб, он лег спать. И что такое? Вначале он подумал, что к ночи, как обычно, стал говорить соседний водопад, а потом все явственнее иной нарастает вой и даже запах – знакомый, сладкий запах детства, когда дед Нажа его сажал на колени и медом кормил... Ваха вскочил, зная, что иного нет, подошел к инструменту: в нем несчастные, покинутые людьми пчелы оборудовали жилье!

Удивительное дело, да пчелы словно узнали его. Конечно, когда Ваха вторгся в их пределы, то есть открыл крышку фортепьяно, пчелки изрядно пожалили его, но то было ровно столько, сколько необходимо было яду для борьбы с недугом. А меду так много,

прямо растекался по днищу. И Ваха весь день только этот цветочный нектар потребляет. А по ночам, как учил дед, вдыхает аромат улья. И все это так целебно, так натурально и гармонично с природой, что какая-то кристально чистая мелодия, словно фортепьяно Марии звучит, заиграла весело в его душе. И он расцветал, он чувствовал, как оживает, и, как бы боясь это сглазить, только изредки мельком смотрелся в осколок большого зеркала. И не надо было иного видеть, лишь глаза: они уже неким озорством светились, и майским солнцем на щеках румянец, а на душе — сладость, даже в войну. Вот что может сделать мед, природа, мирная жизнь!

Готовясь к весне, к праведной, трудолюбивой жизни, как живут пчелки, и Мастаев из разбитых ящиков всю зиму собирал новые улья, большую готовил пасеку, чтобы с солнцем вместе с пчелками воспрянуть над альпийскими горами, да в небе опять летают драконы-варвары, что считают себя людьми. И эту жалкую идиллию они разбомбили. Небось, она мешала, не вписывалась в их развитый, высокоиндустриальный интеллект.

Позже, гораздо позже, Мастаев будет даже где-то рад, что именно так произошло. Получив два серьезных ранения и контузию во время авианалета, он, как потом выяснилось, был спасен от смерти тем же родственником — командиром Башламом, который как-то умудрился перевезти Мастаева через многие блокпосты в Грозный, в какой-то частный домик на окраине, куда почти каждый день поначалу навещался местный врач, а для консультаций пару раз приглашали и русского военного врача. Под таким неусыпным вниманием Ваха быстро пошел на поправку. И тогда что делать больному? Либо телевизор смотреть, либо читать. Экран старенького телевизора прострелен — следы мародера. А вот читать мародер не приучен — ну иначе не стал бы он этим заниматься. А ведь библиотека в этом доме — на зависть.

Да, как положено, ПСС Ленина, Маркса-Энгельса-Сталина-Хрущёва — на месте. Как везде, почти не тронуты, будто мертворожденное дите или вовсе выкидыш. Так Мастаев взял Ленина: теория — смердящий дух! А какие лозунги, заботы о трудящихся, новая религия — миссия, цель которой — власть!

деньги! власть! А реальность, то есть практика этой теории, наглядна за окном.

В стенку с силой швырнул Ваха томик Ленина, и остальные бы так, да вот только руки марать не хочется. И хозяин этого дома руки о ПСС не марал: по всему видно, его интересовала классика – от Гомера и Данте до Михаила Шолохова и Халида Ошаева¹, а особая страсть, точнее любовь, к мифам и сказкам. На этих полках, на удивление, много кавказского – чеченского и ингушского фольклора: илли, узмаш.

Вначале Ваха ничего не понял; какая-то детскость, наивность, простота. Однако именно эти качества былинно-народной литературы, эти вроде незатейливые аллегорические тексты заставляли его вновь и вновь возвращаться к мифам, и он вскоре понял, как становится легко на душе, словно эти добрые, простодушные сказания, как божественный эликсир, выгоняют из его измученного, раненого тела всю мерзость, зависть, ненависть и коварство, которые впитал он вместе с чтением ПСС Ленина.

У Ленина – призыв к борьбе, к вражде, и никакого компромисса, даже соглашательства, в итоге зло, зло, зло – бесчеловечность!

А мифы – сколько в них добра! И даже явные злодеи, драконы и ведьмы от хорошего слова героя превращаются в добрых волшебников, друзей, фей. И как бы там ни было, через какие только инициации, противоборства и препятствия не проходил главный герой, – главное одно – не предаваться жизненным порокам, а оставаться всегда благородным человеком, и тогда успех, прекрасный конец, как в сказке! А ты, герой! И все твое завоевание в одном – свобода жить! Свобода вечно жить!

И, может быть, Ваха многого еще не понимает, да иного нет, ведь миф гласит:

Мое тело – достояние Земли.

Мою душу примет небо!..

Тут истина одна – его тело, его израненное, пораженное вирусом и ленинизмом тело бrenно, зато вечна душа! И эта душа –

---

¹ Ошаев Халид Дугаевич (1898–1977) – классик чеченской литературы.

божественный дар человеку. А сама жизнь на Земле — это испытания, проходя которые, ты закладываешь некий алгоритм своего дальнейшего, вечного, внеземного существования... И, безусловно, Бог видит все, Бог знает все, Бог всемогущ, везде и милосерден... А вот и на земле есть такие, что мнят себя богами, словно они знают все, управляют всем, и они всюду, всемогущи, всемогущи, и они везде. И когда в одно прекрасное, апрельское утро Мастаев неожиданно у изголовья обнаружил очередное знакомое послание, он, как прежде, не стал злиться и поражаться. Наоборот, он с ироничной улыбкой, где-то уже жалея советника президента России, вскрыл конверт: большая вырезка-передовица центральной российской газеты. Оказывается, надвигаются выборы президента России, и, словно в преддверии этого сенсационного сообщения, — в ночь с 21 на 22 апреля в районе села Гехи-чу при взрыве самонаводящейся ракеты был убит президент-генерал Чеченской Республики Ичкерия. В момент взрыва президент говорил по спутниковому телефону с депутатом Госдумы России, одним из богатейших людей страны, либералом-олигархом. По версии газеты, якобы этот телефонный звонок навел ракету.

К этой статье прилагается записка со знакомым почерком: «тов. Мастаеву В.Г. Ваха Ганаевич! Вы как-никак, а в трех ипостасях — и председатель избиркома, и независимый корреспондент, и подпольно — ополченец. С этих позиций дайте оценку случившемуся важному событию. С комприветом. P.S. Ответ по почте, на воротах».

Прочитав эти материалы, Мастаев испытал огромное облегчение, даже покой. Нет-нет, только не оттого, что убили человека, тем более президента-генерала, а оттого, что впервые за очень долгое время войны вдруг замолчала непрекращающаяся канонада, никто не стреляет, не бомбит. Оказывается, объявлен мораторий. И пока он собирался ответить, его навестило столько людей: доктор и медсестра, соседи, Башлам и его сослуживцы. У всех тема одна — гибель президента. И все говорят, что это инсценировка, никто убитого не видел, похорон и могилы нет. Генерала вроде на вертолете российские военные вывезли.

- По мифологии, это называется инициация – совершенно таинство, – словно рассказывает сказку, улыбается Мастаев.
- Что это такое? – удивляются посетители.
- Это преодоление, – улыбается Мастаев. – Если Богу суждено, то будут еще...
- Еще будут войны?
- Все преодолимо, главное – оставаться человеком и бросить автомат.
- Он точно свихнулся, – шепчутся гости. – Дай Бог ему выздоровления.

Вместе с мифотворчеством пришло и хорошее настроение, а вместе с этим и выздоровление, поэтому, провожая гостей, Ваха вышел на улицу, – да, старенький почтовый ящик к воротам прибит. Пишет Мастаев ответ: «24.04.1996 г. Тов. Кнышеву М.А. К счастью, я не в нескольких ипостасях, как вы сказали, а в одной, как бог дал, – пытаюсь быть человеком, я чеченец, и моя Родина в огне... Что касается президента-генерала, то это наша история, и мы ее должны знать, чтить, помнить. А президент остался до конца верным воинской присяге СССР и не изменил ей, даже присягнув на Конституции Чеченской Республики... Неудивительно, что перед возможной гибелью он находился в супротивной Москве. В чьих интересах война? – мы знаем (см. ПСС Ленина). Ну а вам лично, Митрофан Аполлонович, я посоветовал бы обратить внимание на древнечеловеческую мудрость – народную мифологию, а также Библию и Коран. С Богом и Добром! Мастаев».

Ваха думал, что его послание еще даже не забрали, как появился возбужденно-встревоженный, испуганный Башлам.

– Собирайся, уходим, – торопил он.

На узике, бока которого украшали российский герб и флаг, они под утро среди руин и блокпостов мчались в центр Грозного. По ходу Башлам зло говорил:

– Что ты натворил – не знаю. Знаю, что ты дурак, играешь со смертью.

– Все в руках Бога, – говорит Ваха в ответ. – А со смертью не играют, к ней, кто с достоинством, кто с позором, а неизбежно идут. Зная, что смерть – это конец и одновременно на-

чало. И если ты живешь просто и чисто, как в сказке, то, как и в сказке, будут счастливый конец и такое же продолжение. Ну а если жизнь – алчность, похоть, вражда, а в целом драма, то зеркальное отражение жди впереди.

– Ваха, ты действительно болен, – сочувствует Башлам, когда они уже подъехали к «Образцовому дому». – Сиди в чуланчике. Это, пожалуй, единственно безопасное место в республике... А жизнь – борьба!

В подтверждение этих слов, как только машина Башлама из виду скрылась, началась бешеная канонада – борьба-война! А жить надо. И Мастаев поспешил в «Образцовый дом».

Оказывается, здесь скрывается немало людей. Все они подавлены, угрюмы. Они все давно уехали бы отсюда, да их держат работа, должность, высокая зарплата, премии, боевые, полевые, командировочные и другие льготы, ради которых они вынужденно переносят военные тяготы. И одно спасение – «Образцовый дом», он почти цел: есть свет, канализация и связь. Как и прежде, в этом доме проживает правительство. Ну а в чуланчике, как обычно, obsлyгa. Чтo жe они сейчас от Мастаева хотят? Неужели вынести мусор и грязь войны? Так это ему не по силам; ведь он теперь руководствуется не ПСС Ленина, а мифами – исторической мудростью народа, а грязь, и мусор войны – это не то, что во дворе, это прежде всего в душе, и он узнает, в чем, как и прежде, заключается его пролетарская obsлyгa – на «Образцовом доме» вновь приписано «Дом проблем» – значит, выборы, на сей раз – президента России. Мастаев не хочет участвовать в очередном «демократическом» фарсе, кто-то хочет вновь, чтобы не веру в Бога, а царя, наместника Бога, выбрало «свободное» человечество.

Это не свобода жить! Не путь к свободе, а путь законов, дабы жить по неким, выдуманнyм Кнышевыми правилами.

Но Мастаев не горюет: ему нечего бояться. Ведь он родился на Кавказе, еще остались высокогорные леса, где можно скрыться и чувствовать себя свободным.

Так он и хотел поступить, да на первом же блокпосту, что охраняет «Образцовый дом» и все правительство республики,

его задержали: документы не в порядке, выудили штраф, буквально заставили вернуться в чуланчик.

В такой ситуации в прежнее время он первым делом вспомнил бы о всесилии и помощи Кнышева или хотя бы полевого командира Башлама, этих в некотором роде вождей, выражаясь по-ленински, местного пролетариата. Ныне у него иная идеология — сказка, в которой ты сам выбираешь свой путь, сам преодолеваешь все трудности, действуешь только с добром, зная, что и добро в конце концов получишь, отдав земле одряхлевшее тело. А всегда юная, чистая душа улетит в удивительно новый, божественный мир, в котором он теперь думает с романтическим любопытством... И это не значит, что он смерти ищет или ждет. Наоборот, он хочет жить, и не просто жить, а вместе со своим сыном и Марией!

* * *

По марксистско-ленинской теории, ситуация в Грозном называлась «наведение конституционного порядка». Это то, когда днем в городе властвуют российские военные, много бронетехники, огромные очереди машин на блокпостах с поборами и вроде в городе спокойно, да напряжение ощущается.

К ночи ситуация кардинально меняется. Столь всесильные военные словно куда-то исчезают, они, как в норах, прячутся на своих блокпостах, охраняют сами себя и до того всего боятся, что брось камень, начнут палить наугад из всех видов оружия и до утра.

Если и военные боятся, то что делать мирным гражданам, что еще живут здесь и податься им некуда. Они-то совсем беззащитны. А в городе по ночам, как тени или черти, властвуют боевики. И никто нос высунуть не смеет, как на кладбище или в аду крошечном.

Однако у Мастаева, вооруженного ныне нормальным народно-мифологическим сознанием, иное понимание действительности. Он понимает, что это извечная двойственность существования на земле. И это не просто так, это подсказка, намек природы. Потому что любому богобоязненному или просто совестли-

вому человеку знакомы вечерне-ночные необычные мысли и чувства, которые чисты, бескорыстны и бесконечны, как и вся Вселенная, а ты песчинка в мироздании. И только ночью, оставаясь наедине с Богом и со своей душой, ты это чувствуешь, понимаешь, веришь. Ты хочешь быть благородным, самодостаточным, скромным, познающим и признающим естественный мир. Однако наступает «отрезвляющее» утро, когда ты видишь вокруг себя массы вооруженных не только марксистско-ленинской, но и дарвиновской теорией естественного отбора, эволюции, то есть борьбы, когда призыв к борьбе не только с тараканами, крысами, мамонтами и львами, да потом и себе подобными и даже с самыми близкими; и тебя посещает чуть стыдливое и насмешливое разочарование в том, что представлялось таким значимым и вечным ночью. Оказывается, ночная мудрость и дневное благоразумие – это зачастую разные миры существования одного и того же человека, в целом несчастного человека, который даже самому себе не признается, что он двулик. И только цельная личность, личность, впитавшая истинно народный дух традиций и морали, может преодолеть эту обманчивую двойственность человеческого существования – эта личность – самость, это герой, познающий мир, которому удалось подняться над своими собственными, мелкими интересами и ограничениями к общезначимым, нормальным человеческим формам...

Зная Грозный, особо не таясь, да обходя блокпосты, среди ночи Мастаев двинулся к тому домику на окраине, где он лежал, где он окунулся в мир мифа, вечности, мудрости. Где-то в подворотне его грубо окликнули:

– Кто такой? Куда?

– Я ночной бес, как и ты. Пользуясь мраком свободы, иду к свободе.

– Посиди немного со мной, покурим, поговорим. Подышим ночной свободой.

– Мой путь – преодоление. До зари должен справиться.

– По проспектам не ходи – снайперы с ночным видением... Постой, иди сюда... Вот тебе на всякий случай такой

же прибор ночного видения. Включишь – такой же аппарат обнаружишь.

– Спасибо, брат. Как тебя зовут?

– Ты назвал меня брат. Маршал!¹

Ваха читал, что миф – это не наука, не история. И нельзя мифологию отождествлять или накладывать на современность: миф – это вечность человека во вселенской бесконечности. А сама мифология полна символизма, и поэтому этот подаренный ему прибор ночного видения – это тот же факел Колаксай², это нить Ариадны³, стрела Пополь-Вуха⁴ или турпар⁵ Калой-Канта⁶.

Путь, который Мастаев проделал бы в мирном Грозном за час, будь то ночь или день, теперь он шел всю ночь, и даже вплавь пересек Сунжу, к рассвету был у цели и не мог ничего узнать. Понимая, что людское общество вверилось всяким соблазнам, то есть дьяволу, он сам хотел вернуться в свою, подаренную судьбой, мифологическую обитель, закрыть ворота, запереть дверь на засов... Но этого ничего нет. Люди, считающие себя всесильными, перекрыли ему всякий путь к отступлению: на этом для него святом месте зияла огромная вылизанная яма – воронка – словно вход в потусторонний мир, в преисподнюю... Это тоже немек, знак. Знак тех, кто эту войну затеял. Мол, они не дадут ему покоя, уничтожат все. Но разве можно уничтожить вечное?! Ведь Мастаев уже познал основы божественной мифологии и уже знает, что святая обитель, святое место, где ты найдешь истину, не в этом, уже разбитом захолустном доме, не в «Образцовом доме», тем более не в Доме политпросвещения, а в собствен-

¹ Маршал (чеч.) – свобода, приветствие.

² Колаксай – герой скифской мифологии.

³ Нить Ариадны – в греческой мифологии, клубок нити, с помощью которой из лабиринта спасся герой.

⁴ Пополь-Вух – мифология индейцев Центральной Америки.

⁵ Турпар (чеч.) – щит и меч.

⁶ Калой-Кант – герой чечено-ингушского Нартского эпоса.

ной Душе!.. там, где ты должен изначально Храм свой воздвигнуть для того, чтобы осознать во времени Вечность — Неизбежна... К ней надо с достоинством идти...

В развалинах пригорода Мастаев провел день, а ночью двинулся в горы. Через двое суток, только в ночь, он был в Макажое. Теперь здесь и старика нет, и даже намека на жизнь — все разбомбили. Однако Ваха знает, кто даже вопреки варварскому вмешательству людей сохранил древний инстинкт жизни. После последнего обстрела фортепьяно Марии еще более перекошено, как и прежде, посредине развалин, в блеклом свете луны еще поблескивает добротным лаком. Он прислушался: вот что значит Вечность — инструмент и сейчас, даже ночью, звучит нежной, мирной музыкой древнего братства.

Пчелки деда Нажи на него обиделись, мол, давно он их не посещал, слегка покусали. А мед, уже свежий, сочный, словно в капле этого нектара весь аромат и вкус вселенной! А как рои пахнут! Вот пример, вот чистота помыслов, все в труде, все поровну, все равны... Не отсюда ли выросли утопии ленинизма? У людей психология не та, не боятся они греха, значит, не верят в вечность и бесконечность. Говорят, что всему есть конец, то есть драма, трагедия жизни!

А вот Ваха... Как он чудно с пчелками спал. И они его вместе с лучами горного солнца разбудили. Остался бы он здесь, вновь бы дом свой здесь отстроил, пасеку бы расширил. Однако видит он вокруг фортепьяно темные иссохшие пятна — следы его крови. Вновь варвары-драконы прилетят, окончательно инструмент Марии разобьют, пчелок уничтожат. И вновь, хоть и нельзя древний миф с современностью сравнивать, да аналогии ведь налицо, и, как в «легенде о Гильгемеше», должен Ваха понять команду «Дом проблем», значит, необходимо провести видимость выборов, мол, выбирает народ лучшего из лучших, ведь современные правители не средневековые деспоты и тираны, они легитимно избраны обществом, и тогда будь добр его волю и законы исполняй. Словом, в России на носу выборы президента, нужен местный бог и царь. Без свободных выборов в

полюющей Чечне, выборы и во всей России будут признаны недействительными. Понимает Мастаев, что от Кнышева не спрятаться – следят, найдут, и лучше самому – подобиру-поздорову.

По пути в Грозный, пробираясь лесными тропами, решил наведаться в свой отряд. Соскучился он по соратникам, и хочет он поделиться своим опытом, так и сказал:

– Бросайте оружие, это бесполезное, даже вредное дело. Нам война не нужна, война – всегда зло. Нам нужна борьба. И борьба эта – в знаниях. Кто более познает мир – только тот герой.

– Мы все знаем. Ты якшаешься с русскими и евреями. Ты трус и предатель. Убирайся, пока мы тебя не убили.

– Жизнь и смерть – не в ваших руках. На все воля Божья. А что касается русских и евреев, то и среди вас и русские, и семиты-арабы, и турки и прочие-прочие, вроде свершающие газават.

– Да, мы за истинную веру. Мы очистим весь мир от ереси!

– Вместо того чтобы очистить свое собственное сердце, фанатик пытается очистить мир... Но-но-но, – Мастаев отшвырнул от себя бородатого юнца. – Это я тебе из чеченского сказания процитировал. Ну а если хочешь достойно воевать, вон дракон-вертолет – сбей его. Эй-эй, хе-хе, а ты под куст. Герой – наш современник!

Более Ваха ни от кого не прятался и ничего не боялся, он знал, что впредь надо проявлять мудрость, то есть терпение ко всему, и тогда барьеры сопротивления будут разбиваться. А он на время, это время войны – время инициаций и метаморфоз, должен отречься от своего достоинства, добродетели, красоты и жизни подчиниться и покориться абсолютно невыносимому, зная, что он и его противоположность, кто бы он ни был, не разнородность, а есть одна плоть – те же грешные люди. И впереди целая жизнь, страна, полная испытаний, и он в начале долгого и действительно опасного пути озарений и завоеваний. И по пути он должен будет убить дракона, отрубать головы гидры многоголовой, побывать в чреве кита, в подземном царстве, да и мало ли чего... И на этом пути будет много сомнительных побед, преходящих наитий и потрясающих картин поистине чудесной планеты Земля.

Согласно большевистско-ленинской теории и практике демократического централизма, меньшинство всегда должно подчиниться большинству. В этом отношении Мастаев Ваха не только в меньшинстве, он почти в одиночестве. И мало того, он где-то оппортунист-троцкист. В общем, в глазах многих – шпун. Трудно бы ему пришлось, если бы не знания, которые он в жизни приобрел. Уже зрелый человек, пошел четвертый десяток, Ваха с присущей ему пытливостью и данной природой памятью смог не только со многим ознакомиться, а, главное, проанализировать, сравнить, действовать. И если бы он остановился в своем развитии на классовой теории большевистского заговора, то так бы и остался в этом мире, где надо жить здесь и сейчас, и иного нет, где побеждает сильнейший, и есть буржуй и пролетарий, или член бюро обкома-райкома и рабочий-колхозник, то есть в некоем смысле хозяин и раб! Однако Ваха вернулся к истокам народной мудрости, к тому, что человечество выработало за тысячелетия и что должно быть, пока человечество есть, – это герой, который не соблазнится мирскими утехами, который бросится в пропасть, зная, что нет конца, есть вечность! Который является не защитником сущего, а борцом за грядущее.

Герой – он всегда появляется из безвестности, он несет в себе импульс жизни, энергию будущего. Но его враг велик и прославлен на тропе власти; он враг, дракон, тиран, потому что использует преимущества своего положения. И его деспотизм не в том, что он удерживает прошлое, а потому что задерживает развитие, поработачает в этом людей.

Кажется, что сила тирана непоколебима. И он себя считает настолько великим, что все-все его собственность и иного не может быть. Из-за этого он горд. И в этой гордыне его погибель, ибо тиран в конце концов оказывается в роли шута, ошибочно принимающего тень за сущность; быть одураченным – его рок. И даже самая великая фигура истории существует для того, чтобы быть разбитой, разрушенной на куски, которые не собрать.

Ибо страшный тиран — защитник чудовища-факта. А жизнь должна идти вперед, и безвестный герой — борец созидания.

...Все структуры власти сосредоточены в Доме политического просвещения. Вокруг всего здания усиленная охрана, птичка не пролетит. Это охрана не оттого, что боятся мифического героя Ваху Мастаева или десятка тысяч таких, как Мастаев. Просто знают, что противоположности не разнородны, есть одна плоть, а более боятся себе подобных, боятся продажности, предательства, трусости, коварства. Потому что все выходцы из СССР, все в школе изучали, что бывают войны «справедливые» и «не справедливые». Например, Великая Отечественная война — справедливая, и спору ни у кого нет. А вот афганская кампания по исполнению какого-то интернационального долга — уже осуждена как авантюра. И если в Афгане ни за что погибло, по официальной версии, около тринадцати тысяч советских воинов, то в Чечне за эту войну «по наведению конституционного порядка» уже погибло на порядок больше. Однако официальной статистики нет. В целом результат достигнут, по крайней мере и на всей территории Чеченской Республики должны пройти выборы президента Российской Федерации. И по этому вопросу в Доме политпросвещения в Обществе «Знание» под председательством советника президента России Кнышева проводит совещание в преддверии выборов.

В иное время Мастаев Ваха, как бессменный председатель избиркома, удивился бы составу присутствующих, здесь почти все: и русские, и чеченцы (одного лишь погибшего президента-генерала нет); оказывается, объявлен мораторий на военные действия, вроде идут переговоры; якобы разум возобладал. Да все знают, хотя они вчера, а может, и завтра будут в разных окопах, — главнокомандующий у них один... А Ваха добавит — плоть одна, предпочитает доллар.

Именно доллары, пачки долларов, получили все, по списку, даже расписались в получении. Только Мастаев не удостоился этой чести, зато его одного председатель попросил остаться:

— Что-то мне не нравится твое поведение в последнее время, Ваха Ганаевич, — как-то уж больно официально ведет себя Кны-

шев, нет и намека на прошлое, порою панибратское, отношение. — По-моему, у тебя с контузией последние мозги отшибло.

— Война и души вышибает.

Искоса, с нескрываемым презрением Кнышев осмотрел Мастаева:

— Да, помню, как я тебя рабочим пареньком, в одних драных штанах сюда пригласил...

— И я вас помню, в рваной тельняшке, как с утра мы вместе вокруг «Образцового дома» окурки собирали.

— Что ты хочешь сказать?

— Плоть одна.

— За мать мстишь? И много наших убил?

— Тут только наши. А «ваши» те, что расписались, наверное, думают, что под вашей «крышей», что вы, как боги, их и себя сохраните.

— Молчи! — Кнышев подошел к шкафу, достал бутылку коньяка, рюмку. Выпил одну, две. Потом, закутив, сел в кресло, и чуть подобревшим голосом: — Выпьешь?.. Надо достойно провести выборы президента России.

— «Итоговый протокол», небось, готов?

— Хм, — ухмыльнулся Кнышев. — Протокол, конечно, готов... Но мы должны обеспечить хотя бы видимость явки избирателей. Будут наблюдатели из Европы, всякие корреспонденты.

— И как вы эту «явку» обеспечите?

— Не «вы», а мы вместе, — вскипел Кнышев. — Сам сказал «одна плоть». Вот и думай... А жить будешь здесь, со мной.

— Бойтесь, что убегу?

— Куда ты и кто другой убежите? Все под контролем... А ты организовывай выборы. Надо выманить народ к урнам и в подвалов.

— Так это ваши бомбы их в подвалы загнали.

— Мастаев, замолчи! Явку не обеспечишь...

— И что будет?

— А ты осмелел.

— А вы ожидали иные всходы бомбежки?

– Гм, – забегали желваки на лице Кнышева. – И все же я верю в твое благоразумие... Спи здесь. Я в соседней комнате.

Не только Мастаев, но и сам советник были здесь под своеобразным домашним арестом. И если Ваха как-то по-своему, с некоторой игривостью относился к этой ситуации, то Митрофан Аполлонович, по мере приближения выборов, все больше нервничал, даже злился. Он постоянно куда-то звонил, говорил и на английском, и на арабском, и на русском с какими-то важными людьми, разговор, даже если говорил по-русски, был Мастаеву непонятен. Однако чувствовалось одно – политика, значит большие деньги, а Кнышев все время под нос бубнит ПСС Ленина:

– Все собрания переполнены, и кто говорит всех резче, тот становится героем дня... Война идей революции, война в печати, война от имени всех со всеми... А от социалистической революции они отрекаются под тем предлогом, что нам «пока» не надо «просто-таки» организовать для участия в «предстоящем конституционном обновлении России»!.. Какой это том, Мастаев?

– Боюсь, Митрофан Аполлонович, что этот диамат¹ вас в конце концов, как и меня, тоже с ума сведет.

– Мастаев, Ленин велик и вечен! А тебе напомним – ПСС, том 20, страница 317, «Реформизм в русской социал-демократии». И этот великий труд заканчивается пророческими словами: «русский пролетариат будет давать беспощадный отпор имминикам и ренегатам, он будет руководствоваться не «смутной надеждой», а научно-обоснованной уверенностью в повторении революции!..» Каково?! Браво!

– Я думаю, вам лучше других пророков почитать – в Библии и Коране.

– Но-но-но! Мастаев, ты мне брось эту религиозную чушь... Лучше наливай, и пополюем.

Если бы не кое-какие пороки (впрочем, кто как смотрит), то эту изолированную жизнь правительства Чечни в Доме политпросвещения можно было принять за жизнь некой коммуны,

¹ Диалектический материализм Маркса–Энгельса–Ленина.

описанной еще до Маркса и Энгельса. Правда, жизнедеятельность этой коммуны ограничена временем и цель одна – выборы президента России. Да при этом и частно-местечковые интересы есть: кому внеочередное звание, кому орден и премия, ну а полевые, боевые, суточные и сверхурочные – как положено, так что месяц и полгода можно пожить, раз день за три считают, а бутылку поставишь – и до пяти округлят.

Однако, как обычно, есть и исключения. Мастаев здесь почти по принуждению. Правда, Кнышев официально, через отдел кадров и канцелярию, оформил Ваху на «постоянную» работу – председатель избиркома, и обещанная по «трудовому договору» зарплата довольно приличная, так что он в день по несколько раз слышит:

– Мастаев, выборы готовы, готовы выборы. Не то дела будут плохи.

– Да что вы волнуетесь, – отвечает председатель избиркома, – ведь «итоговый протокол», как всегда, готов.

– Не в том дело, Мастаев. Ныне случай особый. В Чечню придут наблюдатели с Запада. Мы объявили, что здесь уже мир, демократия и конституционный порядок. А если чеченцы на выборы Ельцина не пойдут, значит, зря мы Чечню бомбили, порядка не навели, и нам Всемирный банк и МВФ денег не дадут... И ты без зарплаты останешься.

– Так я, как и весь народ, уже давно без зарплаты, пенсии и прочей помощи государства живу, зато экстрим бесплатный.

– Мастаев, не шути! Твоя мысль пахнет троцкизмом.

– Какие уж тут шутки? – вслух думает Ваха, зная, что он почти под арестом.

В прежние времена, будучи вооруженным ленинской теорией классовой борьбы, он, зная судьбу соратников Ленина и Сталина, тем более всех чеченцев и ингушей, вспомнил бы, что биография большинства заканчивается – «репрессирован».

Ныне это его не тяготит, ибо он, к своему счастью, уже отрекся от этой большевистской идеологии и окунулся в истоки человеческой мудрости, и посему знает, что его тело, бrenное,

тленное тело, может, и подлежит заточению в Доме политпрос-вещения, может, и оно будет репрессировано. Но его душу нельзя заточить, она принадлежит только Создателю – Богу, будет существовать всегда и везде, поэтому он относится к жизни с игривостью, а в этом помогают ему древние мифы. И они дают ему понять, что ничего нового нет, просто надо немного по-детски, проще смотреть на мир. Ведь всякая война – от алчности людей. А вайнахская легенда гласит: возник на земле страшный, сметающий все ураган. Все с земли он сносил, и даже наш герой не устоял на ногах, влетел в одну пасть и тогда только понял, что это вечно голодная рыба-великан всасывает ненасытно весь мир.

Попав в живот рыбы-великана, герой пришел в себя. Здесь много людей, многие уже погибли. Остальные в смятении. Однако на то и герой Нарт Калой-Кант, потому что он знает, что печен, не унывает, и это помогает ему найти самый невероятный, а на деле очень простой выход.

Наш герой подбадривает тех, кто в животе рыбы-великана, и говорит, что надо всем вместе, как положено горцам, дружно хором запеть. От такой неожиданности рыба-великан на мгновение прислушается, замрет, и в этот момент горцы-кавказцы узнают, где у нее чудовищное сердце. На этом сердце станут все горцы-джигиты и начнут неистово лезгинку танцевать; рыба не выдержит сердечной боли, всех выплюнет и в глубины уйдет...

Рассказал Мастаев эту сказку Кнышеву:

– Дурак ты, – в очередной раз постановил Митрофан Аполлонович, а чуть погодя, спросил: – Кстати, а к чему ты это?

– Надо всех чеченских героев – полевых командиров – сюда пригласить, как в чрево рыбы, – в Дом политпроса заточить – пусть агитируют за советскую власть.

– А они согласятся?

– А разве вы не из одного теста, не одна плоть – войны, и не один у вас бог?

– Ты о чем?

– Я о вашем боге – долларе. Правда, будет торг.

– В чем торг?

– Чеченцы голосуют за президента Ельцина. Но до этого нужен еще «итоговый протокол», – и видя вопросительный взгляд советника президента России: – после выборов, поем, танцуем – мир! Военные действия прекращаются, российские войска выводятся, кроме милиции; составляется мирный договор между Россией и Чеченской Республикой.

– Мне надо подумать, – сказал Кнышев.

Мастаев знал, что это значит, советник будет советоваться с Москвой; те, может быть, еще куда позвонят, там, где земные боги, – они решат. Так и решили.

Почему-то известные по телепередаче полевые командиры (видимо, сверхбыстрые операторы, а может, съемки из космоса), словом, герои чеченского сопротивления были приглашены в Дом политпросвещения, и они как-то «умудрялись» вклиниваться со своим сигналом в российскую телесеть и попросили народ сделать как бы по-ленински «шаг назад, два шага вперед».

Разумеется, как таковых выборов президента России в Чечне не было, разве что в Грозном. Как определил Ваха, чеченский хор не спелся. Однако и зарубежные наблюдатели за столицей выезжать не посмели, так что по телевизору на весь мир показали пару городских участков с очередями к урнам.

Как и было договорено, Мастаев перед телекамерами озвучил давно заготовленный «итоговый протокол» выборов. Даже это не помогло, в самой России доверия Ельцину нет, всюду твердят о фальсификации, назначен второй тур выборов. Вновь Мастаеву приходится разыгрывать весь этот спектакль, вновь, вопреки реальности, он идет на сделку с совестью – зачитывает «итоговый протокол». Более того, после этого вылетает в Москву и на специальной пресс-конференции врет на весь мир, что выборы в Чечне были «свободные, справедливые, демократичные».

Оценку выборам дал Кнышев:

– Ваха Ганаевич, что ни говори, – потрудился ты на славу. Лично от себя очень благодарю. Можно сказать, чуть ли не спас Россию... А вот что касается денег, а тебе не мало причитается, может, учитывая тяжелое финансовое положение в стране, да и то, что деньги ныне, как мусор, предлагаю более надежные ценности.

– Вы о мире? – улыбается Мастаев. – Я согласен.

– О более существенном.

– Разве есть более существенное, чем мир?!

– Я, как материалист, о более земном... Словом, я уезжаю навсегда...

– В который раз, – перебил Мастаев.

– Слушай. Очень выгодное предложение. Ты подписываешь ведомость, а я даю доверенность на мои квартиры, квартиру жены и квартиры-гостиницы в «Образцовом доме».

– Ха-ха! Получается, что «Образцовый дом» почти весь станет моим.

– Да, – не без грусти сказал Кнышев.

– Одну квартиру оставляю за вами, – уже распоряжается Мастаев. – Приезжайте не в гости, а к себе, когда хотите.

Они, как обычно, горячо прощались. В тот же день Мастаев был в жилищном управлении, а там над ним смеются:

– Тебя провели. Все эти квартиры отказные. За них копейки дают, а ты миллионы... И вообще, Грозному скоро не быть. Говорят, уже вынесен приговор. А «Образцовый дом» первым делом разбомбят, по кирпичику наши же дележки окончательно разберут.

– А квартира Дибировых? – о своем думает Ваха.

– Тоже отказная. Руслан Дибиров компенсацию получил.

– Я эту квартиру могу у государства купить?

– Ну ты болван!.. А купить можешь. Пожалуйста.

...Какова жизнь?! Случилось все, как в сказке. Еще пару лет назад Мастаев не имел собственного жилья, а в «Образцовом доме» жил на птичьих правах, а теперь, кто бы мог подумать, в его собственности почти половина этого элитного дома...

Были бы живы мать и дед Нажа... А что сказали бы прежние жильцы? Теперь, правда, в этом доме почти никто не живет. И в самом городе людей очень мало. Видно, после выборов в Москве потеряли всякий интерес к Чеченской Республике и чеченцам. Никто уже не говорит о восстановлении, все заморожено, все отдано на откуп военным, те бесчинствуют: мародерство, пропажа людей, убийство мирных граждан.

В этих условиях Мастаев сделал, сделал чисто бессознательно то, с чем в прежние времена его мать и он пытались бороться, точнее, были обязаны это быстро ликвидировать. Он на «Образцовом доме» написал наболевшее – «Дом проблем» – и только после этого вспомнил, что это некий бывший символ и знак той элите – будут выборы, ждите перемен, мобилизуйтесь, либо вас вышвырнут из этого дома, а значит, и с почетной работы, со всеми вытекающими последствиями.

К удивлению Вахи, эту надпись кто-то тут же тщательно стер. Оказывается, вопреки словам деда Нажи, времена все же поменялись. И если раньше кто-то тайком приписывал «Дом проблем», и это Мастаевым приходилось смывать, то теперь Ваха вновь хозяйски открыто восстановил надпись, словно призывая к переменам. И опять кто-то ночью тайком стер. Значит, кто-то не хочет перемен, хочет сохранить все как есть. И, помня ленинскую теорию о революции и уже зная о большевистском терроре, конечно же даже хрупкий, даже такой кажущийся мир лучше войны. Однако Мастаев вооружен ныне знанием иного порядка – мифом. А миф – это не просто сказка, где борется наш герой с драконом. Здесь все в метафоре. И дракон – это не просто злодей, поработитель и искушитель. Это прежде всего все старое, изжившее себя, все то, что мешает человеческому развитию, свободе. И герой-избавитель – это не созидатель, более того, он разрушитель. Именно под его яростным ударом должен этот дракон, как все устоявшееся, то есть уже начинающее прогнивать, – рухнуть, будет смерть, чтобы родилась новая жизнь. И только рождение может победить смерть, рождение, но не возрождение старого, а именно рождение нового. Ибо в самой душе, во всем обществе, чтобы продлить наше

существование, должно длиться постоянное рождение, сводящее к нулю непрерывно повторяющуюся смерть. И это добро и зло определяют не люди, а богиня Дика¹. И когда приходит день победы нашей смерти, она неминуемо настигает нас. И мы ничего не можем сделать, кроме как пророк Иса² принять распятие и воскреснуть, быть расчлененным, а затем возродиться... Именно поэтому, желая перемен в жизни, в обществе, как в своей душе, Мастаев вновь написал на «Образцовом доме» «Дом проблем». И, примерно зная, что тот, кто это раньше сам писал, теперь сам же стирает, он сел, не как герой, да как охотник в ночную засаду, в кустах перед домом во дворе.

Летняя ночь недолгая. И все равно высидеть в кустах было бы нелегко: нормального человека в нормальных условиях клопню бы ко сну. Да в том-то и дело, что каким бы ни был Мастаев, да условия в Грозном далеко не нормальные — столица войны. То там бабахнет, то там пальнут. Собаки лают, где-то тень прошмыгнет, рядом крыса принюхалась. Как и ночной лес, не спит прифронтовой город. И уже забрезжило утро, едва-едва заря, а с нею прохладный, свежий ветерок, и обильная роса словно очищает весь этот грязный мир. Это время суток, когда ночь расходилась с днем, когда мир должен был вновь пробудиться, ожить, улыбнуться, он ощущал с необъяснимым трепетом, потому что в этот ранний час каждый день, сколько он жил и помнил, вставала его бедная, как все матери, добрая мать, чтобы убрать, а значит, украсить для людей эту улицу и двор, и все это за копейки, чтобы вырастить и на ноги поставить сына... Тут никакая мифология и бессмертность души не помогут. Воспоминания о матери щемящей тоской охватывают душу и сознание Вахи. У него слезились глаза, и он даже не обратил внимания, как где-то рядом, сквозь густые угренние сумерки, закаркала ворона, и тут

¹ Дика (чеч.) — добро. В чеченской и ингушской мифологии богиня справедливости. Каждый после смерти должен пройти через её ворота оценки. Она карает преступников. По функциям близка богиням Фемиде и Немезиде в греческой мифологии.

² Пророк Иса — Иисус.

Были бы живы жильцы? Тепер! это добро и зло самом городе лихорадит день и зло кве потеряли И мы ничего не цам. Никто ужасствие и вос- все отдано И. Именно по- пропажа люлей душе, Ма-

В этих уи проблем». Ма- но то, с чем теперь сам ся, точно засаду, в «Образце

только птах было знак тоуях кло- либо в! Маста- боты, да вой-

К о тень Оказе, не лисе заря, это звно хо- рас-

м-ть, м-то п-т- ?

Она, по кругу, выискивая цель, вертелось дуло круп- ного пулемета. Услышав длинную автоматную оче- а ближайших блокпостах стали стрелять. в БМП никто не вышел. Машина, как змея, бесшумно зья, быстро убралась. Контролируя ситуацию, Мастаев еще мало просидел в засаде, пока совсем не рассвело и не послы- ался вновь истошный крик в подъезде.

С окровавленным лицом, в одном исподнем, лохматая, как ведьма, выскочила супруга Захарова. От ее крика один из воен- ных, видно, только раненный, попытался встать, хватаясь за оружие. Одиночный выстрел Мастаева, и только после этого, и то оглядываясь, Ваха поспешил к подъезду.

«... действительно, как отделилось пол- от нее уже отделн-

слово зачеркнуть?» — ружении только кинжал

ствуют слаженно, по-воен- лугой — у входа, четверо пол- е раздался глухой взрыв, полс- али дверь в чью-то квартиру.

откая очередь — тишина. Потом ум. Видно, жертву оглушили, при- огромное. Мастаев догадался — это о жизнь был одним из руководителей ики — Захаров Яков Львович. За год до Грозный, вместе с российскими войска- становления нефтекомплекса. И вот его и не уронили, вынося из подъезда.

«...? — услышал Мастаев. Вот тут бандиты со- ность: сгрудившись, они в испуге склонились ым, и Мастаев выпустил весь заряд. Сменив ходу зарядив новый рожок, взял на прицел БМП. ехала во двор, стала у подъезда. Словно ужасные она, по кругу, выискивая цель, вертелось дуло круп- ного пулемета. Услышав длинную автоматную оче- а ближайших блокпостах стали стрелять.

в БМП никто не вышел. Машина, как змея, бесшумно зья, быстро убралась. Контролируя ситуацию, Мастаев еще мало просидел в засаде, пока совсем не рассвело и не послы- ался вновь истошный крик в подъезде.

С окровавленным лицом, в одном исподнем, лохматая, как ведьма, выскочила супруга Захарова. От ее крика один из воен- ных, видно, только раненный, попытался встать, хватаясь за оружие. Одиночный выстрел Мастаева, и только после этого, и то оглядываясь, Ваха поспешил к подъезду.

От крика жены нефтяник было ожил, да оказался гораздо слабее своей половины: увидел гору трупов, кровь, опять потерял сознание. Пришлось его по щекам побить, еле-еле, при помощи решительной женщины затащили Захарова в квартиру:

— Звони, звони, быстро вызывай свою охрану, — подавала жена рацию. — Как ее включать?.. Быстрее! — и пока, видно еще еле соображавший хозяин пытался нажимать кнопки на аппарате, сама Захарова вдруг бросилась на Мастаева. — Я все знаю. Я знаю, кто это сделал, — твой друг или кто он тебе — шеф, твой хренов благодетель — твой Кныш.

— Митрофан Аполлонович? — изумился Ваха.

— Да-да, твой Кныш, эта мразь!.. Он угрожал. Больше некому.

— А за что? — все еще не верит Ваха.

— Как «за что»? Нефть!!! — орала Захарова.

— Что «нефть»?

— Ты дурак? Не соображаешь? Оттого, что бомбят, нефть-то самотеком и даже фонтанируя, не перестает течь.

— Ну и что? При чем тут Кнышев?

— А то, твой Кныш хотел лучшие скважины за копейки выкупить, как сейчас говорят, прихватизировать...

— Нона! — вдруг очнулся муж. — Не болтай! — и тут он быстро заговорил на непонятном языке.

— Да, — отпихивая Мастаева, женщина с вызовом стала против него, ее перепачканное, обезображенное лицо перекошено от гнева. — Кстати, сосед, а ты что делал в такую рань во дворе? Был бы с метлой, а ты с автоматом.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Мастаев, вспомнив по мифологии, что любое геройство, как и благо, доставленное из бездны, быстро рационализируется в ничто, и назревает потребность в другом герое, чтобы обновить мир. — А вы, дорогие соседи, почему с войною вернулись? А, небось, уже на пенсии. Нефть?.. Какой же я, и шправду, дурак, до сих пор об этом и не знал, и не думал. — Услышав со двора шум, Ваха тайком выглянул в окно: — О, теперь вы в безопасности. У подъезда очень много людей, в том числе и местная милиция, подъехали машины «Грознефть» с охраной. Я вам более не нужен, прощайте.

— Э-э, постой, постой, — замахал руками Захаров. Довольно прытко исчез в соседней комнате, вскоре вернулся: — На, бери, — он протянул Мастаеву пачку долларов и, видя, что тот решительно отвел его руку, достал из кармана еще пачку: — Возьми, больше тут нет, а я потом сколько хочешь добавлю.

— Спасибо, ничего не надо, успокойтесь, — супруги недоуменно переглянулись, а Мастаев продолжил: — Богу угодны добродетель и искренность, а не материальные подношения, сколько бы их ни было... Ха-ха, но я, понятно, не Бог. Прощайте, — с этими словами он вышел в подъезд. Снизу уже слышны шаги. Стараясь не шуметь, он побежал наверх, прикладом сбил примитивный амбарный замок, попал на с детства знакомый, огромный полумрачный чердак, где, как всегда, в уголке пугающая небольшая колония летучих мышей, а вот голуби, птицы мира, в войну исчезли, их след — высохшая куча помета, в которой Ваха припрятал автомат.

Наверное, с юности Ваха на чердаке «Образцового дома» почти не бывал, разве что пару раз антенну менял. А вот теперь, став хозяином многих квартир, он с инспекцией все осмотрел. В первом подъезде, где его чуланчик и все квартиры, кроме одной, его, он по-хозяйски всюду замки навесил, так что сверху просто не проникнешь. Он воспользовался выходом в центральном подъезде.

Делая вид, что торопится и не хочет видеть кровь у третьего подъезда, Ваха на улице уже резво сделал шаг в сторону родного чуланчика, как будто кол меж лопаток. Он остановился и, не веря, глянул внимательно — надписи «Дом проблем», как он их охранял, уже не было. Значит, все будет по-прежнему. И в подтверждение тому в чуланчике, что был заперт и металлическая дверь, — на столе знакомый конверт, и никакой деликатности: «Больше пощады не будет. Лишь последний совет — убирайся в свои горы. Прощай».

Это было более чем серьезно, потому что Кнышев либо кто другой — посыльный — действовал очень нагло: дверь в кладовку — настежь, и даже потаенный секретный лаз демонстрацион-

но не прикрыли. Именно этот ход спас Мастаева, он в окно увидел, как перед чуланчиком во дворе остановилась та же БМП. Не так чтобы штурмом, во дворе больно много людей, в том числе и чеченской милиции; спецназовцы двинулись прямо к чуланчику. Пока они, пытаясь особо не шуметь, взламывали входную дверь, Ваха понял, что это, оказывается, не его дом и не его город, надо воспользоваться не только «последним» советом, но и лазом Кнышева.

В отличие от последнего, Ваха постарался тщательно замуровать путь своего отступления. Уже попав в едко-вонючий, темный, как могила, лаз, он понял, точнее, давно знал, есть путь вниз – лабиринт подземных ходов, коммуникаций, бомбоубежище, а по его мифологическому мировоззрению – это путь в преисподнюю, где трепет приключения оборачивается путешествием во тьму, где царят ужас, отвращение и фантазмагорические страхи, преодолев которые он, как легендарный Гильгамеш, добудет из глубин цветок вечной жизни... Мастаев стал карабкаться вверх. Со временем железные ступеньки местами проржавели, и он не раз чуть было не свалился в мифологическую глубину вечности. Однако в теорию эпоса он пока еще до конца не верил, догмы Ленина налицо, а, может, проще – не герой... Словом, он воспользовался ключами, через тот же чердак попал вновь в подъезд Захаровых, затесался меж людей и бежал, бежал в родные горы, где не добывают и не торгуют нефтью... из преисподней.

* * *

Миф и ленинизм... Человеческая древность и современность. Сказка и религиозная догма, претворенная в жизнь. Эмпиризм и рационализм. Пещерная наивность и космический прорыв. Дегенерация или прогресс? Иллюстрированная метафора или портреты живых вождей? Танец жертвоприношения Богу или ритуальный парад и фейерверк в честь главы? Общая земля, космос, населенная или государство, граница, конституция? Сказка, где

все заканчивается миром, счастьем, бессмертием, или теория на базе раздора, противопоставления, пропаганды и самовосхваления. Метафоры, в основе которых плоды глубоких раздумий, поисков и столкновений мысли на протяжении веков или все — все себе, только здесь и сейчас! И если строгая современная теория — это наука, история и ее цель — господство и власть! То, рассматривая наивный, сказочный миф, не надо искать интересные параллели сегодняшнего, а надо познать божественный намек относительно истины или же откровения — что нас ждет по ту сторону жизни и как вести себя по эту.

...Не зря Мастаева называли дурачком. По крайней мере, он порою сам так тоже считал, ибо иначе не мог здраво характеризовать некоторые свои действия. Вместе с тем, что от сохи, точнее, более от метлы, поэтому он сам так нескромно считает, — в нем есть какая-то природная интуиция, которую, как эликсир жизни, он впитывает в родном Макажое из разбитого фортепьяно Марии, где по-прежнему живут и множатся пчелки деда Нажи, давая ему не просто мед, а прямо аромат для возрождения.

Вот после такой гармонии с природой Мастаева вдруг осенило. Нахско-Нартский эпос он вроде бы изучил, и те самые «намекы», что в них, как и в любом бессмертном мифе, есть, понял. И даже начал претворять в жизнь, но не до конца. В этом беда, беда всего народа, потому что ему дан этот знак, а он не герой-избавитель, а трус. А как народу без героя и без подвига жить, развиваться, размножаться, идти вперед! Почему он на полпути остановился?

И хотя он знает, что нельзя миф примитивно на современность накладывать, да его обозвали дурачком, значит, не нормальное мышление. Так он и мыслил, что дракон-великан-чудовище проглотил его. Ну и понял он намек — хором песню спел, отвлек чудовище — выборы провел. Так надо было и второй знак свершить, на самом сердце лезгинку станцевать. Да он трус, бежал. А как иначе? Если трезво смотреть, то как можно крошечной Чечне противостоять всей России? И как можно сравнивать экономический, научный и военный потенциал этих «соперников»? Это даже не слон и моська, а еще более несопоставимое.

Однако ведь есть миф, есть Нартский эпос, есть намек. Так герой ты, Мастаев, или трус, смерти боишься? Никогда. Вот только здоровье он свое чуть подправил, немного подумал, и тут подсказка – слух... Перевыборы президента России прошли успешно. Чеченский президент погиб, лидера нет. И оружия у чеченцев нет, может быть, только российское. И мораторий объявлен, и уже все стали привыкать к более-менее мирной жизни, все налаживается. Да это кое-кого явно не устраивает. И вот нагнетают страх, настраивают общественное мнение: в августе в Грозный войдут боевики – будет бойня. Тут выясняется, что среди российских военных то ли предатель, то ли бескорыстная готовность помочь: то ли за копейки продают, то ли бесплатно раздают оружие – очень много.

Ваха знает – с автоматом против самолета не пойдешь. Да в истории подобное случалось. Иначе как бы сложились мифы? В общем, под этот слух-шумок Мастаев вновь сколотил отряд, благо эпос помнят, и, разведав, когда будет штурм Грозного, двинулся с отрядом к столице.

Почти два года длится эта война, или, как говорят, «наведение конституционного порядка». И не только те, кто воюет, но даже бабушки на базаре знают, что мощные российские войска зачастую подыгрывают, заигрывают, в общем, то ли учения, приближенные к боевым, то ли просто в «кошки-мышки» играют. И, как в мультфильме, кошки, порою очень даже не хило получают... Да это не эпос. Это современная беллетристика. И кто бы как ни писал, как бы ни «подыгрывал» и ни «заигрывал», настоящая война, где есть герои и трусы, предатели и командиры, мародеры и беженцы, а в итоге – трупы, трупы, трупы, в том числе и детей. Война! Этот дракон ненасытен, требует все новых и новых смертей.

По опыту Мастаев знает, что известные полевые командиры пойдут на штурм Грозного по «протоптаным» тропам, и тем будет все: и подвиг, и измена – бойня. Последнее ожидает и его, но он, как Ленин, пойдет другим путем, хотя наверняка понимает, что и в его отряде, может быть предатель-наводчик;

может, даже он сам является таковым, потому что даже в его одежде, оружии, а скорее всего, в его сознании сидит какой-то непокорный бес, как спутниковый навигатор, и он будет притягивать к себе огонь тяжелой артиллерии и авиации...

Ночью, без особого труда, с юга, через чернореченский лес его отряд вошел в Грозный. В это время город без контроля. Однако передвижение как-то сразу определили, и началась за ним охота, словно огненные языки дракона, с неба потоки раскаленных ракет. Именно на это Ваха и рассчитывал, и этого он ждет... Как в кавказской сказке «Быстрый горец»: огромное чудовище напало на село и стало требовать дань – каждый день человека на съедение. И нашелся юноша, сказал «догони», бежал вокруг чудовища, забрался на его хвост и по хребту вверх. А все пожирающее чудовище, пытаясь съесть юношу, стало проглатывать свой хвост и так самого себя съело.

Именно так хочет поступить и Ваха. Первым делом он ведет отряд в места, обойденные войной – нефтекомплекс функционирует – оазис. Вот на что он навел ракеты. Пожар, дым, словно извержение вулкана. Еще темнее стала ночь, дышать невозможно, жить тяжело, потому что нефтепровод – кровеносная система Системы – перестал функционировать, не дает более доход.

После этого редющий отряд Вахи под тем же обстрелом, как под сигнальными ракетами, освещающими правильный путь, двинулся прямо к центру, или, как он мыслит, к сердцу чудовища, на котором надо станцевать. Это мифология. И когда речь идет о мифическом герое, то всякие чудеса допускаются безо всяких ограничений. Однако, как бы ни была развита человеческая фантазия, сама жизнь гораздо более изобретательна, непредсказуема, изощренно-коварна и героически самоотверженна. И все это, возможно, и есть в одном человеке, в одном герое. Ибо герой не защитник сущего, а борец за грядущее и только тот герой – герой, у которого смерть не вызывает страха, потому что главное условие героизма – примирение со смертью...

Вокруг Дома политпросвещения возведена целая железобетонная крепость, которую не то что автомат, гранатомет, но даже танк не прошибет. И такого оружия у чеченских боевиков нет – на это расчет и успокоенность тех, кто скрывается внутри: это советники из Москвы и местное, вроде бы узаконенное чеченское правительство.

Да есть герой Мастаев. И он вопреки всему, под шквальным огнем среди темени ночи дошел до «спасительной» стены. Упав под нее, он к ней так прижался, словно к родной, а ракеты рвутся непрерывно. И даже сквозь этот рев прорываются панические крики на русском и чеченском:

– Нас предали! Нас подставили! Нас предали!

– Это вы всех предали, продали, пропили, – в ответ прошептал Ваха.

С рассветом мир замер. Луна и солнце поднялись вверх, как главные очи неба. На западе замерла утренняя звезда Венера, как девственная прелесть. Ночь и день, два мира, разнящиеся, как жизнь и смерть, как человеческое и божественное. А герой, отважившийся отправиться из мира известного во тьму, вооружен знанием, то есть бескорыстием. И если его дух мечтает не о сиюминутных мирских блаженствах, а о вечной гармонии с природой, то тогда человека не уведут от самого себя его чувства, рождающиеся от поверхностного взгляда на вещи; и человек только тогда герой, то есть человек, когда он смело отвечает на всякое проявление движущих сил своего собственного характера, и только тогда перед ним расступаются трудности и открывается непредсказуемая широкая дорога вперед, в вечность!.. Даже его любимая березка, под сенью которой Ваха от полнения всегда прятался, подолгу курил, теперь тоже полностью обломилась, не выдержала природа напора войны. Только это вызвало у Мастаева сожаление; а то, что Дом политпросвещения почти разрушен, его даже радует, и не то чтобы он вспомнил миф, а так горской душе хочется – среди обломков здания, где почти век культивировался ленинизм, он бесшабашным свистом собрал в круг друзей, и воззвал:

– Тъоха тьараш!¹ Хорс тохь!² – стал неистово лезгинку танцевать.

Жертв никто не считал – это невозможно и бессмысленно, ибо жертвы войны все: и живые, и мертвые. Правда, Мастаев, в отличие от остальных, знает о первоначальном предназначении Дома политпросвещения – этого храма для избранных мира сего. И эти «избранные» создали себе много привилегий, в том числе и для бессмертия своих нетленных душ и тел. Эти «избранники» многое знают, многое предвидят и не хотят себя с народом равнять.

Как бы Дом политпросвещения ни разбомбили, да строили пленные немцы на совесть – остов еще крепко стоит. И Ваха без труда определил, где находилась основа идеологических основ – «Общество «Знание», и там потаенные помещения, непонятная ему электронная техника, даже под бомбежкой не разбившиеся бронированные зеркала, где-то под грудой мебели еще по радию какого-то первого зовут. Неужто Кнышева? Ну а вот лаз в подвал, и даже мощный, тяжеленный люк за собой не прикрыли – вход в бомбоубежище, в этот привилегированный ход в преисподнюю, где, видать скрывались самые избранные, а вроде своих же оставили под обстрелом погибать.

Мастаев уверен, что Кнышев через этот ход ушел. Как ни странно, он так к нему по жизни привязан, что такой исход почему-то его более всего удовлетворяет. И это не только личностное, это символично – чудовище, пусть даже их отрыгнуло, да убралось восвояси.

С такими мыслями Ваха заснул богатырским сном между небом и подземельем, то есть в подвале «Общества «Знание», сказав, чтобы его попусту не беспокоили. Да его какой-то бородатый парнишка виновато растормошил:

– Митрофана Аполлоновича знаешь? Хабар прислал. В плен попал.

---

¹ Тъоха тьараш (чеч.) – Рукоплещите!

² Хорс тохь (чеч.) – Бейте в набат, в барабан!

Не раздумывая, более нежели родного, бросился Мастаев Кнышева спасать.

Даже в этих, по-военному варварских условиях авторитет героя был беспрекословен. Только некий упрек полевого командира:

– Ты хоть знаешь, кого спасаешь?

– Знаю, – отвечает Мастаев, – все мы из одного теста.

– А ты знаешь, у него деньжищ, какой за него могли бы дать выкуп?

– Ты за деньги воюешь или за Родину?

– На деньги оружие купим.

– Вот он, – Мастаев указал на пленного Кнышева, – нам бесплатно столько оружия дал, и посмотри, что оно сделало.

– И ты его отпускаешь?

– Посмотри, – спокоен Ваха. – У тебя автомат Калашникова, обмундирование – «Сделано в России», даже куришь «Приму».

– Я привык...

– То-то и оно – мы одно, исторически едины, нам плыть и жить в одной лодке, либо на дно пойдем... Вот только Митрофан Аполлонович слово свое должен сдержать – на равных правах, мирный договор. Мы об этом, товарищ Кнышев, перед выборами президента России договаривались?

– Да, – подал голос советник президента.

Буквально три недели спустя произошло грандиозное для Чеченской Республики историческое событие – в присутствии международных представителей между Российской Федерацией и Чеченской Республикой было подписано «Мирное соглашение» в соответствии с принципами и нормами международного права.

Исчерпывая военную составляющую конфликта, документ подписывали с обеих сторон командующие войсками. Вместе с тем все знали, что главные действующие лица Кнышев и Мастаев, которые этот проект в спорах за столь короткий срок разработали и осуществили, стояли за спинами подписантов, и именно они, нарушая официальный протокол, первыми пожали друг другу руки:

— Поздравляю. Ты вырос, и твоя взяла, — глядя в глаза Вахи, говорил Митрофан Аполлонович, — только не думай, что мир как-то изменится. Люди те же, и хотят синицу в руках, нежели журавля в небе. И не верят в твои сказки со счастливым концом. А верят в действительность, что здесь и сейчас.

— Здесь и сейчас — мир! — торжествует Мастаев.

— Дурак ты, — скоро сам в этом убедишься... Прощай. На сей раз, надеюсь, навсегда.

— Приезжайте в гости, — улыбается Ваха.

— Как бы ты сам отсюда не сбежал, — словно очередное пророчество прозвучали эти слова.

Все-таки многое Кнышевы знают. Может, действительно, боги?

* * *

Человек — самая большая тайна. Еще большая тайна — общество. И это общество испокон веков нуждается в героях, а ныне — в кумирах. И если вкратце, почти в двух словах, рассмотреть историю развития человеческого общества, то можно сказать, что это периоды, когда то, что было тьмой, оборачивалось светом, но и свет вскоре становился тьмой. Это диалектика развития, ибо на ранней стадии, когда доисторические примитивные народы, жившие только охотой на мамонтов, понимали, что это животное, будучи источником опасности, и в то же время пищей насущной, выступало воплощением инаковости, чужеродности, так и источником жизни, целью поиска и невозможностью раздельного существования. Дабы выжить, древним людям приходилось изучать повадки и нравы животных. То есть животные становились своеобразными учителями человечества. Благодаря этому достигались согласованность, связность и гармония природы и мира, что позволило древнему человеку стать человеком, научило распознавать черты Бога во всем многообразии жизни — отсюда свет: мораль, нравственность, культура, прогресс... Однако именно с развитием общество начинает думать, что Творец —

это человек, который якобы поработывает природу, затем поработывает и подобных себе – своеобразные боги и кумиры на Земле, а о едином Боге вспоминают иногда – кто по пятничным, кто по субботним, кто по воскресным храмово-молитвенным дням. А в остальные дни – иные святые, то бишь герои – патриоты народа, чьи вездесущие лики с картин под стягами, как иконы официального храма. И этот герой-патриот, как мамонт, могуч и силен. Его боятся, по сути, не любят, да за ним всюду следуют. А этот герой-патриот уже на свой лад начинает наставлять общество. Да, видимо, зачастую эти нравоучения, может быть, и со ссылкой на Святые Писания, но без Бога и не от души к душе, ибо «неблагодарное» общество вскоре не только низвергает своего кумира, оно, как свинья, поедая свой опорос, поедает его самого и все его окружение и наследство. И по этому факту можно сослаться на многие и многие противоречивые законы философии, социологии и психологии, а на самом деле все давно и основательно описано в мифологии, правда, древность ныне мало кого впечатляет, потому что современное общество, приобретая цивилизованность, напрочь утрачивает этику и мораль, ибо по праву это общество под флагами мнимых богов, огородившись границами, как костями, паспортами, как ядом, и всеведающими камерами, как многоглавыми монстрами, превратилось в того самого дракона-чудовище, которое не рождает героев, но требует их, пожирая еще и еще. Тьма – свет – тьма – свет. Что же ныне настанет?

...Хасавюртовский мирный договор между Россией и Чеченской Республикой воспринимался по-разному. В России – как позор и унижение, в Чечне – как победа и триумф.

Наш герой (сугубо литературный герой) – Ваха Мастаев – впервые в жизни действительно ощутил себя героем. И те люди, которые знали о его роли в этом деле, называли его тоже не иначе, как герой. В его душе был свет, он ликовал. И даже вид руин разбитого, мрачного, поруганного Грозного не мог повлиять на его приподнятое мировосприятие. Он знал, как и многие его соотечественники, что теперь в свободной и мирной рес-

публике они быстро все восстановят. В подтверждение этого Ваху пригласили в учебно-производственный комбинат преподавать на курсах мастеров башенного крана.

Актуальнее и существеннее этого Мастаев на этот момент ничего не знал. Он с таким энтузиазмом взялся за эту работу, что его назначили заместителем директора курсов по воспитательной работе. Днями он преподает. Зарплата невысокая, но он не унывает, потому что он владелец нескольких квартир в на редкость уцелевшем лучшем в городе «Образцовом доме». Он понимает, что стал по-своему богатым человеком. Да зачем ему такое богатство, столько квартир?

Как-то ночью он сидел в своем чуланчике и вел значимые подсчеты. Чуланчик – себе, и еще одну квартиру – сыну. Квартиру Дибировых возвратит Марии, остальные продаст – восстановит дом в Макажое, а оставшиеся деньги – сиротам войны раздаст.

От таких приятностей даже не спалось, и на душе было легко и радостно, как какой-то вороватый, скребущий тревожный шорох во дворе. Ваха вышел – темень, только в одном окне напротив унылый свет – вялое послевоенное напряжение в городских сетях.

Стоя на ступеньках чуланчика, он по привычке закурил. Тут тень от центрального подъезда, где вывеска «Образцовый дом», побежала со двора:

– А ну стой! – крикнул Ваха, а потом хотел сказать «кыш», вышло «Кныш».

С внезапно возникшим ощущением тревожности он подошел к центральному подъезду, чиркнул зажигалкой и все понял – «Дом проблем». Идиллия кончилась, будут перемены – свет – тьма – свет – тьма. Выборы ли? Что?

Ответ не заставил себя ждать, и ничего нового не было. На том же конверте, только почерк и тон иной, отнюдь не ленинский: «Мастаеву В. Срочно явитесь в администрацию президента Чеченской Республики Ичкерия (бывшее здание Дома политического просвещения)».

Как символ независимости, президентский дворец – самое высокое и, несмотря на бомбежку, еще крепкое здание – до основания снесли еще до заключения мирного договора. Поэтому новое руководство республики разместилось тоже в Доме политпросвещения. Березки, даже обломленной, нет, лишь часть ствола, словно рука, протянутая из-под земли. И видно, что, хотя герой войны Мастаев занят мирным делом, здесь еще преобладает военная обстановка: нет блокпостов, зато все при оружии, в камуфляжной форме, и даже исполняющий обязанности президента, бывший заместитель президента-генерала, был поэт, и вроде неплохой поэт, но и он теперь, как говорится, в полной боевой. И восседает в «Обществе «Знание», и там якобы ныне восхваляется, проповедуется и даже навязывается ислам, и атмосфера прежняя – вроде перегар, и сквозь жиденький табачный туман на стене будто колышется запыленный барельеф Ленина, и ПСС в шкафу.

– Мастаев, – с ходу говорит президент-поэт, – необходимо срочно провести выборы лидера народа.

– Я работаю, детей обучаю, – как веский аргумент.

– И чему ты учишь?

– Строитель. Башенный кран.

– Рино... Нам нужны воины. Борьба за независимость еще впереди.

– Война ведь кончилась.

– Ты что, со своего подъемного крана земли не видишь? А кругом враги. Мы в окружении враждебной России, она жаждет реванша. А ты, вместо того чтобы воинов растить, молодежь отвлекаешь от главной цели.

– Что я должен делать? – Мастаев и вправду почувствовал себя виноватым.

– Исполнять приказ главнокомандующего. Ехать в Москву.

– Как в Москву? В логово врага? – встрепнулся Ваха. Он машинально глянул на шкаф, где ПСС, вспомнив ленинское: «Все писатели невменяемые люди». А поэт пояснил:

– У нас выборы. Деньги нужны.

– Выборы на деньги Москвы?

– Да, и на выборы, и на пенсии, пособия, зарплату и прочее, прочее, прочее, за что Москва нам должна. Разве это не так? Или ты это не понимаешь?

– Так, – грустно согласился Ваха и с отвращением отвел взгляд от ПСС. А там же, только ниже, как и должно быть в кабинете поэта, книги по фольклору, и по ним он тоже усвоил, что любая метафора мифа говорит об одном – любой герой, персонаж мифа, даже если он еще не очеловечен, а тем более, если это уже человек, – должен сам проглатывать, либо будет проглочен – лишь таков мир! И если этот герой сумеет отречься от своего мнимого достоинства, некой добродетели, соблазнов и даже жизни и подчиниться вроде бы невыносимому, то все барьеры сопротивления один за другим разобьются и он обнаружит, что он и его противоположность – есть одна плоть, где все имеет конец. Там же начало – вечна только душа, как и создавший ее Бог!.. А поехать в Москву Ваха и так хотел, ведь там его сын, там Мария!

* * *

Прежняя изоляция Чеченской Республики, по сравнению с тем, что стало после войны и мирного договора, – ничто. Почти на каждом блокпосту доскональные проверки, цель которых – вымогательство.

Всю дорогу Ваха думал – пустят ли его вообще в здание Избиркома России, и вообще, кому он нужен в Москве? А все, как обычно, под контролем. Даже не в аэропорту, а прямо на борту, стюардесса предупредила – у трапа Мастаева ждет машина. Его доставили не в избирком, а к мрачноватому зданию, что напротив Лобного места и словно изъеденная временем и коррозией бронзовая вывеска – Российское общество «Знание».

Мастаев не сомневался, что здесь встретит Кнышева. Правда, судя по всему, Митрофан Аполлонович здесь не главный и это не тот Кнышев, кто может натворить всякое и при этом все

равно свой, в чем-то родной. Теперь в глазах Кнышева нет даже искорки прежней близости, наоборот, отчужденность, недружелюбность, если не презрение, и в то же время нет прежней надменности, более уважения, не как к равному, да сопернику.

Ну, как там в независимой Чечне? Счастливы? Свободны? Как ваш президент-поэт, стихи пишет?

Вам письмо написал.

М-да, — словно зная содержание, Кнышев лишь мельком взглянул на текст. — На выборы деньги дадим, — от этих слов Мастаев обомлел, а хозяин продолжал: — А вот на пенсии, пособия и прочее — денег нет, только оружием.

Зачем нам оружие? — возмутился Мастаев.

Хе-хе, еще пригодится.

Еще будет война?

Мастаев, дареному коню в зубы не смотрят.

Не нужен нам этот «Троянский конь».

Это не ты решаешь, а руководство... Твое дело — выборы провести.

А «итоговый протокол» уже готов? — крамольный вопрос задавал Мастаев.

«Итогового протокола» — нет, — жестко ответил Митрофан Антонович, — но и выбор у вас не велик.

Именно так и оказалось, никто из достойных гражданских лиц не посмел подать заявку на выборы. А те, кто подумал об этом, подверглись такому силовому давлению, что вынуждены были из республики бежать. А в итоговом списке для голосования остались только те, за кем стояли люди с оружием; словом, как и сказал Кнышев, — выбор был не велик. И эти выборы, а Мастаев уже имел немалый опыт, в плане голосования были самыми демократичными. Активность населения была невероятной — победил, как все посчитали, лучший из худших — правитель, уже не генерал — обмелъчали, а настоящий полковник, в прошлом — командир полка Советской и Российской армии.

Новый, действительно избранный президент Чечни — президент-полковник, по мнению Мастаева, человек слишком мягкий,

открытый, и в нем напрочь отсутствуют тот артистизм и некая высокомерная отстраненность, чем выделялся прежний президент-генерал. Вместе с тем (это тоже мнение Мастаева) это полковник, да, командир полка, пусть даже дивизии, но руководить республикой, тем более такой, как Чеченская, – характера нет, и в подтверждение этого получил Мастаев уведомление – доставить в Москву «итоговый протокол» для утверждения.

«Мы независимы, какая Москва?» – подумал Ваха и выбросил документ, а президент-полковник вызвал и приказал: «Поезжай в Москву с протоколом».

Вот на сей раз Мастаев Кнышева в Москве даже не видел, говорили, что Митрофан Аполлонович в длительной командировке за рубежом. Зато Ваха повидал, и не раз, сына Макажоя, и еще счастье в его жизни – он видел Марию и ее мать, и Виктория Отговна всплакнула, вспомнив Грозный и Баппу.

Как изначально Ваха задумывал, он после этого совершил очень щедрый жест – вернул Дибировым документы на их квартиру в «Образцовом доме», отчего соседки совсем растрогались. Однако возвращаться в Грозный они теперь не хотят: разные, совсем не хорошие слухи идут из Чечни, говорят, что в республике вводят шариат и вообще – там совсем не спокойно.

Не только Дибировым, но и всем подряд Ваха доказывает обратное: твердя, что наконец-то Чечня независима и начинает строить светлое будущее – все должны принять участие, все должны вернуться. Вернулся Мастаев домой, в так называемую свободную Чечню – Ичкерия, а оказалось, что весь «Образцовый дом», как служебный дом номенклатуры, опечатан, а там, где писалось «Дом проблем», висит объявление: все квартиры принадлежат государству и будут распределены администрацией президента членам нового правительства, и, что самое смешное, ссылаются на какой-то закон о ЖКХ, принятый в тридцатые годы при Сталине.

Вначале Мастаев подумал, что это какое-то недоразумение, а более – первоапрельская шутка – весна на носу. Да вскоре и вправду появились новые жильцы – члены правительства. И тогда Ваха

еще надеялся на благоразумие людей: ведь по документам несколько квартир принадлежит ему. А ему даже чуланчик не оставили – устроили комнату для молитв.

Ваха не просто потрясен, он в шоке. Считая, что все это беззаконие, он обратился к самому президенту. В ответ услышал:

– Где жить правительству? «Образцовый дом» изначально строился для нужд власти.

– Я квартиры приватизировал, все по закону, я владелец, вот документы.

– Законы России нам не указ! Все как было в Советском Союзе.

– А чуланчик? Ведь в чуланчике я с матерью жил и при СССР.

– Там комната для молитв – гордись, теперь это храм.

– Храм надо возводить в душе. А вы смешали ленинизм и шариат в «Образцовом доме».

– Мастаев, – все-таки из-за мягкости этот президент так и не перерос полковника, – понимаешь, я политик, не управдом. Разбирайтесь сами.

Стали разбираться, и, наверное, потому что Мастаев по жизни многого не имел и не требовал, стали находить некий компромисс, по крайней мере, как бы ни умалялась былая роль Вахи, а кое-кто его заслуги помнил, посему было решено до восстановления Грозного оставить за ним чуланчик и бывшую квартиру Кнышева, что над чуланчиком, как в доме появились «новые» чиновники – назначенцы из Москвы: Бааев Альберт – министр финансов, Якубов Асад – главный милиционер, и, что самое интересное, Руслан Дибиров – военный комендант «Образцового дома», который, понятное дело, поселился в прежней квартире, на которую Мастаев, в свою очередь, предъявил документы и права.

– Ваха Ганаевич, – по-русски, строго говорил Дибиров, – вы думаете, мы не знаем, что вы агент Москвы и по указке Кнышева постоянно подтасовывали итоги выборов?

– Ты мне смеешь говорить такое? – Мастаев забыл, что Руслан брат Марии. Ну а Руслан с детства помнил нрав соседа, он машинально попятился и все-таки, как спасение, выдал:

– Мы проверим, как ты заполучил эти квартиры. Этим уже занимается наш шариатский суд.

– И ты, муж Деревяко, теперь поборник веры? – тут Мастаев понял, что в этом мире произошли какие-то перемены, а может, наоборот, ничего не произошло. По его сознанию, если Руслан Дибиров посмел выступить против него, то Дибиров – поборник нового, зарождающегося, новый герой. А сам Мастаев – уже вчерашний герой, герой, сегодня тормозящий развитие человечества, в данном случае маленькой Чечни.

Однако если мыслить по-прежнему, как учили, то есть по-ленински, то Дибиров – истинный большевик; по крайней мере так он стал выглядеть, когда надел свою кожанку, вызвал по рации охрану и угрожающе выхватил пистолет.

Быть может, все это имело бы моментальный эффект, если бы не навыки Мастаева, который, действительно, умел владеть оружием, да и своим телом, особенно ногами, по молодости отфутболившими не раз по заднице соседа. Вот в этом ничего не изменилось. И, отняв у нерадивого коменданта пистолет, Ваха только зашел в свой чуланчик, как заметил в окно – другой сосед Якубов со своей милицией на его чуланчик наступают. Вновь воспользовался Ваха потаенным лазом Кнышева. Через день он был в горах, где бросил клич среди своих оставшихся в живых боевых соратников. С этим небольшим, но боеспособным отрядом он появился во дворе «Образцового дома». И надо же такое – его соседи с детства в его чуланчике, под охраной, вроде в помещении для молитв. Обезвредив немногочисленную охрану, Ваха ворвался в родной чуланчик, а там Якубов, Бааев и Дибиров водку жрут.

Может быть, даже после этого, как водится, – сила на силу – и могли найти какой-либо компромисс. Да Мастаев не угомонился и, как власть предрежащая объявила по телевизору, пошел вновь на крамолу – на «Образцовом доме» написал «Дом проблем», что расценили как попытку свержения существующего строя.

На следующий день мятежному Мастаеву предъявили решение шариатского суда Ленинского района города Грозного, где предписывалось не только освободить помещения «Образцового дома», но и в течение суток покинуть территорию Чеченской Республики Ичкерия.

— Как может быть в районе имени Ленина шариатский суд? — смеялся над документом Ваха. Однако он понимал, что с государственным аппаратом, по-ленински воспитанным аппаратом шариата шутить нельзя. Тем более что к «Образцовому дому» были подтянуты службу национальной безопасности.

С глубоким спокойствием относился Мастаев к данной ситуации, понимая, что это вернее всего конец, и в то же время с любопытством ожидая другого начала. Однако все это сопряжено с кровопролитием, чья-то мать будет плакать. И тут как спасение появился со своей группой родственник Башлам — вот кто подлинный герой, полевой командир, бригадный генерал.

— Ваха, ты должен подчиниться решению большинства.

— Решению большевиков?

— Чего? — на свое счастье, этих тонкостей малообразованный Башлам не знает, да знает иное: ныне Мастаев антигерой и должен по решению суда покинуть Чечню.

Не сутки, а в течение трех суток обдумывал Ваха, как ему быть. За это время, уже привыкшие к войне вооруженные чеченцы за неимением внешнего врага стали бороться с внутренней контрреволюцией, то есть искали его.

У него были варианты уехать в Турцию, в Иорданию либо в Грузию, и даже в Европу. Но он выбрал Москву, и не только потому что там сын и Мария, а потому что Москва всегда была ближе и родней по историческому менталитету и языку.

Три дня Мастаев жил на окраине Москвы в дешевой гостинице, по объявлениям в газете выискивая работу, как являлась милиция. Первое обвинение — нет регистрации в столице, обнаружили патрон или наркотик — на выбор, и вообще, он чеченец, надо проверить.

В КПЗ¹ отделения милиции он провел сутки, пока выясняли его личность, затем перевезли в Бутырскую тюрьму – оказывается, Мастаев В.Г., 1965 г.р., уроженец Текели, Казахстан, в международном розыске. И розыск объявлен МВД Чеченской Республики, подпись министра Якубова.

* * *

Как говорят в России, пришла беда – отворяй ворота... Об экстрადиции на родину, на чем настаивало руководство Чечни, не могло быть и речи, ибо уже в тюрьме выяснилось, что Мастаев, помимо прочего, боевик, командир, международный террорист, на совести которого жизнь не одного российского военного.

Все эти обвинения изменили статус заключенного, и его перевели в другую тюрьму, в Лефортово. Условия приличные, камера одиночная, а предоставленный адвокат объяснил, что по предъявленным статьям ему грозит до двух пожизненных сроков, так как расстрел в России отменен.

Вначале Мастаев был просто в недоумении, словно попал впросак. Потом он пришел в себя, оценил ситуацию, и ему стало очень страшно, ведь он еще молодой, и до конца дней быть в неволе в российской тюрьме, а он знает, что значит быть репрессированным в большевистской стране: здесь пощады не жди, и чем выше по рангу, тем суровее кара. А ему намекают – он ответственен еще и за позорный мирный Хасавюртовский договор, он провел последние, вроде бы «независимые» выборы в «независимой» Чечне.

Его дела совсем плохи. И его адвокат, якобы предоставленный ему демократическим государством и либеральным законодательством, на самом деле выступает грубее, чем гособвинитель, мол, признайся и чистосердечно, без пыток, возьми на себя все, и за это, так сказать, помощь следствию – получишь всего один пожизненный срок.

---

¹ Камера предварительного заключения.

Вот это Мастаева откровенно рассмешило, и не зря говорят, что смех возвращает жизнь. По крайней мере, он реально, и не с позиций марксизма-ленинизма, а согласно мифологии, посмотрел на свою ситуацию и успокоился, ведь ничего нового и сверхъестественного нет. Наоборот, все очень хорошо, ибо он не антигерой, думающий лишь о чревоугодии, буквально червь, а истинный герой, вновь попавший в чрево кита. Вот так он отныне представляет тюрьму. В этой тюрьме, а вся страна, как тюрьма; в этом чреве огромного кита-чудовища очень много безвинных, даже более безвинных, чем он, людей. Сознание этих людей надо пробудить, надо заставить этих людей всем вместе танцевать прямо на сердце кита-чудовища. И это чудовище от боли изрыгнет их и более не сможет пожирать новые жертвы большевизма.

Конечно, это метафора. Но только таким, на первый взгляд примитивным, зато испытанным способом можно избавиться от этого всепожирающего чудовища. Для этого нужно только одно — действовать сообща.

Лефортовская тюрьма — особое учреждение, вроде строгий контроль, да узники многих поколений нашли способ общения — моментально всем все известно, и оценку дадут. А вот простое предложение Мастаева — объявить голодовку, дабы чудовище подавилось от костлявых жертв, и кости, как шило, не утаят в животе. Словом, пусть весь мир узнает, что происходит в Лефортовской тюрьме.

Его никто не поддержал. Более того, сами узники называли чечена Мастаева дурачком-provокатором. Надзиратели в очередной раз избили, посадили в карцер. Но Мастаев еще держится, по сравнению с «ледяной баней» психушки, карцер все же терпим. Его дух пока не сломлен — самое великое, чем наградил его Бог как человека, — способностью думать, анализировать, делать выводы.

Соузники его не поддержали лишь потому, что они мыслят либо по-рабски, либо по-ленински, что порою равнозначно. И им зачастую, что быть в этой тюрьме, что быть вне стен тюрьмы — та же тюрьма, почти одно и то же. А для некоторых эта

тюрьма – дом родной, и об ином они даже не помышляют, не ведают, думая, что весь мир такой и иного нет и не будет, потому что их обучали с верой – наука наук «История КПСС», а Мастаев еще прихватил кое-что из древнего фольклора. И вот что он в карцере вспомнил – якутскую легенду о Юринг Айы Тойон¹, где мотив почти тот же – кит-чудовище проглатывает юного героя. Однако здесь герой борется за будущее иным путем: он зажигает свечу. Огонь этой свечи растапливает жир кита и прожигает дырку в животе, и кит погибает, а юный герой не только спасается сам, прежде всего он спасает свой народ от ненасытного чудовища.

Впервые прочитав эту легенду, Мастаев думал, как разнятся кавказский и якутский герои. Одинаково попав в чрево кита, они ведут себя по-разному: один гарцует, а другой тихо зажигает свечу. Вроде бы, какая разница в психологии разных людей? И только сейчас Ваха стал понимать, что вне зависимости от расы, цвета кожи и прочих чисто внешних (как говорится тленно-телесных сторон) Бог всех людей создал с одинаковой нервной и кровеносной системой. И самое главное, у всех человеческая душа, которая в зависимости от обстоятельств в процессе жизни действует по-разному. Однако не все по-геройски, ибо герой – это тот, кто знает, что физическое тело будет умерщвлено, закопано и сгниет, а вот душа, несмотря на все противоречие феноменального мира, останется нетленной, и что бояться нечего. И надо ждать конца и с любопытством – начала. А якутский мальчик-герой и его свеча – это маленькая искорка, огонек, от которого возгорится пламя. И если свеча – символ смирения, то сам акт – это смиренный протест – очень действенный способ борьбы.

Вот так и стал действовать Мастаев. Как и предлагал адвокат, он взял на себя всю вину и, более того, сказал, что все, как было и есть, напишет, только одна просьба – создайте условия.

– Да-да, ты пиши, – обрадовался адвокат.

---

¹ Белый создатель – господин.

И тюремные власти предоставили ему все условия, благо, что в библиотеке тюрьмы, как положено, есть ПСС Ленина, Сталина и даже Брежнева и Горбачева. Помимо этого, подшивки современных газет и журналов, в коих не как ранее при СССР, а прямым текстом пишут, что надо сделать, чтобы окончательно, вслед за СССР развалить наследницу «империи зла» – Россию.

Конспект данного сочинения невозможно воспроизвести, потому что сенсационный материал был строго засекречен. К тому же многое уже в данном тексте, как говорится, вышеизложено. Вот только Ваха, благодаря своей незаурядной памяти, в подтверждение фактов привел многочисленные цифровые данные по объему поставок и сбыта оружия, наркотиков, нефти; следом суммы – миллиарды долларов... Статистика – наука строгая, логичная, неопровержимая. И еще более весомо, если указан конкретный адресат – это не только страна, кампания, политики и бизнесмены, но даже посредники с указанием дат и последующего списания долгов, то есть некий аудит – как бы жизнь с чистого листа, для этого проводят очередные «выборы», словом, очищаются от грехов.

Многое Мастаев знал, почти все изложил. Единственно, о ком не упомянул – Кнышев. И не потому, что выгородил, тем более побоялся. Просто знал, Кнышев, как и он, – жертва, солдафон. Правда, чересчур прагматичен и политически пластичен, да в этом еще более жалок.

А про себя Мастаев пишет так: «За деда, мать и друзей не мстил. Все предначертано судьбой. Да благословит Бог их газават!.. За Родину воевал и горжусь... Все «обвинения» признаю, ибо я считаю, что это спровоцированная извне и поддерживаемая изнутри предателями и казнокрадами гражданская война. Я, маленький, да герой, сражавшийся за целостность России и Чечни, знал, что это одна плоть истории единой цивилизации. Расстрел – сочту за честь. Пожизненное – как данность. Одно пожелание – открытый процесс, хотя знаю – это абсурд. Главное, моя совесть чиста, и мне нечего бояться. Мастаев В.Г. Март 1998 г.».

Даже за гораздо менее значимые опусы Мастаев нещадно наказывался, а тут такое откровение – мировая политика, полный и циничный криминал, где всякие ловкие и предприимчивые люди, прикрываясь властью государства, лозунгами демократии и борьбой с терроризмом, сами творят террор, просто монстры-чудовища, захватившие весь мир, по сравнению с которыми их учитель и кумир Ленин – просто жалок и одинок. Но он символ – посему до сих пор в Мавзолее, его тело нетленно. А вот душа?.. Зато душу из Мастаева точно бы вышибли, ведь нельзя нараспашку ей быть. Да, как говорится, заставь дурака молиться... Последнее не только к Мастаеву, а к чернильной душе – прапорщику-надсмотрщику, что приставлен лично к Мастаеву, который перестарался. Для контроля, как только Мастаева выводили на прогулку, надзиратель забирал из камеры «бесценные» рукописи Мастаева, снимал копию и, для надежности, не одну (а в тюрьме что те, что другие, в целом – жулье), словом, рукопись не только в оперативном отделе, а еще и в Интернете появилась. Вот был скандал! И какой скандал, если не только начальника тюрьмы, но и замминистра с работы сняли.

Сам Мастаев об этих перипетиях не знает, правда, реакцию он ожидает, и она, что очень странно, совсем иная: о нем как будто забыли совсем – в смысле допросов. А потом совсем удивительное – он получил от анонимного адресата посылку, очень щедрую, и по табаку полагает – наверное, Кнышев.

А затем наступил праздник, правда, кратковременный, но какой! Его ошарашили – посетитель:

– М-м-мария! – при виде любимой он вновь стал заикаться.

Меж ними толстое стекло, трубки в руках, а они более молчат. Тут в телефоне совсем сказочное предложение:

– Гражданин Мастаев, – голос дежурного надзирателя. – Вы можете на сутки заказать отдельную гостевую комнату. Красивая у вас девушка.

После этого они вовсе потупили взгляд и оба говорить не могли. И, лишь когда время истекало, Ваха крупно написал на

листке выстраданное – «Мария, я люблю тебя» – и обратился к дежурному:

– Можно это передать ей?

– В виде исключения.

Ваха видел, как сложенный листок передали Дибировой. Сильно склонив голову, она осторожно послание развернула – еще более пунцовым стало ее по-весеннему сияющее лицо.

– Мария, неужели я более не услышу твою игру? – вдруг в трубку крикнул Мастаев.

Выпроваживаемая Мария уже стояла в дверях. То ли она услышала, то ли поняла по губам и глазам, бросилась к аппарату:

– Ваха! Услышишь, услышишь, я еще много-много раз буду играть тебе, только тебе Ты верь! Держись! Терпи! – слезы из покрасневших глаз щедрым потоком. – Мы найдем лучшего адвоката. Ты не убийца, ты не бандит и не террорист. Ты герой! Мы все гордимся тобой! Тебя не могут осудить, – и тут связь оборвалась.

Словно в юности, когда поздно ночью в летнем кинотеатре «Машиностроитель» заканчивался фильм, в той комнате в знак окончания свидания значительно убавили свет. Двое служащих – мужчина и женщина – не грубо, но настойчиво, взяв за руки, вывели девушку из комнаты, как она вдруг рванулась обратно, красивыми, полупрозрачными, изящными, музыкальными пальчиками, как присосками, просто прилипла к стеклу, и Ваха ничего не слышал, да душа его ликовала, ибо в ней звучала ласково желанная мелодия:

– Ваха, я люблю тебя! Всегда любила! Вечно буду любить!..

* * *

Более праздников не было. Режим, не по содержанию, а по контактам, явно ужесточился. Охранники ничего сами не знают, намекают на скорый суд, но к Мастаеву никто не приходит – ни следователь, ни адвокат. В томительном ожидании нескончаемо тянулись дни, месяцы. И как бы ни пыталась душа узника уте-

шиться святостью и чистотой мифологии метафора жизни по-ленински, по-большевистски сурова и жестока, и, может, по утрам он еще питает иллюзию счастливого конца, но глухими ночами мрак на душе. Невозможно представить, как до конца жизни он будет за решеткой. Лучше конец, любой конец, лишь бы скорее...

Однажды ночью дверь неожиданно открылась, и знакомый надзиратель протянул ему мобильный:

– Говори тихо... Две минуты. Только по-русски.

Он знал, что это Мария.

– Ваха, держись. Как ты?.. Даже адвоката к тебе не допускают... Но я пытаюсь. Все будет хорошо. Мы все сделаем. Не называй имен, – это она сказала на чеченском, а потом вновь на русском. – Наш сосед, твой шеф, – понятно, Кнышев, – обещает все сделать. Даже ему это трудно. Я и с Деревяко подружилась, она ведь депутат. Все будет хорошо. Ты держись. Ты нам нужен. Ты нужен мне! – связь резко оборвалась.

Так же резко надзиратель отобрал телефон, говоря:

– Ну и богатая у тебя баба. За одну минуту – также бабки!

– Не зря, – подумал Ваха, потому что это слово «нужен» – как приказ, словно воззвание. Ведь он мужчина, он герой. Он должен выдержать, все испытания пройти и воспрянуть, и победить. Его задача – свобода жить! И он понимает, что его здорому духу необходимо здоровое тело – начинает каждый день делать зарядку, даже надзиратель, выводя в очередной раз на прогулку, заметил:

– А ты изменился, спину распрямил, глаза загорелись. Что-то задумал?

– Буду жить!

– Будешь... Земляки у тебя пробивные, – оказывается, к нему допущен посетитель. Мастаев думал – Кнышев, а перед ним, и не через стекло, а лицом к лицу, – его родственник Башлам в милицейской форме, майор, на лацкане знак – «МВД РФ». Это Ваху не удивило, давно знал, что в основном полевые командиры – работники всяческих спецслужб, а иначе труп, либо, как он, – пожизненно.

– Плохи твои дела, – тревожно говорит Башлам. – Но выглядишь ты молодцом.

– Как дома?

– Махкахь да вац¹, – и по-русски: – Бардак, даже хуже. Я здесь, сам понимаешь, никто. Но кое-что пытаюсь, – он улыбнулся. – А ты герой. Глаза горят.

– Маршал!² – поднимая кулак, тихо произнес Ваха. – Судьба, но я еще нужен.

– Конечно, нужен. Очень нужен. Ты ведь всякое перевидал – будь ко всему готов. Мы требуем открытого суда. Тогда лет десять-пятнадцать. А дальше – посмотрим.

Как результат – вскоре появился следователь прокуратуры, который сухо объявил:

– Хлопоты ваших знакомых тщетны. Пожизненно – гарантировано. Хотя я буду настаивать на расстреле.

– Я вам очень признателен.

– Ты еще дерзишь?

– Свобода жить и не умирать!

– Что это значит?... Идиот... Кстати, твой адвокат, жиденыш, – такой же болван, мнит из себя гения.

– А у меня есть адвокат? – удивился Мастаев, и буквально в те же дни появился очень молоденький, действительно рассуждающий безапелляционно юрист:

– Все выдвинутые против вас обвинения не доказуемы. С политической точки зрения – это скандал. Так что, я думаю, будет некое полюбовное решение – лет десять, за ношение и хранение оружия. И это мы потом значительно сократим... А держитесь вы прекрасно. Вид, конечно, тюремный, но блеск в глазах. О, чуть не забыл, – вам письмо.

Ваха заволновался. Он думал – Мария, а это от ее матери Виктории Отговны. Много сочувствия, теплоты и под конец: «...Мария совсем перестала играть. Это угнетает нас всех, преж-

¹ Махкахь да вац (чеч.) – дословно – на родине нет отца.

² Маршал (чеч.) – свобода, приветствие.

де всего ее. Без игры она потеряет профессию, интерес к жизни. Я знаю, это связано с вами. Ваха, пожалуйста, как-то действуйте на нее, помогите. Ведь музыка для нас – почти все, и что не менее важно – заработок».

«Дорогая Мария, – отвечал коротким письмом Ваха. – Ты, пожалуйста, играй, играй всегда и везде, потому что твоя волшебная музыка отовсюду до меня долетает, поддерживает. Этой мелодией любви я жил, живу, и мы будем свободно жить! Поэтому что я – Ваха¹».

* * *

Опыта судебных тяжб Мастаев не имеет. Да, судя по всему, суд скоро состоится: ему даже доставили чистую одежду, говорили, что вот-вот ознакомят с томами обвинительного дела. И вдруг словно саблей рубанули: все резко оборвалось, вокруг него опять тишина, своеобразный вакуум, даже сквозь который до него дошел слух – в Чечне снова началась война, введены российские войска, Грозный и всю республику бомбят.

Если бы Ваха был в Чечне, в гуще тех событий, то ему не было бы так тяжело. А тут, в тюрьме, так тяжело, словно на его сердце противник танцует, словно его душу хотят истоптать. И тут новый, точнее старый вердикт – суд будет закрытый, выездной, прямо здесь, в тюрьме, и, понятно, – пожизненный срок обеспечен.

Пусть бы это случилось, ан нет, вновь какая-то заминка. Эти ожидания особенно тягостны, а время медленно, очень мучительно идет. Очередная очень холодная зима. Не отапливаемая одиночная камера. И каким бы ни был герой, он все-таки человек. И пускай дух вроде еще не сломлен, еще питается теплом музыкальных волн, идущих от Марии. Вместе с тем сквозь эти же тюремные стены проникает суровый холод, а тленное тело – не дух, не вечно, дало сбой... Вот этот опыт у Мастаева есть, на

---

¹ Ваха (чеч.) – живи.

фоне общей депрессии, хандры, рвоты, то жара, то озноба, он понимает – старый недуг, воспаление – туберкулез.

По выдуманной им легенде (а он считает, что это так и есть), его тюрьма – это кит-чудовище, которое его проглотило. И этот кит-чудовище, эта тюрьма, пусть и насилие, пусть порою не-сносно, да это что-то породненное, ибо, даже будучи проглотенным, не только он подвергается законам данного заведения, но и это чудовище приспосабливается к нему, потому что здесь единство и борьба и любые противоположности есть одна плоть. Ведь в тюрьме человек – человек, пусть даже он преступник. И здесь есть жизнь, есть смерть, есть надежда, потому что никто не отвергает Бога.

Что касаясь психлечебницы, или пусть даже сумасшедшего дома, то это, в основном, общество людей, в которых сохранилось чувство детской непосредственности, наивности, они инфантильны по болезни, и в них напрочь отсутствует человеческое эго, благодаря чему достигается какая-то непорочная общность. И недаром таких называют блаженными, по крайней мере там есть естество, там природа и Бог.

Так это про нормальную психоневрологическую лечебницу, а не про психушку, специально созданную советской властью для борьбы с неугодными и непокорными, где «поставят» нужный диагноз, будут насильно «лечить» и действительно до психа доведут; где есть назначенный кем-то свой бог и царь, и любого по-своему нарекут – и Ленин, и Наполеон, и можно просто Пес-Барбос. И никто иначе не посмеет кликать.

Суть такого заведения по бесчеловечности, как и ленинская теория и практика, просто гениальна. И, как мыслит Мастаев, весь ужас и так называемая эффективность такого заведения заключаются в том, что древние люди в своей божественной мифологии не предусмотрели такого варианта развития человеческих отношений, такого падения нравов и морали, когда с прагом, тем более противником, меряются не силой, не мужеством, не искусством владения оружием, не стойкостью характера и, наконец, интеллектом, а, наоборот, подавляя всё это,

низвергая соперника с человечности, тем самым низвергая и уничтожая и самого себя, — в итоге аморальность, деградация, кризис.

Как вести себя с таким чудовищем, будучи проглоченным им? Танцы на сердце — борьба? Свечу зажечь — смирение? Или как современный, «просвещенный» человек, для которого вследствие рационализма ни Бога, ни демона нет, есть только нажива, деньги, власть. Тогда ты холуй и раб перед более богатым, или царь и бог перед бедным. А если этого не признаешь, тебе не место в этом обществе, твое место — дурдом?

Почему такие мысли стали посещать Ваху? Наверное, потому что уже знакомая, а посему еще более страшная болезнь стала овладевать его плотью, поражая и дух, а очаг его болезни — в психушке. Интуитивно он все более и более думает об этом жутком заведении, где якобы лечат. Может, поэтому, когда после очередного приступа к нему в камеру явились люди в белых халатах, он в ярости, будучи в жару и многое не помня, бросился на них, а очнувшись в чистой, большой, светлой палате.

Гораздо позже Ваха узнает, что это его земляки, его защита, в очень не простой ситуации, затратив массу средств, буквально спасли его от высшей меры наказания. А он недоволен, потому что в нем господствует иная философия. Он хочет иметь хоть и не беспристрастный и не объективный, а приговор. И с этим чудовищем он еще сможет как-то побороться и победит, либо проиграет. Все равно конец — это начало. Даже если не герой, то мужчина — борец и воин. А ему защита уготовила «подарок» — справка о «невменяемости», с ума сошел... Вот это точно пожизненный приговор. И никаким геройством не искупить.

* * *

Мир жаждет перемен. Жизнь без перемен невозможна. А вот палата Мастаева, кажется, совсем не изменилась. Зато за окном совсем вид иной. В советские времена был виден ухоженный парк с фонтаном, статуями и, конечно, кумачовым транспаран-

том, зовущим в светлое будущее. Теперь за окном грубая кирпичная кладка, окна забраны частой решеткой, от чего мрак в помещении, мрак и на душе. Только вот лечащий врач Зинаида Анатольевна вроде совсем не изменилась. Ее появление – как луч света. Однако она очень сурова и не то чтобы Мастаева не узнает, а, наоборот, словно вчера расстались.

– Раздевайтесь по пояс. Да, туберкулез-то схватили. И сейчас, судя по коже, что-то не так... Одевайтесь, пройдем в рентген-кабинет.

И прежде только в рентген-кабинете Зинаида Анатольевна говорила свободно. То же стало и теперь.

– Все изменилось. Везде камеры наблюдения, даже в санузле. Все под контролем. Ныне вы карцер не выдержите... Кисель не пейте. А лекарства – обязательно, – и совсем громко: – После обеда будет снимок, тогда поставим диагноз.

– А разве не в ином месте мне ставят диагноз?

– То – душевный, вы якобы дурак. А я о теле, оно явно больное, очень больное.

Мастаев сам это давно уже чувствовал, точнее знал. А после обеда со снимком, с респираторной повязкой на лице появилась Зинаида Анатольевна:

– Видимо, присутствие духа как-то держало вас, – определила она состояние больного. – Оба легких затемнены. Завтра будет биохимический анализ. И без того все ясно, – а у Мастаева, наоборот, в глазах потемнело – силы внезапно покинули его, и он потерял сознание.

Туберкулез, тем более рецидивирующий туберкулез, – очень тяжелая болезнь, болезнь тяжелого бытия, из которой очень даже не просто выкарабкаться. Он это прекрасно понимал. А Зинаида Анатольевна говорила:

– На сей раз вам просто повезло, что сюда попали. В тюремной больнице, тем более в колонии, – она не продолжила, да Ваха знал статистику смертей тубзаключенных. И если некоторое время назад, будучи пусть даже не героем, но защит-

ником и патриотом, он воспринимал смерть как логическое продолжение быстротечной жизни, то теперь, оставаясь на тех же мировоззренческих позициях, однако своей смерти, смерти от инфекции, в таком месте, признанным душевно больным, естественно не желал. И мотив здесь, помимо перечисленного, главенствует иной – любимой он любим.

Наверное, поэтому его сознание (и это скорее бессознательно) окунается в мифологическое содержание древнейшего замечательного доbibлейского сказания о Гильгемеше¹, легендарном царе шумерского города Урух, который отправился на поиски цветка бессмертия через океан смерти.

– Я поражена, – где-то через год пребывания в психлечебнице говорит Зинаида Анатольевна, глядя на очередные снимки в рентген-кабинете. – Очень хорошая динамика. Рубцы почти заживают. Я такого ранее не встречала..

А Мастаев в очередной раз просит:

– Помогите мне.

– Вы, действительно, того, – она показывает у виска. – Куда рветесь? Хотите в Чечню? Так там по-прежнему свирепствует война. Там вы никогда не поправитесь.

– Я останусь в Москве.

– Кто вас в Москве оставит? – злодей... Разве что опять в тюрьме? Вот это реально.

– Я хочу выйти, я хочу нормально жить. Меня ждет сын, любимая женщина.

– Вас ждет незаконченное уголовное дело. И из генпрокуратуры регулярно поступает запрос – «невменяемый или будут судить?» А приговор-то ваш уже готов.

При этом Мастаев всегда вспоминает извечное – «итоговый протокол выборов – готов».

Он должен сдаться? Пожизненно в психушке, конечно, лучше, чем пожизненно в тюрьме. Неужели у него, как и у обще-

---

¹ Гильгемеш – Бильга-мес (предок-герой) – шумеро-аккадский мифопоэтический полубог-герой (XXVII–XXVI вв. до н.э.).

ства, нет выбора, а есть только кем-то заготовленный «итоговый протокол», как и его «диагноз»?

А ведь в той же «Легенде о Гильгемеше» по пути к бессмертию главный герой на берегу океана смерти встречает женщину, которая учит довольствоваться простыми радостями смертной жизни:

— Гильгемеш, зачем ты идешь этой дорогой? Той жизни, что ты ищешь, ты никогда не найдешь. Когда боги сотворили человека, смерть определили они человечеству в удел, а жизнь оставили в своих собственных руках. Насыть свое чрево, Гильгемеш; наслаждайся день и ночь; каждый день готовь приятную забаву. И день и ночь будь игрив и весел; пусть одеяния твои будут прекрасны, тело омыто и чиста голова. Уважь дитя, что на руку тебя возьмет. Пусть будет счастлива супруга на твоей груди.

Все это доступно Гильгемешу-царю, но он настаивает на позволении пройти по опасному пути. Испытав все трудности, Гильгемеш добывает со дна океана цветок бессмертия. И когда он усталый прилег отдохнуть и заснул, змея учуяла удивительный аромат растения, метнулась вперед и утатила его. Съев растение, змея тут же обрела способность сбрасывать кожу и таким образом возвращать себе молодость. А Гильгемеш, проснувшись, сел и заплакал, поняв, что он смертен... А мораль?

И до, и после Гильгемеша были герои-правители. И только Гильгемеш остался в истории человечества. Ибо единственное доступное человеку бессмертие — это память о его славных делах.

Так неужели Ваха оставит после себя на земле лишь одно, как сказала Зинаида Анатольевна, — наполненные никотином легкие никогда не разлагаются. А по духу — неувядаемый.

И, наверное, поэтому он вновь просит врача:

— Помогите.

— Рубцы-то не заживают.

— В горах Чечни заживут, — Мастаев знает, о чем говорит: теперь ему не медикаменты нужны, а чистый, родной воздух,

барсучий и медвежий жир, аромат улья, а еще мед, мед, альпийский мед. И поэтому он настаивает: – Выпустите.

– Я могу дать только сигнал – «относительно здоров». А вот диагноз – «вменяемый» или «невменяемый» – ставят в ином месте. И от этого зависит ваша судьба.

– Прошу вас.

– Не пожалеете?.. Может, лучше здесь?

– Здесь не может быть лучше.

В холле лечебницы висела «памятка» для пациентов, где четко прописано, что решение о психоневрологическом состоянии больного принимает «независимая комиссия специалистов» в течение длительного наблюдения.

Так и случилось. Прошли не только дни, месяцы, а года полтора после этого разговора. От туберкулеза Мастаев уже излечился, но как он страдал. Он стал слабым, худым, раздражительным – успокоительные не помогали. Он был на грани срыва, а Зинаида Анатольевна все время напоминала о карцере, реакция на который у Мастаева притупилась, как все вдруг, словно по сигналу, вокруг него завертелось. Были какие-то люди: следователи, психиатры, адвокаты, правозащитники, пожарники и даже защитники дикой природы.

Мастаеву было все равно, лишь бы покинуть психушку. Но ему поставили жесткое условие – покинуть Россию.

– А Чечня – уже не Россия? – недоумевает Ваха.

– Не ерничайте. Впрочем, с вашим диагнозом, – был ответ.

– Я могу повидаться в Москве с сыном, с девушкой?

– Вам спасают жизнь, а вы о сантиментах.

– Я ни в чем не виноват.

– Вы «невменяемый», значит, опасны для общества.

– А в Чечне «общества» нет?

– Там война, все невменяемы...

Почему-то среди ночи приказали Мастаеву собираться. Может, на радостях он задал вопрос:

– А мне нигде не надо расписаться?

– Отныне за вас расписываться будет ваш опекун.

– А кто мой опекун? Не вы ли?

– Я адвокат. А мой совет – не задавайте лучше лишних вопросов.

На шикарной машине его везли по окружной мимо огромной, горящей огнями Москвы. Несмотря на столь поздний час, на МКАД попали в пробку.

– Кто скажет, что Россия в состоянии войны, – как бы про себя высказался сидящий на заднем сиденье Мастаев.

– Каждому – свое, – сухо процедил адвокат. – И вообще, постарайтесь без комментариев. Это отныне более приличествует вам.

Первый порыв Вахи – кулаки в ход. Однако Зинаида Анатольевна не только напичкала его карманы, но заставила принять много успокоительных, а главное, главное – она наставляла: провокаторы, много провокаторов, то есть демонов, будет еще на твоём пути, это мудрость – сила былинных героев...

Они свернули на Рублевское шоссе. Ваха знал, что здесь живут самые богатые люди России. Однако представить такое он даже не мог: целые дворцы, частные парки, высоченные заборы. Так они заехали, судя по всему, в еще более элитное место – шлагбаум, военизированная охрана. Ехали через лес. И на берегу реки, в прекрасном месте, огромный замок.

Как-то прозаично, оставив Мастаева одного, адвокат с папкой под мышкой двинулся по освещенной аллее, потом скрылся за деревьями. Вернулся нескоро.

– Все, все бумаги оформлены, – сказал он. И когда выехали за шлагбаум: – Так живет ваш опекун... Повезло.

– Его случайно зовут не Кнышев Митрофан Аполлонович?

– Много будешь знать, – не ласков голос адвоката. А чуть помолчав, добавил: – А зовут – Кнышевский Митрофан Аполлонович.

– И в этом замке он живет? – от удивления подался вперед Мастаев.

– Пожалуйста, в ваших интересах многое не знать.

– Я знал его как Кныш.

– Иные времена, иные нравы.

– Время – одно. И нравы одни. Люди меняются.

* * *

На военном аэродроме в Подмоскovie адвокат, сухо попрощавшись, передал Мастаева в руки ожидавшего дежурного офицера. Тот доставил Ваху к самолету, двигатели которого сразу же заработали. В салоне много чеченцев, понятно, госслужащие, в галстуках. Вид у всех заспанный, недовольный: из-за него задержали рейс.

На рассвете самолет приземлился на военном аэродроме Моздока. Для Мастаева отдельная «Волга», бронированная. Доставили в центр Грозного, прямо к «Образцовому дому». Тут молоденький сопровождающий капитан вручил ему пакет, пояснив:

– Документ, удостоверяющий вашу личность. Документ на какой-то чуланчик. А вот ключи от чуланчика. Э-э, и еще приказано передать, чтобы вы особо не гуляли – паспорта у вас еще нет. Не звонить. Вот еще конверт.

В наше время главное деньги – в конверте солидный пресс. Правда, оказавшись на базаре, Ваха понял – не густо: цены ого-го!

В наше время – личность без документа – не личность. Тем более в Грозном, где который год идет война, почти на каждом перекрестке блокпосты, паспортные проверки, «зачистки». А Мастаеву выдали какую-то справку, мол, «откинулся» из тюрьмы, а на самом деле из какого-то медучреждения, и то «невменяемый». С такой справкой в паспортный стол даже не впустили, сказали, можно получить «больничный лист», а лучше дома сиди и не пугай людей.

Дом – «Образцовый дом»... В психушке Мастаеву иногда удавалось посмотреть телевизор. И когда показывали воюющую Чечню, то непременно родной «Образцовый дом» и постоянно – Грозный возрождается. На восстановление города и республики из федерального центра направлены миллиарды долларов.

На самом деле город в руинах, и вторая война, по сравнению с первой, — словно бомбокаток по столице. А вот «Образцовый дом» действительно восстановлен. С фасада прямо праздничный, первозданный вид, но это только вывеска. А вот изнутри, со двора — жалкое зрелище.

Все деревья — абрикосы, яблони, вишни — уничтожены; одни торчат, на дрова. Вечнозеленые декоративные кустарники и газоны гусеницами танков истерзаны, в грунт с грязью. Лишь одна виноградная лоза, как змея, искривленная валяется, да цветет, и даже хилые гроздья сквозь войну поспевают. Нет детей, чтобы их срувать. А людей в доме много.

В среднем подъезде, где по-прежнему висит табличка «Образцовый дом», по-прежнему живет «новое» правительство Чечни — те же Якубов, Бааев, Дибиров, и еще расплодилось чиновников.

Крайний подъезд огорожен бетонными блоками, там охрана, даже БТР. Там, говорят, какая-то спецструктура, там же в заключении главари бандгруппы.

Подъезд, где чуланчик, отдан разным командированным, роль которых не понять. А в чуланчике ничего не изменилось: та же газовая плита, у которой его мать еду готовила, тот же старый, порезанный, кожаный, казенный диван, на котором всегда Ваха спал. Да все это не то. Не тот дух в чуланчике, тем более во дворе, а город?.. Город совсем чужой. И не хочется даже думать, что это родной город, где вырос, где влюбился, где стал мужчиной и отцом, который строил и за который воевал...

Первая ночь в чуланчике. Всю ночь он не спал. Очень хотел курить, к счастью, сигарет не было. Где-то еще до рассвета он по старой привычке вышел на ступеньки. И как-то неосознанно вдруг пошел к среднему, парадному подъезду, заглянул внутрь — при слабом освещении от генератора видно, что его «вечной» надписи: «Мария, я люблю тебя!» — уже нет. Все заново побелено, перекрашено. И тогда он вышел во двор, благо этого добра валом, нашел острый металлический стержень и под вывеской «Образцовый дом» выскреб нужное — «Дом проблем».

* * *

Демократия, пусть даже и полувоенная, — несколько лучшая форма правления, чем большевизм. При коммунистах так бы не церемонились, сразу бы приняли дисциплинарные меры. А вот новая, вроде бы демократическая власть гораздо гибче, можно сказать, даже гуманнее, раз Мастаеву в тот же день подарили телевизор.

Ваха и без телевизора знал, что у него под носом во дворе происходило. Однако в телепередаче все было внушительней. Оказывается, по поводу надписи, а скорее призыва, «Дом проблем», была создана целая комиссия. Отдельное стройуправление, чуть ли не применяя мехруку, участвовало в ликвидации данной пропаганды насилия. А по телевидению выступили первый вице-премьер Бааев и министр МВД Якубов. И они не против перемен, да они за стабильность, за законность, за порядок. И они не позволят всяким умалишенным, ставленникам Москвы и Кремля, распатывать и без того хрупкую обстановку в республике.

— Мы знаем, кто это написал, — грозно поднимал палец главный милиционер. — Больше провокация не пройдет. И справка дурака не поможет. Мы любого, кто против нашей власти, посадим в тюрьму. А окажет сопротивление — ликвидируем как класс! Дело революции, свобода Чечни в наших руках!

И остальные передачи местного телевидения в такой же, правда, корявой, но пропагандистской направленности, так что Ваха подумал — неужели Дом политпросвещения еще существует?

Как такового Дома политпросвещения уже нет, средь руин один остов без крыши, а от его березки даже пенька не осталось — все под обломками, обходя которые Ваха как-то проник в бывшее фойе — кое-что сохранилось: «Пролетарии... соединяйтесь!» и совсем четко — «Общество «Знание». Именно это всегда очень важно. И Ваха знает, что только в здоровом теле может быть здоровый дух. В таком Грозном ни то, ни другое невозможно. Да, слава богу, в Чечне есть иные места. Без паспорта добраться до Макажоя — дело совсем не простое. Но он и

не такое в жизни преодолевал. Но прежде он должен сделать главное – позвонить в Москву, Марии.

Оказывается, в Грозном всего два-три переговорных пункта. Очень много людей. Очередь.

– Ваха, – она сразу узнала его. – Ты где? Живой? Тебя ищут. И у нас был обыск.

Разговор не получился. Он и не мог получиться, потому что им не то что жить, даже общаться по телефону не дают, отсоединили.

– В чем дело? – с претензией Мастаев подошел к оператору, и только сейчас обратил внимание на стенд – «Внимание – розыск». И здесь первый он – «международный террорист». Тотчас Ваха покинул город. И не оттого, что боялся – арестуют, он не мог здесь жить.

Более пяти лет Ваха не был в родном Макажое. Даже дороги нет, все разбито. А село безлюдное, наверное, поэтому в эту войну здесь не бомбили. Все как было. И раскуроченное фортепьяно Марии, и там пчелки деда Нажи. И столько к осени меда! Аромат! А воздух! Родной, пьянит. Вот где эликсир вечной молодости, жизни! Через океан смерти, как Гильгемеш, добрался-таки он до земного рая.

И пусть здесь крыши над головой еще нет, зато есть свобода жить!

Как узнали окрестные жители сел, что Мастаев вернулся в Макажой и намерен здесь жить, сразу же организовали белхи, соорудили небольшой дом.

Земляки предлагали ему любое оружие, как бы для обороны: все-таки один в селе. Но Ваха принял в дар двустволку, чтобы на охоту ходить.

Охотников в горах не осталось – дичи развелось. Ваха особо не браконьерствовал. Под зиму медведя, пару жирных барсуков и косулю подстрелил. Все это медом запивается. Моментально он вес набрал, сила в теле и в духе, а голос так прорезался, что от свободного крика его – эхо еще долго по горам витает...

Вот так бы он и жил, пока в низинах казнокрады не насытятся, не перебесятся. Да прямо под Новый, 2003 год вместе с пушистым веселым снежком прилетел на край села вертолет.

Ваха понял, что это по его душу. И можно было воспользоваться погодой и бежать, да он у себя дома и, как говорится, в ус не дует, да и любопытство гложет – что же ожидает его впереди?

По тому, как вежливо с ним обходились, все должно быть в порядке. Своим ключом офицер отпер дверь в чуланчик, а там – боже, сколько лет, сколько зим! – знакомый конверт, почерк: «Господину Мастаеву В.Г.! Глубокоуважаемый Ваха Ганаевич, не соизволили бы вы посетить Дом политпросвещения, «Общество «Знание»? С демократическим приветом. Искренне ваш Кнышевский М.А.»

Это была насмешка, даже издевательство. Однако все же это лучше, чем пафос войны.

С этим конвертом Ваха выскочил во двор. Точно. Прямо там, где он выскреб, крупно приписано «Дом проблем», значит, какие-то выборы. Будет мир?! И он на радостях, во все свое горное горло, став перед «Образцовым домом», закричал:

– Эй, вы! Где вы, вечные министры-жильцы «Образцового дома»? Где вы, Якубов, Бааев, Дибиров? Почему вы эту надпись не стираете, хором не осуждаете, комиссию не создаете? Что, слабо? Бойтесь Кныша и Кремля? Где вы? Выходите, стирайте. Иль вы согласны жить в «Доме проблем»?.. Нас ждут перемены, – ликовал Мастаев. И веря, и не веря, он помчался к Дому политпросвещения.

Мастаев немало воевал. К тому же охотник. И он сразу же определил – кругом охрана. Уже не сомневаясь, он пробрался среди руин Дома политпросвещения и, как всегда, нырнул в разбитый проем «Общества «Знание».

Сверху валит снег. Посредине, кое-как подложив битые кирпичи, восстановили старый стол, на нем бутылка коньяка, пачка сигарет, рация. А сидит в белом, грубом тулупе Митрофан Аполлонович.

– Ха-ха-ха! А я знал, что ты придешь. Знал, – он вскочил навстречу, по-родному обнял Мастаева. – Ну, как дела? Сколько не виделись. Давай, выпьем, прямо из горла, на линии фронта. Вот получатся фотки.

– А где фотограф? – не перестает удивляться Мастаев.

– Со спутников, со спутников. Весь мир под нами.

– Так небо в тучах.

– Для нас нет туч. Все ясно, прозрачно, под нашим наблюдением. Весь мир наш. Понял? Наш.

– Здесь будет мир? – пытаюсь заглянуть в глаза собеседнику, осторожно спросил Ваха.

– Уже мир!.. Теперь все в твоих руках. Референдум по Конституции Чеченской Республики. Решается вопрос статуса – в составе России или нет.

– А «итоговый протокол» готов?

– Как обычно... Но мы должны его сверить с реальной картиной. Вот ты скажи, я знаю, правды ты не боишься, вот ты, лично ты хочешь жить в составе России или нет?

– Срослись в одну плоть: политически, а более экономически – да!

– Во-во-во! Я так и знал, – Митрофан Аполлонович уже изрядно пьян. – Пойдем отсюда. Пошли гулять.

– По Грозному? – поразился Мастаев.

– Да-да, по нашему Грозному, – Митрофан Аполлонович швырнул пустую бутылку в стенку, разбил вдребезги. – Мы это все снесем. Все снесем. Каких-то пять миллиардов – и город красавец восстановим... Кстати, ты знаешь, я свою исконную фамилию тоже восстановил – князь Кнышевский.

– А убитых вы можете восстановить?

– Но-но-но! Я никого не убивал.

– А кто убивал?

– «Это один хор, один оркестр. Правда, в таких оркестрах не бывает одного дирижера, по нотам разыгрывающего пьесу. Там дирижирует международный капитал способом менее заметным, чем дирижерская палочка. Но что это один

оркестр – это из любой цитаты вам должно быть ясно». ПСС, том 43, страница 139¹... Ты Ленина позабыл, а зря. Оттого все твои беды... А этому зданию, – Кнышевский без особого сожаления взирал на окрестные руины. – Кто мог подумать! Почти двадцать лет назад за знание Ленина и языков меня сюда с трудом, как говорится, по благу, на работу взяли... Я, разжалованный офицер, изношенные штаны и дырки в кармане. А тут агитатор-пропагандист Чечено-Ингушского «Общества «Знание», сто рублей оклад. Как я был счастлив.

– А сейчас счастливы?

– Сейчас? – Митрофан Аполлонович надолго задумался, как-то выпрямил спину. – Сейчас я возглавляю Всероссийское «Общество «Знание», и все демократические преобразования, все выборы в России – под моим негласным руководством.

– А всемирное «Общество «Знание» есть? – любопытен Мастаев.

– Ты хочешь спросить – есть ли боги на земле?.. Скажу прямо – есть. Но я их не видел.

– Интересно, как они живут, раз у вас такой замок?

Скривилось лицо Кнышевского:

– А ты много знаешь. Вредно... Ну, пошли.

Если бы Митрофан Аполлонович прошел бы сто метров по разбитому Грозному, Мастаев многое бы ему простил, тем более что погода располагала: падал густой, пушистый снег, припорошивший гарь войны. А Кнышевский все знает, даже мысли читает:

– Не положено, по инструкции высших должностных лиц.

По этой инструкции тут же подан командирский БТР, через пять минут они уже во дворе «Образцового дома».

– Да-а, – огляделся Кнышевский, – когда твоя мать была жива, все здесь блестело... Пойдем.

В квартире над чуланчиком, где раньше была гостиница обкома КПСС, теперь роскошный номер.

---

¹ В.И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих.

Когда Кнышевский снял тулуп и шапку, его было не узнать: черные, крашенные волосы, убеленная сединой, ухоженная щетина; лицо гладкое, холеное.

— Ну, за встречу в родном городе, — Кнышевский стал откупоривать дорогой коньяк, а стол, как в сказке, уже накрыт. Яств — в Грозном такое не представить.

Всегда магически воздействовали Кныш и Кнышев на Мастаева, а, став Кнышевским, — чуть не кумир. Так что Ваха вновь, как и хозяин, закурил.

Как говорится, широко гуляли, душевно беседовали. По делу, Кнышевский вручил удостоверение — «Центральная избирательная комиссия России: председатель регионального отделения по Чеченской Республике — Мастаев Ваха Ганаевич», и фото нормальное. После чего Ваха вспомнил:

— А как мне паспорт получить?

— Зачем тебе паспорт? — посмеивается Кнышевский, — когда такой документ в кармане.

— Ну, у гражданина ведь должен быть паспорт.

— Бьют не по паспорту, а по морде. Хе-хе, а ты пока не гражданин России. Вот референдум все покажет.

«Итоговый протокол» референдума хоть и готов, а Мастаев, чеченец, после двух войн еще более непредсказуем, как всегда строптив. Наверное, поэтому накануне референдума Чеченской Республике выделили большие средства. Правда, в самом Грозном особых изменений не видно, разве что Дом политпросвещения снесли и на этом месте огромный котлован под фундамент нового здания вырыли.

Как председатель избиркома, Мастаев выступил по телевизору и, отвечая на вопросы телезрителей, сказал:

— На восстановление Грозного выделили большие суммы — это на бумаге. Но до Чечни эти деньги, видать, пешком идут — худеют.

— Ты дурак, — ругал его после этого по телефону Кнышевский. — Тридцать процентов — «откат» Москве... Это не советская власть, а нормальная демократическая процедура. Ну,

столько же и на месте ваши чиновники присваивают... На то и Россия, как классик сказал, – воруют... А ты, Мастаев, чем своей Марии каждый день звонить, лучше займись референдумом.

– К референдуму я готов. А вам не надоело подслушивать?

– Ой-ой, было бы что подслушивать. Ха-ха, ты-то с Дибировой, зайка, слова за час вымолвить не можешь.

– Вы-вы, – и с Кнышевским он вдруг стал заикаться, а тот смеется:

– Не надо сто лет в любви объясняться, надо замуж звать... Понял, болван?.. Вылетай в Москву, совещание.

– У меня паспорта нет.

– Паспорт не нужен – спецрейс.

На борту их всего двое. Этого здорового, на вид неуклюжего мужчину, муфтия, Ваха еще по первой войне знал. Их пути не раз пересекались, и с тех пор Мастаев всегда с уважением относился к нему и был рад, когда этого муллу назначили главой администрации Чеченской Республики.

– Садись здесь, – муфтий указал на место рядом.

Весь полет они говорили. Вспоминали прошлое, обсуждали настоящее. Ваха просто поражен откровенно-смелыми высказываниями главы:

– Наши язвы – из Москвы. Болезнь не Москвы, зато всей России – от влияния Запада... Московские чиновники – продались, их баснословные деньги в западных банках. Их дети учатся на Западе. Их жены и любовницы живут и рожают на Западе. А католический запад Россию, как наследницу православной Византии, никогда не любил и не любит.

– Вы не боитесь так говорить? – поражен Мастаев.

– Хм, Ваха, мы столько повидали. Бояться надо Бога. А правду говорить я обязан, за мной весь народ.

– А политика?

– Я не политик, я глава народа. К тому же, богослужитель.

Мастаев в Москве на птичьих правах – нет паспорта. Ему предоставлена комната в какой-то служебной квартире. Узнав об этом, глава буквально приказал: «Будешь со мной». Оказалось, апартаменты «Президент-отеля».

— Мы должны так жить, к такому стремиться, — словно оправдывает эту роскошь глава. — Хватит, пожили в лесах, трущобах, руинах. Чем мы хуже остальных? Все перед Богом равны — в подтверждение его авторитета на прием к главе Чечни огромная толпа в самом центре Москвы. Это и российские чиновники, и иностранные делегации, и беженцы, и пострадавшие от войн — для всех общая очередь, всем одинаковое внимание.

...Позже, вновь общаясь с Кнышевским, Мастаев ловил себя на мысли, что разумнее в современной жизни опираться на теорию Дарвина и ленинизм. А вот муфтий, глава, — это скорее Калой-Кант из Нарт-Кавказского эпоса. И в этом Ваха более всего убедился на совещании в Центризбиркоме, где глава без метафор и аллегорий со всего плеча правду-матушку рубил.

— «Убьют, подставят», — со страхом думал Ваха. А после совещания он высказал свои опасения: — Может, так откровенно не надо?

— Только так и надо, и иначе не могу. А ты, если боишься, отойди. Не трус — стань рядом.

— О таком мечтал — всегда рядом... Только вот проблема — бывший тесть здесь умер. С соболезнаванием поехать до отлета надо.

— Обязан, — постановил глава. — И я с тобой, как мулла, — тебе почет, а мне — милость Всевышнего.

Вот кто Вахе стал не Ленина и Сталина цитировать, а выдержки из Библии и Корана, и он пояснил, что газават, или «священная война», которую он сам в первую войну провозгласил — это не конкретное поле битвы, разворачиваемое в географическом пространстве, а в психологии сознания, в принципах любви и защиты истинной веры. А Божественное писание требует глубокого и взвешенного прочтения. «И что означает «обезглавить»? Лишь одно — умертвить похотливую, алчную, плотскую душу в священной войне».

— Ваха, — говорил глава перед самым началом референдума. — Я, как и ты, знаю, что «итоговый протокол» в Москве уже напечатан и готов. И неудивительно, что в той же статистике и мы

ству, красота женщин превзойдет великолепие солнца. Земля будет становиться все слаще, а вода превращаться в вино; деревья, исполняющие желания, будут отдавать свои щедрые дары наслаждений счастливому народу, состоящему из совершенных супружеских пар; и счастье этого сообщества снова будет удваиваться. И колесо истории через много-много миллионов лет приблизится к начальной точке нисходящего поворота, который снова приведет к вырождению, к шуму, нездорового веселья, к войнам и сеющим вырождение стихиям»¹.

...Наивный Мастаев понимает, что до следующей катастрофы он, к счастью, не доживет. А для полноценной жизни в российском обществе ему как гражданину нужен отобранный у него в тюрьме паспорт.

В тюрьме ему сказали, что нужно принести справку из РОВД. В РОВД потребовали справку из паспортного стола. Паспортный стол попросил справку из ЗАГСа. ЗАГС потребовал справку из психлечебницы. В психлечебнице заявили, что они ему одну официальную справку уже выдали, она у него на руках – «невменяемый». Будет еще донимать – положат на дополнительно-принудительное лечение.

Ваха думает, что живет в правовой стране, где народ только что проголосовал за демократическую конституцию, и поэтому обратился в Комитет по правам человека при президенте России, где у него попросили справку с места работы.

Так, доставая справку о справке, бегая по кругу, он явился в свой Центризбирком, где ему объяснили: «выдано удостоверение», есть зарплата, даже премия, а справок не даем.

– Почему вы не даете мне справку? Я ведь у вас работаю, – возмущался Мастаев.

– Как я вам дам справку, – оправдывался председатель избиркома по фамилии Пятницкий, – если мы вас не оформили, у вас ведь паспорта нет. А по справке «о невменяемости», кто узнает – итоги референдума опротестуют.

---

¹ Сказания и легенды народов Кавказа. М.: Изд-во «Детская литература», 1963.

– Так что мне делать? – возмущен Мастаев.

– Обратитесь в «Общество «Знание», там все знают.

Если Центризбирком – у самого Кремля, то «Общество «Знание» еще ближе, совсем впрытк. Однако к нему Мастаева не подпустили: милиционер потребовал предъявить паспорт. Мастаев догадался сказать, что паспорт забыл в номере, а показал пропуск в «Президент-отель», что на Красной площади оценили.

Чтобы не искушать более судьбу, измученный Ваха вернулся в гостиницу. Благо, главы-муфтия нет, а значит, и многочисленных прихлебателей, что выются вокруг него, как пчелы вокруг матки.

Он только хотел расслабиться, как стук в дверь – знакомый конверт «Господину Мастаеву В.Г.

Пятницкого надо засудить и без никаких. Ежели вам будут за сие упреки – наплюйте в харю упрекающим. Упрекать будут лицемеры. Уступать Пятницкому и иже с ним, спускать им, боясь суда, было бы непростительно.

Ну, заболтался через меру. Пишите, как здоровье.

С демприветом ваш Кнышевский.

См. ПСС, том 48, страница 162»¹.

– Неужели Ленин так выражался? – уже стал позабывать Мастаев труды великого классика. – А фамилию, небось, подставил?

В номере «Президент-отеля» все мыслимое и немислимое есть; Ваха зашел в Интернет, есть все – от Гомера и Низами, до Ерофеева и Абдулаева, и труп Ленина в Мавзолее на обозрение, и все, что угодно про него. А вот его трудов нет.

Мастаев вызвал горничную, она – метрдотеля, тот кое-что о Ленине слышал, но библиотеки в отеле нет. Все, что угодно, но библиотекой никто никогда не интересовался.

Хорошо, что Ленинская, точнее Российская государственная библиотека недалеко. Любопытный Мастаев помчался туда.

¹ В.И. Ленин. А.М. Горькому. ПСС. Т. 48 – С. 162.

Без паспорта и туда не пустили бы. Да ПСС Ленина в открытом доступе, на нижней полке. Когда-то, видно, открывали, ныне пыль и грязь, а сторож шепнул: «Можете все забрать». Нет надобности. Ваха лишь нашел 48-й том, нужную страницу, и слово в слово, и фамилия Пятницкий. Совпадение?!

Поздно ночью, оставшись наедине с главой-муфтием, Мастаев поведал ему о своих мытарствах и заключил:

– Буду судиться.

На что муфтий сказал:

– Ты что? В этой стране, что твой «итоговый протокол», что «приговор», – не по факту, а, как Ленин сказал, – по «харе» кто-то определяет, – далее совсем мудро: – Надо приспособливаться и в ногу со временем жить. И неужели мы не купим какую-то справку там, где Родину продают?

Тут же, среди ночи, глава-муфтий куда-то позвонил. И буквально на следующий день Мастаев получил все же документ. Это, конечно, не паспорт, а справка, но полноценный документ с фотографией, выданный милицией на один год «в связи с утерей».

В сознании Мастаева это было значительное достижение, даже победа, ведь теперь он не просто «лицо чеченской национальности», к которому пристаёт каждый постовой, а почти полноправный гражданин России. Посему он вдохновился на свершение очередных побед: попросил свидания с Марией в парке имени Горького. Она с удовольствием согласилась.

Середина апреля. Под вечер. Тепло. В парке много гулящих, радостное возбуждение, детский смех. И, боже! Ей-ей свершилось, иначе и не могло быть. Лишь об этом, только об этом думал он, втайне молил. Ну как после этого не верить? Это мечта, мечта и боль многих и многих последних лет.

По аллее, издавек он увидел, как идет, точнее буквально в лучах солнца парит, его прелестная, легкая и стройная, как мелодия любви, его любимая Мария. Рядом уже выросший чуть ли не вровень с ней сын Макажой. Они вместе! Разве не в этом идиллия жизни? А Мария лучезарно улыбается и, поздоровавшись, пока Мастаев еще молчал от смущения, говорит мальчику:

— Пойди, пожалуйста, купи себе мороженое, мне надо с папой поговорить.

И когда Макажой отошел, она, что не свойственно было ей, как-то отвела взгляд и явно погрузневшим голосом сказала:

— Твой сын уже подросток. Ему как никогда ранее рядом нужны отец и мать. А Айна моя подружка, вместе работаем. Так что звони ей, воссоединяй семью. Это главное... Меня прощай. Будьте счастливы. Прощай.

Так получилось, что она уходила на запад, растворяясь как бы навсегда в раскаленном зареве заходящего солнца. Вот ее силуэт огненные лучи солнца, как языки уползающего под землю дракона, обволокли со всех сторон, оставляя лишь сужающуюся, словно призрак, тень.

Ваха хотел было броситься за ней — с другой стороны сын. Эти силы любви, как тяжелые цепи Прометея сковали его, даже лицо от боли перекосилось. И лишь одно выстраданное слетело с его губ:

— М-м-мария, я же люблю тебя...

* * *

Не оттого, что это уже было сказано, а просто всякий, кто знаком с мифологией, знает — благо, или, по-современному, — уже оказанная услуга мало чего стоит — нужен новый герой, чтобы обновить мир.

Так, Геракл по приказу оракула должен совершить десять подвигов в течение двенадцати лет, только тогда простятся ему все прегрешения, а имя его станет бессмертным.

По цели подвиги Геракла невероятны, но он один за другим их исполняет, и мало того, что после свершения чуда все это признается почти обыденным, некоторые подвиги совсем не признаются таковыми.

Все это к тому, что проведенный в Чечне референдум как благо обернулся очередным добром: вышел Указ президента России «О выборах президента Чеченской Республики».

Наверное, первым об этом узнал Мастаев, потому что он еще задолго до указа увидел на «Образцовом доме» знаковую надпись «Дом проблем».

— Что же теперь затеяли? — думал обеспокоенно Ваха, а дело то хорошее. Вот только призыв к переменам появился, и никто его стереть не смеет. А указ чуть позже — словно президент России не посвящен. Ну а Мастаев знакомый конверт все не получает и не получает. «Может, более в его услугах не нуждаются?» — то ли с ревностью, то ли с радостью думает Ваха. И тут совершенно случайно он видит по телевизору сюжет — в Грозном сдано новое здание министерства по сбору налогов и сборов.

«С кого в послевоенном Грозном, где почти ничто не функционирует, можно налоги собирать?» — думает Мастаев, как ему приказывают явиться в это самое министерство по известному адресу: улица Красных Фронтовиков, 12.

Давненько не был Мастаев в этом районе, огорожено было. А какое чудо — так быстро дом возвели. Конечно, это не то здание, да очень похоже, по крайней мере проект почти не изменен, только материалы новые. И Мастаев, как строитель, понимает, что более войны здесь скорее всего не будет, ибо это не тот дом, что пленные немцы основательно возвели. Это «потемкинские деревни», как карточный домик, что и от слова «бомба», глядишь, развалится.

В советские времена видеонаблюдения не было, и никто не охранял Дом политпросвещения, знали — никто войти не посмеет. А в этом здании всюду камеры и охрана. Но Мастаева ждут.

Фойе тоже, правда, мрачновато, а там, где был лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и, как символ свободы, разорванная цепь, теперь лозунг демократии — «Кто не сдал налоги — враг! Заплати налоги — спи спокойно!», а символ — кольца вокруг шара, сплетенные пшеничные колосья, да они, как цепь, крепко связаны.

Там, где было «Общество «Знание», теперь информационно-аналитический отдел, куда Мастаева проводили. На стене лозунг: «Мы видим все, мы знаем все, мы думаем о вас, мы решаем за вас». И чуть помельче: «Как заплатишь, так и кайфуешь!»

По сигарному запаху Мастаев понял, кто здесь. Конечно, это не Кнышев, тем более не Кныш, это респектабельный Кнышевский, в очках. Теперь при нем манерный молодой человек и очень стройная девушка – помощники. И не понять – чеченцы или нет, все-таки универсализм, глобализация.

– А ты совсем не изменился, как я впервые тебя здесь увидел, – после сухого приветствия говорит Митрофан Аполлонович.

Ваха знает, что поседел, морщины. Значит, об одежде. Верно, все тот же пролетарий.

– Зато вы изменились.

– Да-а, как ни крути, советизм – демократизм, а теория Ленина все мне в жизни дала.

– А вот атрибутику вождя вы не читите, – попытался связать Ваха.

– Как не чту, а это? – Кнышевский отогнул лацкан пиджака, там аккуратненький значок, что носили октябрюта в СССР. – Знаешь, сколько сейчас такой стоит? У-у! Впрочем, сейчас все денег стоит, – он сел в роскошное бордовое кресло, сразу же потянулся к маленькой чашке с кофе. Мастаеву он теперь не только кофе, но даже сесть не предлагает. А Ваха тоже понимает, что это совсем иной, по крайней мере даже внешне, человек: странно гладкое, ухоженное лицо, теперь каштановая шевелюра и брюшко, солидное, не вписывающееся в некогда тощего Кныша брюшко.

– Кстати, – продолжает Кнышевский. – Ну, ты сам понял – выборы президента.

– «Итоговый протокол» готов? – не сдержался Мастаев.

Раскуривая толстую сигару, Кнышевский недовольно глянул на Мастаева поверх очков:

– По новому закону – два способа выдвигаться кандидатом в президенты: собрать пятьдесят тысяч голосов или два миллиона долларов залог.

– Президентом может быть только богатый?

– А зачем нищету разводить? Демократия подразумевает богатство. К тому же богатый не будет крысятничать.

– То есть уже нажрался.
– Мастаев, не груби.
– А «итоговый протокол» готов?
– Хм, а ты хамишь... Впрочем, у тебя ведь справка в кармане. Посему для особо тупых объясню... Видишь, где мы ныне сидим? Министерство по налогам и сборам. Аукцион. Кто больше заплатит – в «итоговый протокол» попадет. Хе-хе, понял, какая демократия? Никаких заготовок нет, условия равны, ясны... А тебе? Тогда исполняй.

После этого направился Мастаев к главе-муфтию, все как есть рассказал. Удрученным стал мулла:

– Ну и демократия. Не народ выбирает, а капитал. И как ловко – раньше хотя бы протокол из Москвы привозили. А ныне и это делать лень, туда деньги доставляй. И кто больше даст. Торг уместен.

– Вы не переживайте, – успокаивает бессменный председатель. – Мы пойдем иным путем, как говорил Ленин, – соберем пятьдесят тысяч голосов, народ вас поддержит.

– Это не поможет. На рекламу, выборы – всюду деньжищи нужны. А откуда они у нас?

– У нас какая-никакая, а демократия. И знания есть. Не волнуйтесь, – спокоен Мастаев. – Все в руках Бога, и ничего нового нет, в сказаниях все описано.

– В каких сказаниях? – сокрушается глава. – Ты, действительно, слабоумный. А впрочем, зачем мне это надо? Устал.

– Нам надо. Народу нужен достойный президент, – не унывает Ваха, потому что он знает чеченскую сказку «Деши»¹.

В этой сказке один богатый царь более всего любил золото и свою единственную дочь, которую так и назвал. Когда Деши выросла, решил отец выдать ее замуж за того, кто больше золота принесет.

– С помощью золота до меня доберется, – внесла свое предложение и дочь.

---

¹ Деши (чеч.) – золото.

– Умница! – похвалил царь.

Забралась дочь на самую вершину своей башни. Со всей округи понаехали толстые, богатые женихи. Стали из золотых слитков ступени возводить, чтобы взобраться наверх. Ни у кого столько золота и быть не может. А в это время возлюбленный Деши, молодой парнишка-сосед, что уже не раз на башню по каменным выступам взбирался, чтобы принцессе цветы подарить, и на сей раз залез.

– Вот мой избранник! – объявила сверху дочь.

– А где его золото? – возмутился отец. – У меня не прибавилось золота.

– А разве я не золото, ради которого он сюда залез? – дерзко ответила дочь. – А если это не так, то я не хочу жить, – стала она на самый край башни, выказывая готовность броситься вниз.

– Так, так, ты мое золото, моя Деши! – в испуге согласился царь.

...Конечно, не совсем так, да используя намек этой сказки, действовал Мастаев.

«Женихов», то есть претендентов на пост президента Чечни, оказалось немало. И среди них известные личности – богатые московские чеченцы, кои имеют доступ в кремлевский бомонд.

Глава-муфтий несколько удручен: в стране демократия, рыночная экономика, все решают деньги. У него их нет. А глава избиркома спокоен. Мастаев, как приказывают из Москвы, безропотно всех регистрирует. А когда срок регистрации закончился, он вдруг объявил – у одного кандидата в паспорте ошибка: нет такого субъекта «родился в Чечне», есть Чеченская Республика, по конституции. У другого диплом вызывает сомнение, надо сделать запрос. У третьего – неправильно оформлены подписные листы. А все вместе богатые виноваты в том, что взнос сделали не по месту выборов, то есть в своей республике, а в Москве – вот пусть в мэры Москвы и избираются.

Скандал был грандиозный. Кнышевский трижды прилетал. Военные нагнетали обстановку. Хотели перенести выборы. А Мастаев, чувствуя за своей спиной мощь и непоколебимость главы-муфтия, тоже неумолим и во всех СМИ твердит:

гуманизм и чувство меры во всем. Современное общество – это политико-экономическая организация, где главные критерии – деньги и прибыль, а показатель успешности – банковский счет. Экономическое процветание не могло не сказаться на культуре. Невероятные изыски, искажение, даже извращение стали называться авангардизмом и постмодернизмом. Даже в самых прогрессивных общественных системах, все что еще сохранилось от общечеловеческого наследия древности – ритуальность, мораль, искусство – все это переживает полный упадок.

– Вы считаете, что надо отказаться от научно-технического прогресса? – осторожно спросил Мастаев.

– Ни в коем случае. Наоборот, все силы должны быть направлены на приобретение знаний. Но при этом необходимо придать современному миру духовную значимость... Поясню. Зрелость человечества должна развиваться во всех отношениях. А нынешний человек, обманываясь, покоряя макро- и микромир, сравнивает себя с богами, низвергает мораль.⁵ А мораль, как и законы науки, вечна, и нарушать ее – губить природу, то есть губить самого себя. И в этом ничего нового нет, ведь древняя легенда так и гласит: «Из зачатия – рост, из роста – мысль, из мысли – воспоминание, из воспоминания – сознание, из сознания – желание, из желания – бесконечная фантазия желаний, в том числе и потопа, думая, что его это обойдет».

Видимо, со временем в этом дуэте муфтий и президент солировать стал последний, ибо стал говорить следующее:

– После всех этих войн чеченское общество весьма не богатое. А без богатства не может быть праздника и досуга, а без досуга не может быть знания. Без знания – нет развития. А сегодняшняя жизнь зиждется лишь на мирских устоях, отменной многотрудной и беспощадной борьбой за материальный ресурс и осязаемое экономическое превосходство. Мы не можем более существовать без надлежащей эксплуатации территории и, главное, недр, завещанных нам предками и судьбой.

– Вы имеете в виду нашу нефть? – поинтересовался Мастаев.

– В том-то и дело, что «наша» нефть принадлежит сегодня, впрочем, как и всегда, твоему другу Кнышевскому и иже с ним. Все приватизировано, все по закону, якобы по закону, и... предстоит нешуточная борьба, пощады в которой не будет.

Ваха этого даже не знал. А буквально через день президент-муфтий вдруг появился на всероссийском канале – прямой телетрансляция, и он без обиняков, безо всякой дипломатии, жестко и безапелляционно заявил:

– Нефть Чечни должна принадлежать чеченскому народу. Нефтекомплекс будет национализирован. Сделки по приватизации, совершенные в период военных действий, не могут быть законными. Если я Президент Чеченской Республики – будет только так!!!

Это было вечером, как говорится, прайм-тайм. Смотрели многие, в том числе и Ваха, который в это время находился в «Президент-отеле». И первая его реакция – восторг, а следом испуг – он обречен! – сам себе подписал приговор. И в тот же момент телефонный звонок:

– Мастаев? – сух и суров голос Кнышевского. – Срочно, немедленно ко мне.

От «Президент-отеля» до Красной площади даже по московским меркам совсем не далеко, но Ваха вспотел, пока добрался. Первое, что его поразило: вместо скромной вывески «Общество «Знание» – бронзовая, словно на века, доска – «Финансово-инвестиционный холдинг». Охрана, буквально под конвоем которой Мастаева вели по длинным, мрачным коридорам. Шикарный интерьер, такой же вид хозяина. И он с ходу, нет, не говорит, а приказывает:

– Впредь держись подальше от своего президента, или, как его, муфтия.

– А-а-а, – от волнения Ваха вновь стал заикаться.

– Я знаю, что ты тоже болван, – рявкнул Кнышевский, – и не задавай мне более дурацких вопросов... Проводите его.

Очутившись на улице, Ваха первым делом достал мобильный. Телефон президента-муфтия молчал. Уже была ночь, темно. И на душе мрак. Однако центр Москвы весь в огнях, правда, кругом ни души. И вдруг будто земля провалилась. Появилась огромная щель, как голодная пасть чудовища, а оттуда выкатил блестяще-черный лимузин, прямо около Вахи притормозил. Опустилось затемненное стекло, ухмыляющийся Кнышевский с сигарой во рту процедил:

– Мастаев, узнаешь это место? Ха-ха, Лобное называется – место для казней. Как сказал вождь: «Мы никому не изменяем, мы никого не продаем, мы не отказываем в помощи своим братьям»¹. ПСС, том 38, страница 87. Хе-хе, беда в том, что ваш муфтий, иль президент, – великого Ленина не читает, а Коран устарел. Окно стало закрываться, лимузин было рванулся, вновь остановился, вновь опустилось стекло, и Кнышевский уже вынужден высунуть голову, оглядываясь: – Мастаев, справка дурака спасает тебя.

– Сам ты дурак, – по-ребячески огрызнулся Ваха и, словно пытаясь догнать, побежал вслед умчавшейся машине.

На удивление, около номера президента-муфтия никого, хотя он на месте. Своей тяжелой, если можно так сказать, нестигаемой походкой, он ходит по апартаментам и собирает все, что принадлежит ему, явно выезжая навсегда, хотя этот номер закреплен за ним.

– О, Ваха, – президент-муфтий возбужден, – ты видел передачу?... Давно я не был так доволен собой. Проходи, поговорим напоследок.

– Почему напоследок? – вырвалось у Мастаева. И только войдя в гостиную, он сразу все понял: президент не курит и не пьет, а в воздухе терпкий запах сигары. На столе початая бутылка дорогого коньяка, на донышке рюмки еще осталась бордовая капелька, а в пепельнице с силой сплюснутый вонючий табачный лист.

---

¹ В.И. Ленин. Речь в Московском совете. ПСС. Т. 38 – С. 87.

Этот взгляд президент-муфтий перехватил и, вмиг как-то погрузнев, сказал:

— Ваха, ты ведь считаешь мифологию, а не ленинский атеизм? Поэтому должен знать, что приносящий жертву и сама жертва за кулисами едины, как и Бог един. Но на сцене жизни мы смертельные враги, ибо кто-то, возомнив себя богом, убивает в себе бога, убивая других... Никто не может жить и не умереть. От одной смерти зависит жизнь многих.

— Я не понимаю вас,

— А что тут понимать? Ясно из мифов, то есть жизни, что вчерашний герой завтра станет деспотом и тираном, если не принесет себя в жертву сегодня. Я выбрал участь героя, — и тоскливо: — Лишь бы, как в мифе, — отца, а не сына, — и чуть погодя: — Кстати, тебе оставили направление в «Академию госслужбы» на переподготовку, ты там, кажется, уже учился.

— Да, только тогда заведение называлось «Академия общественных наук при ЦК КПСС».

— Только знание — сила! — безапелляционно постановил президент-муфтий. — А теперь оставь меня одного, помолиться надо, — и совсем печально: — Если бы люди не умирали, то не испытывали бы жалости друг к другу. Слава Всевышнему, что он есть!

* * *

Скорее машинально на одной из своих учебных работ Мастаев написал «Академия общественных наук при ЦК КПСС». Это не осудили, даже не зачеркнули, просто через дефис приписали «Академия Госслужбы при президенте России». Так сказать, преемственность.

Его поселили в ту же комнату, где он жил прежде, где его впервые изолировали от общества.

Правда, только номер тот же, а саму комнату, как и все общежитие, не узнать: евроремонт — блеск и роскошь. Это не удивительно: в рыночной экономике обучение платное (цена колоссальная, и Мастаев даже не знает источника финансиру-

ния, хотя догадывается — Кнышевский). Видимо, оплата — основной критерий данного учреждения, потому что сам процесс обучения не утруждает, за дополнительную плату по любому предмету поставят соответствующую негласному прејскуранту оценку. Последнее отнюдь не осуждается, ибо не афишируемый лозунг неолиберализма по-русски гласит: «если ты такой умный, то почему же так беден?»

Вот это как раз относится к Мастаеву. Не имея возможности переплачивать, он постоянно пропадает в библиотеке, благо, этот фонд сохранен. Однако наступили затяжные майские праздники: атрибутику 1 Мая — «Слава труду» и 9 Мая — «День Победы» из советских времен сохранили, а вот «ленинскую комнату» или «красный уголок» в общежитии, где можно было в любое время поработать, теперь превратили в элитное кафе, позволить ходить в которое Мастаев себе не может. Да вот 9 мая с утра неожиданно позвонил Кнышевский, назначил встречу в этом кафе.

Заказав только чай, Ваха с противоречивыми чувствами смотрел парад Победы на Красной площади, который демонстрировали по всем каналам. Глядя на эту суперсовременную, мощную военную технику, Ваха испытывал восхищение и даже гордость. Но когда ракурс съемок менялся и показывали собор Василия Блаженного и Лобное место перед ним, он невольно думал, что произойдет, если эта техника «заговорит». А она не может, в конце концов, не «заговорить», ибо над нею властвуют прагматичные люди, что еще с улыбками на лицах машут дружелюбно всем, стоя на национальной святыне — Мавзолее Ленина. И вдруг что Ваха видит? Среди этих правителей, что принимают парад, находится сам Кнышевский, крупный план, словно он лично Мастаеву посылает привет и по губам он вроде произносит:

— Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить! А ты, Мастаев, читай ПСС! ПСС читай, пригодится!

Нет, Ваха в это время почему-то вспомнил иное — чудовищные парады Нимрода¹, после которых кто-то из участников дол-

¹ Нимрод (Нимврод) — в ветхозаветной мифологии — внук Хама, противник Бога Яхве. В мусульманской мифологии — олицетворение насилия, деспота-правителя.

жен стать жертвой тирана. И тут на экране появилась бегущая строка – «спецвыпуск – спецвыпуск». Екнуло сердце Мастаева. Так и есть – показывают Грозный. Тоже парад в честь Дня Победы. На трибуне среди многочисленных зрителей президент-муфтий. Раздается страшный взрыв, паника. Президент-муфтий погиб. Еще очень много жертв. Теракт совершили чеченские боевики. Пятеро бандитов уже арестованы. Итар-ТАСС.

Конечно, Мастаев не плакал, но душит рана. Остаток дня и почти всю ночь он молился за упокой души президента-муфтия. На следующий день лекция по «современной политологии» и довольно молодой преподаватель, рассказывая, как Россия борется с сепаратизмом на Северном Кавказе, демонстрирует на экране трупы руководителей Чеченской Республики – убитого самонаводящейся ракетой президента-генерала, подорвавшегося в Катаре президента-поэта, якобы убитого в подземелье полуголое тело президента-полковника¹; и, конечно, как достают из-под провалившейся трибуны президента-муфтия.

– Мастаев, как вам эти чеченские тела? – неожиданный вопрос лектора.

– В-в-вы продемонстрировали лицо «современной политологии» России, – жестко ответил слушатель и покинул аудиторию.

Только придя в общежитие, Ваха вспомнил, что до занятий поставил мобильный на режим «беззвучный» – более сорока звонков, и в основном, сын Макажой. Сквозь слезы он еле-еле смог объяснить – его мать, бывшая жена Айна, погибла.

Чуть погода, все выяснилось. Оказывается, Айна и Мария Дибирова вместе с ансамблем были приглашены на парад Победы в Грозный. Обе были тяжело ранены. В панической сутолоке, не выясняя личностей, их госпитализировали. Айна не выжила. А Марии ампутировали ногу. Ваха тотчас помчался в Грозный.

После похорон Аины он пришел в больницу к Марии. Даже коридоры переполнены ранеными, искалеченными. Обстановка страшная.

---

¹ Произошло позже, 8 марта 2005 г.

— Помнишь, двадцать лет назад ты также лежала здесь с гипсом на ноге, — сочувствовал он любимой. — А сейчас мы тебе отличный протез сообразим.

— Дурак ты, Ваха, — Мария отвернула заплаканное, искаженное лицо.

— Главное, руки целы — играть сможешь, — не унимался Мастаев.

— Я знала, что ты со своими нелепостями объявишься, — в переполненной палате появилась Виктория Оттовна.

— Ее надо отправить в Москву, у нас нет условий, — констатировал лечащий врач.

Не думал Ваха ехать в Москву, тем более обращаться к Кнышевскому, а тот сам объявился:

— Мастаев, — по телефону не понять тон Митрофана Аполлоновича, — курс оплачен, а ты... Все-таки это «Академия госслужбы». Вы меня подводите.

А Ваха о своем, то есть о Марии Дибировой. Долгая пауза.

— Боже мой!.. Так, Ваха, ты срочно вылетаешь на учебу. А о Дибировой я распоряжусь.

Кнышевский так распорядился, что к элитной клинике, где лечили Марию, Мастаева даже близко не подпустили.

А еще у Вахи проблема с сыном. И без того болезненная мать Айны, бывшая теща, с гибелью дочери совсем сдала. А теперь Макажой уже подросток, то в школу, то за бабушкой, то в аптеку и магазин. А квартира у них съемная. Ваха почти не кормилец, сам еле сводит концы с концами. Наверное, чтобы хоть как-то забыться, он днями просиживает в библиотеке, благо не зря: дипломный проект сам пишет, тема: «От причин конфликта в Чечне к справедливому миру».

Вот некоторые тезисы из работы Мастаева:

«...Государственная система России весьма далека от совершенства и зачастую сама инициирует или затягивает насилие в Чечне вместо его пресечения.

Конфликт на Кавказе порожден не национальной враждой и не клановым разделением, а сознательным и целенаправленным

ным действием политиков и госчиновников с целью получения выгоды. В этих условиях широкое распространение получила коррупция. Прежде всего поддалась коррупции милиция. Затем исчезли независимость и эффективность судебной системы. Когда подрывается законность, возникает культура безнаказанности, которая приводит к широкомасштабным нарушениям прав человека и даже к геноциду, как случилось в Чечне.

Когда коррупция становится институтом, а культура воровства — культом общества, группы, получающие от этого выгоду, прибегают к организованному насилию для защиты своих экономических интересов. Коррупция неизменно подрывает политические процессы и затрудняет проведение рациональной политики. А при всеобщей коррупции разрушается моральный дух государства... Вот и пожирает это ненасытно-алчное чудовище своих лучших сынов и дочерей, в том числе даже избранных президентов. Мастаев В.Г.».

И не за такие опусы Ваха нещадно страдал. А тут вроде никакой реакции, только методист как-то мимоходом обронил, что работа Мастаева злободневна и, вероятно, защита будет закрытой.

— Впрочем, вы можете на кафедре ознакомиться с рецензией.

Дипломная лежала в отдельном шкафу. Рецензент — не кто иной, а сам декан, академик. И это не отписка, и не по «диагнонали» читали, а основательно. С учетом замечаний — «отлично». Тут же еще один листок, написан от руки: «Глубокоуважаемый Митрофан Аполлонович! Ваш подопечный конечно же отпетый дурак, да соображает. По крайней мере анализ точный, текст лапидальный... Я думаю, как независимый отчет, это можно отправить... Поздравляю, с задачей мы справились. А он молодцом! Как и раньше, не сдрейфил».

Ваха точно не понял, к кому относится последнее, только он думает явно не к нему, так как он даже не может обеспечить своего единственного сына. Слава Богу, в Москве объявился Башлам. В глазах Мастаева Башлам — весьма и весьма противоречивая фигура. В первую войну он был против федеральных сил, во вторую войну — за. Как бы там ни было, сейчас Башлам живет в

столице, работает в фирме выехавшего из Грозного еврея. Кем Башлам работает, — непонятно, да все, и видно с избытком, у него есть. Между Вахой и Башламом разговор обычно не клеится, и от его помощи Мастаев отказывается. Зато Башлам, как носителя имени их тейпа и села, напрямую поддерживает Макажоя. За это Ваха благодарен. А вот с Марией дела посерьезнее.

Дибировы снимают квартиру. Прежде Мария содержала семью. Теперь этого нет. Ваха знает, что от финансовой помощи Кнышевского Виктория Оттовна категорически отказалась. На какие-то сбережения они живут, видно, очень и очень скромно, даже на лекарствах экономят. Когда появился Мастаев, у Марии настоящая истерика началась, так что Виктория Оттовна быстро выпроводила, а потом по телефону строго отчитала: мол, неприлично звонить девушке-чеченке, тем более в дом напрашиваться.

— Это не девушка, — утверждает Мастаев, — это физически и, главное, психологически травмированный человек...

— Спасибо, есть врачи, — отключается телефон.

В отличие от московских врачей, и тем более Дибировой-матери, у Вахи немалый опыт экстремальной травматизации: как-никак Афган и еще две войны. Он понимает, что уже творится в душе Марии, в нее вселился страх, страх перед всем, прежде всего перед самою жизнью. Это некая фрагментация личности, двойственная реальность, когда перед нами человек, который способен адекватно думать, говорить, вспоминать все. С другой стороны, это человек, потерявшийся в пережитом смертельном ужасе и не имеющий слов для объяснения своих чувств, для раскрытия души.

Конечно, время, годы зарубцуют эту травму. Однако Вахе кажется, что он быстрее сможет оживить Марию. Ей необходимо внимание, понимание, соучастие.

Не один час, даже день, как опытный охотник, караулил Мастаев. Дождался. Как-то постаревшая, уже грузная Виктория Оттовна вышла из подъезда, медленной, придавленной походкой куда-то пошла, а Ваха, стремглав, к Марии.

Дибировы снимают квартиру маленькую, ветхую, и дверь хлипкая, так что Ваха слышит, на его звонок что-то упало, зашевелилось.

— Мария, это я! — сдавленно крикнул он.

— Я одна, — встревоженный, даже испуганный голос за дверью.

— Открой, пожалуйста.

— Не могу. Я одна.

— Мы уже не маленькие, и я пришел не к девушке, я хочу тебе помочь.

— Пока мама не придет...

— А я тебе мед привез из твоего фортепьяно. Помнишь, я рассказывал, как пчелки деда поселились в твоём инструменте? А ещё цветы. Живые. Помнишь, как я тебе искусственные цветы подарил? Ха-ха, — и за дверью вроде смешок прыснул. — Мария, если ты не откроешь, то соседи, чего доброго, милицию вызовут. А у меня, сама знаешь, какие права... Ой, кажись, точно идут. Мария, спасай, — она открыла дверь, а он с ходу выпалил: — Ты не знаешь, где в Москве фортепьяно починить? Я могу твой инструмент сюда доставить. Ты ещё будешь греметь, миллионы роз будут у твоих ног, а пока начнем с этих трех, — он без стеснения уже вошел в комнату. — А у вас здесь и инструмента, я гляжу, нет. Это плохо. Так ты играть разучишься... О, зато свирель, да какая! Сыграй мне, а я тебе за это легенду расскажу «Алана и свирель»¹.

— Нет уж, — блеснули жизнью ее глаза. — Лучше вначале ты свою очередную сказку поведай. Если она мне понравится, то я сыграю... Хотя, не знаю, смогу ли.

Под звуки музыки они даже не услышали, как вошла Виктория Отговна. Смутившись, Мастаев быстро ушел. Он едва сдерживался, чтобы не позвонить, а на следующее утро Дибирова сама позвонила:

— Ваха, не знаю, что вы сделали, после трагедии Мария совсем перестала спать, даже со снотворными. Вчера, как вы ушли,

¹ «Алана и свирель» — Нартский эпос Кавказа.

легла, и до утра... А сегодня впервые в зеркало посмотрела, — тут всхлипы, она долго не могла продолжать. — И за завтраком пальчиком по стеклу, как по клавишам.

— Ей нужен инструмент, — поставил диагноз Мастаев.

Не то чтобы добротный инструмент, но даже простой синтезатор Ваха купить не мог. Зато догадался взять напрокат: так хотелось услышать игру Марии... Вдруг приказ — срочно лететь в Грозный. И пока он еще думал — зачем? — его буквально экстрадировали, вплоть до самого чуланчика, где ждало письмо. Нет, это не конверт Кнышевского. Правда, тоже вызов в Центризбирком.

Ваха сразу же пошел к центральному подъезду, и, на его удивление, под вывеской «Образцовый дом» нет надписи «Дом проблем». «Значит, более перемен и выборов не будет?» — подумал он, подходя к новому зданию избиркома, где вновь поразился — сидит Галина Деревяко.

— А где Кнышевский?

— Не задавайте лишних вопросов. Указом президента России назначены выборы президента Чеченской Республики.

— «Итоговый протокол» готов?

— Разумеется, — перед Мастаевым положили документ. — Может, сразу подпишете или будете соблюдать формальности?

— И вам не стыдно?! — взорвался Мастаев, прочитав протокол. — Министра внутренних дел, при котором убили президента, вы не то чтобы в отставку, тем более разжаловать, вы его «за заслуги» перед Отечеством — в президенты Чечни?

— Мастаев, — Деревяко встала. — Всем известно, что вы неменяемы, так что можете говорить, что угодно. Но не более того.

— Вы хотите сказать, что у чеченского народа нет более права на выборы?

— У вас были права. Что вы учудили — всем известно.

— Это не мы «учудили», — повысил было голос Мастаев, а Деревяко приказом:

— Освободите помещение.

— Что? Вы смеете мне, в Грозном, указывать?! — он еще что-

то хотел сказать, но четверо милиционеров, как он понял, чеченцев, буквально выкинули его наружу.

Мастаев ринулся на базар, купил почему-то красную краску и с революционным вызовом на «Образцовом доме» приписал «Дом проблем» – мы требуем перемен!

Тотчас в чуланчик прибыл целый взвод местной милиции. Они потребовали, чтобы Мастаев стер «свои художества». Когда Ваха отказался, то они сами это быстро сделали и пригрозили. Он не внял, ночью вновь написал «Дом проблем».

Утром его отвезли в милицию, били. Самое унижительное, что начальник РОВД – безграмотный недоучка, в его отряде, можно сказать, в подчинении воевал, а теперь по-иному выслуживается – лично да сапогом. И это не все: потребовали, чтобы Мастаев, согласно Конституции России и Чечни, достойно провел выборы.

Кто-то по обязанности на выборы пошел, кто-то по желанию, хотя все знали, что «итоговый протокол» уже из Москвы доставлен. Тем не менее никто не возмущался, никто ничего не требовал – лишь бы не бомбили!

Однако Мастаев ведь неменяемый, да и мыслит он согласно легендам, мол, он и есть тот самый мифический герой, что встанет с мечом против чудовища. Меча не было, зато и ручку Ваха в руки не взял, не подписал «итоговый протокол». А буквально через два дня, 1 сентября, в Беслане, что в соседней республике, случилась трагедия – некие боевики, которых окрестили «чеченские», захватили в школе заложников: детей, учителей, родителей.

Еще через два дня наступила кровавая развязка – федеральные войска предприняли штурм школы. Сотни убитых и раненых.

А еще через десять дней после этого президент России реформировал систему государственного устройства власти. Отменили выборность глав субъектов Федерации.

– Ну что, Мастаев, – сразу после этого позвонила Деревяко, – подписал «итоговый протокол»? Ха-ха, теперь можешь засунуть его в одно место. Тоже мне, выбирать захотел, – связь

оборвалась, и через минуту вновь звонок из Москвы. Мастаев, думая, что это опять она, хотел хоть как-то ответить, а это Кнышевский.

– Ваха, срочно вылетай в Москву.

– Я такой протокол не подпишу.

– В твоём «протоколе» уже никто не нуждается. Ты что, телевизор не смотришь?

– Не смотрю. Зачем мне эта брехня?!

– Срочно вылетай! Срочно! Я тебя встречу, сам!

Мчаться в Москву он и без того хотел – сын Макажой с больной бабушкой. В таком же состоянии Мария. Но у него нет денег. Решил, в Москве попросит в долг у Башлама, в крайнем случае, у Кнышевского.

Вспомнив последнего, Ваха вдруг подумал, а отчего же у все- сильного Митрофана Аполлоновича голос был такой панический. И вообще, зачем он ему нужен? Ведь выборов более не будет.

На следующее утро Мастаев решил вылетать. А тут случилось весьма неожиданное: какие-то люди, внешне даже не понять, стали сбивать изначальную вывеску – «Образцовый дом». В советское время, если делали, то основательно, долго не могут справиться, а здесь еще Ваха под боком:

– Зачем вы сбиваете вывеску? Ей почти шестьдесят лет.

– Тебя забыли спросить... Убирайся, пока ребра целы.

Чеченцы ныне, после войны, тем более те, что на госслужбе, слов на ветер не бросают. Мастаев отошел, продолжая со злостью смотреть на происходящее. В его сознании это означало одно: местной элиты, даже самой продажной, отныне в Грозном не будет; будут марионетки, назначенные из Москвы, а может, и совсем издалече. Значит, права выбора теперь не будет, будут фикция и заранее присланный «итоговый протокол».

Как протест, уже ночью Ваха среди кучи послевоенного мусора, что грудой валяется во дворе, нашел вывеску «Образцовый дом». В чуланчике ее тщательно отмыл, отполировал и, как профессиональный строитель, с пролетарской твердостью водрузил на прежнее место, снизу красным приписал «Дом про-

блем». И, как торжество справедливости, в подъезде обновил надпись «Мария, я тебя люблю!»

Покидая «Образцовый дом», он чувствовал себя бодро, потому что все было на положенном месте. Правда, в аэропорту, когда билет уже был в руках, его настроение стало портиться: мобильный Кнышевского все время вне зоны. И тут звонок — номер засекречен, голос Митрофана Аполлоновича надломленный, чугунно-чужой:

— Ваха, Ваха, я у тебя в чуланчике... В «Образцовом доме», в Грозном. Возвращайся скорее, — он еще что-то на чеченском сказал, но этого Мастаев не понял. Зато понял, что чуланчик теперь ловушка, а оглядевшись, заметил — его «ведут».

Он мог попытаться скрыться. Да подумал, а что он такого натворил? Восстановил вывеску? Ну и что? На то у него и справка дурака в кармане... Нет, тут что-то серьезней. Кнышевский явно в беде, и он на такси помчался в город.

Во дворе те же люди. Их гораздо больше. Вновь пытаются сорвать вывеску «Образцовый дом» и даже у Мастаева спросили — кто это натворил?

— Позвоните в Москву, — брякнул он.

Дверь в чуланчик заперта, ничего особенного, и только войдя, Мастаев сразу увидел — потайной ход Кнышевского — настесь. Интуитивно он хотел было сделать шаг назад...

* * *

Ощущая себя не иначе, как героем, Мастаев понимает, что его, по мифологическому сюжету или намеку, прямо или иносказательно, но проглотит чудовище.

По легенде, хотя жизнь нельзя примитивно проецировать на миф, герой — это борец за новое, это созидатель, а чудовище — это тиран, это закоренелая древность. Но такого даже ненормальное воображение Мастаева не могло представить.

В чувство его привел голос Кнышевского. Чуть позже он сообразил — находится в гроте, в древнем гроте, которому не одна сотня лет.

В горах Чечни гроты встречаются часто. Сам Мастаев видел их не раз. Чеченцы, в том числе даже Ваха, из-за догматического суеверия, эти гроты не трогают и никого к ним не подпускают. Наверное, поэтому слабо знают свою историю. Однако за время последних войн многие традиции горцев пошатнулись. Вот и здесь с первого взгляда Ваха сразу определил: что этот грот уже не раз служил местом заточения. Вот надпись – «Вик. Лиманов. Омск», его тезка – «Ваха – Урус-Мартан – 1996». Есть и еще менее четкие, трудно разобрать.

Гроты бывают естественные – в пещерах, и рукотворные – сложенные из камня, без всякого скрепляющего раствора, щели не видно, и никакие землетрясения и даже авиабомбы их не разрушили: так строили наши предки! Какие усыпальницы, какое отношение к уходящим в иной мир! А теперь здесь заживо погребают...

Мастаев не знает, где он находится, но знает, что в родных горах. А вот Кнышевский все еще большевизмом страдает, все время твердит:

– Репрессирован, репрессирован, расстрелян... Ведь я знал, что плодами революции пользуются лишь подлецы-проходимцы.

– Это вы и о себе... значит, плебейская революция, что предсказывал Плеханов, все же свершилась?

– Замолчи, замолчи, болван!

– Я-то замолчу. Но чтобы отсюда выбраться, надо знать причину – за что мы здесь?

– Эй, вы, – видимо, снаружи многое слышно, грубый окрик на чеченском. – Вам нечего выбирать. Рядом с теми и ваши косточки будут лежать.

Узники перешли к противоположной стене, где нет оконного проема, и их, наверное, не услышат. Ваха сел и грубо усадил рядом совсем раскисшего Кнышевского.

– Митрофан Аполлонович, – все же на полушепот перешел он, – сейчас не коммунизм. В крайнем случае, за мои шалости могли бы спокойно в чуланчике грохнуть, и никто не заплакал

бы, разве что сын... Но тут деньги – деньжищи. У меня их нет и никогда не было... Скажите правду, и мы найдем выход.

– У-у! – заскулил Кнышевский, и с треском рванул последние пуговицы на сорочке. – Я ведь знал, чувствовал. Почему не бежал? Почему? Ведь свои, свои же грабят, – он стал плакать.

– Э-э, тут хныканьем не поможешь, надо, наоборот, на сердце чудовища с гиканьем плясать.

– Ну и пляши, дурак!

– А что не танцевать, посмотрите, как нас содержат... Я так разве что у вас ел.

Действительно, условия созданы впечатляющие: почти дневной свет – аккумулятор снаружи; пара армейских нар, как лавки; одеяла и подушки; параша еще не использованная, какая бывает в карцере; ну а питание – такого и в санатории не бывает; все свежее, и в горах такое не приготовишь, не зря через ночь шум вертолета. А вскоре, вроде на третий день, прямо с утра борт. Снаружи не то что оживление, а целое действо.

– Кнышевский, на выход, – отработанный, командный чисто русский слог.

– Ты дрянь, мерзавец! – слышит Ваха вопль бедолаги. – Думаешь, так все пройдет? Вы ответите... А тебя я сгною, падла.

– Тебе укольчик или добровольно? – это уже иной, какой-то жеманный голос слышит Мастаев.

– Нет-нет, только не укол, – вопит Кнышевский.

Мастаева даже передернуло. Он вдруг вспомнил, как его кололи, – это и вправду ни физически, а главное, психологически невыносимо.

– Нет-нет, не надо, – завизжал Митрофан Аполлонович.

Наверняка укол сделали, ибо Кнышевского более не слышно. Однако снаружи какое-то действо не прекращается. Еще долго Мастаев со страхом ждет и своей очереди. Она наступила. Он вышел и поразился, словно декорации к спектаклю – это некий офис: стол, кресло, компьютер, белоснежные экраны, будто степи, и даже растения в углу... А дальше не совсем, да почти родные места – это ведь урочище реки Келойахк, прямо перед ним

должна быть его любимая вершина Басхой-лам, ее не видно – упрямая тучка зацепилась за край. Отсюда почти в двух шагах, за невысоким пологим лесным массивом разбросанное по склонам селение Нохчи-Келой. После двух войн там вряд ли много людей осталось. За перевалом, за Басхой-лам, буквально рукой подать, родной Макажой. Там, наверное, только пчелы деда Нажи живут. А это место всегда было глухое, бесплодное. Сюда даже в мирное время чужие боялись заходить. А ныне? Были бы чужие места, может быть, не было бы так мучительно и тоскливо. Укола, видимо, за ненадобностью Мастаеву не сделали. Зато его тоже, как и Кнышевского, донага раздели, в речке искупали, побрили. В общем, навели лоск и надели все новенькое, с иголки.

Начался спектакль, то ли съемки.

– Я нотариус, – в кресле сидит импозантный мужчина с бородкой.

Перед ним довольный Кнышевский, который вдруг осмелел:

– А можно сигару, коньяк?

– Все можно, только не в камеру, – здесь есть режиссер.

– Да, я отказываюсь от благ цивилизации, я отныне буду жить здесь, в этих прекрасных горах Кавказа, на родине моего подопечного Мастаева Вахи Ганаевича, – неожиданно и очень артистично выдал Кнышевский. – А распоряжаться всеми моими средствами, активами, движимым и недвижимым имуществом поручаю финансово-инвестиционной компании, которой я до этого руководил.

– Стоп, стоп! – прозвучала команда. – Он не сказал название компании... И улыбку, такую царственно-снисходительную улыбочку. Пожалуйте, Митрофан Аполлонович... Дубль два! Пошел!

Все это представление длилось до обеда. Учитывалась и перезаписывалась каждая мелочь, и даже думающий только о побеге Мастаев устал, ибо все по-военному четко, под контролем, расписано по ролям, где Вахе предложили подписать какие-то бланки.

– Можно ознакомиться? – более для понта спросил он, хотя в английском ни бум-бум.

– Пожалуйста, – вежлив нотариус. – Вот перевод на русском. Хотите, можно на чеченском, – той же монетой отвечают ему. – Все, что угодно клиенту, все добровольно. Если клиент просит, мы готовы отправиться в любую точку мира, даже в дивные горы Чечни... Вы соизволите поставить автограф?

Мастаев глянул на Кнышевского. Тот обреченно кивнул.

– Кстати, – продолжал нотариус, – у Мастаева нет паспорта, нет загранпаспорта.

– Он под справкой, под опекой.

– А копию загранпаспорта надо приложить.

– Уже поручили, в Москве все будет готово... Сделайте еще фото на паспорт.

– Завершаем по плану, – дублирующая команда.

Узников, как зверей в цирке, пинками зашвырнули в мрак средневековья, правда, тут же включили в гроте свет. Ликвидировали ли антураж? Вряд ли. Уж слишком быстро убрались, и шум мотора вертолета, как какая-то надежда, резко затих за перевалом.

– Ну, дела, – с придурковатой ухмылкой оглядывает себя Мастаев, – в таком виде – здесь?.. Позвольте, Митрофан Аполлонович, как бы вы костюмчик не помяли.

– Да пошел ты, болван... У-у, – схватился за голову Кнышевский. – У-у, эй вы, укол, сделайте укол.

– Укол хочешь? – тут Мастаев от души всадил подзатыльник Кнышевскому и еще ногой в пах. Почти в то же мгновение раскрылся проход в грот:

– Мастаев, на выход, – рявкнул охранник на чеченском.

– «Есть шанс бежать?» – подумал Мастаев, с готовностью вылезая из грота, как перед ним два здоровенных вооруженных бородача. Один из них схватил Ваху за грудки, потряхнул, чуть от земли не оторвал, рыча в нос смердящим духом:

– Как земляка, на первый раз пожалею. Больше не пыхти – разорву, – и как мешок закинул обратно в грот.

Ошеломленный Ваха еле встал, озираясь, как-то крадучись, придвинулся к еще дрожащему союзнику:

– Здесь, видно, камера.

– У-у. А меня ты за что?

– Это лучше, чем укол. Иль вы хотите наркоманом стать?

– В кайфе умереть? Это идея.

– Что? – они стараются говорить шепотом, хотя находятся почти впритык. – Вы хотите умереть? Я спрашиваю, вы умереть хотите?

– А что? – глаза Кнышевского как-то странно закатились. – Это лучше, чем, – тут Митрофан Аполлонович попытался встать, хватаясь за стенку, как вдруг Мастаев зверем вцепился ему в горло:

– Ты подыхать собрался? Подыхать? Ну, подыхай, давай, – его глаза от ярости налились кровью, чуть ли не вылезли из орбит, и почти то же самое было на искаженном ужасом смерти лице Кнышевского. Снаружи послышался мат. Вновь раскрылся выход, вновь Мастаева вызывают.

– «Вот на сей раз я убегу, родные горы помогут», – вылезая из узкого прохода, Ваха еще соображал, как он справится с двумя, – из глаз искры посыпались – мешком вовнутрь влетел.

– Ваха, Ваха, – Мастаев едва приходил в себя, перед ним с пластмассовым стаканом воды сидел на корточках Кнышевский. – Хе-хе, очнулся?

– О-о, башка, – за голову схватился Мастаев.

– Она пустая, ничего не будет.

– Эй вы! – вновь спугнул их злобный окрик, в обрешеченном окне черно-бородатая морда. – Еще одно движение, и посажу на цепь. Понятно?

Почти до вечера сидели не шелохнувшись, пока им не доставили пластмассовую коробку, а в ней сплошь яства и даже по сто грамм коньяку и по одной сигаре, так что после ужина узники несколько осмелели, зашептались:

– Ваха, нам надо держаться вместе, а ты душегуб.

– В том-то и дело... Вы, Аполлоныч, кадровый военный, русский офицер, княжеских кровей, нюни распустили.

– О-о, какой я дурак?! Болван! И если б историю не знал? Разве может быть нравственным общество, где правят негодяи и невежды?

— Бросьте свой треп, это не Дом политпросвещения и тем более не «Общество «Знание». Лучше скажите, что происходит? Деньги? У вас отбирают деньги? А я, нищий дурак, при чем?

— Пока сам в догадках... Впрочем, позже объясню.

— А позже не будет поздно?

— Не знаю, — от злости скрежет зубов. — Скажу одно: сегодня мы подписали просто протокол о намерениях.

— А «итоговый протокол» готов?

— Видимо, готов.

— Да, «Образцового дома» — нет, «Дома проблем» — тем более нет, и выбора у нас нет.

После долгой, долгой паузы Митрофан Аполлонович сказал:

— Должно быть еще одно «представление», когда мы подпишем иные бумаги, — он в упор глянул на Мастаева и, как-то жалко ухмыльнувшись, приговоренно продолжил: — Сам знаешь, подпишем... Вот дальше, если этот «итоговый протокол»...

— То есть приговор, — перебил Мастаев.

— Ай, если это все на высшем уровне, то без проволочек. И они должны вновь объявиться через день-два, максимум — три.

— Честь погребенным в гроте! — вроде не унывает Ваха. — Хотя бы на родной земле.

Наступило уныние, которое нарушил более молодой:

— А если?

— А если с ходу не получается, то у нас есть шанс существовать... Даже не один год, может, здесь, а есть еще варианты.

— Вы это уже проходили, — прозвучал не вопрос.

Кнышевский уронил голову.

* * *

Кнышевский и Мастаев. Русский и чеченец. Православие и ислам. Огромная мировая держава и маленькая клокочущая территория. Зрелый человек и вступающий в зрелость. Офицер и сержант. Эрудит, за спиной которого «Общество «Знание» и ко-

лоссальный государственный ресурс и самоучка, узаконенный тем же государством дурак, террорист. Сверхбогатство и нищета. Триумф и трагедия. Жизнь в роскоши и жизнь в нужде. Поводырь и ведомый. Хозяин и работник. Победитель и проигравший. Драма и фарс. Потому что один грот, единая судьба, единая Россия, один мир, как и один Бог!.. И что должны думать люди, приговоренные к смерти другими людьми, а не Богом? Наверное, грезить о райских кушах, о будущем вселенском блаженстве и всепрощении, о равенстве и справедливости в Судный день, в конце концов о парадоксе мира людей, нарушающих законы, зная, что их не нарушить, ибо что посеешь, то и пожнешь... Однако только не это: вместо величия – кандалы, вместо славы – тьма, вместо силы – позор; пустота неосуществленности, готовая поглотить жизнь, и сама жизнь, как поражение.

В основе трагедии только сатира. И все разговоры о достижениях становятся жалкими. Если итог жизни человека определяют такие же люди, то какова горечь поражения, потери, разочарования и нереализованности по иронии судьбы берedit кровь тех, кому завидовал мир?!

...Кнышевский сломлен, раздавлен. В припадке безумия он бьется головой о стену. А Мастаев, хоть и держится пока, все мечется по гроту, повторяя одно и то же:

– А я за что? При чем тут я? Что они хотят с меня, нищего, к тому же дурака, взять?

Так продолжалось не одни сутки, а уже третьи на исходе, как они встрепенулись, словно по команде вскочили, бросились к замурованному окну, через щель которого можно было определить день на дворе или ночь – ночь, а вертолет прилетел, словно страшное всепожирающее чудовище явилось проглотить их, уже будучи проглоченными другим, менее сильным чудовищем.

Однако пока пронесло. Даже двигатель не выключали. Наверное, что-то разгрузили-погрузили – это догадки узников, а мысль иная: «с ходу – не получилось», у них еще есть шанс жить, хоть как-то жить. Оба сразу воспрянули духом и крикнули охране:

– А нельзя ли коньячок и сигары?

— Не доставили, — был ответ, а потом: — Хватит болтать, спать пора.

Теперь не спалось, ведь жизнь в любой ипостаси желанна. А парадокс ситуации в том, что, как любой узник, они мечтали выбраться из заточения, а теперь, наоборот, каждый час и день давали им надежду хоть на какой-то жизни срок.

Через восемь дней повторилось почти то же самое представление, с теми же декорациями, умыванием, костюмированием, да, как понял даже Мастаев, суть была несколько иной. Ибо даже Кнышевский, хоть и вынужден был исполнить все указания, но при этом позволил себе пару раз в адрес бывших партнеров съязвить.

В этом плане узники попытались выступить в некоем тандеме. Вместе с тем операцию проводили тоже не профаны, и они как бы ненароком подсунули Мастаеву какие-то документы, и тут же:

— Ах, нет-нет, это вы не должны подписывать, чуть не ошиблись.

А Мастаев, думая, что это он ошибся, еще более всмотрелся, даже выросшим грязным ногтем эти нули обсчитал... И все завершилось, вновь они в гроте, а Ваха в шоке:

— Девять нулей?! Ведь это миллиард! Миллиард!.. Вы миллиардер? Вы олигарх? НПЗ и Старогрозненское месторождение... И для кого война, а для кого...

— Замолчи, замолчи! Теперь я нищий, все потерял.

— Так это прекрасно! — декламация в тоне и жестах Мастаева. — Вы, впрочем, как и я, изначально были и вновь стали истинным пролетарием, которому нечего терять, кроме своих цепей! ПСС, том...

— А-а, я тебе дам ПСС, ты у меня получишь том, — визжа, бросился Кнышевский на Мастаева.

Эта схватка закончилась тем, что их вызвали обоих, здорово избили. К тому же еще одна неприятность — ожидаемых кофьяка и сигары, как после прежнего представления, не было.

А дальше все пошло, как предсказывал Кнышевский. Их не то чтобы позабыли или потеряли к ним интерес, к ним стали

относиться как к простым заключенным, у которых никаких прав и привилегий, зато теперь на руках и ногах оковы. А на исходе сентябрь, надвигалась жесткая, как всегда в горах, дождливая с ветрами погода. Эта сырость сразу же стала давить на больные легкие Мастаева:

– Мы здесь зиму не протянем, – сказал он Кнышевскому, а охране на чеченском крикнул: – Дайте что-нибудь потеплее. Мы тут околеем.

– Потеплее, сейчас, – охранники вызвали обоих на выход и так отдубасили, пока оба раз двадцать не подтвердили, что им очень жарко.

А когда Кнышевский пожаловался на питание, – избиение было еще усерднее:

– Вы жрете, как и мы, и вам все мало?

Больше жаловаться не смели. А вот охранники, как и пасмурная погода, стали тоскливыми. Уже стало ясно, что это два брата. И совсем они не молодые, чтобы на такое пойти. Ваха уже четко определил, что эти верзилы не здешние, по крайней мере не из ближайших Нохчи-Келой, Кири или Дай, хотя прикидываются местными.

Прежде, когда наведывался вертолет, то эти молодчики вели себя подобающе, видать, не только погода и питание, но и стимулирование было приличным. Теперь все изменилось, и узники все реже слышат снаружи разнузданный от анаши смердящий вопль, хотя вонью травки потягивает. Да вот, как вершитель судеб, вдруг послышался среди ночи рев вертолета. К узникам даже не заглянули, наверное, на мониторе их видно. А вот сами охранники пожаловались. Их, конечно, не били, да в ответ был такой отборный, командный, восьмизэтажный мат, что даже Кнышевский сморщился.

Вертолет скоро улетел, а вот охранники с тех пор явно осмелели: они по очереди, когда вздумается, стали по одному отлучаться то на сутки, а то и более. Младший, он и ростом был поменьше, коренастее, и совсем не разговорчивый, наверное, потому что не

только по-русски, даже по-чеченски очень плохо говорил, – Мастаев не мог понять, что это за диалект, – явно не здешний.

Зато старший брат, он и отлучается реже, шибко языкаст, он и бить любит и умеет – обучали. В отличие от младшего, который ни одну молитву не пропускает, старший часто и основательно водку жрет. Вот тогда он, как спиртное пошло, любит с Кнышевским на разные темы о мировой политике поболтать, а может, в окно из пулемета под ноги – гопак, иль над головами – под нары, и еще хуже – на выход, и тогда огромными кулаками в печенку и по почкам сапогом, и почему-то с особым остервенением своего земляка.

После такой профилактики Мастаев еще день встать не может, и Кнышевский, как великую тайну, доверительно шепчет:

– Я ведь как-никак агитатор-пропагандист – вот этот явно поддается любой идеологии, настоящий пролетарий.

– Да плебей он, – отхаркивает кровь Ваха.

– Тс-с, потерпи, я уверен, что смогу ему мозги прочистить.

У них действительно завязался диспут, больше говорил Кнышевский, и тогда он входил в роль и будто перед огромными массами, даже слегка как вождь картавя, говорил:

– Товарищ! Какую бесполезную грязную лакейскую роль сыграл ЦИК в Москве... Бросил идею отсрочки, подлая кампания в печати, казачий съезд... Эти холуи петушком побежали, как собака поползли на хозяйский свист, под угрозой хозяйского кнута... Эти лакеи вновь хотят отсрочить выборы... Кто не дошел до полной подлости, должен сплотиться вокруг партии революционного пролетариата. Без его победы ни мира народу, ни земли крестьянам, ни хлеба рабочим и всем трудящимся не получить¹... ПСС, том 34, страницы 84–85.

– Это Ленин? – удивляется старший бородач. – Вот это да! То же самое и сейчас. Нагло врут, народ оболванивают, а выборы – сплошь подстава... А кстати, разве этот Мастаев не выборами руководил? А ну на выход, плебейский сын. Продался русским?

¹ В.И. Ленин. За деревьями не видят леса. ПСС. Т. 34 – С. 84–85.

Сами охранники то ли брезгают, то ли какой-то суеверный страх перед древними останками скелетов. В общем, они в грот не заходят, да и нелегко им будет – проход маловат. А вот Ваха под командами «быстрее», в три погибели согнувшись, еле вылезает наружу – и с ходу удары, так что после он едва вползает, а порою, как, к примеру, в этот раз, его старший охранник после экзекуции сам зашвырнул.

– Терпи, терпи, ты ведь истинный пролетарий, к тому же горец-чеченец, – теперь уже Кнышевский ухаживает за Вахой. – Я уверен, что этому башку я смогу вскружить. Что-то получится, – и он опять ведет свою политпропаганду, и неудивительно, что они затронули всегда актуальный национальный вопрос. Может быть, у Кнышевского и был свой взгляд на эту тему, однако он и здесь положился на гений вождя.

– Под лозунгом «национальная культура» проходит на деле раздробление рабочих. Есть только одно решение национального вопроса – это последовательный демократизм... Национальная программа демократии – никаких привилегий ни одной нации, ни одному языку... Поэтому «национальная культура вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии... Кто защищает лозунг национальной культуры, – тому место среди националистических мещан, а не среди марксистов... Великие всемирно-прогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи (процент евреев в демократических и пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще)... На вопрос – к какой национальности вы принадлежите? – рабочий должен отвечать: я социал-демократ... Остается та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к ассимилированию наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, и всякое противопоставление одной национальной культуры в целом другой якобы целой националь-

ной культуре и т.п. есть буржуазный национализм, с которым обязательна беспощадная борьба!»¹ ПСС, том 24.

— Постой, постой, — словно пробудился охранник. — Повтори последнюю фразу... Ага, «обязательна беспощадная борьба». Вот в этом Ленин прав... А ну, жид Кнышевский, на выход.

Видимо, с Митрофаном Аполлоновичем старший охранник только поразмялся, загнал обратно. А потом кликнул чеченца:

— Теперь ты вылезай, христопродавец-ассимилятор. Делал подтасовку на выборах? Отвечай!.. Все наши беды из-за тебя.

Вдоволь помятый Мастаев еле вполз в грот, а Кнышевский успокаивает:

— Ты, Ваха, терпи. Сколько раз сам вождь в ссылке был... А пропаганда — мощнейшее оружие.

— Замолчите, идиот! — наверное, впервые так груб Мастаев со старшим. — Он и без того бандит, а вы его еще делаете большевиком, — чей призыв — насилие, насилие над ближним.

— Ты, может, прав, — после недолгого раздумья согласился Кнышевский. — Большевики репрессировали всех, а потом и сами себя... Ужас. Все закономерно: я репрессировал, сам репрессирован... Какой кошмар, — он обхватил голову обеими руками, а кандалы, словно огромные, несуразные очки на его обросшем лице, по которому щедрым потоком пробивали грязь слезы.

* * *

Ваха знал, что дела его плохи и скоро наступит конец. В горах, в таком высокогорье, зима приходит внезапно, однажды ночью задуют фёны² с вечных ледников и сразу ляжет снег, температура — в минус. Сырость, удушающий запах плесени и лишайников зимой добьют его пораженные легкие. Он уже ощу-

---

¹ В.И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. ПСС. Т. 24 — С. 113—150.

² Фён (нем.) — сильный, порывистый, теплый и сухой ветер, дующий с гор в долины.

щает эту боль, как неминуемый конец. И если бы он, как Кнышевский, так и остался бы на позициях ленинизма, то итог классовой борьбы давно известен: рабочие и крестьяне неправы, кто попытается соображать, тем более возражать, — репрессия. А власть? Мастаев помнит, как в самый тяжелый, голодный и смутный год для России Ленин своей жене Крупской писал: «15.06.1919 г. Волга. Пароход ВсеЦИКа «Красная Звезда». Ульяновой. Дорогая Надюша!.. Надо строже соблюдать правила и слушаться врача. На фронтах — блестяще, будет еще лучше... Вчера и 3-го дня были в Горках с Митей и Аней. Липы цветут. Отдохнули хорошо. Крепко обнимаю и целую. Прошу больше отдыхать, меньше работать. Твой Ульянов».

...Ныне эпистолярный жанр канул в Лету. Теперь неизвестно, что говорят сильные мира сего по телефону своим возлюбленным, загорающим на яхтах где-то в тропиках Индийского океана. Впрочем, и правители, наверное, там, современная связь командовать отовсюду позволяет... А если с диалектических позиций — просто Мастаев проиграл, неудачник в жизни, завидует. Ну а если совсем объективно, то ведь Ваха не зря слывет невменяемым. И вправду он на мир с неких пор смотрит иным взглядом, и его, может быть, большое воображение высвечивает иной ракурс картины мира — это древний миф и ритуал, кои с помощью аналогии сделают возможным, а затем все более простым столь резкий переход, нет, не смерти и тем более не конца, а наоборот, вечности, вселенской вечности. Ведь миф или сказка — это не просто намек относительно истины, это откровение — небытие, в которое разум должен сам погрузиться и раствориться в нем. И тогда эти древние, извечные символы, нареченные божественным, приводят в движение и пробуждают дух и зовут его смело по ту сторону самого себя. Ведь герой — это тот, кто знает и представляет в мире зов сверхсознания, которое проходит сквозь все творения мира. И подвиг героя или его приключение — это тот момент жизни, когда он достигает просветления, — кульминация! Когда он, будучи жив, обнаруживает и открывает дорогу к свету по ту сторону темных, каменных стен нашего бренного существования. И надо помнить, что древ-

ний символ и миф, а тем более святыя писания – это выражение глубочайшей морали, это вершины сознания, а не бездны тьмы... И в очередной раз осознав все это, Мастаев по-новому оглядел этот древний грот и понял, что это вечный храм, святое место, а на стенах вроде грубые, примитивные рисунки, да в этих символах не только намек, но вся разгадка. Ему надо действовать, то есть показать свою культуру. И если ранее это были танцы «на сердце чудовища», то теперь надо победить словом, мыслью, знанием.

– Митрофан Аполлонович, – громче обычного, надеясь, что и охранник слышит, начал свою историю Мастаев. – Вот видите, на стене нарисована детская колыбель. Особенность этой люльки в том, что у нее ножки дугой, то есть это люлька-качалка. А в ней, если это древние времена, находится ребенок невольника, пришлого или прислуги, но не ребенок свободного горца-чеченца.

– С чего ты это взял? – вдруг голос снаружи. – Продолжай, скука с вами съедает.

– В такой люльке-качалке ребенок, чтобы не выпал, должен быть за ручки и ножки крепко привязан к колыбели. А горцы-чеченцы всегда считали, что с рождения ребенок должен ощущать свободу тела и духа, поэтому в люльку-качалку чеченских детей не клали.

– К чему ты все это? – заинтересовался старший охранник.

– А я про традиции и историю этого почти родного края... Рабство, в той или иной мере, существовало всегда. В древности невольникам не разрешалось жениться. Однако в чеченском обществе, где ценили свободу, всем позволялось заводить семьи. Но невольница-мать все равно должна была работать, вот почему в горах появились качалки: привязав веревку, невольницы могли и на расстоянии выполнять свою работу, подергиванием покачивая колыбель, давая ребенку знать, что мать рядом.

– К чему это цацканье? – раздраженным стал голос снаружи. А Мастаев продолжал свой рассказ:

– В древности границей между чеченскими тейпами в основном служили горные реки. Среди чеченцев никогда не допускались родственные браки. Когда парень из одного тейпа

желал жениться на девушке из другого, то он и она должны были пройти некий ритуал.

Родственники девушки шли вверх по течению и бросали в речку просяной чурек. Молодой горец должен доказать свою зрелость, что он может быть и охотником, и защитником, и воином, и кормильцем: он должен в стремительном течении стрелой поразить цель – чурек. Если это получилось, раздавались громкие возгласы одобрения. И тогда внизу по течению в свою очередь будущей хранительницей очага вступает невеста. Она тоже должна доказать, что сможет сохранить и приумножить добычу жениха, ее задача – с помощью специального чана выловить в бурном течении этот чурек со стрелой. Если она с этим справилась, то она готова и согласна стать женой.

И вот с этим чаном, в котором чурек и вода, она в окружении своих подруг и родственников идет на противоположный берег, в другой тейп, где ее еще не может видеть молодой жених. А девушка-невеста должна пройти основной ритуал – мотт бастар¹. Ее встречает старейшина рода жениха, забирает чан с водой и спрашивает:

– Могу я выпить?

Смысл прямой. Потому что в языческие времена горцы потребляли во время праздников чаглар², нихь³. И тогда они могли излишнее говорить, при этом могли раскрыть тайны своего рода. И у них должна быть уверенность, что невеста не унесет эти разговоры за речку, у нее, тем более у ее детей, отныне будет иной тейп, и она с этим согласна, поэтому говорит:

– Пейте на здоровье.

На что старейшина отвечает:

– Пусть все, кто любят и нуждаются в этой воде, любят и уважают тебя, наша благословенная невеста. Приходи свободной в свободный дом.

---

¹ Мотт бастар (чеч.) – дословно развязать язык.

² Чаглар – крепкий спиртовой напиток.

³ Нихь (чеч.) – брага.

После этого Мастаев надолго замолчал, а охранник недовольно:

– К чему эта басня? В чем здесь мораль?

– А мораль и история в том, – продолжал Ваха, – что в эти места пришел враг. Был бой, все полегли. Осталась одна наша героиня с грудным ребенком. И она вынуждена была обвязать ребенка в колыбель-качалку, дабы иметь возможность работать. С тех пор вместе с молоком матери некоторые горские дети впитали чувство изначальной скованности, ограниченности и ущербности в жизни. Для них чеченское «Маршал», «Маршо» – «Свобода» воспринимаются в несколько ином, искаженном виде.

– Ты это о себе?

– Может быть, и о себе, – податлив голос Вахи. – Только вот ты говоришь, что местный, а имени не называешь.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – насмехается охранник. – Вот только я не понял, о чем твоя сказка.

– Судя по рисунку в гроте, здесь захоронена не только знать, но, видимо, и прислуга.

– Ха-ха, и ты околеешь зимой, как русский приспешник.

Некоторое время назад, когда в гроте и вокруг него витали озвучиваемые Кнышевским идеи воинствующего материализма или марксизма-ленинизма, изможденное тело Мастаева, господствуя над его духом и тем более сознанием, только так – как мучительный и неизбежный конец – воспринимало этот мир в заточении.

Однако этот склеп-грот был на самом деле старинным скромным храмом, который сохранил в себе ауру вечности, неизменность времени и законов бытия, где душу человека, если она преодолевает телесную прихоть и боль, нельзя разбить, заморозить, сжечь, истребить, ибо она – душа – существует всегда и везде, как создавший ее Бог; только таким жертвоприношением человек высвобождается от рабства неминуемой смерти. И тогда даже в неволе, в гроте, глаза его озаряются мыслью и жизнью, и это такое состояние, когда его окружающие зачастую назовут дураком. А это герой, тот герой, который знает, что такое свобода жить! Маршал – Маршо!

И когда, с другой стороны, стоит наивно-невежественный человек, создавший для себя фальшивый, в конечном счете,

неоправданный образ самого себя, как исключительное явление мира, вроде бы оправданного в своем неизбежном прегрешении, то это просто то же чудовище. Правда, это чудовище не проглатывает героя, как рыба – кит-великан. Это чудовище, наоборот, когда хочет испить кровь героев, то есть насладиться насилием, оно выманивает, вытаскивает героя из защитного чрева храма-грота, истязанием наслаждается и забрасывает обратно до следующей трапезы, пока не испьет всю кровь и плоть... И Мастаев уже понял, что спасение в одном: охранник брезгует и даже боится войти в грот, а его надо в него заманить. И эта древность сама расправится с их мучителем.

Вдруг, как звонок к действию, запиликала рация охранника:

– Ястреб слушает, ястреб слушает, – голос быстро удаляется, а узники уже знают, что скорее всего специальная, может быть, военно-космическая связь, да и она в этой глуши плохо работает, особенно когда пасмурно и дождь. Поэтому «ястреб» побежал к ближайшей возвышенности. А в это время Ваха, зная, что в монитор никто не следит, засеменил в дальний угол, где мощи давно усопших, выбрал две большие берцовые кости, скованный путами, с трудом пересек грот, притаился у самого входа, в углу.

– Ты кости грызть собрался? – пытается шутить Кнышевский.

– Аполлоныч, – возбужден Мастаев. – Ты прав, этот охранник подвержен любой идеологии, потому что он не горец, он какая-то полукровка, плебейских кровей.

– Ну и что? – в гневе отпрянул Кнышевский. – И во мне много разных кровей. Это нацизм, фашизм!

– Замолчи! – схватив за грудки, тряхнул Мастаев соседа. – Это у вас на равнинах, в Европе – глобализация, универсализм, и педераст почетнее мужчины. А здесь, в горах, еще сохранились достоинство и честь... Этот ублюдок, а иначе он не занимался бы таким ремеслом, забыл о своем происхождении, возомнил из себя горца-джигита. Я напомню и докажу, кто он на самом деле – холуй. Будучи у власти, по крайней мере над нами, он не вынесет этой правды.

– Он нас прибьет, – вырвалось у Кнышевского.

– В том-то и дело, я не выйду, а буду стараться заманить его сюда, внутрь. И тогда мы его... мощами по башке.

– Ты дурак, он нас просто пристрелит.

– Давно бы пристрелил – не велено.

– Что я должен делать?

– Сиди... Жди моей команды.

А в это время снаружи грозный голос:

– Не кучковаться... А, впрочем, теперь как хотите, – голос охранника явно приподнят. – По вашу душу едут. Мне приказано собираться... Слава Богу, а то и я околел бы здесь, холод с ледников ползет. Кстати, земляк, как тебя там, Ваха, накануне ты какую-то ахинею нес про пришлых – непришлых. Что ты хотел сказать?

– Ага, клюнуло, – шепнул Мастаев напарнику, на радостях моргнул, а сам к окну, чтобы его хорошо слышал охранник:

– Я не знаю, как тебя зовут, – явно торопится Ваха, – но раз ты сам себя называешь «ястреб», пусть будет так – гордый хищник!

– То-то, – доволен охранник. – Только ястреба, как ты знаешь, баснями не кормят. Напоследок выдай что-нибудь приятное, чтобы я не скучал.

– Ну, скажу. Раз и ты из этих мест, то наверняка знаешь историю про Инкота, – тут Ваха специально сделал паузу и, поняв, что его слушают, продолжал. – Инкота родился и жил в этих живописных, плодородных местах, в горной низине реки Шароаргун, среди белоснежных вершин, богатых дичью лесов, тучных пастбищ и целебных родников, над которыми порхают бабочки, стрекозы, заливаются соловьи. В этих местах трудолюбивый человек бедно жить не может, ну а такой предприимчивый и дерзкий в делах мужчина, как Инкота, по горским меркам, был богатым.

Инкота родился в год, когда имам Шамиль сдался в плен. А наш сказ про время, когда Инкота был в расцвете сил и лет, точнее 1889 год. Чечня после тридцатилетней войны с Россией только оправлялась. Вместе с этим рос и Инкота, его достаток, авторитет, влияние.

Инкота – крепкий мужчина, лихой наездник. Его главная страсть – охота и лезгинка, в которой равных ему нет. Но харак-

тер крутой: чересчур честолобив и горяч. Да это он считает достоинством, а изъяз, который его мучает, в другом: в какой-то переделке на равнине он получил удар прикладом в челюсть, с тех пор пары передних зубов недостает. Да он уже к этому привык. И вот однажды до Инкоты дошла весть – к нему едут гости с равнин.

У горцев гость – святое. Для гостей должна быть специальная комната, а лучше отдельное строение – кунацкая¹. И вот Инкота в кунацкой веником убирал паутину с потолка, как гости нагрянули.

Увидев достопочтенного Инкоту за таким, вроде бы недостойным мужчины занятием, гости подивились, а Инкота, улыбаясь, пояснил:

– У чеченцев паутину с потолка должен убирать только мужчина, иначе удача и счастье из дома улетят.

– Это почему же? – удивились гости.

– Горец – прежде всего охотник, добытчик. А жена, мать – цин-нана², она должна всегда следить за огнем в доме, за очагом, не то пламя погаснет, а разжечь костер в горах зимой нелегко. Посему не дело женщины в потолок зариться, в небесах витать. Дело женщины – зрить в корень, очаг вить и тепло хранить. А мужчина после удачной охоты может на нарах поваляться, помечтать. А чтобы его фантазия свободно летала, надобно паутину самому с потолка разместить.

Гость, а это был не кто иной, как Шовхал³ кумыцкий из-под Кизляра, ответом был удовлетворен. Погостил он в горах и в ответ пригласил Инкоту к себе, ибо они давно в дружбе, и к тому же у них есть совместные предпринимательские дела.

И вот побывал Инкота в Кизляре, вернулся в горы злой. Три дня места себе не находил. А потом его вдруг осенило: помчался он в Грозный, привез в горы лучшего зубного врача и потребовал, чтобы тот его самой огромной кавказской овчарке на

---

¹ Кунак (*тюрк.*) – гость.

² Цин-нана (*чеч.*) – дословно огонь-мать, хранительница очага.

³ Шовхал (*тюрк.*) – князь.

клыки золотые коронки надел. После этого послал гонца – Шовхала в гости звать.

Шовхал был намного старше Инкоты. Прибыв в горы, он с понимающим снисхождением принял рык золотозубого пса, ибо понял, в чем дело: у Инкоты нет передних зубов, а у шовхала даже прислуга вся с вставными позолоченными зубами, что очень модно и почетно ныне на равнине, аж здоровые зубы рвут.

– Ты, мой дорогой Инкота, – сглаживал ситуацию Шовхал, – приезжай, пожалуйста, на свадьбу моей дочери. Будешь почетным гостем.

Так получилось, что во время свадьбы мимо Кизляра проезжал известный русский князь, генерал, участник Крымской войны, столичный повеса и кутила, очень богатый и влиятельный в России вельможа, который за свою разгульную жизнь с кутежами и дуэлями был направлен с семьей – молодой супругой и двумя сыновьями-близнецами – в Персию военным атташе, что фактически означало ссылку. Подвыпивший князь вел себя на свадьбе по-барски, щедро швыряя в круг во время лезгинки деньги. Дети и женщины чуть ли не в ссорах подбирали их.

И тут Шовхал-хозяин сказал рядом сидевшему князю:

– Сейчас будет танцевать мой почетный гость чеченец Инкота, у меня три просьбы к вам, ваше высочество: во время танца нам всем приличествует вставать; в чеченском танце может быть только одна пара – парень и девушка – и никого более, вы, пожалуйста, не входите в круг. А главное – не бросайте деньги, когда танцует чеченская девушка – это большое оскорбление¹.

---

¹ В чеченском обществе бросать деньги во время танца, и вообще кичиться этим, – позор всем. Деньги, и то символически малую сумму, может бросить молодой человек, если в круге танцует его друг и его избранница. Эти деньги поднимает пожилая женщина-сваха, обслуживающая ловзар (игрища, свадьба). После танца она прилюдно протягивает деньги девушке, под ноги которой они были брошены. Если девушка их взяла, то это означает, что она дает согласие на ухаживания парня и в этот вечер все внимание к нему. Однако это не значит, что впредь у нее нет выбора – не покупается... Если деньги девушка не взяла, то эта сумма отдаётся инарлу (генералу, руководителю, тамаде) на нужды ловзара (к примеру, оплатить услуги музыкантов).

— А что он, князь, что я должен встать? — удивился генерал.

— Среди чеченцев нет князей, — несколько раздраженно сказал Шовхал, — впрочем, и не князей тоже нет.

— Что-то я не понял, — усмехнулся князь.

— Все вы поняли, — вдруг сказал Инкота, он почти все слышал, сидя по левую руку от Шовхала, а князь справа, — ибо — продолжил твердо он, — в Крымскую кампанию с Османской империей вы воевали менее года, а с нами — треть века; и то предатель вам помог.

Наступила неловкая пауза. Князь как-то странно с ног до головы осмотрел Инкоту:

— Вы князь? — спросил он.

— Нет, я не князь, я выше этого, — уже горячится Инкота.

— Хм, и кто ж вы? Царь или Бог?

— Лучше вы мне ответьте, кто выше вас?

— Только царь, потом Бог.

— Хе, а между мной и Богом никого нет.

— Танец! Лезгинку давай! — поспешил прекратить этот спор Шовхал.

В круге чеченская девушка и Инкота. Они неистово, самоабвенно танцуют, заворожив всех. А темпераментный горец, взбудораженный схваткой, совсем огонь — гром и молния... Вдруг у ног девушки зазвенели монеты — все замерли. Мгновенно в лучах заходящего солнца блеснул кинжал. Местные кумыки вовремя схватили Инкоту. Шовхал извинялся, чеченец убрался, да не совсем.

За Кизляром, в голой и бескрайней прикаспийской степи, где царствует солончак и привольно гуляет ветер, затаился оскорбленный горец в поисках мщения. Не одни сутки хороняся, он упорно сопровождал выехавший из Кизляра многочисленный караван князя. В одну ночь, когда костры ставней на привал экспедиции уже догорали, и утомленная охрана дремала, Инкота проник в лагерь, и казалось, что острее его кинжала

– Ты забыл, я боевой офицер? – в мерцающем свете вновь разожженного огромного костра победно светилось лицо князя. – Я должен стоять перед тобой? Деньги свои жалеть?.. Вот пулю пожалею. Сжечь его.

В лагере переполох. Все проснулись, сгрудились вокруг костра. А князь любит зрелища, острые ощущения. Приказал поставить перед костром походное кресло, подать коньяк и трубку. И тут же у его ног посадить маленьких сыновей-близнецов, чтобы запомнили доблесть отца, как он с коварным туземцем расправился.

– Ну что, джигит? Моя щедрость была тебе в тягость. Не желал, чтоб горянка обогатилась. Не хотел мои деньги топтать... А я щедр, исполню твое последнее желание перед тем, как душа твоя сторит.

– Хе-хе, – Инкота в ответ усмехнулся и спел короткий узам:
Мое тело – достояние земли.
Мою душу – примет небо!
Каково?!¹

– Ничего, – как-то манерно процедил князь. Привычно-небрежным движением пальца, на котором в бликах огня вспыхнул массивный перстень, он поманил вымуштрованного ординарца – немая команда наполнить рюмку. Тут же еще два раза подряд рюмка опорожнялась, и только после этого, вначале с трогательной любовью полакомив мальчиков и сам почавкивая шоколадом, князь продолжил: – Ничего коньячок... А из твоего песнопения, чечен, я ничего не понял. Может, переведешь.

– Это не переводится, – словно огрызнулся горец, и вдруг каким-то дерзким жаром бури сверкнули его глаза. В предэшафотной ночной тишине, сквозь жесткий треск разгоравшихся поленьев послышалось ядовитое шипение недалекого морского прибоя и на фоне этого вкрадчивый голос Инкоты: – А, впрочем, достопочтимый князь, я бы мог свою песню, как предсмертный крик души, выразить языком горского танца – лезгинки!

¹ Из письма Л.Н. Толстого А.А. Фету после прочтения «Сведений о кавказских горах». Цитируется по кн. «Чеченская народная поэзия – в письмах XIX–XX вв.».

— О! — явно взбодрился князь, еще дважды возносился его драгоценный перстень, кровь закипела и в нем. Он нежно склонил голову к своим сыновьям, коих он боготворил, мечтал передать свою удачу и славу, всюду возил с собой. И теперь они сидят рядом, по обе его ноги, как подрастающие столпы княжеского рода. — Ну что, дети мои, посмотрим, как горец перед смертью танцует? А этот джигит танцевать умеет. Развяжите его.

Еще раз пришлось князю повторить приказ. Охрана на взводе, с десятков стволов с штык-ножами почти в ребра Инкоты впираются. А он, как почувствовал свободу от пут, глубоко и счастливо вздохнул. Победным озорством, по-иному блеснули его глаза. И он, вначале медленно, как бы избавляясь от щекотки штыков, стал танцевать, наполняя прохладу ночи своим неистовым криком, а потом заразив своей грацией и азартом, заставил штыки расступиться. И как понеслась джигитовка, даже пламя костра, ярко вспыхнув, позже чуть не погасло от напора такой страсти. А горец совсем разошелся, закружился на месте — пыль кругом, а его громадная тень то змеей изовьется, то орлом взлетит, то снежным барсом зарычит. И вдруг, как молния в ночи, он сделал резкий выпад в сторону князя, тот машинально отпрянул, а горец мигом схватил близнецов и с ними лихо бросился в самое пекло...

... Тут рассказчик надолго умолк. В гроте и вокруг наступила тишина, которую нарушил охранник:

— А дальше что?

— А дальше, — Ваха жестом подал знак Кнышевскому, — дальше, если ты действительно из этих мест, ты обязан знать историю Инкоты, хотя бы ее конец — он очевиден.

— Конечно, знаю, — с вызовом прохрипел охранник. — Инкота бросил в огонь мальчишек — отомстил. Ужас сковал всех. Поднялся крик, паника, переполох. Под этот шум дерзкий горец сумел вырваться из лагеря и скрыться в ночной степи, хотя конечно же ему вслед стреляли.

— Эх ты, — с усмешкой отозвался Мастаев. — Конец этой легенды совсем иной... Да, Инкота с близнецами прыгнул в огонь. Однако, как настоящий благородный чеченец, он никогда бы не

смог погубить детей. Он был так заразителен и азартен, словно его танец игра – веселье и смех, что и дети, не подозревая о грозившей им опасности, беспечно смеялись, когда Инкота с детьми выпрыгнул из огня, близнецы все еще радовались чуду... А их отец – князь – от такой выходки сразу же духом обмяк. Все в замешательстве бросились к нему. Воспользовавшись суматохой, Инкота бросился в бесконечный мрак звездной степи. Оружейный залп, как салют, прозвучал ему вслед. И никто его после этого не видел. Видимо, потому что:

Его тело стало достоянием земли.

А его душа улетела в небо!..

– А ты, охранник, как тебя кличут, – «ястреб»? – закончил с вызовом Мастаев, – всего этого ты знать не можешь, потому что ты на самом деле – «удод», не местный. Ты с детства рос как невольник, в люльке-качалке, и теперь как холуй выслуживаешься – якобы в своих горах, своих же земляков истязашь и калечишь. Ты не чеченец, ты пришлых нравов.

– Заткнись, – злобно прохрипел охранник. Слышно, как он бросился к небольшому зарешеченному проему.

А Мастаев Кнышевскому:

– Он не видит монитора. Стань у выхода, кость возьми.

– Он нас пристрелит, – простонал Кнышевский.

– Не посмеет, тогда и ему хана. А впрочем, лучше как Инкота. Те, что сюда уже едут, нас тоже не пощадят.

– Вылазь, кому сказал, вылазь, гад, – решетка с режущим скрежетом раздвинулась, там уже зловещая тень.

– На позицию, – по-военному приказал Мастаев, толкая напарника к выходу, а сам стал с вызовом прямо напротив.

– Вылезай, кому говорю, вылезай! – согнувшись, в проходе появился «ястреб», наперевес автомат. – Вылезай! На выход, сука!

– Не могу, – будто поддразнивает Ваха. – Твои пути сдвигаться не дают.

– Ах ты, сволочь, – под ногами Мастаева прошла автоматная очередь. Увидев, что и тогда узник не испугался, охранник протиснул свое огромное тело в грот, и в это время Ваха бро-

силлся всем весом с оковами на руку с оружием. Автомат строчил наугад, пока весь заряд не иссяк. А Митрофан Аполлонович почти в том же ритме яростно долбил древней костью немудрено обросшую башку мучителя.

* * *

«Ибо ненависть никогда не остановить ненавистью: ненависть можно остановить только любовью – это древняя истина», – так сказано в аятах Кавказа. Это лейтмотив мифологии и священных писаний. Однако люди на свой лад трактуют метафору вечности. И вместо того, чтобы очистить свою собственную душу, некоторые фанатики пытаются очистить мир. И при этом с чистой совестью и сознанием своей правоты они разжигают огонь священной войны против некрещеного, необрезанного язычника, туземца, в конце концов против самого близкого, даже отца.

И в этом ничего нового, а тем более удивительного нет, ибо ящик Пандоры¹ давно открыт, в мифологии сплошь и рядом встречается отцеубийство. И чтобы как-то смягчить легенды, замещают фигуру отца неким жестокосердным дядей либо просто чудовищем. Хотя мы знаем, что образы сына-отца-чудовища в мировом хаосе – это одно целое. Смысл некоего конца в возрождении нового. И вся эта мифология, которой как метафорой вооружен Мастаев, является просто идиллией «реакционного» идеализма, а современный мир – это всякие разновидности марксизма-ленинизма, это воинствующий атеизм и материализм, который все эти «отцеубийства» объясняет очень просто – диа-

---

¹ Пандора (всем одаренная) – в греческой мифологии, когда Пандора открыла сосуд, врученный ей богами, в котором были заключены все людские пороки и несчастья, по земле расплозились все болезни и бедствия. Только надежда осталась на дне сосуда, так как Пандора захлопнула крышку сосуда. Так люди были лишены даже надежды на лучшую жизнь... Но явится герой...

лектически, как основной закон философии – отрицание отрицания, и далее, классовой борьбой, которой вооружен Кнышевский... И если с помощью простой легенды Мастаева узники смогли выбраться из грота, то и далее наивный Ваха полагал, что у поверженного охранника будут ключи от оков. И каково было разочарование, когда горец уже пытался булыжником перебить железо. К счастью, Митрофан Аполлонович знал систему этих кандалов – один выстрел в замок и им нечего более терять, даже «своих цепей». И они уже не пролетарии, и не узники, но и не свободны, потому что в рации все требовательнее и настойчивее вызывают «ястреба», волнение и напряжение с обеих сторон.

– Скоро они будут здесь, – жизненные нотки появились в голосе Кнышевского.

– Встретим внезапно, – взялся за оружие Ваха.

– Ты что – болван! Думаешь, и этих, как «ястреба», баснями накормить... Это элитный спецназ, значит, со страховкой в горах – два отделения, четыре БТРа. Два дохляка – против двадцати... Надо бежать, ты ведь знаешь местность.

– Знаю – тупик.

– Что?! Не может быть! – разъярился Кнышевский. – Должен быть выход!

– Есть, – тихо ответил Ваха. – Только трехтысячник – пик Басхой-лам. Тропа крутая. Спуска нет... Одолеем?

– Что? Да я сейчас и Эверест покорю... Я хочу жить, я должен жить, чтобы им отомстить... Я думал, конец, а тут. Показывай путь! – властно приказывает старший.

И тут они разом умолкли, стали, остолбенело глядя поверх гор. Рация умолкла. Та же ночная тишина. И только мерно-привычный, неугомонно-гармоничный рев горной реки, и никаких иных звуков нет. Внезапно, озаряя звезды, в небо устремились лучи прожекторов. Это совсем рядом. Видимо, последний подъем преодолевает мощная военная техника.

– Мастаев, берем все необходимое, уходим, заматавая следы.

Как у кадрового военного, команды Кнышевского стали четкими, ясными, короткими. И если Ваха взял только нож, топо-

рик и искал веревки, то Митрофан Аполлонович думал о провизии и оружии, взял даже гранатомет и гранаты.

– Этого не надо, – злился Мастаев.

– Это всегда надо... Не учи меня, салага.

Тут ядовито-мощный луч фар резко обрушился, осветив теснину ущелья, оживляя страшные тени ночного леса, сквозь которые ползет прямо на них этот огнедышащий язык чудовища, рев которого ужасающе нарастает, а от многократного эха невообразимо страшен.

– Бежим, – крикнул Кнышевский. – Указывай путь, нам надо скрыться.

– Хм, – усмехнулся про себя Мастаев, – «скрыться», то есть по-ленински уйти в подполье... Нет. Это родная ночь, родные звезды, родные горы. И ему снова предоставлена свобода жить. Значит, он герой. Он по-прежнему должен совершить великий подвиг. И пусть это не первооткрытие, а открытие заново. Однако ночью Басхой-лам вряд ли кто покорял. В этом есть интересный оборот его рискованного приключения – из страны узников и мертвых в гроте, из страны, где правят дьяволы и демоны, вооруженные самым современным оружием, в страну, где солнце над просторными альпийскими лугами Макажоя, где еще звучит мелодия цвета и любви пчелиной семьи из разбитого фортепьяно Марии. Там, где сладкий, целебный мед! И это восхождение, как и вся жизнь, было предопределено, словно единственный путь из преисподней в рай, где не может быть оружия! И, видимо, поэтому, когда лишь переходили вроде бы небольшую, да бурлящую, уже леденящую речушку, Кнышевский не раз, спотыкаясь о валуны, падал в этот неугомонный поток, да так, что сам понял – с гранатометом в будущее не по пути.

Вот они уже уперлись в скалу. Не зря Мастаев здесь не раз проходил, почти на ощупь он определил, где тропа, задрал голову – ничего не видно, все с темным небом слилось. Лишь одна звезда манит.

– Аполлоныч, одолеем?

– Не такое одолевали, – и все-таки стучат зубы Кнышевского, – показывай путь, – торопит он.

Ваха полез; сразу почувствовал, как тяжело: ночь, после гро-та силы на исходе, легче было бы двигаться одному. За спиной Кнышевский часто прерывисто сопел. Вот слышит Мастаев, как напарник разом избавился от всего балласта: о скалы бились гранаты и пистолет. А потом вдруг Ваха ощутил какое-то странное состояние, словно он в невесомости, совсем один, что стало страшно и он понял – не слышит сопения Кнышевского:

– Аполлоныч... Кнышевский! – во весь голос вопил Ваха. И если бы он попытался спастись сам, то это следовало сделать сейчас, но об этом он даже не думал. Интуитивно знал, что они уже давно, сквозь борьбу и войну, сквозь эти фиктивные, а порой и настоящие выборы с готовыми «итоговыми протоколами», все-таки выбирали единую судьбу, а иначе нет, не было и не будет – человечество едино: участь одного – участь всех. Кто об этом забудет – того ожидает крах. И как на этой крутой горной тропе Басхой-лам – обратной дороги не будет... Да выжить они должны. И Ваха как-то нашел нишу в скале, прислонился к ней спиной и, развязав свою веревку, будто рыбак, стал закидывать ее вниз, понимая, что партнер еще где-то рядом. Не достает. И тогда Ваха пошел на последнее: привязал к веревке офицерский ремень, что сдернул с охранника. Вновь закинул – «клянуло». Крепко-накрепко, как струна, натянулся спасительный трос и не то что Мастаев потянул, просто эта товарищеская спайка, словно живительная артерия, вдохнула жизнь в обоих. Кнышевский, наконец, подал голос.

– Не бросай... Тяни!

Если бы Ваха не чувствовал вслед за собой дыхания Кнышевского, то он наверняка дополз бы до первой спасительной террасы, обнял бы растущую здесь уже окрепшую березку и так бы, наверное, навсегда застыл – так он устал, даже от жизни. Но ему пришлось еще помогать товарищу. И Кнышевский словно насмерть обнял крепкий ствол:

– Я все. Умираю... Лучше бы убили... Дай знак. Пусть нас обнаружат, вызовут вертолет.

– Не хнычьте, – разозлился Мастаев. – Вы ведь кадровый офицер.

– Какой офицер? Дерьмо!

– Вы богатейший человек. Хозяин империи. Один замок в Москве чего стоит.

– Молчи! Этот цветущий мир – был пустыней, а жизнь оказалась бессмысленной. А этот замок – как дом смерти, как лабиринт с исполинскими стенами, по которому я боялся ходить. Все, что я мог, – создавать для себя новые проблемы и ожидать постепенного приближения краха своего.

– Вы же гигант, – как мог старался поддержать Мастаев. – Посмотрите, сколько техники, сколько военных охотятся за вами.

Эти слова подстегнули Кнышевского. Он отпрянул от березки, под ними, словно на ладони, множество фар БТРов, как огненные глаза чудовищ, которые от алчности моргают, – это поперек ходят вооруженные люди, что-то рассматривают. Все это словно немой фильм ужасов, потому что на этой террасе, на этой высоте уже и шума реки не слышно – тишина и лишь крепчающий ветерок с вечных ледников.

– Светает, – подал голос Ваха. – Отсюда нас заметят.

– Их оружие нас уже не достанет, – как военный, вновь стал рассуждать Кнышевский.

– Могут вызвать вертолеты, если уже не вызвали.

– Ты прав, – повыше стал тон Митрофана Аполлоновича. – Надо подкрепиться. Провизию я сберег, – все же он старший, командир. – Что впереди?

– Сейчас переход не тяжелый – пологий, с кустарниками, но затяжной. И до зари мы должны его преодолеть. А там нас с земли уже не видно.

– Вперед, – наспех перекусив, первым вскочил Кнышевский, тут же замялся и, пытаясь разглядеть глаза напарника: – Может, развяжемся, по отдельности. Так будет легче.

– Нет... Все одно.

– Это верно. Тебе без меня... Впрочем, и мне без тебя... «Мы станем гражданами, как станем борцами, не позволяющими помыкать собою, как быдлом, как чернью... Новая борьба нараста-

ет, неизбежно нарастает. Мы сплачиваем свои, пусть еще не густые ряды для грядущих великих битв»¹. ПСС, том 20.

– Может, о Боге вспомним? – перебил Мастаев.

– Но-но-но! – Уже виден на фоне светлеющего небосклона указующий перст Кнышевского. – С той швалью, – теперь он указал вниз, – только по-ленински, по-коммунистически, с классово-революционной беспощадностью и террором. Вперед! Только вверх!

– С Богом! – по-чеченски сказал Мастаев.

– На Бога надейся, а сам не плошай, – процитировав вождя, как-то воспрянул Кнышевский.

Однако этот запал быстро угас. Этот переход не очень опасный. И если Кнышевский сорвется, то потянет за собой Мастаева. Да Митрофан Аполлонович, хотя и обессилел, а жить еще хочет: просто ложится тяжело дыша, а Ваха дергает его сверху, призывая к борьбе, торопя. Потом уже кляня и матеря. Кнышевский поначалу еще огрызался, но скоро и на это у него сил нет. Все чаще и чаще его остановки, все короче и короче их переходы, а рассвет неумолимо настает. И уже небо светлое, голубое, прозрачное. Если солнце из-за гор выглянет, то их наверняка увидят.

– Быстрее, быстрее, – дергает Ваха веревку и раз пригрозил пожом: – Я сейчас ее перережу.

– Режь! – в отчаянии застонал Кнышевский, аж слышен скрежет зубов.

– У-у, осел! – и Ваха из последних сил потянул. Несколько минут он буквально тащил его за собой, а Митрофан Аполлонович от такой заботы совсем раскис, стал непомерно тяжелым и опять заскулил:

– Я не могу... Ваха, не судьба.

– Не судьба? О какой «судьбе» вы говорите? – словно не партнеру, а вверх, горам, со злостью закричал Мастаев. – Разве вы это проповедовали в Доме политпросвещения? Или «Образцового дома проблем» уже окончательно и бесповоротно нет

---

¹ В.И. Ленин. Падение крепостного права. ПСС. Т. 20 – С. 141–142.

и не будет. Выборов более нет, а «итоговый протокол» навсегда готов? Мы рабы, воспитанные в люльке-качалке, и кроме пролетарских цепей более ничего не имели?.. А ваши миллиарды, заработанные на чеченской войне?.. Что умолкли?

Вначале была тишина, только легкий, прохладный, щекочущий слух высокогорный свист неугомонного ветра. И тут Ваха ощутил снизу некоторые движения, так что веревка совсем ослабла, и следом злой рык: «Э-э-у», – словно хищник-чудовище снизу настигает, вот-вот ногу оттяпает, всего проглотит. От испуга Ваха торопливо пополз. И когда даже не то что сил, а просто воздуха не хватало, и он почти задышался, его залитый потом взгляд выхватил скудные корявые ветви низкорослых елей, что приютились на второй, очень узкой террасе, он сделал отчаянный рывок и, ощутив под собой горизонтальную поверхность, пал ничком. И пред ним, в упор, от его воспаленного дыхания покрывшаяся испариной черная, холодная, равнодушная, как вечность, каменная стена, от неприступного величия которой стало не по себе. Ваха повернул голову – красочный, сочный мир утреннего Кавказа разлился перед ним во всем великолепии. Он так хотел бы долго-долго любоваться этой упоительной панорамой, как перед глазами, будто из ада, протянулась грязная с кровавыми царапинами и черными корявыми ногтями лапа.

– Помогите, – как из преисподней, услышал Мастаев шипящий и все же хорошо знакомый голос. Боязливо он протянул было руку помощи; брезгливо отдернул и только тут увидел, что и его рука такая же грязная и в крови... Эти руки крепко сцепились, и тогда появилась голова: выкрашенные в каштановый цвет волосы Кнышевского совсем обесцветились, как его прошлая жизнь, а снизу сплошная седина под стать его изможденному, постаревшему лицу. И только в глазах жизнь, ибо он тут же выдал:

– Врагу не сдастся наш гордый «Варяг».

– Ага, – не без сарказма поддержал Мастаев. – И Ленин, такой молодой, и юный Октябрь впереди.

Почти в обнимку, ощущая учащенное дыхание друг друга, они повалились на узкой террасе, глядя в бездонное голубое небо:

— Кстати, — нарушил молчание Кнышевский, — сейчас, по моему, октябрь месяц.

— Судя по погоде, середина октября: скоро грянут морозы... А к чему вы это?

— До конца года векселя могут быть лишь на моем имени.

— У-у, — взвыл Мастаев. — Вы вновь о деньгах?!

— Деньги правят миром.

— Ну, тогда заплатите, чтобы нас отсюда вызволили. Где ваши векселя?

Надолго замолчали. Теперь глядели на крутую, почти вертикальную, узенькую тропку в скале. Ничего объяснять не надо: обратной дороги нет. А лезть вверх тоже сил нет: и страшно, и опасно. А тут солнышко вдруг скрылось за тучкой. Сразу стало холодно, мрачно, тоскливо, и Ваха не совсем бодро выдал:

— Этот переход не долгий, всего метров двести.

— Я не смогу, — как окончательный приговор грустно выдал Кнышевский.

— Что значит «не смогу»? Вы, кадровый военный.

— Все в прошлом.

— Офицер, спецназ, — это пожизненно... И вам всего-то полтинник.

— После грота — сил нет... Даже если вернусь — снова борьба. Для чего, для кого? Мать — старуха, и я ее по жизни мало видел, не баловал. Сестра алкоголичка... Почти одинок, — тяжело выдохнул Митрофан Аполлонович, — и оплакать меня некому.

— Плакать рано, — осторожно, избегая края пропасти, Ваха как-то умудрился принять сидячее положение, не выпуская тоненькой ели. — А я должен жить, бороться: у меня сын, — тут он сделал большую паузу, и как тайну: — А еще Мария.

— Мария? — встрепнулся Кнышевский. Не как напарник, а уж больно смело он тоже сел и даже с откровенным вызовом свесил ноги на край скалы. — Так ведь Мария, — тут он запнулся, в упор глянул на Ваху и, видя, что тот, выдержав взгляд, все же молчит, сказал: — Она без ноги, калека.

– А я не ноги люблю, а Марию, – жестко сказал Мастаев, почему-то именно в этот момент вновь выглянуло теплое, яркое солнышко, словно в мире появилась надежда.

– Вот сколько тебя знаю, а никак не пойму.

– Хм, я ведь дурак.

– Это подтверждено судом.

– Каким судом? – возмутился Мастаев.

– Да, какой в России суд, что «итоговый протокол», – Кнышевский отвел взгляд, меняя тему, – погода-то портится, вон, тучи кучкуются.

– Надо торопиться, – опираясь о скалу, Ваха осторожно встал, как бы боясь, что его ветер сдует.

– Мастаев, – не меняет позу Кнышевский, – я не только морпех, но и горный десант – эту вершину мы не одолеем, ты загнал нас, действительно, в тупик.

– Я эту вершину покорял, и не раз! – вскипел Мастаев.

– Видать, было летом. А сейчас осень. Чуть выше, если не лед, то от холода конечности сведет. К тому же, туча ползет мрачноватая – будет скользко.

– Ты собираешься здесь подыхать?

– Нет, просто те архаровцы, – он указал вниз, – небось, уже вызвали вертолет.

– Вставай! – Мастаев дернул за веревку, соединяющую их.

– Я не могу. Сил нет... Да и некуда мне идти. Не к кому! – вдруг истерично завопил он. – Из-за тебя, болвана, Дибирова-старшая не вышла за меня замуж... А женщина! Какая была женщина!

– А при чем тут я? – усмехнулся Мастаев.

– А при том. Вы, чеченцы, ведь не такие, как все. Вы, особые! Я только теперь понял. Оказывается, все человечество в люльке-качалке воспитывается – рабы. А вы нет. Вы «свободны» от рождения, вы потомки Ноя – болваны.

– Ха-ха-ха! Так Виктория Оттовна-то не чеченка, – искренне рассмеялся Мастаев, даже спасительную ель отпустил.

– Так она похлеще вас заразилась этим кавказским аристократизмом. Нищая, а нос воротит.

– Но-но-но! – подражая, то ли подтрунивая, как Кнышевский любит говорить, погрозил Ваха. – Она отнюдь не нищая, тем более духом... Кстати, а что я ей такого наболтал? – Мастаев, уже явно издеваясь, подергивает веревку. – А хотите, скажу, и она выйдет за вас замуж. Только вам надо стать человеком.

– А что я, не человек?

– Вы ленинец. А это ложь, ложь и ложь, как учиться, учиться и учиться, – чтобы захватить власть, грабить, насиловать, править всем миром, что, к счастью, невозможно.

– А что возможно?

– Верить в Бога. Читать не Ленина, а Библию, Коран и другие древние вроде бы наивные мифы, легенды и сказки, где счастливый конец, то есть начало, когда мы одновременно женимся на матери и дочери Дибировых.

Казалось, даже природа усмехнулась: по крайней мере ветер так игриво засвистел и такой резкий, мощный порыв, что беглецы разом бросились к хилому стволу ели; их ошалелые глаза впились друг в друга, когда Кнышевский шептал:

– Слушай, Мастаев, ты хоть дурак, а соображаешь. Ради такой сказки следует побороться, надо жить!

– Свобода жить! – закричал Мастаев.

– Да-да, свобода жить! – вторил ему Митрофан Аполлонович. И тут, словно опьяненные, ничего более не боясь, вскочили в полный рост, как на земле: – Ты знаешь, какая она женщина?! Какая женщина! – восклицал он. – А как она играет, как Виктория Оттовна поет!

– Мария лучше! Гораздо лучше играет и поет! – возражает Мастаев.

Под этот игривый, как и тема их спора – музыка и женщина – треп, они быстро стали готовиться к решающему восхождению, тем более что ничего затейливого не было: они вновь, как и всегда по жизни, в одной упряжке. Правда, теперь Мастаев, как знаток, и не только местности, а их новой идеологии – древних мифов земли, – ведущий, – он знает, что у их сказки, как у всего человечества, счастливый конец. А вот Кнышевский теперь тоже

хочет верить, чтоб сказка стала былью, вместе с тем в нем еще так много из революционного прагматизма, что он в догмы мифов, как урок или намек, мало верит; поэтому ведомый.

В отличие от духовной материальная составляющая очень скудна. Ваха вооружен предусмотрительно заготовленными деревянными колышками для особо опасных мест. У Митрофана Аполлоновича теперь штык-нож.

Они сами удивлялись, как резво и быстро начали этот подъем, однако, как в писаниях описано, «сделанное из глины», а годами истерзанное и иссохшее тело человека уже не соответствует дару Бога – вечно молодому духу и сердцу, они скоро вновь выбились из сил. И, как старший, Кнышевский больше, и все дольше их остановки. А Ваха торопит, дергает веревку, как поводырь, а его напарник скулит:

– Ты сказал двести метров, а небось уже полкилометра ползем. Где твой край?

– Не шуми! Береги силы... Вся высота – три двести. Осталось чуть-чуть, держись.

– Я руку порезал.

– Терпи, до наших свадеб заживет.

Не верить в это не хотелось, и они через не могу медленно продвигались, как случился срыв: на одном из самых опасных, почти отвесном переходе, колышек под Кнышевским вдруг обломился. Вот тут, если бы Ваха не подстраховал, вцепился он в выступ, а предательское сознание уже рисует картину, как он словно мешок бьется о скалу, с камнепадом летит и плашмя на металлический люк БТРа... С такой мыслью бороться нелегко, и хорошо, что рядом партнер, которого он только теперь впервые в жизни хочет назвать другом.

– Кнышевский, живой?

– Вершину видно?

– Скоро, – подбадривая друг друга, они вновь пошли. И опять из-под ноги Мастаева выскочила глыба. И благо – вскользь, по плечу, ведь все на волоске, но Аполлоныч удержался... И оставалось совсем немного. И Ваха это уже видел, а Кнышевский по

опыту чувствовал, потому что воздуха не хватает, на перепонки давит, очень холодно, конечности коченеют. И ветер порывистый, свистящий, беспощадный ветер, готовый слизать все живое, как язык ящерицы, муравья. И этот ветер, этот ледяной, и по отношению к их судьбе, ветер пригнал черную, влажную, холодную тучу, так что Мастаев с ужасом отчего-то вспомнил ледяную баню псих-лечебницы. И если бы не друг за спиной, которому он крикнул: «Эй», а тот ответил утрюмо: «У-у», стало бы совсем плохо. А так, храбрясь друг перед другом, они застыли, приледенев к скале, зная, что на этой, теперь уже скользкой тропе их окоченелые руки и ноги не помогут, могут только стоять, но это совсем невыносимо... Они застыли надолго, лишь изредка возгласами подбадривая себя. А потом и на это сил не стало. И хорошо, что в таком густом тумане каждый звук прекрасно слышен, они чувствуют частое, да еще живое дыхание друг друга. И тут до них донесся гул – вертолет, пожалуй, не один. И он не скоро, да исчез. А Мастаев понял, что, как в легендах, это облако спасало их жизнь. Его настроение явно улучшилось, и, как гармония с природой, эта туча стала резво редеть, словно Создатель включил свет – сразу по-светлело. Утреннее солнце подарило тепло.

Ваха знал это место. Отсюда открывается потрясающий вид, словно из космоса, на все Шароаргунское ущелье, по которому блестящей змейкой искривилась родниковая артерия неугомной реки. Осенью эта ярко-пестрая панорама оказалась еще более сказочной, завораживающей. И как когда-то, когда не было войны и у него были дед Нажа и мать, и он был беззаботно счастлив и кричал, когда увидел радугу над ущельем, он и сейчас, увидев вновь ту же радугу:

– Аполлоныч, посмотри, какая радуга, какая красота! – кричал он, как ему казалось, на всю Вселенную. – Мы спасены! Мы выползем из ада... Мир! Какой мир! Свобода жить! Пошли! – он рванулся навстречу солнцу. Однако груз, словно непомерные земные грехи, тащил его обратно. – Пошли! – почти со злобой зарычал Ваха, напрягаясь из последних сил. И тут, точно лезвием по сердцу, как струна натянутся веревка со сто-

ном перерезана. Мастаев вдруг почувствовал телесное облегчение, а в душе наступил мрак — он только-только обрел друга и тотчас потерял его... И была мифическая мысль: броситься вслед, схватить на лету, обоим как-то спастись. Но ведь он не совсем дурак, а лишь по справке и по решению какого-то российского суда. И его ждет сын. И он хочет, ой как хочет покорить гору, чтобы под горку до ночи добраться до родного села. А там пчелиная музыка из фортепьяно любимой Марии.

Эта мысль подстегнула и помогла из последних сил карабкаться вверх. Оказалось, совсем немного — и этот смертельный участок позади. Ваха даже не передохнул, а, как почувствовал надежную опору, глянул вниз и восторженно закричал:

— Аполлоныч, ты здесь? Ай! Держись, держись. Мы будем жить!

Теперь это была не веревка с ремнем, это была спасательная жила, к которой привязано все, что можно, — куртка, брюки и даже рубашка. И вряд ли эта хилая связка, за которую Кнышевский смог вцепиться только зубами, правда, мертвой хваткой, могла бы спасти, то есть удержать, тем более поднять этот вес, — просто, очень просто, это был рукав дружбы, спасения, единства!

...Что ни говори, а они оба повидали жизнь и знали, что все еще впереди. Впереди главные сражения, после которых может быть праздник — тоже впереди. Однако эта борьба, эта победа, сплотившая их, дала им огромный импульс жизни, без которого их дальнейший побег был бы обречен, не один вертолет завис здесь.

— Ну и персона вы, Митрофан Аполлонович, целая армия ищет вас, — с некой иронией говорил Ваха, когда они только волей и характером покорили уже слегка заснеженную вершину Басхойлам, потом почти кубарем понеслись под гору, вплоть до спасительного низкорослого хвойного леса. А когда оказались в густом смешанном лесу, где Ваха знал почти каждую тропку (а они только звериные), им стало спокойнее, и, найдя что-то вроде летнего лежбища медведя, там завалились мертвецким сном.

От ночного холода они одновременно пробудились: оказывается, во время сна они лежали, плотно прижавшись друг к

другу. Было очень темно. Гробовая тишина. Прелый, противно-сальный запах дикого зверя, гниющего мха и сырой земли. Спросонья они еще не могли вполне оценить реальность своего положения, как рядом, почти над их головами, раздалось гортанно-глухое «ху-хуу». В ответ с низины такой же звук, свист, и следом громкий детский плач.

– Шакалы, – от холода выбивает дробь челюсть Мастаева.

– А вдруг, – дернулся Митрофан Аполлонович.

– В берлогу медведя не сунутся, – успокоил Ваха. – Надо дожждаться рассвета.

– Ху-хуу, – снова над головой, взмах мощных крыльев: сова куда-то улетела.

Вновь в лесу тишина, темно, а Кнышевский заерзал:

– Кто бы мог подумать – попасть в такую круговерть... А теперь в лесу, вроде человек, а тропа зверя, жилище зверя. Озверели?

– Сами виноваты, – то ли напарника, то ли все человечество, в том числе и себя, обвиняет Мастаев. – «Образцового дома» – нет, хоть какой-то культурной элиты – нет. А потом, и «Дома проблем» – нет, выборов – нет, лишь ваш «итоговый протокол», в результате ваш суд – как «большевистская тройка» – всех под репрессию... Словом, сук, на котором сами сидели...

– Ты уже сдался? – злой шепот Кнышевского.

– Не я сдался, а вы все «сдали», продали, пропили. Нам надо бороться! – вскочил Мастаев.

– Правильно, – Кнышевский тоже поднялся. – Надо двигаться, не то околеем... И лучше ночью, как звери. Куда пойдём?

– Как куда? Тут рядом Макажой, мой дом.

– Нет ни у тебя, ни у меня теперь дома, – на весь мир злится теперь Кнышевский. – Наверняка там нас ждут.

– Выбора-то нет.

– Надо думать... Пойдем. Все ж веселей и теплей. А рассвет покажет, ведь утро вечера мудреней.

И это утро показало, что их положение не завидное. В небе гул вертолетов, пару раз пролетали прямо над головою. Хорошо, что листва не совсем опала. А пойти до родного села, там

просторы альпийских лугов и невооруженным глазом, глазом охотника, к тому же местного жителя, все видно – кругом по ложинам засады.

– Надо ночью идти, – шепчет Мастаев, – в подлеске хоронятся они.

– Ты думаешь, спецназ такой глупый: ночные приборы есть, – озабоченно говорит Митрофан Аполлонович. – Да что ты забыл в деревне своей.

– На разрушенный дом посмотреть, там разбитое фортепьяно Марии, в нем до сих пор пчелы моего деда живут, для нас мед приготовили, а аромат там какой!

– Сказочник ты, Мастаев, – сплюнул Кнышевский. – Завидую я тебе, дураку. Кроме пчел и Марии, более и забот нет.

– А не надо заботы создавать.

– А как без забот, если даже наш «Образцовый дом» называли не иначе, как «Дом проблем».

– Это вы писали.

– Я пешка, исполнял приказ.

– Хм, – усмехнулся Мастаев. – Зато теперь вы маршал, вас разыскивают как злостного врага.

– Заткнись, дурень, – процедил Кнышевский. Жестом приказав следовать за собой, он углубился в лес, усталый, остановился. – Нам надо где-то перекантоваться несколько дней: передохнуть, подумать, и дабы эти угомонились, мол, шакалы нас съели иль свалились со скалы.

– Есть такое место, день пути.

Это время, когда Мастаев был очень молод и здоров, и мирное небо над головой. А теперь все иначе, и хорошо у обоих боевой опыт – минные ловушки кругом. И еще благо, осень, лес щедро кормит: орехи, переспевший дикий виноград, яблоки, груши, мушмула. А Кнышевский и в грибах знаток; впрочем, как и в методах работы спецслужб... Еще задолго до того, как они подошли к цели, а это глухой хутор в диком лесу, куда трактор не всегда доберется, и живут там отшельниками две семьи, четыре хижин, как сараи, всего с десяток человек, из которых только

двое пару раз в городе бывали. Их жизнь — кукуруза, скотина, ульи, охота, рыбалка, лесной сбор. Гостей они уважают, но к себе не зовут: берегли свою обособленность и даже не знали, что такое цивилизация и что идет война... Однако она и до них дошла. Как беглецы поняли, их и здесь искали: по одноразовой посуде и другим следам десант лишь накануне здесь был. Все разрушено, на месте одной хибары большая воронка — с воздуха удар.

Забыв об осторожности, Ваха бросился к хутору. Только тело древней старухи — осколок в груди. А остальные — то ли их не было, то ли десант забрал, то ли в воронке погребены.

— Сука, тварь! — кричал Ваха. — Здесь вы рушите, грабите, убиваете, а в Москве и в Лондоне — замки строите.

— А я тут при чем?! — так же заорал Кнышевский.

— Как при чем? А на чем ты разжился, если не на этой бойне?

— Я бизнесмен.

— Какой бизнесмен? Ты бандит! И ваш бизнес — война!

— Заткнись! — крикнул Кнышевский.

Однако заткнуться пришлось ему, узнав силу свирепых кулаков Мастаева.

Правда, погибшую старушку они хоронили вместе, слова не проронили. И потом вроде врозь, да из хутора, даже разбитого хутора, уходить не хотели, все же это не дикий лес, и они хотят быть там, где до них люди были. И их всего двое, но и они не могут найти общего языка, друг на друга злятся, как в небе слышался шум: вот когда они друг к дружке — общий враг.

Лишь поздно ночью они осмелились разжечь огонь, и из найденных запасов Мастаев испек кукурузный чурек, пили чай из душицы и мяты, словом, расслабились, и тогда Кнышевский неожиданно сказал:

— Счастливый ты, Ваха, человек. У тебя сын есть, — на что Мастаев, чуть погодя, сказал:

— Митрофан Аполлонович, на мне грешок, как-то ваше до-сье на глаза попало, подсмотрел, и, как помнится, ведь у вас была дочь.

— В том-то и дело, что «была», — печально вздохнул Кнышевский, поправил головешки в костре. — Покурить бы, — вновь наступила долгая пауза, и, как-то поняв ситуацию, Ваха, хоть любопытство и съедало, да не стал теребить душу другу, да, видать, тому необходимо было выговориться, а скорее всего, поделиться, поведать:

— Дочери не было года, когда моя супруга сошлась с моим другом, — я в то время был в командировке, в Афгане... В общем, я вернулся, наломал дров. Сам более пострадал, меня судили, многого лишили. И, как ссылка, я попал в Грозный... А мой бывший друг, отчим Веры, — так звали дочь — сделал неплохую карьеру — военный атташе во многих странах. Там Верочка языкам и прочему прилично выучилась, а потом окончила Лондонскую школу изящных искусств по классу живописи. Она рисовала так, как видела мир, а видела она неважно — с детства очки. Так она и смотрела сквозь толстые линзы, несколько наивно и искаженно воспринимая этот мир как идеальный.

— Внешне Вера пошла в меня, а ее мать была броской женщиной. Кстати, она после и моего дружка кинула, но это другая история, не интересная мне... А вот Вера с детства меня избегала, хотя мне писать и звонить не воспрещалось. С годами я свыкся, что дочери у меня фактически нет, но, повзрослев, она сама потянулась ко мне. А я, тогда нищий агитатор-пропагандист Дома политпросвещения, получаю позорную, даже по тем временам зарплату, еле-еле на бутылку и папиросы хватало. Ну, ты сам это помнишь... А Вера как в детстве меня игнорировала, так потом совсем порвала с матерью. Я, конечно, не расспрашивал, но понимал позицию дочери, которая вернулась жить в Москву, а с нею муж-англичанин, такой же неудачный художник, как их недолгий брак.

Еще один у Веры был после муж, точнее сожитель, тоже художник-импрессионист, ненавидящий Ленина, Советский Союз и меня. От его мазни меня тошнило. Однако я никоим образом не вмешивался в их жизнь, боялся хоть чем-то дочку обидеть, оттолкнуть. Я к тому времени — середина девяностых — как ты знаешь,

уже копейку стал иметь, и я им очень даже помогал. Более того, даже мазню этого горе-художника инкогнито покупал – не помогло. И этот брак дочери распался. И она сама, видимо, поняла, что художника и из нее не выйдет. И до этого Вера помогала мне, ну а теперь стала ведать всей моей бухгалтерией. А размах моих дел, сам знаешь, стал громадным. Вера умница, в то же время окончила очно-заочно Высшую школу экономики в том же Лондоне. Почти все активы были на ней, потому что на себя я не смел что-либо существенное оформить, сам знаешь, почему – госслужащий, чиновник и прочее. А Вера – опора, надежная, четкая, как швейцарские часы и швейцарские банки. Одно меня беспокоило: ни с кем не встречается, все дела и дела. Ее годы идут, а мне страсть как внуков захотелось. Но однажды прилетает из Цюриха: с цветами и глаза блестят... Ну, я понял, обрадовался, когда у нее появились свой стилист, визажист и прочие причиндалы преуспевающей женщины. И она мне говорит: «Папа, я выхожу замуж!» А я, болван, к примеру, даже твой каждый шаг при необходимости контролировал, а тут, с дочерью, посчитал, что надо хотя бы раз в жизни проявить либерализм – не хотел влезать в ее личную жизнь, посчитал – некрасиво.

– А в мою красиво? – перебил Мастаев.

– Это служба, госполитика, так что не путай, – продолжал свой рассказ Кнышевский. – А тогда я, наверное, был счастливее дочери, потому что я видел, как счастлива она. Прозрел я после свадьбы, после роскошной, в миллион долларов, свадьбы, когда я, можно сказать, впервые в упор увидел эту слащаво-ехидную, до тошноты подбострастную умиленную морду зятя... В тот же день я по всем каналам пробил: оказывается, мой зятек, Смирнов Олег Дмитриевич, родной брат... кого бы ты подумал? Никогда, Ваха, не поверишь и не представишь – этой сучки Галины Деревяко.

– Вот это да! – воскликнул Мастаев. – А фамилия?

– Фамилия от первой жены, там двое детей, в законном разводе, и, как я выяснил, та семья его не интересовала... А Галя Деревяко! Какая дрянь! Даже на свадьбе не объявилась, лишь

после, когда я ее к стенке прижал, во всем призналась: мол, она эту комбинацию задумала, вроде без задних мыслей. Ну, да, конечно же очень богатая невеста... А любовь? А любовь, по крайней мере, у Веры есть. Она счастлива. А я боялся это ее чувство хоть немного задеть. Но наблюдение за зятем я установил. Целый год все в ажуре – просто идеальный муж: постоянно цветы, любовь-морковь и прочие глупости молодоженов. И медовый месяц – целый год. Да я все равно что-то неладное чувствовал, ведь я не знал, что за этой сукой стоит не какая-то блудина Деревяко, а мои завистливые друзья-сослуживцы, то есть ресурс одной из лучших спецслужб мира.

– Это потомки вашего кумира Феликса Дзержинского? – так, для уточнения, поинтересовался Мастаев.

– Мой кумир Ленин, – резко оборвал Кнышевский, а, поостыв, уже более тихо: – Был... А Дзержинский экспроприировал экспроприаторов, а нынешняя мелюзга – своих.

– Хм, а какой им резон меня, нищего, трогать? – грустно усмехнулся Ваха. – И если бы спецслужбы, как изголовавшиеся крысы, друг друга порой не поедали, миру давно бы конец.

– Это верно, – подтвердил Митрофан Аполлонович. Блики от костра отражали на его грязном лице лишь тоску. Наверное, он и не хотел рассказывать – больно вспоминать, да Ваха спросил, что дальше.

– Вера забеременела. Мы были счастливы и встревожены одновременно, потому что врачи предупредили – последний шанс стать матерью. Понятно, что Веру мы от работы отстранили, а на ее место – зятек: у них законный брак. А еще я не знал: Вера дала ему генеральную доверенность на ведение дел и прочее, словом, втерся в доверие. Я смотрю, он такой смекаливый, работающий, шустрый. Я даже стал им доволен: свой в доску. И я, осел, думая, что укрепляю позиции семьи, на самом деле старался для своих врагов, за этого негодяя выложил круглую сумму – замминистра России. И тут Вера, будучи уже на седьмом месяце, забила тревогу:

– Папа, – говорит в ужасе, – я увидела его без маски – это двуличный изверг, он не любит и не любил меня никогда.

Вначале я подумал, что моя дочь – художница, фантазер, да и смотрела ведь она на этот мир сквозь свои толстые линзы как-то иначе. К тому же для меня тогда главным было, чтобы беременная дочь особо не волновалась: я всегда рядом с ней, я всего стал бояться. А она все о делах и делах и буквально заставляла меня срочно, тайно вылететь в Цюрих. За сутки я справился, а Веры уже нет, мол, самоубийство, отравилась – тут Кнышевский надолго умолк, не в силах говорить: – Жизнь вмиг обломилась... Но я не сдамся, я еще им всем отомщу... Мы отомстим, – он испытующе глянул на Ваху, а тот спокойно:

– А почему они вас?

– Не могут, нельзя. Та последняя поездка в Цюрих все их планы поломала... Если я умру, есть мой опекун. Если он умрет, тогда все мои капиталы завещаны благотворительному фонду.

– А кто опекун? – поинтересовался Мастаев.

– Много будешь знать, – тут Кнышевский как-то странно усмехнулся, вновь погрузился. – Лучше бы я все потерял, стал нищим, лишь бы Вера осталась жива, – он снова заплакал. – Теперь Веры нет, и ничего нет.

– Они все присвоили?

– Пытаются... Хе-хе, но ты со своими сказками пробил брешь в их идеях и идеологии, где деньги – все: и Бог, и царь, и жизнь... Ты мне и дальше поможешь, – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал Кнышевский.

– Что я могу, – так же неопределенно ответил Ваха, и погода, уже печально глядя на догорающие, как их жизнь, угли: – А разве «итоговый протокол» уже не готов? Силы-то совсем не равные.

– Мастаев, молчи! У нас еще есть выбор. Ты ведь сам говорил, что в чеченских мифах герой никогда не погибает и всяким образом, да все же справляется с любым, даже самым грозным и страшным чудовищем.

– Гм, вы стали верить в мифологию?

— По крайней мере, гораздо гуманнее и правдивее, чем наш ленинизм и вшивый либерализм... Я устал, рука что-то болит, давай как-то спать.

Проснулся Кнышевский с рассветом. Его знобило, еще сильнее распухла и болела рука. Спросонья он долго не мог понять, где находится, кто его так заботливо укрыл одеялом, наконец все вспомнил:

— Ваха, Ваха, — он выскочил из разбитой хибары. Вокруг ужасная картина: все разворочено, на дне воронки уже опавшая, пожелтевшая листва. Тишина, не нарушая которой, где-то звенит тоненький голос синицы. Митрофан Аполлонович поднял голову: мощные, вековые, золотистые кроны могучих деревьев, над ними бездонное синее небо, как рай, до которого он никогда не долетит. — Ваха, неужели и ты? — прошептал он и, чуть погодя, сам себе: — Я грезил коммунизмом, вот и получил 37-й год — все репрессированы. Я репрессирован, — его от судороги передернуло. Он более не мог бороться, жить. Почему-то подумал, а может, Вера, действительно покончила с собой? От этого ему стало совсем неважно. Шатаясь, как пьяный, он вернулся к ложу, с головой залез под одеяло, надеясь, что спрячется от всех и самого себя. Таким жалким он себя никогда в жизни не ощущал...

— Аполлоныч, Аполлоныч, — уже в полдень разбудил его голос Мастаева.

— Ай! — с испуга закричал Кнышевский, а потом захохотал. — Ваха, что это с тобой? Кто тебя так «откормил»?

— У-у, — рядом опустился усталый горец, — мои пчелки меня не признали, всего искусали. Болит.

— Ты был в Макажое?

— Мед, альпийский нектар, — лицо Вахи так распухло — глаз не видно. Зато в руках бочонок, и он доволен. — Побывал дома; разбитый, но еще стоит. И фортепьяно Марии все так же перекошено. А меда в нем!.. Пчелки меня позабыли, у-у, злucie, еле ноги унес.

— И тебя не засекли?

— Нет там никого. То ли нас похоронили, то ли интерес к нам пропал.

– Интерес к нам не может пропасть, – грустен голос Кнышевского, а Мастаев, наоборот, возбужден:

– Попробуйте мед... Аромат! Целебный нектар... Он нам сил придаст... Давайте, и на руку лучшее лекарство.

Ваха обработал рану медом, перевязал:

– Еще ешьте мед, ешьте, не помешает. Только водой запивать нельзя, – так он заботился о друге, как они разом застыли: как летящий дракон, нарастающий гул вертолетов.

– Бежим, – разом крикнули они.

Ваха устал, бочонок в руках, и то он подгоняет Кнышевского. Они достигли лишь середины заросшего густым лесом горного склона, как прямо перед их глазами над хутором завис вертолет, спрыгивает десант. Тут же две, видать, поисковые собаки. При виде их Кнышевский в страхе прошептал:

– Теперь нам хана.

Обреченно, тяжело дыша, они застыли как вкопанные, понимая, что от такой погони им не уйти, как Мастаева осенило:

– Бежим туда, – он указал вдоль склона – почти на виду.

– Тогда уж вверх, – противился Кнышевский.

– Я знаю, что говорю. В том урочище, – объяснял Ваха, – большая волчья стая.

– А почему только там, а не везде?

– Волчий закон. У них, как у спецслужб мира, лес поделен между стаями и границу переходить – нарушать волчий закон. Хотя у спецслужб законов нет, есть интересы.

– К чему весь этот винегрет? – спецслужбы, волки, – рассердился Кнышевский.

– А к тому, что в том урочище так силен волчий дух, что собаки туда даже соваться боятся, не то чтоб след брать... Бежим.

Они двинулись вдоль склона вверх. Кнышевский ступал все медленнее и тяжелее, все чаще он останавливался, обнимая дерево, а потом уже стал падать. И никакие уговоры не помогали. И все же психика человека – большой секрет, да имеет в запасе множество сил. Это Мастаев, отчаявшись, вдруг сказал:

– А за дочь вы не хотите ответить?

– У-у! – задрожал Кнышевский, сопя, словно старый трактор, он буквально пополз вверх.

Вниз они катились, Кнышевский чуть ли не кубарем. Больно ударились о деревья, не имея сил остановиться. На дне ущелья маленький, очень холодный, прозрачный, сладко щебечущий родничок, который, как в мифах, не только их жажду утолил, не только их остудил, но значительно успокоил, ублажил, жизнь наваял.

В сухом месте под мощными, густыми корневищами огромного поваленного дуба они обосновались, зная, что двигаться больше нет сил. Медленно, смакуя, по очереди стали пить душистый мед из бочонка.

– Какой красивый лес! – неожиданно сказал Кнышевский.

– Весь мир красивый, – поддержал Мастаев.

Они заворуженно любовались очаровательным яркоцветным осенним пейзажем, когда лай собак встревожил этот восхитительный мир.

Как перед смертью, они вцепились друг в друга, теперь глядя на иной мир: почти взвод десантников, две собаки, а те почему-то уже не лают, лишь скулят, поджав хвосты, и даже след не берут, жмутся к солдатским сапогам, получая пинки.

– Они и без собак нас найдут, – нервно заерзал Кнышевский. – Мы наследили.

– Тихо, не паникуйте... Если собаки не идут, то зачем солдату в дикий лес соваться: тут и зверь, и боевик, да и мы ведь не лыком шиты. Как-никак, а за нос их водим... Ну а солдат-контрактник, он-то от ваших миллиардов долю не имеет. У них – солдат спит, служба идет.

Почти так и получилось. Десантники поняли, что их за склоном не видно. Устроили привал, долго подкреплялись, потом вздремнули, аж Кнышевский возмутился:

– Ну и армия у нас! И это вроде элита.

– Вы не рады? – непонятен тон Мастаева. – Разложение армии – одна из целей войны в Чечне.

– Ты, Мастаев, и политик, и аналитик, и психолог.

– Главное, чтобы не псих, хотя справка есть... Тихо, – десантники стали собираться.

Гул улетающего вертолета давно стих, уже сумерки сгустились в лесу, когда беглецы осмелились покинуть свое убежище.

Поднявшись на место, где стояли десантники, они искали объедки, а Кнышевский собирал окурки.

Совсем осмелев, они отважились пойти в разбитый хутор, ночевать хотелось по-человечески.

Еще пару суток, поочередно заступая в караул, они провели здесь. А потом провизия кончилась, и они, вооружившись вилами и косой, пошли к медвежьим берлогам, – место, которое Ваха давно знал.

С помощью остатков меда Мастаев на запах выманил из берлоги только что залегшего на спячку молодого, еще не опытного медвежонка... Этим целебным мясом и жиром они питались еще три дня. Можно сказать, отдохнули и окрепли.

Ваха видел, что Кнышевский все время о чем-то думает, просчитывает, а он о своем:

– Аполлоныч, скоро снег, следы, да и мы в мороз не выживем, топить-то днем опасно... Ну а если ваши друзья или враги вдруг додумаются разыскивать нас с помощью местных боевиков, то эти похлеще волков – нас вмиг найдут... Надо что-то предпринять.

– Ты прав... У меня есть план, – теперь тверд голос Кнышевского. – Ты сможешь перейти границу? Лишь бы ты был вне России.

– А Чечня?

– Чечня всегда была и будет вместе с Россией, как мы с тобой.

– Грузия устроит? – спросил Ваха, и видя одобрение: – Нет особых проблем. А вы?

– А я в Москву.

– Как? Опять в пасть этого чудовища?

– Все будет в порядке. Другого варианта нет. Я выйду к регулярным войскам, на любой блокпост и буду под охраной. А ты – за кордон. Я тебя в любом случае найду... Если ты три месяца от

меня вестей не получишь, то позвонишь Дибировой Виктории Отговне. Я ей дам знать. А до этого смотри, не вступай в контакт ни с кем: ни с сыном, ни с Марией. Не подведи меня.

Лесом они вышли к райцентру Ведено. Перед ними были российский блокпост и триколор на ветру.

– Аполлоныч, может, не надо? – пытался отговорить Мастаев. – Ведь там, на севере, чудовище, поверьте мне.

– Выбора нет. «Итоговый протокол» надо переписать, – пытаюсь шутить, ответил Кнышевский. Они крепко, как всегда при расставании, обнялись. Из леса Митрофан Аполлонович вышел один. Еще раз прощаясь, он махнул рукой и неожиданно закричал:

– Пока рабочие и крестьяне не поймут, что эти вожди изменники, что их надо прогнать, снять со всех постов. До тех пор трудящиеся неизбежно будут оставаться в рабстве у буржуазии¹. ПСС, том 34, страница 132... Читай Ленина, Мастаев!

А Мастаев прошептал:

– Вот дурак...

* * *

Покинуть Родину? Какая бы она ни была уродина – нелегко. И Мастаев знает, что «итоговый протокол» не сулит ничего хорошего, а выбора у него нет. Нет, потому что это не приказ, тем более окрик командира или начальника-богатея, – это приказ, точнее, просьба друга.

Ваха изначально понимал, что Кнышевский, сдаваясь или выходя на федеральные, свои же родные войска, однозначно лезет в пасть чудовища. Понимал ли это кадровый русский офицер? Конечно, понимал. Просто у него, как у всей России, выбора не было, но он надеялся, он еще пытался побороться с родным «чудовищем», дабы переписать уже заготовленный «итоговый протокол»...

---

¹ В.И. Ленин. Из дневника публициста. ПСС. Т. 34 – С. 132.

По сравнению с этими почти невозможными глобальными испытаниями задача Мастаева, кажется, предельно проста. Однако на самом деле все не так. Ему кажется, или так оно и есть, — расставшись с Кнышевским, он почувствовал некое раздвоение духа: огромную, исторически связанную с его домом Россию отторгли от Чечни. И хотя Кнышевский ушел на север, а Мастаев — на юг, землю Бог недаром создал круглой: их цель, даже обойдя весь мир, — снова сойтись, ибо лишь в единении возможно противостоять громадному миру, жить в мире, то есть будет свобода жить, а не существовать.

Это все в идейном плане, в плане исторических перспектив, а в реальности Мастаев понимает: Митрофан Аполлонович прав, им надо было сейчас разойтись. Даже по скорости перемещения Ваха почувствовал, как легко ему стало по горам ходить. К тому же он здесь свой и все его. И ты в ответе только за себя, и все кругом родное. А что его ждет на чужбине? Да, эта чужбина ныне манит жизнью его, ибо если иначе — родное «чудовище» сожрет...

Перейти границу... Как можно было единый мир, созданный единым Богом, поделить на множество территорий? Только земные боги, конституции, флаги, гербы, тотемы. Сплошь — идолопоклонничество, а не вера в Бога, в человека, в Библию и Коран и в самого себя... Впрочем, это умничанье не раз омрачало жизнь Вахи. А сейчас он понимает, что здесь, тем более в другой стране, он никто, он не личность, не гражданин. И вряд ли докажет, что полноценный человек, потому что у него нет денег, нет паспорта, даже при себе нет той справки, что невменяемый он, то есть «чечен».

Путь за границу один — в Грузию. Попасть туда, тем более когда дело к зиме, нелегко: сама природа создала границу, а правильное, водораздел — это неприступные, горделивые, вечно заснеженные вершины Кавказа, с редкими перевалами, по которым не так просто, но при желании можно перейти с севера на южный склон Кавказского хребта. Но эти перевалы-переходы ныне контролируют российские пограничники, они на специальных укрепленных высокогорных базах дислоцируются. Тут же, дабы были звания, ордена и боевые, исподволь сосущее

ствуют чеченские боевики. Очень мало, да еще остались кое-где в горах местные жители. Вот они-то и подсказали Вахе, что перейти границу можно за деньги, аж на вездеходе пограничники довезут. Чуть больше заплатишь – вертолет есть. Ну а в случае с Мастаевым, как ему объяснили, с волками жить, по-волчьи выть, то есть пользоваться звериными тропами. Это кабани просеки – этого зверя никакая граница не остановит. Но на этой тропе есть опасность, что приборы пограничников засекут. Тогда как знать. А вот есть еще тропа горной серны, барса, козы. Так там пройти сможет только настоящий горец, и то имеющий опыт, и лаг остался небольшой. Еще пару недель, и из-за зимних бурь тропы не будет.

По тропе Басхой-лам даже звери не ходят. Поэтому Ваха, считая себя чуть ли не альпинистом, выбрал второй вариант: подалее от российских пограничников. С грузинской стороны, как его уверяли, такой службы нет, видимо, никто из Грузии в воюющую Чечню не собирается. Да и что эти непроходимые горы охранять, если Ваха, конечно же это не Басхой-лам, но тут тоже риск, конечности чуть не отморозил, и просто физическая закалка и выносливость помогли, да погода не подкачала.

На южном склоне Кавказского хребта, где климат более мягкий, теплый – почти субтропики, тоже живут вайнахи, чеченцы-кистинцы. Эти чеченцы, проживающие в Грузии, не были в сталинские времена депортированы, их заставили поменять фамилии на грузинский манер – окончания «швили» или «дзе». Не в пример северным собратьям, этот народ гораздо более сохранил язык, традиции, культуру, весь исконно-патриархальный уклад горской жизни.

На первый взгляд они как бы застыли и остались в прошлом времени, и человек типа молодого Кнышевского, вооруженный ленинской идеей «экспроприации и электрификации», точно сказал бы, что этим людям нечего терять, даже своих цепей. И света здесь нет – Грузия стала бедной страной, а на такой окраине лишь примитивный сельский труд. Однако Ваха, с неких пор приверженец мифов, посчитал это место кладзем человечности. До

чего здесь люди добрые и наивные, доверчивые и отзывчивые, несмотря на свою бедность, щедрые, а по духу богатые.

У Вахи был адрес, где он мог остановиться, но здесь в каждом селе, в каждый дом его как дорогого гостя приглашали. Он выбрал маленький высокогорный аул, кругом непроходимые девственные леса, небольшая, говорливая светлая речушка с водопадом, роднички, пасеки, виноградник. Все это чем-то напоминало ему Макажой. А чтобы скрыться от всего мира, большей глуши не найти. Вот почему он здесь остановился.

Первые три дня он почетный гость, а потом три дня мучился, ведь во всей округе мужчин, особенно молодых, почти нет — уехали вслед за, как им кажется, цветущей цивилизацией в Европу, Турцию, Россию.

Тоска одолела. А ведь ему не три дня, а три месяца здесь быть. И тут его осенило: он охотник, кругом лес. С оружием здесь туговато: люди умные, мирные, но одну берданку ему нашли.

Про это ружье, которому лет тридцать, а последние десять лет его и не чистили, рассказывали, что из него первый хозяин, как ни охотился, ни разу в зверя не попал. Продам — та же история. И еще была пара хозяев — ружье «кривое», так и забросили.

А Ваха вышел как-то до зари с ружьем. Сразу понял — в ауле были охотники: несколько собак, радостно повизгивая и от удовольствия виляя хвостами, увязались, задорно лая, за ним в лес.

Ваха и не представлял: лес дичью кишит, а ружье — четыре дуплета, четыре косули в один день. Все мясо раздал. Более он не иждивенец, наоборот, кормилец. И ему даже из соседних сел заказывают не только косулю, но и кабана — грузины едят. И барсука для лечения, и шкуру волка — для украшения, и медведя — для бездетной, и даже рысь — для подарка.

Словом, нашел Мастаев занятие по душе. Время как-то быстро полетело, однажды в лесу подстрелил он косулю, только подошел, склонился над ней, чтобы разделать, как почувствовал и увидел — по блестящему снегу огромная тень надвинулась. Ваха в первый миг испугался, как вкопанный стоит: перед ним на вид старик — пепельная борода по пояс, на нем выц-

ветший, поношенный бешмет из грубой шерсти, еще подчеркивающий былую силу и статью, а за плечом великолепное ружье, да глаза еще по-молодецки блестят.

— На, это тебе, — старик протянул Вахе целый патрон.

Про этого грузина, старика-отшельника, Мастаев уже слышал, даже видел издалека его добротный домик. Этот старик — бывший председатель лесхоза. Лесхозов давно нет, а он так и остался в лесу.

А патрон он Вахе дал неспроста; по охотничьим законам, это значит, что данный лес — его; собаки, что загнали зверя, — его, и подстреленная дичь — его. А охотник получил удовольствие, что возмещается патроном, мол, более ты здесь никто. Ваха все понял. А старик сказал:

— Стреляешь ты здорово, даже из такой развалюхи. Видать, опыт, и не только охотничий... А охота — древний инстинкт, и ради удовольствия сам порою грешу. Но делать из этого промысел — тебе это не надо. А со злобы всю дичь перестрелять — Божья тварь — велик грех. Нельзя.

Не ходить более в лес, в горы, Мастаев не может. И ружье берет и всего один заряд — на всякий случай. И как назло, еще больше он зверя видит, ведь уже февраль. И здесь южнее гораздо раньше наступает весна. И в лесу оживление — птички поют. Но он более не стреляет, так что даже собаки на него злые, зря по лесу бегают — их не кормят. А Ваха любит бродить по лесу, любоваться природой и мечтать о встрече с сыном, о Марии. И считает, сколько дней еще осталось до исхода трех месяцев. И почему-то кажется ему, что Кнышевский его совсем не ищет и, даже если ищет, — не найдет.

Однажды, задумавшись и замечтавшись, он забрел в незнакомый лес и не то чтобы заблудился, да заплутал. К вечеру дождь, перешедший в густой, мокрый снег промочил до нитки. Уже в сумерках шел он по скользкой, поросшей от безлюдья лесной тропе и случайно вышел на дом отшельника-старика. Хотел мимо пройти, да собаки лесника подняли лай. Хозяин его окликнул:

— Знаю, ты чечен отчаянный, дерзкий, да ночью в лесу небезопасно, тем более что зверь на тебя тоже зуб точит. Заходи, промок, заболеешь. Иль не хочешь у отшельника гостить? — у хозяина красивый баритон, говорит он хорошо по-русски с мягким грузинским акцентом.

Войдя за высокий забор, Мастаев поразился: мощный джип и еще техника под навесом, а на крыше спутниковые антенны, аж три.

Внешне дом солидный, и внутри все со вкусом, как княжеские хоромы в кино, и всюду картины, фотографии. Ваха уже кое-что знал, да хозяин поподробнее о себе рассказал. В прошлом он крупный партийный функционер. Не всем угодил — отправили в горы, лесхоз. Ему понравилось, тут и остался, лишь изредка по делам ездит в Тбилиси. Получил прекрасное образование, детей выучил. Они у него при делах: сыновья — в Грузии и в Москве, дочь — художница, замужем, в Париже. Они старику помогают. Правда, навещаются сюда редко, но связь есть.

Ваха побывал в бане, в сухое переодет, и во время ужина за чачей¹ собственного приготовления хозяин осуждал Россию:

— Мы, чеченцы и грузины, конечно, тоже виноваты, ведем себя как шкодливые и строптивые дети. Но Россия ведь сильнее, старше и богаче. А ведь истина — из спорящих виноват сильнейший. А Россия с Грузией как ревнивая, оставшаяся в девках сестра, и с вами как мачеха. А у нас одна история, религия. И я учился в свое время в Москве, и сейчас там сын, внуки... Кстати, хочешь в Москву?

«Почему он спросил именно про Москву?» — подумал Мастаев, а грузин заметил:

— Как Москву назвал, — ты вострепнулся. Там кто-то есть?

— Сын, девушка, друзья.

— Так звони, спутниковый... Не хочешь? Не можешь? Да, злость в тебе сидит. Видать, под прицелом ты долго ходил. И сам невольно сквозь прицел на все живое смотришь. То-то с

---

¹ Чача (груз.) — крепкий спиртной напиток.

твоей мушки ни одна движущаяся тварь не может уйти... Хорошо, что в дичь стрелять перестал. Да все равно, как опытный торгаш приценивается к покупателю, так и ты как стрелок берешь на мушку каждого человека. И ружье ты таскаешь не для зверя, боишься неких людей в лесу встретить.

Тут хозяин сделал многозначительную паузу, Мастаев даже не возразил, а старик продолжал:

– Ты поверил, что дичь – божья тварь, охотиться перестал. Но ты должен поверить в более важное, что любой человек еще более важное существо – это божье создание. И любой человек – это великая тайна. И судить человека, тем более смотреть сквозь прицел, – великий грех, это дьявол в душе. А полагаться надо лишь на суд божий, он всем положенное воздаст. И надо всех простить и попросить прощения у всех, чтобы стать человеком, – значит научиться распознавать черты бога во всем удивительном многообразии человеческих лиц!

– Я об этом где-то читал, – прошептал Мастаев.

– Древняя истина в мифах, данных нам богом, – подсказал старик. – Правда, современный человек в погоне за таким же человеком бога позабыл, а мифы вообще никто не читает, лишь этому верит, – хозяин посмотрел на компьютер. Ваха перехватил его взгляд и не выдержал:

– У вас Интернет есть?

– Конечно, есть! – с некой бравадой сказал старик и тут же усмехнулся. – Правда, не очень разбираюсь. Это дети поставили, чтобы я воочию внуков видел, общался... Включи.

Ваха тоже не особо знаком, да они сумели войти в Сеть, и хозяин сразу понял, что у экрана лишний:

– Пойду спать, устал... А ты делай с ним, что хочешь, а то жаржавеет.

Оставшись один на один с Интернетом, Мастаев первым делом попытался зайти по памяти в известный, роскошный личный сайт Кнышевского – такого нет. Фирма Кнышевского и Кнышевский, как владелец крупнейшей коллекции атрибутики Ленина, – ничего нет.

И тогда Ваха задал поиск – редкое имя – Митрофан Аполлонович Кнышевский. Невероятно – никакой информации о столь богатом и влиятельном человеке нет, словно такого никогда и не было.

Холодный пот прошиб Ваху. Он был готов ко всему, но такое! Стал набирать не только Кнышевский, но и Кнышев и просто Кныш, кем Митрофан Аполлонович был изначально, – ничего. И тогда Мастаев догадался применить антитезу – антипод Кнышевского – его «любимый» зять – вот кем компьютер заполнен. Весь Интернет в подчинении, в услужении: молодежливое, слащавое, ухоженное лицо (точь-в-точь как Аполлоныч рассказывал), словно Мастаев это лицо знал, и уже не замминистра, а первый замминистра, просто образец госслужащего, радеющего за интересы страны и ее финансово-экономический потенциал, и тут же молоденькая, просто модель, жена. Ну, как говорится, повезло человеку в жизни: видать, достоин, башковит. Ах! И все же что-то общечеловеческое есть – тоже горе стороной не обходит: родная сестра, сенатор России, кстати, оказывается, от Чеченской Республики, благо, что невесткой была, неожиданно покончила жизнь самоубийством.

Екнуло сердце Вахи. Полез он в криминальную хронику. Так и есть: по всем версиям, Деревяко на собственной даче убита еще два с половиной месяца назад. Более того, есть данные, что убийца задержан, за неимением улик отпущен. Фамилия подозреваемого в интересах дела не разглашается, но Мастаев подумал – это Кнышевский... До Москвы дошел. И вымещать начал с самой слабой, с женщины. Ну зачем? Зачем всех подряд?

– Эх, Кнышевский, Кнышевский... Надо было в корень зреть, всю систему ленинской всемирной революции или всемирной глобализации менять, а он все так же, по-большевистски, – репрессировать всех подряд... Не вышло. Власть себя бережет... А по мифологии все просто: случился brutальный¹

---

¹ Брутальный (англ. *Brutal*) – зверский, жестокий; разг. – отвратительный.

акт отцеубийства: на смену одному монстру – Кнышевскому – пришел другой – его зять. И его ожидает такая же участь, ибо зять – тоже алчный тиран, деспот, а лишь Бог судья... А Ваха должен всех простить, покаяться перед всеми.

Хотелось позвонить сыну, Марии, хотя бы в Интернете о них узнать. Нет, он этого не сделал, и не потому что слово дал три месяца в контакт ни с кем не вступать, а потому что в нем еще сидит «червь» пропаганды Дома политпросвещения и в этом он един с Кнышевским. На рассвете, уходя от старика, Ваха спросил:

– Можно я через неделю приду, позвонить в Москву надо.

– Да звони сейчас, – развел руками старик. – Ну, как знаешь, в любое время этот дом – твой дом, наш дом, он для всех добрых людей открыт.

С трудом эта неделя прошла, еле-еле Ваха дождался, набрал телефон Дибировых. Голос любимой не изменился:

– Мария, – как тайна, прошептал он.

– Ваха-а? Ваха! – крикнула она, явно трубку уронила. Следом Виктория Отговна, уже плачет, – Макаж, Макаж, беги, отец объявился! Ваха!

– Дада, дада, ты живой! Где ты? – давно не слышал Ваха сына, видать, повзрослел, мужские нотки в голосе прорезались. Но отец не только этим удивлен:

– А ты у Дибировых в гостях?

– Бабушка умерла. Я один остался... Мария к себе забрала, – тут долгая пауза, голос у сына тоже срывается. – А мы с Марией верили, что ты живой. Ты ведь рассказывал, что в чеченских легендах герой бессмертен.

– Души всех людей вечны... Я перезвоню.

Мастаев звонил бы каждый день, и старик только рад в добром деле подсобить, да Ваха знает, что это дорого, – у него самого денег нет. Можно было бы в райцентр поехать, а в его ауле связи вообще нет. Вот и бегаёт Мастаев к старику отшельнику, у кого, как ни странно, связь с цивилизацией. И он Ваху как-то огорошил:

– В Россию хочешь? В пасть чудовища?

– Это моя родина, другой нет, и там мой сын, близкие.

– Правильно... Только вот больна твоя родина, плохо чувствует себя этот обожравшийся монстр, подавился.

– Народ в России небогато живет.

– Я не о народе, а о правителях. Впрочем, у нас в Грузии правители не лучше. Добрый человек к власти не рвется, – он широко улыбнулся. – А русские, как истинно великий народ, – люди щедрые, добрые, широкие. И ты к ним с добром иди, в каждом лице пытайся распознать черты бога.

– К чему вы это?

– Да вот, слышал я, что здесь, в ущелье, группу набирают, большие деньги сулят: турок, араб, наш грузин – какой-нибудь болван, и ваши братья-чеченцы – такие же. Идут в Чечню, в Россию воевать, мол, боевики. Мясо. Дураки. Может, и ты с ними идти подумываешь?

– Говорят, им коридор свободный дадут.

– Хе-хе, разве это свободный? – усмехнулся хозяин

– Поэтому я отказался... Думаю, вот немного потеплеет, как пришел по звериной тропе.

– То, что думаешь, хорошо, на то Бог ум человеку дал – мыслить. А вот идти по звериной тропе более не следует: как и твой друг, бесследно сгинеешь.

– Откуда вы знаете? – удивился Ваха. – Разве я под чачу проболтался?

– Нет. Все видно по твоим тоскливо мечущимся глазам, часть себя ты потерял, что делать – не знаешь. Родина есть, а паспорта и гражданства – нет. По звериной тропе пойдешь – по-волчьи завоюешь... А надо с умом.

– Это как? – любопытством блеснули глаза Мастаева.

– У меня в Тбилиси, – как-то бесстрастно говорит грузин, – сын – большой чин. Кстати, я этим не очень доволен. Да сейчас пора его положением воспользоваться... Я уже проконсультировался. Ты получишь официальный статус и справку беженца из конфликтных территорий. Это международный документ, который будет зафиксирован не только в Страсбурге, но и в

Комитете беженцев при ООН... Правда, Россия своеобразная страна, тем не менее, я считаю, это действенное подспорье, да и лишний шум никому не нужен. А ты под патронажем международной организации.

В этой процедуре роль Мастаева была совсем незначительной – два раза его вызывали на собеседование. Через переводчика, кстати, почему-то с чеченского, с ним беседовали иностранные наблюдатели. Вопросы были самые простые и благодушные. Зато сама процедура, вроде как не торопили, затянулась на полтора месяца. И вот ему вручили международное удостоверение пострадавшего от военного конфликта, а с ним авиабилет до Москвы и даже приличную сумму денег – гуманитарную помощь.

Расставание со стариком-отшельником было тяжелое, почти бессловесное... А в Москве ни сын, ни Дибировы не знали о дне его прилета – не хотел, чтобы они в аэропорт приезжали, всякое может случиться. Встречать его должен Башлам, который всегда Ваху удивляет.

Вот и сейчас Башлам у самого трапа с пограничниками стоит, как франт наряжен, а обнявшись – под пиджаком твердь пистолета.

И, наверное, без проволочек Мастаеву бы не обойтись, а тут всего пару часов в особой зоне аэропорта держали: делали какой-то запрос, что-то выясняли.

Если честно, то Ваха трусил, в коленках дрожь. А Башлам бравирует:

– Ты не волнуйся. Тут порядок, и в Чечне порядок.

– А выборы были? – вдруг ляпнул Ваха.

– Какие выборы? Нужны нам выборы.

– Мастаев, зайдите, – Ваху пригласили в отдельный кабинет. Все очень деликатно, перед ним молодая девушка: – Ваша ситуация крайне запутанна, но вы гражданин нашей страны, – она еще долго что-то говорила, объясняла, дала массу бумаг для заполнения, и ему в ближайшие дни предстояло немало мытарств по разным инстанциям, но это все теперь было не в тягость, потому что его уже признали «гражданином нашей страны».

Правда, все это было сразу омрачено: в тот же вечер Мастаев должен был стать на учет в отделении милиции по месту жительства Башлама.

Вот куда всемогущего земляка не пропустили. А Мастаева фотографировали, взяли отпечатки пальцев. Потом был допрос, долгий, не как человека «нашего», а как засланного врага. Однако Ваха помнил слова старика-отшельника: «В каждом лике научись распознавать черты бога, ибо всякий человек — божье создание». И, наверное, поэтому Мастаев говорил только о хорошем: от бомбежек бежал, заблудился в горах, а оказался в Грузии.

Его мифам и рассказам не поверили, да этот допрос закончился, ибо явились люди в штатском, очень напоминающие Кнышевского в молодости. Они увели Ваху куда-то в подземелье, там посадили в машину, и сквозь затемненные, бронированные стекла он снова увидел яркую, ночную Москву.

ФСБ — это не МВД. Вроде все деликатно, а вопросы жесткие, уничтожающие, припирающие к стене, и Ваха уже не может «распознавать черты бога» — наверное, оттого что устал, глаза слипаются, и не только от сна, а от злости на себя, — как он вновь попал прямо в пасть чудовища?

А потом была одиночная камера, по сравнению с которой грот с Кнышевским был рай. И разве возможно в лицах надсмотрщиков научиться распознать черты бога — такой здесь полумрак. Однако Всевышний везде, и в нем был, ибо он о спасении молил, и это почти через сутки случилось.

Мастаева, как уважаемого гражданина, привели в порядок, вывели на улицу — Лубянская площадь солнцем залита, а его встречают корреспонденты, большей частью иностранные, правозащитники с плакатами — «Свободу Мастаеву», и, расталкивая их всех, к нему торопится здоровенный Башлам.

От камер и микрофонов не уйти, и Ваха держит речь:

— Чечня и Россия — навеки вместе. Войны нет и более не будет. Россия — самая демократичная страна, — это все он говорит под диктовку Башлама, который ему на ухо все по-чеченски нашептывает. — Наш президент — лучший в мире.

— Какой президент? Какого президента вы имеете в виду?

— Наш президент, наш, — повторил Мастаев, и следом: — Я очень устал. Огромное вам всем спасибо. Вы спасли меня.

— Вот ты дурак, — будучи уже в машине, говорил Башлам, — что не мог президента упомянуть.

— Ты велел болтать слово в слово. Я так и повторял, — оправдывался Ваха.

— Я ведь не мог при этих камерах фамилию называть — поняли бы.

— А я тебя не понял, то есть исполнил твою волю.

Башлам недовольно фыркнул:

— Быстрее! — это приказ водителю, и чуть погодя: — Зачем нам эта демократия, показуха... Не дай Бог еще по телеку мою рожу покажут.

— В России не покажут, — успокоил друга Мастаев, — тут демократией и не пахнет.

— И не надо. Это либералы в Чечню войну принесли... Кстати, а откуда взялись эти правозащитники, корреспонденты-иностранцы?

Мастаев хотел рассказать о милом, добром старике-отшельнике, да роскошный лимузин как-то не располагал к этому, да и не поняли бы его. А он и вправду устал, как только машина стала в пробку, он сомкнул глаза, предвкушая радость встречи с сыном. Они едут к Дибировым. Как его встретит Мария? И тут Башлам, словно его мысли читал, ткнул по-свойски в бок:

— Марию жаль, хорошая девушка. Но не судьба... Я тебе уже невесту нашел. Во! — он поднял большой палец. — Молодая, сочная! Ух! Даже завидую тебе. Кстати, нашего тейпа.

— Я на Марии женюсь, — сказал, как отрезал Ваха.

— Она ведь, — покосился на родственника Башлам. — Ты хоть в курсе? Она...

— Да, инвалид войны, — перебил Мастаев, — как и мы все физически и морально искалечены.

— Ну, — отвернулся от соседа Башлам, и как бы про себя: — А справку дурака тебе не зря дали... А, впрочем, в этом мире ду-

ракам легче живется. Я сам порой люблю дурачком прикидываться, мол, контузия в войну.

– Ты с рождения контужен, – поправил Мастаев.

– Ха-ха-ха, так это прекрасно, – обрадовался Башлам.

Дибировы снимали квартиру на самом краю Москвы, в стареньком, обшарпанном доме. Уже в подъезде чувствовалось, что Мастаева ждут, – вкусным кавказским ароматом пропитан воздух. В однокомнатной квартире много земляков, все хотят увидеть Ваху. И Ваха всем рад, а на сына смотрит – поверить не может: Макаж вытянулся, тонкий, как тростиночка, уже почти вровень с ним. И все понимали, что кульминация этого мероприятия – встреча Вахи и Марии. И когда первый всплеск эмоций поутих, все вспомнили о Дибировой-младшей. А она под шумок незаметно вышла. Виктория Оттовна набрала ее мобильный: «Я приду, когда гости уедут».

Поздно ночью Ваха оказался в квартире Башлама. Он думал, что сразу же завалится спать, до того устал. Однако в руках был собственный мобильный телефон – подарок Башлама. И он очень хотел поговорить с Марией, а ее телефон отключен, на помощь пришел сын – позвонил и передал трубку Марии:

– Да, нам надо увидеться, объясниться, – грустно согласилась она.

Как долго длилось время до свидания. Боясь опоздать, зная о столичных пробках, Ваха прибыл за час. А погода хмурая, ветреная, так что большой букет в руках не только не удобен, вот-вот грозитя улететь. А сам Мастаев, как всегда при встрече с Марией, уже волнуется, боится, что вновь начнет заикаться, объясняясь в любви, – легче на Басхой-лам взойти, как позвонил Макажой:

– Дада, Мария вышла к тебе... Костыли не взяла. На протез стала, еще не освоилась. Ты присмотри за ней.

Ваха пошел навстречу. Он увидел ее издалека, она очень сильно хромала, гримаса на лице, видно, больно и неудобно. Вот она уже остановилась, облокотившись на парковочный парапет. И тут подоспел Ваха:

– Здравствуй, Мария, – он смотрел только на ее лицо, отражавшее некоторое смятение. И оно было по-прежнему милым, родным, как ее музыка. А ее глаза!

– Здравствуй, Ваха, – вдруг она стала заикаться.

Он улыбнулся, смущенно преподнес ей цветы и сказал:

– Мария, помнишь, как я тебе подарил на концерте первый раз искусственные цветы и всего два?

Она едва улыбнулась, но это была лишь тень радости, а на ее красивом лице застыло страдание.

– Давай присядем, – предложил Мастаев.

При нем она старалась не хромать, а получилось совсем криво, – ей было больно, неудобно, она неловко плюхнулась на скамейку, выставив вперед негнувшийся протез, и, глядя на него, заговорила первой:

– В-ваха, ты должен жениться на молодой... Одна просьба: если Макаж не против, пусть пока поживет со мной. Привязалась я к нему.

– Я женюсь только на тебе, – твердо сказал Мастаев, – если ты согласна. Прощу тебя, согласишься.

– Ха-ха, – как-то выстраданно засмеялась Мария. – И как ты представляешь такую жену? Протез под кровать, и – она закрыла лицо цветами, ее плечи сотрясались от рыданий.

– Мария, когда ты играла на сцене, надевала либо маски, либо костюмы, когда ты играла веселую музыку или грустную, я всегда знал и знаю – это Мария, которую я люблю. А люблю я не ноги и руки, а тебя, только тебя... А протез? Когда-нибудь наши бессмертные души расстанутся с тленными телами.

– Я это сделала по частям, – вдруг прыснула смехом Мария, сразу опять погрустнела. – Ты говоришь о смерти? Я часто об этом думаю. Я боюсь одиночества.

– Надо думать о жизни и предстоящей свадьбе.

– Твоей свадьбе.

– Нашей!

– И как ты представляешь меня – невестой?

– Божественной! Я всю жизнь только об этом мечтал!

Резкий порыв припыленного ветра слегка хлестнул букетом по ее лицу. Как-то отрешенно глянув на цветы, Мария не своим голосом выдала:

– Ты раньше был косноязычным, а теперь словно музыкой звучишь.

– И ты уловила в ней фальшивые нотки? – его тон мягкий, но требовательный.

– Нет, конечно, нет.

Внезапно вместе с налетевшим порывом ветра пошел кося, хлесткий дождь.

– Хм, – хмыкнула Мария, то ли желая показать свою удаль, то ли просто забыв про протез, попробовала слишком резво встать – не получилось. Теряя равновесие, при этом пытаясь удержать цветы, она, наверное, упала бы, если бы Мастаев не поддержал:

– Ну как, невеста-инвалид? – Мария дышала прямо ему в лицо. – Удобно ль жениху подпоркой быть?

– Я всю жизнь мечтал тебя на руках носить. И сейчас бы понес.

Она жестко отстранилась, торопливо заковыляла в сторону дома, словно в такт дождю. Ваха за ней, и у самого подъезда:

– Мария, ты не дала мне ответа.

Она остановилась, обернулась. Ее смоляные, пышные волосы, накрученные перед встречей, уже намокли, прилипли к бледному, по-детски обиженному лицу:

– Ваха, как ты не поймешь? Ведь все чеченцы хором скажут, что ты не зря справку дурака получил.

– А ты на собратьев не обижайся, – доволен Мастаев, – они после войн все контужены... А ты скажи – да. Я прошу!

Под дождем Мария прижала букет к груди, руки дрожат, а лицо спрятано в цветы, словно вдыхает аромат. И тут она, будто ища поддержки, глянула вверх. Туда же и Ваха – из разных окон за ними пристально наблюдали Виктория Отговна и Макажой.

Не ответив, Мария тронулась к дому.

– Твое молчание – знак согласия, – он продолжал идти следом. У самого подъезда она остановилась:

— Ваха, а та надпись в подъезде «Образцового дома» сохранилась?

— Дом в последнюю войну полностью сгорел. Теперь вроде восстановили. Наши квартиры отобрали. «Образцового дома» нет, «Дома проблем» тем более нет. Но выбор за нами. И если мы все будем вместе, то там, я даю тебе слово, всегда будет мелодией звучать — «Мария, я люблю тебя!»

* * *

Конечно, Мастаев знал этот замшелый анекдот, что в России бьют не по паспорту, а по морде. Вместе с тем без паспорта жизни в России, тем более чеченцу, вовсе не будет. И он вновь представляет, что попал в пасть чудовища и надо «на сердце кита станцевать», как это умел по его легенде делать горец Инкота. Однако, видимо, Ваха такой дерзостью и умением не обладал, либо что бы его покойный дед Нажа ни говорил, а времена, действительно, изменились. Словом, не то что сам Мастаев или его всемогущий родственник Башлам, но даже более важные чеченские персоны в этом вопросе Вахе помочь не смогли — не выдали Вахе паспорт: оказывается, в России еще действует в некоторых сферах закон — по решению суда Мастаев ранее уже признан невменяемым. На основании этого могут выдать еще раз копию справки «о невменяемости», а паспорт — это гражданину, имеющему все права, в том числе и голоса, то есть вроде бы выбора. А это ни к чему, ибо всяких прав на основании суда Мастаев лишен, а все его гражданские дела по решению того же российского суда, согласно действующему законодательству, должен исполнять опекун, и это не кто иной, как Кнышевский Митрофан Аполлонович.

Данное решение суда может быть пересмотрено только по письменному, заверенному нотариально ходатайству опекуна, то есть того же гражданина Кнышевского. Однако самого Кнышевского след простыл, словно его и не было в истории человечества. А Министерство внутренних дел России после очередного запроса Мастаева дало официальный ответ — «без вести пропал». Дошло

до того, что Ваха через вездесущего Башлама вышел на каких-то «братков-авторитетов» — может, хоть криминальный мир поможет. Не вышло.

С этими официальными и неофициальными вестями Мастаев вновь и вновь ходил в суд. Ответ один — представьте свидетельство о смерти Кнышевского М.А., либо он должен быть живой — иных вариантов нет. То есть вновь у Мастаева выбора нет, его «итоговый протокол» — как пожизненный приговор. И Мастаев об этом никому сказать не смеет, скажут, и впрямь дурачок, да ему кажется, что все его беды от того, что более нет «Дома проблем» и даже «Образцового дома» нет, и Дома политпросвещения нет. Вместо последнего — Министерство по налогам и сборам. И их не интересует ленинизм, тем более мифология, — в мире иной бог, другая идея — деньги. У Мастаева их нет, уже полгода на иждивении Башлама, пока по инстанциям бегал. А ведь надо самому жить, сына содержать. А Мария?

В общем, думал Ваха, что любое чудовище одолеет, однако российская бюрократия и чиновники — этот монстр не по зубам Мастаеву, такого плясками-песнями-баснями не возьмешь. А подкупить всех — даже Башлам иссяк... В итоге Ваха поступил правильно, как он считал, — жить-то надо. Значит, надо работать. Ваха рабочий-крановщик, и вакансии есть. Да у него паспорта нет, а работа ответственная, рисковать не стали. Еще есть у него опыт типографско-издательского работника, а вот в выборах делах он аж собаку съел. Тут в его услугах нужды нет — СМИ под контролем, «итоговый протокол» готов. Правда, Башлам несколько раз намекал, что у Вахи немалый боевой опыт, но Мастаев не дурак, и эти полубандитские структуры ему не нужны. А вот был у него еще небольшой и не совсем удачный опыт торговли сельхозпродукцией... Вот этим он и занялся.

Доход не велик, а вот работа не из легких. На арендованной «Газели» Мастаев с зарею мчится на оптовый рынок, закупает сельхозпродукты и развозит по разным точкам. Бывает, что скоропортящуюся продукцию не берут, бывает, возвращают, в общем, всякое бывает, а он как белка в колесе, даже выходных

нет, пока с его делом не ознакомился Башлам, – удивился и сразу интенсифицировал его труд и увеличил доход.

Это Башлам вместе с Вахой пошел на один из городских рынков, просто поговорил с какими-то молодыми людьми, как Мастаев их обозвал, – «подозрительными типами», – а в обиходе просто «крыша», и ему предоставили два павильона, двух продавщиц – украинку и молдаванку. Теперь ему самому другие поставляют продукцию. Его дело: утром-вечером – контроль, чтобы продавщицы уж особо не обсчитали, проанализировать, что идет, сделать по телефону заказ. Словом, почти лафа, а учитывая, что и «крыша» его не трогает, налоги или дань он никому не платит, – так что и сыну он теперь помогает, и Марии новый, импортный протез купил, и даже начался период первоначального накопления. А как известно, даже небольшое богатство дает возможность небольшого досуга, после чего лучше думается и анализируется. Так, Ваха пришел к Башламу с деловым предложением: такой же рынок, только на Рублевском шоссе, и та же продукция на порядок дороже стоит.

И туда Ваха вместе с Башламом поехал. Здесь «крыша» соразмерно с ценами гораздо круче – не только «братки» и милиция, а чуть ли не ФСБ.

Увидев такое, Мастаев было отказался от этой затеи. А вот Башлам наоборот. Оказывается, это его стихия в различных разборках участвовать, во всем свою долю искать:

– Мы что, зря за единую и неделимую Россию воевали, кровь проливали? – на боку Башлама выпирает мощный пистолет-автомат, еще в затемненных джипах молодцы сидят, а он твердит: – Мы в ратных делах на передовой, ну а тут – сама родина нам велела быть!

На такую демагогию у местных лишь один нашелся вопрос:

– О какой родине вы говорите?

– Это у вас, жидов и христопродавцев, родин много, – грозно парировал Башлам, – и Израиль, и Америка, и всякие острова... А у нас Бог один, родина одна, да здравствует Россия!

Конечно, видимо, были предъявлены и более веские аргументы, о которых Ваха лишь догадывался, потому что местные торговцы, зло ворча, все же раздвинулись – у Мастаева почти лучшее место. И думал он, что теперь начнется и у него жизнь в разборках, передрягах. Нет, подошел местный участковый. Ваха ему полный пакет, а он в ответ:

– Какая нам разница, кто торгует. Лишь бы все по закону. Вот телефон.

Следом братки:

– Знаем, дань платить не будешь, и не требуем. Но здесь все должно быть цивилизно, тихо, словом, у нас своих забот – выше крыши. Ты здесь старший, за порядком следи. Вот наш телефон.

Нельзя сказать, что после этого жизнь Вахи резко изменилась. Он так же трудится, снимает комнату. Правда, появилась надежда: при таких доходах где-то через год он сможет убедить суд пересмотреть его дело, получить паспорт и иметь все права – даже участвовать в выборах, где он будет против всех, кто сегодня правит в стране, хотя это, может быть, и зря, – «итоговый протокол» не переделать.

Наверное, так бы и жил он, в мещанстве, вечерами подсчитывая прибавочный капитал, грезя о собственном жилье и очередной встрече с Марией. Да судьба, судьба героя, пусть и не совсем удачливого, грезилась ему, потому что он только о такой судьбе, а не о судьбе обывателя, думал и мечтал.

Было лето. Стояли знойные, тяжело переносимые дни в Москве. Сверхбогатые обитатели Рублевского шоссе разъехались по курортам и заграницам, поэтому торговля не шла. И коллеги Мастаева по бизнесу жаловались на убытки, жару, отсутствие клиентов.

Сидя в тенечке своего ларька, Мастаев с презрением смотрел на них, еще больше презирал себя и думал, почему бы ему не плюнуть на все и не уехать в Чечню, в свои горы, где никто паспорт не спросит, а спросит – по морде, по морде, как в том анекдоте. Как вдруг он услышал родное:

– Хм, так ведь это сын уборщицы Баппы Мастаевой... Ваха? Так тебя звали?

В первый момент он эту пожилую, добротню, но все же в траур одетую женщину не узнал, а чуть погода по этой знакомой с детства капризной картавости определил – жена грозненского нефтяника, соседа по «Образцовому дому» Захарова Якова Львовича. И она в той же барской манере:

– А что ты тут делаешь, в Москве? Аж на Рублевку попал!.. Что? Из Грозного нас выжили, сами все там изгадили, теперь сюда вслед за нами притащились... Ах ты, чечен проклятый! Бандит, террорист! Вы нам и здесь житья не даете, мерзавцы!

– Мама, мама, перестань. Перестань, я тебе говорю! – милостивая, средних лет женщина решительно пыталась увести Захарову, а та все кричала:

– Его мать у нас в Грозном уборщицей, в прислугах была, а он здесь расселся баринном, в тенечке чай попивает.

Мастаев уже вскочил, чувствует, как жар взбешенной крови обжигает щеки, словно исхлестали. И будь перед ним мужчина... Тут же продавщица-молдаванка, торговцы-азербайджанцы, соседи по лоткам, его схватили, оттащили назад:

– Ваха, не слушай. Видишь, несчастная женщина, в трауре. Пошли. Успокойся.

В тот же час Мастаев уехал домой. Он думал, что от жары стала болеть голова – не спится, даже ночью перед глазами какой-то кошмар. А мысль – он чеченец, невменяемый, что по нынешним временам почти одно и то же, то есть в чем-то Захарова, может быть, права – все вдвойне, если не в квадрате. Вот только почему в прислугах? – никогда! А вот уборщица... Да, его мать всю жизнь «Образцовый дом» выметала, горбатилась, за это копейки получала. В то время как те же Захаровы, нефтяные магнаты Грозного, жиром лоснились, высохшую черную икру килограммами выкидывали...

«Как же ее звали?» – всю ночь не мог вспомнить имя бывшей соседки. А вот сына помнит – Альберт, лет на десять старше. Очень интеллигентный, правильный. После школы сразу улетел поступать в Москву, так в столице и остался, только изредка позже в Грозный приезжал. Еще дочь – Аида, чуть старше его, тоже после школы уехала в Москву, вроде замужем...

После тяжелой ночи Ваха проснулся как никогда поздно. И если всю ночь он думал, что не поедет более на Рублевский базар, то сейчас захотел – вдруг Захарова вернется. Он хочет с ней поговорить, просто объясниться. И тут звонок, его продавщица-молдаванка:

– Ваха, эта старуха с утра здесь торчит. У нашего ларька сидит.

– Я еду, постараюсь задержать ее.

Захарова в том же трауре. Ее смуглое лицо совсем без кровинки, и лишь веки воспалены. Увидев Мастаева, она попыталась встать.

– Сидите, сидите, – схватив костлявый локоть, Ваха заботливо усадил ее, сел рядом.

Она долго молчала, пахучим платком вытирала глаза, сморкалась:

– Ваха, прости меня... Старая, совсем дурная. Всю ночь не спала. И надо же про Баппу такое. Твоя мать, царство ей небесное, такая женщина – ангел! Сколько она нам помогала! А сколько раз в первую войну спасала!.. И сама от бомбежки... Прости. А как ты нас спас. А я про тебя, твою мать, всех чеченцев... Будто сама не знаю, что еврейка... Как все и всюду поносят нас, – она опять стала плакать. – Ваха, мы ведь так дружно и хорошо жили в Грозном... Хотя тоже всякое бывало... Когда чеченцев репрессировали, мама Яши, баба Яна, из всех чеченских квартир все ценное собрала, до возвращения хранила. А это в те времена было небезопасно.

– Я это знаю, – подтвердил Ваха.

– А ты помнишь бабу Яну?

– Конечно, помню. Она меня всегда конфетами угощала. Почеченски хорошо говорила.

– И Яша чеченский знал, просто говорить стеснялся.

– А как Яков Львович?

– Яша счастливый, умер год назад. Сердце... Все хотел, чтобы его похоронили в Грозном... Как там, в Грозном? А «Образ-

цовый дом»? А нашу квартиру заняли. И твои, знаю, тоже... Нигде нет правды. Особенно здесь, в этой проклятой Москве.

– А почему вы... – тут Ваха осекся, потому что вновь чуть не ляпнул: «А что вы не уедете в Израиль? А она словно его мысль угадала:

– Теперь не могу, – тут могила сына, зятя.

– Альберт? – удивился Ваха. А она как стала рыдать, укрыв лицо платком.

– Да, да, прямо на моих глазах – сына и зятя расстреляли... Слава богу, Яша до этого не дожил, всего пару месяцев спустя.

Больше она говорить не могла, засобиравлась. А Ваха ей полный пакет фруктов в подарок. Сам хотел отвезти, но Захарова наотрез отказалась. Мастаев предположил – боится, узнаю, где живет, даже телефон не оставила. Да Ваха свою визитку уже в отъезжающее такси кинул. И почему-то он понял, что в его жизни что-то произойдет... Ровно через неделю раздался звонок.

– Это Белла Рудольфовна Захарова... Ваха, ты не мог бы к нам приехать?

Конечно, это не замок Кнышевского, правда, в том же престижном месте Подмосковья по Рублево-Успенскому шоссе шикарная дача Захаровых. И почерк дела, точнее беспредела, до боли знаком, потому что в обществе царит безнаказанность, а насилие пропагандируется, возносится, процветает. И это, по мнению Мастаева, оттого, что нет хотя бы какой-то элиты: «Образцового дома» – нет, «Дома проблем» – тем более нет. Зато «итоговый протокол», то есть приговор семье Захаровых, готов: Альберт и их зять, муж Аиды Евгений, конечно же не без капиталов отца Якова Львовича, открыли свое дело – поставки компьютеров, программное обеспечение и все остальное: продажа, сервис, логистика и так далее. Словом, не за один год, а фирма «Захаров и партнеры» стала процветать. И все было нормально: налоги платили, дань была, откаты и взятки, темный нал и серая зарплата. В общем, как у всех в стране, пока однажды на них не «наехали» некие братки, потребовав огромную единовременную дань: долю в бизнесе, человек в руководстве.

Захаровы – люди интеллигентные, по российским понятиям законопослушные, хотя и вынуждены порой с криминальным миром общаться. А как иначе в России бизнес вести?

В создавшейся ситуации, чтобы отвязаться от грубого рэкета, Захаровы обратились к знакомому работнику спецслужб. Тот обещал полную безопасность, но при этом почти те же бандитские условия.

Выбора у Захаровых не было. Теперь их охраняет специализированное охранное предприятие, с оружием. Генерал в руководстве фирмы. Казалось бы, все должно стать еще лучше. Ан нет, все наоборот. Появились следователи прокуратуры: оказывается, фирма «Захаров и партнеры» пару лет назад выиграла какой-то государственный тендер – на бумаге все в ажуре, а на деле... Вопросов много. Да ведь они не должны были быть – все свои обязательства по откатам, взяткам и прочему Захаровы выполнили. Но это к делу не пришьешь. А следователь принципиальный, уже уголовное дело возбудил. Альберт Захаров под подпиской, а зять Евгений даже арестован... После торгов, и то вроде знакомый адвокат подсобил, согласились гособвинители вместо огромного кэша, которого в наличии не было, взять акции фирмы «Захаров и партнеры». Казалось бы, все обошлось. Да через пару месяцев вновь нагрянула проверка, вновь прессинг правоохранительных служб.

Захаровы все поняли. Стали срочно продавать активы, акции. И тут в один прекрасный день их партнер-генерал объявил – он хозяин фирмы, контрольный пакет акций принадлежит ему.

Захаровы тоже не последние люди в Москве. Уже явно зная вредителя, они предприняли ряд контрмер. Да старик подвел – Яков Львович внезапно, скорее всего от этих переживаний умер. Пока были похороны и траурные дни, Захаровы как-то потеряли бдительность, точнее несколько упустили инициативу. А потом пошли, как говорится, ва-банк, думая, что хотя бы разборки будут по-мужски. Нет, их подло, прямо у ворот собственной дачи, когда утром выезжали на работу, расстреляли.

– Мы смотреть уже не можем, а ты посмотри, – Захарова предлагает запись камер наружного наблюдения.

– А охранники? – Мастаев просит прокрутить обратно.

– В том-то и дело, что охранники ни с места. Вроде одного ранили, царапина.

Уголовное дело возбудили. Почти год прошел – глухо. Зато иное дело набирает ход: «О банкротстве компании «Захаров и партнеры». А это лаборатория, сборочный цех-завод, несколько собственных и арендованных магазинов, склад, торговый центр, земля в Москве и Подмосковье. И что самое печальное для оставшихся в живых Захаровых (а это Бэла Рудольфовна, Аида, невестка и пять внуков), их прекрасная дача тоже, оказывается, была на балансе фирмы. Уже приходили судебные исполнители и оценили недвижимость.

Мастаев понимает, что это не миллиарды Кнышевского – масштаб иной, но методы отъема почти те же. Правда, уж очень жестоко – сразу расстрелять. Кнышевский оказался изощреннее, либо систему лучше знал, так сумел подстраховать свое дело, что его, по крайней мере, сразу нельзя было убрать. Да и заработал Кнышевский, точнее, такое можно только награть – уж больно много. И к его насильнику – зятю Кнышевского, по крайней мере пока, не подступиться – замминистра России – высший государственный чин. А Мастаев, разумеется, не обговаривая порядок цифр и не раскрывая все, все же вкратце посвятил Башлама в дело Кнышевского:

– У-у, это масоны, к ним лучше не подступаться, в порошок сотрут, – говорил вроде бы всегда бесшабашный Башлам. А вот когда Ваха посвятил родственника в дело Захаровых, Башлам сразу оживился:

– Так, что за генерал? Знаю я этих генералов... Ты, Ваха, знаешь, что я сам почти такой же генерал, полевой командир и награды за заслуги перед Отечеством...

– За заслуги перед Россией или Чечней? – не без иронии поинтересовался Мастаев.

– Неважно. Главное, я доблестно исполнял и исполняю приказ... Так, дай мне все координаты этих Захаровых.

Мастаев понимал, что полуграмотный Башлам и его друзья, такие же бывшие чеченские боевики (если бывшие), просто действуют как таран, а за ними стоит какая-то сила, точнее власть, кои по-русски сегодня соображают. Буквально через пару дней позвонила встревоженная Захарова:

– Ваха, срочно приезжай. – И когда он прибыл: – Были какие-то очень интеллигентные, воспитанные люди.

– Чеченцы? – поинтересовался Мастаев.

– Я ведь сказала – интеллигентные...

– Мама! – перебила ее дочь.

– Что?.. Ах, что я несу. Ваха, прости, старая стала... В общем, были молодые люди, вот их визитки: Штомбер, коллекторская компания.

– Что они хотели?

– Сказали, что исполняют твой заказ.

В тот же вечер Ваха встретил Башлама в шикарном ресторане, где он завсегдатай, тусовки любит, но никогда не пьет, не курит.

– Что такое коллекторская фирма?

– Ха-ха-ха, – смеется Башлам, – так евреи культурно называют вышибание долгов. А точнее – экспроприация экспроприаторов.

– Башлам, откуда ты знаешь эти ленинские революционные слова?

– Хе-хе, с волками жить – по-волчьи выть!

– Так это про Чечню.

– Это про всю Россию... Впрочем, в других странах я не был. Хотя думаю, что мир один.

– Ты правильно думаешь.

– Научили... Кстати, по этому поводу старый анекдот. Когда нас, чеченцев, выслали в Казахстан, на одном митинге говорят: «Нам Ленин глаза раскрыл!» А казах: «Нет, нам чечен глаза открыл». Это как? А казах отвечает: «Как глаза закроешь – коровы нет...» Так что, брат мой, мы-то пижоним, понты кидаем, но не мы мафия или рэкетеры, мы только исполнители, по чужим правилам, как научили и приказали, – действуем.

А действовали они оперативно, потому что буквально через пару недель позвонила Захарова:

– Ваха, ты видел по телевизору, захватили банду оборотней в погонах. Среди них наш «генерал», тот, что фирму нашу присвоил.

В тот же вечер, как обычно, в ресторане Башлам все прояснил:

– Никакой он не генерал. Мне уже сообщили: старший прапорщик в отставке. Был в Чечне. И эту же методу притащил с собой в центр России. Как говорится, с чем боролись, на то и напоролись... В общем, я уже все про этого «генерала» знал. Конечно, действовал он под прикрытием своих коллег – оружие, удостоверение, информация. Но мы его как лоха обвели... Якобы наслали на фирму его дочери этих чморики – «воров в законе». А этот «генерал» от такой наглости обалдел, буром попер, и тут мы – иди сюда, прямо в капкан... И что ты думаешь, земля ведь круглая и тесная! Один из моих ребят, ты его тоже знаешь, какое-то время в твоём отряде был, признал этого «генерала». Оказывается, этот прапор во время первой войны надсмотрщиком был в Грозненской тюрьме, в пытках лютовал. Как узнал, что мы нохчи, сразу в штаны. Расколослся по полной. А как напомнили про тюрьму, он трое суток о своих похождениях писал... Зверь!

– И вы его не пытали?

– Ну а как ты думаешь? Ведь он тоже должен те же муки испытать, так сказать, подготовиться к аду.

– Ты вроде как земной бог.

– Хе-хе, не издевайся, Ваха... Я солдат, подмастерье, исполняю приказ. Лишь этому нас в Чечне обучили.

– А органам почему сдал?

– Приказ... Свои же сдали, – Башлам налил себе еще чаю. – Знаешь, если бы спецслужбы сами с собой и меж собой не воевали, человечеству – хана... А в целом, все эти мафии, как и спецслужбы, – труха, с ними и над ними бога нет. И поэтому с ними обычные люди ничего общего иметь не хотят – брезгуют и боятся.

Видимо, так и есть, потому что скоро Мастаева вызвала Захарова:

– Ваха, мы даже не верим. Все, как в сказке. Я так тебе благодарна. От всей души! Вот если бы Альберт, Женя... – она заплакала, а потом: – Ваха, просьба одна... Конечно, Башлам тоже хороший парень и я ему благодарна. Но можно общаться только с тобой?

– А что, Башлам здесь был? – удивился Мастаев.

– Да, согласовывал с нами какой-то «итоговый протокол» и предупредил, что выбора нет.

– Что? – изумился Мастаев и, как бы про себя, выдап: – «Итоговый протокол» – есть, выбора нет, «Дома проблем» – тоже нет.

– Как нет? – теперь удивилась Захарова. – Наш «Образцовый дом» снесли?

– Наш дом не снесли. Но он теперь не «Образцовый» и проблем нет, потому что бога нет, а есть царь, князь-губернатор, а остальные – рабы, по готовому протоколу живут.

– Ваха, ты здоров? – забеспокоилась Захарова. – Не волнуйся, ты теперь богатый человек... Что так смотришь? Это в «итоговом протоколе» записано. Мы, в принципе, согласны. Только впредь общаться желаем только с тобой.

– Где этот «итоговый протокол»? – почему-то рассержен Мастаев.

– Твой Башлам даже копию не оставил, сказал, что людям верить надо... Но с мафией общаться...

– Какая мафия?! Башлам, кстати, как и я, в Москве никто. Сошка, к тому же невменяемый.

– Это точно, – подтвердила Захарова, – ты сегодня тоже такой, впрочем, как всегда.

– Ну, мама! – одернула дочь.

Ваха на это уже не обращал внимания, он звонил Башламу. А тот, как назло, не отвечает. И так три дня. Потом сам объявился, усталый, грустный.

– Ваха, ты фартовый. Такое дело подкатил, такие бабки и солидник. А то приходится со всякой мелюзгой за гроши воевать... Служба.

– Где «итоговый протокол», готов?

– А, да... Нам так положено – треть. Лично я – полпроцента, премия, а ты, как посредник, – пять.

У меня выбор есть? – строг Мастаев.

– Больше хочешь? Знаешь, сколько это?..

– Я ничего не хочу.

Наступила долгая, долгая пауза. Башлам, словно впервые видит, смотрел на своего родственника.

– А ты вовсе не дурак... Харам? Хочешь перед богом и людьми чистеньким быть? Не пойдет. Все мы связаны общей нитью, общими делами и грехами. Выбора нет... И не морщись от брезгливости. Лучше вспомни, где ты живешь, где и как живет твой сын? А Мария?.. Или хочешь, как юродивый, всю жизнь со справкой в кармане ходить в поисках своего опекуна Кнышевского? Этот мир – не твои сказки и мифы. Здесь бездуховный ленинизм, всемирная революция – глобализм. И если не экспроприируешь ты, то всю жизнь, как до этого нас, будут экспроприировать тебя.

Через месяц в присутствии нотариуса акционеры компании «Захаров и партнеры» подписывали «итоговый протокол».

– У меня нет паспорта, только справка, – сообщил Мастаев.

– У нас в стране рыночная экономика, – постановил удивленный нотариус, – все продается и покупается.

– Я платил, – обиделся Мастаев.

– То, что не могут деньги, – среагировал нотариус, – могут большие деньги. Вы теперь весьма обеспеченный человек и по нашим законам многое можете себе позволить... «Капитал» Маркса – революционное завоевание человечества, – вознес палец юрист.

– Обеспеченного человечества? – вставил Мастаев.

– Ну, – развел руками нотариус, – если все будут обеспечены, то мир будет без дураков. И жить – скучно!

* * *

Тезис, некогда усвоенный Мастаевым, мол, богатство – это досуг, а досуг дает возможность размышлять, сам Мастаев, став

более-менее обеспеченным, стал подвергать сомнению, ибо большие деньги, как большое стадо, требуют большего к себе внимания. И вместо того, чтобы, как ранее, хотя бы по вечерам и ночам думать, мечтать, отдыхать, он повязан «итоговым протоколом», да и просто словом, что будет компанию «Захаров и партнеры» не просто представлять, но и опекать от посягательств новых «генералов».

Ну а чтобы дело шло, ему надо пахать, во многое-многое вникать, изучать, со многими встречаться и самому развиваться. А личная жизнь? Здесь тоже все постепенно переходит в материальную составляющую, потому что теперь главным стало не согласие Марии, а то, какую он купил квартиру в Москве, какой нужен ремонт и прочее. А это все деньги – баланс – дебет и кредит. И не дай бог другие акционеры в его расчетах недочет найдут. Словом, проблем хватает и выбора нет. Как-то Мария (еще была мать Дибирова), когда обедали в кафе, вдруг сказала:

– А ты, Ваха, изменился, Москва тебя изменила.

– В чем? – Ваха даже не оторвался от блюда.

– Взгляд изменился, потух, нет былой искры.

– У меня друг в беде, – жестко ответил Ваха, а у Дибировой-старшей невольно вырвалось:

– Митрофан Аполлонович жив?

Молчаливый кивок Мастаева был для них как некий шок, а у Виктории Отговны предательски выступили на шее и груди густо-красные пятна.

– А с каких пор Кныш стал твоим другом? – то ли ревность, то ли издевка в тоне Марии.

– Во-первых, он давно, от рождения Кнышевский, – это в детдоме фамилию сократили. Во-вторых, друг, потому что судьбою повязаны, не один пуд соли, как говорится, съели и немало хорошего и плохого повидали. А в-третьих, пока жив Кнышевский, жив и я.

– И где он? – это снова Мария.

– Если бы я знал... Надежно упрятали.

– А как ты узнал, что он живой?

На этот вопрос Мастаев не ответил. Встреча, как все в последнее время, была не совсем теплой, даже напряженной. Это стало порядком с тех пор, как Ваха однажды, вот так же сидя в кафе, безапелляционно ляпнул, точнее постановил:

— Закончу в квартире ремонт, тебе куплю рояль, готовься к переезду.

Может, он надеялся увидеть хотя бы скрытую, да радость на лице, а оно, наоборот, резко омрачилось: темно-синие, большие, глубокие глаза увлажнились; капелька по щеке, в морщинке у рта застряла. И она, вытирая ее, как до горя обиженное дитя:

— Теперь ты даже для видимости не спрашиваешь моего согласия, не говоря уже о чувствах... Ты вечно осуждаешь: «итоговый протокол», всюду готов «итоговый протокол», а людям выбора не оставили. А сам? Сам, как разбогател, тоже даже без формального спроса «итоговый протокол» подготовил. Знаешь, что одинокая женщина — жеро¹, под сорок, к тому же с протезом в приданое, — думаешь, выбора нет? Не надо меня жалеть! И одолжений не надо, — тут она резво встала, уже привыкла к протезу. — Ради Бога, женись на другой, молодой. Это будет правильно. И мне ты ничем не обязан. Наоборот, я за многое благодарна тебе... Прощай.

С тех пор лишь при посредничестве Виктории Отговны или Макажоя Вахе удастся встретиться с Марией. Вот и сегодня мать сообщила, что Мария будет выступать в Доме актера на Старом Арбате. А до концерта они зайдут в кафе, где, как бы случайно, появился Мастаев. Но разговор не клеился, и на прощание Мария сказала:

— Теперь ты даже на мои редкие выступления ходить не желаешь.

— Желаю, — злится Ваха, — но у меня очень важная встреча, и так опаздываю.

— Понимаю, бизнесмен, — вроде безразличен тон Марии. — А в молодости ты даже сверхлюбимый футбол забывал, а на

---

¹ Жеро (чеч.) — вдова, разведенная, свободная женщина.

мой концерт с парой искусственных цветов прибежал, средь бабулек сидел. Ха-ха, а как на будку в окно лазил?

– Мария, перестань! – это урезонирует мать.

– Ах, да, Ваха, прости... Впрочем, про себя-то забыла: безногая дама, инвалид, протез!

Демарш расстроил Ваху, но это не в счет, предстояла очень важная встреча с иностранным клиентом, специально прибывшим из Швейцарии по поводу дела Кнышевского.

Дело в том, что Ваха ни на день не прекращал поиски Митрофана Аполлоновича. Он просто нюхом охотника чувствовал, что Кнышевский живой и даже где-то рядом, понятно, что взаперти. А беспокоится Ваха не просто за друга, и даже не за себя. Он боится за сына Макажоя – наследник. И всякое может быть. Он давно чувствует – его «ведут», идет, пусть и не регулярное, да наблюдение.

Ваха делает вид, что о Кнышевском он давно забыл, по крайней мере уже не посылает официальных запросов в МВД, прокуратуру и Интерпол. Он уже перестал за большие деньги нанимать лучшие российские сыскные агентства – все без толку. Как случай (хотя случайностей в жизни не бывает).

...Захарова пригласила Ваху в гости, оказывается, юбилей покойного Якова Львовича. А у них гость из Израиля, коренастый, но еще крепкий старик: так же крепко пьет вино. И хотя на их даче курить запрещено, этому гостю и в доме сделано исключение – Натан Моисеевич непрерывно дымит, на Мастаева не то что подозрительно, но как-то изучающее поглядывает. Вскоре устал, видно, опьянел, пошел спать, а слегка охмелевшая хозяйка Вахе поведала:

– Это двоюродный брат Яши. Кстати, тоже наш, в Грозном родился. Он в Отечественную войну без вести пропал. Я-то его и не знала, а родственники похоронили. И тут в конце восьмидесятых, в годы перестройки, Натан объявился, сам нас нашел, присехал. В Израиль все звал. А Яша – нет: могилка мамы! – она заплакала. – Уехали бы тогда из этой проклятой страны, мой Альбертик жив остался бы... Хотя все под Богом... Теперь зовут. А куда? Могилки теперь мои здесь. Сам знаешь – дело.

Дети, внуки — все здесь. Ваха, плесни вина, чуть-чуть, — она отпила, немного успокоилась, предалась воспоминаниям и вдруг ошеломила: — Натан-то, мне Яша говорил, был в «Моссаде» — большим чином. Поэтому, пока на пенсию не вышел, даже от нас скрывался... Кстати, он Яше в кое-каких делах помогал... Теперь постарел. Впрочем, как я... Тоже устала, пойду спать.

Ваха распрощался, но взбудораженный неожиданной информацией, не мог дома уснуть. Рано утром он вновь был на даче Захаровых.

— Что случилось, Ваха? — хоть она и женщина, в возрасте, да он почти все как есть ей рассказал, тем более что она Кнышевского, соседа, тоже знала.

— Вообще-то этот Кныш мерзкий был тип, — откровенно говорила Захарова. — И Яша его не любил, называл стукачом. Но раз ты просишь... Натан! Позовите Натана.

Они вместе завтракали:

— Натан, я тебе о Вахе много рассказывала. Он нас не раз спасал, помогал. А сейчас он мне как сын, Аиде — брат родной. Выслушай его. Если сможешь, помоги ему.

Ваха понял — это был настоящий разведчик, профессионал. Рассказ Мастаева его не удовлетворил, и он еще очень много задавал, казалось бы, совсем не по теме вопросов, выяснял нюансы, кое-что на непонятном для всех языке записал, но ничего не обещал. Более его Ваха не видел и даже позабыл.

А прошел месяц-полтора, и на совещании главный менеджер компании «Захаров и партнеры» сообщил:

— Ваха Ганаевич, какой-то делец из Австрии предлагает нам компьютеры и комплектующие по очень смешной, низкой цене. — Упорно визу просит, хочет приехать, сотрудничать. А у нас договора на год вперед.

— Ну а что мы теряем? — прозорлив начальник. — Дайте визу, а вдруг, действительно, выгодно.

И об этом эпизоде Мастаев, естественно, забыл. А вот вскоре менеджер зашел к председателю:

– Ваха Ганаевич, помните новый партнер из Австрии? Прибыл. Прайс – вроде ничего, хотя я понял – в технике он ни бумбум. С вами лично хочет переговорить.

– Переводчик на месте?

– А он по-русски сносно болтает, можно понять.

Такие встречи не редкость, однако, увидев этого бизнесмена, Мастаев насторожился. А гость широко улыбается. И еще не успел сесть, как вместе со своей визиткой прямо к глазам поднес еще одну – «от Натана Захара».

Сев, говоря общие приветствия, иностранец почему-то осмотрел потолок, потом перешел к контракту, а позже:

– Почему бы нам не обсудить наше дело в более теплой обстановке. Я очень люблю русскую кухню.

Вечером они ужинали в ресторане, и партнер говорил:

– Для Натана и его друзей – все бесплатно. Но есть моменты, где надо проплатить.

– Я готов, – на следующий день был заключен контракт на поставку компьютеров, и как предоплата первая сумма ушла в Европу.

С тех пор еще раз приезжал «бизнесмен» из Австрии. И на сей раз так совпало, что концерт Марии и эта встреча почти одновременно.

Они встретились в огромном, шумном пивном ресторане на Новом Арбате. Информация потрясающая. На счетах оффшорных фирм в двух крупнейших швейцарских банках – «UBS» и «Swiss Credit» – огромные суммы, принадлежащие Кнышевскому.

– А знаете, кто второй доверитель счета, партнер? – улыбается иностранец. – Вы – Ваха Мастаев. Есть копии вашего паспорта, загранпаспорта и справки об «опекунстве» из суда.

– У меня никогда не было загранпаспорта, – удивился Мастаев.

– С такими деньгами, тем более в России, господин Кнышевский многое мог.

– А сейчас он жив?

– Абсолютно так. Ибо ежемесячно, а иногда и чаще, с его собственноручной подписью, приходит требование перечислять небольшие, по их масштабам, суммы – миллионов пять-десять-двадцать на другие оффшоры, на далекие острова.

– А почему не все сразу?

– Очень опасно. Такая сумма... Масса подозрений, прочее. Потихоньку выгребают.

– А подпись Кнышевского – не подделка?

– Все подписано собственной рукой, экспертиза подтверждает. Более того, ведь Кнышевский каждый раз сам лично в банк звонит, все объясняет и просит.

– Вот это да! – Мастаев потрясен.

– Есть вариант, – предлагает агент. – Вы выезжаете из России, мы гарантируем – вас никто не достанет. Объясняете ситуацию, и через год, по решению суда, как наследник – вы очень богатый человек, потому что Кнышевского уже не будет, и никакой розыск его не найдет.

– Нет, – категорически возразил Мастаев, и не только потому что из-за малейшего поползновения Кнышевского ликвидируют, он не хочет к этим деньгам отношение иметь, зная, что они «заработаны» на чеченских войнах. Но это в прошлом, а ныне Митрофан Аполлонович – друг, в тяжелой беде, в неволе. И Ваха интересуется:

– А кто «выгребает» со счетов, узнать можно?

– А там оффшоры. Но, я думаю, вы догадываетесь, люди не простые, себя просто так в обиду не дадут.

– И долго еще будут «выгребать»?

– Вы хотите спросить, сколько еще Кнышевскому жить? Факторов много... Аппетиты. Финансовое и политическое положение в мире и в России... Думаю, полгода, максимум год.

– Следом я и мой сын, – почти утвердительно сказал Ваха.

– Да, – сух голос иностранца.

– Что мне делать?

– Не знаю, – грустно улыбнулся агент. – Но то, что в вашем голосе и взгляде нет паники, – вселяет оптимизм.

— Мне надо найти Кнышевского... Лишь вместе мы сила.

— Да. Лишь вместе вы выживете... В связке вы одной, — угадал иностранец. — Что мы могли — сделали. А в России свои законы, свои спецслужбы, не всегда работающие в интересах страны. Ведь Россию умом не понять. Здесь мы бессильны. До свидания.

Мастаев остался один. В ожидании счета он думал, какой сегодня неудачный день. Вначале встреча с Марией — не в радость, затем этот кошмар.

В таком ужасном настроении он вышел на Новый Арбат. Под стать его состоянию была и погода в Москве: низкие, темные тучи; нудный, моросящий дождь, ветра нет, зато смог, разъедающий его больные легкие, гул бесконечной вереницы едва ползущих машин, похабная мелодия из динамиков на всю округу; и хмурые, отчужденные, унылые лица кругом.

— Эх, сейчас бы в родные горы Кавказа, на Басхой-лам, подышать чистым воздухом, хотя бы напоследок, — приговоренно подумал Ваха. Тут же вспомнил своего сына, Марию. «Да что я за мужчина? Или меня моя мать в яслях-качалках растила? Или я трус — сдаюсь? Почему я не могу защитить своего сына? А ведь у зятя Кнышевского, замминистра Смирнова-Деревяко двое сыновей. Вот и надо, как легендарный Инкота, над костром станцевать... Да, он в Москве, как чеченец, никто. К тому же, может быть, под присмотром, а может, просто почудилось — мания величия. В любом случае — ну и что? Ну и что, что его проглотили и он в чреве чудовища-кита. Ведь это хорошо, значит, он еще герой и должен, обязан «станцевать» на сердце тирана... А ведь Мария не зря накануне сказала: блеска в глазах нет... Отъелся, жирком оброс, москвич, обыватель, согласный с «итоговым протоколом», у которого и выбора нет.

— Есть! — вдруг неожиданно для самого себя крикнул в полный глас Мастаев, так что прохожие шарахнулись от него, как от прокаженного.

А ему неожиданно отчего-то стало радостно, ведь он всегда не как все: чеченец, неменяемый. Вопреки всему... От этих

мыслей кровь, как барабан, словно покоряет Басхой-лам, в висках, а в груди стал возгораться жар.

«Надо найти и спасти Кнышевского», — твердо решил он. Главное, он живой. Где-то рядом — в Москве или Подмосковье. Тут же, как подсказка, он увидел прямо напротив, через дорогу, огромный магазин — «Московский дом книги». Нужна карта столицы и пригорода.

Через подземный переход он перешел и уже входил в магазин, как увидел на ступеньках мужчину, как Кнышевский, присосавшегося к сигарете и чем-то напоминающего его.

Ваха уже давно не курил, а тут как потянуло. И главное, он подумал, что Кнышевский, небось, тоже очень хочет курить, а есть ли у него табак?

Не заходя в магазин, Мастаев двинулся вдоль броских витрин в сторону ларька «Табак», а тут в ряд стеллажи — книжный развал — дорогие книги, все обернуты в целлофан, чтобы не промокли. И его взгляд, ищущий карту, выхватил название — «Атлас офицера».

— Очень редкая, хорошая книга, всего шесть тысяч, — подсказал молодой продавец-туркмен (москвичи в непогоду уже и книги продавать ленятся). — Сейчас покажу, — продавец ловко стал сдергивать целлофан с книги. Вдруг Мастаев увидел в самом низу без целлофана и уже обляпанный, до боли знакомый томик ПСС Ленина... Он наклонился, помня, что это шикарное издание всегда стояло на почетном месте, за стеклом. Раскрыл и словно током — на первой странице четкая печать — «Чечено-Ингушский обком КПСС — Дом политпросвещения», а перед глазами коллекционер ленинизма Кныш — Кнышев — Кнышевский:

— Сколько стоит?

— Э-э, — задумался туркмен. — Сейчас спрошу, — он стал набирать мобильный... А-а, эта грязная синяя книга, внизу, сколько стоит? — справляется у хозяина прилавка, а Мастаев выхватил трубку:

— Сколько стоит Ленин?

– Три тысячи... За две пятьсот отдам, – четкая дикция москвича.

– Это одна книга?

– Нет, полное собрание.

– Полное собрание Ленина, 55 томов стоит в два раза меньше, чем какой-то «Атлас офицера».

– Хе-хе, да кому Ленин нынче нужен?

– Мне нужен. Полное собрание, – разгорячен Мастаев. – Срочно, две, нет, три цены – за скорость доставки.

– Э-э, – как туркмен, задумался хозяин. – Понимаете, это сосед по даче.

– Где сосед? Телефон?

– Э-э, простите, а я не продешевил, или крамола – ленинизм возвращается?

– Вы не продешевили, продешевил сам Ленин с народом, то-то его не хоронят... А ленинизм никуда и не уходил, был, есть и будет, пока мы такие рабы.

– Э-э, не телефонный разговор.

– Да, деньги и товар пока что по эфиру не передаются, – возбужден Мастаев. – Где мы встретимся?

Как ни торопился Мастаев, подключив все свои силы и возможности, а лишь через два дня он попал в Талдомский район, что в трехстах верстах на север от Москвы. Местный дачник – коллекционер, увидев решительный вид Вахи, выложил тома Ленина и прочую советскую атрибутику, которую доставляет местная алкоголичка – ее запасы безграничны, как и потребляемая ею водка. А фамилия у нее, как у матери, Рябинова. Вот почему Ваха их не мог найти.

Войдя в дом, если его можно было так назвать, где жила сестра Кнышевского и ее сожитель, Мастаева чуть ли не вырвало, вылетел пробкой. И тут добрые односельчане подсказали – рядом живет мать.

Все-таки трудно Вахе понять своего друга Кнышевского, как и всю Россию. Ну как можно? Столько денег иметь, себе квартиры и замки отстроить. А дом матери?... Древняя, пере-

косившаяся лачуга, как и ее обитательница, уже сгорбленная, совсем беззубая старушка, и глаза затуманенные, блеклые. А Митрофан Аполлонович – в нее, и на него она жалуется:

– Пропал, мой родименький, пропал... Он всегда вот так пропадал на год, бывало и больше, а потом объявится, как летний снег – на час-два, и вновь исчезает. Иногда письма и телеграммы шлет. А в последний раз был – две ночи ночевал здесь: грустный, беспокойный. Постарел. Все меня обнимал, целовал. А сколько еды накопил, сказал, что месяц будет здесь, а потом меня в царские хоромы увезет. А через два дня вдруг засобирался и опять пропал.

– А когда это было? – осторожно спрашивает Мастаев.

– Под Новый год... с тех пор еще справила Новый год, и еще на носу, и мне помирать пора. Денежек на похороны и поминки нет, пенсию дочка отнимает, пьет, зараза. А Митрофанушка, родименький, все никак не объявится. Вот только странное письмоцо прислал.

Под слежавшимся, затхлым, измызганным матрацем целый склад корреспонденции и даже потемневшие «треугольники» военных лет (вот откуда у Кнышевского страсть к коллекционированию), – а это письмо совсем свежее, очень краткое и туманное. На одной стороне явно книжного листка почти полностью стерт или чем-то выведен типографский текст и крупно: «Мама, прости! Твой Митрофан!» А на другой для Мастаева очень знакомое:

«11.08. 1921 г. Наши дома – загажены подло. Закон ни к дьяволу не годен. Надо в десять раз точнее и полнее указать ответственных лиц (и не одного, а многих, в порядке очереди) и сажать в дурдом беспощадно. Ленин».

– Вы кому-нибудь показывали это письмо? – встревожился Ваха.

– Да, – махнула рукой старушка, – сосед плечами повел, а участковый – пить меньше надо. А я в жизни не пила. Вот только дочь в кого – не знаю.

– А кто письмо принес? – допытывался Ваха.

– Не знаю, я козу доить пошла, вернулась, а это на столе.

– Могу я это письмо забрать? – выложил на стол почти все содержимое кошелька. – С возвратом.

— Да ради Бога... И ничего не надо. Заберите, я не нуждаюсь. — И когда Ваха уже выходил: — Вы помогите сыночку, он добрый, а сейчас, чует мое сердце, в беде.

Выехав подальше за село, Мастаев остановил машину, при ярком, солнечном свете еще раз прочитал текст. Он точно помнит, у Ленина написано «сажать в тюрьму». А тут «дурдом». Так оно и есть, капельки потека какой-то жидкости, может, кислоты, «тюрьму» вытравили и искусно вывели «дурдом».

— Как я сразу не догадался? — подумал Ваха. — Меня ведь тоже упрятывали в дурдом — самое надежное место...

* * *

«Удивительное дело — демократия по-российски», — первая мысль Мастаева, когда он подъехал к давно забытым местам. Ведь его поместили в психоневрологическую клинику в период развала СССР, но социализм тогда как-то еще существовал. И он помнит, что бы ни было внутри, но снаружи — настоящий коммунизм: ухоженный парк, цветущие клумбы, аллеи, фонтан, музыка и радужные транспаранты. И даже помнит, как перед клиникой какие-то правозащитники устроили митинг, требуя его освобождения.

А теперь? Теперь высоченный, мрачный забор и не только парк, даже вывески нет — что это за учреждение.

Сам Мастаев «светиться» не стал, водителя послал к металлическим воротам. Всюду камеры, в микрофон грубый хрип: «Иди подальше». Так Ваха и сделал — издали стал вести наблюдение. В первый день — ничего. А на второй сообразил: из ворот каждый вечер выезжает автобус с затемненными стеклами. В Москве у ближайшего метро пассажиры стали выходить — ее не узнать невозможно — его лечащий врач Зинаида Анатольевна на голову выше всех, только с возрастом заметно сгорбилась.

Приобрести билет в метро Ваха не успел — прыгнул через турникет. А более проблем не было: следить за долговязой докторшей, что, сев, закемарила, — оказалось проще простого. Прав-

да, ехали долго, почти через всю Москву, с пересадками, потом автобусом, и если бы Вахе сказали, что есть и такая Москва, он в жизни бы не поверил.

Какие-то довоенные или, может, даже дореволюционные, деревянные, покосившиеся бараки, грязь, мусор. Скрип перекошенной входной двери; вонь, смрад, полумрак, пол под ногами проваливается. А Зинаида Анатольевна где-то исчезла. Радио орет во всю мощь. И пока Мастаев оглядывался, перед ним вырос толстый, какой-то грязный, вонючий от перегара мужик с сальными волосами и жидкой бородой.

— Тебе чего? — как хозяин территории подбоченился он.

Мастаев сразу же всучил небольшую купюру, словно откупаясь, и спросил:

— Где проживает Зинаида Анатольевна?

Мужик не понял. Тогда Ваха просто показал рост. — А-а, докторша... Второй этаж, налево, вторая дверь, — у которой Мастаев немного выждал, потом постучал.

— Кто, кто там? Нет у меня денег. Зарплаты еще не было, Кузьмич...

— Я Мастаев, — не очень громко отозвался гость.

— Кто? Как вы сказали? — вряд ли она вспомнила, то ли вовсе не услышала, но после настойчивого стука дверь раскрылась.

Сквозь толстые линзы видно — пытается вспомнить.

— Я Мастаев, Ваха Мастаев, много лет назад — ваш пациент.

— А-а, вспомнила. Проходите, проходите, — через всю комнату висит постиранное белье, потолок весь в подтеках, местами обвалилась штукатурка, но в комнате чистота. У окна сидит девочка-подросток, видать, делала уроки, теперь с подозрением косится на гостя. — Проходите, садитесь... А я как увижу по телевизору войну в Чечне, сразу вас вспоминала... А вас не узнать, возмужали, молодцом, — доктор значительно сдала. Но это не только годы, хотя они летят.

И Ваха торопится, поэтому с ходу:

— У меня дело к вам, — он посмотрел на девочку.

— Моя племянница, сирота, со мной осталась... Маша, пойди к тете Клаве. Только на улицу не выходи.

Пока племянница надевала куртку, Ваха отчего-то посмотрел на потолок, словно боясь, что обвалится. А хозяйка будто оправдывается:

— Я-то родилась в центре Москвы, на Покровке... Тебе, кажется, рассказывала: папу моего якобы за антисоветскую агитацию репрессировали, попал в нашу клинику. На моих руках умер. Я с тех пор по общежитиям. А теперь уже лет двадцать здесь. Столько же в очереди на жилье стою. Объявили — ныне рынок. Но гуманизм есть, таким как я, дадут квартиры по себестоимости, а это два миллиона. А я всего двадцать тысяч получаю, еле концы с концами свожу. А тут хотят и эти бараки снести, соседний уже подожгли. Здесь многоэтажки собираются строить... Маша, я тебя позову, — она проводила девочку, вернулась к гостю. — У вас проблемы со здоровьем?

— У меня вроде нет, — улыбнулся Ваха. И, зная, что в клинике у многих имена не обозначены, даже врачи не знают, а даны клички, он достал из кармана фото Кнышевского. — У вас там есть такой?

По ее реакции он понял, что есть, а она, пытаясь скрыть, все же ухмыльнулась:

— Помните, вас нарекли — вождь-Ленин, а этого — Больной Ленин, потому что он всегда цитирует его.

— Как он?

— О! За ним присмотр, уход, все, что угодно. Как царь. Только взаперти.

— Я могу с ним связаться?

Зинаида Анатольевна задумалась, с удивлением посмотрела на гостя:

— Вы помните, как вас охраняли? Так его в десять, нет, во сто крат строже берегут. К тому же и техника сейчас иная.

— Надо, очень надо.

— У меня-то и мобильного нет.

— У вас будет все!

Она задумалась.

— За Машу боюсь, а я, — она махнула рукой.

— Помогите, пожалуйста, я очень прошу.

– Я попытаюсь... Хотя «Бог» лично его ведет, всегда на обходе рядом.

– «Бог»? Это тот? – припоминал Мастаев.

– Да, тот Бог, смотрящий, был как бы сам больной. Помните, вы его как-то изрядно отколошматили – исключительный случай! До сих пор все вспоминают. А я! Только за это постараюсь помочь. Но мне надо время... И, кстати, этот «Бог»-то теперь главврач клиники, мразь!

В тот же день у Зинаиды Анатольевны появилось два мобильных телефона, второй – вдруг получится связь с Кнышевским. И в тот же день Ваха был у Захаровой. Он, конечно же уже преуспевающий человек, бизнесмен, но позволить себе еще купить квартиру для Зинаиды Анатольевны не может, хочет взять в долг у компании «Захаров и партнеры», просит у бабушки согласия, объясняя ситуацию, а она:

– Этого Кныша Яша не любил, стукач. Но раз ты просишь, да и времена другие, то делай по совести, я тебе верю.

Ваха благодарит, при этом вспоминает слова деда Нажи – время и времена не меняются – это в руках Бога. Меняются люди в силу обстоятельств... А как изменилась Зинаида Анатольевна, когда Мастаев привел ее в двухкомнатную новостройку. Не совсем центр, но и не захолустье:

– Как я это отработаю? – взмолилась доктор. – Не смогу.

– Это вы уже отработали, спасая меня, – говорит Ваха. – И ничем, никому не обязаны... Но я прошу вас помочь, если можете.

– Я пытаюсь... Сделала первый шаг, – назвала на ухо ваше имя, а он в обморок. Меня было от него категорически отстранили, сам «Божок» кричал, а я диагноз – прогрессирующая шизофрения – он играет, и...

– Что это значит?

– Это значит, что придется подгонять анализы. Кстати, мы в этом много раз практиковались – по приказу, а теперь – хоть раз придется вопреки: инсульт, отек легких, потеря речи, памяти, чего «Божок» очень боится.

– А в итоге? – нетерпение в голосе Мастаева.

– Итог не известен, все под Богом, но не «Божком». А цель такова, что если я ранее навещала в палату вашего друга раз в месяц, то теперь должна быть почти всегда рядом или пригласить доктора со стороны.

– Вы должны быть!

– Это не я решаю, но постараюсь... На будущей неделе что-то соображу, – Зинаида Анатольевна странно улыбнулась. – Знаете, я сама этой авантюрой заразилась, тем более что такой куш на кону, – она с восторгом осмотрела стены новой квартиры и тут же, опечалившись: – Тем более что у меня свои счета со всеми: ныне есть резон.

Буквально через пару дней Зинаида Анатольевна сама позвонила Мастаеву. Они встретились в метро.

– Мой пациент отказался звонить – все под прослушкой, – она возвратила Вахе мобильный. – Он хочет вам написать. Как это организовать – пока не знаю.

– Как он? – нервничает Мастаев.

– Я думала, он просто подыгрывает, а он действительно на грани нервного срыва... Я ведь теперь часто с ним. Почти всегда меня сопровождает «Божок». По-видимому, они старые друзья или сослуживцы. В общем, им есть о чем вспомнить. А на днях Больной Ленин что-то сказал, я не поняла, а «Божок» на него с кулаками. Охрана еле уняла... А в палате было ПСС Ленина – «Божок» приказал все вынести, сжечь... Мой пациент сильно плакал, я боялась и очень боюсь, как бы он не сорвался – он так смотрит на меня, вдруг выдаст.

– Он не выдаст, – твердо заверил Мастаев. – Вы только поторопитесь.

– Пока не могу... Да и этот «Божок» в последнее время постоянно с ним, что-то они там «перетирают».

– А кто еще с Больным Лениным общается?

– Да, в месяц раз, порой два, приезжают очень важные люди, и нашего пациента уводят в административный корпус. После этого он сутки-двое в себя прийти не может, мы откачиваем.

- Уколы? Наркотики?
- Плюс психотропные... Он долго не выдержит. Им и не надо.
- Поторопитесь, пожалуйста.
- Все, что могу. Есть один шанс.

Ему казалось, что время остановилось, он очень долго ждал, более недели почти что держал телефон перед глазами, уже сам хотел поехать к доктору – звонок. Они вновь в час пик в метро. И она, словно обжигает руки, сунула ему листок и ушла. Только позже рассказала, как было.

Лишь в допотопном узеньком лифте, что спускается в подвал, где рентген-кабинет, наверняка, как думала Зинаида Анатольевна, не было камер слежения.

Она заранее предупредила пациента на ухо «будьте готовы», а он чуть не выдал, громко простонав: «Быстрее, я давно готов».

Задача доктора заключалась в том, чтобы в день рентгена к Больному Ленину был приставлен очень тучный охранник, который один еле в лифте помещается.

Вот и произошла невинная ситуация: доктор и пациент поехали в лифте одни, в первый раз одни. Всего три этажа, да Зинаида Анатольевна тоже не хилая и свой лифт знает, подпрыгнула – лифт застрял. А она приготовленный листок и ручку Кнъшевскому. Трех минут, пока лифт вновь тронулся, вроде бы хватило.

Нетерпение Ваху съедало, лишь дома, вооружившись лупой, он сел за текст. Все четко, а самое начало его даже растрогало:

«Тов. В.Г.М.!

1. Отправь сына на Кавказ, в самое безопасное место.

2. Я знал, ты по моей «звериной» тропе, по нюху пойдешь, найдешь. В одной связке, за мной ты, и сам знаешь, кто далее.

«Итоговый протокол» вроде готов, и у нас как будто «выбора» нет. Но ты еще раз докажи, что твоя мать тебя не в люльке-качалке растила. Станцуй от души лезгинку на сердце чудовища. А я дальнейшую тропку зверья подскажу: мать, погребок, дела.

Выбери дело «Бога» (только его, остальные тебе не по зубам). Может, это и поразительно, но его настоящая фамилия

Вейсброд. Этот трус и мерзавец на Новый год поедет в Вену, будет жить в моем доме (адрес).

«Божок» а) сможет и должен вытащить меня;

б) деньги, нам нужны будут деньги. Открой счет в Вене на наши имена и покажи «Божку» (сумму указал Ленин).

3. Тов. В.Г.М.! Живи по своим мифам и сказкам – в них счастливый конец, потому что чеченский герой, как герой вообще, – бессмертен. Однако в деле «Вейсброда – Божка», прошу тебя, действуй по-ленински – по-пролетарски – беспощадно с властью имущими (этим зверьем!), ибо сейчас нам, действительно нечего терять, кроме своих цепей... Но мы победим! Победа будет за нами! ПСС, том 32, страница 186. С комприветом! Кныш».

* * *

Вроде враги, или это зверье, как определил Кнышевский, «разжирело», погрязло в своих подковерных делах, расслабилось и совсем оставило без внимания Мастаева. Однако он не хочет рисковать. И в целях конспирации, под видом грибника, он на электричке отправился в Подмоскowie. И, думая, что мать Кнышевского его не признает:

– Бабуля, вы продаете козье молоко?

– О-о! Это ты? А я тебя ждала, от сыночка, Митрофанушки, есть вести?

Погребок небольшой, сырой, запредельный, темный. И Мастаев так взмок, обессилел, раскапывая все подряд, что надежду потерял, вылез:

– Бабуля, а может, кто еще до меня лазал?

– Никто... А ты молочка попей.

Мастаев еще раз полез под пол. И не только устал, а чуть ли не моральный надлом, и даже батарейки второго фонарика садились, как он в последний раз изо всех сил пикой ткнул – леденящий скрежет металла, а как он душу взбодрил.

Все-таки Кнышевский не все написал – кода нет. И на специально снятой, тайной квартире Мастаев еще сутки не мог

вскрыть металлический увесистый дипломат – даже «болгарка» не взяла, лишь автоген.

Сколько же в нем материала! Знал Кнышевский своих «родственников», своих друзей-партнеров-сослуживцев. Как грабят страну! Какая богатая и какая несчастная Россия и ее народ! «Итоговый протокол» – печальный, и неужели «выбора» нет?

Копался Мастаев долго. Есть электронные носители. Есть оригиналы документов, но в основном – копии. Многие Ваха понять не может и не хочет. А вот одно выяснил – Галину Деревяко на даче не Кнышевский убил, а родной брат... Этот чиновник, как выразился Большой Ленин, Мастаеву «не по зубам». И он дотошно изучает дело «Бога» – Божков Борис Савельевич, он же Вейсброд – врач-психиатр. В конце восьмидесятых – начале девяностых сам попал в психушку. Согласился сотрудничать с органами (был смотрящий, вот когда Мастаев его избил). С 1995 года – главврач психоневрологической лечебницы и клиники. Освоил за рубежом специальность по трансплантации человеческих органов. С тех пор за мощными стенами клиники с военизированной охраной пропало немало чеченских боевиков, российских офицеров, бизнесменов и бомжей всех мастей. А сколько детей и молоденьких девушек?... Однако это все, понятное дело, не задокументировано официально, это в основном изыскание Кнышевского, к которому приложен обширный материал – досье, подтверждающее диверсифицированный бизнес Божкова. А это не только медицина – процветают...

Мастаев мог грубо, по-ленински, как советовал Кнышевский действовать. Но лучше подстраховаться, к тому же он никогда не был за границей. И поэтому позвонил агенту Натана Захарова:

«Компания «Захаров и партнеры» хотела бы пролонгировать с вами договор поставки компьютеров на будущий год. Я бы хотел подписать контракт в Вене. Если это возможно, в преддверии Нового года. Заодно отдохнуть в Альпах. Прошу сделать визу. А до этого, пожалуйста, приезжайте срочно в Москву, обсудим кое-какие детали... Предоплату гарантирую».

* * *

«11.11.1918 г. «Тов. Вейсброд¹, вы оказались в Вене... Если можно (если у вас хорошие связи и прочее), попробуйте выручить мою библиотеку из Poronin (Galisien) (жил под своим именем): я ее оставил, как и вещи свои, в 1914 году там, на даче, должен был я доплатить 50 крон; теперь дал бы 100 000 000, если бы выручил библиотеку. Но это... лично... Привет! Ваш Ленин!»²

Тут же приписано: «Точнее – Большой Ленин! С приветом!» и австрийский телефон, и «Конфиденциальность в ваших интересах».

К этому, как бы новогоднему посланию приложены диск с материалами и несколько фотографий и документов. И все это отправлено нарочным в бывший дом Кнышевского в Вене, где ныне праздновать с новой семьей – молодая жена и двое детей – остановился Божков-Вейсброд.

Как определил Кнышевский, а Мастаев это тоже знал, Божков «трус и мерзавец», но такая реакция – он тут же позвонил, голос по-прежнему тонкий, правда, не властный, и срывается на истеричный писк:

– Это шантаж! Я сейчас позвоню в полицию.

– Заодно и своим подельникам – министрам и генералам в Москву, – советует Мастаев, – которых вы предавали, продавали и будете продавать.

– Кто вы такой?

– Мастаев. Ваха Мастаев, по-вашему – Вождь. Вы меня вспомнили? Я ваш бывший пациент.

– То-то видно – дурак набитый!

– Да, справка «о невменяемости» у меня есть... Небось, и вы были в комиссии. Так что я перед законом невиновен. К тому

---

¹ Вейсброд Б.С. (1874–1942) – член РСДРП с 1904 г., с 1917 г. – комиссар лечебных учреждений. С 1922 г. – главврач Второй Градской больницы. Репрессирован.

² В.И. Ленин, ПСС. Т. 50, док. № 359. – С. 204.

же чеченец... Тут и политикой попахивает... Так что звоните в полицию, а я еще материалы представлю.

— Что вы хотите?

— Встретимся в кафе, напротив вашего, точнее отобранного у вашего друга Кнышевского, дома. В пять.

Если бы не голос, то Мастаев сразу бы не узнал Божкова: до того располнел, но на вид не постарел — холеный, ухоженный, правда, сейчас бледный, чувствуется — трусит. И руку не подал, и сел как-то бочком:

— Вспомнил я вас, вспомнил, — процедил он. — Жалко.

— Жалко, что не добили? — рассмеялся Мастаев.

— Один вопрос, — прошептал Божков и склонился поближе. — Кто из клиники «заложил»?

— Закладываете вы, — очень громко сказал Мастаев. — И Отчизну, и друзей, и сослуживцев, и даже бывшую жену.

— Не шумите. Тут не принято так громко говорить... Вот вам, — он положил перед Вахой пухлый конверт.

— Что это? Взятка? Откупаетесь?.. Сумма обозначена в письме.

— Хе-хе, — попытался выдать улыбку Божков. — Так там Ленин предлагает 100 миллионов Вейсброду.

— Правильно, — так же любезен Мастаев. — Только теперь, благодаря вам, Ленин-то больной. Помочь надо, срочно!

— Да вы что?! Действительно, больны... Столько нулей? Я и не представляю... Это в рублях?

— А ваши счета разве в рублях?

— У меня нет счетов!

— Как нет? Их так много, вы, наверное, запомнили? Мы вам поможем, — Мастаев положил перед собеседником пачку документов. — Если мы не ошиблись, то это все ваши оффшоры, ваши подписи и ваши личные сбережения.

Трясущимися руками Божков схватил бумаги, придвинул к лицу. Казалось, он готов их съесть:

— Кто это «мы», кто с вами? — он словно хотел спрятаться за этими документами.

— Мы хорошие люди, которые всего за десять процентов награбленного, по-мусульмански — закят — жертвоприношение, спишем все ваши грехи и долги перед всеми.

— Где гарантии?

— Гарантию выдаст ваш друг Кнышевский, когда вы его выпустите.

— Что? Это невозможно! Я требую...

— Молчать! — перебил Мастаев. — А то я прямо сейчас, как законенный вами дурак, начну вас избивать. Это не Россия, в полиции, может, разберемся? Надеюсь, вы помните, как я ногами мочу.

— Вы что? С ума сошли? Садитесь, не привлекайте внимание, — липкий пот на лице Божкова, он очень бледен, руки трясутся. — Давайте поговорим... Дайте подумать.

— Думать надо было раньше... И болтать более не о чем. Одно излишнее движение, и материалы по электронке пойдут по многим адресам, в том числе и вашим друзьям, а оригиналы вашего досье в банке... Так что исполняйте быстрее. Вот счет для перечисления. А Кнышевского освободить.

— Как?

— Вам виднее. Срок — десять дней... Вот мои координаты в Москве, — Мастаев, вставая, бросил перед врачом визитку, и склонившись к уху: — А жить, небось, хочется? И дети малые... Казалось, рай на земле? Но не вы Бог, вы про Бога забыли.

...Все-таки в изворотливости и догадливости Божкова сомневаться не приходилось.

Ну и что он сделает рядовому доктору Зинаиде Анатольевне? Только попросил ее написать диагноз Больного Ленина: «подозрение на опухоль в головном мозге».

Магнитно-резонансного томографа в клинике нет — пациентов, если надо, возят в другую городскую больницу. Больной Ленин должен быть здоровым. Вот и повезли его на обычной машине «скорой помощи», как положено, водитель, сопровождает доктор Зинаида Анатольевна и тот самый тучный охранник, который накануне старый Новый год водкой с пивом отмечал, от ерша зевает... А пациент, то ли сам сбежал, то ли ему

помогли бежать... В общем, сам Божков об этом инциденте узнал, находясь в тяжелом состоянии в госпитале – гипертонический кризис. Несмотря на это, он, взволнованный, позвонил первым делом зятю Кнышевского, а ведь в милицию не позвонишь, – сама милиция Кнышевского давно ищет.

А Митрофан Аполлонович в это время в машине Мастаева перодевался, располнел на халявных харчах. Сзади их сопровождает на джипе Башлам с земляками. А Кнышевский первым делом:

– Ваха, ты герой! Не воспитывала тебя Баппа в люльке-качалке. А где мой дипломат? – поехали на съемную квартиру.

Кнышевский из затемненной машины не выходил, бегло осмотрел содержимое своего чемоданчика, и новый приказ:

– На Лубянку.

– Вы что? – поразился Мастаев.

– Быстрее на Лубянку, к станции метро «Лубянка».

Из-за столичных пробок к центру проехать нелегко.

– Вы опять в пасть чудовища? – это Мастаев.

– Да, полтора года об этом в дурдоме думал, мечтал.

– А я как?

– Срочно в Чечню... Но не скрывайся и не волнуйся. Я тебя сам найду.

Кнышевский вновь надолго пропал. Однако по телевизионным репортажам Ваха знал, что Митрофан Аполлонович есть, потому что сообщили – высокопоставленный чин (понятно, зять) вместе с родными и друзьями охотился на снегоходах по льду Чудского озера, внезапно лед обломился. Вроде нашли пару снегоходов без седоков, и то в стороне. В общем, следствие идет. Озеро холодное и глубокое – даже водолазы никого не нашли.

А следом еще из криминальной хроники: сгорела дача известного врача, вся семья Божкова крепко спала.

И еще с месяц разные несчастья. Впрочем, журналисты их всегда находят... Вот и Митрофан Аполлонович Мастаева нашел:

– Ваха! Ты, как герой, хочешь танцевать на моей свадьбе? Тогда позвони Виктории Оттовне, дай согласие и благослови.

– При чем тут я?

— Оказывается, при всем. Ты ведь герой! Я калым плачу в десять раз больше, чем сам Ленин, — в подарок миллиард из бюджета на восстановление Грозного. Назовешь моим именем наш проспект?

— Я уже восстановил наш «Образцовый дом проблем», все свои квартиры через суд вернул. И вам с Викторией Оттовной, как свадебный подарок, дарю вашу бывшую квартиру над чуланчиком. Уже сделал ремонт, приезжайте.

— А когда вы с Марией женитесь?

— На днях Мария приезжает, у нее в новом Концертном зале сольный концерт.

* * *

Мария всегда знала, что Мастаев-старший ненормальный. И она после стольких лет впервые прилетела в Грозный, а Ваха не встречает, зато Макажой сияет, родной. Как они соскучились друг по другу!

— Я тебе покажу новый Грозный! — повзрослевший Макажой уже сам водит машину.

— Ой, даже не верю! Не может быть! — счастливо плакала Мария, глядя на возрожденную столицу.

— Вот наша мечеть! А как тебе наши парки, проспекты, фонтаны?! В этом прекрасном дворце будет твой сольный концерт. Вот, видишь, твои афиши!

— Неужели это я?! — смеялась сквозь слезы Мария. — Такая молодая, красивая!

— В жизни ты еще моложе и красивее.

— Мне уже сорок!

— Юбилей!.. И скажу по секрету, ты получишь орден «За заслуги перед республикой», а еще звание народной артистки.

— Это все мой Ваха, — вырвалось у Марии.

— А еще «твой» Ваха отреставрировал в Москве твоё фортепьяно. Помнишь, в Макажое с пчелами стояло много лет. До

сих пор, говорят, медом пахнет. Только сегодня привезли. В твою квартиру, в «Образцовый дом» заносят.

– А «Образцовый дом» стоит! Моя молодость! Первая любовь, – Мария стояла во дворе родного дома. – И чуланчик – все как было... А вон с той будки Ваха мне в окно второго этажа цветы подносил. Боже! И вывеска та же: «Образцовый дом проблем».

И в это время из подъезда вышел Ваха – одна роскошная роза в руке:

– Мария! Марша йогИла! Ты всегда была у меня одна, как этот цветок.

– Ваха! – она прильнула к цветку. – А помнишь, была надпись? – Дибирова вошла в светлый подъезд и замерла: как всегда, на белом лестничном пролете красным четко выведено: «Мария, я люблю тебя! И вечно буду любить!»

Июль 2009 г.

Оглавление

Часть I.....	5
Часть II.....	125
Часть III.....	211
Часть IV.....	311
Часть V.....	393